М. Богословскій.

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ

НА РУССКОМЪ СѢВЕРѢ ВЪ XVII В.

I.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1909.

Многоуважаемому Ивану Васильевичу Попову на добрую память от автора.

М. Богословскій.

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ

НА РУССКОМЪ СѢВЕРѢ ВЪ XVII В.

I.

Областное дѣленіе Поморья. Землевладѣніе и общественный строй. Органы самоуправленія.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1909.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мѣстное земское самоуправленіе въ Московскомъ государствѣ, утвержденное грамотами XVI вѣка, служило неоднократно предметомъ вниманія въ нашей исторической литературѣ. Но изслѣдователи подходили къ вопросу преимущественно съ одной только стороны, съ которой, впрочемъ, по изданнымъ источникамъ это и можно было сдѣлать, именно разсматривали лишь законодательство о земскихъ учрежденіяхъ. Фактическая сторона вопроса: жизнь и дѣятельность земскихъ учрежденій—оставалась въ тѣни благодаря недостатку матеріаловъ. Были тщательно изучены губныя и земскія грамоты XVI вѣка; но какимъ образомъ стремленія общества и воля законодателя, результатомъ сочетанія которыхъ и являлись эти грамоты, были осуществлены въ дѣйствительности и насколько они вошли въ жизнь—это было выяснено недостаточно. Цѣлью настоящей работы и было восполненіе такого пробѣла. При помощи привлеченнаго къ дѣлу соотвѣтствующаго неизданнаго матеріала авторъ поставилъ себѣ задачей изучить мѣстное земское самоуправленіе въ Московскомъ государствѣ съ его фактической, дѣйствительной стороны, показать, какъ учредительныя грамоты XVI вѣка осуществлялись въ жизни.

Сколько нибудь удовлетворительное рѣшеніе такъ поставленной задачи было однако возможно только при двухъ условіяхъ. Во-первыхъ, пришлось ограничить изученіе земскаго самоуправленія по времени, именно изслѣдовать его только за XVII вѣкъ, отказавшись отъ мысли познакомиться съ нимъ въ эпоху его разцвѣта, т. е. за вторую половину XVI вѣка. Относящіеся къ вопросу памятники XVI в. слишкомъ отрывочны и сохранились въ слишкомъ скудномъ количествѣ, чтобы по нимъ можно было дать сколько нибудь полную картину устройства и дѣятельности мѣстнаго земскаго самоуправленія за этотъ вѣкъ. Но стѣсненіе изслѣдованія рамками одного только XVII в. повлекло за собою и другое ограниченіе его—по мѣсту. Въ XVII в. пространство дѣйствія мѣстнаго земскаго самоуправленія въ томъ видѣ, въ какомъ самоуправленіе вводилось грамотами Грознаго, значительно съуживается. Самоуправляющіеся крестьянскіе міры изчезаютъ въ центральной области Московскаго государства, въ такъ называемомъ Замосковномъ краю, вмѣстѣ съ изчезновеніемъ тамъ государственныхъ черныхъ земель и свободнаго крестьянства, съ развитіемъ помѣстной системы и крѣпостного права, съ измельчаніемъ служилаго землевладѣнія, разбивавшимъ сельскіе міры, всетаки сохранявшіеся въ крупныхъ частныхъ вотчинахъ. Закрѣпощаясь, крестьянство выходитъ изъ земства. Съ его уходомъ всесословное земство XVI вѣка вырождается здѣсь въ отчужденныя

другъ отъ друга сословныя самоуправленія: военной дворянской корпораціи въ уѣздѣ и торговопромышленной посадской въ городѣ. Рознь между классами уѣзднаго населенія, рѣзко проводимая Уложеніемъ, противоположность интересовъ посада съ одной стороны, дворянскаго помѣстья и вотчины съ ихъ крѣпостнымъ населеніемъ съ другой и церковнаго владѣнія съ третьей—дѣлаетъ общую работу этихъ взаимно враждебныхъ общественныхъ силъ невозможной, разстраиваетъ мѣстное земство и поддерживаетъ ростъ военно-бюрократической власти воеводы въ уѣздѣ.

Въ иномъ положеніи находилась другая часть Московскаго государства, поморскій сѣверъ, гдѣ не было ни служилаго землевладѣнія, ни крѣпостного права и гдѣ составъ общества былъ гораздо болѣе однороднымъ, почти исключительно крестьянскимъ. Самоуправленіе оказалось здѣсь гораздо болѣе долговѣчнымъ и прочнымъ, пустило болѣе глубокіе корни. Возможно, что привычка къ нему привилась въ населеніи сѣвера еще со временъ новгородской республики, владѣвшей нѣкогда этими краями и высылавшей сюда своихъ колонистовъ, которые несли съ собой съ родины навыкъ къ самодѣятельности и духъ свободы. Вліяніе вольнаго города распространялось далеко за предѣлы ея непосредственной территоріи и складывало населеніе ея отдаленныхъ окраинъ въ общества, организованныя по образцу центра. Въ свою очередь и самыя природныя условія, среди которыхъ населеніе сѣвера должно было устраиваться и вести хозяйство, смыкали его въ хозяйственные союзы, представлявшіе изъ себя прочный фундаментъ для будущихъ земскихъ учрежденій, санкціонированныхъ государствомъ въ XVI вѣкѣ. Возможно, что эти учрежденія были даже подсказаны государству тѣми общественными организаціями, которыя сложились на сѣверѣ задолго до XVI вѣка. Такъ или иначе, земскія учрежденія Грознаго нашли себѣ въ Поморьѣ благопріятную, родную почву. Они здѣсь и оказываются гораздо крѣпче, чѣмъ въ служиломъ Замосковьѣ, хотя и здѣсь дѣйствуютъ по большей части подъ контролемъ всепроникающей воеводской администраціи. Съ болѣе или менѣе значительными отступленіями, они все же недалеко отходятъ отъ организаціи, данной имъ грамотами XVI в., и не требуется особыхъ усилій воображенія, чтобы отъ ихъ практики въ XVII в. дѣлать заключенія къ предыдущему столѣтію.

Такимъ образомъ опредѣлилась тема настоящей работы: Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII вѣкѣ. Изслѣдованіе приняло настолько большіе размѣры, что авторъ счелъ возможнымъ подраздѣлить его на двѣ части. Выпускаемая въ свѣтъ первая часть посвящена изученію тѣхъ географическихъ очертаній, въ которыя замыкалось самоуправленіе, далѣе того общественнаго строя, въ средѣ котораго оно должно было дѣйствовать, наконецъ, описанію самыхъ органовъ самоуправленія, т. е. земскихъ распорядительныхъ собраній и выборныхъ земскихъ властей. Эту часть можно назвать, слѣдовательно, какъ бы анатоміей земскихъ учрежденій XVII в. Слѣдующую часть авторъ намѣренъ отвести ихъ физіологіи и патологіи, изученію ихъ дѣятельности и причинъ, обусловившихъ ихъ упадокъ. Въ нее войдетъ анализъ дѣятельности земскихъ организацій въ тѣхъ различ-

ныхъ сферахъ, въ которыхъ она проявлялась, и тѣхъ отношеній, въ которыя стали другъ къ другу земство и государство въ XVII в.[1]).

Благодаря тому, что относящіеся къ вопросу источники были ранѣе затронуты лишь въ очень слабой мѣрѣ, работа по необходимости должна была получить подготовительный, черновой характеръ. Приходилось не обсуждать значеніе установленныхъ, готовыхъ фактовъ, а только добывать и устанавливать самые факты. Не будутъ лишними нѣсколько словъ объ этихъ источникахъ, о тѣхъ средствахъ, которыми авторъ располагалъ для достиженія намѣченной цѣли. Въ основу изслѣдованія были положены документы двухъ категорій. Во-первыхъ, для административно-географическаго очерка сѣвернаго края и для статистики поморскаго населенія авторъ пользовался писцовымъ матеріаломъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Вопросъ о степени достовѣрности этого матеріала подвергался недавно живому обсужденію[2]). Писцовыя книги ждутъ самой тщательной внѣшней и внутренней критики. Тѣмъ не менѣе авторъ до такой ихъ предварительной критической разработки—совершенно, замѣтимъ, по огромности матеріала недоступной единичнымъ силамъ—рѣшился пользоваться цифровыми данными книгъ, которыя онъ и привелъ въ составленномъ имъ спискѣ областныхъ дѣленій и въ таблицахъ, помѣщенныхъ въ приложеніи. За этими цифрами, можетъ быть и значительно иногда отклоняющимися отъ тѣхъ дѣйствительныхъ фактовъ, которые онѣ должны были изображать, все же нельзя не признать нѣкотораго весьма реальнаго значенія. По нимъ, напр., населеніе несло разнаго рода повинности. Соображаясь съ ними, правительство принимало свои мѣры и на нихъ основывало свои распоряженія. Пусть онѣ не рисуютъ факта, какъ онъ былъ въ дѣйствительности; онѣ по крайней мѣрѣ передаютъ намъ то представленіе о фактѣ, которымъ руководились ихъ современники. Впрочемъ тамъ, гдѣ удалось сдѣлать нѣкоторую, очень поверхностную провѣрку писцовыхъ итоговъ, авторъ привелъ въ таблицахъ и свои цифры, помѣстивъ ихъ въ скобкахъ. По этому же писцовому матеріалу составлены: перечень мелкихъ областныхъ дѣленій Поморскаго края: погостовъ, становъ и волостей, помѣщенный въ приложеніи I и географическая карта, не претендующая на полноту и точность, а лишь служащая необходимымъ пособіемъ для оріентировки читателя при изученіи областныхъ дѣленій.

Другую категорію документовъ, которыми пользовался авторъ, составляютъ бумаги двухъ приказовъ, управлявшихъ въ XVII вѣкѣ сѣверомъ Россіи: Новгородскаго и Устюжской четверти, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ числѣ такъ называемыхъ

---

[1]) Во вторую часть войдутъ слѣдующіе отдѣлы: I. Міръ, какъ поземельная община. II. Міръ, какъ церковный приходъ. III. Земское ходатайство. IV. Тяглая организація земскаго міра и его финансовое хозяйство. V. Волость, какъ судебный округъ. VI. Земство и администрація въ XVII в. VII. Дальнѣйшія судьбы земскаго самоуправленія на сѣверѣ.

[2]) *Готье*, Замосковный край въ XVII в., стр. 1—7.

„Приказныхъ дѣлъ“ [1]). Изученіе этихъ бумагъ представляетъ то преимущество, которое вообще даютъ архивы центральныхъ учрежденій, избавляющіе изслѣдователя отъ поисковъ по разбросаннымъ мѣстнымъ архивамъ. Въ эти два приказа сосредоточивались дѣла изъ всѣхъ далекихъ другъ отъ друга угловъ подвѣдомственной приказамъ территоріи. Изслѣдователь, работающій по документамъ центральнаго учрежденія занимаетъ положеніе, какъ бы стоя на возвышенномъ пунктѣ, съ котораго ему сразу открывается вся обозрѣваемая мѣстность. Притомъ содержаніе этихъ документовъ отличается разнообразіемъ. Въ центральныя учрежденія стягивались самыя разнородныя бумаги; однѣ двигались туда по своему офиціальному прямому назначенію, другія попадали совершенно непредвидѣнно. По тому или иному случаю вмѣстѣ съ офиціальной отпиской воеводы или въ составѣ какого либо судебнаго дѣла въ приказъ неожиданно залеталъ документъ, вовсе для него не предназначавшійся, какая нибудь, напр., частная переписка между лицами, которыя совершенно не расчитывали на такую судьбу своихъ произведеній.

Но автору пришлось испытать два затрудненія при изученіи этихъ „Приказныхъ дѣлъ“. Первымъ было ихъ количество, съ каждымъ годомъ XVII в. возрастающее въ геометрической прогрессіи, совершенно подавляющее силы одинокаго работника, и авторъ долженъ признать, что громадный запасъ приказныхъ дѣлъ имъ далеко не исчерпанъ, а это, конечно, не могло не отразиться на полнотѣ и точности изслѣдованія. Затѣмъ, въ немалое затрудненіе приводилъ автора тотъ видъ, въ которомъ эти дѣла хранятся въ архивѣ. Они до сихъ поръ остаются при той поверхностной описи, которая была имъ сдѣлана еще въ XVIII в. и, что еще досаднѣе, листы этихъ огромныхъ иногда дѣлъ, въ которыя развернуты были приказные столбцы, остаются до сихъ поръ не перенумерованными. Отсутствіе нумераціи листовъ чрезвычайно затрудняетъ ссылки на документъ. Автору пришлось самому при копированіи документовъ перенумеровывать листы наиболѣе важныхъ для него дѣлъ, что отнимало немало времени. Чтобы избѣжать упрека въ глухихъ ссылкахъ съ указаніемъ только № дѣла, заключающаго въ себѣ нерѣдко нѣсколько сотъ листовъ, приходилось снабжать текстъ книги и подстрочныя примѣчанія выписками изъ документовъ, хотя бы въ самомъ краткомъ видѣ, а это къ сожалѣнію неизбѣжно увеличивало размѣры книги.

Тѣмъ большее чувство благодарности испытываетъ авторъ къ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, не отказавшему помѣстить его трудъ въ своемъ почтенномъ изданіи.

Москва. 3 іюня 1909 г.

---

[1]) Въ ссылкахъ эти документы обозначаются буквами Пр. Д. безъ указанія архива.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

Судьбы Поморья до XVII вѣка.

„Поморскими городами“, Поморьемъ на административномъ языкѣ XVI и XVII вв. назывались мѣстности на сѣверѣ Европейской Россіи по берегамъ Бѣлаго моря, по Онежскому озеру и по рѣкамъ Онегѣ, Сѣверной Двинѣ, Мезени, Печорѣ и Камѣ съ Вяткою. Весь этотъ обширный край принадлежалъ нѣкогда Великому Новгороду. Его исконнымъ, первоначальнымъ населеніемъ было финское племя въ его различныхъ развѣтвленіяхъ. Къ XVII в. во многихъ мѣстностяхъ Поморья оно успѣло уже въ значительной степени исчезнуть, уступая мѣсто надвигающемуся русскому элементу и оставляя свои слѣды въ географической номенклатурѣ—въ этихъ звучныхъ финскихъ названіяхъ рѣкъ и селеній, которыя слышатся и до сихъ поръ въ сѣверныхъ уѣздахъ; въ народныхъ преданіяхъ о Чуди, боровшейся съ появлявшимися среди нея новгородскими выходцами;[1]) наконецъ, въ археологическихъ остаткахъ—въ старыхъ дворовыхъ мѣстахъ, „вѣковыхъ, годовъ за двѣсти, чудскихъ дворищахъ“ и „чудскихъ печищахъ“—усадьбахъ, поросшихъ уже большимъ чернымъ лѣсомъ, указанія на которыя встрѣчаются въ разнаго рода актахъ XVII в. при обозначеніи земельныхъ угодій[2]).

Съ незапамятныхъ временъ въ Поморскій край шла русская колонизація, частью изъ Суздальской земли, выходцами которой былъ основанъ городъ Устюгъ, но главнымъ образомъ изъ Новгородскаго края. Послѣдняя направлялась промышленными интересами, которые въ древнемъ новго-

---

[1]) Труды Этнографическаго отдѣла Общества Любит. Естествозн. Антропологіи и Этногр. кн. III, вып. 2, стр. 7; *Поповъ*, Колонизація Заволочья. Бесѣда 1872 г. № 2.

[2]) Р. И. Б. XIV, стр. 841; Пр. Д. 1650 № 28: „Царю государю.. бьетъ челомъ сирота твой, государевъ, Устюжскаго уѣзду съ Верхъ-Югу Никольскіе слободки бобылишка Назарко Ивановъ сынъ Шебунинъ съ товарищи. Сыскалось, государь, выше Никольскаго приходу вверхъ по Югу рѣкѣ на рѣчкѣ на Андангѣ на суземѣ *на черномъ лѣсу чудскія печища, и лѣсомъ, государь, тѣ чудскія печища поросли большимъ обоймы дерево по полуторѣ и по двѣ, и больше*“.

родскомъ движеніи на сѣверъ были преобладающими. Значительное число монастырей въ лѣсахъ сѣвера и по берегамъ Бѣлаго моря было основано новгородскими отшельниками, но все же монастырская колонизація играла здѣсь не первую роль, и первоначальной распространительницей новгородскаго владычества на сѣверѣ надо считать вооруженную промышленную ватагу ушкуйниковъ, очень напоминавшую подобныя же нормандскія ватаги подъ предводительствомъ викинговъ. Ватага захватывала выгодныя для промысла мѣста у финскаго населенія, строила крѣпостцы, заводила поселки на этихъ мѣстахъ и облагала данью или просто грабила туземцевъ. Пушное богатство, рыбный и соляной промыслы—вотъ что манило къ себѣ новгородскаго промышленника капиталиста, снаряжавшаго экспедиціи, которыя проникали на отдаленныя Каму и Печору, переваливали черезъ Уральскій хребетъ и закрѣпляли за Новгородомъ одну землю за другой. За піонерами движенія, какими были ушкуйники, двигался земледѣлецъ-крестьянинъ, занимавшій удобныя для пахоты земли по берегамъ рѣкъ подъ защитою небольшихъ „городковъ", сооружавшихся обыкновенно при сліяніи рѣкъ.

Такимъ образомъ Новгородъ широко раскинулъ свои колоніи по всему сѣверу Россіи. Уже въ уставѣ новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 г. упоминается значительная часть поморскихъ земель въ качествѣ новгородскихъ владѣній: Обонежскій рядъ (мѣстность, впослѣдствіи носившая названіе Заонежскихъ погостовъ), Онега и Моша (впослѣдствіи Каргопольскій уѣздъ), Пинега и Усть-Емцы (притоки С. Двины, Двинскій уѣздъ), Кевроль (Кевролькій уѣздъ), Тойма и Усть-Ваги (притоки С. Двины, Важскій уѣздъ), Вель (Устьянскія волости по рр. Вели, Вагѣ и Устьѣ), Вѣкшенга и Тотьма (Тотемскій уѣздъ). Въ договорѣ Новгорода съ великимъ княземъ тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1265 г. кругъ новгородскихъ владѣній еще шире; сюда входятъ также Вологда, первыя извѣстія о которой относятся къ половинѣ XII в., Тре или Терскій берегъ: восточное и южное побережье Кольскаго полуострова, Печора и Югра, куда новгородцы стали проникать еще въ XI в. и Пермскій край. Во второй половинѣ XIV в. въ 1374 г. появляются новгородскіе ушкуйники на Вяткѣ, и съ тѣхъ поръ идетъ рядъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятской землѣ[1]).

Въ отношеніяхъ этихъ владѣній къ метрополіи можно замѣтить различную степень зависимости. Обонежскій край входилъ въ составъ коренной территоріи Новгорода, представляя изъ себя часть новгородскаго уѣзда, впослѣдствіи извѣстную подъ именемъ Заонежской половины Обонежской пятины. Двинскій край управлялся назначаемыми Новгородомъ посадниками. Пермскою землею правили свои пермскіе князья, такъ что этотъ край былъ какъ бы особымъ государствомъ, находившимся подъ новгородскимъ протекторатомъ. Эти пермскіе князья существовали еще и послѣ присоединенія Перми къ Москвѣ, пока въ 1505 г. не были замѣнены

---

[1]) Русск. Достоп. изд. О. И. Д. Р. I, стр. 82; С. Г. Г. Д. I № 1; Труды Вятской учен. архивн. комиссіи 1905 г. вып. III, отд. 2, стр. 93.

московскими намѣстниками. Наконецъ, Вятка пользовалась полной самостоятельностью, и новгородскій протекторатъ, если о немъ въ этомъ случаѣ можно говорить, былъ чисто нравственнаго характера. Такимъ образомъ по мѣрѣ отдаленія отъ метрополіи слабѣла и замирала связь колоній съ нею. Связь эта иногда разрывалась возстаніями колоній противъ метрополіи, и бывали также случаи, когда новгородскіе отряды ушкуйниковъ не ограничивались нападеніями на финскихъ инородцевъ, а налетали на городки и поселки съ русскимъ населеніемъ и брали ихъ „на щитъ", разоряли и грабили ихъ. Мало также чувствовалась связь отдѣльныхъ колоній межъ собою, и происходили даже вооруженныя столкновенія между ними. Такъ вятчане питали какую то постоянную вражду къ жителямъ Заволочья, которою пользовались московскіе великіе князья, напуская на Заволочье во время войнъ съ Новгородомъ отряды вятчанъ[1]).

Уже съ давнихъ поръ великіе князья сначала владимірскіе, а затѣмъ московскіе заявляли притязанія на эти обширныя владѣнія Новгорода. Такъ еще Андрей Боголюбскій вмѣшивался въ сборъ дани, производимый новгородцами въ Двинской землѣ. Поморскій край привлекалъ къ себѣ вниманіе великихъ князей и населенія суздальской и московской областей богатствомъ своихъ промысловъ, и это стремленіе къ морскому берегу находило себѣ осуществленіе въ томъ, что великіе князья выговаривали для себя у Новгорода право посылать ежегодно опредѣленное число промышленныхъ ватагъ на Бѣлое море и исключительное право пользоваться богатыми промыслами Терскаго берега, куда новгородскіе промышленники не должны были уже являться[2]). Въ свою очередь нельзя не замѣтить тяготѣнія къ московской землѣ двинскаго сѣвера, которому очевидно не легка была зависимость отъ Новгорода. Возможно, что это тяготѣніе вызывалось политическими соображеніями: двиняне принуждены были вести борьбу за обладаніе промышленнымъ краемъ съ своими сосѣдями, съ „мурманскими нѣмцами", т. е. съ норвежцами, нападавшими на нихъ съ запада и съ финскими племенами, обозначенными въ лѣтописи общимъ именемъ Югры, нападавшими на нихъ съ востока. Встрѣчая въ этой борьбѣ мало поддержки отъ метрополіи, двиняне могли расчитывать на болѣе энергичную помощь отъ Москвы[3]). Возможно, что они тяготились чрезмѣрно большими данями, которыми ихъ метрополія облагала[4]). Но вѣрнѣе всего искать причинъ этого тяготѣнія въ экономическихъ отношеніяхъ, связывавшихъ Двинскую землю съ Москвою, съ которой она тѣсно соединена была удобнымъ путемъ по Двинѣ и Сухонѣ, куда она сбывала продукты своихъ промысловъ, главнымъ образомъ, соль изъ своихъ обильныхъ и

---

[1]) Новг. I. лѣтоп. 1417 г. Никон. 1471 г.

[2]) А. Э. I № 1. Грамота в. кн. Андрея Александровича: „а какъ пошло при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ, не ходити на Терскую сторону новгородцемъ, и нынѣ не ходятъ".

[3]) Новг. I, 1416 г., 1419, 1445.

[4]) ibid. 1386 г.

многочисленныхъ соляныхъ варницъ, откуда въ свою очередь получала необходимый для нея хлѣбъ, такъ какъ урожаи на сѣверѣ были всегда сомнительны, свой хлѣбъ часто „позябалъ" отъ стужи, и Поморье не могло обойтись безъ привознаго хлѣба, въ которомъ постоянно нуждалась и сама метрополія и который шелъ на сѣверъ изъ московскаго центра. Такимъ образомъ два предмета первой необходимости соединяли другъ съ другомъ эти двѣ области: новгородское Поморье съ Москвою. Поморье не могло пропитаться безъ привознаго московскаго хлѣба такъ же, какъ московскій районъ не могъ обойтись безъ привозной поморской соли. Эти экономическія нити, связывавшія Москву съ сѣверомъ, вызывали тяготѣніе новгородскаго сѣвера къ Москвѣ и направляли политику московскихъ великихъ князей. Послѣдніе, расчитывая на сочувствіе въ Двинской землѣ, предпринимаютъ рядъ попытокъ ея захвата. На короткое время такой захватъ удался великому князю Василію I въ 1397 г., но затѣмъ Двина была отбита новгородцами, которые жестоко расправились съ населеніемъ за его московскія симпатіи, наложивъ на него большую контрибуцію и предавъ казни главарей движенія, тѣхъ, „кто водилъ Двинскую землю на зло", по выраженію лѣтописца. Послѣ перваго новгородскаго похода Ивана III по договору 1471 г. за Новгородомъ сохранены были его сѣверныя владѣнія: Заволочье[1]), Пермь, Печора, Югра; но значительныя простран-

[1]) Какая территорія носила въ древности названіе Заволочья? Тождественно ли это названіе съ названіемъ „Двинская земля" или этими терминами обозначались различныя мѣстности? Послѣдняго мнѣнія держится одинъ изъ изслѣдователей исторіи Сѣвера, авторъ „Вологодской старины" г. Степановскій. „По мѣстнымъ историческимъ изысканіямъ", говоритъ онъ, „*Заволочье* въ древности заключало въ себѣ мѣстность, занимаемую теперь частями уѣздовъ: Вологодскаго, Кадниковскаго, Устюжскаго, Вельскаго, Тотемскаго и Никольскаго. Уѣздъ Сольвычегодскій съ частями Устюжскаго и Вельскаго входилъ въ составъ *Двинской земли*. (Волог. Стар. 11.). Такимъ образомъ Заволочьемъ по его мнѣнію назывались земли по теченію Сухоны и по верховьямъ Ваги. Названіе же Двинской земли носили мѣстности по теченію Двины, по Вычегдѣ и нижней Вагѣ. Такое раздѣленіе Заволочья и Двинской земли повидимому подтверждается указаніями позднихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ, обособляющихъ эти термины и пріурочивающихъ каждый изъ нихъ къ отдѣльной территоріи. Никон. 1471 г.: „и избиша множество *двинянъ и заволочанъ*"; Софійск. I, 1471 г.: „на Двину да и на Заволоцкую землю..... снявся съ *Заволоцкою* землею да и съ *Двинскою*, и съ Корельскою землею;..... да и ихъ людей новгородскихъ и двинскихъ, и корельскихъ, и заволоцкихъ"; Никон.1478 г.... „имати ему... дань... со всѣхъ волостей новгородскихъ *и на Двинѣ, и въ Заволочьѣ...;* о пригородѣхъ и о *Двинѣ,* и о *Заволочіи,* что пригородомъ всѣмъ, да и двиняномъ, и заволочаномъ крестное цѣлованіе новгородское съ себе сложити". Наоборотъ раннія новгородскія лѣтописи, свидѣтельству которыхъ въ разбираемомъ случаѣ надо отдать преимущество по ихъ хронологической и топографической близости къ новгородскимъ отношеніямъ и порядкамъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ тождествѣ терминовъ: *Заволочье* и *Двинская земля:* Новг. I, 1337 г. „Тое же зимы розратися князь великій Иванъ съ Новгородцы и посла рать

ства, входившія впослѣдствіи въ составъ Мезенскаго, Кевролъскаго, Важскаго и Двинскаго уѣздовъ, были выдѣлены великому князю [1]),

на Двину за Волокъ; 1342 г. „Лука Варѳоломеевъ... поѣха за Волокъ на Двину и постави городокъ Орлиць, и скопивши Емцанъ и *взя землю Заволочскую по Двинѣ всѣ погосты на щитъ*"; 1397 г. „Того же лѣта насла князь велики Василій Дмитріевичъ *за Волокъ на Двину* бояръ своихъ"; 1398 г. „Воеводы же новгородскіе... и вси вои поѣхаша *за Волокъ на Двину къ городу къ Орлецу*; 1401 г. „Анфалъ Микитинъ да Герасимъ Рострига... наихавъ войною *за Волокъ на Двину* и взялъ всю Двинскую землю на щитъ"; 1398 г. „а *двинскіе* воеводы Иванъ и Кононъ" и нѣсколькими строками далѣе: „а воеводъ *заволочскихъ* Ивана и Конона"; 1411 г. „Ходиша *изъ Заволочья* войною на Мурмане новгородскимъ повелѣніемъ, а воевода Яковъ Степановицъ *посадникъ Двинскій*"; 1417 г. „Княжь бояринъ и съ Устюжаны, и съ Вятцаны изъихаша въ насадѣхъ безъ вѣсти въ Заволочскую землю и повоеваша волость Борокъ, Ивановыхъ дѣтей Васильевича, и *Емцю*, и *Колмогоры* 	вземъ и пожгли"; 1419 г. „Того же лѣта пришедъ Мурмане войною въ 500 человѣкъ и повоеваша... въ земли Заволочской погосты: въ Ненoксѣ, въ Корельскомъ монастырѣ святого Николы".. Изъ послѣднихъ двухъ мѣстъ видно, что въ составъ Заволочья входила р. Емца, г. Холмогоры, слѣдовательно нижнее теченіе Двины и берегъ Бѣлаго моря къ З. отъ устья Двины (Ненокса). Географическій составъ Заволочья указанъ также въ завѣщаніи Ивана III: „да сыну же своему Василью даю *Заволоцкую землю* всю: Онегу и Каргополь, и все Поонежье, и Двину, и Вагу, и Кокшенгу, и Вельскій погостъ, и Колмогоры, и всю Двинскую и Заволоцкую землю. С. Г. Г. Д. I № 144; Р. И. Б. XXV, Акты Лодомской церкви, № XVI, 1536 г.: „Се язъ преосвященный архіепископъ Великаго Новгорода и Пскова, владыка Макарей пожаловалъ есми великаго князя чернокунцовъ Першу Савина сына и во всѣхъ крестьянъ мѣсто *въ Заволочьѣ на Двинскомъ устьѣ, въ Лодмѣ*".

[1]) А. Э. I №№ 91, 93. Именно уступлены были великому князю слѣдующія владѣнія: Мезень и земли по Пинегѣ (правый притокъ Двины), Кеврoль, Чакола (волость по р. Пинегѣ), Пермьскія (это, очевидно, волость Перемская по р. Пинегѣ), Пильи горы (волость по р. Пинегѣ), Немьюга (волость Немьюга по рѣкѣ того же имени, лѣвому притоку Пинеги), Пинежка (волость Малая Пинежка по верховьямъ р. Пинеги), Выя (волость Выя по рѣкѣ того же имени, лѣвому притоку Пинеги), Сура Поганая (волость Сура по рр. Пинегѣ и Сурѣ, лѣвому притоку Пинеги). См. приложеніе I, стр. 24—26 Отъ того же года сохранился другой документъ, перечисляющій уступленныя великому князю земли въ Важскомъ и Двинскомъ уѣздахъ. См. А. Э. I № 94.: „А се земли князя великаго на Двинѣ: половина Тоймы Верхніе (правый притокъ С. Двины, Верхотоемская волость Важскаго уѣзда), Юмышъ (лѣвый притокъ С. Двины), да Иксозеро, да Кодима (лѣвый притокъ С. Двины), да Селцо (Селецкая волость), да Заостровье (Заостровская вол.), да Корбала (Корбальская вол.), да Осиново поле" (Осиновская вол.) Всѣ перечисленныя земли вошли позже въ XVII в. въ составъ Важскаго уѣзда. См. приложеніе I, стр. 62. Далѣе грамота перечисляетъ мѣстности, входившія въ XVII в. въ составъ Двинскаго и Каргопольскаго уѣздовъ: „да половина погоста Емецкаго (на р. Емцѣ, лѣв. притокѣ С. Двины), да сельцо въ Емцѣ (вол. Сельцо Каргопольскаго у. въ Турчасовскомъ стану), да Мехренга (станъ Мехренгскій Каргопольскаго у. по

и въ томъ числѣ побережье Бѣлаго моря съ одной стороны между устьями Двины и Онеги съ соловаренными промыслами въ Неноксѣ и Унѣ, съ другой между устьями Двины и Мезени, а также южный берегъ Кольскаго полуострова съ промышленными волостями Варзугой и Умбой. Такимъ образомъ въ 1471 г. московскій великій князь взялъ у новгородцевъ наиболѣе обильныя промыслами мѣстности двинскаго Поморья. Послѣ второго похода въ 1478 г. вся Двинская земля должна была „крестное цѣлованіе новгородское съ себе сложити, а цѣловати на великихъ князей имя“[1]), т. е. была присоединена къ Москвѣ. Шестью годами ранѣе въ 1472 г. пріобрѣтена была Москвою Пермская земля, гдѣ продолжали нѣкоторое время править подъ московскимъ протекторатомъ мѣстные пермскіе князья. Въ 1489 г. покорена была Вятка, а въ 1499 г. завоевана Югорская земля, и тѣмъ къ началу XVI в. было закончено присоединеніе къ Москвѣ всего новгородскаго Поморья.

Хорошо извѣстно, что это присоединеніе къ Москвѣ не ограничивалось для новгородскихъ земель только измѣненіемъ подданства; оно сопровождалось глубокой соціальной перемѣной, паденіемъ того господствующаго общественнаго класса, которому до тѣхъ поръ принадлежало экономическое преобладаніе и руководящая политическая роль въ краѣ. Въ новгородское время крупное частное землевладѣніе сдѣлало большіе успѣхи въ Поморьѣ. Двигая и направляя колонизацію сѣвера, снаряжая военно—промышленныя экспедиціи, новгородскіе капиталисты естественно получали наибольшія доли въ прибыляхъ отъ этихъ предпріятій и захватывали въ свои руки огромныя территоріи во вновь пріобрѣтенныхъ странахъ. Въ уцѣлѣвшихъ актахъ и въ народныхъ преданіяхъ сѣвера встрѣчаются ясные слѣды крупнаго частнаго землевладѣнія, указывающіе на распро-

---

р. Мехренгѣ, правому притоку Емцы), да Ваймуга (лѣвый притокъ Емцы), да верховье Емецкое. Да усть-рѣки Пинеги князя жъ великаго земли, да на Матигорахъ (Матигорская вол. Двинскаго у. Того же уѣзда и всѣ далѣе перечисляемыя мѣстности), Великое поле у озерка, да Быстрокурія (Быстрокурская вол.), полъ-Наля-острова (Наль-островъ на р. Двинѣ, противъ Холмогоръ), полъ-Кура-острова (Куростровская вол.), полъ-Чухчелема (вол. Чухченема), Лукинъ берегъ (на Куръ-островѣ. См. *Шахматовъ*, Двинскія грамоты, № 1), полъ - Ухтаострова (Ухтостровская вол.), Великая Куріа (Куреская вол.?), Княжъ-островъ (вол. Княжъ-островъ), Коневъ-островъ, Соломбала (р. Соломбала у Архангельска), Терпиловъ погостъ (станъ Терпиловъ). Да на Лисичіи островѣ (Лисеостровская вол.) земли князя жъ великаго тянутъ къ Терпилову погосту, да рѣка Солга (Солза? къ З. отъ С. Двины). А на зимнюю (sic) сторону отъ усть-Двины взлѣ море до усть-Онеги то все земли князя великаго; да въ Неноксѣ мѣста соловарныя князя великаго, да Уна-соль вся князя великаго, да Корела Варзугская и Унба (Варзуга и Умба—волости по рѣкамъ того же имени на южномъ берегу Кольскаго полуострова). Да на лѣтнюю сторону отъ усть же Двины взлѣ море до усть-Мезени князя жъ великаго“... См. приложеніе I, стр. 16, 20.

[1]) П. С. Л. XII, стр. 184.

страненіе его по всему Поморью. Такъ въ Заонежскихъ погостахъ въ концѣ XIV в. бояринъ Григорій Семеновичъ размежевываетъ свои земли съ черными крестьянами сосѣднихъ съ нимъ четырехъ погостовъ: это указываетъ на крупные размѣры его вотчинъ[1]). Въ Важскомъ краю по Двинѣ и Вагѣ въ названіи нѣсколькихъ волостей, напр. Исаковской, Есиповской, Аѳанасовской, Груздовской и др. „боярщинами", сохраняющемся въ XVII и даже въ XVIII в., можно видѣть свидѣтельство о томъ, что эти волости были нѣкогда имѣніями новгородскихъ бояръ. Преданіе сохранило память о могущественномъ въ этомъ краю родѣ бояръ Своеземцевыхъ-Едемскихъ, благочестивый родоначальникъ которыхъ, бывшій посадникомъ въ Новгородѣ, пріобрѣлъ огромныя земли по Двинѣ и Вагѣ, построилъ Усть-пинежскій „городокъ", т. е. укрѣпленное мѣстечко при впаденіи Пинеги въ Двину и окончилъ свои дни подъ именемъ Варлаама въ основанномъ имъ недалеко отъ городка Богословскомъ монастырѣ[2]). Но кромѣ Своеземцевыхъ въ Важскомъ краю владѣли землями и другіе новгородскіе боярскіе роды. Нѣтъ ничего невозможнаго, что существующая еще теперь въ Шенкурскомъ уѣздѣ Борецкая волость была имѣніемъ знаменитой фамиліи Борецкихъ. Въ сохранившемся отъ 1471 г. спискѣ судебныхъ процессовъ, возникавшихъ до этого года изъ-за земель Важской области, перечисляются въ качествѣ спорившихъ сторонъ имена, блиставшія среди новгородской аристократіи: Селезневы, Ананьины, Тучины. Здѣсь же встрѣчаемъ представителя рода Строгановыхъ, громадныя владѣнія которыхъ были расположены въ Сольвычегодскомъ и въ особенности въ Пермскомъ краяхъ[3]).

Еще писцовая 1623 г. сохранила память о новгородскомъ землевладѣльцѣ Яковѣ Селезневѣ, которому принадлежала волость Пильи горы въ Кевролъскомъ уѣздѣ[4]).

На Мезени находились по преданію крупныя владѣнія бояръ Окладниковыхъ, почему и самый городъ Мезень именовался прежде Окладниковой слободой. Наконецъ, по Двинскому устью и по всему западному побережью Бѣлаго моря были раскиданы обширныя владѣнія рода Борецкихъ, многія изъ которыхъ перешли потомъ къ Соловецкому монастырю и именовались въ писцовыхъ описяхъ земель монастыря „старыми Марѳинскими боярщинами Исаковы". Чтобы судить о размѣрахъ этихъ вла-

---

[1]) *Е. Барсовъ*, Палеостровъ, его судьба и значеніе въ Обонежскомъ краѣ. Чт. О. И. Д. 1868, кн. I., стр. 138—139. Списокъ съ обводной 1383 г.

[2]) *Мясниковъ*, Историческое описаніе Ваги и г. Шенкурска. Отеч. Записки 1829, № 107, стр. 419; № 109, стр. 232 и сл. *Молчановъ*, Описаніе Архангельской губ. стр. 186—187. *Коноплинъ*, Заволочье. Арханг. Губ. Вѣдом. 1867 № 73—75.

[3]) А. Э. I № 94, II.

[4]) Арх. мин. юст. писц. кн. 185, л. 302. „Волость Пильи горы, деревни черныя по обѣ стороны р. Пинеги, что бывало Якова Селезнева"; ibid. л. 278. „Волость Перемская на р. на Пинегѣ... что бывало Дементія Емецкаго".

дѣній, достаточно ихъ перечислить. Борецкимъ принадлежали области Лявла и Малокурье въ устьѣ Двины, земли по р. Кудимѣ къ З. отъ двинскаго устья, Ненокса, Сумскій посадъ, Вирма, устье рѣки Выга, Кемь, словомъ, важнѣйшіе въ то время промышленные пункты на бѣломорскомъ побережьѣ. Въ этомъ богатствѣ крылись корни могущества Борецкихъ въ Новгородѣ [1]).

Кромѣ новгородскихъ бояръ, владѣвшихъ землями въ колоніяхъ въ Двинской землѣ, лѣтописи и акты новгородскаго времени упоминаютъ еще особый классъ „двинскихъ бояръ". Это были, повидимому, крупные землевладѣльцы туземнаго происхожденія или, во всякомъ случаѣ, не входившіе въ составъ собственно новгородскаго боярства, къ которому они питали даже нерѣдко враждебныя чувства [2]).

Съ присоединеніемъ новгородскихъ владѣній къ Москвѣ, предпринята была въ обширныхъ размѣрахъ конфискація земель новгородскихъ бояръ, какъ въ самомъ новгородскомъ уѣздѣ, такъ и въ подвластныхъ Новгороду областяхъ. Та же участь постигала и другія поморскія земли. При взятіи Вятки воеводы великаго московскаго князя, по выраженію лѣтописи, „Вятку всю розвели", т. е. перевезли выдающіяся вятскія семейства, конфисковавъ ихъ земли, въ Москву, гдѣ члены ихъ получили помѣстья въ подмосковныхъ уѣздахъ [3]). Крупному боярскому землевладѣнію на Сѣверѣ нанесенъ былъ непоправимый ударъ. Изъ новгородскихъ землевладѣльческихъ фамилій одни Строгановы не только сохранили, но и пріумножили свои земли съ переходомъ подъ владычество Москвы. За этимъ исключеніемъ крупный свѣтскій землевладѣлецъ, новгородскій бояринъ-вотчинникъ исчезъ съ Сѣвера съ послѣдними долетѣвшими сюда звуками новгородскаго вѣчевого колокола. Расположенныхъ къ Москвѣ двинскихъ бояръ, быть можетъ, и не постигла конфискація, но они быстро измельчали и растворились въ посадской и крестьянской массѣ. XVI вѣкъ окончательно смелъ слѣды боярской вотчины въ Поморьѣ, и къ XVII столѣтію оно стало страной черной земли и черносошнаго, государственнаго крестьянства.

---

[1]) *Неволинъ,* О пятинахъ и погостахъ новгор., приложен., стр. 168—169; Списки населенныхъ мѣстъ Арханг. губ., стр. XI; *Н. Соколовъ,* Описаніе г. Холмогоръ съ очеркомъ древней исторіи Двинскаго края. Архангельск. Сборникъ I, 315—319.

[2]) Новг. I, 1397 г. „И двиняне Иванъ Микитинъ и *бояре двинскіе,* и вси двиняне за великій князь задалися"; 1398 г.: „а двинскіе воеводы Иванъ и Кононъ съ своими други волости новгородскія и *бояръ новгородскихъ* подѣлиша себѣ на части". *Молчановъ,* Описаніе Арханг. губ. стр. 65.: „благослови архіепископъ новгородскій Іоаннъ владыка у св. Михаила (въ Архангельскомъ монастырѣ) вседневную службу..... и буди милость Божія и св. Софіи, и св. Михаила на посадникахъ двинскихъ *и на двинскихъ боярахъ, и на боярахъ новгородскихъ*"—грамота XII—XIV ст. См. также А. Э. I №№ 2, 13, 42. *Н. Соколовъ* Опис. г. Холмогоръ, Арханг. Сборникъ I, 319.

[3]) Труды Вятской учен. арх. ком. 1905 г. вып. I, 1489 г.

Глава II.

Областное дѣленіе Поморскаго края. Уѣзды.

Областное дѣленіе Поморья слагалось исторически путемъ долгаго органическаго процесса, было результатомъ естественнаго развитія съ небольшими искусственными поправками, [1]) а не искусственной механической операціи, подобной тѣмъ, какія производились надъ административной картой Россіи впослѣдствіи при Петрѣ В. и Екатеринѣ II. Вотъ почему въ этомъ областномъ дѣленіи нельзя искать стройности и какой либо единой выдержанной системы. Оно поражаетъ своею часто неожиданной случайностью, путаницей и пестротой, очень напоминающей пестроту областного дѣленія Франціи при старомъ порядкѣ.

Административная карта Поморья въ XVII в. это—причудливый узоръ, выведенный исторіей, создававшей мѣстныя разнообразія, а не геометрическій чертежъ, построенный законодателемъ, руководившимся началомъ единства и стиравшимъ всѣ мѣстныя особенности. Сохранившіяся мѣстныя особенности и были причиной того различія въ размѣрахъ областныхъ единицъ, при которомъ микроскопическія областныя клѣтки являются равнозначащими величинами съ крупными и густо населенными территоріями. Отсюда же та черезполосица, которую можно здѣсь наблюдать въ границахъ областныхъ округовъ, та невыдержанность мелкихъ второстепенныхъ подраздѣленій, то разнообразіе въ самой терминологіи областныхъ единицъ, словомъ, всѣ тѣ обстоятельства, которыми создавалась своеобразная пестрота областного дѣленія сѣвера. За московскимъ правительствомъ нельзя не признать до извѣстной степени бережливаго отношенія къ явленіямъ, создавшимся мѣстной жизнью: встрѣчаясь съ ними, оно не считало нужнымъ перекраивать и мѣнять ихъ, приводить непремѣнно къ однообразію и единству. Оно спокойно санкціонировало ихъ, занося ихъ въ свои акты и этимъ сообщало имъ еще большую устойчивость и крѣпость. Такъ сложившіяся органически, самою жизнью крупныя и мелкія областныя дѣленія

---

[1]) Нѣкоторыя перемѣны въ границахъ уѣздовъ были сдѣланы, повидимому, во время опричнины.

на сѣверѣ были занесены въ писцовыя книги, благодаря чему они получили государственно-правовой характеръ.

Вся область Поморья въ административномъ отношеніи дѣлилась въ XVII в. на округа, числомъ 22. Округа эти носили названіе уѣздовъ, за исключеніемъ трехъ. Во-первыхъ, административный округъ, составлявшійся изъ 17 погостовъ, расположенныхъ по берегамъ Онежскаго озера, носилъ названіе „Заонежскихъ погостовъ". Точно такъ же группа волостей, раскиданныхъ по верхнему теченію р. Ваги и по ея притокамъ: слѣва—Вели и Пежмѣ и справа по Устьѣ съ Кокшенгой, Чадромой, Соденгой, Волюгой составляла особый округъ, называвшійся „Устьянскими волостями". Небольшой округъ, охватывающій озеро Воже, именовался „Чарондской округой" [1]).

Стоитъ взглянуть на карту Поморья, чтобы понять, какъ чисто естественнымъ путемъ слагалось тамъ уѣздное дѣленіе. Еще и теперь при взглядѣ на эту карту мы видимъ огромныя пустыя пространства, покрытыя лѣсами и болотами, среди которыхъ узкими извилистыми лентами вытянулись заселенныя пространства по берегамъ рѣкъ. Въ XVII в. это явленіе можно наблюдать еще въ болѣе рѣзкой степени. Рѣки, какъ единственное тогда средство сообщенія и были линіями, опредѣлявшими административное дѣленіе сѣвера, были канвой, по которой располагались границы административныхъ округовъ. Группа поселковъ, вытянувшихся по берегамъ небольшой рѣки, образуетъ мелкую областную единицу—погостъ, станъ, волость, приходъ. Бассейнъ большой рѣки съ ея притоками, по берегамъ которыхъ расположились эти волости и станы, образуетъ уѣздъ; такъ что въ Поморьѣ территорія уѣзда, это—система большой рѣки съ ея притоками. Уѣздъ—какъ бы живой организмъ съ становою нитью и съ нервными развѣтвленіями, расходящимися отъ нея въ обѣ стороны. Въ двухъ уѣздахъ, впрочемъ, не рѣки, а озера являются такою связью, объединяющей систему: Онежское озеро въ Заонежскихъ погостахъ, озеро Воже въ Чарондской округѣ. Здѣсь по берегамъ впадающихъ въ эти озера рѣкъ и расположились мелкія областныя дѣленія. Естественно сложившіеся цѣльные организмы—сѣверные уѣзды, обособленные другъ отъ друга громадными пустынными пространствами, рѣдко нуждались въ искусственныхъ границахъ; такое разграниченіе необходимо было только тамъ, гдѣ территоріи уѣздовъ соприкасались. Въ такой межѣ ощущалась потребность въ слишкомъ близко соприкасавшихся Устюжскомъ и Тотемскомъ, Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ. Въ первомъ случаѣ предпринято было размежеваніе въ 20-хъ годахъ XVII в. Писцы, описывавшіе тогда Тотемскій уѣздъ обозначали границы, отдѣлявшія его отъ Устюжскаго, причемъ жаловались на устюжскихъ писцовъ, не прибывшихъ на съѣздъ съ ними,

---

[1]) Въ значеніи административно-судебнаго округа уѣздъ на бытовомъ языкѣ назывался иногда „присудомъ". Пр. Д. 1631 № 36: „бьетъ челомъ.... Тотемскаго присуду волости Толшемскіе и т. д."

на которомъ должны были рѣшаться вопросы, касавшіеся этого размежеванія уѣздовъ.[1])

Познакомимся теперь съ географическимъ положеніемъ каждаго изъ 22 составлявшихъ Поморскій край уѣздовъ съ помощью приложенныхъ къ книгѣ списка областныхъ дѣленій и географической карты, надѣясь, что на нихъ будетъ время отъ времени упадать внимательный взглядъ читателя. Такимъ образомъ мы отчетливѣе усвоимъ ту географическую основу, на которой располагалось и устраивалось поморское общество, такъ что позже, когда будетъ идти рѣчь о внутренней жизни самоуправляющихся единицъ на сѣверѣ, знакомые съ ихъ внѣшними очертаніями, мы будемъ точно въ нихъ оріентироваться. Къ этому географическому очерку мы присоединимъ и свѣдѣнія, какія удалось собрать, по исторіи администраціи поморскихъ уѣздовъ.

Какъ извѣстно, высшее управленіе Поморскимъ краемъ въ XVII в. было распредѣлено между тремя приказами: Новгородской и Устюжской четвертями и приказомъ Большого Дворца, которымъ подчинялись мѣстные правительственные агенты—воеводы и приказные люди, управлявшіе уѣздами. Первые два приказа имѣли чисто областной характеръ; это были высшія инстанціи областного управленія, находившіяся въ центрѣ. Новгородская четверть была учреждена въ Москвѣ послѣ присоединенія Новгорода съ его владѣніями спеціально для управленія этими землями. Поморскими уѣздами пріобрѣтенными Москвою въ болѣе раннее время: Устюжскимъ, Сольвычегодскимъ, Тотемскимъ, Чарондою и Устьянскими волостями управляла въ XVII в. Устюжская четверть, возникшая въ началѣ этого столѣтія и закрытая въ 1682 г.[2]).

Слѣдующіе уѣзды принадлежали къ вѣдомству Новгородской четверти. Въ западной части Поморья по восточному берегу Ладожскаго озера, окружая со всѣхъ сторонъ Онежское озеро, и по рѣкамъ Выгу, Сумѣ и Нюхчѣ, впадающимъ въ Онежскую губу Бѣлаго моря, лежала область, называвшаяся Заонежскими погостами[3]). На Ю. и на ЮЗ. Заонежскіе погосты граничили съ Новгородскимъ уѣздомъ, на СЗ. съ Кольскимъ, на С.

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 480.

[2]) Есть извѣстіе, что въ концѣ XVI в. Сольвычегодскій у. находился въ завѣдываніи „дворовой четверти". Пр. Д. 1582 г. „Списокъ съ государской грамоты о ямскомъ дѣлѣ у яренчанъ съ усольцами въ 7090 г.: у Вычегодскіе Соли по писцовымъ же книгамъ сошнаго письма 87 сохъ, а платятъ де они наши оброки опричь васъ (яренчанъ) въ нашей *дворовой четверти* и во всемъ де ихъ вѣдаютъ въ нашей дворовой же четверти". Изъ этой же грамоты видно, что Яренскій уѣздъ, т. е. Яренскъ, Вымь, Сысола и Удора находились въ то время въ завѣдываніи казеннаго двора: „а велѣно де имъ (яренчанамъ) съ тѣхъ сохъ всякіе наши оброки платить на казенномъ дворѣ и во всемъ ихъ вѣдать на казенномъ дворѣ". Р. И. Б. XII, стр. 555. „1682 г. Февр. 16. „А се со вчерашняго числа указъ великаго государя устюжской четверти не быть, указано Устюгъ вѣдать въ Новгородской четверти".

[3]) Прилож. I, стр. 3—7.

съ владѣніями Соловецкаго монастыря, которому принадлежали устья рѣкъ Выга, Сумы, Вирмы и Колежмы съ селеніями: Сороцкой слободой, Сухонаволоцкимъ, Вирмой, Сумскимъ острогомъ и Колежмой. Такимъ образомъ соловецкими землями погосты отрѣзывались отъ берега моря. Къ В. они соприкасались съ Каргопольскимъ уѣздомъ, а къ ЮВ. съ Чарондской округой и Бѣлозерскимъ уѣздомъ.

Нѣкоторые изъ Заонежскихъ погостовъ упоминаются уже въ XIV в.[1]) До XVII в. эти погосты входили всецѣло въ составъ Новгородскаго уѣзда, образуя Заонежскую половину Обонежской пятины, не имѣли особой воеводской администраціи, и жители погостовъ подсудны были непосредственно новгородскимъ воеводамъ. Въ Новгородъ же они обязаны были возить и подати. Такъ продолжалось до 1624 г., „и въ тѣ поры“, по воспоминаніямъ заонежскихъ крестьянъ, высказаннымъ въ одной изъ ихъ челобитныхъ, „Заонежскіе погосты были полны, и крестьянамъ напрасныхъ продажъ и налоговъ никакихъ не было“. Съ 1624 г. въ погосты стали назначаться воеводы, и съ этого времени здѣсь дѣйствуетъ мѣстная воеводская власть, впрочемъ съ перерывами, во время которыхъ съ большею самостоятельностью выступаютъ органы земскаго самоуправленія. Съ 50-хъ годовъ XVII в. воеводское управленіе прочно устанавливается въ погостахъ въ связи съ мѣрами къ оборонѣ сѣверозападной границы государства противъ Швеціи и главнымъ образомъ съ устройствомъ военныхъ поселеній въ этомъ краѣ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже. Олонецъ становится военно-административнымъ центромъ погостовъ, и туда посылаются воеводы съ высокимъ рангомъ окольничаго. Такимъ образомъ Заонежскіе погосты, выдѣлившись изъ Новгородскаго уѣзда, сдѣлались особымъ самостоятельнымъ административнымъ округомъ, управлявшимся воеводами, по рангу равными новгородскимъ воеводамъ[2]).

Съ половины XVII в. къ Заонежскимъ погостамъ былъ присоединенъ другой административный округъ, лежавшій къ СЗ. отъ нихъ въ области теперешняго Повѣнецкаго уѣзда на границѣ съ Каенскими нѣмцами (съ Финляндіей)—такъ называемые „Лопскіе погосты“. Этотъ округъ состоялъ изъ погостовъ, населенныхъ частію русскими крестьянами, частію лопарями[3]). До того времени эти 8 погостовъ составляли отдѣльную земскую единицу, обладавшую особой жалованной грамотой, съ своими выборными властями, старостами и судейками, избиравшимися „всею Лопскою землею“. Погосты относились къ Водской пятинѣ новгородскаго уѣзда и вѣдались по финансовымъ и судебнымъ дѣламъ новгородской администраціей съ тою особенностью, что ими управляли не сами новгородскіе воеводы, а состоявшіе при этихъ воеводахъ дьяки[4]). Съ 1649 г. заонежскіе воеводы

---

[1]) *Е. Барсовъ,* Палеостровъ. Чт. О. И. Д. 1868, кн. I, стр. 138—139.

[2]) Прик. Д. 1647 № 41.

[3]) Прилож. I, стр. 7—8.

[4]) Пр. Д. 1649 № 103. „Царю государю... Алексѣю Михайловичу.... бьютъ челомъ и плачутся твои государевы бѣдные и послѣдніе сиротишка Новгород-

стали привлекать жителей Лопскихъ погостовъ къ исполненію разнаго рода повинностей наравнѣ съ населеніемъ Заонежскихъ погостовъ. Лопяне обратились съ жалобой въ Москву, прося возстановить старый порядокъ управленія—подчинить ихъ по прежнему непосредственно новгородскимъ дьякамъ. Правительство предписало олонецкимъ воеводамъ жителей Лопскихъ погостовъ оберегать и налоги имъ никакой не чинить, подтвердило ихъ право выбирать себѣ старостъ; но значеніе высшей инстанціи для судебныхъ дѣлъ, разбираемыхъ этими земскими судьями, предоставлено было олонецкимъ воеводамъ. Такимъ образомъ Лопскіе погосты отдѣлены были отъ Новгородскаго уѣзда и, составляя особый земскій міръ, вошли вмѣстѣ съ Заонежскими погостами въ кругъ юрисдикціи олонецкихъ воеводъ[1]).

Къ сѣверу отъ Заонежскихъ и Лопскихъ погостовъ, гранича съ шведами и мурманскими нѣмцами—норвежцами, охватывая обширный Кольскій полуостровъ, за исключеніемъ побережья рѣкъ Умбы и Варзуги, относившагося къ Двинскому уѣзду, простирался Кольскій уѣздъ[2]). Его южной границей служила р. Кереть, впадающая въ Кандалашскую губу. На западѣ онъ еще и въ XVIII в. не имѣлъ никакой опредѣленной гра-

скаго уѣзду Водскіе пятины отъ Студенаго моря отъ Каенскихъ нѣмецъ Лопскихъ погостишковъ крестьянишка Селецкаго погоста Степанко Яковлевъ да Паданскаго погостишка Ондреянко Савинъ во всѣхъ Лопскихъ погостишковъ вмѣсто крестьянишекъ и лопарей въ томъ: блаженныхъ памятей великихъ государей царей и отца твоего государева... пожалованы были мы, сироты, и даны намъ жаловальныя грамоты, а въ тѣхъ государевыхъ жаловальныхъ грамотахъ написано, что насъ, сиротъ, велѣно беречи твоимъ государевымъ новгородскимъ дьякомъ отъ намѣстниковъ и тіуновъ, и отъ приставовъ, намѣстникомъ новгородскимъ и тіуномъ судити не велѣно насъ ни въ чемъ и приставомъ новгородскимъ съ приставными по насъ не ѣздити, и сроковъ не наметывати, и въ городахъ насъ на поруки не даютъ. А кому до насъ, лопянъ, дѣло, и насъ велѣно судити выборнымъ судейкамъ, кого выберутъ всею Лопскою землею. И тѣ выборные судейки насъ судятъ и управу чинятъ, а въ чемъ будетъ управы учинити не могутъ, и они судные списки посылаютъ въ докладъ въ Великій Новгородъ къ твоимъ государевымъ дьякомъ на срокъ съ твоею государевою казною съ данными деньгами вмѣстѣ на срокъ на Крещеніе Христово; и твою государеву дань, что на насъ имать велѣно, сбирати намъ самимъ выборнымъ старостамъ и цѣловальникомъ и ту дань привозити въ Великій Новгородъ самимъ на срокъ, на Крещеніе Христово".

[1]) Пр. Д. 1649 № 103. „А на Олонецъ къ окольничему и воеводѣ о томъ писать же, чтобъ ихъ велѣли оберегать и налоги имъ никакой чинить не велѣли, и зазывныхъ грамотъ по нихъ не давали, и на Олонецъ ихъ для управныхъ дѣлъ за поруками не имать, а судить ихъ велѣть въ Лопскихъ погостѣхъ старостамъ и судейкамъ; а будетъ въ чемъ межъ ими учинится споръ, и тѣ судныя спорныя дѣла присылать для вершенья на Олонецъ". Пр. Д. 1649 № 75; *Прилежаевъ*, Новгородская Софійская казна, Ж. М. Н. П. 1875, окт., 116, прим.

[2]) Прилож. I, стр. 8.

ницы, и населяющіе его лопари считались подданными Россіи и Швеціи, такъ какъ постоянно перекочевывали изъ одного государства въ другое и платили дань русскимъ царямъ и шведскимъ королямъ. Административный центръ уѣзда находился въ г. Колѣ. Въ составъ уѣзда по писцовой книгѣ 1608 г. входили: двѣ небольшія волостки, прилегающія къ самой Колѣ, именно погостъ Мунομашъ и волость Пояргуба; три сравнительно болѣе крупныя волости, расположенныя по берегамъ Кандалашской губы: Кандалакша, Ковда по р. Ковдѣ и Кереть по р. Керети, населенныя русскими, и 14 погостовъ, населенныхъ живущими въ вежахъ лопарями. Эти лопскіе погосты, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ 8-ю лопскими погостами Заонежскаго края, были незначительными поселками, въ которыхъ по большей части не насчитывалось и десятка вежъ въ каждомъ. Кольскимъ уѣздомъ въ XVII в. правитъ воевода.

Къ востоку отъ Заонежскихъ погостовъ въ системѣ р. Онеги лежалъ Каргопольскій уѣздъ[1]). Гранича на югѣ съ Чарондской округой, онъ охватывалъ берега озера Лаче и простирался къ сѣверу по всему теченію р. Онеги и по ея притокамъ, лѣвымъ: Кенѣ и Кожѣ и правымъ: Мошѣ, Шелексѣ, Тевзѣ, Мудьюгѣ и Вонгудѣ. На западѣ Каргопольскій уѣздъ соприкасался съ Заонежскими погостами, такъ что половина озера Водло и расположенной по его берегамъ Водлозерской волости принадлежала къ Каргопольскому уѣзду, а другая половина къ Заонежскимъ погостамъ. На сѣверѣ кромѣ собственно устья Онеги къ Каргопольскому уѣзду относились берега Онежской губы съ впадающими въ эту губу рѣками: къ западу отъ онежскаго устья Нименгой, Малой Шуйкой и Кушей и къ востоку Талицей и Кяндой. Къ востоку Каргопольскій уѣздъ соприкасался съ Двинскимъ, захватывая часть басейна р. Двины, именно земли по верхней Емцѣ, лѣвому притоку Двины и по впадающей въ Емцу справа Мехренгѣ; ниже по теченію Емцы начиналась территорія Двинскаго уѣзда. Каргопольскій уѣздъ по переписной книгѣ 1648 г. дѣлился на два стана: Каргопольскій—южный, тяготѣвшій къ городу Каргополю, расположенному у выхода Онеги изъ оз. Лаче, и Турчасовскій, сѣверный, тяготѣвшій къ посаду Турчасову—теперь село Турчасово на среднемъ теченіи Онеги, и простиравшійся до берега Онежской губы. Въ челобитныхъ мѣстныхъ жителей эти части носятъ названія „полуземель“ [2]) Верхней (Каргопольскій станъ, уѣздъ) и Нижней (Турчасовскій станъ). Каргопольскій станъ заключалъ въ себѣ 30½ волостей (½ волости Водлоозеро). Дѣленіе Турчасовскаго стана болѣе сложно. Въ немъ мы насчитываемъ 48 волостей; но 16 такихъ волостей связаны въ двѣ группы, носящія также названіе становъ. Это станы: Мехренгскій, расположенный по р. Мехренгѣ, притоку Емцы, включающій въ себѣ три волости и станъ Усть-Мошенскій, включающій въ себѣ 13 волостей, расположенныхъ по теченію р. Моши, праваго притока

---

[1]) Прилож. I, стр. 10.

[2]) Пр. Д. 1647 № 84: „бьетъ намъ челомъ Каргопольскаго уѣзда Нижніе полуземли крестьянинъ“ и т. д.

Онеги, по притокамъ Моши и по озерамъ, откуда она беретъ начало: Мошеозеру и Воеозеру. Остальныя 32 волости Турчасовскаго стана совершенно подобныя по количеству деревень, ихъ составляющихъ, находятся, такъ сказать, въ свободномъ состоянiи и не входятъ въ составъ какихъ либо областныхъ подраздѣленiй высшаго порядка.

До половины XVI в. Каргопольскимъ уѣздомъ управляли намѣстники[1]). Наклонность къ распаденiю уѣзда на двѣ части, замѣчаемая въ XVII в., отражалась и на системѣ приказной администрацiи: въ 20-хъ годахъ XVII в. назначались въ Каргополь и въ Турчасово отдѣльные воеводы. Въ 40-хъ годахъ всѣмъ уѣздомъ правитъ одинъ воевода, но подъ прикрытiемъ приказнаго единства въ самомъ населенiи, какъ увидимъ ниже, идетъ рознь между обѣими „полуземлями"[2]).

Сосѣднiй къ востоку съ Каргопольскимъ уѣздомъ Двинскiй уѣздъ расположенъ былъ по нижнему теченiю С. Двины съ ея притоками: слѣва—Моржовкой, Емцой, Сiей, Обокшей, Кехтой; справа—Пингишей, Челмохтой, Пинегой, Вавчугой, Лявлой, Уймой и Лодмой. Южная его граница шла нѣсколько ниже устья р. Ваги. На западѣ только нижнее теченiе Емцы съ селомъ Большимъ (Емецкимъ) входило въ составъ Двинскаго уѣзда; верховья Емцы относились къ Каргопольскому. Точно также на востокъ отъ Двины къ Двинскому уѣзду принадлежало только нижнее теченiе р. Пинеги; по верхнему ея теченiю, начиная отъ Пильихъ горъ, расположенъ былъ Кевролъскiй уѣздъ. Кромѣ бассейна нижней Двины въ Двинскiй уѣздъ включались также многочисленные острова въ Двинскомъ устьѣ и берега Двинской губы съ рѣками: Солзой, Неноксой, Сюзмой, Уной къ западу и съ Мудьюгой, Кадью, Куей и Золотицей къ востоку отъ устья. Крайними пунктами Двинскаго уѣзда были: на западъ—погостъ Яренга, представлявшiй изъ себя именно погостъ въ первоначальномъ смыслѣ этого слова, т. е. церковь съ поселкомъ. По переписи 1620-хъ годовъ въ немъ значилась церковь св. Николая Чудотворца съ 5-ю крестьянскими дворами; число дворовъ возрасло до 15 къ 70-мъ годамъ. Далѣе—слобода Лопшенга и посадъ Луда на рѣкѣ того же имени. На сѣверо-востокѣ, при устьѣ р. Кулоя лежала слободка Долгая Щель. Въ 1678 г. двинскiе писцы приписали ее къ Двинскому уѣзду. Въ то же время мезенскiе писцы записали ее въ Мезенскомъ уѣздѣ, такъ что по переписнымъ книгамъ слобода оказывалась въ обоихъ уѣздахъ—положенiе, показывающее, до чего иногда неясны были границы уѣздовъ. Въ составъ Двинскаго уѣзда входили также волости Варзуга и Умба, находившiяся въ юго-западной части Кольскаго полуострова. Послѣднiя потому, очевидно, относились къ Двинскому, а не къ Кольскому уѣзду, что онѣ тѣснѣе были связаны съ Холмогорами благодаря сравнительно большей быстротѣ мор-

---

[1]) А. Э. I № 211.

[2]) Врем. О. И. Д. II, 76; III, смѣсь, 6—9; Пр. Д. 1647 № 26: „отпущены въ городы изъ Новгородской четверти.... въ Каргополь и въ Турчасово Плакида Темирязевъ".

скаго сообщенія, чѣмъ съ Колою, отъ которой онѣ были отрѣзаны труднопроходимыми пустынными мѣстностями внутренней части Кольскаго полуострова. Кромѣ этихъ двухъ волостей, уѣздъ распадался еще на 36 округовъ, изъ которыхъ 6 носятъ названіе становъ[1]), остальные во всемъ сходные съ первыми, называются волостями. Отдѣльно отъ этихъ округовъ въ Двинскомъ уѣздѣ описываются двѣ слободы: Солза при впаденіи р. Солзы въ море, слободка Отхожая на Солоозерѣ и упомянутый выше погостъ Яренга. До половины XVI в. мы видимъ въ Двинскомъ уѣздѣ намѣстниковъ, уступившихъ мѣсто земскимъ властямъ съ 1556-го года[2]), впрочемъ не надолго. Въ 1587 г. въ уѣздъ назначаются воеводы, и эту новость надо очевидно ставить въ связь съ возникновеніемъ въ 1584 г. города Архангельска, получившаго значеніе важнаго стратегическаго пункта. Воеводы лѣтомъ жили въ Архангельскѣ, а зимою переѣзжали въ Холмогоры. Мѣстная двинская лѣтопись запомнила перемѣну, происшедшую въ воеводской власти въ началѣ XVII в. „До сего воеводы", читаемъ мы въ ней подъ 1613 г., „съ воеводами судили вмѣстѣ двинскіе выборные судьи, а сей воевода Никита Пушкинъ двинскимъ выборнымъ судьямъ земскимъ съ собою въ товарищахъ быть не велѣлъ, а приказалъ имъ быть въ товарищахъ съ осадными головами на Холмогорахъ, когда воеводы въ лѣтнее время бываютъ у Архангельскаго города"[3]).

Далѣе къ востоку отъ Двинскаго уѣзда лежали два уѣзда: Кеврольскій и Мезенскій[4]). Первый былъ расположенъ по верховьямъ р. Пинеги, праваго притока С. Двины и по притокамъ Пинеги, слѣва—Выѣ, Сурѣ, Покшенгѣ, Немьюгѣ; справа—Нюхчѣ, Сямженгѣ и Ежугѣ. Граница Кеврольскаго уѣзда съ Двинскимъ проходила по близости Волока Пинежскаго, пункта, откуда производилось сообщеніе волокомъ между рѣками Пинегою и Кулоемъ. Пограничной съ Двинскимъ уѣздомъ волостью была Пильегорская, крайней волостью къ югу Малая Пинежка у самыхъ истоковъ Пинеги. Центромъ уѣзда служилъ миніатюрный посадъ Кеврола, въ которомъ перепись 1678 г. насчитывала всего 18 дворовъ. Въ концѣ столѣтія Кеврольскій уѣздъ дѣлился на 21 округъ, изъ нихъ 11, расположенные по р. Пинегѣ, ближайшіе къ посаду Кевролѣ, образуютъ Кеврольскій станъ. Остальныя 10 волостей, не входятъ въ составъ какого либо высшаго дѣленія.[5]) Изъ 21 округа—19 носятъ названіе волостей, а два называются

---

[1]) Станы: Терпиловъ, Лентьевъ, Алексѣевъ—въ устьѣ Двины, Андреяновъ по р. Лодмѣ, впадающей въ С. Двину (собственно въ р. Кузнечиху, рукавъ устья Двины), Загорскій—около Холмогорскаго посада, Сояльскій—по низовьямъ р. Пинеги.

[2]) А. Э. I № 250. 1556 г. Уставная Двинская грамота.

[3]) Двинск. лѣтоп. изд. Титовымъ; *Крестининъ,* Начертаніе исторіи г. Холмогоръ. Спб. 1790 г.

[4]) Прилож. I, стр. 24, 26.

[5]) Именно: Пильегорская, Перемская, Чакола и Пиринема—по р. Пинегѣ ниже Кевролы; Верколская, Лавела, Сура, Нюхча, Выя и Малая Пинежка—по верховьямъ Пинеги съ притоками Сурою, Нюхчей и Выей.

просто: „Деревни по р. Немьюгѣ“ и „На Шетогорѣ деревни“, представляя собою группы изъ 8 и 10 деревень.

Мезенскій уѣздъ простирался по низовьямъ р. Кулоя, впадающаго въ Бѣлое море и по р. Мезени съ ея притоками, слѣва Вашкой въ нижнемъ ея теченіи и Кимжей, справа Пезой. Въ XVI в. къ Мезени были присоединены двѣ волости, входившія прежде въ составъ Вычегодскаго уѣзда и взятыя въ опричнину: Олема по р. Вашкѣ и Малая Немьюшка по р. Немнюгѣ, правому притоку Кулоя, „что отмежевалъ отъ Вычегодскаго уѣзду отъ Удоры къ Пѣнегѣ и къ Мезени кн. Гр. Вяземскій въ опричнину“, какъ замѣчаетъ писцовая 1623 г.[1]). Въ концѣ XVII в. Мезенскій уѣздъ дѣлился на 7 волостей; восьмой округъ, входившій въ составъ этого уѣзда и состоявшій изъ слободы Лампожни съ тремя прилегающими къ ней деревнями, не носилъ названія волости, а именовался просто „слободой съ деревнями“. Кевролькія и мезенскія земли, вошедшія въ составъ этихъ уѣздовъ: Кеврола, Чакола, Перемь, Мезень, Выя, Пинежка, Немьюга, Пильи горы упоминаются въ грамотѣ 1471 г. въ числѣ земель, переданныхъ новгородцами московскимъ великимъ князьямъ. Ими управляли великокняжескіе намѣстники[2]). До XVII в. эти уѣзды входили въ составъ Двинской земли, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ поданная въ 1614 г. двинянами жалоба на кевролькевъ и мезенцевъ въ нежеланіи принимать участіе въ постройкѣ архангельской городовой стѣны, тогда какъ прежде при царѣ Иванѣ Грозномъ, указывали двиняне, „тотъ архангельской городъ ставленъ пятью городы (двинскими посадами) и Кевролью, и Мезенью, потому что та Кеврола и Мезень одна съ нами“. Въ жалобѣ Кевролькій и Мезенскій уѣзды названы „станами Двинской же земли“. Еще писцовая книга 1623 г. по старой памяти называетъ Кевролу и Мезень „черными волостями Двинскаго уѣзда“, хотя уже въ 1616 г. на Мезень посылался особый воевода. Притязанія Двинянъ успѣха не имѣли. Кеврола и Мезень стали особыми уѣздами, управлявшимися однимъ воеводой[3]).

Къ юговостоку отъ Кевролькаго и Мезенскаго уѣздовъ, захватывая верховья рѣкъ Мезени и ея притока Вашки (Удоры) и по р. Вычегдѣ съ ея притоками: слѣва Сысолой и справа Вымью простирался Яренскій уѣздъ[4]). Этотъ уѣздъ складывался медленнѣе другихъ. Въ концѣ XVI в. эта мѣстность не носитъ еще единаго общаго названія, и для ея обозначенія оффиціальные акты перечисляютъ отдѣльныя „земли“, входившія въ ея составъ и представляющія изъ себя особые земскіе міры. Какъ цѣлое уѣздъ сформировался только къ XVII в., но „земли“, называемыя также

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 185, л. 438.

[2]) А. Э. I № 94. О волостеляхъ, посылавшихся на Пинежку Малую въ половинѣ XVI в. см. Арх. ист.-юрид. свѣд. Калачова III, отд. II, стр. 33, 46, 73.

[3]) Арх. истор. и практ. свѣдѣній Калачова, 1859 г. кн. 3. Критика, стр. 47—48. Арх. мин. юст. писц. кн. 185. Временникъ О. И. Др. кн. II, Разрядная 124 г., стр. 76.

[4]) Прилож. I, стр. 28.

волостями, не слились еще прочно, въ нихъ замѣтны еще признаки обособленной жизни. По книгѣ 1608 г. уѣздъ и подраздѣляется на эти земли; то были: Яренскій „уѣздъ“ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. ближайшая округа Яренскаго городища, Усть-Вымь, Вымь по рѣкѣ того же имени, Удора по р. Вашкѣ (Удорѣ), Сысола по рѣкѣ Сысолѣ; кромѣ того: волость Плесовская—по р. Вычегдѣ, ниже Яренскаго уѣзда и волость Глотова слобода на верховьяхъ р. Мезени. Писцовая книга 1608 г. описываетъ отдѣльно эти части, и самое заглавіе книги: „книги Вымскіе и Вычегодскіе земли, Еренскаго городища“ показываетъ, что въ представленіи писца „зéмли“ не были еще единымъ цѣлымъ. Въ XVII в. Яренское городище становится административнымъ центромъ; но отдѣльные притоки рѣки Вычегды не совсѣмъ забываютъ свою былую самостоятельность, и еще въ 30-хъ годахъ столѣтія составныя части Яренскаго уѣзда называются иногда также уѣздами: Вымскимъ и Сысольскимъ. Еще въ 1653 г. жители деревень по р. Нѣмѣ, лѣв. притоку Вычегды, доказываютъ, что они „въ Еренскомъ городкѣ несудимы“ [1]). Въ каждой изъ этихъ крупныхъ волостей по переписи 1608 г. намѣчаются болѣе мелкія дѣленія: волости и погосты. Такъ въ Яренскомъ уѣздѣ (въ тѣсномъ смыслѣ) по книгѣ 1608 г. заключаются 3 волости: Окологородная, Тохта по р. Яренгѣ и Вадья при устьѣ Лены, притоку Вычегды, и 10 погостовъ; въ Усть-Выми указано 3 погоста, въ Выми—13, въ Удорѣ—3, въ Сысолѣ—11, въ Плесовской волости—3 погоста. Волостка—группа деревень; погосты по этой переписи—частію такія же группы, частію же просто поселки съ церквами. Къ 40-мъ годамъ XVII в. подраздѣленія уѣзда отчетливѣе. Уѣздъ сталъ дѣлиться на погосты въ смыслѣ округовъ, не всегда даже имѣющіе церковь въ своемъ центрѣ. Встрѣчаемъ напр. „погостъ Межайдоръ безъ церкви“, какъ гласитъ сама писцовая книга. Такихъ погостовъ—округовъ по книгѣ 1646 г. можно насчитать 34. По книгѣ 1678 г. уѣздъ дѣлится на 39 округовъ, изъ которыхъ 3 попрежнему называются волостями, остальные погостами.

Еще въ началѣ XVII в. Вымской землей правилъ намѣстникъ [2]), подъ рукою котораго дѣйствовали земскія выборныя власти, „сотники“ вошедшихъ въ составъ Яренскаго уѣзда земель, именно сотники вычегодскій, вымскій, сысольскій и удорскій. Въ концѣ XVI в. шла борьба между жителями этихъ земель и сольвычегодцами, которые доказывали принадлежность яренчанъ къ Сольвычегодскому уѣзду, подобно упомянутой выше борьбѣ между кевролыцами и мезенцами съ одной стороны и двинянами, доказывавшими ихъ принадлежность къ двинскому уѣзду съ другой. Побѣда осталась за яренчанами. Въ XVII в. всѣми этими землями правитъ воевода, резиденціей котораго служитъ Яренскій городокъ [3]).

На самомъ крайнемъ востокѣ поморской области на р. Печорѣ находились въ XVII в. незначительные поселки: Пустозерскій острогъ при

---

[1]) Пр. Д. 1582 г.; Арх. мин. юст. писц. кн. 142; Пр. Д. 1653 № 114.

[2]) А. Ю. Б. II № 230, IV.

[3]) Пр. Д. 1582 г.

устьѣ Печоры и двѣ слободки по ея среднему теченію: Усть-Ижемская и Цылемская. Этими крайними пунктами русской колонизаціи на поморскомъ сѣверѣ, составлявшими Пустозерскій уѣздъ, управляли воеводы, жившіе въ Пустозерскѣ [1]).

Въ составъ Поморья кромѣ бассейновъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитый океанъ, входила далѣе также часть волжскаго бассейна, именно верховья рѣкъ Вятки и Камы, по которымъ лежали Вятская и Пермская земли [2]). Вятская земля [3]) состояла изъ пяти городовъ: Хлынова (теперешняя Вятка), Котельнича, Орлова, Слободского и Шестакова, причемъ каждый изъ этихъ городовъ былъ центромъ особаго уѣзда. По сохранившимся документамъ мы можемъ прослѣдить образованіе послѣдняго изъ нихъ, Шестаковскаго. Съ конца первой половины XVI в. изъ Слободского уѣзда Вятской земли начинаетъ выдѣляться въ особый округъ группа деревень и починковъ, возникшихъ на р. Вяткѣ выше г. Слободского „на черномъ дикомъ лѣсу" послѣ производившейся здѣсь въ первой половинѣ XVI в. большой переписи. Общими силами, прибѣгнувъ къ займу, эта группа построила себѣ особый отъ г. Слободского городокъ для защиты отъ инородцевъ, названный Шестаковымъ. Грамота 1546 г. разрѣшаетъ жителямъ расположенныхъ вокругъ Шестакова деревень выбирать себѣ особаго "слободчика". По книгамъ XVII в. Шестаковскій уѣздъ является уже вполнѣ сформировавшимся и описывается отдѣльно отъ Слободского уѣзда [4]).

Среди уѣздовъ Хлыновскій превосходилъ размѣрами остальные. Во главѣ „земли" стоялъ городъ Хлыновъ, по отношенію къ которому остальные четыре города носили названія „пригородовъ", какъ бы повторяя тѣмъ отношенія Новгорода В., колоніей котораго была Вятка, къ его пригородамъ. Нѣкоторые изъ этихъ вятскихъ уѣздовъ имѣли дальнѣйшія подраздѣленія. Хлыновскій уѣздъ подраздѣлялся на 6 становъ, причемъ въ одномъ изъ нихъ Спенцынскомъ выдѣлена въ особый округъ часть подъ именемъ Бритовской волости. По описанію 1678 г. другой станъ, Великорѣцкій раздѣленъ на 5 волостей. Слободской уѣздъ по переписи 1620-хъ годовъ дѣлится на 5 становъ, къ которымъ въ 1678 г. присоединяется одна волость—Совьинская. Изъ остальныхъ вятскихъ уѣздовъ Орловскій дѣлился на два округа: Окологородье, въ переписной книгѣ 1678 г. называемое Орловскимъ станомъ

---

[1]) Пр. Д. 1628 № 63, л. 30—31.

[2]) О томъ, что Вятская и Пермская земли входили въ составъ Поморья см. напр. Дворц. Разр. I, 245: назначеніе воеводъ по городамъ. „*Въ поморскихъ* городѣхъ: на Вяткѣ воевода кн. Ѳ. А. Звенигородской, въ Перми Левъ Волковъ..., въ Кайгородкѣ Иванъ Редриковъ, въ Каргополѣ и т. д.; Д. А. И. VII, стр. 109: 24 іюля 1678 г.: „въ прошлыхъ годѣхъ по указомъ... в. г. Михаила Ѳедоровича и... в. г. Алексѣя Михайловича возили въ Сибирь на Верхотурье сошные хлѣбные запасы изъ *поморскихъ* городовъ: съ Устюга В., отъ Соли Вычегодской, съ Вятки съ пригороды, съ Чердыни, съ Кайгорода, съ Соли Камской, съ Выми и т. д.

[3]) Прилож. I, стр. 33.

[4]) А. Э. I № 210.

и Истобенскую волость—теперь с. Истобенское на р. Вяткѣ ниже Орлова. Въ свою очередь это Окологородье состояло изъ 6 небольшихъ волостей или волостокъ. Вся территорія Котельническаго уѣзда по переписи 1620-хъ годовъ называется станомъ и дѣлится на 6 волостокъ. Шестаковскій уѣздъ образуетъ также одинъ станъ и дальнѣйшихъ подраздѣленій не имѣетъ.

Въ концѣ XV и въ XVI вв. вятскіе города, кромѣ Шестакова, только возникшаго въ XVI в., представляли каждый особое кормленіе, на которое назначался особый намѣстникъ [1]). Въ 40-хъ годахъ XVI в. въ нихъ заведены были губныя учрежденія. Въ XVII в. Хлыновъ, Котельничъ и Орловъ составляли всегда одинъ воеводскій округъ. Слободской и Шестаковъ, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ получали особаго воеводу [2]) Во второй половинѣ XVII в. всѣ вятскіе города опять объединились подъ властью одного воеводы. Кромѣ этой внѣшней, чисто механической административной связи вятскіе города тѣснѣе, чѣмъ какіе либо другіе связаны были между собою земскими отношеніями, образуя единую Вятскую землю, хотя имъ и не чужды были препирательства и споры. Къ Поморью относились только обозначенныя части Вятской земли. Другіе вятскіе города съ уѣздами, вошедшіе позже въ составъ Вятской губерніи: Уржумъ, Яранскъ и Царево-Санчурскъ причислялись въ XVII в. къ „понизовнымъ", приволжскимъ; они отличались отъ „поморскихъ" и по своему соціальному строю: въ нихъ начинало встрѣчаться помѣстное служилое землевладѣніе, отсутствіемъ котораго характеризуется Поморье [3]).

Три уѣзда, расположенные по верхней Камѣ: Кайгородскій, Чердынскій и Соликамскій составляли Пермскую землю или Пермь Великую [4]), какъ она называлась въ грамотахъ XVII в. Кайгородскій уѣздъ занималъ пространство по самому верховью Камы и по ея притокамъ Лупьѣ и Большой Волостницѣ слѣва и Колышу справа. По единственному дошедшему до насъ описанію 1678 г. онъ заключалъ въ себѣ 7 мелкихъ подраздѣленій: Око-

---

[1]) Труды Вятской учен. арх. ком. 1905 вып. 3 стр. 79—80. Грамоты на кормленіе: 1505 г. май, намѣстнику Андрею Племянникову—Слободского городка на Вяткѣ; грамота Ив. Племянникову о пожалованіи въ кормленіе городка Орлова на Вяткѣ 1489—1505 г.; грамота 1511 г. о пожалованіи намѣстнику Θедору Кафтыреву въ кормленіе городка Орлова на Вяткѣ. Арх. ист.-юр. свѣдѣній Калачова, кн. III, отд. II, боярская книга 1556 г., стр. 51: „Григорій Щуръ Васильевъ с. Курчовъ на Слободскомъ на Вяткѣ два года будетъ Рождество Христово 64; стр. 79: „Ондрей да Григорій Третьякова дѣти Губина: Ондрею данъ былъ Орловъ на Вяткѣ, а наѣхати было ему 62, и онъ о наѣздѣ не билъ челомъ; а Григорью данъ былъ Котельничъ на Вяткѣ, а наѣхати было ему на Ильинъ день 65".

[2]) *Спицынъ*, Мѣстное и областное управленіе на Вяткѣ до XVIII в. Календарь Вятской губ. на 1889 г., стр. 177, 178, 182.

[3]) Труды Вятск. арх. ком. 1905, вып. 3, стр. 82—87: вятская губная грамота. *Спицынъ,* Земля и люди на Вяткѣ въ XVII в., Календ. Вятск. губ. на 1887 г. стр. 174.

[4]) Прилож. I, стр. 39.

логородный станъ, 3 погоста, расположенные по сосѣдству съ Окологороднымъ станомъ и три волости: Волостницу, Зюздинскую и Колышъ, лежавшія по р. Камѣ и ея притокамъ: Волостницѣ и Колышу, выше Кайгорода и въ значительномъ отдаленіи отъ него. Ниже лежалъ Чердынскій уѣздъ въ области камскихъ притоковъ: слѣва Вишеры съ Колвой и справа Косы и Уролки. Еще ниже—Соликамскій уѣздъ въ области притоковъ Камы: Яйвы и Косьвы слѣва и Инвы и Обвы справа. Въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ сельскіе округа, ближайшіе къ посадамъ, непосредственно къ нимъ примыкающіе, назывались окологородными станами, остальные округа: 12 въ Чердынскомъ и 6 въ Соликамскомъ по описанію 1620-хъ гг. погостами [1]). Погостъ, какъ извѣстно—областная единица новгородскаго края. На погосты дѣлился Новгородскій уѣздъ, и въ далекой отъ Новгорода восточной части Поморья раздѣленіе уѣздовъ на погосты надо, вѣроятно, считать вліяніемъ новгородскихъ порядковъ. Центромъ края до 30-хъ годовъ XVII в. была Чердынь, служившая резиденціей сначала намѣстниковъ, а затѣмъ воеводъ; Кайгородъ же и Соликамскъ разсматривались въ то время какъ чердынскіе пригороды. Съ 30-хъ годовъ первенствующее значеніе въ Пермскомъ краѣ переходитъ къ Соликамску. Быстрый ростъ этого города связанъ съ проложеніемъ черезъ него новаго пути въ Сибирь, по которому направилось торговое движеніе, минуя Чердынь. Соликамскъ становится тогда и административнымъ центромъ Перми. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ его уѣзду отходятъ земли по рр. Инвѣ и Обвѣ, относившіяся прежде къ Чердынскому уѣзду. До 1613 г. вся Пермская земля управлялась однимъ намѣстникомъ, жившимъ въ Чердыни. Съ 1613 по 1636 г. въ каждый изъ трехъ уѣздовъ назначался особый воевода. Съ 1636 г. Чердынскій и Соликамскій уѣзды вновь были соединены подъ управленіемъ одного воеводы, резиденціей котораго сталъ Соликамскъ [2]). Къ югу отъ Соликамскаго уѣзда по р. Чусовой начинались обширныя, лежавшія сплошной территоріей вотчины Строгановыхъ, составлявшія особый округъ, въ управленіе которымъ общая администрація не вмѣшивалась.

Воеводы во всѣ эти перечисленные 16 уѣздовъ назначались изъ приказа Новгородской четверти. Къ вѣдомству Устюжской четверти относились слѣдующіе 5 уѣздовъ: Сольвычегодскій, Устюжскій, Тотемскій, Устьянскія волости и Чарондская округа. [3])

Сольвычегодскій уѣздъ охватывалъ собою нижнее теченіе р. Вычегды, начиная отъ впаденія въ нее рѣкъ: Лупьи слѣва и Чаколки справа, до сліянія ея съ С. Двиной; затѣмъ включалъ въ себя мѣстности по обоимъ берегамъ С. Двины вверхъ отъ устья Вычегды до сліянія Сухоны съ Югомъ, по самымъ низовьямъ Сухоны и Юга и по большому правому притоку р. Юга—Лузѣ. Къ Сольвычегодскому уѣзду принадлежало также теченіе Виледи, лѣваго притока Вычегды съ расположенною по ней Вилегодскою волостью.

---

[1]) Въ Соликамскомъ у. 12 по описанію 1647 г. и 18 по описанію 1678 г.

[2]) *Дмитріевъ*, Пермская Старина, I, 170—172.

[3]) Прилож. I, стр. 45, 48, 54, 58, 59.

Въ уѣздѣ мы встрѣчаемъ по описанію 1620-хъ гг. разнообразное дѣленіе, именно 6 становъ[1]), 6 волостей[2]) и кромѣ этихъ 12 округовъ еще 2 округа, состоящіе первый изъ группы въ 8 деревень подъ г. Устюгомъ съ особымъ названіемъ: „Въ Пятницкомъ концѣ и на Назимовѣ, и на Дымковѣ", второй изъ села Петровскаго съ 28 деревнями по низовьямъ Сухоны и Юга, по рр. Шардентѣ и Шемоксѣ съ названіемъ: „Въ Петровскомъ сельцѣ деревни черныя". По внутреннему складу и по административному устройству эти группы ничѣмъ не отличаются отъ волостей, хотя и не носятъ такого имени. Территорія Сольвычегодскаго уѣзда подходила къ самому Устюжскому посаду, такъ что устюжане посадскіе владѣли дворами на усольской землѣ, и между землями уѣздовъ создавалась запутанная черезполосица. Селенія становъ Ярокурскаго (по С. Двинѣ между устьями ея лѣвыхъ притоковъ Стриги и Удимы), Вондокурскаго (по С. Двинѣ ниже устья Удимы, по р. Удимѣ и Реважу) и волости Шемоксы (по С. Двинѣ и ея прав. притоку Шемоксѣ), принадлежавшихъ къ Устюжскому уѣзду, соприкасались, перемѣшиваясь, съ деревнями и починками Алексинскаго и Баскачьяго становъ и округа села Петровскаго, относившихся къ Сольвычегодскому уѣзду. Нѣсколько деревень Баскачьяго стана Сольвычегодскаго уѣзда принадлежали къ обоимъ уѣздамъ, платили подати и въ тотъ, и въ другой: данныя деньги вносили вмѣстѣ съ селомъ Баскачьимъ по Сольвычегодскому уѣзду, а оброкъ—въ Устюжскій уѣздъ вмѣстѣ съ Ивановымъ Погостомъ, принадлежавшимъ къ послѣднему. Лѣсъ, которымъ пользовались эти деревни, отведенъ былъ имъ писцами „вопче" съ нѣсколькими деревнями Устюжскаго уѣзда. Такое же межеумочное положеніе между обоими уѣздами занимали двѣ деревни, принадлежавшія къ округу села Петровскаго, которыя должны были также данныя деньги и всякіе денежные доходы платить въ Сольвычегодскій уѣздъ, а оброчныя деньги за волостелинъ доходъ—въ Устюжскій. До чего неопредѣленны и непрочны были границы между этими двумя уѣздами въ округѣ села Петровскаго, показываетъ воззрѣніе тамошнихъ крестьянъ, по которому можно было землю „перевести" изъ одного уѣзда въ другой путемъ сдѣлки купли-продажи въ томъ случаѣ, если продавецъ и покупатель принадлежали къ разнымъ уѣздамъ[3]). Въ Алексинскомъ стану Усольскаго уѣзда находимъ церковный погостъ съ двумя церквами,

---

[1]) *Окологородный, Пачеозерскій* къ З. отъ Сольвычегодска по озеру Пачеозеру, *Алексинскій*—по Двинѣ и ея притокамъ, лѣвымъ Удимѣ и Реважу и правому Шемоксѣ, *Баскачій* съ селомъ Баскачьимъ—Вондокурскимъ, какъ центромъ, *Ратмировскій,*—по р. Лузѣ и ея притокамъ Чигрѣ и Пырзѣ, *Андреевскій*—теперь Андреева гора на р. Лузѣ.

[2]) *Утмановская*—по рр. Югу и Шелгѣ, *Антропьева слобода*—по рр. Лузѣ и Лалѣ, *Лальская*—по р. Лалѣ, *Учецкая*—по рр. Лузѣ и Учкѣ, *Лузская Пермца*—по верховьямъ р. Лузы, *Вилегодская*—по р. Виледи, лѣв. притоку Вычегды.

[3]) Пр. Д. 1647 № 91. Крестьянинъ деревни Мездриной, входившей въ составъ округа села Петровскаго, жалуется, что прежніе владѣльцы этой деревни одну изъ поженъ, къ ней принадлежавшихъ, „отпродали изъ Усольскаго уѣзда въ Устюжскій уѣздъ крестьянину Устюжскаго уѣзда Быкокурскаго стана".

изъ которыхъ одна стоитъ на устюжской, а другая на усольской землѣ[1]). Деревни нѣсколькихъ сосѣднихъ становъ и округовъ обоихъ уѣздовъ были, повидимому, территоріально совершенно перемѣшаны между собою, и отношеніе каждой изъ нихъ къ тому или другому центру опредѣлялось не географическимъ положеніемъ, а приписной по писцовой книгѣ. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XVI в. по разнымъ станамъ и волостямъ Сольвычегодскаго уѣзда дѣйствуютъ выборныя земскія власти[2]). Въ XVII в. уѣздомъ управляетъ воевода.

Устюжскій уѣздъ, наиболѣе старинное владѣніе московскихъ государей, самый населенный изъ поморскихъ уѣздовъ, занималъ пространство по нижней Сухонѣ съ притоками, начиная отъ впаденія въ нее р. Бруссеницы справа, и по Югу съ притоками. Съ южной стороны къ Устюжскому уѣзду принадлежало также теченіе р. Вохмы, впадающей въ Ветлугу и относящейся къ бассейну верхней Волги. Къ сѣверу нѣсколько волостей Устюжскаго уѣзда лежало по С. Двинѣ на пространствѣ отъ сліянія Сухоны съ Югомъ до устья Вычегды, перемѣшиваясь, какъ мы только что видѣли, съ волостями Сольвычегодскаго уѣзда[3]). Устюжскій уѣздъ простирался затѣмъ ниже устья Вычегды по обоимъ берегамъ С. Двины до впаденія въ Двину р. В. Тоймы[4]), откуда начинался уже Важскій уѣздъ. По переписи 1620-хъ годовъ въ Устюжскомъ уѣздѣ насчитывалось 57 дѣленій. Изъ нихъ 4 носятъ названіе становъ, ничѣмъ не отличаясь отъ остальныхъ 53, носящихъ названіе волостей. Это станы: *Сухонскій Черный* и *Сухонскій Нововышлый,* очевидно, судя по его имени, образовавшійся позже перваго, расположенные по р. Сухонѣ, ея лѣвымъ притокамъ Темтасу и Марденгѣ, а также по р. Стригѣ (лѣв. притокъ Двины); далѣе, станъ *Ярокурскій*—по лѣвому берегу Двины ниже устья Стриги до устья р. Удимы и станъ *Вондокурскій*—по р. Двинѣ, Удимѣ и Реважу, черезполосный, какъ мы видѣли, съ Баскачьимъ станомъ Сольвычегодскаго уѣзда. Изъ 53 волостей 20 образуютъ четыре связанныя группы, называемыя также станами, причемъ эти сложные станы-группы надо отличать отъ упомянутыхъ выше простыхъ. Таковы станы: *Бѣлослудскій,* расположенный по Двинѣ и ея притокамъ Мошкурьѣ и Уфтюгѣ и заключающій въ себѣ 5 волостей: Нижнюю Мошкурью (Бѣлая Слуда—тожъ, теперь по-

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 446. „Погостъ въ Ярокурьѣ, церковь Р. Х...., а стоитъ тотъ храмъ на устюжской землѣ. Строенье, образы и ризы, и книги, и все церковное строенье писано въ устюжскихъ писцовыхъ книгахъ. Да на томъ же погостѣ подъ колокольницею церковь Илья Пророкъ стоитъ на усольской землѣ".

[2]) А. Э. I № 254; Пр. Д. 1627 № 55: 1558 г. „Отъ царя и в. кн. Ивана Васильевича... Вычегодскіе Соли Окологородныхъ деревень (станъ Окологородный) излюбленнымъ судьямъ".

[3]) Станъ Ярокурскій, вол. Синегодская, вол. Шемокса, вол. Вотложма.

[4]) Волости: Юрьевъ Наволокъ, Евда, Верхняя Мошкурья, станъ Бѣлослудскій, станъ Комарицкій, волости: Уфтюга, Пермогорья, Чупрова, Черевковская, Сидорова Ѳдома, Ягрышъ и станъ Кивокурскій.

гостъ Бѣлослудскій), Бучееву слободку, Давыдову слободку, Цивоозеро (теперь погостъ Цивозерскій) и Нижнюю Ергу; *Комарицкій*—по Двинѣ и по рр. Евдѣ, Канзѣ, Вонгодѣ, впадающимъ въ Двину недалеко отъ устья р. Вычегды. Этотъ станъ подраздѣлялся еще на два конца: Нижній, заключавшій въ себѣ 3 волости, именно: Юрьевъ Наволокъ, Евду въ Липовомъ Шеломени и Верхнюю Мошкурью и Верхній конецъ, въ составъ котораго входили 4 волости, именно: Сухой погостъ, Канза, Вонгода и Вешкурья (теперь погостъ Вешкурскій); *Кивокурскій*,—по р. Ергѣ, правому притоку Двины, включавшій въ себѣ 6 волостей съ названіями: Кивокурья, Ракулка, Нижняя Ерга, Лупья, Средній погостъ и слободка Вахрамѣевская, которая состояла изъ слободки съ тремя деревнями. Наконецъ, послѣдній *Быкокурскій станъ*, расположенный по р. Югу и его притоку Шарденгѣ, дѣлился на двѣ волости, называвшіяся также концами: Шарденга Верхній конецъ по верховьямъ и Нижній конецъ по нижнему теченію и устью Шарденги и по лѣвому берегу Юга ниже этого устья. Остальныя 33 волости находились въ несвязанномъ состояніи. До земской реформы въ Устюгѣ В. сидѣлъ намѣстникъ, отдѣльными волостями правили волостели [1]). „Въ лѣто 1557 съ Покрова", какъ запомнила Архангельская лѣтопись, которую по содержанію извѣстій скорѣе можно бы назвать Устюжской, „учали судити по городамъ и по станамъ земскіе судьи", т. е. съ отмѣной намѣстниковъ и волостелей управленіе перешло къ выборнымъ властямъ [2]). Въ XVII в. уѣздомъ правитъ воевода, при которомъ находится подьячій съ приписью.

Вверхъ по рѣкѣ Сухонѣ отъ устьевъ рр. Сученги слѣва и Брусеницы справа простирался Тотемскій уѣздъ до устья праваго притока Сухоны Вѣкшенги, за которой находился Вологодскій уѣздъ, не входившій въ составъ Поморья. Въ область Тотемскаго уѣзда входили также самыя верховья р. Ваги и притока Ваги р. Кулуя. [3]) По книгамъ 1620-хъ годовъ уѣздъ раздѣлялся на 19 волостей; кромѣ того въ немъ было еще 2 округа, не носившихъ названія волостей: одинъ состоялъ изъ двухъ слободъ и одной деревни; другой, именовавшійся „Посухонскія слободки и деревни"—изъ 2 слободъ и 8 деревень. Тотьма и ея отдѣльныя волости до земской реформы отдавались въ кормленіе волостелямъ [4]). Въ XVII в. Тотемскимъ уѣздомъ правитъ воевода.

---

[1]) А. Э. I № 163. „А намѣстницы мои устюжскіе и волостели вондокурскіе...".

[2]) Архангелог. Лѣтоп. 1557; Р. И. Б. XIV, 823: „Отъ царя и в. кн. Ивана Васильевича... въ Устюжской уѣздъ въ Быкокурской станъ выборнымъ земскимъ судьямъ Васюку Бороткинскому съ товарищи; да въ сельцо въ Петровское выборнымъ земскимъ судьямъ Овдѣю Борисову съ товарищи; да въ село въ Пятницкое и въ Дымково выборнымъ земскимъ судьямъ Антипѣ Васильеву с. Бѣлянкину съ товарищи; да въ Комарицкой станъ выборнымъ земскимъ судьямъ Михаилу Иванову с. Мошанскаго съ товарищи или по васъ въ тѣхъ станѣхъ иные выборные судьи будутъ". Іюнь 1558 г.

[3]) Волости: Кулуя, Борокъ и Заозерье, Сянжема, Сондога.

[4]) Арх. ист.-юрид. свѣд. Калачова, кн. III, отд. II. Боярская книга 1556 г., л. 47: „Яковъ Губинъ сынъ Моклокова наѣхалъ былъ на Тотьму на

Соприкасаясь съ Устюжскимъ и Тотемскимъ уѣздами, по верхнему теченію р. Ваги и по ея притокамъ, лѣвымъ: Вели и Пежмѣ и правому Устьѣ съ ея притоками: Кокшенгой, Чадромой, Соденгой, Волюгой, лежалъ особый округъ, носившій по имени р. Устьи названіе Устьянскихъ волостей и состоявшій изъ 9 волостей [1]). Въ XVI в. эти волости сначала входили въ составъ Устюжскаго уѣзда [2]), у котораго оспаривала ихъ, стараясь притянуть ихъ къ себѣ, Тотьма. Такъ въ 1546 г. устьянцы принуждены были добиваться особой грамоты объ освобожденіи ихъ отъ повинности поставлять лошадей на тотемскій ямъ [3]). Въ 1583 г. устьянцамъ дана была новая грамота, подтверждавшая независимость волостей отъ Тотьмы [4]).

Рождество Ивана Предтечи 63, держалъ до Покрова 64, и съ того сроку Тотьма отдана въ откупъ; ibid. л. 114: „Никита да Меншикъ Григорьевы дѣти Пелепелицына. Меншикъ съѣхалъ съ *Толшмы* и *Срѣлицы* (Тотемскія волости) на Срѣтеньевъ день 59, держалъ 2 году".

[1]) Прилож. I, стр. 58. *Пежемская* волость по рр. Пежмѣ и Вели; *Чушевицкая* вол.—по рр. Вагѣ и Ковдѣ; *Чадрома*—по р. Чадромѣ, лѣв. притоку Устьи; *Ростовская*, или Заячерѣцкая—по р. Заячьей, прав. притоку Кокшенги; *Соденга*—по р. Соденгѣ, лѣв. притоку Устьи; *Шангала*—по р. Устьѣ, выше впаденія Соденги; *Никольская Волюская*—по р. Волюгѣ, прав. притоку Устьи; *Введенская*—по р. Устьѣ, выше впаденія Волюги; *Дмитріевская*—по р. Устьѣ выше Введенской волости.

[2]) Пр. Д. 1647 № 30, л. 39—42: „Отъ царя и в. кн. Ивана Васильевича..... въ *Устюжскій уѣздъ* въ волость Устью и въ Заячью рѣку"; А. Э. I № 243. 1555 г. „Се язъ царь и в. кн. Иванъ Васильевичъ..... пожаловалъ есми въ *Устюжскомъ уѣздѣ* Усьи и Заячьи рѣки волостныхъ крестьянъ".

[3]) Пр. Д. 1649 № 31. 1546 г. „И язъ тѣ волости отъ яму велѣлъ отставить, на тотемскомъ яму съ сохъ съ подводами стоять имъ не велѣлъ".

[4]) Пр. Д. 1649 № 31. Списокъ съ государевы и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи жаловальные грамоты слово въ слово. Отъ ц. и в. кн. Ивана Васильевича всея Русіи на Устюгъ на Великой земскимъ судьямъ и старостамъ, и цѣловальникамъ. Били намъ челомъ Устюжскаго уѣзду крестьяне Иванко Тимоѳеевъ да Тимошка Ксенифонтовъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Устьянскіе, и Чушевицкіе, и Пежемскіе, и Заячерицкіе, и Чадромскіе волости, а сказали: пожаловали де мы ихъ преже сего, дали имъ свои грамоты, а не велѣли имъ тянуть къ Тотьмѣ никоторымъ тягломъ и на ямъ подводъ ставить. А данныя и оброчныя деньги велѣли имъ привозить самимъ къ намъ на Москву на срокъ на Крещеніе Христово. А нынѣ де тотемскіе посадскіе люди велятъ тянуть съ собою къ Тотьмѣ всякимъ тягломъ и на ямъ подводы велятъ ставить, а прежнія де наши грамоты у нихъ рудятъ. И прогоняютъ де на Тотьму наши посланники съ Тотьмы въ ихъ волости и посылаютъ отъ себя разсыльщиковъ. А съ ними де ѣздятъ тотемскіе посадскіе многіе люди на подводахъ и проведши де ихъ на Тотьму, на правежъ ставятъ и въ тюрьму мечутъ. А отъ Тотьмы де ихъ волости удалѣли, и въ томъ де имъ крестьяномъ отъ посланниковъ и отъ разсыльщиковъ, и отъ тотемскихъ посадскихъ людей чинятся продажи и убытки великіе, и отъ того де ихъ насильства волости ихъ и досталь пустѣютъ. И намъ бы ихъ пожаловать, прежнихъ грамотъ рудить не велѣти, а велѣти имъ наши данныя и оброчныя, и подъемныя деньги платить самимъ

Однако вслѣдъ затѣмъ Тотьма одержала верхъ. При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Устьянскія волости были отдѣлены отъ Устюжскаго уѣзда и вмѣстѣ съ Тотемскимъ уѣздомъ пожалованы были Дмитрію Годунову [1]). При новой династіи Устьянскія волости обособляются отъ того и другого уѣздовъ и составляютъ самостоятельный административный округъ, особый уѣздъ безъ центральнаго города на подобіе Заонежскихъ погостовъ. И ранѣе, входя въ составъ то Устюжскаго, то Тотемскаго уѣздовъ, названныя 9 волостей были связаны между собою и представляли изъ себя нѣкоторое единое административное цѣлое, отдавались въ кормленіе одному волостелю, дворъ котораго сохранялся въ Чадромской волости еще въ 30-хъ годахъ XVII в. [2])

на Москвѣ по прежнимъ нашимъ грамотамъ на срокъ. А посошныхъ людей и ратныхъ казаковъ записывать велѣть на стану въ ихъ волостяхъ. И будетъ такъ, какъ намъ тѣхъ волостей крестьяне Иванко Тимоѳеевъ да Тимошка Ксенифонтовъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто били челомъ, а тотемскіе посадскіе люди прежнія наши грамоты у нихъ рудятъ и велятъ имъ съ собою всякое тягло къ Тотьмѣ тянуть, и какъ къ вамъ ся грамота придетъ, и вы бы тѣхъ волостей у крестьянъ прежнихъ нашихъ грамотъ рудить не велѣть (sic) и наши данныя и оброчныя, и подъемныя деньги велѣли имъ привозить къ намъ на Москву на срокъ по прежнимъ нашимъ грамотамъ. И посошныхъ людей и ратныхъ казаковъ записывать на стану въ ихъ волостяхъ, чтобъ тѣхъ волостей крестьяномъ отъ тотемскихъ посадскихъ людей и отъ нашихъ посланниковъ продажи и убытковъ не было, и волости бъ ихъ и достальныя не запустѣли. Писанъ на Москвѣ лѣта 7091 году марта въ 2 день. Въ тылу у подлинныя грамоты пишетъ: царь и великій князь всея Русіи. А на спое пишетъ: дьякъ Семенъ Сумороковъ. Списокъ съ государевы грамоты слово въ слово.

[1]) Пр. Д. 1647 № 30, л. 43—44: „Отъ царя и в. кн. Василья Ивановича (Шуйскаго)..... на Тотьму. Били намъ челомъ *Тотемскаго уѣзда* Устьянскихъ волостей крестьяне..... а сказали: въ прошлыхъ де годѣхъ при государѣ царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всея Русіи была Тотьма и съ ихъ Устьянскими волостями за Дмитріемъ Годуновымъ“.

[2]) Чт. О. И. Д. 1907, кн. I, смѣсь, 47: Уставная грамота Устьянскимъ волостямъ 1539 г.; „и кто у нихъ нашъ волостель на тѣхъ волосткахъ будетъ“. А. Э. I № 243; Арх. мин. юст. писц. кн. 15038, въ волости Чадромѣ „дворъ пустъ волостелинъ“. Пр. Д. 1653 № 1. Списокъ съ мировые. 1537 г. 20 мая. „Се язъ Игнатій Бурецъ, да язъ Ларивонъ Рышко, да язъ Ульянъ Ѳедотовы дѣти да язъ Ѳедотъ Некрасъ Ивановъ сынъ, что есми давали на поруки Ивана Андреева сына Чесноковскаго да его сына Сенку, да его племянника Ивана Носка Андреева сына, да Макара Михайлова сына, да Игнатья Ондріева сына въ землѣ на Поджарномъ межу Поджарными ручьями. И судъ намъ былъ на той землѣ. И доложа межъ собою *волостеля* Ѳедора Ѳедоровича на стану въ Шангалѣ межу собою помирились въ земляномъ дѣлѣ..... А взочнетъ язъ Бурецъ, Ларіонъ и Ульянъ, и Некрасъ тое земли искать на Поджарномъ на Иванѣ и на ихъ товарищахъ, ино на насъ счину *на волостеля* 15 руб. А взочну язъ Иванъ и мои товарищи тое земли отыскивать на Бурцѣ и на Ларіонѣ, и на Ульянѣ, и на Некрасѣ по сей порядной записи, ино на насъ *на волостеля* 15 руб. А на то послуси, староста Тимоѳей Ефимовъ сынъ, да Олферей Степановъ сынъ; да Кузьма цѣловальникъ Васильевъ сынъ. Запис

Въ смыслѣ единаго административнаго округа волости назывались въ уставной земской грамотѣ „присудомъ“ [1]). Права волостеля, которому отдавались въ кормленіе Устьянскія волости, опредѣлялись уставной грамотой, данной Василіемъ III, подтвержденной Иваномъ IV въ 1539 г. и дополненной имъ же въ 1553 [2]). Отмѣна управленія волостеля и введеніе земскаго самоуправленія въ Устьянскихъ волостяхъ относятся къ 1555 г. Въ началѣ XVII в. въ эпоху широкаго распространенія приказнаго начала въ мѣстной администраціи, для управленія Устьянскими волостями сталъ назначаться изъ Москвы „приказный человѣкъ“, т. е. простой подьячій, такъ какъ повидимому волости были округомъ слишкомъ мелкимъ для назначенія туда лица съ воеводскимъ рангомъ [3]). Въ послѣдствіи, въ 1622 г. по ходатайству волостей это назначеніе приказнаго человѣка въ Устьянскія волости прекратилось; жалованной грамотой судъ и сборъ податей переданы были земскимъ выборнымъ съ наложеніемъ на волости за освобожденіе отъ приказчика особаго „оброка“, какъ это дѣлалось и при Грозномъ, и волости стали округомъ чисто земскаго самоуправленія [4]). Неоднократно втеченіе вѣка московское правительство грозило волостямъ за невысылку старостъ къ присягѣ въ Москву, за недоборъ податей или за неисполненіе различныхъ распоряженій послать вновь въ волости приказнаго человѣка—„и имъ то будетъ“, читаемъ мы въ такихъ грамотахъ съ угрозами, „самимъ отъ себя, что они государева указу не слушаютъ“ [5]).

Къ западу отъ Устьянскихъ волостей, гранича съ Вологодскимъ, Бѣлозерскимъ и Каргопольскимъ уѣздами, охватывая со всѣхъ сторонъ озеро Воже и простираясь по рѣкамъ, впадающимъ въ это озеро, а также по рѣкамъ, впадающимъ съ юга въ озеро Лаче, лежала Чарондская округа. Ея административнымъ центромъ былъ посадъ Чаронда (теперь село Бѣлозерскаго уѣзда). Писцовыхъ книгъ по Чарондѣ не сохранилось, такъ что ея административное дѣленіе приходится возстановлять по случайнымъ до-

---

писалъ Васюкъ Ивановъ сынъ. Лѣта 7045 мая въ 20 д.; Арх. ист.-юр. свѣд. Калачова, III, отд. II, Боярская кн. 1556 г. л. 1.: „Князь Ѳедоръ княжъ Михайловъ сынъ Боряти... съѣхалъ съ Усьи и съ Заечьи рѣки на Веден... лѣта 7064 держалъ черезъ год .... ва до Веденьева дни“.

[1]) А. Э. I № 243. „А сбирати имъ тотъ годовой оброкъ *со всего своего присуда* съ Устьи и съ Заечьи рѣки съ волостей“.

[2]) Чт. О. И. Д. 1907 кн. I, смѣсь, 47.

[3]) Временн. О. И. Д. II, 76; III, смѣсь 6—9.

[4]) А. Э. III № 126. Пр. Д. 1638 № 10. „Роспись, сколько въ Устюжской чети вѣдомо городовъ и кто въ нихъ имена воеводъ и приказныхъ людей..... Устьянскія волости: въ Устьянскихъ волостяхъ вѣдаютъ и судятъ выборные судейки по годамъ, а воеводамъ и приказнымъ людемъ быть не велено“; Пр. Д. 1639 № 45. „Память изъ Устюжской чети дьякамъ думному Ивану Гавреневу да Григорью Ларіонову. Лѣта 7148 окт. въ 30 д..... въ Устьянскихъ волостяхъ вѣдаютъ и судятъ земскіе судейки, а приказнаго человѣка нѣтъ“.

[5]) Пр. Д. 1647 № 30.

кументамъ[1]). Насколько можно по нимъ судить, округа состояла не менѣе чѣмъ изъ 31 волости. Въ этомъ уѣздѣ строго выдержано дѣленіе на волости; равнозначащихъ волостямъ округовъ съ другими названіями мы здѣсь не встрѣчаемъ. При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ Чарондская округа входила въ составъ Вологодскаго уѣзда и принадлежала Д. И. Годунову. Вмѣстѣ съ нею во владѣніи того же боярина находилась Вещезерская волость Бѣлозерскаго уѣзда, позже въ XVII в. вошедшая въ составъ округи[2]). При Шуйскомъ эта округа пожалована была кн. Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому[3]). Втеченіе XVII в. ею правятъ воеводы наравнѣ съ прочими уѣздами.

Въ вѣдомствѣ Большого Дворца изъ поморскихъ уѣздовъ находился Важскій, простиравшійся по теченію С. Двины отъ устья р. Ваги вверхъ до устья р. Верхней Тоймы, по р. Вагѣ и ея притокамъ: слѣва Сюмѣ, Леди, Паденгѣ, Суландѣ, Пуѣ, Вели и Пежмѣ, справа по низовью Устьи, Кулою и по Кокшенгѣ, притоку Устьи, гранича и образуя черезполосицу съ Устьянскими волостями, изъ которыхъ Пежемская по рр. Пежмѣ и Вели отрѣзывалась отъ остальныхъ Устьянскихъ волостей территоріей Важскаго уѣзда. Этотъ уѣздъ имѣлъ три посада: Верховажье—на верхней Вагѣ, Вельскій—при впаденіи р. Вели въ Вагу и Шенкурскій—на нижней Вагѣ. Въ XVI в. онъ подраздѣлялся на два округа: Шенкурскій и Вельскій. Первый, тянувшій къ Шенкурскому посаду, включалъ въ себѣ три стана: Подвинскій по р. Двинѣ, Ледскій по рр. Леди и Сюмѣ и Ровдинскій къ югу отъ Ледскаго; второй, тянувшій къ Вельскому посаду, состоялъ также изъ трехъ становъ: Вельскаго по р. Вагѣ и нижней Вели, Слободского по р. Вагѣ и нижней Устьѣ и Кокшенгскаго по рѣкѣ того же имени. До введенія земскаго самоуправленія намѣстникъ, получавшій уѣздъ въ кормленіе, жилъ въ Шенкурскомъ посадѣ, сажая въ Вельскѣ своего тіуна для управленія вельскимъ округомъ. Какъ извѣстно, ходатайство Важскаго уѣзда о передачѣ мѣстнаго управленія въ руки выборныхъ людей въ 1552 г. послужило главнымъ толчкомъ для земской реформы Грознаго, и новое управленіе было осуществлено въ этомъ уѣздѣ, въ первую очередь. При Ѳедорѣ Вага была пожалована Годунову. Писцовыхъ книгъ Важскаго уѣзда не сохранилось, такъ что трудно ручаться за полноту списка его мелкихъ административныхъ подраздѣленій, приведеннаго въ приложеніи, составленнаго по источникамъ косвеннаго характера.

---

[1]) Пр. Д. 1614 № 2; 1626 № 41, л. 19—21.

[2]) *Шумаковъ*, Губныя и земскія грамоты. Чт. О. И. Д. 1895, кн. III, стр. 117.

[3]) Пр. Д. 1628 № 72: „Бьетъ челомъ сирота твоя государева Чарондскіе округи Воскресенскаго приходу..... А наше, государь, волостишко Воскресенскій приходъ отъ тое Вещезерскіе волости отдалѣло верстъ за десять и больше. И со 118 г. по подписной челобитной князь Михайло Васильевичъ Скопинъ, *какъ была за нимъ Чарондская округа,* насъ отдѣлилъ отъ тое волости.

Глава III.

Областное дѣленіе. Волости.

Названія мелкихъ областныхъ единицъ, изъ которыхъ составлялись уѣзды, очень различны; но среди нихъ наиболѣе частыми и обыкновенными являются три: погостъ, станъ и волость, причемъ можно замѣтить преобладаніе каждаго изъ названій по различнымъ уѣздамъ. Такъ въ Заонежьѣ и въ уѣздахъ Кольскомъ, Яренскомъ, Чердынскомъ, Соликамскомъ и Кайгородскомъ мы встрѣчаемъ дѣленіе на погосты. Въ Заонежьѣ это дѣленіе всецѣло выдержано; въ уѣздахъ Чердынскомъ, Соликамскомъ и Яренскомъ оно преобладаетъ, въ остальныхъ встрѣчается наряду съ другими наименованіями подраздѣленій. Есть уѣздъ, гдѣ выдержано дѣленіе на станы—это Хлыновскій въ Вятской землѣ, подраздѣляющійся на 6 становъ. Далѣе есть уѣзды, въ которыхъ мелкія областныя дѣленія называются въ писцовыхъ книгахъ преимущественно волостями, это: Чарондскій, Тотемскій, Мезенскій. Въ остальныхъ мы находимъ дѣленія съ тѣмъ и другимъ названіями: и волостей, и становъ. Всѣ эти дѣленія представляютъ изъ себя группы поселковъ, связанныя церковнымъ, хозяйственнымъ и административнымъ единствомъ и совершенно одинаковыя по своему значенію. Нельзя, по крайней мѣрѣ для XVII вѣка, указать положительно никакихъ различій между округами, обозначаемыми тѣмъ, другимъ или третьимъ терминомъ, ни по размѣрамъ, ни по географическому положенію, ни по административному устройству, такъ что эти различные термины,—просто синонимы, предпочитаемые по разнымъ мѣстностямъ.

Какъ извѣстно, терминъ „погостъ" употреблялся въ древней Руси въ двоякомъ значеніи. Во первыхъ, онъ обозначалъ мѣсто, на которомъ стоитъ храмъ обыкновенно съ кладбищемъ, съ дворами причта, съ кельями призрѣваемыхъ при церкви нищихъ людей, иногда съ нѣсколькими бобыльскими или крестьянскими дворами. Эти погосты не округа, а только церковныя мѣста съ расположенными при церкви поселками. Такихъ погостовъ съ поселками изъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ много было въ Вятскомъ краю. Затѣмъ онъ обозначаетъ административный сельскій округъ, т. е. группу селеній, связанныхъ общимъ управленіемъ, такъ что

въ этомъ случаѣ онъ равнозначащъ термину „волость". Храмъ служилъ объединяющимъ центромъ для разбросанныхъ вокругъ него селеній потому, что былъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, мѣстомъ совершенія не только религіозныхъ, но и разнаго рода правительственныхъ актовъ и гражданскихъ сдѣлокъ. Названіе „погостъ" съ части распространилось на цѣлое, съ пункта, гдѣ находится храмъ, на весь округъ, тянувшій къ этому храму. Погостами стали называться иногда даже округа и не имѣвшіе храмовъ.

Терминъ „станъ" употребляется въ писцовыхъ книгахъ, какъ можно было убѣдиться изъ приведеннаго въ предыдущей главѣ обзора уѣзднаго подраздѣленія, рѣже, чѣмъ терминъ „волость". Такъ въ Двинскомъ уѣздѣ изъ 41 округа по переписи 1620-хъ гг. только 6 станы, въ Устюжскомъ изъ 57 только 4; остальные—волости. Нѣкогда, во времена намѣстниковъ и волостелей, быть можетъ, существовало различіе между этими названіями по существу. Слово „станъ" обозначало первоначально мѣсто остановки правительственнаго агента, объѣзжающаго округъ, гдѣ для него мѣстное населеніе обязано было строить и содержать особые хоромы[1]). Такъ напр. уставная грамота Устьянскимъ волостямъ 1539 г. обязываетъ ихъ жителей ставить своему волостелю хоромы „на трехъ станѣхъ: въ Заечьѣ рѣкѣ, да въ Пежмѣ, да въ Чюшевичѣхъ," опредѣляя при этомъ подробно, изъ какихъ именно построекъ должны были состоять эти хоромы[2]). По связи съ этимъ значеніемъ словомъ „станъ" называли также мѣсто, служившее пунктомъ совершенія разныхъ офиціальныхъ актовъ и сбора населенія или его представителей для выслушиванія правительственныхъ распоряженій, обыкновенно находившееся у храма. „140 г. ноября въ 8 д. въ Михайловъ день", пишетъ одинъ крестьянинъ Устьянскихъ волостей, „пришелъ язъ *на станъ* на Чадромскій погостъ", т. е. на церковный погостъ Чадромской волости, гдѣ происходило засѣданіе волостного суда, до котораго у крестьянина было дѣло[3]). Въ томъ же смыслѣ надо толковать выраженія: „на стану въ Яхренской волости билъ челомъ земскому судьѣ"[4]), или: „а они крестьяне.... отъ волости Толшмы (Тотемскаго уѣзда) отъ стану живутъ верстъ за 20 и больше"[5]). Отъ стана волости здѣсь значитъ отъ административнаго центра волости. Крестьяне Орловской волости Устюжскаго уѣзда изобличали выборныхъ судей волости Иванова Погоста въ томъ, что они бьютъ челомъ государю ложно, будто „у нихъ въ волости на Ивановѣ Погостѣ стану нѣтъ, а у нихъ, государь, станъ на Ивановѣ Погостѣ, и дань разрубаютъ, и бѣлки поводятъ, и судьи судятъ издавна"[6]). Такимъ образомъ станомъ назывался центръ, гдѣ засѣдалъ судъ и

[1]) „Били мнѣ челомъ Антропьевы слободы крестьяне... а сказываютъ, что деи у нихъ въ той слободкѣ поставленъ дворъ становой утмановскому доводчику на пріѣздъ". А. И. I № 299. 1546 г.

[2]) Чт. О. И. Д. Р. 1907 кн. 1, смѣсь.

[3]) Пр. Д. 1631 № 44.

[4]) Р. И. Б. XII Б. № LV.

[5]) Пр. Д. 1647 № 127.

[6]) Пр. Д. 1628 № 72.

гдѣ волостное собраніе совершало раскладку податей. Въ Заонежьѣ центральнымъ сборнымъ пунктомъ для всего этого округа служилъ церковный погостъ Оштинскаго погоста—округа, который въ этомъ смыслѣ и называется становъ[1]). Возможно, что затѣмъ станами начали называть тѣ волости, гдѣ устроены были такіе „дворы на пріѣздъ“ правительственнымъ агентамъ, и въ этомъ заключалось прежде ихъ различіе отъ простыхъ волостей, гдѣ такихъ „становъ“ не было устроено. Какъ бы то ни было, въ XVII в. такого различія совершенно незамѣтно, и писцовыя книги очень нерѣдко мѣщаютъ термины станъ и волость, называя одинъ и тотъ же округъ то тѣмъ, то другимъ именемъ. Такъ напр. въ переписной книгѣ Мезенскаго уѣзда 1678 г. волость Юрома, расположенная по р. Мезени въ одномъ и томъ же параграфѣ, содержащемъ ея описаніе, названа волостью, становъ, да кромѣ того еще приходомъ. Еще въ большей степени мы встрѣчаемъ такое же смѣшеніе въ другихъ офиціальныхъ актахъ: грамотахъ, отпискахъ, памятяхъ, челобитныхъ и т. д.[2]).

Встрѣчаемъ въ памятникахъ XVII в. и другія названія волостей: сотнями въ Двинскомъ уѣздѣ, сошками въ Сольвычегодскомъ и въ Устьянскихъ волостяхъ напр: Лузская Пермца сошка, Княжесельская сошка, Шангальская сошка, Утмановская полусошка. Первое названіе, вѣроятно, связано съ судебно-полицейскимъ, второе съ фискальнымъ значеніемъ волости. Въ сотни съ сотскими во главѣ мѣстное населеніе было организовано для отправленія губного дѣла и вообще для разнаго рода полицейскихъ дѣлъ. Волость была иногда настолько мала, что представляла изъ себя только одну сотню, поэтому и получала такое названіе. То же замѣчаніе слѣдуетъ сдѣлать и относительно названія волостей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сошками; вѣроятно оно употреблялось первоначально въ томъ случаѣ, когда вся волость составляла одну такую податную единицу и затѣмъ продолжало сохраняться даже и тогда, когда волость ее превышала. Такъ какъ термины: погостъ, станъ и волость при наименованіи округовъ въ XVII в. совершенно равнозначащи[3]), то въ дальнѣйшемъ для

---

[1]) „Да въ прошломъ во 152 г. пріѣхалъ въ Заонежскіе погосты воевода кн. Петръ Хилковъ.... И къ его пріѣзду на с т а н ъ на Ошту пришли изо всѣхъ Заонежскихъ погостовъ старосты и волостные люди.“ Пр. Д. 1647 № 41.

[2]) Не выдерживается въ этихъ актахъ также различіе въ терминахъ „погостъ“ и „волость“, и еще въ XVI в. погосты называются волостями. *Е. Барсовъ*, Палеостровъ, его судьба и значеніе, Чт. О. И. Д. 1868 кн. I, стр. 149; 1537 г.: „А въ судѣ сидѣли люди добрые.... Ш у н с к і е в о л о с т и староста.... да Ч е л м о ж с к і е в о л о с т и староста, да Ш а л с к і е в о л о с т и староста“. Такъ названы погосты Шунскій, Челможскій и Спасскій въ Шалѣ.

[3]) Проф. Сергѣевичъ видитъ въ погостѣ округъ, но не судебный, а исключительно податной. „Погостъ есть округъ. Но какой? Не судебный, ибо судомъ погосты тянутъ къ городамъ... Древняя администрація вся исчерпывалась вопросами суда и повинностей, а потому на долю погостовъ, какъ административныхъ округовъ, остаются одни повинности.“ Древности русск. права III, 79—80. Но спрашивается, для чего же, какъ не для суда, въ Заонежскихъ

обозначенія основной единицы уѣзднаго подраздѣленія мы будемъ держаться термина „волость", независимо отъ того, какое названіе она имѣетъ въ писцовой книгѣ.

Иногда, какъ приходилось отмѣчать въ предыдущей главѣ, округъ совершенно подобный волости не носитъ никакого спеціально административнаго названія и, представляя изъ себя группу деревень, какъ и всякая волость, именуется просто словомъ „деревни" съ обозначеніемъ по большей части географическаго ихъ положенія. Таковы „деревни по р. Немьюгѣ" въ Кеврольскомъ уѣздѣ—группа изъ 8 деревень; „Посухонскія деревни и слободки" въ Тотемскомъ уѣздѣ; „Загорскія деревни села Баскачьяго" въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, образующія среди деревень, центромъ которыхъ было село Баскачье, особую группу съ платежомъ податей по двумъ уѣздамъ. Подобную же группу представляло изъ себя сельцо Петровское съ деревнями въ томъ же уѣздѣ. Есть случай, когда особо отъ подраздѣленій уѣзда описывается группа, состоящая всего изъ двухъ деревень: таковы деревни Большая и Малая Шалекушки въ Усть-Мошенскомъ стану Каргопольскаго уѣзда съ 26 дворами въ обѣихъ. Наконецъ иногда отдѣльно отъ областныхъ дѣленій и въ ряду съ ними описываются отдѣльныя деревни. Таковы напр. въ Кольскомъ уѣздѣ деревни: Новоприбылая на Елетозерѣ и Новоприбылая на Керетозерѣ съ 5-ю и 3-мя дворами; въ Яренскомъ уѣздѣ деревня Палевицы по р. Вычегдѣ выше Усть-Выми; въ Двинскомъ уѣздѣ слободы Солза, Отхожая и погостъ Яренга на берегу Бѣлаго моря. Но все это однако исключенія. Обыкновенно деревни группируются въ областныя единицы съ указанными выше названіями: погосты, станы, волости.

Какъ возникали и складывались эти мелкія областныя клѣтки, изъ которыхъ составлялись уѣзды? Были ли онѣ результатомъ естественнаго органическаго процесса, или сознательнаго правительственнаго дѣйствія? Надо признать, что волость возникала и организовалась самостоятельно, и только затѣмъ уже государство, находя ее какъ готовую сложившуюся единицу, регистрировало ее въ своихъ актахъ и приспособляло ее для своихъ цѣлей. Ея основнымъ ядромъ могъ быть отдѣльный первоначальный поселокъ, изъ котораго выселялись филіальные поселки, также въ свою очередь развѣтвлявшіеся вслѣдствіе прироста жителей. Подобно тому какъ отдѣльный первоначальный дворъ благодаря размноженію обитавшей въ немъ семьи разростался въ поселокъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, этотъ поселокъ разростался въ группу селеній, въ волость. Въ писцовыхъ книгахъ

погостахъ напр. избираются „земскіе судьи," упоминаемые притомъ отдѣльно отъ старостъ? Пр. Д. 1646 № 14: „Писали къ намъ... Спасскаго Кижскаго погоста судейка Филька Максимовъ да староста Фролка Аѳанасьевъ"... „Государю царю Алексѣю Михайловичу... бьютъ челомъ изъ Заонежья Никольскаго Шуйскаго погоста земской судьишка Андрюшка Ивановъ сынъ Чюсовъ да старостишка Петрушка Ивановъ сынъ Макаровъ". Очевидно, что погостъ былъ такимъ же судебнымъ округомъ, какъ и волость.

можно иногда встрѣтить указанія на размноженіе поселковъ, вызванное такимъ внутреннимъ увеличеніемъ населенія. Писецъ, описывавшій въ 1678 г. Зюздинскую волость Кайгородскаго уѣзда, нашелъ въ ней 28 новыхъ починковъ, поставленныхъ послѣ предыдущаго описанія 40-хъ годовъ съ 40 крестьянскими и бобыльскими дворами. „А по сказкѣ земскаго судейки съ товарищи", читаемъ мы въ книгѣ, „тѣ прибылыя деревни и починки, и дворы, и во дворѣхъ люди—не пришлые иныхъ городовъ и не бѣглые чьи люди и крестьяне; тое жъ Зюздинской волости раздѣлились отъ отцовъ дѣти, отъ братьевъ братья, отъ дядей племянники, отъ тестевъ зятья" [1]). Въ приведенномъ примѣрѣ писецъ наблюдалъ увеличеніе волости, совершавшееся путемъ разселенія жителей, благодаря естественному ихъ приросту. Нетрудно себѣ представить, какъ тотъ же самый процессъ въ болѣе раннее время созидалъ самую волость.

Группа селеній, образующая волость, могла создаваться также благодаря колонизаціи путемъ основанія рядомъ съ первоначальнымъ поселкомъ новыхъ деревень и починковъ приселенцами—колонистами, приходившими изъ другихъ мѣстностей. Этотъ процессъ можно въ особенности отчетливо наблюдать въ Вятскомъ и Пермскомъ краяхъ, куда въ XVII в. идетъ сильный потокъ колонизаціи, гдѣ число „починковъ", т. е. вновь заведенныхъ поселковъ, превышаетъ число старыхъ поселковъ, „деревень" и гдѣ во дворахъ вмѣстѣ съ основнымъ ихъ населеніемъ указывается переписями немалое количество „пришлыхъ" людей, находящихъ себѣ тамъ болѣе или менѣе временный пріютъ. Съ умноженіемъ населенія, приносимаго колонизаціей въ эти края, отдѣльные поселки на нашихъ глазахъ превращаются въ группы поселковъ, въ волости. Такъ напр. въ Чердынскомъ уѣздѣ существовалъ погостъ Ныробъ на р. Колвѣ. По переписямъ 20-хъ и 40-хъ годовъ это былъ только погостъ въ первоначальномъ смыслѣ слова, т. е. церковь съ поселкомъ, въ 20-хъ годахъ изъ 9, а въ 40-хъ изъ 27 дворовъ. По переписи 1678 г. это уже погостъ въ смыслѣ округа, охватывающаго группу поселковъ, которая состояла кромѣ самого погостскаго поселка еще изъ 4 деревень и одного починка [2]). По переписи того же года въ Хлыновскомъ уѣздѣ наряду съ прежними 6-ю станами, на которые и ранѣе дѣлился этотъ уѣздъ, появляется округъ, названный въ книгѣ по имени центральнаго его селенія „Новая Слободка Филиппова", причемъ писецъ замѣчаетъ, что въ предыдущихъ переписныхъ книгахъ 1646 г. этой слободки не написано, что „поселились на той слободкѣ послѣ переписныхъ книгъ вновь". Слѣдовательно, этотъ округъ выросъ въ какіе нибудь 30 лѣтъ до 1678 г., между тѣмъ онъ оказывался очень обширныхъ размѣровъ: писецъ насчиталъ въ немъ цѣлыхъ 148 деревень и починковъ съ 348 дворами и съ населеніемъ въ 1772 чел. муж. пола [3]). Такъ быстро колонизація создала здѣсь обширную волость.

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 184.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 351, 352.

[3]) Прилож. I, стр. 35.

Тотъ же писецъ нашелъ въ Вятской землѣ и другую новую волость, не занесенную въ предыдущія книги. Исторія ея происхожденія, разсказанная писцомъ, можетъ показать, какія формы принималъ иногда процессъ колонизаціи и дать намъ представленіе о подобномъ же происхожденіи другихъ волостей. Группа селеній возникаетъ сразу на никѣмъ не занятой раньше нови, захватываемой не одинокимъ поселенцемъ, а союзомъ колонистовъ, образовавшимся спеціально для такой цѣли, къ которому затѣмъ уже присоединяются другіе элементы. Общество изъ нѣсколькихъ вятскихъ крестьянъ, разсказываетъ книга, по всей вѣроятности артель, съ нѣкіимъ Михейкою Обуховымъ во главѣ, получило разрѣшеніе отъ правительства царя Алексѣя въ Вятскомъ уѣздѣ въ Чепецкомъ стану „на новомъ мѣстѣ на Ошланѣ рѣкѣ подъ пашню и подъ сѣнные покосы раменную землю и лѣсъ разчищать и дворами селиться". Колонисты построили на новомъ мѣстѣ церковь, принялись за разчистку лѣса и за постройку дворовъ, причемъ, какъ замѣчаетъ книга, „на томъ мѣстѣ они, Михейко съ товарищи и многіе люди поселились дворами", такъ что, слѣдовательно, къ первоначальной артели, къ „Михейкѣ съ товарищи" примкнули многіе другіе приселенцы. Въ результатѣ ихъ работъ ко времени переписи 1678 г. въ дикомъ лѣсу оказалась цѣлая Ошланская волость, состоявшая изъ 18 деревень и починковъ съ 99-ю дворами, сначала относившаяся къ Казанскому, но въ это именно время приписанная къ Хлыновскому уѣзду. Какъ и въ предыдущемъ случаѣ, волость возникла необыкновенно быстро: ея основатель былъ еще живъ въ 1678 г., когда производилась ея перепись. Свѣжестью такого же недавняго происхожденія вѣетъ отъ описанія въ 1620-хъ годахъ Леменгской волости Устюжскаго уѣзда, возникшей въ глухомъ углу по р. Леменгѣ, притоку Шарженги, впадающей въ Югъ. Писецъ этого времени нашелъ здѣсь погостъ съ церковью, 8 деревень и 6 починковъ. При описаніи деревень замѣчается: „деревня, что былъ починокъ", и эта замѣтка свидѣтельствуетъ о томъ, что недавно еще эти деревни были только починками. Описывая затѣмъ починки, писецъ при названіи каждаго изъ нихъ замѣчаетъ: „ставится ново послѣ дозору Ю. Стромилова", предыдущаго писца. Одинъ изъ починковъ, „что былъ черный лѣсъ", данъ на льготу его владѣльцу на 12 лѣтъ. Описаніе, въ которомъ пестрятъ всѣ эти выраженія: „ставится ново", „крестьяне селятся вновь", „что былъ черный лѣсъ", показываетъ, что писецъ пришелъ сюда по свѣжимъ слѣдамъ колонистовъ, что волость только что возникла. Она даже и называется иногда просто „Леменгскими починками"[1]). Въ приведенныхъ примѣрахъ волости возникаютъ въ XVII в., такъ что ихъ начало доступно наблюденію. Несомнѣнно, что такимъ же образомъ формировались волости и въ болѣе раннее время съ тою, быть можетъ, разницей, что колонисты, селившіеся на незанятыхъ земляхъ, не испрашивали разрѣшенія правительства на ихъ заимку и что моментъ регистраціи возни-

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 506, 507.

кавшихъ волостей правительственнымъ агентомъ отстоялъ дальше отъ момента ихъ возникновенія, чѣмъ это было въ разобранномъ случаѣ.

Какъ бы она ни возникала, сѣверная волость всегда имѣла одно и то же географическое положеніе, была всегда вытянута узкою лентою по берегу рѣки. Поморскій уѣздъ, какъ сказано было выше, охватываетъ цѣлый рѣчной бассейнъ—главную рѣку съ ея притоками и притоками притоковъ. По этой магистрали и по ея развѣтвленіямъ располагались волости, сѣть которыхъ точно соотвѣтствовала сѣти рѣчного бассейна. Въ образованіи сѣверныхъ русскихъ волостей рѣки играли ту же роль, которую въ образованіи швейцарскихъ общинъ играли горныя долины и ущелья.

Связь волостей съ рѣками отражалась на названіяхъ волостей. Волость называлась либо по главному своему селенію, служившему для нея центромъ, либо по приходской церкви, но всего чаще по рѣкѣ, на которой она была расположена. Иногда даже ей не давалось особаго имени, а просто указывалась эта рѣка, напр. „волость па р. Шожмѣ“, „волость па р. Лимѣ“ и т. д. Проникнуть изъ одной волости въ другую можно было только по рѣкѣ, такъ какъ на сушѣ эти узкія населенныя полосы были разъединены между собою огромными пространствами дикаго чернаго лѣса или такими же пространствами непроходимыхъ болотъ. „Въ лѣтнее, государь, время“, писалъ о волостяхъ Устюжскаго уѣзда посланный туда для сыска бѣглыхъ крестьянъ дворянинъ Микулинъ, „изъ многихъ волостей конскаго проѣзду не живетъ за безмѣрными болотами“ [1]).— „Волости въ Чарондской округѣ“, сообщаетъ въ своей отпискѣ государю чарондскій воевода, „въ розни, за озеры и за рѣками, и за мхи; иныя отъ Чаронды удалѣли верстъ за семьдесятъ и больше“ [2]). Жители Устьянскихъ волостей называли свои волости „залѣшимъ мѣстомъ“ и опредѣляя ихъ расположеніе, говорили: „стоятъ волостишка по займищамъ (разработаннымъ мѣстамъ среди лѣса) врознь на трехстахъ верстахъ“ [3]). Заонежскіе погосты, расположенные по берегамъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ и по рѣкамъ, впадающимъ въ эти озера, представлялись командированному туда въ 40-хъ годахъ XVII вѣка дворянину В. Золотареву разбросанными „врознь, погостъ отъ погоста верстъ по 50 и по 100, а иныя выставки и больше..... А въ иныхъ, государь, мѣстахъ“, читаемъ мы въ донесеніи этого дворянина, „и на лошади, и судномъ проѣзду нѣтъ; и я въ такихъ мѣстѣхъ пѣшъ волочусь“. Озера оказывались неудобными для плаванія вслѣдствіе бурь, и такимъ образомъ погосты, расположенные по ихъ берегамъ, были отрѣзаны одинъ отъ другого [4]). Разобщенная отъ другихъ во-

---

[1]) Пр. Д. 1646 № 52.

[2]) Пр. Д. 1626 № 41, л. 14—17.

[3]) Пр. Д. 1643 № 33.

[4]) Пр. Д. 1649 № 29. „Да лѣтомъ же, государь, бываетъ на Онегѣ озерѣ вѣтры держатъ....., да не токмо, государь, на озерѣ Онегѣ, и на маломъ озеркѣ, пріѣхавъ къ берегу, деревни видѣлъ, а въ суднѣ маломъ переѣхать немочно, вѣтры жъ держатъ“.

лостей лѣсами и болотами такая волость была особымъ слабо связаннымъ съ другими, замкнутымъ міркомъ, въ которомъ благодаря въ значительной мѣрѣ его географическому положенію развивалась центробѣжная сила, побуждавшая его обособляться въ самостоятельное цѣлое, выдѣляться въ особою земскую единицу. Тамъ, гдѣ волости были такъ разъединены самой природой, не было нужды въ искусственныхъ границахъ между ними, подобно тому, какъ не было такихъ границъ и между самими уѣздами. Тамъ, гдѣ онѣ, вытягиваясь по берегамъ рѣкъ, соприкасались одна съ другою, устанавливалась искусственная межа между ними, заносившаяся въ писцовую книгу[1]) и получавшая слѣдовательно офиціальное, государственное значеніе. Представитель государственной власти, писецъ, производя межеваніе, руководился старинными вѣковыми межевыми терминами, которыми разграничивались естественно сложившіеся организмы, но иногда насильственно перерѣзывалъ живую ткань организма, не считаясь съ его природными разчлененіями, причиняя тѣмъ ощущеніе боли, вызывавшее жалобы[2]).

---

[1]) Напр. арх. мин. юст. писц. кн. 480. Тотемскій уѣздъ: „А межа учинена волости Дмитріева Наволока землѣ и лѣсу, и сѣннымъ покосомъ, и всякимъ угодьямъ по старымъ урочищамъ, куды указали старожильцы тое жъ волости Дмитріева Наволока крестьяне, выборные люди: по рѣкѣ по Сухонѣ по дикой сторонѣ по устье рѣчку Ряшку, а рѣчкою Ряшкою вверхъ до рѣчки Верхніе Ряжки, а Верхнею Ряшкою въ гору до большого лѣсу до острова отъ рѣки Сухоны по лѣвую сторону рѣчекъ Ряшекъ земля и лѣсъ, и сѣнные покосы, и всякія угодья волости Дмитріева Наволока, а по правой сторонѣ рѣчекъ Ряшекъ отъ рѣки жъ Сухоны земля и лѣсъ, и сѣнные покосы, и всякія угодья Устюжскаго уѣзду погосту Городищенскаго устья и Городищенской волости“ и т. д..... „А расписывана та межа по старымъ урочищамъ по выспросу старожильцовъ и по разсмотрѣнью“..... „Рубежъ Уфтюжскіе волости: по ходучей сторонѣ р. Сухоны по Мельничной ручей, что противъ погосту Усть-Городищенскаго, а Мельничнымъ ручьемъ въ гору прямо до болота до Нюскеницкаго, а отъ устья ручья Мельничнаго да вверхъ по р. по Сухонѣ по рѣчку по Юмшанку. А по дикую сторону р. Сухоны снизу отъ устья рѣки Городишны да вверхъ Сухоною жъ рѣкою по рѣчку ю Говолжанку“ и т. д.

[2]) Такъ напр. крестьяне Хотѣновской волости Чарондской округи жалуются на стольника И. Б. Хитрово, который съ подьячимъ въ 1653 г. чинилъ вновь „ободъ и межу“ въ Чарондской округѣ, разграничивая ее съ сосѣднимъ Бѣлозерскимъ уѣздомъ, причемъ не обратилъ вниманія на старую межу, шедшую по Лачеозеру на устье р. Свиди „по дольнимъ ситничимъ кустамъ и назадъ Свидскаго устья на Сухону рѣчку на Колской Звозъ“ и благодаря этому лишилъ крестьянъ этой волости доступа къ берегамъ озера Лаче, отведя эти берега къ Бѣлозерскому уѣзду. Пр. Д. 1654 № 116. Выше мы видѣли случай дробленія волости, которую перерѣзала пополамъ проходившая черезъ нее уѣздная граница, это—Водлозерская волость, половина которой вошла въ Каргопольскій уѣздъ, а другая въ Заонежскіе погосты. Можно указать случай, когда волостная граница разсѣкла отдѣльную деревню такъ, что половина деревни входила въ составъ одной, а другая половина въ составъ другой волости.

Надо здѣсь также упомянуть встрѣченные нами въ Поморьѣ случаи подраздѣленій уѣзда, вовсе не имѣвшихъ территоріальнаго единства и состоявшихъ изъ деревень, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ и сгруппированныхъ въ административныя цѣлыя только писцовой книгой. Такія областныя единицы имѣли лишь номинальный, а не реальный характеръ, представляли изъ себя не особыя территоріи, а лишь списки селеній, соединенныхъ въ группы только писцовымъ документомъ. Таковъ былъ, во первыхъ, „Митрополій станъ" въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ которомъ по переписи 1620-хъ годовъ считалось 33 деревни съ 126 дворами. То были деревни, принадлежавшія ростовскому митрополиту, разбросанныя по 14 волостямъ устюжскаго уѣзда, именно: въ Сухонскомъ стану находилось 6 митрополичьихъ деревень, въ Ярокурскомъ стану 4 деревни, въ Вотложемской волости 1 деревня и т. д. Такимъ образомъ этотъ „Митрополій станъ Устюжскаго уѣзда" есть ничто иное, какъ разсѣянныя по уѣзду деревни, принадлежавшія митрополиту, записанныя въ писцовой книгѣ въ одну группу [1]). Другой такой же случай—„Княжесельская сошка" въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, которую составляли 10 деревень, находившіяся въ трехъ приходахъ Вилегодской волости, выдѣленныя въ особую группу. Группа эта прежде по книгѣ 1620-хъ годовъ приписана была къ Пачеозерскому стану, а по переписной 1645 г. значится уже, какъ особая областная единица. Смыслъ такого выдѣленія заключался въ податномъ и судебномъ обособленіи выдѣленной группы отъ тѣхъ областныхъ единицъ, на территоріи которыхъ находятся селенія группы.

Такой же номинальный характеръ имѣютъ подраздѣленія становъ въ вятскихъ уѣздахъ. По писцовымъ книгамъ каждый изъ становъ въ этихъ уѣздахъ дѣлится собственно на два стана: тяглый и оброчный; напр. въ Хлыновскомъ уѣздѣ: Спенцынскій тяглый станъ, Спенцынскій оброчный станъ, Бобинскій тяглый, Бобинскій оброчный станъ и т. д. Эти тяглые и оброчные станы были также лишь писцовыми, а не территоріальными единицами. Раздѣленіе основывалось на различіи податей, платимыхъ разными деревнями. Однѣ деревни обложены были полнымъ тягломъ, другія въ этихъ вновь заселявшихся мѣстностяхъ платили оброкъ. Первыя, составляя тяглую группу, называвшуюся тяглымъ станомъ, вносились въ одинъ списокъ, вторыя въ другой, составляя оброчную группу, называвшуюся оброчнымъ станомъ, фактически же были расположены въ перемѣшку въ границахъ одного и того же стана. Что эти тяглые и оброчные станы не были особыми территоріями, видно изъ ихъ дальнѣйшаго подраздѣленія. Такъ напр. Великорѣцкій тяглый станъ по описанію 1678 г. подраздѣлился на волости: Чудиновскую, Верховскую, Загарскую и Великорѣцкую; на волости съ тѣми же самыми названіями подраздѣляется и Ве-

---

Въ Никольской волости въ Устьянскихъ волостяхъ въ переписной книгѣ 1635—6 гг. значится половина деревни Едомской, „а другая тое деревни половина въ Шангальской сошкѣ" (волости). Арх. мин. юст. писц. кн. 15.038.

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 506, л. 115—126.

ликорѣцкій оброчный станъ. Очевидно, что это не два стана, а одинъ, раздѣленный на упомянутыя волости, въ каждой изъ которыхъ были тяглыя и оброчныя деревни. Со времени введенія стрѣлецкой подати, замѣнившей собою какъ тягло, такъ и оброкъ, исчезаетъ различіе между тѣми и другими станами [1]).

Какъ велики были подраздѣленія уѣздовъ на сѣверѣ? Если выражать ихъ размѣры въ цифрахъ дворовъ тяглаго населенія, крестьянскихъ, половничьихъ, бобыльскихъ, то поморскія волости были по величинѣ очень различны. Были волости, въ которыхъ число дворовъ не превышало одного—двухъ десятковъ; съ другой стороны мы встрѣчаемъ волости въ нѣсколько сотъ дворовъ. Наибольшею изъ всѣхъ волостей Поморья по переписямъ первой половины XVII в. надо считать Рождественскій погостъ на Олонцѣ въ Заонежьѣ, гдѣ числилось 1550 дворовъ по переписи 1646—47 гг. Ко времени этой переписи обозначилось уже распаденіе погоста. Изъ него выдѣлился особый Ильинскій погостъ съ 927 дворами, отданный въ вотчину новгородскому митрополиту. Если даже принять въ расчетъ эти двѣ части Олонецкаго погоста и считать ихъ за два самостоятельныя цѣлыя, то maximum все же будетъ за Ильинскимъ погостомъ съ его 927 дворами, такъ какъ слѣдующій по размѣрамъ округъ—Чепецкій станъ Хлыновскаго уѣзда включалъ въ себѣ только 680 дворовъ. Вообще максимальныя цифры дворовъ въ волости по уѣздамъ за первую половину вѣка колеблются въ предѣлахъ 927—136 дворовъ. Minimum за тотъ же періодъ времени приходится на Кольскій уѣздъ, гдѣ встрѣчаемъ „волостку" и два „погостишка" всего съ тремя дворами каждый; если же Кольскій уѣздъ, очень мало населенный, не принимать во вниманіе, то минимальныя цифры дворовъ въ волостяхъ будутъ колебаться по уѣздамъ въ предѣлахъ 46—7 [2]). Ростъ населенія въ краѣ отражался на увеличеніи числа дворовъ въ волостяхъ. Въ особенности рѣзко замѣтно такое увеличеніе въ Вятской землѣ, гдѣ къ

---

[1]) Прилож. I, стр. 33 и сл. *Спицынъ*, Земля и люди на Вяткѣ. Календарь Вятской губ. на 1887, стр. 155.

[2]) По отдѣльнымъ уѣздамъ за первую половину XVII в. можно наблюдать слѣдующіе предѣлы цифръ дворовъ въ волостяхъ:

Заонежскіе погосты 1646 г. maxim. 927; minim. 37; 14 пог.>100 дв.; 4 пог.<100 дв.

Кольскій у. 1608 г.	— 40	— 3.		
Каргопольскій у. 1648 г.	— 324	— 7;	23 вол. —	54 вол. —
Двинскій у. 1622 г.	— 393	— 11;	12 вол. —	23 вол. —
Кевропьскій у. 1623 г.	— 430	— 32;	6 вол. —	4 вол. —
Яренскій у. 1646 г.	— 183	— 11;	7 вол. —	29 вол. —
Вятская з. 1629 г.	— 680	— 14;	13 стан. —	1 станъ —
Чердынскій у. 1647 г.	— 136	— 20;	4 вол. —	17 вол. —
Сольвычегодскій у. 1625 г.	— 491	— 39;	10 вол. —	5 вол. —
Устюжскій у. 1623 г.	— 435	— 18;	27 вол. —	24 вол. —
Тотемскій у. 1623 г.	— 339	— 19;	10 вол. —	10 вол. —
Устьянскія вол. 1645 г.	— 665	— 116.		

концу вѣка максимальная цифра повысилась съ 680 на 1131 (Чепецкій станъ) и минимальная съ 14 до 58. Въ Чердынскомъ соотвѣтствующее повышеніе выражается для maximum'а въ цифрахъ 136—223, для minimum'а 20—39. Въ Соликамскомъ уѣздѣ къ тому же времени возникъ цѣлый рядъ новыхъ волостей, и цифры дворовъ въ волостяхъ въ значительной степени возрасли. По переписи 1620-хъ годовъ онѣ представляли собою слѣдующій рядъ: 182, 147, 49, 29, 20. По переписи 1678 г. тотъ же рядъ начинается цифрами 551, 338, 306 и т. д.; въ 15 волостяхъ находимъ 100 дворовъ и выше и только въ трехъ менѣе сотни—66, 41, 25.

Увеличеніе населенія въ волости приводило нерѣдко къ дробленію волости на части, получавшія самостоятельное существованіе, подобно разчлененію клѣтки во всякомъ живомъ организмѣ. Вообще въ жизни этихъ областныхъ подраздѣленій, этихъ клѣтокъ, изъ которыхъ слагался организмъ сѣвернаго уѣзда, мы наблюдаемъ два процесса: сосредоточеніе и дробленіе, своего рода интеграцію и дифференціацію. Волости сосредоточиваются въ болѣе сложныя группы. Иногда такія группы, какъ мы видѣли, называются станами, и такимъ образомъ терминъ „станъ“ употребляется въ административномъ лексиконѣ Поморья въ XVII в. съ троякимъ значеніемъ: это во-первыхъ административный центръ, пунктъ, гдѣ мѣстныя власти отправляютъ свои правительственныя функціи; затѣмъ это—простая областная единица, группа селеній, объединенная общей администраціей, такая же, какъ волость и погостъ; наконецъ, это—сложная единица, станъ высшаго порядка, группа волостей. Число волостей, входившихъ въ такіе станы высшаго порядка, бывало различно. Мы видѣли въ предыдущей главѣ станы: изъ двухъ волостей (Быкокурскій станъ Устюжскаго уѣзда), изъ трехъ (Мехренгскій Каргопольскаго уѣзда) изъ пяти (Бѣлослудскій станъ Устюжскаго уѣзда), изъ шести (Кивокурскій станъ— тамъ же, Окологородный въ Орловскомъ уѣздѣ въ Вятскомъ краю, Котельническій станъ-уѣздъ), изъ семи (Комарицкій станъ въ Устюжскомъ уѣздѣ), изъ одиннадцати (Кеврольскій станъ) изъ тринадцати (Усть-Мошенскій станъ Каргопольскаго уѣзда)[1]). Иногда такое объединяющее цѣлое носитъ названіе также и волости. Но части, изъ соединенія которыхъ образуются

---

[1]) Можно думать, что всѣ Заонежскіе погосты числомъ 17 группировались въ четыре стана съ центрами въ Олонецкомъ, Оштинскомъ, Водлозерскомъ и Выгозерскомъ погостахъ, изъ которыхъ Оштинскій игралъ роль главнаго центра, гдѣ происходили всеуѣздныя земскія собранія и гдѣ находилась резиденція воеводы, управлявшаго погостами и его съѣзжая изба. Пр. Д. 1647 № 26: „154 г. генв. въ 15 д. по государеву... указу и по приказу воеводы Іева Нащокина на стану на Оштѣ въ съѣзжую избу для письма государевыхъ дѣлъ на бумагу и на чернила, и на свѣчи сальныя, и съѣзжіе избы и тюремнымъ сторожемъ, и деньщику, и палачу въ наемъ, и на дрова, и на лучину, и на всякіе становые расходы съ Заонежскихъ погостовъ собрано 155 р. 13 алт.“ На такую группировку даютъ указаніе выраженія актовъ XVII в.: напр. царская грамота 1647 г. въ погосты изъ новгородской четверти адресуется: „въ Новгородскій уѣздъ въ Заонежскіе станы: въ Олонецкій, въ

такія единицы высшаго порядка, въ большинствѣ случаевъ называются волостями. Такимъ образомъ можно встрѣтить станы, дѣлящіеся на волости и волости, дѣлящіяся на волости, но только разъ мы встрѣтили волость, дѣлящуюся на станы.[1])

Сосредоточеніе волостей въ сложныя группы создавало въ нѣкоторыхъ уѣздахъ обширныя подраздѣленія, заключавшія въ себѣ значительное количество волостей. Такъ Каргопольскій уѣздъ дѣлился на два обширные стана: Каргопольскій и Турчасовскій, причемъ въ составъ перваго входила 31, а въ составъ второго 48 волостей. Эти половины иногда, какъ мы видѣли, назывались въ актахъ „полуземлями": Верхней (по теченію Онеги— Каргопольская) и Нижней (Турчасовская). Въ другихъ случаяхъ эти обширныя подраздѣленія носили названія половинъ, третей и четвертей. Такъ есть извѣстіе, что Двинскій уѣздъ раздѣлялся на три трети: Емецкую, Околопосадную и Низовую[2]). Устюжскій уѣздъ дѣлился также на трети соотвѣтственно тремъ главнымъ рѣкамъ, по которымъ онъ былъ расположенъ: Двинскую, Сухонскую и Южскую. Важскій уѣздъ также по рѣкамъ распадался на четверти: Верховажскую и Шенкурскую по Вагѣ, Подвинскую по Двинѣ и Кокшенгскую по рѣкѣ того же имени. Такія огромныя подраздѣленія представляютъ собою очевидно результатъ соединенія частей въ цѣлое, а не дробленія цѣлаго на части. Они были административными объединеніями уже ранѣе сложившихся и прежде въ несвязанномъ состояніи существовавшихъ волостей.

Обратимся теперь къ противоположному процессу, къ разчлененію волостной клѣтки на доли. Это разчлененіе намѣчается уже самой ея стру-

---

Выгозерскій, въ Водлозерскій, въ Оштинскій и тѣхъ становъ въ погосты". Пр. Д. 1647 № 41. Въ челобитныхъ того же времени читаемъ: „и мы, сироты твои, всѣхъ Заонежскихъ погостовъ со всѣхъ четырехъ становъ старосты и волостные люди собрались на станъ на Ошту"..... „бьютъ челомъ Заонежскихъ становъ: Рожественскаго Олонецкаго стану земскіе старостишка Ивашко Ивановъ, Онашко Артемьевъ, Оштинскаго стану Онашко Яковлевъ, Панкрашка Максимовъ, Водлозерскаго стану Игнашко Микифоровъ, Ивашко Леонтіевъ, Выгозерскаго стану Өедка Денисовъ, Микифорко Мокіевъ и всѣхъ четырехъ становъ и погостовъ старостишка, и всѣ твои государевы крестьянишка челомъ бьютъ. Пр. Д. 1647 № 27; Ibid. № 14: „бьетъ челомъ сирота твой изъ Заонежья Оштинскаго стану Мегорскаго погосту". Въ писцовыхъ книгахъ такого дѣленія погостовъ незамѣтно.

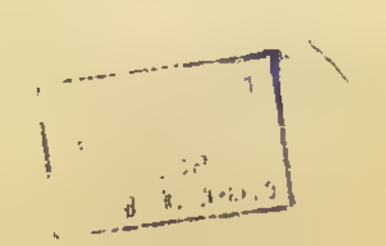
[1]) Въ Устюжскомъ у. волость Кичменга по переписи 1676 г. подраздѣлилась на слѣдующія части: а) станъ Кобыльскій, b) Спасскій приходъ с) Өедоровскій приходъ d) станъ Шонскій. См. прилож. I, стр. 53.

[2]) *Крестининъ*, Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ Двинскаго народа на сѣверѣ, стр. 20: „Надлежитъ вѣдать, что подъ правленіемъ воеводъ вся Двинская земля была раздѣлена на три части или трети, называемыя: Емецкая, Околопосадная и Низовая... Каждая треть выбирала ежегодно земскаго старосту для начальства надъ всѣми волостными сотскими своего удѣла".

ктурой. Мелкія волости, состоящія всего изъ нѣсколькихъ деревень съ двумя-тремя десятками дворовъ, просты по своей структурѣ. Но болѣе пристальное наблюденіе волости среднихъ размѣровъ и крупной открываетъ намъ сложность ея строенія. Оказывается, что она состоитъ изъ частей, отдѣлившихся отъ основного ядра и организовавшихся въ нѣкоторыя второстепенныя цѣлыя, не выходящія до времени изъ состава клѣтки. Примѣромъ простой по составу волости можетъ служить Челможскій погостъ въ Заонежьѣ. Расположенный по сѣверо-восточному берегу Онежскаго озера онъ заключалъ въ себѣ по переписи 1640-хъ годовъ всего 18 деревень съ 64 дворами, изъ которыхъ 13 деревень съ 51 дворомъ принадлежали Хутынскому монастырю, а остальныя 5 деревень съ 13 дворами были вотчиной нѣкоего Исаака Ермолаева. Если вотчинная власть не подточила еще крестьянскаго самоуправленія въ этомъ погостѣ къ половинѣ XVII в., то по всей вѣроятности эти 18 деревень съ 64 дворами составляли одно общество, одинъ земскій міръ, который собирался на сходъ и продолжалъ выбирать погостскаго старосту и прочихъ земскихъ должностныхъ лицъ, какъ онъ выбиралъ ихъ еще въ XVI в.[1]) Въ другихъ Заонежскихъ погостахъ замѣчается сложное строеніе. Въ составѣ погоста возникаютъ организованныя доли. Отъ центральнаго ядра погоста отдѣляются группы поселковъ, которыя носятъ въ Заонежьѣ названія „выставокъ", а также волостей и волостокъ. Въ такой выставкѣ строится иногда отдѣльная церковь, и тогда выставка образуетъ особый приходъ, представляя такимъ образомъ какъ бы отдѣльный погостъ въ миніатюрѣ. Въ Никольскомъ Пудожскомъ погостѣ по переписи 1640-хъ годовъ считалось 4 выставки, въ Винницкомъ на Ояти 3 волостки, въ Важенскомъ 19 волостей и выставокъ и т. д. Отъ обширнаго по размѣрамъ Рождественскаго погоста на Олонцѣ, въ которомъ всего считалось 333 селенія съ 1550 дворами, обособилась, какъ мы видѣли выше, группа въ 180 деревень съ 927 дворами подъ названіемъ Ильинскаго погоста, бывшаго въ вотчинѣ за новгородскими митрополитами. Въ свою очередь въ этомъ Ильинскомъ погостѣ кромѣ основного ядра образовалось 9 выставокъ, расположившихся по рѣчкамъ, протекавшимъ по погосту: выставка на р. Туксѣ изъ 23 деревень, на р. Тулоксѣ изъ 13 деревень, на р. Видлицѣ изъ 33 деревень и т. д., такъ что погостъ въ Заонежьѣ представлялъ изъ себя обыкновенно основное ядро, состоящее изъ значительной группы деревень съ церковью, къ которому тяготѣютъ болѣе мелкіе мірки, связанные съ ядромъ административными нитями. По уцѣлѣвшимъ актамъ вскрывается сложное строеніе также въ нѣкоторыхъ двинскихъ волостяхъ, не всегда отмѣченное писцовыми книгами. Такъ по переписи 1620-хъ годовъ въ Двинскомъ уѣздѣ находится волость Калья и Репонема, расположенная по Двинѣ и представляющая изъ себя соотвѣтственно названію два округа, изъ которыхъ второй—Репонема по

---

[1]) *Е. Барсовъ*, Палеостровъ, его судьба и значеніе, Чт. О. И. Д. 1868 кн. I, стр. 149: „1537 г. а въ судѣ сидѣли... Челможскіе волости староста Г. Ѳ. Головачевъ" и т. д.



переписи 1678 г. уже отдѣленъ отъ Кальи и присоединенъ къ другой волости, Шастозерской. Въ свою очередь и въ волости Кальѣ еще въ 1592 г. можно различить четыре мелкія „волостки“ [1]). Эти четыре волостки вмѣстѣ и составляли Калейскую волость, управляемую земскимъ судьею съ товарищами, па имя которыхъ адресована грамота этого года изъ Москвы. Въ волости Волокѣ Пинежскомъ на р. Пинегѣ упоминаются въ 1607 г., какъ ея подраздѣленія, волости Юрольская, Петрогорская и Волдокурская[2]). Въ нѣкоторыхъ погостахъ Яренскаго уѣзда намѣчаются еще небольшіе „погостцы“ и „волостки“, связанные съ погостами общей земской администраціей и вмѣстѣ описываемые писцовой книгой, но все же представляющіе изъ себя нѣкоторыя особыя цѣлыя, носящія особыя названія. Такъ въ книгѣ 1646 г. описываются вмѣстѣ погостъ Жошертъ „да погостецъ Гамъ“, погостъ Шожемъ „да погостецъ Вездынь, да волостка Тыдоръ на Вычегдѣ“, погостъ Пустынскій да волостка Тундея и т. п. Мелкія вторичныя подраздѣленія, не упоминаемыя въ писцовыхъ книгахъ, мы находимъ по актамъ и въ Устьянскихъ волостяхъ. Такъ въ составѣ Пежемской волости въ 1653 г. упоминается волость Шунемская[3]) Въ волостяхъ Тотемскаго уѣзда такія мелкія подраздѣленія носятъ иногда названіе „улусцевъ“. Такъ въ Толшемской волости, дѣлившейся на двѣ половины: верхнюю и нижнюю, возникъ еще Маныловскій улусецъ, состоявшій всего изъ четырехъ деревень, въ которыхъ числилось 20 дворовъ. Упоминаются далѣе въ томъ же уѣздѣ Нутренской улусецъ въ Стрѣлицкой волости, Вѣкшенскій улусецъ—названный въ другомъ мѣстѣ того же документа Вѣкшенскою слободкой—въ округѣ, именовавшемся „Посухонскія слободки и деревни“[4]). По переписи 1676—9 гг. этотъ Вѣкшенскій улусецъ превратился уже въ небольшую, но особую самостоятельную волость Вѣкшенгу съ 22 крестьянскими дворами. Такіе же улусцы мы встрѣчаемъ въ Чарондской округѣ, напр. Патлеварскій и Тордоскій улусцы въ Вожеской, Пилемскій улусецъ въ Хотѣновской волостяхъ[5]). Въ иныхъ волостяхъ такія подраздѣленія, состоящія изъ группы деревень съ церковью, совпадающія съ церковными приходами, такъ и называются „приходами.“ Такъ Вещеозерская волость Чарондской округи состояла изъ трехъ приходовъ: Петровскаго, Пречистенскаго и Воскресенскаго. Эти приходы обращались въ самостоятельные округа, независимые отъ волости, въ которой они возникали и сами становились такими же волостями. „А наше, государь, волостишко Воскресенской приходъ“, пишутъ жители этого послѣдняго въ

[1]) А. Э. I № 364: „И вы бъ Калейскаго станку земскіе судьи.... того монастырька и монастырской никольской казны берегли того Калейскаго станку четырьмя волостки.... И Калейскаго бъ станку всѣ крестьяне четырьмя волостки тѣхъ никольскихъ старостъ впередъ выбирали межъ себя, кого они сами излюбятъ“.

[2]) *Еп. Макарій*, Историческое описаніе Красногорскаго монастыря, Чт. О. И. Д. 1880 кн. 3, стр. 120.

[3]) Пр. Д. 1653 № 84.

[4]) Пр. Д. 1653 № 61; 1650 № 4.

[5]) Пр. Д. 1628 № 66; 1636 № 27; 1654 № 116.

1627 г., „отъ тое Вещеозерскіе волости отдалѣло верстъ за 10 и больше. И съ 1610 г. по подписной челобитной кн. М. В. Скопинъ, какъ была за нимъ Чарондская округа, насъ отдѣлилъ отъ тое волости Петровскаго и Пречистовскаго приходовъ". Крестьяне указываютъ далѣе, что и въ послѣдующихъ дозорныхъ и писцовыхъ книгахъ они „отъ тое Вещеозерскіе волости опричѣ написаны" и платятъ государевы подати „опричѣ Вещеозерскіе волости, собою"[1]). На такіе самостоятельные приходы, получившіе значеніе особыхъ волостей, раздѣлились въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ двѣ обширныя волости: Лузская Пермца и Вилегодская волость, первая на 5, вторая на 7 приходовъ. Въ Двинскомъ уѣздѣ волости Ухтостровская и Матигорская распались уже къ 1620 годамъ каждая на два самостоятельныхъ прихода, первая на Троицкій и Богоявленскій, вторая на Борисоглѣбскій и Никольскій. Встрѣчаемъ еще въ волостяхъ дѣленіе на половины и концы. Такъ Толшемская волость Тотемскаго уѣзда дѣлится на Верхнюю и Нижнюю половины. Койдокурская волость Двинскаго уѣзда по переписи 1620-хъ годовъ дѣлится на два конца: Верхній и Нижній. О раздѣленіи волости на два конца возникало ходатайство въ средѣ жителей Утмановской волости Устюжскаго уѣзда[2]). Сложный характеръ волости, состоящей изъ мелкихъ частей, отражается иногда на ея названіи, которое заключается прямо въ перечисленіи этихъ частей, какъ напр: волость „Звозъ и Березникъ, и Ныкола, и Коскошино" или волость „Зачачье и Чухчинъ конецъ" или волость „Щукозеро и Обозеро" въ Двинскомъ уѣздѣ.

По гранямъ дѣленій, давно уже намѣтившихся въ составѣ волости, идетъ затѣмъ ея распаденіе на отдѣльныя самостоятельныя части; но прежде чѣмъ обособиться и получить отдѣльное существованіе, новая клѣтка долго назрѣваетъ внутри старой, существуя въ ея оболочкѣ въ видѣ ея подраздѣленія. Если населеніе волости почему либо убываетъ и волость пустѣетъ, ранѣе возникшія ея подраздѣленія сглаживаются и исчезаютъ. Наоборотъ ростъ населенія—это питаніе волостныхъ клѣтокъ—ведетъ къ ихъ размноженію. При увеличеніи населенія, подраздѣленія, намѣтившіяся сначала блѣдно, въ неясныхъ очертаніяхъ, принимаютъ рельефныя рѣзко выраженныя формы и, постепенно уплотняясь и увеличиваясь, отрываются отъ волостей, въ которыхъ возникли. Въ этихъ случаяхъ въ областныхъ единицахъ можно наблюдать развитіе центробѣжныхъ силъ, стремленіе обособиться другъ отъ друга. Волость хлопочетъ о выдѣленіи ея въ самостоятельное цѣлое изъ уѣзда; часть волости: волостка, улусецъ или приходъ старается отдѣлиться отъ своей волости. Дальность разстоянія отъ областного центра и трудность сообщенія съ нимъ или всякаго рода утѣсненія, которыя приходится терпѣть отъ земскаго міра, нерѣдко то и другое вмѣстѣ, вотъ—основанія, приводимыя обыкновенно въ ходатайствахъ о такого рода выдѣленіяхъ и обособленіяхъ. Приведемъ примѣры. Въ 1607 г. Зюздинскій погостъ Кайгородскаго уѣзда ходатайствуетъ объ отдѣленіи его отъ уѣзда.

---

1) Пр. Д. 1628 № 72.

2) Пр. Д. 1627 № 27; 1627 № 67, л. 385.

Просьба уважена, и погостъ получаетъ право самостоятельнаго сбора податей и привоза ихъ въ Москву помимо уѣзда и право выбирать собственнаго земскаго судью, т. е. становится самостоятельнымъ податнымъ и судебнымъ округомъ, преимущества, которыя онъ, повидимому, теряетъ впослѣдствіи [1]). По грамотѣ Василія Шуйскаго Шимозерская волостка съ нѣсколькими выставками въ Оштинскомъ погостѣ въ Заонежьѣ была обособлена платежомъ податей отъ погоста „для того, что та волостка отъ Никольскаго Оштинскаго погоста 50 верстъ, а выставки за 70 и больше, и стали за мхи и за болоты; да имъ же Оштинскаго погоста отъ старостъ и отъ цѣловальниковъ, и отъ ихъ праветчиковъ въ государевыхъ податѣхъ и въ мірскихъ розметахъ продажи великія“. По тѣмъ же причинамъ въ Важенскомъ погостѣ въ 1618 г. обособилась волостка Святозерская [2]). Въ 1650 г. Лузская Пермца Сольвычегодскаго уѣзда, проситъ отдѣлить ее отъ уѣзда, ссылаясь на уставную грамоту, данную ей Грознымъ и указывая, что она слишкомъ удалена отъ Сольвычегодска, верстъ на 250 и болѣе, что ее разоряютъ воеводскіе поборы и большіе прогоны стрѣльцамъ, присылаемымъ отъ сольвычегодскихъ воеводъ [3]). Въ переписной книгѣ 1678 г. волость эта именуется „отписной сошкой“, т. е. выдѣленной изъ уѣзда единицей; слѣдовательно, ея ходатайство не осталось хотя бы безъ частичнаго удовлетворенія. Крестьяне упомянутаго выше Маныловскаго улусца Толшемской волости Тотемскаго уѣзда въ своемъ челобитьѣ, поданномъ въ 1641 г., пишутъ, что „они, крестьяне Маныловскаго улусца, отъ волости Толшмы отъ стану живутъ верстъ за 20 и больше за рѣками и за лѣсами“, что волостные старосты посылаютъ по нихъ для государева дѣла и для мірского совѣту, и для денегъ почасту, и имъ отъ этой дальней волокиты чинятся убытки, а поэтому просятъ, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ платить свои государевы доходы „собою, Маныловскимъ улусцемъ, опроче Толшемскіе волости“. Ходатайство было уважено. Улусецъ былъ признанъ не только особой податной единицей, но и особымъ отдѣльнымъ отъ волости судебнымъ округомъ, и было велѣно „къ сборамъ всякихъ государевыхъ доходовъ и къ мірскимъ поборамъ сборщиковъ и земскихъ судеекъ выбирать имъ Маныловскаго улусца крестьяномъ опроче жъ Толшемскіе волости Нижніе половины крестьянъ..... А отставленъ тотъ Маныловскій улусецъ“, замѣчаетъ въ заключеніе „отводная память“, т. е. актъ объ отдѣленіи, „отъ Нижніе половины для того что-де онъ отъ тое Нижніе половины удалѣлъ и за рѣками, отъ стану верстъ за 20 и больше, и чтобъ имъ въ дальнихъ волокитахъ и въ ѣздахъ въ лишнихъ убыткахъ не быть“. Отводная была подтверждена вновь по ходатайству улусца въ 1648 г. [4]). Писцы, описывавшіе въ 1620-хъ годахъ Соль-

---

[1]) А. Э. II, № 69.

[2]) *Неволинъ,* О пятинахъ и погостахъ, приложеніе, стр. 107.

[3]) Чт. О. И. Д. 1907 кн. 1; Пр. Д. 1650 № 57, л. 103.

[4]) Пр. Д. 1647 № 127. Впрочемъ въ слѣдующемъ 1649 г. правительство по жалобѣ крестьянъ Нижней половины положило предѣлъ этому обособленію,

вычегодскій уѣздъ выдѣлили въ Вилегодской волости Покровскій приходъ отъ Никольскаго и отъ Пречистенскаго приходовъ „себѣ разрубомъ", т. е. образовавъ изъ него самостоятельную податную единицу по ходатайству его жителей, „что ихъ горланы и ябедники Никольскаго приходу и Пречистенскаго обидятъ и деньги на нихъ кладутъ лишнія" [1]). Въ 1655 г. крестьяне Андреевскаго стана Сольвычегодскаго уѣзда жаловались на крестьянъ Благовѣщенскаго прихода, принадлежавшаго къ этому стану, въ томъ, что эти послѣдніе самовольно „отписываются" отъ стана и учинили себѣ въ томъ Благовѣщенскомъ приходѣ свой особый станъ. Дѣйствительно въ 1640-хъ годахъ упоминается въ приходѣ особое выборное земское управленіе: земскій судейка съ цѣловальниками, отдѣльное отъ волостного управленія. Приходу было предписано „особь отъ того Андреевскаго стану ни въ чемъ не быть". Но если самостоятельность прихода въ дальнѣйшемъ и не удалась, то все же этотъ эпизодъ свидѣтельствуетъ о стремленіи благовѣщенскихъ крестьянъ отдѣлиться отъ стана и образовать самостоятельную единицу [2]). Словомъ, наблюдая жизнь сѣверныхъ земскихъ міровъ, мы постоянно встрѣчаемся съ этими многочисленными „опроче", „особь", „себѣ разрубомъ" и т. п. Повсюду идетъ неудержимый процессъ выдѣленія и дробленія. Дифференціація преобладаетъ надъ интеграціей, и сѣть міровъ становится все мельче. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ быстротою, неуловимою для наблюдателя, мѣняется и карта мелкихъ областныхъ дѣленій Поморья. Отмѣтить эти измѣненія можно только приблизительно.

Попытаемся сдѣлать это за періодъ времени, протекшій между двумя переписями XVII вѣка 20-хъ и 70-хъ годовъ, тамъ, гдѣ сохранившійся писцовый матеріалъ позволяетъ произвести такія наблюденія. Въ дѣленіи на уѣзды мы замѣтили для этого періода только одну перемѣну: въ Пермской землѣ часть Чердынскаго уѣзда, именно погосты Обвинскій, Инвинскій и Кудымкоръ по ихъ собственному ходатайству были отдѣлены отъ этого уѣзда и присоединены къ Соликамскому [3]). Но количество перемѣнъ въ волостяхъ и въ подраздѣленіяхъ волостей очень значительно. Въ чемъ же заключались эти перемѣны? Если сравнить перепись 1670-хъ гг. съ переписью 1620-хъ, то можно замѣтить, что за эти 50 лѣтъ образовались новыя волости, которыя указаны переписными книгами 1670-хъ годовъ и которыхъ еще не было въ 20-хъ. Такъ возникли вновь погосты: Усть-Куломъ, Усть-Нѣмъ и Зеленецъ въ Яренскомъ уѣздѣ. Въ особенности много совершенно новыхъ областныхъ единицъ появилось въ Вятской и Пермской земляхъ, куда, какъ мы видѣли, шло сильное колонизаціонное движеніе втеченіе вѣка. Такъ возникли здѣсь волости: Слобода Филиппова и Ошланская

предписавъ Маныловскому улусцу во всемъ быть вмѣстѣ съ Нижнею половиною волости по прежнему, какъ деревни, изъ которыхъ онъ состоялъ, написаны были въ писцовыхъ книгахъ. Пр. Д. 1649 № 31.

[1]) Арх. мин. юст. кн. писц. 446.

[2]) Пр. Д. 1616 № 9; 1645 № 47; 1649 № 74; 1655 № 34.

[3]) А. Э. III № 293.

по верховьямъ р. Вои въ Хлыновскомъ уѣздѣ, волость Снегиревская по р. Снегиревской (лѣв. притоку Быстрицы) въ Орловскомъ и волость Совьинская по р. Совѣ, входящей въ бассейнъ Вятки—въ Слободскомъ уѣздахъ. Цѣлыхъ 9 погостовъ образовалось за это время вновь въ Соликамскомъ уѣздѣ[1]). Наоборотъ другія волости, упоминавшіяся въ 20-хъ годахъ, не встрѣчаются больше въ 70-хъ; онѣ исчезли, запустѣвъ или по другимъ причинамъ потерявъ самостоятельность и слившись безслѣдно съ другими волостями. Такъ исчезли нѣсколько погостовъ въ Яренскомъ уѣздѣ: Біюкони, Вашертъ, Отла, Шошки на Выми, Кривой Наволокъ на Удорѣ, волость Тохта близъ Яренска. Не упоминается болѣе погостъ Зырянка въ Соликамскомъ уѣздѣ. Далѣе, нѣкоторыя волости, существовавшія прежде отдѣльно, соединяясь образовали одинъ округъ. Иногда такія соединенія составляются изъ цѣлыхъ волостей, иногда можно замѣтить частичныя соединенія, заключавшіяся въ томъ, что только часть одной волости присоединяется къ другой. Такъ въ Яренскомъ уѣздѣ погостъ Раковицы, прежде описывавшійся отдѣльно, соединенъ съ погостомъ Онежье. Въ Соликамскомъ уѣздѣ образовали одинъ округъ, соединившись, погостъ Усть-Боровскій и станъ Заболотный. Въ Яренскомъ уѣздѣ небольшой округъ изъ 6 деревень изъ погоста Онежье былъ присоединенъ къ погосту Княжу. Въ Двинскомъ уѣздѣ волость Репонема, соединенная прежде съ волостью Кальей, по переписи 1678 г. входитъ въ соединеніе съ волостью Шастозерской.

Но болѣе всего перемѣнъ въ карту областныхъ дѣленій внесло за разсматриваемое пятидесятилѣтіе разчлененіе волостей. Въ однихъ случаяхъ обозначались второстепенныя подраздѣленія, не выходящія пока изъ состава прежнихъ волостей. Въ Яренскомъ уѣздѣ въ погостѣ Важгортъ намѣтился, какъ особая, пока еще несамостоятельная, управлявшаяся тѣми же властями единица, погостъ Коптюга. Точно также въ погостѣ Шошки на Сысолѣ обозначился погостъ Вильгортъ, въ погостѣ Ужгѣ—погостъ Кайгортъ. Въ Великорѣцкомъ стану Хлыновскаго уѣзда намѣтились, какъ его части, 5 волостокъ. Въ другихъ случаяхъ произошло полное распаденіе прежнихъ волостей на части, получившія самостоятельное значеніе. Вотъ перечень того, что намъ удалось замѣтить. Въ Двинскомъ уѣздѣ волость Койдокурская распалась на два конца, Верхній и Нижній[2]). Изъ Сійской волости выдѣлилась волость Челмохта и Пукшенга, судя по

---

[1]) Половодово, Введенскій на Яйвѣ, Верхъ-Усолки, Кривецъ, Юричъ Карагай, Николаевскій на р. Обвѣ, Богородицкій на р. Кудвѣ (притокѣ Инвы), Юсва (на р. Юсвѣ, притокѣ Инвы).

[2]) Ср. *Мауреръ,* Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и пр. § 79. „Многія, разбросанныя по всей Германіи мѣстности, различаемыя приставкою словъ Ober и Nieder; Ober, Mittel, Unter, Hoch и Nieder... въ давнія времена, повидимому, составляли одну общину и произошли отъ новыхъ поселковъ и позднѣйшихъ подраздѣленій первоначально общей полевой марки“.

названію состоявшая сама изъ двухъ частей. Волость Моржъ и Шастки того же уѣзда, двойственная по составу, распалась на двѣ самостоятельныхъ: Моржегорскую и Шастозерскую. Въ Кеврольскомъ уѣздѣ возникли двѣ новыя волости: Пиринема и Нюхча, не упоминаемыя книгой 1623 г. Мелкія подраздѣленія самаго Кеврольскаго стана, туманно намѣчавшіяся книгой 1623 г. и представлявшія собою группы, какъ бы гнѣзда деревень, съ возникавшими въ нихъ церковными центрами погостами, къ 1678 г. оформились въ волости. Мезенскій уѣздъ, или какъ его называетъ книга 1623 г., Мезенская волость, представлялъ изъ себя по этой книгѣ еще массу, не разчленившуюся на болѣе мелкія подраздѣленія, съ тремя слободами и 6-ю церковными погостами. Книга даетъ только общій итогъ всей Мезенской волости, а частные итоги только для двухъ волостей, отмежеванныхъ къ Мезени изъ Вычегодскаго уѣзда еще въ XVI в. По книгѣ 1678 г. изъ этой массы вырисовывались уже оформленныя волости, населенію которыхъ эта книга даетъ частные итоги. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ появилась въ Алексинскомъ стану „отписная сошка что на Комарицѣ" изъ 19 деревень, выдѣлившихся въ особую группу изъ этого стана. Въ Устюжскомъ уѣздѣ изъ Ярокурскаго стана была отписана волость Синегодская. Волость Кичменга распалась на 4 округа: Кобыльскій станъ, округъ Кичменгскаго городка, Ѳедоровскій приходъ и Шонскій станъ. Волость Шарженга, Халезецъ и Березовецъ распалась на двѣ: Халезскую и Шарженгу. Въ Тотемскомъ уѣздѣ волость „Демьянова, Вотча, Плеза и Кептуръ" раздѣлилась также на двѣ: a) Вотча, b) Демьянова, Кептуръ, Илеза. Округъ, носившій въ 20-хъ годахъ названіе „Посухонскія слободки и деревни", образовалъ изъ себя двѣ волости: Ихалицу и Вѣкшенгу. Въ Чердынскомъ уѣздѣ тотъ же процессъ происходитъ съ погостомъ Губдоръ, раздѣлившимся на три самостоятельныхъ погоста: Губдоръ, Фатѣевскую Дубраву и Чигимеръ и съ погостомъ Гайпа, распавшимся на два погоста: Гайну и Юксовъ. Въ Соликамскомъ уѣздѣ такое же раздѣленіе видимъ въ погостѣ Кудымкоръ, давшемъ изъ себя три погоста: Кудымкоръ, Майкоръ и Купросъ—всѣ на р. Инвѣ. Этотъ перечень длиненъ и утомителенъ; но онъ, по всей вѣроятности, далеко не полонъ.

Изъ какихъ земель составлялась волость? Въ составъ однихъ волостей входили земли разныхъ категорій: черныя, церковныя и частновладѣльческія; территорія этихъ волостей была какъ бы мозаикой земель разнаго юридическаго значенія, причемъ самое населеніе разныхъ земель образовало одно волостное общество. Наоборотъ, другія волости состояли изъ земель одной категоріи. Были волости, территорія которыхъ состояла исключительно изъ черной земли; были волости, цѣликомъ принадлежавшія церковнымъ учрежденіямъ, монастырямъ и даже частнымъ лицамъ. Въ мозаичныхъ волостяхъ перваго рода нерѣдко обнаруживалось стремленіе разнородныхъ частей къ распаденію. Чтобы уяснить себѣ территоріальный составъ волостей и прослѣдить взаимоотношеніе разнородныхъ элементовъ, въ него входившихъ, мы и должны теперь ближе познакомиться съ разными видами землевладѣнія въ Поморьѣ XVII в.

Глава IV.

Черныя земли.

Земли Поморскаго края по юридическому ихъ значенію можно подраздѣлить на четыре категоріи: земли дворцовыя, черныя, церковныя и тѣ, которыя мы назовемъ частновладѣльческими. Къ первой относится весь Важскій уѣздъ. Другихъ дворцовыхъ земель на сѣверѣ мы не замѣчаемъ. Какъ извѣстно по переписнымъ новгородскимъ книгамъ XV в., изъ конфискованныхъ Иваномъ III въ предѣлахъ Новгородскаго уѣзда земель часть отдѣлена была во дворецъ и описана въ особыхъ недошедшихъ до насъ книгахъ. Въ Обонежской пятинѣ въ томъ округѣ, который впослѣдствіи сталъ называться Заонежскими погостами, ко дворцу былъ, повидимому, приписанъ погостъ Кижскій. Но уже писцовая 1582 г. говоритъ о немъ, какъ о „черныхъ волостяхъ, что были дворцовыя волости и конюшеннаго пути".[1]) Различіе между дворцовою и черною землей очень незначительно и заключается только въ органѣ центральнаго управленія, какимъ для Важскаго уѣзда былъ приказъ Большого Дворца и въ назначеніи собираемыхъ доходовъ, которые шли на дворцовое хозяйство. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, какъ то: въ складѣ обитавшаго на дворцовой землѣ общества, въ его земельныхъ отношеніяхъ, въ устройствѣ его земскаго самоуправленія и приказной администраціи нѣтъ никакой разницы между дворцовою и черною землею. Такъ какъ писцовыя книги Важскаго уѣзда не сохранились, то мы не можемъ опредѣлить количественнаго отношенія этого вида земли къ остальнымъ.

Лишь на глазомѣръ можетъ быть выражено такое соотношеніе и между остальными видами. Сколько нибудь точныхъ цифръ привести здѣсь нѣтъ возможности, такъ какъ матеріалъ, къ которому обыкновенно обращаются за статистическими свѣдѣніями по древне-русскому землевладѣ-

---

[1]) *Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ, прилож. стр. 181. Въ переписной книгѣ 1646—47 г. (Арх. мин. юст. писц. кн. 980) деревни этого погоста очевидно по старой памяти названы „дворцовыми", но въ общемъ итогѣ книги онѣ слиты совершенно съ черными деревнями.

нію—писцовыя книги разныхъ видовъ—не представляютъ прежде всего данныхъ для пространственныхъ опредѣленій, такъ какъ онѣ указываютъ въ поземельныхъ мѣрахъ только пахотную землю и не всегда обозначаютъ другія угодья, да притомъ цифровыя обозначенія писцовыхъ книгъ выражаютъ нерѣдко не столько хозяйственную дѣйствительность, сколько фискальныя нормы. Земледѣліе въ Поморьѣ всегда было далеко не единственною отраслью народнаго хозяйства, уступая мѣсто другимъ промысламъ по мѣрѣ приближенія къ сѣверу. Въ Кольскомъ уѣздѣ его уже нѣтъ совсѣмъ; оно замираетъ въ приморскихъ мѣстностяхъ Каргопольскаго и Двинскаго уѣздовъ. А между тѣмъ писцовыя книги, подробно описывая разные промыслы, напр. рыбныя ловли или соляныя варницы, не указываютъ точно пространствъ, ими занятыхъ. Затѣмъ и самый писцовый матеріалъ, къ которому приходится прибѣгать, не однообразенъ. Это не только писцовыя, но и переписныя книги, дающія только цифры дворовъ и живущихъ во дворахъ людей и не касающіяся земельныхъ угодій; онѣ сохранились, притомъ для разныхъ уѣздовъ отъ разныхъ моментовъ времени, чѣмъ въ значительной мѣрѣ затрудняется сравненіе ихъ данныхъ. Наконецъ, для двухъ уѣздовъ Чарондскаго и, какъ мы только что упомянули, Важскаго намъ не удалось отыскать никакихъ книгъ, ни писцовыхъ, ни переписныхъ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ надо отказаться отъ мысли узнать точное отношеніе между указанными выше видами землевладѣнія. Его можно выразить только очень приблизительно, въ грубыхъ очертаніяхъ по даннымъ о тягломъ населеніи каждаго рода земель, по числу дворовъ крестьянъ, бобылей и половниковъ, записанныхъ на этихъ земляхъ. Правда, сравненіе этихъ цифръ дворовъ не дастъ намъ представленія о сравнительной величинѣ земельныхъ площадей и покажетъ намъ только распредѣленіе народнаго труда по разнымъ категоріямъ землевладѣнія. Но вѣдь встарину этимъ трудомъ земля измѣрялась пожалуй чаще, чѣмъ земельными мѣрами; припомнимъ, что еще въ первой половинѣ XIX в. размѣры имѣній выражались не количествомъ земли, а количествомъ приложенной къ землѣ рабочей силы, т. е. числомъ значившихся въ имѣніяхъ крѣпостныхъ душъ. Въ общемъ этому распредѣленію тяглыхъ дворовъ между разными видами землевладѣнія будетъ соотвѣтствовать распредѣленіе по крайней мѣрѣ обрабатываемыхъ земель.

Сравненіе цифръ дворовъ показываетъ намъ съ несомнѣнностью значительное преобладаніе въ Поморьѣ чернаго землевладѣнія надъ другими видами. Можно прежде всего указать два обширныхъ округа, гдѣ за все XVII столѣтіе этотъ видъ землевладѣнія является исключительнымъ, гдѣ кромѣ тяглыхъ дворовъ на черной землѣ не было другихъ. Это Устьянскія волости и Мезенскій уѣздъ, хотя въ послѣднемъ по переписи 1678 г. значатся двѣ пустыни въ волостяхъ Юромѣ и Усть-Вашской, но за ними нѣтъ тяглыхъ дворовъ крестьянскихъ, бобыльскихъ или половничьихъ, и такъ какъ братія первой изъ пустыней состояла всего изъ 2, а второй изъ 5 человѣкъ, то очевидно, что земельные участки этихъ монастырьковъ были миніатюрны. Такимъ образомъ въ Устьянскихъ волостяхъ и Мезен-

скомъ уѣздѣ число тяглыхъ дворовъ на черной землѣ можно выразить 100%. Трудно обозначить отношеніе между видами землевладѣнія въ Кольскомъ уѣздѣ, описанномъ въ 1608—10 гг. съ его лопарскими вежами, съ его поставленными на берегу моря избами и амбарами, гдѣ находили пріютъ и гдѣ складывали добычу промышленники, являвшіеся сюда на лѣтніе мѣсяцы, не только мѣстные, но и изъ другихъ уѣздовъ: новгородцы, заонежане, каргопольцы, двиняне. Изъ остальныхъ уѣздовъ число дворовъ на черныхъ земляхъ составляетъ отъ 99_5% до 75% всего количества дворовъ въ Кайгородскомъ, Кеврольскомъ, Чердынскомъ, Каргопольскомъ, Тотемскомъ, Яренскомъ, Устюжскомъ, Двинскомъ; Сольвычегодскомъ и въ Вятской землѣ[1]). Въ Заонежскихъ погостахъ черное землевладѣніе спускалось ниже этихъ предѣловъ—65_8%. Только въ одномъ Соликамскомъ уѣздѣ черныя земли по числу тяглыхъ дворовъ уступали землямъ другихъ категорій, составляя по описанію 1623 г. лишь $^1/_4$ всего ихъ числа—25%. Впрочемъ это число благодаря усиленному притоку въ Прикамье колонистовъ, селившихся на незанятыхъ земляхъ, прогрессируетъ съ каждой новой переписью. Въ 1647 г. оно равняется уже 37%, а къ 1678 г. доходитъ до 50%. Низкій уровень процента черныхъ земель въ Соликамскомъ уѣздѣ объясняется, если вспомнимъ, что здѣсь находились громадныя вотчины Строгановыхъ. Прогрессъ чернаго землевладѣнія въ предѣлахъ переписей 20-хъ и 70-хъ годовъ столѣтія, который мы замѣчаемъ въ Соликамскомъ уѣздѣ, представляетъ собою исключительное явленіе. Въ другихъ мѣстностяхъ въ тѣхъ же хронологическихъ граняхъ мы видимъ обратное: процентъ дворовъ на черныхъ земляхъ понижается въ пользу земель другихъ видовъ. Такъ въ Яренскомъ уѣздѣ онъ понизился съ 95% на 94%; въ Устюжскомъ съ 92% на 89%; въ Двинскомъ съ 86% на 79% и въ Сольвычегодскомъ съ 81% на 79%. Это значитъ, что населенная черная земля убываетъ, переходя въ другіе виды, становясь церковною или частновладѣльческою.

Какая же земля называлась черною? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо предварительно припомнить тѣ общественныя группы, на которыя дробилось общество въ Московскомъ государствѣ по лежавшимъ на немъ обязанностямъ къ государству и по правамъ, сопряженнымъ съ этими обязанностями. То были во-первыхъ бѣломѣстцы, къ которымъ относились духовенство и служилые люди, несшіе службу церковную или государственную и тяглые люди, на которыхъ возложено было тягло, пред-

---

[1]) Именно: 99_5% Кайгородскій у. 1678 г.; 99_3% Кеврольскій у. 1623 г.; 98_5% Чердынскій у. 1678 г.; 98% Кеврольскій у. 1678 г.; 97% Чердынскій у. 1647 г.; 97% Каргопольскій у. 1648 г.; 96% Тотемскій у. $162^3/_5$ и 1646 г.; 95% Яренскій у. 1608 г.; 94% Яренскій у. 1678 г.; 92% Яренскій у. 1646 г.; 92% Устюжскій у. $162^3/_6$ г.; 89% Устюжскій у. 1676 г.; 86% Двинскій у. $162^2/_4$; 81% Сольвычегодскій у. 1625 г.; 79% Сольвычегодскій у. 1678 г.; 79% Двинскій у. 1678 г.; 78% Сольвычегодскій у. 1645 г.; 75% Вятская земля 1678 г. См. прилож. II.

ставлявшее изъ себя совокупность разнаго рода податей и натуральныхъ повинностей. Терминъ „бѣлый“ значилъ: свободный отъ тягла, нетяглый; обѣлить—значило освободить отъ тягла; бѣломѣстецъ—владѣлецъ бѣлаго мѣста, бѣлой земли, по которой онъ не обязанъ нести тягла. Право владѣнія такою землею и было правомъ, сопряженнымъ съ тѣми служебными обязанностями, которыя лежали на бѣломѣстцахъ. Тяглые люди жили частію на владѣльческихъ бѣлыхъ земляхъ, частію на государственной землѣ городской или сельской и за право труда на той или другой землѣ отбывали тягло. Слѣдовательно правомъ тяглыхъ людей было право труда на чужой землѣ. Изъ тяглыхъ людей тѣ, которые жили на государственной землѣ, группируясь въ городскіе или сельскіе союзы, носили названіе черныхъ людей. Такимъ образомъ черные люди—это разновидность тяглыхъ людей, это тяглецы, жившіе и трудившіеся на государственной землѣ, посадскіе люди или государственные крестьяне. Но помѣщичьяго или церковнаго крестьянина, также тяглеца по отношенію къ государству, „чернымъ“ человѣкомъ, офиціально по крайней мѣрѣ, не называли. Для тяглыхъ людей, работавшихъ на земляхъ бѣломѣстца, землевладѣлецъ становился посредникомъ между ними и государствомъ при отбываніи тягла, подобно тому какъ онъ являлся для нихъ и носителемъ другихъ государственныхъ функцій—судебныхъ; черные люди отбывали тягло по тѣмъ союзамъ городскимъ или сельскимъ, по которымъ они организовались.

Земля въ Московскомъ государствѣ распадалась также на двѣ категоріи съ эпитетами „бѣлая“ и „черная“. Бѣлой землей называлась та, которою владѣли нетяглые люди, бѣломѣстцы; таковы были вотчины, сосредоточившіяся въ рукахъ духовенства и служилаго класса, которыми эти общественныя группы владѣли на правѣ собственности. Идея земельной собственности, такъ туго пускавшая корни въ русскомъ обществѣ, получаетъ свое развитіе прежде всего именно въ этой бѣлой средѣ, распространялась затѣмъ сверху внизъ. Ее вноситъ церковь, заимствующая ее изъ римскаго права. Слѣдомъ за церковью ее усваиваютъ служилые круги, и такимъ образомъ у бѣлыхъ людей она является въ достаточной степени развитою въ то время, какъ общественнымъ низамъ она остается еще чуждой. При такомъ развитіи правосознанія полная собственность на землю становится правомъ бѣлаго человѣка, сочетаясь съ свободою его отъ тягла. Такимъ образомъ бѣломѣстецъ, это—нетяглый служилый человѣкъ, обладающій правомъ собственности на землю. Бѣлая земля, это—земля, свободная отъ тягла, затѣмъ земля, составлявшая предметъ частной собственности; „обѣлить“ столько же значитъ освободить отъ тягла, сколько утвердить въ правѣ собственности. Эти два понятія тѣсно соединяются, и право собственности на землю начинаетъ выражаться прежде всего въ освобожденіи ея отъ тягла. Право земельной собственности такъ присуще бѣломѣстцамъ, что та государственная земля, которая отдавалась имъ во временное и условное владѣніе, въ помѣстье, должна была испытать на себѣ воздѣйствіе этого права, усваивая черты собственности и въ концѣ концовъ

слилась съ вотчиной въ одинъ видъ землевладѣнія. Бѣлая рука сообщала характеръ частной собственности той землѣ, до которой она касалась.

Терминъ черный значилъ въ древней Руси: ничей въ отдѣльности, общій, мірской. Чернь—это то же, что міръ, весь міръ въ смыслѣ общества [1]). Черная земля—это земля, не составляющая ничьей частной собственности, ничья, общая, мірская. Она можетъ или быть никѣмъ не занятой, лежащей впустѣ, или находиться въ пользованіи и владѣніи занимающихъ ее лицъ. Въ обоихъ случаяхъ это была земля, не знавшая на себѣ частной собственности. Въ глазахъ древняго крестьянства владѣніе землею обусловливалось трудовымъ захватомъ. Прекращалось такое трудовое воздѣйствіе на землю, должно было прекращаться и владѣніе ею, и она становилась опять ничьею, божьею, которою можетъ пользоваться каждый желающій, мірскою. Съ того времени какъ начало проявлять свою силу государство, оно стало тѣмъ всеобъемлющимъ общественнымъ союзомъ, тѣмъ высшимъ верховнымъ міромъ, который сталъ субъектомъ правъ на никому въ собственность не принадлежащую землю. Прежде такая земля считалась ничьею, общею, принадлежащею міру въ неопредѣленномъ смыслѣ; съ появленіемъ государства мысль объ этомъ мірѣ получила болѣе конкретныя очертанія, и такимъ міромъ стало государство. Слова „государственный" въ древне-русскомъ языкѣ не существовало; вмѣсто него употреблялось болѣе конкретное слово „государевъ", такъ какъ воображеніе людей того времени, не привыкшихъ къ отвлеченному мышленію, конкретнѣе олицетворяло государство въ государѣ, такъ что эти понятія отождествлялись.

Не вся однако государственная земля была черной, и вотъ почему выраженіе: государева черная земля не составляетъ плеоназма. Такъ не называли землю, принадлежавшую государству и отдававшуюся служилымъ людямъ въ помѣстья, хотя эта одинаковая принадлежность черной и бѣлой—помѣстной земли государству сознавалась юридической мыслью еще XVI вѣка. [2]) Итакъ черная земля въ XVII в. это не всякая государственная земля; но именно государственная земля, заселенная черными людьми, сомкнутыми въ общества, которыя государство приспособило для своихъ фискальныхъ цѣлей. Организація владѣльцевъ черной земли въ такіе союзы была необходимымъ свойствомъ чернаго землевладѣнія. По владѣнію черной землей союзы и организовались.

На какомъ же правѣ владѣли черною землею тяглые люди, отбывавшіе съ нея тягло, черносошные, какъ ихъ еще называли, указывая этимъ терминомъ на связь владѣнія черной землей съ податной, сошной организаціей?

---

[1]) Ср. *Соловьевъ*, О значеніи слова „черный" въ древне-русскомъ языкѣ: никѣмъ не занятый. Сборникъ Вауева, 282. Пр. Д. 1633 № 37: „а мы, сироты твои, государевы, всѣмъ міромъ чернью...... о мірскихъ нужахъ бить челомъ къ Москвѣ не посылали".

[2]) Судебн. 1550 г. стат. 84: „А взыщетъ черный на черномъ или помѣщикъ на помѣщикѣ, за которыми земля царя и великаго князя".

Уцѣлѣвшіе документы этого владѣнія могутъ ввести насъ въ большую ошибку. Дѣло въ томъ, что владѣльцы черной земли совершаютъ на свои участки всѣ акты распоряженія: продаютъ ихъ, закладываютъ, мѣняютъ, дарятъ, отдаютъ въ приданое, завѣщаютъ, притомъ цѣликомъ или дѣля ихъ на части. Такимъ образомъ по всѣмъ внѣшнимъ формамъ этихъ актовъ владѣльцамъ принадлежитъ право собственности на ихъ участки, и въ собраніяхъ сѣверныхъ актовъ можно встрѣтить сколько угодно купчихъ крѣпостей, закладныхъ записей, духовныхъ завѣщаній на черную землю. Мало того, владѣльцы черныхъ земель называютъ свои участки вотчинами, а себя ихъ вотчичами, и это были не совсѣмъ одни только названія. Сѣверная крестьянская вотчина подлежала дѣйствію того же права, которое связано было съ родовою вотчиною въ центральной Россіи, именно права выкупа ея родственниками вотчича при отчужденіи ея на сторону. О выкупѣ говоритъ извѣстный такъ называемый судебникъ Ѳедора Ивановича[1]). О томъ же говорятъ и многочисленные практическіе документы, рисующіе дѣйствительныя отношенія[2]). Вотчичъ сохранялъ право

[1]) ст. 163—167.

[2]) Приведемъ примѣры, относящіеся къ различнымъ областямъ Поморья. Пр. Д. 1630 № 19. „Бьетъ челомъ устьянецъ Пежемскіе волости Г. Д. Сусловъ и въ брата своего мѣсто. Жалоба, государь, намъ на тое жъ Пежемскіе волости на сродича своего на Онтона Ив. Семенова да на племянницъ его родныхъ на Оксинью, да на Ѳедору, да на зятя его Игнатья Клементьева. Въ нынѣшнемъ, государь, во 138 г. продалъ тотъ Онтонъ съ своими племянницами и съ зятемъ, стакався за одно, деревню—отчину свою и нашу мимо насъ на сторону, что была дяди нашего Ѳедора Иванова... Милосердый государь, не вели тое нашу вотчинную землю продать мимо насъ обводомъ на сторону и вели, государь, у насъ тѣ жъ деньги взять, въ чемъ она заложена или продана на сторону, чтобъ мы... тое своей вотчинной земли дяди своего Ѳедора не отбыли“. Резолюція приказа: „138 г. іюля въ 11 д. дать грамота, велѣть про ихъ свойство сыскать, и будетъ они ему ближніе родимцы, и та вотчина велѣть имъ продать повольною цѣною“.—Пр. Д. 1653 № 59. „Бьетъ челомъ Каргопольскаго уѣзда Мехренгскаго стану... крестьянинъ Еремка Селиверстовъ. Жалоба мнѣ тое же волости на Трофима Иванова Хорошева... Во 148 г. купилъ язъ деревню у Аѳанасья Хорошева, у брата Трофимова, что ему отъ Трофима съ дѣлу досталось... а цѣны далъ 23 рубля... И нынѣ онъ Трофимъ деревню емлетъ къ себѣ во владѣніе, а даетъ тѣжъ деньги, что въ купчей писано“, т. е. Трофимъ осуществляетъ право выкупа. Челобитчикъ жалуется не на то, что Трофимъ выкупаетъ вотчину, а на то, что онъ даетъ цѣну, указанную въ купчей, и не хочетъ приплатить за произведенныя въ вотчинѣ расширенія и улучшенія: „а за роспашь и за причисть не даетъ ничего и за дворовую постройку“.—Пр. Д. 1653 № 59. „Бьетъ челомъ Каргопольскаго уѣзда Турчасовскаго стана Нижняго конца Окатовской деревни Макарко Гавриловъ. Въ прошломъ, государь, во 143 г. продалъ отцу моему Гаврилу деревенской жеребей всей той Окатовской деревни осьмую доль выти Захаръ Ивановъ с. Савина, а цѣны взялъ 18 руб., и купчая отъ него Захара у меня на ту деревню есть. А тотъ Захаръ купилъ тотъ деревенской жеребей

на свой участокъ и въ томъ случаѣ, если покидалъ его впустѣ, уходя изъ волости. Такіе заброшенные участки волостной сходъ отдавалъ въ пользованіе крестьянамъ, желавшимъ ихъ снять, но въ данныхъ, которыми сходъ закрѣплялъ это пользованіе за держателями, указывался его временный характеръ: до возвращенія „вотчича", до тѣхъ поръ пока „выищется вотчичъ", и тогда держатель обязанъ былъ вернуть землю „вотчичу", если, конечно, этотъ послѣдній сталъ бы за нее „приматься", получивъ съ вотчича плату за произведенныя въ вотчинѣ постройки и улучшенія[1]) Терминомъ

у Мартемьяна Осипова и владѣлъ тотъ Захаръ тѣмъ жеребьемъ по нашу куплю болѣе 15 лѣтъ... И во 161 г. вступился въ тотъ деревенской жеребей черезъ продажу дѣда своего Мартемьяна.. внукъ его Мартемьяновъ, позвавъ себѣ вотчиннымъ участкомъ". Челобитчикъ далѣе ссылается на Соборное Уложеніе, воспрещающее выкупъ проданной вотчины прямымъ нисходящимъ продавца. Каргопольскій воевода возвратилъ спорный участокъ Мартемьянову внуку. Новгородскій приказъ оставилъ въ силѣ распоряженіе воеводы, предписавъ только вернуть челобитчику деньги по купчей, утвердивъ такимъ образомъ выкупъ вотчины прямымъ наслѣдникомъ вотчинника. Пр. Д. 1653 № 59. Челобитная Каргопольскаго уѣзду Усть-Мошскаго стану Трофимовской деревни Наумка Томилова. „Въ прошломъ, государь, во 151 г. Баженъ Савиновъ Слудова продалъ... деревенскій участокъ... и, продаваючи при людяхъ, накликивалъ на тотъ участокъ вотчинниковъ, что участокъ продамъ на сторону, будетъ вы не купите. И вотчинники въ тѣ поры не ставились. И я, государь, сирота твой... тотъ участокъ купилъ, а цѣны далъ 12 р. съ полтиною... И въ нынѣшнемъ, государь, во 162 г. билъ челомъ тебѣ, государю, вотчинникъ Архипко Игнатьевъ о томъ участкѣ... Вотъ случай, когда въ купчей оговорено было преимущественное право родственниковъ продавца на покупку вотчины въ томъ случаѣ, если бы купившій ее вознамѣрился ее продать или заложить: Пр. Д. 1656 № 87. „Бьетъ челомъ Чарондскіе округи съ Чаронды посадской жилецъ Дмитрейко Захарьевъ. Жалоба мнѣ того жъ посаду на жильца на Исака Дмитріева сына Солодова. Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ тотъ Исакъ купилъ у шурина моего у Богдана Аѳанасьева сына Уткина у того жъ посаду пашенные земли осьмую долю вытнаго тягла". А въ купчей, государь, писалъ шуринъ мой Богданъ, какъ ему Исаку та вотчинная наша земля не понадобится, и тое земли ему на сторону мимо насъ его, Богдановыхъ, вотчинниковъ и сродичевъ ни продать, ни заложить". Исакъ не исполнилъ этого обязательства, и челобитчикъ ходатайствуетъ о выкупѣ вотчины: „тое землю противъ купчіе мнѣ сиротѣ на тѣ жъ деньги отдать". Право выкупа проданныхъ участковъ сохраняется въ Олонецкомъ краю еще и въ рединѣ XIX в. См. *Приклонскій*, Народная жизнь на сѣверѣ, 169—170.

[1]) См. данныя Пр. Д. 1554—1635, л. 11; 1644 № 31; 1647 № 14 (въ концѣ) „Бьетъ челомъ сирота твой изъ Заонежья Оштинскаго стану Мегорскаго погосту Ундозерской волости крестьянинъ Петрушка Кирилловъ. Жалоба, государь, мнѣ тое жъ волости на крестьянъ на Семена Парѳенева да на Василья Васильева сына Колбина. Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ для хлѣбные скудости ходилъ я кормитися въ Вологодскій уѣздъ, а вотчинной свой деревенской участокъ въ Ундозерской волости въ Павликовской деревнѣ оставилъ впростѣ, не продалъ и не заложилъ. И послѣ, государь, меня тѣмъ

вотчина поморскіе крестьяне называли преимущественно родовое владѣніе, т. е. полученное по наслѣдству[1]) отъ родственника въ отличіе отъ благопріобрѣтеннаго, „купли". Въ 1631 г. выборный земскій судья Пежемскаго стана въ Устьянскихъ волостяхъ, производя разслѣдованіе по одному поземельному дѣлу, разспрашивалъ о спорномъ участкѣ земли: „та земля, на коей они (спорившіе о ней родственники) живутъ, старинная ли ихъ вотчинная или купленая?" Свидѣтели, къ которымъ судья обратился, сказали: „про землю мы не вѣдаемъ, купленая ли, или ихъ родовая". Одинъ изъ владѣльцевъ земли сказалъ: „та земля наша вотчинная, дѣдъ нашъ, да отецъ владѣли, а нынѣча мы"[2]). Нерѣдко въ актахъ можно встрѣтить выраженія, въ которыхъ этотъ терминъ употребляется прямо въ буквальномъ смыслѣ, обозначая земельный участокъ, унаслѣдованный отъ отца: „продалъ есми вотчину, отца своего благословеніе", „благословеніемъ отца своего владѣлъ я, Дениско, третью деревни Пестовымъ Раменьемъ", „владѣлъ тотъ дядя мой Емельянъ вотчиною моею, отца моего благословеніемъ"[3]) и т. д. Впрочемъ строгое значеніе термина не всегда выдерживается, и онъ прилагается также и къ куплѣ. Писцы П. Мансуровъ и В. Архиповъ, описывавшіе Сольвычегод-

---

моимъ вотчиннымъ участкомъ завладѣлъ сильно крестьянинъ безъ твоего государева указу самовольствомъ и учалъ его продавать. А какъ продалъ и у того купилъ иной жилецъ. А нынѣ владѣютъ имъ тѣ крестьяне Семенъ да Василей... И я сирота твой... на вотчину свою приволокся, и тѣ крестьяне Семенъ Парѳеновъ и Василій Колбинъ мнѣ того участка не отдали". Писцы П. Мансуровъ и В. Архиповъ, переписывавшіе Сольвычегодскій уѣздъ въ 1624 г., писали въ Москву, что „бьютъ челомъ усольскаго уѣзда крестьяне, которые въ прошлыхъ годѣхъ замолодали отъ бѣдности и бродили по инымъ городамъ. А деревни свои купленыя метали впустѣ. И тѣ деревни безъ нихъ мірскіе люди отдали крестьяномъ изъ тягла и данныя имъ давали, что имъ въ тѣхъ деревняхъ жити и пашня пахати, и дворы ставити, и наши всякія подати и мірскіе розметы платити съ волостью вмѣстѣ. А будетъ взыщется кто па какую деревню вотчичъ, и тѣмъ вотчинникомъ тѣ деревни отдавать назадъ. А что хоромъ прибавятъ или пашню распашутъ, и за то въ тѣхъ данныхъ писано имати на тѣхъ вотчинникахъ деньгами по 15 и по 20 руб., и больши. И тѣ крестьяне по тѣмъ мірскимъ даннымъ, подержавъ за собою тѣ деревни года два или три, испродали. А старые вотчинники о своихъ вотчинахъ бьютъ намъ челомъ о указѣ". Писцы испрашиваютъ указаній, какъ быть въ этихъ случаяхъ, которыхъ не предусматривалъ данный имъ наказъ, отдавать ли тѣ деревни вотчинникамъ назадъ? Приказъ предписалъ возвращать деревни вотчинникамъ, взыскивая съ нихъ плату за произведенныя держателями постройки. Пр. Д. 1624 № 8.

[1]) Такое опредѣленіе сѣверной вотчины мы находимъ въ такъ называемомъ судебникѣ царя Ѳедора Ивановича: „А кто послѣ живота своего отпишетъ деревню дѣтямъ, то имъ и вотчина ввѣкъ" (ст. 165.)

[2]) Пр. Д. 1631 № 56.

[3]) Пр. Д. 1631 № 44; 1631 № 55; 1631 № 56.

скій уѣздъ, въ донесеніи въ Москву называютъ крестьянъ, побросавшихъ впустѣ купленыя свои деревни, вотчинниками этихъ деревень[1]).

Итакъ сѣверные крестьяне, владѣвшіе черной землей, считаютъ свои участки своею собственностью, на которую они имѣютъ всѣ права распоряженія. И однако въ отношеніи къ этимъ землямъ нельзя не замѣтить двойственности взгляда. Крестьяне относятся къ чернымъ участкамъ какъ собственники, но государство считаетъ эти земли своими, а крестьянъ лишь ихъ владѣльцами. Эта мысль о государствѣ, какъ собственникѣ черной земли, сквозитъ и въ воззрѣніяхъ самихъ крестьянъ, когда они начинаютъ размышлять о своихъ правахъ. Участокъ земли, который крестьянинъ называетъ „искони вѣчной вотчиной" своего отца, онъ въ той же самой челобитной называетъ черной тяглой государевой деревней[2]). Мысль о верховной собственности государства высказывалась среди поморскихъ крестьянъ въ выраженіяхъ, которыхъ много сохранили поземельные акты и которыя показываютъ точное различіе между dominium eminens и dominium utile въ сознаніи крестьянъ въ XVI—XVII в. Выраженія эти не разъ приводились въ литературѣ: „земля царева и великаго князя, а моего владѣнія", „земля Божья да государя великаго князя, а роспаши и ржи наши", „земля великаго князя, а отцовское и мое посилье", „государева царева вотчина, а мое владѣнье"[3]).

У крестьянъ эта мысль о государствѣ—собственникѣ не имѣла никакого реальнаго, практическаго значенія; она высказывалась только какъ отвлеченная теорія крестьянскаго землевладѣнія, какъ ее понимали крестьяне. Не забывая теорію верховнаго собственника, крестьяне владѣли и распоряжались своими земельными участками, какъ своею полною собственностью. Наоборотъ у самого верховнаго собственника та же идея не ограничивалась только сферою отвлеченнаго размышленія, а вела къ реаль-

---

[1]) См. выше примѣч. на стр. 55. Ср. Пр. Д. 1649 № 81. Стрѣлецъ И. Ѳ. Чудниковъ купилъ деревню въ Устюжскомъ у. въ Комарицкомъ стану въ Вешкурской волости и затѣмъ заложилъ ее крестьянину В. Д. Семерикову. Дядя стрѣльца, прося о выкупѣ деревни, въ челобитной пишетъ: „милосердый государь—вели мнѣ ту вотчину племянника моего Ив. Чудникова по закладной выкупить". См. также *П. Ивановъ*, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на Сѣверѣ. Труды Археогр. Ком. М. А. О. I, 429—430. Писецъ Кеврольскаго уѣзда 1686 г. переноситъ на крестьянскій жеребій представленіе о средне-русской вотчинѣ, примѣняя къ нему и указную терминологію: „родовая" и „купленая вотчина".

[2]) Пр. Д. 1638 № 36. „Бьетъ челомъ Каргопольскаго у. Усть-Мошскаго стану Петрушка Іевлевъ сынъ Малыгина.... Купилъ отецъ мой упокойной Іевъ изъ прозвища Малыга (у Ошевнева монастыря) черную тяглую государеву деревню, а взяли цѣны Ошевнева монастыря старцы за ту деревню 12 р. у отца моего. А въ продажѣ они старцы.. писали, что Іеву Малыгѣ вотчину его искони вѣчную назадъ продали въ вѣкъ безъ выкупа".

[3]) Р. И. Б. XIV, 21. *Ефименко*, Изслѣдованія народной жизни, I, 198, 282; *Сергѣевичъ*, Юрид. Древн. I, 212—217.

нымъ, практическимъ послѣдствіямъ. Она проявлялась очень опредѣленно въ отношеніи правительства къ обѣимъ категоріямъ черныхъ земель: и къ землямъ пустымъ, никѣмъ не занятымъ и къ землямъ заселеннымъ. По отношенію къ первымъ мысль о государствѣ, какъ собственникѣ и притомъ непосредственномъ собственникѣ, выражалась въ томъ, по крайней мѣрѣ съ XVI в., что ихъ заимка могла производиться не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства. Фактически, правда, онѣ захватывались всякимъ, кто имѣлъ средства ихъ эксплуатировать; но юридически для обезпеченія этого захвата необходима грамота, причемъ эти земли жалуются въ собственность, какъ онѣ жаловались монастырямъ, или отдаются въ безсрочное владѣніе „изъ тягла", т. е. подъ условіемъ платежа всѣхъ податей вмѣстѣ съ прочими тяглыми людьми волости, или въ срочное пользованіе „изъ оброка", т. е. за особо условленную арендную плату. На такихъ основаніяхъ пустыя земли отдавались тяглымъ людямъ. Правительство начинаетъ все болѣе зорко смотрѣть, чтобы никто не захватывалъ пустыхъ земель безъ грамотъ и предписываетъ своимъ агентамъ „сыскивать", не владѣетъ ли кто такими землями безоброчно [1]).

Къ XVII в. установился опредѣленный порядокъ пожалованія такихъ незанятыхъ земель въ тяглое владѣніе или въ оброчное пользованіе. Предпріимчивый промышленникъ, высмотрѣвъ земли, къ которымъ онъ могъ бы приложить свой трудъ, какое нибудь „глинное пустое мѣсто, черный лѣсъ", которое „отъ посаду удалѣло и ялось за болотомъ", долженъ былъ обращаться въ Москву въ подлежащій приказъ съ ходатайствомъ, въ которомъ обозначалъ положеніе намѣченныхъ для разработки земель, заявлялъ, что онѣ лежатъ впустѣ, не владѣетъ ими никто и излагалъ условія, на какихъ желалъ бы ихъ взять, прибавляя при этомъ иногда знаменательную фразу: „а безъ твоего, государева, указу разчищать и распахивать не смѣемъ". Приказъ наводилъ справки въ писцовыхъ книгахъ, не записаны ли просимыя земли за кѣмъ либо раньше, иногда поручалъ навести справку о томъ же мѣстнымъ властямъ, и если земля оказывалась дѣйствительно никѣмъ не занятой, отдавалъ ее просителю, освобождая его на опредѣленный срокъ отъ платежей и устанавливая размѣры ихъ на будущее время, когда пройдутъ льготные годы. [2]) Документы на владѣніе черной землей выда-

---

[1]) Пр. Д. 1623 № 32. „Государю царю... Петрушка Мансуровъ (писецъ, описывавшій Вятскую землю) челомъ бьетъ. Вѣдомо тебѣ, государю, учинилось, что на Вяткѣ: въ Хлыновѣ, въ Слободскомъ, въ Орловѣ, въ Котельничѣ, въ Шестаковѣ на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ многіе посадскіе и уѣздные всякіе люди владѣютъ всякими угодьи и въ рѣкахъ, и въ озерахъ рыбными ловлями, и звѣриными и бобровыми, гоны, и пашнями, и сѣнными покосы, и мельницами и перевозы безоброчно, а оброчныхъ денегъ съ тѣхъ угодій въ твою государеву казну не платятъ, а съ иныхъ угодій оброчекъ платятъ невеликій. И мнѣ, государь, велѣно про то сыскивати".

[2]) См. напр. А. Э. I № 163; № 385. Въ дѣлахъ новгородскаго и устюжскаго приказовъ сохранилось очень много производствъ по такимъ ходатайствамъ за XVII в. Примѣры: Пр. Д. 1624 № 8. Пр. Д. 1650 № 28; Пр. Д.

вались также писцами при производствѣ переписей. Втеченіе всего XVII в. колонизація незанятыхъ земель на сѣверѣ продолжалась, происходя на глазахъ писцовъ, которые и отмѣчали ея ходъ въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ. На „раменной землѣ, на черныхъ лѣсахъ“ возникали починки и деревни, разроставшіеся затѣмъ въ группы селеній. Наѣзжая на такія группы, писцы или приписывали ихъ къ уже существующимъ тяглымъ организаціямъ: станамъ и волостямъ, или записывали ихъ какъ особыя волости, облагая ихъ тягломъ или оброками и выдавая имъ выписи изъ писцовыхъ книгъ, удостовѣрявшія ихъ права на занятую землю[1]). По отношенію къ занятымъ крестьянами чернымъ землямъ идея государства, какъ собственника, выражалась рѣзче всего въ случаяхъ пожалованія государствомъ населенныхъ черныхъ земель отдѣльнымъ лицамъ или церковнымъ учрежденіямъ, съ чѣмъ мы познакомимся ниже, а затѣмъ въ сравнительно обильномъ законодательствѣ, которымъ правительство частію стѣсняло право распоряженія крестьянъ ихъ участками, частію совсѣмъ лишало ихъ этого права. Обиліе законодательныхъ постановленій, касавшихся этого предмета, объясняется вопервыхъ сепаратнымъ характеромъ значительной части указовъ, издававшихся для отдѣльныхъ мѣстностей, во-вторыхъ борьбой, которую должно было выдерживать законодательство съ давно укоренившимся и вошедшимъ у крестьянъ въ освященный стариной обычай отчужденіемъ участковъ, практиковавшимся „прадѣдами, дѣдами и отцами“ ихъ, какъ они указывали въ своихъ челобитныхъ. По памятникамъ этого законодательства можно замѣтить различное отношеніе правительства къ отчужденію крестьянскихъ черныхъ земель въ восточной и въ западной частяхъ Поморья. На востокѣ

1653 № 114: „бьетъ челомъ пермитинъ чердынецъ Алешка Лукинъ. Есть, государь, въ Перми Великой по Вишерѣ рѣкѣ на лѣвой сторонѣ Говорливая рѣчка. И по той, государь, рѣчкѣ есть великія пустоши. А въ писцовыхъ, государь, книгахъ та рѣчка Говорливая и по той рѣчкѣ пустоши ни за кѣмъ не написаны и нынѣ никто тою рѣчкою и пустошми не владѣетъ, лежатъ тѣ угодья впустѣ. Милосердый государь, пожалуй меня, сироту своего, устья тое Говорливые рѣчки до Глубокаго врагу по обѣ стороны по 5 верстъ на роспашь и на сѣнные покосы на льготу на семь лѣтъ. А какъ, государь, тѣ льготныя лѣта пройдутъ и я, сирота твой, тебѣ государю съ той земли учну платить всякіе твои государевы доходы съ мірскими людьми вмѣстѣ. И о томъ вели, государь, мнѣ на ту рѣку и на пустоши дать свою государеву грамоту“. Помѣта: „161 г. марта въ 10 д. Послать государева грамота къ воеводѣ, будетъ та земля лежитъ впустѣ, а въ тягло и на оброкъ никому не отдана, велѣть отдать ему въ тягло или на оброкъ по разсмотрѣнью, а льготы дать смотря по землѣ. А послѣ льготныхъ лѣтъ положить на тѣ земли тягло или оброкъ, смотря по угодью“.

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 446 (Сольвычегодскъ) 1625 г., л. 621. „Въ волости въ Лузской Пермцѣ на рѣчкѣ на Лѣткѣ, на Вятскомъ волоку на черномъ лѣсу поселились крестьяне послѣ прежнихъ писцовъ вново“. Всего 4 деревни, 1 починокъ. „А государевы подати и всякіе пермскіе розметы платить имъ въ Лузскую Пермцу съ вытей съ волостью вмѣстѣ“.

отчужденіе лишь подвергалось ограниченію, съуживавшему кругъ лицъ, въ пользу которыхъ можно было его совершать; на западѣ совсѣмъ воспрещалось, по крайней мѣрѣ путемъ продажи и залога. Въ 1624 г. писцы И. С. Благово и В. Архиповъ, переписывавшіе Сольвычегодскій уѣздъ, пріостановили оборотъ земель въ этомъ уѣздѣ среди крестьянъ: совершившихъ въ этомъ году сдѣлки на землю привлекли къ отвѣтственности, отдавъ на поруки; лицамъ, которыя пріобрѣли земли по сдѣлкамъ, запретили ими владѣть и „впередъ волостнымъ крестьянамъ заказали, межъ себя деревень и поженъ продавать и закладывать не велѣли". Сольвычегодскій уѣздный міръ обратился въ Москву съ ходатайствомъ, въ которомъ указывалъ, что у нихъ изстари повелось деревни и пожни, и всякія свои угодья межъ собой продавать и закладывать. Міръ ссылался на необходимость такого земельнаго оборота для поддержанія податной платежеспособности крестьянъ. Правительство разрѣшило продавать и закладывать деревенскіе черные участки, ограничивъ кругъ этихъ сдѣлокъ только „своею же братьею тутошними тяглыми людьми", и запретивъ отчуждать крестьянскія земли въ пользу монастырей, Строгановыхъ и вообще нетяглыхъ людей, а также отчуждать отъ деревень отдѣльныя угодья, что нарушало хозяйственную цѣльность деревень [1]). Въ томъ же году было издано подобное же распоряженіе относительно Устюжскаго уѣзда, гдѣ также запрещалось продавать монастырямъ или отказывать по душѣ, или давать вкладомъ черныя деревни, или отдѣльныя угодья этихъ деревень. Указъ этотъ оказался мало дѣйствителенъ, и въ 1651 г. было предписано конфисковать черныя земли, пріобрѣтенныя несмотря на запрещеніе устюжскими монастырями, священнослужителями, подьячими, гостями, гостиной сотней и посадскими людьми. Это распоряженіе было впрочемъ отмѣнено для послѣдняго изъ перечисленныхъ разрядовъ, т. е. для посадскихъ людей устюжанъ [2]). Издавались указы и общаго характера, распространявшіе запрещеніе отчуждать черныя земли въ пользу монастырей и бѣломѣстцевъ на всѣ поморскіе уѣзды и грозившіе крестьянамъ продавцамъ такихъ земель наказаніемъ, а покупателямъ отобраніемъ пріобрѣтенныхъ земель въ казну [3]).

---

[1]) Пр. Д. 1624 № 8. „И мы в. г. и отецъ нашъ.... усольцевъ посадскихъ и всего усольскаго уѣзда волостныхъ людей пожаловали, велѣли имъ межъ себя деревни свои продавать, и покупать, и въ закладъ давать своей же братьѣ тутошнимъ тяглымъ людемъ. А угодей отъ деревень къ инымъ деревнямъ и въ монастыри, и Строгановымъ деревень и угодій и инымъ никакимъ нетяглымъ людемъ продавать нынѣ и впередъ не велѣли".

[2]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 458 и сл.; Пр. Д. 1646 № 154; Р. И. Б. XII, 426; П. С. З. № 79.

[3]) Пр. Д. 1651 № 27. „Въ прошломъ во 153 г. по указу отца нашего... въ поморскихъ городѣхъ въ монастыри и къ церквамъ всякимъ церковнымъ причетникомъ, и съѣзжей избы подьячимъ, и гостиной сотни торговымъ людемъ, и всякимъ нетяглымъ людемъ посадскихъ тяглыхъ дворовъ и лавокъ, и амбаровъ, и мельницъ, и соляныхъ промысловъ, и рыбныхъ ловель, и деревень, и всякихъ земель и угодій опричь посадскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ людей въ

Въ западной части Поморья въ Заонежскихъ погостахъ и въ Каргопольскомъ уѣздѣ земельныя сдѣлки были совершенно воспрещены даже и между своею братьею тяглыми крестьянами. Докладъ посланнаго въ Заонежскіе погосты для сыскиванія бѣглыхъ крестьянъ В. Золотарева о дѣятельной скупкѣ богатыми и сильными крестьянами участковъ у бѣдныхъ, которые, продавъ и заложивъ ихъ, бѣгутъ изъ погостовъ, разсматривался въ 1648 г. въ боярской думѣ. Дума постановила проданные участки отнять безденежно у покупателей и возвратить прежнимъ ихъ владѣльцамъ „и впредь о томъ учинить заказъ крѣпкій, чтобы никто ни у кого не покупалъ и въ закладъ не ималъ“. Когда воеводы Заонежскихъ погостовъ въ 1649 г. спросили, за сколько же лѣтъ отнимать и отдавать назадъ тѣ купленные участки, т. е. какую обратную давность установить для прежнихъ поземельныхъ сдѣлокъ, дума смягчила свой приговоръ, отмѣнивъ его первую часть, позволивъ оставить участки за ихъ пріобрѣтателями по купчимъ и закладнымъ, но вновь подтвердила запрещеніе сдѣлокъ на будущее время[1]).

Въ 1652 г. неотчуждаемость крестьянскихъ черныхъ участковъ была распространена и на сосѣдній съ Заонежскими погостами Каргопольскій уѣздъ, гдѣ также велѣно было всякому владѣть участками по писцовымъ книгамъ, всѣ сдѣлки послѣ писцовыхъ книгъ признаны недѣйствительными, земли на которыя онѣ состоялись, велѣно было вернуть безденежно ихъ прежнимъ владѣльцамъ и учиненъ такой же крѣпкій заказъ, чтобы никто ни у кого участковъ и угодій не покупалъ и въ закладъ не бралъ подъ опасеніемъ наказанія. Указъ вызвалъ сильное волненіе въ уѣздѣ. Каргопольскій всеуѣздный міръ представилъ ходатайство, въ которомъ ссылался на полную свободу сдѣлокъ, практиковавшуюся до 1652 г. и обращалъ вниманіе правительства на невыгодныя послѣдствія указа. Деревенскій пролетаріатъ, „бобыли и пропойцы“, спустившіе свои запустошенные участки, теперь требуютъ возвращенія ихъ отъ пріобрѣтателей,

---

закладъ не имать и не покупать. А кто такіе промыслы и земли, и угодья купитъ, и въ монастырь вкладъ, и въ закладъ, и къ церквамъ возьметъ, и то все имать на насъ безденежно. А тѣмъ людемъ, кто продастъ, велѣно чинить наказанье“. Д. А. И. III № 88. Грамоты о такомъ запрещеніи посылаются 4 іюня 1651 г. въ Устюгъ В., къ Архангельскому городу, къ Соли Камской, въ Пермь В., къ Соли Вычегодской. А. И. V № 198. 5 апр. 1690 г. Подтвержденіе этого запрета для всѣхъ поморскихъ городовъ, которые вѣдомы въ Новгородскомъ приказѣ. Угроза наказаніемъ площаднымъ подьячимъ, земскимъ и церковнымъ дьячкамъ, которые будутъ писать крѣпости на такія недозволенныя поземельныя сдѣлки.

[1]) Пр. Д. 1647 № 83. П. С. З. № 10; Пр. Д. 1649 № 75: „158 г. сент. 31. Государь указалъ и бояре приговорили тѣмъ жить на купленыхъ и на закладныхъ участкахъ по прежнему для того, что они на нихъ живутъ многія лѣта и построились, а нынѣ написаны въ солдатскую службу. А впредь о томъ учинить заказъ крѣпкой, чтобъ никто участковъ не продавалъ и не закладывалъ“.

обстроившихъ и воздѣлавшихъ ихъ, хотя и не обладаютъ никакимъ инвентаремъ, чтобы воспользоваться участками и отбывать съ нихъ тягло. По этому ходатайству указъ былъ нѣсколько смягченъ въ пользу пріобрѣтателей; велѣно было возвращать имъ деньги, уплаченныя ими по купчей или выданныя при полученіи земли въ залогъ; послѣднее, впрочемъ, въ томъ только случаѣ, если они не держали землю за ростъ[1]). Но предписаніе о неотчуждаемости оставлено на будущее время въ силѣ. Такъ ограничивалось и отмѣнялось на сѣверѣ право распоряженія черною землею. Пусть эти указы мало проходили въ жизнь и не исполнялись. Все же они достаточно ясно показываютъ взглядъ правительства XVII в. на черную землю, какъ на землю, находящуюся въ собственности государства и лишь во владѣніи крестьянъ.

---

[1]) Пр. Д. 1653 № 59. „162 г. декабря въ 10 д. дать государеву грамоту въ Каргополь къ воеводѣ. Кто учнетъ по писцовымъ книгамъ бить челомъ государю о заложенныхъ и о проданныхъ своихъ участкахъ, велѣть тяглые участки проданные и закладные, которые продавали или закладывали послѣ писцовъ отъ бѣдности, отдавать по писцовымъ книгамъ съ сыскомъ: которые тяглые участки залегли въ кабалахъ или въ закладныхъ сверхъ истины въ ростахъ, и такіе тяглые оброщеные участки велѣть отдавать челобитчикамъ тѣмъ, за кѣмъ написаны въ писцовыхъ книгахъ безденежно для того, что они истину взяли, а владѣли за ростовыя деньги. А которые тяглые участки послѣ писцовъ продали или заложили, взявъ прямыя деньги противъ купчіе или закладные, и тѣмъ челобитчикомъ, за кѣмъ тяглые участки написаны въ писцовыхъ книгахъ, велѣть отдавать на выкупъ, платить имъ за тѣ свои тяглые участки, которые за кѣмъ написаны въ писцовыхъ книгахъ, по купчимъ или по закладнымъ деньги, что написано въ купчихъ или въ закладныхъ“.

Глава V.

Церковныя земли.

Церковная земля по количеству тяглыхъ дворовъ занимаетъ на сѣверѣ въ XVII в. второе мѣсто. Опредѣляя отношеніе этого вида земель къ другимъ видамъ, мы относимъ къ чернымъ земли приходскихъ церквей въ черныхъ волостяхъ. Эти приходскія земли были весьма тѣсно связаны съ черными землями. Распорядителемъ ихъ былъ приходъ, т. е. по большей части тотъ же земскій міръ, который являлся распорядителемъ и черныхъ земель волости, который строилъ церковь, поддерживалъ ее своими пожертвованіями и велъ церковное хозяйство черезъ избираемыхъ имъ особыхъ уполномоченныхъ, церковныхъ старостъ. Земля мірской приходской церкви была однимъ изъ видовъ мірского имущества и не выдѣлялась изъ него, какъ выдѣлялось изъ него монастырское имѣніе. „Церкви, какъ землевладѣльческій элементъ“, справедливо говоритъ г-жа Ефименко, „были совсѣмъ въ другомъ положеніи, чѣмъ монастыри. Дѣло въ томъ, что церкви не успѣли получить самостоятельности отъ міра. Онѣ оставались въ полномъ распоряженіи крестьянъ до относительно поздняго времени, до начала XVIII в... Находясь въ зависимости отъ міра, раздѣляя съ нимъ его чернотяглую судьбу, церковь не успѣла развить въ себѣ тѣхъ спеціальныхъ землевладѣльческихъ свойствъ и тенденцій, которыя развили въ себѣ монастыри“ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, пріобрѣтая различными путями участки черной земли, сельскій храмъ на сѣверѣ, своеобразною архитектурою котораго мы теперь иногда любуемся—св. Николай чудотворецъ, св. Илья пророкъ, св. великомученикъ Георгій и т. д., какъ обыкновенно называли храмы въ древней Руси, по живости воображенія и конкретности мышленія какъ бы одухотворяя личностью святого воздвигнутое въ честь него церковное зданіе—этотъ храмъ продолжалъ владѣть пріобрѣтенными землями, не обѣляя ихъ, являлся дольщикомъ въ разверсткѣ и платежѣ мірского тягла и вообще былъ однимъ изъ участниковъ земскаго міра наравнѣ съ другими его членами. Вотъ почему будетъ правильнѣе причислять владѣнія

---

[1]) *Ефименко*, op. cit., 267—268.

приходскихъ церквей въ черныхъ волостяхъ къ чернымъ землямъ. Церковными же землями мы будемъ называть въ дальнѣйшемъ земли епископскихъ каѳедръ, соборныхъ церквей и монастырей.

На долю этихъ учрежденій приходятся болѣе или менѣе значительныя количества тяглыхъ дворовъ по уѣздамъ. Наибольшихъ, относительныхъ конечно, размѣровъ—32_8% общаго количества дворовъ въ уѣздѣ—эта доля достигаетъ въ Заонежскихъ погостахъ, гдѣ находились значительныя вотчины новгородскаго митрополита и крупныхъ новгородскихъ монастырей. Затѣмъ идутъ: Вятская земля—24_3%, съ большими владѣніями архіепископа вятскаго и великопермскаго и Хлыновскаго Успенскаго монастыря, и Двинскій уѣздъ—21%, съ громадными территоріями Соловецкаго монастыря и съ вотчинами множества монастырей этого края, среди которыхъ наиболѣе крупнымъ былъ Антоніевъ Сійскій.

Перечисленныя мѣстности особенно изобиловали церковною землею. Въ остальныхъ уѣздахъ[1]) доля церкви была гораздо меньше, спускаясь отъ 13% въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ (1625 г.) до 0_5% въ Кайгородскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ по книгамъ 1678 г. Изъ того выигрыша, который былъ сдѣланъ землевладѣніемъ двухъ другихъ видовъ на счетъ чернаго, наибольшая часть приходится на церковную землю. Процентъ владѣній церкви отъ переписи 1620-хъ годовъ къ переписи 1670-хъ остается неизмѣннымъ только въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Въ другихъ, гдѣ можно было сдѣлать наблюденіе, онъ повышается: въ Двинскомъ съ 14% до 21%, въ Яренскомъ съ 5% до 6%, въ Устюжскомъ съ 7_1% до 10%, въ Соликамскомъ съ 4% до 6%. Приводя эти данныя, слѣдуетъ подчеркнуть ихъ особенно неточное значеніе относительно церковныхъ, именно относительно монастырскихъ земель. Соотвѣтствіе между пространствомъ земли, испытывающей какое либо приложеніе труда и количествомъ тяглыхъ дворовъ не такъ постоянно въ монастырскихъ владѣніяхъ, какъ въ черныхъ волостяхъ. Дѣло въ томъ, что помимо тяглыхъ дворовъ: крестьянскихъ, половничьихъ и бобыльскихъ, монастыри располагали еще иною рабочею силою. Прежде всего трудилась и сама братія, а за тѣмъ въ имѣніяхъ сколько нибудь значительныхъ монастырей мы находимъ еще особые „монастырскіе дворы", населенные людьми зависимыми отъ монастыря: слугами, дѣтенышами, вкладчиками, наемными трудниками, которые работали на монастырской землѣ подъ руководствомъ и надзоромъ присланнаго обителью управлявшаго имѣніемъ „приказнаго старца". Соловецкій монастырь, напр., съ своею братьею въ 350 человѣкъ да съ 600 слугами и работными людьми въ самомъ монастырѣ и съ 700 занятыми на его соляныхъ варницахъ могъ эксплуатировать по тому времени обширныя земли и помимо крестьянъ и бобылей[2]). Эту поправку надо имѣть въ виду, хотя въ общемъ она, конечно, не мѣняетъ основныхъ выводовъ.

---

1) См. приложеніе II.

2) *Ключевскій*, Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ, Московскія Универс. Изв. 1866—67 г., № 7, стр. 574.

Исключивъ владѣнія, принадлежавшія приходамъ, церковныя земли въ Поморьѣ можно раздѣлить на три категоріи: земли городскихъ соборныхъ церквей, епископскихъ каѳедръ и монастырскія. Соборные храмы трехъ сѣверныхъ городовъ: Холмогоръ, Сольвычегодска и Устюга оказывались довольно крупными землевладѣльцами каждый въ своемъ уѣздѣ. Такъ по книгамъ 1620-хъ годовъ холмогорскому Спасо-Курцовскому собору принадлежало въ Двинскомъ уѣздѣ 17 деревень съ 40 крестьянскими дворами [1]). За Благовѣщенскимъ сольвычегодскимъ соборомъ числилось 32 двора, въ томъ числѣ 13 дворовъ въ 7 деревняхъ, доставшихся собору послѣ смерти Никиты Строганова [2]). Устюжскій Успенскій соборъ владѣлъ въ то время разбросанными въ шести различныхъ станахъ уѣзда 14½ деревнями, въ которыхъ считалось 30 половничьихъ дворовъ [3]).

Несравненно значительнѣе были на сѣверѣ владѣнія епископскихъ каѳедръ. Патріаршему престолу принадлежала часть расположенной на югѣ Кольскаго полуострова промышленной волости Варзуги, пожалованная патріарху Филарету царемъ Михаиломъ въ 1619 г. [4]) и остававшаяся за патріархами до конца столѣтія. Въ Заонежскихъ погостахъ находилась большая вотчина новгородскаго митрополита, выдѣлившаяся изъ Рождественскаго Олонецкаго погоста въ особый Ильинскій погостъ, въ которомъ въ 1646 г. считалось 180 селеній съ 927 дворами, что составляло 38% всѣхъ церковныхъ земель этого края [5]). Въ уѣздахъ Яренскомъ и Сольвычегодскомъ мы встрѣчаемъ вотчины архіепископа вологодскаго. Въ первомъ изъ нихъ архіепископу принадлежало устье рѣки Выми, впадающей въ Вычегду, гдѣ по описанію 1608 г. находилось „городище“, т. е. остатокъ прежняго укрѣпленія съ небольшимъ посадомъ возлѣ него и два погоста съ 19 деревнями. На городищѣ стояла церковь св. Стефана Великопермскаго и часовня, служившая усыпальницей прежнихъ епископовъ Герасима и Питирима, гробницы которыхъ замѣтилъ тамъ писецъ, и находилось мѣсто прежняго владычняго двора. На посадѣ и въ деревняхъ перепись 1608 г. насчитала 96 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ. Число ихъ въ тѣхъ же владѣніяхъ къ 1678 г. увеличилось до 173. Къ этой вотчинѣ принадлежали угодья: рыбныя ловли въ озерахъ и рѣкахъ вверхъ по Вычегдѣ отъ устья Выми [6]). Сольвычегодская вотчина той же каѳедры была расположена въ Вилегодской волости и состояла изъ села Никольскаго на р. Виледи съ дворомъ архіепископова приказчика и изъ 8 деревень, всего съ 23 половничьими и 13 бобыльскими дворами по переписи 1620-хъ годовъ [7]). Въ Устюжскомъ уѣздѣ находились владѣнія ростовскаго митропо-

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 10, 11.

[2]) Ibid. писц. кн. 446.

[3]) Ibid. писц. кн. 506, л. 154—158.

[4]) А. И. III № 82.

[5]) Арх. мин. юст. писц. кн. 980.

[6]) Арх. мин. юст. писц. кн. 142; 15.057.

[7]) Арх. мин. юст. писц. кн. 446.

лита, по переписи того же времени 33 деревни съ 126 дворами. Деревни эти были разбросаны по 14 волостямъ уѣзда, но вся ихъ совокупность, вотчина митрополита въ ея цѣломъ, какъ мы видѣли, именовалась „митрополимъ становъ“. Крупныя владѣнія были даны каѳедрѣ вятскаго епископа: къ ней приписанъ былъ цѣлый станъ Бобинскій оброчный Хлыновскаго уѣзда съ 200 дворами. Кромѣ того вотчины этой каѳедры находились и въ другихъ станахъ Хлыновскаго уѣзда, и въ остальныхъ уѣздахъ Вятской земли. Въ концѣ столѣтія по книгамъ 1678 г. вятской каѳедрѣ принадлежало всего 238 деревень съ 682 дворами населенія[1]).

На какомъ правѣ владѣли землею въ Поморьѣ епископскія каѳедры? Частію земли, имъ принадлежавшія, были ихъ вотчинами; въ другихъ случаяхъ имъ отводилась черная, государственная земля во владѣніе „изъ оброка“. Такъ въ 1696 г. архіепископъ великоустюжскій и тотемскій просилъ отдать „въ домовое къ нему вѣчное владѣніе изъ оброку“ запустѣвшіе деревенскіе участки въ уѣздѣ. Это было оброчное держаніе, отличавшееся отъ крестьянскаго оброчнаго держанія тѣмъ, что предполагалось вѣчнымъ, тогда какъ крестьянское было обыкновенно срочнымъ. Вѣроятно въ такое же владѣніе тотъ же іерархъ стремился еще ранѣе пріобрѣсти черную Вотложемскую волость. Домогательства его однако не удались благодаря сопротивленію устюжскаго земскаго міра, указавшаго, что архіепископъ владѣетъ уже митрополимъ становъ, принадлежавшимъ ранѣе ростовской митрополичьей каѳедрѣ[2]). Вѣроятно такимъ же держаніемъ и былъ Бобинскій оброчный станъ за вятскою каѳедрой. Если держаніе было вѣчнымъ, оно отличалось отъ вотчины только невозможностью отчужденія и взносомъ оброчной платы въ казну.

Наконецъ, гораздо еще болѣе значительное количество церковной земли на сѣверѣ составляли владѣнія монастырей, какъ поморскихъ, такъ и крупныхъ иногороднихъ обителей новгородскаго, московскаго и вологодскаго края, стремившихся пріобрѣтать вотчины въ Поморьѣ ради богатыхъ промысловъ. Такъ Кириллову Бѣлозерскому монастырю принадлежало на Кольскомъ полуостровѣ 3/4 волости Умбы съ тонями и варницами и съ 38 дворами по переписи 1620-хъ годовъ. У этого же монастыря были значительные промыслы въ Ненoксѣ[3]), а также нѣсколько деревенскихъ участ-

[1]) Арх мин. юст. писц. кн. 521.

[2]) Р. И. Б. XII, стр. 1308 и сл.

[3]) Отъ 1615 г. сохранилась грамота, которою Кириллову монастырю былъ пожалованъ по его челобитью посадъ Ненокса. „И мы, в. г.... пожаловали Ненокоцкій посадъ и соляные промыслы и съ отхожею съ оброчною слободою, четыре сошки безъ трети и безъ пол-пол-пол-чети сошки малыхъ съ рыбными, и со звѣриными ловлями, и съ дворы, и съ землею, и со крестьяны и съ соляными варницами, и со всѣми доходы, и съ сѣнными покосы, и съ лѣсы, и съ лавками, и съ амбары, и со всякими угодьи, что къ тому Ненокоцкому посаду изстари потягло, велѣли отписать и по отписнымъ книгамъ отказати Кириллову монастырю въ вотчину, опричь монастырскихъ соляныхъ

ковъ въ Каргопольскомъ и Устюжскомъ уѣздахъ. Въ 1618 г. онъ размежевался полюбовно съ Соловецкимъ монастыремъ по владѣніямъ на берегахъ Онежской губы въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Монастыри посредствомъ обмѣна участковъ устраняли черезполосицу своихъ владѣній. Кириллову монастырю достались соляные промыслы и другія угодья у Пушлохты, а Соловецкому по р. Лямицѣ, впадающей въ Онежскую губу [1]). Московскіе монастыри Троицкій Сергіевъ и Новоспасскій были дольщиками во владѣніи волостью Варзугой, въ которой Новоспасскому монастырю была пожалована въ 1615 г. во всякихъ рыбныхъ ловляхъ по рѣкѣ Варзугѣ и по морскому берегу, въ рѣкахъ, тоняхъ, лѣсахъ и лѣшихъ озерахъ третья часть изъ того, что принадлежало государю за выдѣломъ владѣній другихъ монастырей: Соловецкаго, Троицкаго, Сійскаго и Николо-Корельскаго [2]). Такимъ образомъ Варзуга была доходной заморской колоніей крупнѣйшихъ русскихъ монастырей, которые во главѣ съ патріархомъ составляли какъ бы своего рода промышленное товарищество для ея эксплуатаціи, владѣвшее волостью сообща. На долю Новоспасскаго монастыря приходилось здѣсь 23 двора крестьянскихъ, 1 бобыльскій. У Троицкаго монастыря было тамъ же нѣсколько „монастырскихъ“ дворовъ съ амбарами. Владѣнія этого монастыря встрѣчаемъ съ половины столѣтія въ Соликамскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ: въ первомъ нѣсколько деревенскихъ участковъ съ 6 дворами (1647 г.) и соляной промыселъ у Соликамскаго посада, для котораго на посадѣ имѣлся особый монастырскій дворъ; во второмъ соляной промыселъ въ волости Старой Тотьмѣ, гдѣ нѣсколько варницъ принадлежало и третьему изъ московскихъ монастырей Николо-Угрѣшскому. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ Тотемскаго уѣзда находились соляныя варницы двухъ крупныхъ вологодскихъ монастырей: Спасо-Каменнаго и Спасо-Прилуцкаго. За послѣднимъ считалось въ 1623—25 гг. 4 варницы, сельцо, 3 слободки и починокъ съ 4 монастырскими, 11 крестьянскими и 15 бобыльскими дворами. Ему же принадлежали варницы въ Унѣ съ дворомъ на Унскомъ посадѣ. Въ западномъ краю Поморья, въ Заонежскихъ погостахъ находились вотчины крупныхъ новгородскихъ монастырей: Никольскаго Вяжицкаго—491 дворъ, 20% всѣхъ церковныхъ земель этого уѣзда по переписи 1646—7 г.; Спасова Хутынскаго 464 двора—19%; Юрьева монастыря на Волховѣ—252 двора, и за нимъ же было 10 дворовъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, и Росткина Дѣвичья монастыря въ Новгородѣ—148 дворовъ. У по-

---

промысловъ Соловецкаго и Сійскаго, и иныхъ монастырей“. А. И. III № 61. Однако писцовая книга Двинскаго уѣзда 1622—24 г. (Арх. мин. юст. 9—11) описываетъ посадъ Неноксу въ ряду съ другими посадами, не упоминая о его принадлежности Кириллову монастырю. За Кирилловымъ монастыремъ значатся по этой книгѣ: „въ Неноксѣ на посадѣ дворъ монастырскій, у того жъ двора огородецъ, въ живущемъ треть и пол-пол-чети выти.... Въ Неноксѣ жъ (за монастыремъ) соляные промыслы и амбаръ“... лл. 1818—1730.

[1]) Р. И. Б. XIV, А., № CXXV.

[2]) А. И. III № 60.

слѣдняго была также вотчина въ Двинскомъ уѣздѣ въ Матигорской волости—14 дворовъ крестьянскихъ по переписи 1622—24 годовъ. Крупной вотчиной, цѣлымъ Шунскимъ погостомъ, въ которомъ по переписи 1646—7 г. считалось 98 деревень съ 413 дворами, былъ пожалованъ Тихвинскій монастырь. Но затѣмъ не позже 1647 г., этотъ погостъ былъ взятъ у монастыря и приписанъ опять къ чернымъ землямъ, причемъ на него былъ наложенъ особый оброкъ въ 600 р. въ пользу монастыря [1]). Въ Кольскомъ уѣздѣ въ волости Ковдѣ встрѣчаемъ владѣнія Валаамскаго монастыря. По преобладающему характеру своихъ владѣній новгородскіе монастыри оказывались въ Поморьѣ преимущественно сельскими хозяевами, тогда какъ московскіе и вологодскіе были главнымъ образомъ соляными и рыбными промышленниками.

Мѣстные поморскіе монастыри, не говоря пока о Соловецкомъ въ виду несоизмѣримости его владѣній съ владѣніями всѣхъ остальныхъ, можно подраздѣлить на двѣ группы, изъ которыхъ къ первой можно отнести крупные монастыри, ко второй пустыни. Въ каждомъ краю Поморья

---

[1]) Пр. Д. 1647 № 41. „Царю государю и вел. кн. Алексѣю Михайловичу... бьютъ челомъ сироты твои государевы Новгородскаго уѣзда изъ Заонежья Никольскаго Шунскаго погоста Жданко Максимовъ, Ивашко Ивановъ и во всѣхъ достальныхъ твоихъ государевыхъ сиротъ мѣсто Шунскаго погоста. Блаж. пам. при царѣ и в. кн. Ѳедорѣ Ивановичѣ всея Русіи и при иныхъ при всѣхъ царѣхъ и при твоемъ государевѣ отцѣ блаж. пам. при великомъ государѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ раздачѣ за бояры и за митрополиты, и за монастыри искони бѣ не бывали и были, государь, въ черныхъ волостяхъ всѣ Заонежскіе погосты за отцомъ твоимъ государевымъ и за тобою, государемъ, и за иными за всѣми государи во крестьянехъ, а тягло на насъ сиротъ наложено было одинъ большой оброкъ, платили въ году на два срока..... А со 141 г. на всѣ Заонежскіе погосты писцы кн. Ив. Долгоруковъ да Микита Панинъ положили оброки вново... А нашъ Шунской погостъ по писцовымъ книгамъ Микиты Панина написанъ въ живущемъ 30 вытей и съ тѣхъ 30 вытей нынѣ на насъ сиротахъ правятъ на годъ по тысячѣ рублевъ. А тотъ окладъ на насъ сиротъ наложенъ вновь *не въ давнее время, какъ мы сироты взяты изъ за Тихвина монастыря въ черныя волости* по прежнему за тобя государя во крестьяны. А наложилъ, государь, на насъ сиротъ то новое прибавочное тягло посольскаго приказу думной дьякъ Иванъ Грамотинъ, Тихвина монастыря вкладчикъ, грубя намъ сиротамъ для нашего челобитья, что мы всѣ сироты били челомъ отцу твоему государеву Тихвина монастыря на игумена и на старцевъ въ ихъ разореньѣ многое время, чтобъ, намъ сиротамъ за Тихвинымъ монастыремъ во крестьянехъ не быть“. Ibid.: „Царю государю... бьютъ челомъ богомольцы твои государевы Успенья Пречистые Богородицы и чудотворнаго ея образа Одигитріи Тихвина монастыря игуменъ Сергій съ братьею. По твоему государеву указу въ твое государево царское богомолье въ домъ Пречистые Богородицы давали по 150 годъ въ Великомъ Новгородѣ *за вотчину за Шунскій погостъ* на годъ по 600 руб. потому что, государь, положили они крестьяне сами на себя тотъ оброкъ въ твою государеву казну въ измогу платить“.

была своя выдающаяся, наиболѣе чтимая обитель, знаменитая подвигами основавшаго ее святого, мощи котораго тамъ иногда покоились или славившаяся какой либо чудотворной иконой. Эти святыни привлекали къ монастырямъ богомольцевъ, а также пожертвованія деньгами и землей, изъ которыхъ составлялось и росло богатство монастыря. По описаніямъ, сохраненнымъ намъ писцовыми книгами, мы можемъ возстановить внѣшній видъ такого крупнаго сѣвернаго монастыря. Онъ стоитъ обыкновенно на берегу рѣки, озера или на морскомъ берегу при рѣчномъ устьѣ. Въ немъ двѣ или три церкви; при одной изъ нихъ трапезная, гдѣ сходится братія и иногда „келарская", гдѣ принимаютъ и угощаютъ знатныхъ посѣтителей. Церкви всегда деревянныя; только въ двухъ монастыряхъ по писцовымъ книгамъ XVII в. показаны каменныя: въ Антоніевомъ Сійскомъ уже въ 20-хъ годахъ упоминается каменная церковь о пяти верхахъ и въ Архангельскомъ монастырѣ на Устюгѣ по описанію 1678 г.— „церковь холодная каменная на палатахъ о пяти главахъ съ двумя придѣлами; около церкви кругомъ паперть каменная жъ. У паперти на переднемъ углу съ сѣвера колокольня каменная шатровая. На церкви и на колокольнѣ главы опаяны бѣлымъ желѣзомъ". Каменная колокольня также рѣдкость; обыкновенно она деревянная „рубленая" и на ней иногда „часы боевые". Писцовая книга подробно перечисляетъ колокола, большіе и малые, съ указаніемъ ихъ вѣса и именъ жертвователей. Такія же подробныя описанія даетъ она для церковной утвари, иконъ, облаченій, а въ нѣсколькихъ случаяхъ переписана даже монастырская металлическая оловянная и мѣдная посуда, служившая признакомъ достатка по тому времени: блюда, тарелки, судки, кандеи, кумганы, ендовы, котлы и т. д. „На монастырѣ", т. е. около церквей расположены кельи братіи, причемъ высшіе чины монастыря: игуменъ, строитель, келарь, казначей, соборные старцы живутъ въ особыхъ кельяхъ, остальная братія въ нѣсколькихъ общихъ; но иногда каждый инокъ помѣщается въ особой, вѣроятно очень небольшихъ размѣровъ, кельѣ. Тутъ же находятся и необходимыя службы: хлѣбня, поварня и, по большей части, „больничная келья". Монастырь обнесенъ деревянною оградою „заборомъ", „заметомъ". За оградою расположены обыкновенно конный и скотный дворы и мельница, при которыхъ живутъ монастырскіе слуги, дѣтеныши или наемные работники. Иногда за монастыремъ устроенъ особый „дворъ гостинъ", или „дворъ для пріѣзжихъ людей", т. е. гостинница для богомольцевъ. Нерѣдко у монастыря ютится еще особая слободка, населенная монастырскими вкладчиками и бобылями—ремесленниками, работающими на монастырь.

Таковы были въ Заонежскихъ погостахъ монастыри: св. Александра Свирскаго, расположенный на рѣкѣ Свири въ 35 верстахъ отъ города Олонца, владѣвшій 85-ю крестьянскими и бобыльскими дворами, Муромскій на Онегѣ озерѣ съ 30-ю дворами и Рождественскій Палеостровскій, въ вотчинахъ котораго числилось 11 дворовъ по переписи 1646—47 г. Богатѣйшимъ монастыремъ Каргопольскаго уѣзда былъ Ошевенскій Успенскій на рѣкѣ Чурьюгѣ, лѣвомъ притокѣ Онеги. Возлѣ монастыря была слободка

съ храмомъ, служившимъ приходскою церковью для десяти сосѣднихъ съ слободкою деревень съ 125-ю крестьянскими и бобыльскими дворами по переписи 1648 г. Кромѣ этого прихода монастырю принадлежало еще 11 деревень съ 7-ю монастырскими и 3 крестьянскими дворами собственно въ Каргопольскомъ уѣздѣ и 3 монастырскихъ двора было у него еще въ двухъ волостяхъ Турчасовскаго стана. Второе мѣсто въ томъ же уѣздѣ занималъ Кожеозерскій монастырь на берегу Кожеозера въ Турчасовскомъ стану, владѣвшій 33-ю крестьянскими дворами въ разныхъ волостяхъ этого стана и рыбными промыслами въ Керетской волости Кольскаго уѣзда. Въ Кольскомъ уѣздѣ почитался Печенгскій монастырь на Мурманскомъ берегу, самый сѣверный изъ всѣхъ русскихъ монастырей, основанный преподобнымъ Трифономъ въ 1533 г. на рѣкѣ Печенгѣ, при впаденіи въ нее рѣки Имани. Черезъ нѣкоторое время по основаніи онъ раздвоился: часть его была перенесена къ самому устью Печенги. Въ 1590 г. монастырь былъ сожженъ норвежцами, братія принуждена была искать спасенія въ Кольскомъ острогѣ, гдѣ пріобрѣла себѣ дворъ. Въ 1606 г. монастырю было отведено новое мѣсто у самаго города Колы; на старомъ же пепелищѣ на р. Печенгѣ были поставлены двѣ часовни: одна на мѣстѣ первоначальнаго основанія надъ мощами преп. Трифона, другая при устьѣ Печенги „для лопскаго крещенія и вѣры православной“, какъ замѣчаетъ писцовая книга 1608 г., т. е. для поддержанія православія среди окрестныхъ лопарей. При этихъ часовняхъ жило по два ежегодно смѣнявшихся старца, пріѣзжавшихъ изъ монастыря. Въ обители по описанію 1608 г. значились: игуменъ, 5 іеромонаховъ, 1 дьяконъ, 52 старца, 61 дьячковъ и трудниковъ да 150 наемныхъ казаковъ (работниковъ). Владѣнія монастыря были значительны. Ему принадлежали рыбныя ловли по Мурманскому берегу, къ востоку и западу отъ Колы, гдѣ онъ держалъ свои избы; далѣе, по половинѣ рыбныхъ ловель въ рѣкахъ Колѣ и Туломѣ, другою половиною которыхъ владѣлъ кольскій посадъ, сѣнные покосы по этимъ рѣкамъ, соляная варница въ Кольской губѣ, вся рѣка Печенга съ притоками и съ лѣшими озерами, рыбныя ловли по Печенгской губѣ, два острова противъ устья Печенги, гдѣ монастырь держалъ свои оленьи стада. „Всего“, заканчиваетъ книга описаніе владѣній монастыря, „съ тѣхъ угодьевъ, что Печенгскаго монастыря за старцы съ рыбныхъ ловель, съ рѣкъ и съ тонь, и съ ручьевъ, и съ сѣнныхъ покосовъ, съ пожень и съ росчистей, и съ теребовъ, съ Печенгскіе губы и съ рѣки Печенги, и съ иныхъ рѣкъ и тонь, и съ Колы рѣки съ половины забора (т. е. съ половины рыбнаго улова, производившагося посредствомъ устройства забора въ рѣкѣ), и съ тонь, и съ рѣчки, и съ варницы, что въ Кольской губѣ, и съ туломскихъ рыбныхъ ловель, и съ сѣнныхъ покосовъ, что на Туломѣ рѣкѣ и по Колѣ, и въ Кольской губѣ, и съ мельницею, и съ луковыхъ угодій, на которыхъ нынѣ оброкъ положенъ... было прежде сего въ государеву казну дани и оброку 17 р. 11 алт. на годъ“. Но по жалованной грамотѣ Василія Шуйскаго монастырь былъ освобожденъ отъ платежа этихъ денегъ. Мало того, въ его пользу шли дань и оброкъ съ трехъ погостовъ, населенныхъ крещеными лопарями, которые,

по замѣчанію писцовой книги, „промышляютъ въ лѣтѣ на морѣ, удятъ рыбу, а живутъ на морскомъ берегу въ вежахъ; а въ осень по лѣшимъ мѣстомъ, по озеркамъ по монастырской вотчинѣ ловятъ бѣлую рыбу, да на лѣсу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ, тѣмъ ся и кормятъ“ [1]). Кромѣ этихъ мурманскихъ владѣній у монастыря былъ дворъ въ волости Ковдѣ того же Кольскаго уѣзда, занимавшейся рыбными промыслами.—Съ такою же физіономіей рыбопромышленнаго предпріятія только меньшихъ размѣровъ выступаетъ и другая обитель Кольскаго уѣзда, Кандалашскій монастырь, расположенный при устьѣ р. Нивы, впадающей въ Кандалашскую губу. Монахъ-рыболовъ чувствуется здѣсь изъ тѣхъ отрывистыхъ сухихъ данныхъ, которыя приводятся писцовою книгою, описавшей монастырь въ 1608 г. Здѣсь видимъ также церковь съ трапезой и келарской, среди келлій 2 больницы, поварню, хлѣбню, швальню, дружинную (дружинами называются на сѣверѣ рыболовные отряды), скотный дворъ, амбары съ монастырскими запасами, „да за монастыремъ на другой сторонѣ отъ моря амбаръ монастырскій же, а держатъ въ немъ судовую снасть“. Въ монастырѣ было тогда 30 человѣкъ братіи, 31 чел. трудниковъ, „да по службамъ наемныхъ соловаровъ и дровосѣковъ, и дрововозовъ—70 чел.“ На земляхъ монастыря показано книгой всего „2 дворишка“ бобыльскихъ съ 5-ю человѣками, казенные платежи съ которыхъ были уступлены монастырю. Изъ этихъ цифръ о личномъ составѣ сѣверныхъ промышленныхъ монастырей Печенгскаго и Кандалашскаго видно, въ какой широкой степени примѣнялся на ихъ промыслахъ вольно-наемный трудъ. Въ числѣ владѣній Кандалашскаго монастыря книга упоминаетъ мельницы, пожни, соляныя варницы, необходимыя при рыбномъ промыслѣ и другія угодья, старинныя монастырскія и тѣ, „что они, старцы, покупали промежъ Кандалашскіе волости крестьянъ, а иныя имъ даваны по душамъ“ [2]).

Въ Двинскомъ уѣздѣ доминирующую роль игралъ Антоніевъ Сійскій монастырь, основанный въ 20-хъ годахъ XVI в. на островѣ озера Михайлова вблизи рѣки Сіи, впадающей въ Двину, одинъ изъ богатѣйшихъ древнерусскихъ монастырей. По писцовой начала 20-хъ годовъ XVII в. въ немъ считалось 89 чел. монаховъ. Въ складахъ монастыря на Вологдѣ лежало въ моментъ описи 14000 пудовъ соли, да на Холмогорахъ 10000 пудовъ. Монастырь велъ значительныя соляныя операціи, пуская ежегодно по Двинѣ два дощаника съ солью вмѣстимостью въ 8000 пуд. каждый. Въ самой Сійской волости монастырю принадлежало село, слободка и 54½ деревни, въ которыхъ считалось 4 монастырскихъ, 98 крестьянскихъ и 29 бобыльскихъ дворовъ. Всего за монастыремъ въ его деревняхъ Двинскаго уѣзда по переписи 1622—24 г. значилось 180 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, и это число возрасло до 309 къ 1678 г. Кромѣ того у монастыря были дворы на Холмогорахъ и при соляныхъ промыслахъ въ Неноксѣ и въ Унѣ; ему принадлежала ⅓ рыбныхъ ловель въ рѣкѣ Сюзьмѣ; какъ мы уже видѣли

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 208.
[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 208.

выше за нимъ была доля въ волости Варзугѣ; на Зимнемъ берегу—слободка Золотица съ монастырскимъ дворомъ „на пріѣздъ, пріѣзжаютъ изъ монастыря старцы и дѣтеныши для рыбные ловли“, съ 12-ю бобыльскими дворами, съ тонями по морскому берегу и рыбными ловлями по р. Золотицѣ. Владѣнія монастыря простирались и за предѣлы Двинскаго уѣзда: у него было 5 дворовъ половничьихъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Въ Мезенскомъ уѣздѣ на устьѣ р. Кулоя за монастыремъ значилась слобода Долгая Щель съ 8-ю крестьянскими дворами[1]). Сійскому монастырю были подчинены два монастыря въ Двинскомъ уѣздѣ: Кривецкій и Покровскій дѣвичій въ Емецкомъ стану и двѣ пустыни въ Устюжскомъ уѣздѣ: Троицкая и Спасская.

Изъ остальныхъ монастырей Двинскаго уѣзда наиболѣе крупными были: Архангельскій, древнѣйшій монастырь края, основанный по преданію въ XII в. на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ городъ Архангельскъ, такъ что монастырь оказался потомъ въ чертѣ города, и Николо-Корельскій—на одномъ изъ островковъ Пудожемскаго устья Двины, основанный Маѳою Борецкой надъ могилами ея погибшихъ здѣсь на морѣ сыновей. Первому принадлежало по писцовой книгѣ 1620-хъ годовъ въ Двинскомъ уѣздѣ 26 деревень съ 6 монастырскими, 43 крестьянскими и 5 бобыльскими дворами. За вторымъ значилось 19⅓ деревень съ 3 монастырскими, 47 крестьянскими и 2 бобыльскими дворами, пустошь въ Лисеостровской волости, купленная имъ у черныхъ крестьянъ, и доля въ волости Варзугѣ[2]). Изъ описанія Корельскаго монастыря въ писцовой книгѣ видно, что онъ игралъ роль крѣпости: онъ былъ обнесенъ деревянной стѣной, а въ монастырской казнѣ хранилось 25 нѣмецкихъ самопаловъ и пудъ зелья.

На сѣверо-востокѣ Поморья въ Кеврольскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ, по рѣкѣ Печорѣ и въ обширномъ Яренскомъ уѣздѣ значительныхъ монастырей мы не встрѣчаемъ; тамъ были только небольшія пустыни. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ XIII в. было всего два монастыря, оба крупныхъ, поддерживаемыхъ пожертвованіями Строгановыхъ: Николо-Коряжемскій при впаденіи Коряжемы въ Вычегду и Введенскій, находившійся въ самомъ посадѣ. За первымъ по описанію 1620-хъ годовъ считалось въ разныхъ станахъ Сольвычегодскаго уѣзда 306 дворовъ крестьянскихъ и половничьихъ, за вторымъ 52 двора, и эти цифры остались безъ перемѣнъ и по переписи 1678 г. У Введенскаго монастыря было еще двѣ цѣлыхъ деревни и по участку въ трехъ деревняхъ въ Устюжскомъ уѣздѣ всего съ 10-ю половничьими дворами[3]).

Въ Устюжскомъ уѣздѣ цѣлая группа крупныхъ монастырей. Два изъ нихъ на посадѣ: Архангельскій и Ивановскій; далѣе Троицкій-Гледенскій

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 15.055. Ср. кн. 15.051. По описанію 1678 г. Двинскаго уѣзда въ слободѣ Долгой Щели, попавшей въ оба описанія, значилось 10 дв. боб. и 6 дв. вдовьихъ.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 10, 11.

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 446, 501—503,

при сліяніи Юга съ Сухоною въ Быкокурскомъ стану, Телѣговъ на Двинѣ при впаденіи рѣчки Телѣговки въ волости Канзѣ Комарицкаго стана, Никольскій-Прилуцкій на Двинѣ въ Ярокурскомъ стану[1]). Устюжскіе монастыри занимаются преимущественно сельскимъ хозяйствомъ. Ихъ владѣнія состоятъ изъ пахотныхъ земель, сѣнныхъ покосовъ и лѣсныхъ угодій; рыбные промыслы въ рѣкахъ, при которыхъ расположены монастыри, служатъ лишь потребностямъ монастырскаго обихода[2]).

Монастырскія владѣнія достигаютъ громадныхъ размѣровъ въ Вятской и Пермской земляхъ, и ихъ колоссальный ростъ совершается въ теченіе XVII в. параллельно съ тѣмъ, какъ колонизуется эта страна. Главною обителью Вятской земли былъ Успенскій Трифоновъ монастырь, основанный въ 1580 г. по ходатайству вятскаго земскаго міра. При основаніи ему было пожаловано нѣсколько пригородныхъ пустошей[3]). Въ 1678 г. писцы насчитали въ двухъ слободкахъ, расположившихся подъ оградой монастыря 57 дворовъ, а въ его вотчинахъ, раскиданныхъ по всему Хлыновскому уѣзду 1090 крестьянскихъ дворовъ съ населеніемъ въ 5276 чел. мужескаго пола. Слѣдующее мѣсто занималъ Воздвиженскій монастырь на р. Чепцѣ съ 176 дворами. Въ Пермской землѣ крупнѣйшимъ былъ Пыскорскій монастырь въ Соликамскомъ уѣздѣ, основанный Строгановыми въ 1558—60 годахъ и бывшій для нихъ семейной святыней. Строгановы уже при основаніи отвели ему обширныя земли по обоимъ берегамъ рѣки Камы и впослѣдствіи увеличивали ихъ количество новыми пожертвованіями[4]). Вотчина монастыря

---

[1]) Число братіи и размѣры владѣній этихъ монастырей представляются въ слѣдующемъ видѣ. По переписи 1623-26 г.: Архангельскій—220 дв. половн.; Троицкій Гледенскій: игуменъ, келарь, казначей, 16 старцевъ, 30 дв. половн. Ивановскій—40 дв. половн. Телѣговъ: игуменъ, строитель, келарь, казначей, соборный старецъ, 28 человѣкъ братіи, 25 дв. половн. Никольскій Прилуцкій: 13 старцевъ, 19 дв. половн. По переписи 1676 г.: Архангельскій—325½ дв. половн., 4 дв. боб.; Ивановскій—48 дв. половн.; Троицкій Гледенскій: игуменъ, келарь, казначей, 30 человѣкъ братіи, 113 дв. половн.; Телѣговъ: игуменъ, келарь, казначей, 2 соборныхъ старца, 20 чел. братіи, 32 дв. половн.; Никольскій Прилуцкій: игуменъ, 12 чел. братіи, 35 дв. половн. Арх. мин. юст. писц. кн. 506, 507, 511. Архангельскій монастырь владѣлъ также деревнями въ Усольскомъ уѣздѣ—73 дв. по книгамъ 1620-хъ годовъ и 82 по книгамъ 70-хъ.

[2]) Въ Тотьмѣ на посадѣ былъ незначительный монастырекъ Спасовъ—Суморинъ, имѣвшій въ 1620-хъ годахъ только 5 человѣкъ братіи и владѣвшій въ уѣздѣ 8-ю крестьянскими дворами. Число это дошло до 9 къ 1676 г. Количествомъ крестьянскихъ дворовъ его превосходили двѣ пустыни въ Тотемскомъ уѣздѣ: Леонидова, подчиненная Николо-Угрѣшскому монастырю—27 дв. и Бабьеозерская—35 дв.

[3]) А. Э. I № 305. Въ 1654 г. въ его вотчинахъ было 811 дворовъ. *Спицынъ*, Вотчины Вятскаго Трифонова монастыря. Вятка 1885 г.

[4]) „А межа нашему данью", писали братья Строгановы въ поступномъ письмѣ 1570-хъ годовъ, которымъ передавали монастырю эту вотчину, „по Камѣ по правую сторону отъ Лысвы внизъ до нижней Пыскорской курьи, а по лѣвую сторону по Камѣ внизъ до Зырянки". *Дмитріевъ*, Пермская Старина I, 110.

представляла сплошную территорію и была выдѣлена въ особый административный округъ, независимый отъ уѣзднаго управленія. По переписи 1624 г. въ ней считалось 35 дворовъ. Перепись 1647 г. насчитывала уже 365 дворовъ. Число это къ 1678 г. понизилось до 184 крестьянскихъ и 87 бобыльскихъ дворовъ. Другой крупный монастырь края Вознесенскій въ г. Соликамскѣ владѣлъ въ первой четверти столѣтія 5-ю, а въ 1647 г. 312-ю дворами. Число это къ 1678 г. также понизилось до 73. Эта убыль дворовъ въ вотчинахъ соликамскихъ монастырей объясняется переселеніемъ крестьянъ съ монастырскихъ земель въ Кунгурскій край, которое было предпринято правительствомъ съ цѣлью колонизаціи этого края между переписями 1647 и 1678 гг., когда „изъ Чердыни, отъ Соли Камской съ посадовъ и съ уѣздовъ, изъ монастырей и изъ за вотчинниковъ посадскихъ людей, уѣздныхъ крестьянъ и бобылей вывезено и на Кунгурѣ и на Степановѣ городищѣ, по Сылвѣ и по Ирени рѣкамъ поселено 647 семей“ [1]).

Всего въ XVII столѣтіи въ Поморскомъ краѣ кромѣ уѣздовъ: Важскаго и Чарондскаго, писцовыя книги которыхъ не сохранились, можно насчитать 76 монастырей, не включая сюда Соловецкаго и нѣсколькихъ зависимыхъ отъ него ближайшихъ къ нему скитовъ.

Соловецкій монастырь по размѣрамъ своихъ владѣній стоялъ совершенно особнякомъ, между сѣверными монастырями. Достаточно простого перечня Соловецкихъ вотчинъ и промысловъ, чтобы составить себѣ представленіе объ ихъ размѣрахъ. Монастырь участвовалъ въ промыслахъ на Мурманскомъ берегу въ Кольскомъ уѣздѣ, гдѣ держалъ свои избы и амбары. Въ томъ же Кольскомъ уѣздѣ ему припадлежала до 1635 г. $^1/_4$ Керетской волости, а въ этомъ году была пожалована вся эта волость, гдѣ кромѣ охоты, рыбной ловли и солеваренія жители и прихожіе промышленники занимались добычей жемчуга и слюды [2]). Съ конца XVI в. монастырь пріобрѣлъ небольшое владѣніе и въ другой Кольской волости Кандалакшѣ. Монастырь былъ также дольщикомъ въ эксплуатаціи выше упомянутыхъ промышленныхъ волостей: Варзуги, гдѣ у него былъ свой дворъ, житницы, кузницы, амбары и 4 двора бобыльскихъ, и Умбы, владѣніе которой онъ раздѣлялъ съ Кирилловымъ Бѣлозерскимъ монастыремъ и въ которой на его долю приходилось $^1/_4$, именно: 1 дворъ монастырскій, 10 дворовъ крестьянскихъ и 2 бобыльскихъ, обитатели которыхъ по свидѣтельству писцовой книги „промышляютъ въ лѣшихъ озерахъ бѣлымъ рыбишкомъ и звѣрь бьютъ“ [3]). Особенно крупныя владѣнія были у монастыря по западному берегу Онежской губы, гдѣ нѣкогда хозяйничала Мароа Борецкая. Можно сказать, что весь этотъ такъ называемый Корельскій берегъ на всемъ протяженіи отъ р. Кеми до р. Куши, составлялъ сплошную вотчину Соловецкой обители. Въ 90-хъ годахъ XVI в. ей была отдана вся Кемская волость

---

[1]) *Дмитріевъ*, Пермская Старина II, 122; *Шишонко*, Пермская Лѣтопись III, 14.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 208. Прилож. I, 10.

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 11.

подъ условіемъ постройки тамъ для защиты отъ нападенія шведовъ, „каянскихъ нѣмцевъ", крѣпости—острога, который монастырь и сооружалъ на свои средства, содержа тамъ свой стрѣлецкій гарнизонъ. Ему же принадлежали волости, лежавшія къ югу отъ Кеми: Шуерѣцкая по р. Шуѣ—съ 1614 г., Сороцкая при впаденіи р. Сороки въ Выгъ—съ 1551 г.; Вирма по рѣкѣ того же имени, Сумская волость, гдѣ монастырь содержалъ также острогъ, оборонявшій сосѣднія волости. Къ востоку отъ Сумскаго острога монастырю принадлежали волости: Колежма, Нюхча, Унежма по рѣкамъ тѣхъ же названій, сосѣднія съ территоріей Заонежскихъ погостовъ и далѣе Кушерѣцкая и Нижмозерская, относившіяся къ Каргопольскому уѣзду [1]). Помимо этихъ прибрежныхъ земель въ Каргопольскомъ уѣздѣ у монастыря было много владѣній внутри уѣзда, раскиданныхъ по разнымъ волостямъ Турчасовскаго стана и состоявшихъ изъ пріобрѣтенныхъ монастыремъ разными путями у крестьянъ отдѣльныхъ участковъ въ черныхъ деревняхъ, которые или сдавались монастыремъ крестьянамъ или обрабатывались непосредственно монастырской рабочей силой, ютившейся въ построенныхъ на этихъ участкахъ „монастырскихъ" дворахъ. По переписной 1648 г. всего можно насчитать въ нихъ 37 дворовъ монастырскихъ и 10 дворовъ крестьянскихъ.

Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ Двинскаго уѣзда Соловецкому монастырю принадлежалъ погостъ Яренга съ 17-ю дворами по переписи 1678 г. Такихъ тянувшихся сплошными пространствами волостей, какъ въ Онежской губѣ, по побережью Двинской губы у монастыря не было, но его владѣнія: дворы, амбары, мельницы, соляныя варницы и рыбныя ловли встрѣчаются въ каждомъ сколько-нибудь важномъ промышленномъ пунктѣ и этого побережья: въ Лудѣ, Унской губѣ, Ненoксѣ, на р. Солзѣ и на р. Куѣ. Во внутренней части Двинскаго уѣзда за монастыремъ по книгамъ 1678 г. было въ Куреской волости у церкви на погостѣ на берегу Двины 3 двора бобыльскихъ, принадлежавшихъ монастырю и 3 двора „монастырскихъ", въ одномъ изъ которыхъ жили „приказные старцы да служки монастырскіе для судовой пристани". Очевидно, что это была монастырская пристань, необходимая для монастырской флотиліи „дощаниковъ" и „карбасовъ", на которыхъ монастырь возилъ свою соль по Двинѣ. Роль такой же пристани, но болѣе крупной съ торгомъ и ярмаркой играло другое владѣніе монастыря на верхней Двинѣ въ предѣлахъ Устюжскаго уѣзда—Красноборскій погостъ съ 47 бобыльскими дворами, пріобрѣтенный монастыремъ въ концѣ XVII в. На погостѣ по описи 1676 г. значилось 66 лавокъ и амбаровъ, принадлежавшихъ кромѣ монастыря еще церкви Спаса Красноборскаго, Строгановымъ и устюжанамъ: посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ. Погостъ славился чудотворной иконой, привлекавшей богомольцевъ и содѣйствовавшей оживленію торга. Въ нѣскольз-

---

[1]) *Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ, прилож. 168—169; *Ключевскій*, Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря, 554 и сл. *Платоновъ*, Очерки по исторіи смуты, 7—10. Арх. мин. юст. кн. 168.

кихъ мѣстахъ Устюжскаго уѣзда: именно въ Ярокурскомъ и Вондокурскомъ станахъ, Вотложемской и Канзской волостяхъ монастырь владѣлъ по книгамъ 1620-хъ годовъ цѣлыми деревнями и долями деревень, въ которыхъ считалось 19 половничьихъ дворовъ. Изъ этого обзора видно, что Соловецкій монастырь предпочиталъ пріобрѣтать владѣнія по берегу моря, чѣмъ внутри поморскихъ уѣздовъ, такъ какъ въ Поморьѣ морскіе промыслы неизмѣримо доходнѣе сельскаго хозяйства и на ихъ эксплуатацію и была направлена хозяйственная дѣятельность монастыря. Изъ этихъ промысловъ выварка соли была главнымъ экономическимъ рессурсомъ монастыря. Въ половинѣ XVII в. онъ былъ, можетъ быть, главнѣйшимъ поставщикомъ соли на русскій рынокъ. Онъ продавалъ ея до 180000 пудовъ ежегодно[1]).

Въ число указанныхъ выше 76 монастырей входятъ какъ крупные монастыри, съ которыми мы уже познакомились, такъ и мелкія пустыни, къ категоріи которыхъ мы относимъ монастыри незначительные по составу братіи, бѣдные владѣніями, или хотя и обладающіе значительными имуществами, но несамостоятельные, „приписные" къ большимъ монастырямъ и находящіеся отъ нихъ въ зависимости. Слѣдуетъ однако замѣтить, что эта цифра монастырей, записанныхъ въ писцовыя книги, должна быть далека отъ дѣйствительности и на самомъ дѣлѣ ихъ было больше. Не всегда монастырь былъ постояннымъ и прочнымъ учрежденіемъ; иногда существованіе его было мимолетно; онъ появлялся и исчезалъ въ той или другой мѣстности вмѣстѣ съ появленіемъ и исчезновеніемъ своего основателя, не успѣвая вырости, пустить прочныхъ корней въ той землѣ, гдѣ онъ возникалъ, и попасть въ описаніе писцовой книги. Впрочемъ описанія такихъ микроскопическихъ монастырей всетаки встрѣчаются въ писцовыхъ книгахъ XVII в. Такъ, описывая въ 1648 г. Александровъ Ошевенскій монастырь на р. Чурьюгѣ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, писецъ отмѣтилъ и зависѣвшую отъ него „пустыньку" на рѣчкѣ Шелтомѣ, „а въ ней церковь Преображеніе Спасово, да дворъ монастырской, а въ немъ старецъ". Вотъ и весь составъ этой пустыньки, которая, быть можетъ, со смертью этого старца запустѣетъ и совсѣмъ исчезнетъ. Таковы монастырьки Троицкій въ Удорской волости Яренскаго уѣзда на р. Удорѣ, гдѣ въ 1646 г. жилъ всего одинъ вкладчикъ, но совсѣмъ запустѣвшій къ 1676 г., а также обозначенная пустою въ этомъ году пустынька Спасская на устьѣ Куломы, впадающей въ Вычегду въ томъ же уѣздѣ[2]). Въ XVII в. развитіе на сѣверѣ монастырской жизни продолжалось. Шелъ тотъ же процессъ монастырской колонизаціи края, какой можно было наблюдать и въ предыдущее время. Новые монастыри продолжали возникать втеченіе вѣка, и это отмѣчалось писцовыми книгами, какъ напр. было отмѣчено возникновеніе въ Каргопольскомъ уѣздѣ пустыней Кодлозерской и Богоявленской, „ставшей вново

---

[1]) *Ключевскій*, Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ, стр. 554 и сл.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 168, л. 490; кн. 143; кн. 15.057.

въ Мошенскомъ стану надъ Елгомскимъ озеркомъ“[1]). Въ Устюжскомъ уѣздѣ по описанію 1623—26 г. „стала ново“ въ 1618 г. пустынь Зосимы и Савватія въ Ярокурскомъ стану на р. Двинѣ[2]). Описаніе Тотемскаго уѣзда, произведенное въ 1623—25 гг., отмѣтило въ Заозерской волости въ качествѣ новой, „стала лѣтъ 15“, пустыню также во имя Зосимы и Савватія, святыхъ особенно чтимыхъ на сѣверѣ, а слѣдующее описаніе того же уѣзда въ 1646 г. нашло уже новую пустынь, ставшую послѣ предыдущихъ писцовъ— въ честь Срѣтенія Владимірской иконы[3]). Основаніе этихъ пустыней совершается при тѣхъ же обстоятельствахъ и въ той же обстановкѣ, какъ это было и въ болѣе раннія времена, о которыхъ повѣствуютъ житія святыхъ. Изъ большого монастыря уходитъ инокъ, а иногда и простой трудникъ, которому даже и такая жизнь кажется слишкомъ шумной, и ищетъ уединенія въ лѣсной глуши, въ мѣстѣ, которое „непроходимыя дебри и лѣсы темные, и чащи, и дрязги всякія имать и мхи, и блата непостоянныя“; тамъ онъ строитъ себѣ келью и часовню. Рисуя такую картину природы, окружающей пустыню, воображеніе составителя житія не на много отступало отъ офиціальнаго отчета писца, начинавшаго свое описаніе, напримѣръ, такъ: „Въ Устюжскомъ уѣздѣ за Ягрышскою волостью, за лѣсомъ, за болоты въ 40 верстахъ пустыня Соезерская надъ Соезерскимъ озеромъ и на рѣчкѣ Сойгѣ“. Далѣе идетъ хорошо извѣстный процессъ: вокругъ отшельника собираются послѣдователи, строятся церковь и кельи, начинается хозяйственная разработка дикихъ дебрей, о которой составитель житія скажетъ: „святый труждашеся вельми, лѣсы сѣчаше и нивы насѣваше“ и которая является сюрпризомъ для наѣзжающаго писца. Иногда писецъ захватитъ этотъ процессъ въ самомъ началѣ. „Займище Блохина гора на дикомъ, на большомъ, на черномъ лѣсу, на рѣчкѣ на Воймонгѣ“, читаемъ мы въ писцовой книгѣ Тотемскаго уѣзда 1625 г., „межъ Печенскіе и Вотчинскіе волости и отъ тѣхъ волостей верстъ 20 и больши. А на томъ займищѣ стоитъ часовня да келья, да житница, да овинъ. Пашни новорозчистныя по смѣтѣ 10 четвертей. А строили тое часовню и келью и подъ пашню разчищали лѣсъ на томъ займищѣ съ Тотьмы Спаса Суморина монастыря Ѳедосьевы пустыни трудникъ старецъ Александръ, да черной попъ Тихонъ“. Писецъ, утверждая это займище за занявшими и предвидя дальнѣйшій ходъ дѣла, продолжаетъ: „И тѣмъ старцомъ на томъ займищѣ дворы строить и крестьянъ безпашенныхъ и вольныхъ охочихъ людей называть, и лѣсъ подъ пашню и сѣнные покосы разчищать“[4]). Иногда писцу приходится, сдѣлавъ настоящее открытіе, занести въ книгу уже самые результаты колонизаторской дѣятельности монастыря. „Въ Тотемскомъ же уѣздѣ у Галицкаго рубежа“, читаемъ мы въ той же писцовой[5]),

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 168. 1648 г.

[2]) Ibid кн. 506.

[3]) Ibid. кн. 486; кн. 15.049.

[4]) Арх. мин. юст. писц. кн. 480.

[5]) Арх. мин. юст. писц. кн. 486, л. 1063.

„сыскано" въ Илеской волости въ урочищахъ и угодьяхъ межъ болотъ и отъ людей со всѣхъ сторонъ отдалѣло, у Бабья озерка стала пустыня нова лѣтъ съ 20, монастырь чудотворца Николы, а строилъ тое пустыню старецъ Сергій изъ Важскаго уѣзду отъ Николы чудотворца съ Маркуща собою по явленію образа Николы жъ чудотворца", т. е. подвигнутый чудеснымъ явленіемъ ему иконы св. Николая. Пустыня ко времени описанія достигла уже значительныхъ размѣровъ и получила обычный видъ сѣвернаго монастыря. У основателя монастыря чернаго старца Сергія хозяйственные, колонизаторскіе интересы, повидимому, не были отодвинуты на задній планъ заботами о спасеніи души. Монастырю по писцовой книгѣ принадлежало 6 деревень да 1 починокъ съ 35 крестьянскими дворами. „А ссаживалъ (т. е. устраивалъ) тѣ деревни", замѣчаетъ писцовая книга, „строитель старецъ Сергій не въ давнихъ годѣхъ лѣтъ съ 15, призвавъ крестьянъ изъ Вологодскаго, изъ Тотемскаго и изъ Устюжскаго, и изъ Галицкаго уѣздовъ, изъ государевыхъ черныхъ волостей и изъ за помѣщиковъ съ пашенъ". Выбравъ мѣсто, устроивъ церковь или только часовню съ кельей, основатель монастыря обращается тотчасъ же къ правительству съ просьбой утвердить за нимъ занятую землю или пожаловать ему тѣ или иныя угодья въ окрестностяхъ, или оказать какую-либо другую помощь и поддержку. Въ 1606 г. черный попъ Макарій основалъ монастырь на р. Пинегѣ близь Волока Пинежскаго въ дикомъ лѣсу, въ отдаленномъ отъ людей мѣстѣ на Черной горѣ, желая восполнить недостатокъ, который чувствовали крестьяне той мѣстности, не имѣвшіе поблизости обители, гдѣ бы они могли постригаться подъ старость. Основатель подалъ челобитную царю, прося утвердить за нимъ занятое мѣсто подъ условіемъ платежа съ него оброка. Донесеніе земскихъ властей, отводившихъ занятую землю по распоряженію приказа, куда направлена была челобитная, рисуетъ намъ возникающую обитель. Отправившись на Черную гору, земскій судья нашелъ тамъ строящуюся церковь, уже оконченную трапезную и двѣ кельи, 6 человѣкъ собранной братіи, въ томъ числѣ трехъ старцевъ и трехъ трудниковъ. „А земли на той Черной горѣ" писалъ судья, „пашенные и непашенные десятинъ съ десять, а чищено прогализнами промежу лѣсомъ, съ половину тое земли пахано, а другая впустѣ, а иная земля подъ лѣсомъ не чищена"[1]). Въ 1614 г. подалъ царю челобитную строитель Ламбасской пустыни на р. Пинегѣ въ Кеврольскомъ уѣздѣ, основанной также „на дикомъ лѣсу". По челобитной было предписано воеводѣ ту пустынь „дозрить" и прилегающія къ ней пашни и угодья написать за нею на пропитаніе братіи[2]). Въ 1653 г. обратился къ царю Алексѣю основатель Неглимозерской пустыни Каргопольскаго уѣзда „убогій чернецъ Тимоѳеище съ братіей". Своей просьбѣ онъ предпослалъ нѣкоторыя автобіографическія свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что онъ болѣе 30 лѣтъ служилъ въ Архангельскѣ стрѣльцомъ, бывалъ въ

---

[1]) А. И. II № 72; III № 166.

[2]) Пр. Д. 1646 № 22.

отъѣзжихъ заморскихъ службахъ, участвовалъ въ войнѣ съ поляками, былъ подъ многими городами на приступахъ, сидѣлъ въ осадѣ, много разъ былъ раненъ и наконецъ, послѣ такой бурной военной жизни отъ тѣхъ ранъ и болѣзней постригся и воздвигъ монастырь на пустомъ мѣстѣ, которое „отъ людей удалѣло", такъ что не было надежды на притокъ милостыни. „Питаемся мы, нищая братія", продолжаетъ въ своей челобитной основатель, „въ той пустынѣ своими трудами, чистимъ пустой черный лѣсъ... Священники и дьяконъ служатъ безъ доходу и безъ доходу скучаютъ". Между тѣмъ въ пустынѣ оказалась чудотворная икона, которая уже совершила много замѣчательныхъ чудесъ: воскресила изъ мертвыхъ младенца, пробывшаго мертвымъ болѣе двухъ часовъ, дала прозрѣніе слѣпому, сохранила невредимымъ хлѣбъ въ загорѣвшейся ригѣ и сама осталась нетронутой случившимся въ церкви пожаромъ, хотя огонь истребилъ находившуюся подъ нею пелену. Подробно описывая эти чудеса, основатель ходатайствовалъ о выдачѣ погодной милостыни изъ государевыхъ каргопольскихъ доходовъ, въ чемъ и успѣлъ, такъ какъ государь велѣлъ давать въ монастырь по 6 руб. въ годъ изъ таможенныхъ сборовъ по Каргополю[1]).

Непрерывный ростъ числа небольшихъ монастырей и кратковременность существованія многихъ изъ нихъ затрудняетъ ихъ статистику. Трудно ихъ сосчитать и тѣмъ болѣе затруднительно указать хотя бы и очень неточно размѣры недвижимыхъ имуществъ, находившихся въ ихъ владѣніи. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ монастырь XVII в., какъ бы онъ ни былъ малъ, не имѣлъ такого имущества, „питался своими труды и прихожаны обѣтники, кто что на милостыню дастъ". Обыкновенно даже и мелкій монастырь является землевладѣльцемъ или, по крайней мѣрѣ, владѣетъ какими-нибудь промыслами. Землю и промыслы онъ эксплуатируетъ трудомъ самой братіи, если за нимъ не значится крестьянъ, снимающихъ участки.

---

[1]) Пр. Д. 1653 № 59.

Глава VI.

Монастырь и общество на сѣверѣ.

Въ нашей литературѣ хорошо выясненъ вопросъ о значеніи, какое имѣлъ сѣверный монастырь и въ нравственной, и въ хозяйственной жизни древней Руси, какъ религіозный и культурный центръ и какъ дѣятель колонизаціи глухого сѣвернаго края. Дѣйствительно, нельзя не признать за сѣверно-русскимъ монастыремъ значительнаго нравственнаго вліянія на окружавшее его общество. Обраставшая свѣтлой легендой память о христіанскихъ иноческихъ подвигахъ его пустынника—основателя, теплившаяся непрерывно въ монастырѣ подобно той неугасимой лампадѣ, которая мерцала надъ его гробомъ и слава о такихъ же подвигахъ его преемниковъ и подражателей среди братіи озаряли темную окружающую среду съ ея мелкими заботами и интересами, внося нѣкоторый лучъ идеализма въ грубую жизнь XVII в. Самая красота монастырскаго богослуженія и весь обиходъ жизни иноковъ, „пріявшихъ ангельскій образъ", дѣйствовали на воображеніе и чувства богомольца, на время отрывавшагося отъ своей будничной сѣрой обстановки и попадавшаго въ какой-то иной, какъ бы неземной міръ, о которомъ онъ уносилъ потомъ яркое воспоминаніе, не потухавшее, быть можетъ, до конца дней и не разъ передававшееся близкимъ. Монастырь былъ не только средствомъ спасенія для тѣхъ, кто отрекался навсегда отъ міра, но и мѣстомъ нравственнаго отдыха отъ ежедневной дѣйствительности для мимолетнаго гостя съ котомкой за плечами, котораго онъ манилъ издалека именно этой возможностью хотя бы на время подняться надъ обычными житейскими буднями. Сѣверный монастырь могъ быть также и источникомъ нѣкотораго книжнаго просвѣщенія. Среди братіи были всегда грамотные люди; монастырь всегда владѣлъ книгами, притомъ не только богослужебными. Въ большихъ монастыряхъ библіотеки достигали обширныхъ размѣровъ. Но есть указанія, что и малыя обители обладали иногда значительными книжными богатствами. Такъ въ первой половинѣ XVII в. не позже 1636 г. небольшому и недавно основанному Красногорскому монастырю на Пинегѣ усердный жертвователь этого монастыря ярославскій купецъ Егоръ Лыткинъ прислалъ „книгъ разныхъ пе-

чатныхъ и письменныхъ, и знаменныхъ числомъ сто". Другой документъ, относящійся къ концу столѣтія, подтверждаетъ это извѣстіе о значительномъ количествѣ книгъ, которымъ обладалъ Красногорскій монастырь. Въ описи монастыря 1684 г. замѣчено, что бывшій па Двинѣ воевода думный дворянинъ И. В. Чаадаевъ взялъ изъ монастыря всякихъ книгъ числомъ 40 и возвратилъ только 10, остальныя удержалъ за собою, можетъ быть, „зачиталъ", какъ бы мы сказали, выражаясь языкомъ нашего времени [1]). Писцовыя книги, описывая монастырскую утварь, даютъ, повидимому, далеко не полныя перечни монастырскихъ книгъ, указывая, главнымъ образомъ, богослужебныя книги. Но и среди этихъ перечней вдругъ мелькнетъ „Степенная книга" или „Просвѣтитель" Іосифа Волоцкаго, или „книга Максимъ Грекъ". Не слѣдуетъ однако идеализировать сѣверный монастырь и преувеличивать его нравственнаго вліянія. Онъ отражалъ въ себѣ всю грубость окружавшей его среды, которая входила въ него подъ черной рясой и продолжала сквозить изъ подъ этой смиренной рясы прежними безобразными пятнами. Это обыкновенное явленіе, что пустыня съ суровыми нравами и подвигами постепенно превращается въ богатую обитель съ разнообразными и тѣсными связями съ окружающей средой по тому имуществу, которымъ обитель владѣетъ. Аскетическіе идеалы подавляются матеріальными, мірскими интересами, и шумъ житейской суеты начинаетъ заглушать тихую молитву инока. Если монастырь оказывалъ вліяніе па окружающее его общество, быть можетъ, нѣсколько одухотворяя его и содѣйствуя возвышенію помысловъ надъ житейскимъ уровнемъ, то съ другой стороны и общество не оставалось безъ воздѣйствія на монастырь, матеріализуя и втягивая его въ водоворотъ житейскихъ отношеній и хозяйственныхъ интересовъ. Общество горячо поддерживало монастырь, какъ мѣсто, гдѣ жили молитвенники за грѣхи міра, преемники и продолжатели святыхъ угодниковъ, основавшихъ монастырь; какъ учрежденіе, обладавшее могущественными средствами, необходимыми для спасенія души и какъ мѣстную святыню, которую чтили и которой гордились. Входя въ славу, монастырь быстро богатѣлъ; къ нему притекали пожертвованія; завязывались прочныя связи съ мѣстными капиталистами, становившимися его покровителями, которые поддерживали его не только изъ побужденія богоугоднаго дѣла, но иногда изъ чувства нѣкотораго мѣстнаго патріотизма. Покровительствуемый монастырь становился семейной святыней, какъ бы продолженіемъ домашней церкви и мѣстомъ благочестиваго путешествія па богомолье, а затѣмъ и фамильной усыпальницей. Такъ Строгановы поддерживали пермскіе и сольвычегодскіе монастыри, обстановка которыхъ созидалась ихъ „строеніемъ". Изобразительную картину отношеній главныхъ устюжскихъ монастырей къ кружку видныхъ устюжскихъ коммерческихъ фамилій даютъ описанія этихъ монастырей, которыя мы находимъ въ писцовыхъ книгахъ. Обители щедро украшаются ихъ доброхотными даяніями.

---

[1]) Чт. О. И. Д. 1880 г. кн. 3, стр. 67, 98. *Еп. Макарій,* Историческое описаніе Красногорскаго монастыря.

Та новая каменная церковь о пяти главахъ, которую мы видѣли въ устюжскомъ Архангельскомъ монастырѣ, бывшая такою рѣдкостью для сѣвернаго края въ XVII вѣкѣ, оказывается „строеніемъ по вѣрѣ гостиные сотни упокойнаго Никифора Ревякина", одного изъ круппѣйшихъ представителей устюжскаго купечества. Въ другомъ устюжскомъ монастырѣ, Троицкомъ Гледенскомъ, евангеліе и крестъ благословящій—положеніе гостя Силы Грудцына, окладъ на образѣ именитаго человѣка Максима Строганова, разныя книги—положеніе гостя Аѳанасія Гусельникова, гостя Василія Грудцына, гостиной сотни Ивана Грудцына, Исаака да Никифора Ревякиныхъ и т. д. Колокола также положеніе Грудцыныхъ, Цыбиныхъ, Пеуновыхъ. Въ числѣ жертвователей третьяго крупнаго изъ устюжскихъ монастырей, Телѣгова, значатся гости Гусельниковъ и Ѳедотовъ [1]). Монахи хорошо умѣютъ заводить знакомства и поддерживать связи и вдали отъ монастыря и пріобрѣтаютъ иногородних жертвователей. Такъ небольшая Красногорская пустынь на рѣкѣ Пинегѣ нашла себѣ, какъ мы видѣли, покровителя въ средѣ ярославскаго купечества.

Эта поддержка общества, оказываемая монастырю, преслѣдовала иногда особыя цѣли, и по самымъ своимъ задачамъ сѣверный монастырь имѣлъ иногда гораздо болѣе мірской житейскій, чѣмъ чисто религіозный характеръ. На сѣверѣ монастырь не разсматривался только какъ мѣсто аскетическаго подвига; онъ въ значительной мѣрѣ былъ заведеніемъ общественнаго призрѣнія. Онъ давалъ пріютъ и пропитаніе множеству нищихъ, которыхъ древняя Русь считала не соціальнымъ зломъ, а скорѣе полезнымъ орудіемъ нравственнаго совершенствованія общества. Въ описаніяхъ монастырей, заключающихся въ писцовыхъ книгахъ, въ очень многихъ случаяхъ упоминаются „больничныя кельи", „больницы". Очевидно, монастырь оказывалъ окружающему населенію не только духовно-нравственную, но и врачебную помощь, какую могъ по уровню медицинскихъ знаній того времени, замѣняя теперешнюю городскую или земскую лѣчебницу и больницу. Наконецъ, монастырь игралъ роль пріюта или богадѣльни. Посадскій человѣкъ или крестьянинъ находилъ себѣ прибѣжище и успокоеніе на старости лѣтъ подъ монашеской рясой или въ качествѣ бѣльца, живущаго въ тиши монастырской ограды. Съ этою именно цѣлью: доставить пріютъ своимъ членамъ, хлопотали иногда объ основаніи монастырей и давали имъ средства на содержаніе сами городскія и сельскія общества, подобно тому какъ теперь богадѣльни и пріюты учреждаются и содержатся городами и земствами. Не разъ уже приводились примѣры основанія такихъ монастырей на сѣверѣ. Такъ въ 1580 г. отъ всей Вятской земли была подана челобитная Ивану Грозному о томъ, что въ Вятской землѣ монастыря нѣтъ, и вятчанамъ увѣчнымъ людямъ и находящимся при смерти постригаться негдѣ. Результатомъ ходатайства было основаніе въ Хлыновѣ Успенскаго монастыря, которому были отведены пригородныя земли. Въ 1599 г. жители города Слободского и его уѣзда, недовольные порядками Хлыновскаго

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 511.

монастыря, приговорили „всѣмъ посадомъ и уѣздомъ“, т. е. на уѣздномъ земскомъ собраніи, основать въ городѣ Слободскомъ свой отдѣльный монастырь, гдѣ бы могли постригаться слободскіе посадскіе люди и волостные крестьяне, которые „во ангельскій чинъ постричься желаютъ“, на что и испрашивали патріаршаго благословенія. Такъ возникъ слободской Богоявленскій монастырь[1]). Въ Двинскомъ уѣздѣ въ Чухченемской волости существовалъ въ XVII в. Никольскій монастырь такого же земскаго происхожденія. Онъ былъ учрежденъ крестьянами этой волости и еще четырехъ сосѣднихъ и на его содержаніе крестьяне выдѣлили 14 деревень. Еще въ 1582 г. крестьяне этихъ волостей писали царю, что Никольскій монастырь „строили и деревни къ тому монастырю подпущали и прикупали прадѣды и дѣды, и отцы ихъ и прочили себѣ и своимъ дѣтемъ, и внучатомъ на постриганье и на поминокъ“. Слѣдовательно, монастырь былъ основанъ еще въ очень древнее время и именно съ цѣлями общественнаго призрѣнія: „для душевнаго своего спасенія и на поминокъ родителей своихъ, и для постриганія безвкладныхъ нищихъ нужныхъ (нуждающихся) людей, которые ходя по міру скитаются“, какъ опредѣляли назначеніе монастыря крестьяне тѣхъ же волостей въ половинѣ XVII в.[2]) Но такимъ же задачамъ общественнаго призрѣнія служили и всѣ другіе сѣверные монастыри, основанные не земскими мірами, а отдѣльными подвижниками. Они играли роль какъ бы своеобразныхъ страховыхъ учрежденій, страховавшихъ какъ на случай смерти, такъ и на случай старости. Гарантія въ обоихъ этихъ случаяхъ пріобрѣталась посредствомъ особой юридической сдѣлки—вклада. Вкладомъ называлось условное пожертвованіе въ монастырь движимаго или по большей части недвижимаго имущества. Вклады бывали двоякаго рода: на поминъ души и на постриженіе. За вкладъ на поминъ души монастырь обязывался вписать имя вкладчика или также имена его родныхъ въ свой синодикъ и поминать эти имена на различныхъ, болѣе или менѣе важныхъ службахъ, смотря по условію. Это и было такимъ образомъ обезпеченіе души въ загробномъ мірѣ. Вкладъ на постриженіе служилъ обезпеченіемъ на случай старости или вообще инвалидности. Чувствуя приближеніе старости, а иногда и очень заблаговременно, посадскій человѣкъ или крестьянинъ дѣлалъ монастырю вкладъ, за который монастырь обязывался принять жертвователя въ тотъ моментъ, когда жертвователь пожелаетъ, и постричь его или содержать безъ постриженія. Размѣры вкладовъ, какъ и ихъ условія, разнообразились въ отдѣльныхъ случаяхъ. Иногда монастырь обязывался принять на свое содержаніе: поить, кормить, обувать и одѣвать какъ самого вкладчика, такъ и его семью; иногда сила договора распространялась не только на наличный составъ семьи вкладчика, но и на его будущихъ отдаленныхъ потомковъ при ихъ желаніи. Самое постриженіе нерѣдко откладывалось до послѣднихъ минутъ жизни, иногда и совсѣмъ не совершалось, и вкладчикъ оставался бѣльцомъ въ монастырѣ, получалъ

---

[1]) А. Э. II № 11.

[2]) А. И. I № 211. *Ефименко*, Op. cit. 263.

келью, снабжался одеждой, питался за монастырской трапезой. Число такихъ призрѣваемыхъ въ монастыряхъ росло къ концу XVII в., а въ началѣ слѣдующаго стало даже превышать число самой братіи. „Въ Холмогорской епархіи", читаемъ мы въ донесеніи „инквизитора" холмогорскому архіепископу въ 1724 г.: „во многихъ монастыряхъ и пустыняхъ содержатся многіе вкладчики съ женами и дѣтьми... и таковыхъ вкладчиковъ и совершенныхъ монастырямъ разорителей, жительство имѣющихъ въ таковыхъ пустыняхъ, множество, а въ оныхъ монастыряхъ и пустыняхъ братіи по малому числу, и таковыхъ разорителей и тунеядцевъ человѣкъ 50 съ женами и дѣтьми, при монастыряхъ живущихъ и за трапезу ходящихъ съ братіею" [1]). Такъ сѣверный монастырь изъ религіозной общины сталъ обращаться въ многолюдную мірскую богадѣльню, оказывающую пріютъ лицамъ, вступившимъ съ нимъ въ особую сдѣлку.

Матеріальные интересы, житейскія отношенія, хозяйственныя заботы, возникавшіе въ монастырѣ по мѣрѣ того, какъ въ немъ скоплялись богатства, отвлекали его отъ религіознаго назначенія и мѣняли его характеръ. Монастыри становились владѣльцами земель и промысловъ, которые надо было эксплуатировать и продукты которыхъ надо было сбывать. Они вели крупныя коммерческія дѣла: отправляли къ московскому центру тысячи пудовъ соли и рыбы, будучи главными поставщиками этихъ продуктовъ на московскій рынокъ и крупными участниками общаго торговаго оборота страны. Къ этой эксплуатаціи земель и промысловъ и должна была приспособляться религіозная община, чуждая ей совершенно по своимъ задачамъ, и монастырь превращается въ землевладѣльческое или промышленное товарищество, ведущее иногда большія операціи. Товарищество выбираетъ игумена, какъ директора распорядителя, казначея, завѣдующаго финансами, келаря, на которомъ лежитъ монастырское хозяйство, стряпчаго, которому поручается веденіе многочисленныхъ и нерѣдко сложныхъ процессовъ, въ какіе вступаетъ монастырь по своему имуществу, „купчину", завѣдующаго торговыми операціями, назначаетъ „приказныхъ" и „посельскихъ" старцевъ для управленія монастырскими имѣніями. Нельзя не замѣтить при этомъ, что организація монастырскаго управленія отражаетъ на себѣ устройство управленія земскихъ міровъ, волостей, которыми были окружены сѣверные монастыри и откуда приходили члены братіи. Дѣйствуетъ выборное начало. Должностныя лица избираются всей братіей, вкладчиками и старцами, иногда на годъ, какъ это было обыкновенно съ земскими должностями. Избранное лицо должно было находиться подъ непрестаннымъ контролемъ братіи, „все дѣлати съ братскаго совѣту, а безъ совѣту ничего не дѣлати", условіе, которое мы встрѣчаемъ и на земскихъ выборахъ; далѣе, вступая въ должность, расписаться и счесться съ тѣмъ, кто ее исполнялъ въ прошломъ году, а по истеченіи срока дать братіи отчетъ въ приходѣ и расходѣ монастырскихъ денегъ. Пишется актъ избранія, такъ называемый „выборъ за руками", скрѣпленный рукоприкладствомъ избирателей, которымъ обык-

[1]) *Ефименко*, Op. cit. 265.

новенно сопровождались и земскіе выборы, и по этимъ актамъ виденъ характеръ дѣлъ, которыя возлагаются па избранныхъ и которыя особенно интересуютъ братію. „И быти ему“, читаемъ мы въ нихъ, „въ той пустынѣ строителемъ и казначеемъ, и всякое ему монастырское дѣло вѣдати, казна и книги, и колокола вѣдати, и о всякомъ монастырскомъ дѣлѣ строеніе имѣти, и братіями и вкладчики наряжати... А будетъ что продати или купити, или вкладчика приняти, или кого на починокъ порядити, или въ деревню послати посельщика“ и такъ далѣе, указанія, какъ вести приходо-расходныя книги, считать казначея, какъ вынимать изъ кувшина казну въ присутствіи братіи, все чисто хозяйственныя дѣла и ни слова о религіозныхъ обязанностяхъ настоятеля монастыря[1]). Въ монастырѣ развиваются чисто промышленные коммерческіе аппетиты, жажда къ пріобрѣтенію, прибылямъ; онъ дѣлается алчнымъ пріобрѣтателемъ главнаго капитала страны, какимъ была въ то время земля, сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ большіе земельные участки, привлекая ихъ разными путями: посредствомъ пожалованія отъ правительства, уступокъ отъ земскихъ міровъ и посредствомъ частныхъ сдѣлокъ: вкладовъ, купли, залога, несмотря при этомъ на неоднократныя запрещенія монастырямъ пріобрѣтать земли. Впрочемъ, и само правительство, много разъ пытавшееся пресѣчь все болѣе тревожившій его ростъ монастырскихъ имуществъ, продолжаетъ въ теченіе XVII в. жаловать земли монастырямъ, правда съ тою разницею, что теперь, въ особенности во второй половинѣ столѣтія, оно становится болѣе осторожнымъ и расчетливымъ въ этихъ земельныхъ дачахъ и не означаетъ уже жалуемыхъ земель въ такихъ круглыхъ выраженіяхъ, какъ „на пять или на десять верстъ во всѣ стороны вокругъ монастыря“. Получивъ отъ монастыря просьбу объ отводѣ земли, оно предписываетъ мѣстнымъ властямъ предварительно „дозрить“ землю, навести о ней справки, не принадлежитъ ли она кому нибудь другому, и не такъ охотно освобождаетъ монастыри отъ платежа податей съ ихъ земель. Изъ частныхъ сдѣлокъ болѣе всего обогащались монастыри вкладами по душѣ и на постриженіе, а также пріобрѣтеніемъ земель въ качествѣ просроченныхъ залоговъ.

Сдѣлки этого послѣдняго рода,—выдача денежныхъ ссудъ подъ залогъ земель, рисуютъ намъ сѣверный монастырь съ новой стороны, какъ кредитное учрежденіе, какъ своего рода банкъ. На ряду съ земельными богатствами монастырь скопляетъ значительные капиталы, которые охотно пускаетъ въ оборотъ, отдавая ихъ на проценты. Къ нему обращаются за ссудами земскіе міры, которые нерѣдко ведутъ свои дѣла при помощи займовъ. Такъ напр. въ 1638 г. Архангельскій Устюжскій монастырь

---

[1]) Р. И. Б. XIV А. № CLXXIX; Чт. О. И. Д. 1880 г., кн. 3, стр. 27—28 „И что будетъ строити или что продавать, или купить, ему, строителю, съ нами съ братіею по совѣту строить и продавать, и купить, съ нами совѣтъ держать, безъ совѣта ничего не дѣлать.“ *Еп. Макарій,* Историческое описаніе Красногорскаго монастыря.

производилъ взысканія по выданнымъ имъ ссудамъ съ Вондокурскаго стана, Орловской и Ерогоцкой волостей Устюжскаго уѣзда[1]). Къ монастырскому

[1]) Пр. Д. 1638 № 70. „Государю царю... Михаилу Ѳедоровичу... бьютъ челомъ Устюга В. твои государевы богомольцы Архангельскаго монастыря архимандритъ Пафнотей съ братьею. Жалоба, государь, намъ Устюжскаго уѣзду Вондокурскаго стану на старосту судецкаго на Ѳедора Черноцова съ товарищи. Въ прошломъ, государь, во 144 г. апрѣля въ 13 д. занялъ тотъ Ѳедоръ Черноцовъ съ товарищи на волостную издержку въ кабалу 30 рублевъ денегъ изъ росту на пять шестой. И намъ въ ихъ неросплатѣ учинилось убытку 10 рублевъ съ полтиною. Да у насъ же, богомольцевъ твоихъ, въ прошломъ во 142 г. занялъ въ кабалу Орловскіе волости прошлой розрубной цѣловальникъ Власъ Степановъ сынъ Щербининъ съ товарищи 50 руб. денегъ изъ росту на пять шестой. И намъ въ ихъ нероспдатѣ учинилось убытку 25 руб. съ полтиною. А тѣ они деньги займовали на волостную издержку. Да у насъ же, богомольцевъ твоихъ, во 142 г. занялъ въ кабалу Ерогоцкіе волости земскій цѣловальникъ Тимоѳей Прокопьевъ сынъ Мартиновской да Семенъ Пятого сынъ Тесаловскаго съ товарищи 20 руб. денегъ изъ росту на пять шестой. И намъ въ ихъ нероспдатѣ учинилось убытку 10 руб. съ полтиною. И они намъ по тѣмъ кабаламъ монастырскихъ денегъ не платятъ. Милосердый государь.... вели, государь, намъ на тѣхъ заимщиковъ по тѣмъ кабаламъ на Устюгъ В. къ своему, государеву, стольнику и воеводѣ князю Матвѣю Васильевичу Прозоровскому да къ Орефью Башмакову дати свою государеву судимую грамоту и вели, государь, по тѣмъ кабаламъ тѣ наши деньги доправить съ росты и съ убытки и доправя отдать въ монастырь“; ibid.: „Царю государю... Михаилу Ѳедоровичу... бьютъ челомъ нищіе твои государевы богомольцы Устюга В. Архангельскаго монастыря архимандритъ Пафнотей съ братьею. Жалоба, государь, намъ Устюжскаго уѣзду Вондокурскаго стану на прошлыхъ судеекъ на Григорія Иванова Преловскаго да на Григорія Бѣляева сына Викторова да того жъ стану на крестьянъ на Ондрея Романова сына Сухнева, на Ивана Ларіонова сына Чупановскаго и на всѣхъ крестьянъ, да на поручиковъ на ихъ на Ивана Юрьева да на Василья Денисова сына Кострова съ товарищи. Взяти, государь, намъ по кабалѣ на тѣхъ заимщикахъ и на поручикахъ, и на всѣхъ крестьянѣхъ триста руб. денегъ да на тѣ деньги ростъ на пять шестой. А тѣ, государь, деньги займовали они, судейки, и всѣ крестьяне во 141 г. на мірскую на волостную издержку. И по той, государь, кабалѣ на Устюгѣ передъ воеводою передъ Степаномъ Лукьяновичемъ Хрущовымъ да передъ Иваномъ Ключаревымъ судъ былъ; и тѣ заимщики Григорій съ товарищи по той кабалѣ винилися и на правежѣ стояли съ годъ и больше, а съ правежу уплатили въ монастырь въ казну истины и росту 120 руб. денегъ. А достальныхъ, государь, денегъ 430 руб. и съ ростомъ по доправной выписи и по кабалѣ не платятъ и на правежѣ не стоятъ больше года. И намъ, нищимъ, учинилось убытковъ въ ихъ нероспдатѣ займуючи деньги изъ великихъ ростовъ и въ московской волокитѣ, и въ приставовыхъ ѣздахъ, въ проѣсти и писчемъ 159 руб. съ полтиною. Милосердый государь.... вели, государь, намъ дати свою государеву доправную грамоту на Устюгъ В. къ стольнику и воеводѣ къ князю Матвѣю Васильевичу Прозоровскому да къ Орефѣ Башмакову. А доправя тѣ деньги на тѣхъ заимщикахъ и на поручикахъ, и на всѣхъ крестьянѣхъ истину

кредиту прибѣгаютъ и частныя лица, которыхъ монастырь ссужаетъ подъ залогъ земель, играя такимъ образомъ въ этихъ случаяхъ роль современнаго намъ поземельнаго банка. Закладывались земельные участки: цѣлыя деревни, по большей части доли деревень, а также пустоши и разныя угодья.[1]) Писался особый актъ—закладная. Неуплата денегъ въ срокъ вела къ потерѣ залога, поступавшаго въ пользу монастыря. До насъ дошелъ любопытный документъ, позволяющій взглянуть на степень развитія такого рода операцій въ устюжскихъ и сольвычегодскихъ монастыряхъ,—выписка изъ устюжскихъ крѣпостныхъ книгъ о поземельныхъ сдѣлкахъ этихъ монастырей: залогахъ, вкладахъ и купляхъ, по которымъ не взыскано казенныхъ пошлинъ[2]). Выписка обнимаетъ періодъ времени въ 24 года съ 1624 по 1648 г. и можно думать, что кромѣ обозначенныхъ въ ней

съ росты и съ убытки, вели, государь, отдати въ монастырь"; ibid. 1638 № 36. „Царю государю... Михаилу Ѳедоровичу.... бьютъ челомъ богомольцы твои съ Двины Живоначальные Троицы Антоніева Сійскаго монастыря игуменъ Кипріанъ съ братіею. Взяти, государь, намъ по двумъ по выданнымъ кабаламъ, что взяты за монастырской долгъ у Юрья Козмина сына Попова на пинежскихъ и на мезенскихъ закащикахъ на Корнилѣ Прокопьевѣ да на Степанѣ Мартемьяновѣ Окладниковѣ 70 руб. да ростъ, а займовали они тѣ деньги на Мезени въ Окладниковѣ слободкѣ во 138 г. на земскіе расходы и въ стрѣлецкіе отпуски".

[1]) Пр. Д. 1652 № 7. Акты объ уступкѣ земель Устюжскаго уѣзда монастырямъ; л. 8—10: Се язъ Игнатій Алексѣевъ сынъ Пушкаревъ, а по прозвищу Жданъ Устюжанинъ, посадскій человѣкъ, занялъ есми Архангельскаго монастыря у архимарита у Лаврентія, да у келаря у старца у Ильи, да у казначея у старца у Іоны, да у купчины у старца Нифанта и у всей братіи Архангельскаго монастыря 400 руб. денегъ московскихъ ходячихъ домовыхъ казенныхъ августа въ 7 день до сроку до Семена дни Лѣтопроводца 140 г. А въ тѣхъ есми деньгахъ язъ Игнатій Алексѣевъ Пушкаревъ заложилъ и подписалъ въ Устюжскомъ уѣздѣ въ Ивановской волости свою половину деревни Осіевскаго наволока, а Бабаевской тоже" и т. д.; л. 11—12: „Се язъ Устюжскаго уѣзда Ивановоскіе волости крестьянинъ Леонтей Яковлевъ сынъ Давыдова занялъ есми Архангельскаго монастыря и т. д... 180 руб... генваря въ 29 д. до сроку до Велика дни нынѣшняго 136 г... а въ тѣхъ есми деньгахъ язъ, Леонтей, заложилъ и подписалъ въ Устюжскомъ уѣздѣ въ Ивапоповоской волости деревни Андроновскіе"....; л. 13: той же Ивановоской волости крестьянинъ Алексѣй Андреевъ с. Лапинъ съ дѣтьми (тремя сыновьями) заняли у братіи Архангельскаго монастыря 27 р. генваря 15 д. до сроку до Семенова дни Лѣтопроводца 145 г., а въ тѣхъ деньгахъ заложили 2/3 деревни Кочурина починка и т. д., и т. д.

[2]) Пр. Д. 1652 № 138. „Записная книга закладнымъ и купчимъ". На л. 2 отмѣтка „Выписано изъ устюжскихъ крѣпостныхъ книгъ, сколько деревень и починковъ заложено и продано въ Архангельскій монастырь и въ иные монастыри и всякихъ чиновъ людямъ, а пошлинъ за нихъ не взято". Ссуды, выданныя Архангельскимъ монастыремъ, распредѣляются такимъ образомъ: 800 руб.—1 ссуда; 500 руб.—1; 400 р.—2; отъ 350 р. до 200 р.—5; отъ 200 до 100 р.—9; отъ 100 р. до 50 р.—12; отъ 50 р. до 14 р.—17.

сдѣлокъ были и другія, по которымъ пошлины взысканы, что она такимъ образомъ показываетъ не всѣ сдѣлки. Изъ этой выписки видно, что Архангельскій монастырь на Устюгѣ совершилъ за этотъ періодъ времени всего 50 безпошлинныхъ земельныхъ пріобрѣтеній, изъ которыхъ 47 залоговъ, 2 вклада и 1 куплю. Ссуды выдавались устюжскимъ крестьянамъ и посадскимъ людямъ, владѣвшимъ деревнями въ уѣздѣ. Въ качествѣ залоговъ только въ трехъ случаяхъ было принято по цѣлой деревнѣ. Обыкновенно же принимались $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$ и другія болѣе мелкія дроби деревни. Наибольшій размѣръ ссуды былъ 800 руб. (единственный случай), наименьшій 14 р. Наиболѣе часты были мелкія ссуды отъ 50 р. и ниже. Всего монастырь пріобрѣлъ по этимъ 50-ти сдѣлкамъ земель на 7008 руб. За то же время другой изъ устюжскихъ монастырей, Троицкій Гледенскій, совершилъ 42 сдѣлки, преимущественно залоги на сумму 4114 р. 16 алт. 4 д., Никольскій Прилуцкій на 1076 р., Ивановскій на 995 р., Телѣговъ на 268 р.; изъ двухъ сольвычегодскихъ монастырей Введенскій на 200 и Николо-Коряжемскій на 100 р. Всѣми этими сдѣлками: вкладами, куплями и залогами монастырь съ какою-то силой магнита тянетъ къ себѣ мелкими частицами черныя земли, и справедливо писали еще въ 1627 г. крестьяне нѣсколькихъ волостей Устюжскаго уѣзда въ своей коллективной жалобѣ царю на старцевъ Телѣгова монастыря, которые не послушались указа о запрещеніи монастырямъ пріобрѣтать черныя земли: „и нынѣ безпрестанно въ черныхъ волостяхъ у тяглыхъ крестьянъ деревни и пожни, и пашни, всякія угодья покупаютъ и за вклады емлютъ, и что, государь, было въ тѣхъ волостяхъ лучшихъ деревень и крестьянъ, то они, старцы, все побрали къ себѣ за монастырь“ [1]).

Хозяйственныя операціи, предпринимаемыя монастырями и многочисленныя юридическія сдѣлки, въ которыя они вступали, создавали для нихъ постоянныя и неизбѣжныя отношенія съ сосѣдями, съ цѣлыми земскими мірами, посадами, сельскими волостями, какъ и съ отдѣльными ихъ членами, окутывая монастыри сложной мелкой паутиной житейскихъ, привязывавшихъ ихъ къ земнымъ интересамъ, нитей. Нельзя сказать, чтобы эти отношенія были всегда гладки. Даже болѣе того, нерѣдко они были прямо враждебны. Въ отношеніяхъ къ монастырю древне-русское общество обнаруживаетъ ту же двойственность, которую оно проявляло вообще по отношенію къ духовенству, безъ котораго не могло обойтись, и которое всегда не уважало. Чтя святыню монастыря и неся въ монастырь обильныя пожертвованія, оно постоянно споритъ, ссорится и судится съ монастыремъ. Хорошо извѣстно изъ житій, какъ недружелюбно встрѣчали отдѣльные сельчане и цѣлые деревенскіе міры святыхъ отшельниковъ, пытавшихся

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 9. Ту же жалобу они повторяютъ въ 1630 г.: Пр. Д. 1630 № 72, л. 458 и сл. Объ этомъ процессѣ втягиванія мелкихъ крестьянскихъ участковъ въ составъ монастырскихъ владѣній даютъ яркое представленіе купчія, данныя и закладныя Соловецкаго и Кириллова монастырей. Р. И. Б. XIV, А. № CXXV.

основаться въ предѣлахъ ихъ владѣній, какъ искони ненавидящій благо человѣческаго рода дьяволъ влагалъ въ сердца этихъ сельчанъ размышленія въ родѣ такихъ, что „аще не престанутъ бывати чудеса... и состроится монастырь, и вселятся ту мниси, по малѣ времени совладѣютъ нами и селы нашими“ и какъ эти неблагодарные люди „отъ прилежащія веси“ обращались къ святому отшельнику со словами: „отче! неугодно намъ твое здѣ пребываніе“, а иногда и выгоняли его отъ себя силой. Съ той же тревогой смотрятъ деревенскіе жители на монастырь и позже, чуя отъ него постоянную опасность для своихъ землевладѣльческихъ правъ, и это заставляетъ ихъ зорко слѣдить за каждымъ юридическимъ шагомъ монастыря. Въ 1608 г. четверо крестьянъ складниковъ, которымъ принадлежала деревня Льняникова и при ней находившійся въ ихъ общемъ пользованіи выгонъ, заключаютъ межъ собой любопытный договоръ: „Слыхъ до насъ доходитъ“, пишутъ они въ этомъ договорѣ, „сказываютъ, на ту нашу вопчую землю (выгонъ) привезли государеву грамоту Живоначальные Троицы съ Гледена старцы“... Участники договора постановляютъ сообща стоять противъ монастыря, защищать землю на судѣ и вмѣстѣ нести судебныя издержки въ случаѣ судебнаго процесса, котораго они ожидаютъ и къ которому заблаговременно приготовляются и принимаютъ свои мѣры. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такая тревога перейдетъ иногда въ раздраженіе, которое выскажется въ рѣзкомъ словѣ по адресу монастыря по поводу его постоянныхъ земельныхъ пріобрѣтеній. Игуменъ и братія Кожеозерскаго монастыря въ 1644 г. бьютъ челомъ государю на каргопольца посадскаго человѣка Романа Ватагина въ томъ, что онъ бранитъ ихъ всякою неподобною бранью и называетъ ворами: „всѣ де чернецы собрались въ монастырь воры и холопи, и государевы де грамоты добываютъ ложныя, и будто мы, нищіе, по тѣмъ грамотамъ всякія угодья и деревни отымаемъ сильно“ [1]).

Столкновенія монастырей съ сосѣдними земскими мірами часты и происходятъ по разнымъ поводамъ. Въ особенности часто ведутъ къ ссорамъ три вопроса: о переходѣ крестьянъ изъ-за монастыря въ волость и, наоборотъ, изъ волости въ монастырь, споры о землѣ и вопросъ о разверсткѣ и платежѣ податей и повинностей. Иногда монастырю приходится жаловаться на черную волость, пріютившую бѣжавшихъ изъ-за монастыря крестьянъ и требовать ихъ возвращенія. Гораздо чаще однако обратное явленіе: переходъ за монастырь волостныхъ крестьянъ, которыхъ волость отыскиваетъ [2]). Черные крестьяне разрываютъ связи съ своею волостью троякимъ образомъ: или уходятъ изъ волости, бросая свои участки, поряжаясь на монастырскую землю, привлекающую ихъ своими льготами; или отчуждаютъ свои участки монастырю и оставаясь на нихъ, „отымаются“ отъ мірскихъ повинностей, считая себя выбывшими изъ волостной общины, или наконецъ закладываются лично за монастырь, становятся монастырскими „закладнями“ и на этомъ основаніи отказываются прини-

---

1) Р. И. Б. XIV, Б. № VIII. Пр. Д. 1644 № 15.

2) Р. И. Б. XIV, А. № LXXII.

мать участіе въ дѣлахъ волостного міра. Въ 1630 г. черные крестьяне Комарицкаго стана Устюжскаго уѣзда жалуются, что послѣ переписи 1624 г. и послѣ состоявшагося тогда запрещенія монастырямъ пріобрѣтать черныя земли, а чернымъ крестьянамъ ихъ отчуждать въ монастыри, у нихъ на Комарицѣ и въ Юрьевѣ Наволокѣ, и на Бѣлой Слудѣ, и въ иныхъ многихъ станахъ и волостяхъ многіе крестьяне, отбывая государевыхъ службъ и податей, деревни и пожни, и пашни, и всякія угодья продаютъ въ монастырь, закладываютъ и даютъ вкладами. „А иные крестьяне опричь деревень сами закладываются" въ Телѣговъ монастырь на Двинѣ и Новую пустынь Соловецкихъ чудотворцевъ. Старцы тѣхъ монастырей ѣздятъ по волостямъ со спискомъ съ жалованной грамоты и тѣхъ крестьянъ отъ волостей отымаютъ, къ государевымъ службамъ выбирать не даютъ, податного платежа платить имъ не велятъ и объявляютъ ихъ неподсудными волостному управленію. При этой жалобѣ приведены и цифровыя данныя о такихъ переходахъ крестьянъ за два названные выше монастыря послѣ писцовъ 1624 г. Оказывается, что изъ Комарицкаго стана Верхняго конца „порядились" за монастырь волостныхъ крестьянъ трое, „заложили" и положили деревни за монастырь—трое и сами лично заложились—семеро. За то же время изъ Бѣлослудской волости вышло такими же путями также за монастыри 15, изъ Юрьева Наволока 2 и изъ сосѣдней съ Комарицкимъ станомъ Пермогорской волости 33 крестьянина[1]). Поземельныя тяжбы между черными волостями и монастыремъ возникаютъ обыкновенно изъ споровъ о землѣ между черными крестьянами и монастырскими, причемъ монастырь держитъ сторону послѣднихъ и защищаетъ ихъ интересы на судѣ. Тяжбы эти въ XVII в. такъ многочисленны, что примѣровъ ихъ можно привести сколько угодно[2]). Обладая значительными денежными и личными средствами, имѣя

---

[1]) Пр. Д. 1630 г. № 72, л. 458 и сл.; 1646 № 42. „Кижскаго погоста (въ Заонежьѣ) государевы многіе крестьяне, пометавъ участки свои впусто, сошли и живутъ въ Климецкомъ монастырѣ. И государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ тѣхъ сошныхъ крестьянъ по прежнему указу изъ за Климецкаго монастыря вывесть въ Кижскій погостъ на старые ихъ участки".

[2]) Вотъ нѣкоторые, взятые случайно. Чт. О. И. Д. 1878, кн. 3, стр. 42. Въ 1606 г. Двинскій Кривецкій монастырь ведетъ процессъ съ Ракульской волостью Двинскаго уѣзда о половинѣ островка; *Е. Барсовъ*, Олонецкій монастырь Клименцы. Чт. О. И. Д. 1870 г. кн. 4. Климецкій монастырь въ теченіе всего XVII в. судится съ крестьянами Кижскаго погоста; Пр. Д. 1644 № 15: Пудожскій погостъ подаетъ жалобу на сосѣдній Муромскій монастырь, старцы и крестьяне котораго изгоняютъ пудожскихъ крестьянъ изъ большого чернаго лѣса, находившагося между погостомъ и монастыремъ, которымъ прежде погостъ и монастырь пользовались сообща и полюбовно; Пр. Д. 1646 № 42: крестьяне Кузарандской волости Толвуйскаго погоста въ Заонежьѣ тяжутся и заключаютъ мировую съ Вяжицкимъ монастыремъ по поводу земельнаго захвата, совершеннаго крестьянами Пещанской волостки, принадлежащей монастырю; Пр. Д. 1649 № 93. Сійская волость споритъ съ Сійскимъ монастыремъ, прежніе игумены котораго завладѣли тяглою деревнею Фатьяновскою съ пошлин-

въ своей средѣ опытныхъ „стряпчихъ", спеціалистовъ юридическаго дѣла, располагая притомъ связями и въ мѣстныхъ воеводскихъ канцеляріяхъ, и въ московскихъ приказахъ, монастыри, повидимому, не боялись процессовъ съ черными волостями, будучи заранѣе увѣрены въ выигрышѣ дѣла. Вообще они обнаруживали значительную склонность къ сутяжничеству по поземельнымъ дѣламъ съ сосѣдями, лучшимъ примѣромъ чего могутъ служить процессы Пыскорскаго монастыря, начатые имъ противъ своихъ же создателей и благотворителей—Строгановыхъ [1]). Однимъ изъ обильныхъ источниковъ возникновенія такихъ поземельныхъ тяжбъ были хозяйственныя отношенія между монастырями и волостными крестьянами по тѣмъ угодьямъ: выгонамъ, лугамъ, лѣсамъ, рыбнымъ ловлямъ и т. д., которыя не были размежеваны и находились въ общемъ владѣніи монастырей и крестьянскихъ міровъ.

Изъ тѣхъ же общинныхъ отношеній возникала и третья и самая частая причина столкновенія между монастыремъ и земскими мірами, именно споры о разверсткѣ и платежѣ податей. Въ составѣ монастырскихъ владѣній на сѣверѣ надо различать два рода земель. Была часть земли, которая не несла тягла и называлась бѣлой. Сюда относилась площадь занятая самимъ монастыремъ и монастырская пашня, воздѣлывавшаяся личнымъ трудомъ братіи, монастырскими вкладчиками, слугами и дѣтенышами, а также барщиной монастырскихъ крестьянъ, подобно тому какъ въ служилыхъ вотчинахъ отъ платежа податей освобождалась барская усадьба и барская запашка. Бѣлой же землей была и та монастырская земля, которая отдавалась участками крестьянамъ и половникамъ, если она была освобождена отъ всѣхъ или нѣкоторыхъ платежей особыми въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ жалованными грамотами, которыя съ началомъ XVII в. выдаются все рѣже, а къ концу вѣка совсѣмъ прекращаются [2]). По отношенію къ бѣлой землѣ монастырь является полнымъ собственникомъ.

ными землями и сѣнными покосами; Пр. Д. 1649 № 130. Противъ того же монастыря подаетъ жалобу Ракульская волость въ насильственномъ завладѣніи крестьянами монастыря церковными угодьями волости, путикомъ, рыбной ловлей и тяглымъ островкомъ; Пр. Д. 1649 № 131. Кехотская волость Двинскаго уѣзда сталкивается съ Кандалашскимъ монастыремъ; Пр. Д. 1653 № 59. Шалская волость Каргопольскаго уѣзда подаетъ челобитную на Строкину пустынь въ завладѣніи „Шалской волости у многихъ деревень пашнями и поскотины, и сѣнными покосы черезъ писцовыя книги". и т. д. Поземельные процессы эти отличаются въ иныхъ случаяхъ сложностью и медленностью.

[1]) *Дмитріевъ*, Пермская старина I, 100.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 511. „Новая пустыня... въ Ярокурскомъ стану на р. Двинѣ... За монастыремъ же на Медвѣдевскомъ починкѣ отъ монастыря вверхъ по Двинѣ рѣкѣ починки поставлены вновь на старинной монастырской бѣлой землѣ 2 деревни, 2 двора половничьихъ. Подъ монастыремъ же и на починкахъ пашни монастырскіе пашутъ вкладчики и дѣтеныши, и половники худой земли 18 чет., перелогомъ 2 чет..... По жалованной грамотѣ 131 г. съ тое Новые пустыни... съ Медвѣдевскаго починка и съ Юркина зай-

Но въ рукахъ монастырей была и черная земля, и въ этомъ случаѣ монастырю принадлежало такое же держаніе, какъ и всѣмъ другимъ владѣльцамъ черной земли. Были монастыри, которые по своимъ владѣніямъ такъ и назывались „черными тяглыми" монастырями. Черныя монастырскія владѣнія слѣдуетъ представлять себѣ въ двухъ различныхъ видахъ: во первыхъ, они бывали такихъ обширныхъ размѣровъ, что составляли цѣлые особые земскіе міры, волости. Такія волости становились монастырскими вотчинами путемъ пожалованія; такъ, напр. Шунгскій погостъ въ Заонежьѣ былъ одно время вотчиной Тихвина монастыря. Нѣсколькими подобными же волостями владѣлъ Соловецкій монастырь. Черная волость жаловалась монастырю иногда на особыхъ условіяхъ: напр., какъ мы видѣли, Кемская и Сумская волости были пожалованы Соловецкому монастырю подъ условіемъ постройки въ нихъ укрѣпленій и содержанія гарнизоновъ, а Кушерѣцкая за особый ежегодный оброкъ въ 9 руб. Монастырская волость была законченнымъ цѣлымъ, подчиненной монастырю административной и финансовой единицей, округомъ, обособленнымъ отъ сосѣднихъ такихъ же округовъ, населенныхъ черными крестьянами, съ которыми у такой волости были отношенія двухъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ и равноправныхъ областныхъ единицъ. Другія владѣнія монастыря состояли изъ деревень или частей деревень, иногда очень небольшихъ, разбросанныхъ по чернымъ волостямъ и пріобрѣтенныхъ монастыремъ отъ черныхъ же крестьянъ путемъ частныхъ сдѣлокъ. Такія земли обозначались въ писцовыхъ книгахъ въ выраженіяхъ: „Николы жъ чудотворца... деревни, что они (старцы) купили изъ черныхъ волостей"... „Въ Окологородной же волости деревни монастырскія, а бывали волостныя тяглыя деревни, и владѣютъ ими монастыри по купчимъ и по данным"[2]). Вотъ эти то инкорпорированныя въ черныхъ волостяхъ клочки монастырской земли въ видѣ отдѣльныхъ деревень или частей деревень и вели обыкновенно къ препирательствамъ монастырей съ черными волостями изъ-за разверстки и платежа податей. Участки черной земли, пріобрѣтаемые монастыремъ, выходили изъ состава земель черныхъ крестьянскихъ обществъ, но тягло, наложенное на эти участки, продолжало входить въ составъ волостного тягла, и крестьяне, на нихъ сидѣвшіе, становясь съемщиками монастырской земли, продолжали оставаться членами волостного міра, какъ тяглой организаціи. Въ этомъ случаѣ сталкивались два противоположныя

мища всякихъ государевыхъ податей и въ мірскіе розметы платить не велѣно". Пр. Д. 1637 № 10. Сборъ за даточныхъ людей „не съ нашихъ крестьянскихъ черныхъ земель (нѣсколькихъ волостей Сольвычегодскаго уѣзда), велѣно, государь, взяти и справити съ ихъ монастырскихъ съ бѣлыхъ земель, а не съ насъ, государь, твоихъ тяглыхъ крестьянъ".

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 11. „На Усть-Моржу монастырь Николы чудотворца..... Николы жъ чудотворца, что они купили изъ черныхъ волостей у Гришки Ѳомина въ 7097 г. въ волости на Моржу и въ Шасткахъ, а государевы подати платятъ съ волостными людьми по прежнему, жеребей деревни" и т. д.

воззрѣнія. Съ точки зрѣнія волостного міра черная земля, пріобрѣтаемая монастыремъ, продолжала оставаться государевой черной землею, и монастырь по тѣмъ его участкамъ, которые попадали въ его руки, долженъ былъ становиться членомъ волостного міра наряду съ прочими держателями черной земли и нести вмѣстѣ съ ними по разверсткѣ причитающуюся на его участки долю тягла. Въ монастырской же средѣ быстрѣе, чѣмъ въ крестьянской, развивалась идея земельной собственности, и поэтому монастырь стремится „освоить“ попадавшую въ его руки черную землю, превратить ее въ полную собственность. Это освоеніе выражалось въ прекращеніи всякаго рода общинныхъ отношеній къ волостному міру, въ захватѣ угодій, находившихся прежде въ общемъ пользованіи и прежде всего въ обособленіи отъ міра при отбываніи тягла по землѣ, если только не удавалось совсѣмъ освободиться отъ тягла. Въ писцовой книгѣ это обособленіе выражается отдѣльнымъ отъ черныхъ земель волости описаніемъ монастырскихъ вотчинъ. Изъ этой двойственности и возникали раздоры. Черные крестьяне жаловались правительству, что монастыри съ своихъ земель податей не платятъ, что прежде старцы всякія государевы подати платили съ ними, крестьянами, вмѣстѣ, а нынѣ никакихъ податей съ ними платить не учали, невѣдомо для чего, что на нихъ, крестьянахъ, однако тѣ деньги казна ежегодно взыскиваетъ, и что они, платя за монастырскія вотчины, въ конецъ погибли. Въ свою очередь монастыри были недовольны финансовыми порядками, царившими въ черныхъ волостяхъ, и жаловались, что эти волости разверстываютъ подати не по вытямъ, которыя обозначены въ писцовыхъ книгахъ, а вводятъ свой произвольный „бѣлочный окладъ“, что при этомъ монастырскія земли крестьяне облагаютъ вдвое, втрое и даже впятеро противъ земель своей братіи. Далѣе монастыри заявляли, что волостные міры подвергаютъ немилосердному правежу монастырскихъ посельскихъ и ключниковъ, управляющихъ монастырскими деревнями, также и монастырскихъ половниковъ; устанавливаютъ мірскіе поборы на кормы и разносы въ почесть воеводамъ и приказнымъ людямъ, въ которыхъ монастыри не были заинтересованы, такъ какъ, очевидно, могли снискивать расположеніе администраціи иными путями; собранными деньгами распоряжаются недобросовѣстно, задерживаютъ ихъ у себя, „на винѣ пропиваютъ и на харчу проѣдаютъ“, сами корыстуются и расписываютъ въ бездѣльныя издержки; заключаютъ мірскіе займы безъ вѣдома и согласія монастырей, причемъ выдаютъ на себя двойныя и тройныя кабалы и потомъ взыскиваютъ съ монастырей деньги для расплаты по нимъ, не сообщаютъ монастырямъ никакой отчетности, не приглашаютъ монастырскихъ крестьянъ на совѣты и обходятъ ихъ избраніемъ на вліятельныя земскія должности[1]).

---

[1]) Вотъ примѣры. Р. И. Б. XIV, Б, № VI. 1558 г. Столкновеніе Устюжскаго Троицкаго Гледенскаго монастыря съ станами Быкокурскимъ и селами Петровскимъ и Пятницкимъ, взимавшими намѣстничьи и волостелины доходы съ монастырскихъ крестьянъ и привлекавшими ихъ къ суду выборныхъ властей; Пр.

Челобитныя съ жалобами и взаимными упреками летятъ съ той и другой стороны въ московскіе приказы. Монастырь заканчиваетъ каждую челобитную неизбѣжнымъ ходатайствомъ, чтобы государь пожаловалъ, ве-

---

Д. 1627 № 9. 1627 г. Столкновеніе Комарицкаго стана съ Телѣговымъ монастыремъ: „и съ тѣхъ монастырскихъ деревень они, старцы, податей съ мірскими людьми передъ прежними годами сполна не платятъ и въ службы крестьянъ къ государеву къ таможенному и кабацкому собранью и въ волостныя рядовыя службы не даютъ"; Пр. Д. 1627 № 9. Столкновеніе Ягрышской волости Устюжскаго уѣзда съ Антоніевымъ Сійскимъ монастыремъ: „и въ прежнихъ, государь, годѣхъ по писцовымъ книгамъ съ тѣхъ деревень Сійскаго монастыря игуменъ Іона и братія съ нами, сиротами, твою государеву дань и оброкъ, и четвертные доходы платили вмѣстѣ побѣлочно и повытно по сохамъ. А нынѣчи, государь, съ тѣхъ деревень игуменъ съ братіею твоихъ, государевыхъ, податей дани и оброку, и четвертныхъ доходовъ не платятъ"...; Пр. Д. 1627 № 9. Столкновеніе Черевковской волости Устюжскаго уѣзда съ Спасскимъ Сестринскимъ монастыремъ на Вагѣ: „и тѣ, государь, крестьяне насъ, нищихъ твоихъ богомольцевъ, лаяли и безчестили, и хотѣли побить до смерти, а просятъ денегъ не по твоему государеву указу и не по писцовымъ книгамъ;" Пр. Д. 1627 № 9. Въ Устюжской четверти „написано въ докладъ: въ нынѣшнемъ во 138 г. бьютъ челомъ... Введенскаго монастыря архимаритъ Тихонъ съ братіею и иныхъ монастырей, которыхъ на Устюгѣ и у Соли Вычегодской монастырскія вотчины есть.., государь царь... и отецъ его... свят. патріархъ пожаловали бъ Введенскаго монастыря и иныхъ монастырей старцевъ, съ ихъ монастырскихъ отчинъ дани и оброку, и никакихъ государевыхъ податей и денежныхъ поборовъ, и казачьихъ хлѣбныхъ запасовъ и кормовъ съ сошными людьми опричь ямскихъ денегъ и стрѣлецкихъ запасовъ, и городового, и острожнаго дѣла имѣть не велѣли. А волостные крестьяне Устюжскаго и Усольскаго уѣздовъ государю царю... бьютъ челомъ...., государь бы ихъ волостныхъ крестьянъ пожаловалъ за тѣ монастырскія деревни своихъ государевыхъ податей на нихъ имать не велѣлъ, а велѣлъ бы съ тѣхъ деревень всякія подати платить... имъ, старцомъ, съ ними крестьяны вмѣстѣ, чтобъ имъ отъ тѣхъ старцевъ вконецъ не погинуть и врознь не разбрестись"; Пр. Д. 1632 № 80. Столкновеніе Телѣгова монастыря съ Комарицкимъ станомъ: „бьютъ челомъ.. нищіе богомольцы... Телѣгова монастыря игуменъ Мисайло да старецъ Марко съ братьею. Въ прошломъ, государи, во 138 г. били челомъ вамъ... Устюжскаго уѣзда Комарицкаго стану ябедникъ Василій Гнида да Леонтій Зайковъ ложно, солгавъ на насъ, въ челобитную не писали, потаили писцовы книги и сотныя грамоты, что Телѣгова монастыря вотчинныя деревнишка и починки въ писцовыхъ книгахъ и въ сотныхъ грамотахъ писаны особь Комарицкаго стану всѣхъ волостей. И по ихъ ложному челобитью и по великимъ посуломъ и поминкомъ дьякъ Михайло Смываловъ, норовячи имъ, мужикомъ, въ выписку написалъ вамъ, государямъ, въ докладъ, платить де Телѣгова монастыря съ вотчины съ волостными людьми всякіе денежные доходы; а въ волостяхъ въ писцовыхъ книгахъ нашихъ Телѣгова монастыря вотчинъ у нихъ нѣтъ и имъ цѣловальникомъ и денежнымъ сборщикомъ имать на насъ всякихъ денежныхъ доходовъ не почему, а намъ имъ платить не почему жъ; наши Телѣгова монастыря вотчины писаны въ писцовыхъ книгахъ и въ сотныхъ грамотахъ Микиты Вышеславцева, да подьячаго Агея Ѳедорова особь Комарицкаго стану всѣхъ

лѣлъ ему выдать „особную отпись", т. е. приказалъ отписать монастырскія владѣнія отъ волостей въ платежѣ сборовъ. Наоборотъ, волости, которымъ невыгодно было лишаться такихъ сильныхъ плательщиковъ, постоянно

волостей;" Пр. Д. 1632 № 80. Столкновеніе Николо-Прилуцкаго монастыря Устюжскаго уѣзда съ Алексинскимъ станомъ Сольвычегодскаго у.: „бьютъ челомъ твои государевы нищіе богомольцы Ярокурскаго стану съ Двины Николы чудотворца Прилуцкаго монастыря игуменъ Игнатьище съ братіею. Жалоба, государь, намъ Усольскаго Алексинскаго стану на выборнаго земскаго судью на Нехорошаго Степанова с. Пирогова съ товарищи да на розрубного цѣловальника на Пятого Тихонова сына Манакова и на всѣхъ крестьянъ Алексинскаго стану въ таковѣ дѣлѣ. Въ прошломъ, государь, во 122 г. по твоему государеву... указу дана Николѣ чудотворцу въ монастырь твоя государева жаловальная грамота за приписью твоего государева думнаго дьяка Петра Третьякова на погостъ на Васильеву Гору по прежнимъ царскимъ жаловальнымъ грамотамъ и по той твоей государевѣ жаловальной грамотѣ, и по писцовымъ книгамъ Парѳена Мансурова да Ивана Благово, да подьячаго Василія Архипова велѣно намъ нищимъ съ тое съ Васильевы Горы платить въ твою государеву казну за дань и за оброкъ, и за ямскія деньги, и за всякіе твои государевы четвертные доходы по рублю по четыре алтына по полуторѣ деньги на годъ. А нынѣшняго, государь, 139 года Алексинскаго стана судья Нехорошій Пироговъ съ товарищи да цѣловальникъ Пятой Манаковъ и всѣ крестьяне, умысля своимъ ставомъ и заговоромъ, положили на тое Васильеву Гору побѣлочную дань своимъ произволомъ мимо твою государеву жаловальную грамоту и мимо писцовыхъ книгъ своимъ насильствомъ"; Ibid. Подобное же столкновеніе Черевковской волости Устюжскаго уѣзда съ Антоніевымъ Сійскимъ монастыремъ; Пр. Д. 1636 № 76. Жалоба Комарицкаго стана и Орловской волости на Архангельскій Устюжскій монастырь: „и архимаритъ съ братьею съ тѣхъ своихъ монастырскихъ деревень твоихъ государевыхъ податей по мірскому окладу бѣлочному, какъ у насъ изстари велося, не платятъ, чинятся сильны". Пр. Д. 1636 № 76. „Царю государю... бьютъ челомъ твои царскіе нищіе богомольцы Устюга В. Архангельскаго монастыря архимаритъ Пафнутій съ братіею. Жалоба, государь, намъ Устюжскаго уѣзда Двинскіе трети Комарицкаго и Вондокурскаго стану и Юрьева Наволока, и Уфтюжской, и Ярокурской, и Южскіе трети Быкокурскаго стану, Ивановской, Орловской и Варженской волостей и Митрополья, и Сухонскаго чернаго стану и Ерогоцкой волости на земскихъ судеекъ, и на старостъ, и на цѣловальниковъ, и на денежныхъ сборщиковъ..... Имали съ нашихъ вотчинныхъ деревнишекъ всякіе твои государевы четвертные денежные доходы и московскій запасъ, и ямскія деньги по своему волостному самовольному окладу по розрубнымъ спискамъ побѣлошно, а не по твоему государеву указу и не по писцовымъ книгамъ"; Пр. Д. 1637 № 35. Жалоба Ягрышской волости Устюжскаго уѣзда на игумена съ братіею Антоніева Сійскаго монастыря: „есть въ нашей въ Ягрышской волости по сотной книгѣ полдеревни Аѳанасьевскія, а владѣютъ тою полудеревнею того Сійскаго монастыря игуменъ съ братіею, а данныхъ и оброчныхъ денегъ, и всякихъ твоихъ государевыхъ четвертныхъ доходовъ и ямскихъ денегъ съ тое полудеревни съ міромъ не платятъ семь годовъ со 138 и до 146 г.;" Пр. Д. 1638 № 10. Жалоба волости Старой Тотьмы Тотемскаго уѣзда на Николо-Угрѣшскій монастырь, не платящій съ міромъ государевыхъ податей и мірскихъ розметовъ

просятъ, чтобъ государь предписалъ сохранить прежній порядокъ, монастырямъ платить вмѣстѣ съ волостными людьми. Правительство по большей части поддерживало міры, стояло за старый порядокъ, предписывая

съ деревни Мосѣева, несмотря на то, что въ сотной написано „платить съ нами волостными крестьяны врядъ потому, что та деревня была волостная, а не монастырскихъ земель и сошнымъ письмомъ приписана къ нашей волости;" Пр. Д. 1638 № 36. Столкновеніе Никольскаго Корельскаго монастыря съ Архангельскимъ посадомъ по поводу того, что земскіе старосты ставятъ воеводъ на монастырскомъ дворѣ послѣ того, какъ въ 1636 г. сгорѣлъ воеводскій дворъ. По тому же поводу жалоба Антоніева Сійскаго монастыря на Архангельскій посадъ; Пр. Д. 1638 № 70. Жалоба Ратмировской волости Сольвычегодскаго уѣзда на Архангельскій Устюжскій монастырь и на посадскихъ людей въ неплатежѣ съ міромъ тягла по владѣемымъ ими въ волости деревнямъ; Пр. Д. 1639 № 45. Челобитье Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря на Сольвычегодскій посадъ и волости Сольвычегодскаго у.: „въ прошломъ во 142 г. сольвычегодскіе посадскіе люди и волостные уѣздные крестьяне били челомъ государю на нихъ (старцевъ) ложно, чтобъ имъ съ того соляного промыслу съ варницы и съ двора, и съ поженъ съ ними усольцы съ посадскими людьми и съ волостными уѣздными крестьяны платить всякія государевы подати вмѣстѣ и всякіе ихъ мірскіе розметы и въ харчи;" А. И. III. № 202. Столкновеніе Варламовой Троицкой пустыни съ крестьянами Гаенской полусошки Чердынскаго уѣзда; Пр. Д. 1641 № 42. Жалоба Быкокурскаго стана Устюжскаго у. на устюжскіе монастыри Архангельскій и Троицкій въ неплатежѣ денегъ; Пр. Д., 1646 № 22. „Въ Новгородской чети въ отпускѣхъ написано: въ прошломъ во 142 г. били челомъ отцу нашему в. г. ц..... Михаилу Ѳеодоровичу... Кевролъскаго уѣзду Чакольскаго станку Преображенскаго монастыря строитель старецъ Христофоръ съ братіей: Чакольскаго де станку крестьяне емлютъ съ нихъ съ Щелецкіе деревни съ купленныхъ и съ закладныхъ, и съ данныхъ земель сверхъ данныхъ и оброчныхъ денегъ себѣ въ помочь во всякіе расходы многія деньги, какъ они ѣздятъ къ Москвѣ для своихъ дѣлъ и какъ ѣздятъ въ Кевролу бити челомъ воеводамъ о своихъ нужахъ. Да тѣ жъ де чакольскіе крестьяне емлютъ съ нихъ въ воеводскія дворовыя подѣлки и въ кормы, и въ подводы, какъ ѣздятъ воеводы изъ Кевролы къ Мезени и приставы по волостямъ для мірскихъ дѣлъ. Да они жъ де чакольцы емлютъ съ нихъ въ пеню убитыхъ головъ, какъ гдѣ объявится убитой человѣкъ, хотя не близко ихъ пустыни. Да и въ иные де свои во всякія мелкія издержки съ нихъ сбираютъ напрасно и бьютъ де ихъ въ тѣхъ своихъ расходѣхъ на правежѣ нещадно;" Р. И. Б. XII. Б. № LVI, Жалоба Троицкаго Гледенскаго монастыря на Яхренгскую волость; Пр. Д. 1650 № 30. „Царю государю... бьютъ челомъ богомольцы твои Устюга В. Архангельскаго монастыря архимаритъ Игнатій съ братьею. Есть, государь, въ Устюжскомъ уѣздѣ въ розныхъ станѣхъ и въ волостяхъ Архангельскаго монастыря тяглыя деревнишка. А платили мы съ нихъ всякіе твои государевы денежные доходы и стрѣлецкія деньги, и въ ямскую гоньбу, и ружныя деньги, и за сибирскіе хлѣбные запасы, и въ мірскіе расходы, и въ прирубныя лишнія деньги по ихъ сильному бѣлочному окладу волостнымъ земскимъ судейкамъ и старостамъ, и цѣловальникомъ, и сборщикомъ. А взявъ они у насъ тѣ твои государевы доходы и стрѣлецкія, и ямскія, и ружныя деньги, и за сибирской запасъ и задерживаютъ у собя, и

монастырямъ „платить съ волостными людьми вмѣстѣ всякіе денежные доходы по прежнему, какъ то изстари повелося". Иногда, впрочемъ, требовало уплаты и отбыванія врядъ съ міромъ только нѣкоторыхъ податей и повинностей, а именно: ямскихъ денегъ, стрѣлецкихъ запасовъ и городового дѣла, разрѣшая всѣ остальныя подати платить отдѣльно въ однихъ случаяхъ прямо въ Москвѣ въ приказъ, въ другихъ въ мѣстную воеводскую избу. Иногда же монастырю удавалось совершенно обособиться отъ міра въ платежѣ податей [1]). Безконечныя пререканія и взаимныя жалобы устюжскихъ и сольвычегодскихъ монастырей съ земскими мірами въ платежѣ податей побудили правительство выработать общія нормы для разверстки податей между ними. Были изданы два сепаратные указа въ 1681 и 1690 гг., которыми опредѣлялся порядокъ платежа податей этими монастырями. По этимъ указамъ за основаніе и за раздѣльную грань приняты писцовыя книги 1620-хъ годовъ. Съ монастырскихъ вотчинъ, отписанныхъ въ этихъ книгахъ особо отъ міровъ въ платежѣ податей, платежи должны были производиться монастырями отдѣльно отъ міровъ; съ вотчинъ, не отписанныхъ особо въ книгахъ 1620-хъ годовъ, а также съ вотчинъ, пріобрѣтеніе которыхъ монастырями состоялось послѣ этихъ книгъ и было поэтому сомнительной законности въ глазахъ правительства, платежи должны были идти въ рядъ съ волостными мірами. Это значитъ, что правительство поддерживало взглядъ волостныхъ міровъ на землевла-

---

на винѣ пропиваютъ, и на харчу въ лабаняхъ (sic) проѣдаютъ, и лишними прирубными деньгами сами корыстуются и росписываютъ въ бездѣльныя издержки... Да они жъ, государь, займуютъ во весь міръ въ кабалы деньги, а пишутъ, будто заняли на мірской расходъ. А кабалы даютъ двойныя и тройныя, а мы, государь, про тѣ кабалы не вѣдаемъ и денегъ займовать не велѣли, и въ кабалахъ не писаны. И въ тѣ кабалы и въ убытки по стачкѣ норовя долгое время розрубаютъ и собираютъ по насъ же по бѣлочному своему окладу. И въ тѣхъ во всякихъ лишнихъ платежахъ твоему царскому богомолью Архангельскому монастырю и намъ, нищимъ твоимъ богомольцамъ, чинятся убытки великіе и оскудѣніе;" Пр. Д. 1650 № 57, л. 22—37. Столкновеніе Николо-Прилуцкаго монастыря Устюжскаго уѣзда съ Алексинскимъ становъ Сольвычегодскаго уѣзда; Пр. Д. 1650 № 54. Жалоба Челмохотской и Пукшенгской волости Двинскаго уѣзда на Антоніева Сійскаго монастыря игумена Ѳеодосія съ братіею: „въ прошлыхъ, государь, годѣхъ того Сійскаго монастыря прежній игуменъ Іона съ братьею завладѣли Челмохотской волости твоимъ государевымъ стариннымъ тягломъ, деревни Левковы сѣнными покосы за Двиною рѣкою пожнею Залѣсьемъ... А твоихъ государевыхъ всякихъ податей и въ отпуски, и въ земскіе расходы розрубныхъ денегъ съ нами, сироты твоими, не платятъ и служебъ не служатъ". Р. И. Б. XII, Б. № CXLV. 1684 г. Коллективная челобитная всего духовенства Устюжской епархіи съ жалобой на непомѣрное обложеніе со стороны міровъ и т. д.

[1]) Напр., арх. мин. юст. писц. кн. 142; 1608 г. „На Вычегдѣ въ Плесовской волости Спасскій монастырь на усть—рѣчки Сойги....а съ Плесовскою волостью Спасскому игумену съ братьею государевыхъ податей никакихъ не давати и не тянути съ ними ни во что".

дѣніе монастырей. Черная земля, пріобрѣтаемая монастыремъ, должна оставаться черной, и монастырь, дѣлаясь ея держателемъ, тѣмъ самымъ долженъ былъ становиться членомъ земскаго міра. Но изданные указы не внесли однако успокоенія. Въ 1692 г. хлопоталъ объ умиреніи монастырскихъ властей съ земскими мірами устюжскій архіепископъ Александръ, поручая своему казначею устроить соглашеніе мірскихъ представителей съ монастырями при посредствѣ виднаго устюжскаго коммерсанта гостя Василія Грудцына, пользовавшагося, повидимому, расположеніемъ архіепископа и, несомнѣнно, вліяніемъ въ устюжскихъ и сольвычегодскихъ земскихъ сферахъ. Соглашеніе имѣло цѣлью производство окончательнаго расчета въ платежахъ прежнихъ лѣтъ съ тѣмъ, чтобы впредь въ платежахъ верстаться и окладываться по доходамъ, по правдѣ. Оно однако не состоялось, и въ 1695 г. мы видимъ опять столкновеніе устюжскаго всеуѣзднаго земскаго міра съ монастырями. Въ этихъ раздорахъ ихъ застаетъ и XVIII столѣтіе[1]).

Итакъ, сѣверный монастырь возникалъ или какъ уединенная пустынь среди глухого дикаго лѣса или на берегу негостепріимнаго моря, гдѣ одинокій отшельникъ совершалъ аскетическіе подвиги, и такія пустыни не перестаютъ возникать вновь и въ теченіе XVII в.; или какъ учрежденіе общественнаго призрѣнія, сооружавшееся по близости посада или волости, поддерживаемое земскимъ міромъ, интересамъ котораго это учрежденіе должно было служить. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи тѣ и другіе монастыри на сѣверѣ пріобрѣтали однѣ и тѣ же черты. Это были убѣжища, гдѣ находили себѣ пріютъ, заполняя собою монастырь, мірскіе люди вкладчики, не порывавшіе своихъ отношеній съ внѣшнимъ міромъ; это были промышленныя или землевладѣльческія компаніи, которыя вели коммерческія, а также банкирскія операціи, торговали не только продуктами эксплуатаціи своихъ владѣній, но и деньгами. Путемъ правительственныхъ пожалованій, а затѣмъ все болѣе путемъ частныхъ сдѣлокъ: вклада, купли и залога— монастыри скопляли въ своихъ рукахъ большія количества земли на сѣверѣ и становились могущественными, опасными и безпокойными сосѣдями черныхъ волостей, съ которыми постоянно приходили въ столкновеніе и вели тяжбы изъ за крестьянскихъ побѣговъ, земельныхъ владѣній, разверстки и платежа податей. Монастырь получалъ такимъ образомъ двойственный характеръ учрежденія, гдѣ аскетическіе идеалы отлично уживались съ хозяйственною дѣйствительностью. Вотъ почему и отношеніе общества къ монастырю на сѣверѣ было также двойственнымъ. Находя душевный миръ и тѣлесный покой подъ сѣнью монастырскихъ святынь, къ которымъ оно благоговѣйно притекало, оно постоянно опасалось монастыря, какъ экономическаго конкуррента и, неся ему обильныя приношенія деньгами и землею въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ, оно постоянно ссорилось и судилось съ монастыремъ изъ-за тѣхъ же земель и денегъ въ составѣ земскаго міра.

---

[1]) Р. И. Б. XII. Б. №№ CCLIII, CCXXVIII.

Глава VII.

Частновладѣльческія земли.

До сихъ поръ мы разсматривали виды коллективнаго землевладѣнія въ Поморьѣ: земли, принадлежавшія государству и церковнымъ учрежденіямъ. Тотъ видъ земель, къ которому мы теперь обратимся, имѣетъ характеръ землевладѣнія индивидуальнаго. Землю, находившуюся въ такомъ владѣніи, мы и называемъ частновладѣльческой землей. Сюда относятся во-первыхъ помѣстья служилыхъ людей, во-вторыхъ вотчины лицъ, принадлежавшихъ къ группѣ такъ называемыхъ бѣломѣстцевъ.

Древнерусское Поморье вообще характеризуется отсутствіемъ помѣстнаго землевладѣнія; послѣднее мы все же встрѣчаемъ—и это единственный случай—въ микроскопическомъ, правда, количествѣ въ Заонежьѣ, гдѣ по переписной книгѣ 1646 г. значатся 92 двора за служилыми людьми, дворянами и дѣтьми боярскими въ помѣстьяхъ, въ томъ числѣ 34 двора въ Важенскомъ погостѣ за дѣтьми боярскими новгородскаго митрополита. Всѣ помѣстья мелки по размѣрамъ; это отдѣльные миніатюрные клочки, перешедшіе за предѣлы распространенія помѣстной формы землевладѣнія и затерявшіеся среди окружающей ихъ массы черныхъ земель[1]). Помѣстья, строго говоря, были государственною землею, отдававшеюся служилымъ людямъ во владѣніе, но мы не выдѣляемъ ихъ въ особую группу въ виду ихъ немногочисленности и въ виду той близости ихъ къ служилымъ вотчинамъ, которая становится очень замѣтной въ XVII в.

Наибольшую часть частновладѣльческихъ земель составляли вотчины. Эти частновладѣльческія вотчины слѣдуетъ отличать отъ земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ черным крестьянамъ, членамъ черныхъ волостей, хотя они называли ихъ также вотчинами, а себя вотчичами. Различіе это

---

[1]) По погостамъ помѣстья распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: въ Шуйскомъ—26 дв.; въ Шунгскомъ 20 дв.; въ Важенскомъ 34 дв.; въ Андомскомъ—12 дв. Всего 92 дв. Кромѣ того въ Петровскомъ Челможскомъ погостѣ находилась вотчина Исаака Ермолаева—5 деревень, 13 дворовъ. Въ итогѣ переписной книги дворы этой вотчины присчитаны къ дворамъ помѣстій. Арх. мин. юст. писц. кн. 980.

заключалось какъ въ отношеніи самихъ ихъ владѣльцевъ, такъ и правительства къ тѣмъ и другимъ вотчинамъ. Черные крестьяне совершали, какъ мы видѣли, на свои участки всевозможные акты распоряженія, но все же вспоминали о государствѣ или государѣ, какъ верховномъ собственникѣ своихъ земель, по крайней мѣрѣ, когда начинали размышлять о своихъ правахъ на землю. Вотчинники частновладѣльческихъ вотчинъ, бѣломѣстцы, о верховномъ собственникѣ не упоминаютъ, такъ какъ считаютъ себя полными собственниками своихъ земель. Ту же разницу въ отношеніи къ двумъ родамъ вотчинъ мы видимъ и со стороны правительства. На крестьянскіе участки оно смотрѣло, какъ на государственную землю, и этотъ взглядъ проявлялся во-первыхъ въ пожалованіяхъ этой земли съ населявшими ее крестьянами монастырямъ, церковнымъ каѳедрамъ и частнымъ лицамъ, такъ что крестьянскія „вотчины" съ ихъ вотчичами рисковали каждый день быть отданными въ частную собственность, и это совершалось однимъ взмахомъ пера въ московскомъ приказѣ. Частновладѣльческихъ же вотчинъ правительство не могло пожаловать кому либо другому безъ предварительнаго отчужденія ихъ отъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ, хотя бы путемъ конфискаціи. Вторымъ проявленіемъ того же взгляда со стороны правительства было вмѣшательство его въ право распоряженія черныхъ крестьянъ ихъ участками, которое оно стѣсняло. Не мѣшая до времени переходу участковъ изъ рукъ въ руки межъ самими крестьянами, оно неоднократно въ теченіе XVII в., какъ приходилось выше говорить, запрещало отчуждать ихъ въ некрестьянскія руки[1]). Въ право распоряженія частновладѣльческими вотчинами правительство XVII в. не вмѣшивалось и такими

---

[1]) Въ XVIII в. правительство запретило окончательно черносошнымъ крестьянамъ распоряженіе своими участками межевой инструкціей 1754 г. и отмѣнило право наслѣдованія въ крестьянскихъ земляхъ. „Это своего рода національзація земли", пишетъ проф. Сергѣевичъ, „чѣмъ это не соціализмъ? Частная собственность на крестьянскія земли отмѣнена. Это теперь государственныя земли; онѣ состоятъ во владѣніи не лицъ, а поселеній. По смерти наличныхъ владѣльцевъ, онѣ идутъ не къ наслѣдникамъ умершихъ, а къ селамъ, которыя вновь распредѣляютъ эти земли между своими членами для уравненія". *Сергѣевичъ*, Крестьянскія права и общинное землевладѣніе въ Архангельской губерніи. Ж. М. Юст. 1907, февраль, стр. 13—14. Но почтенный авторъ напрасно видитъ во взглядахъ, проведенныхъ межевой инструкціей 1754 г. нѣчто совершенно новое, радикальный переломъ. Такихъ же взглядовъ на участки черныхъ крестьянъ, какъ на государственную землю, держалось и правительство XVII в., рядомъ указовъ запрещавшее крестьянамъ отчуждать ихъ посредствомъ продажи, залога или вклада въ монастыри. См. гл. V. Если сами крестьяне, совершая на свои земли всевозможныя сдѣлки, забывали о верховномъ ихъ собственникѣ, то правительство никогда не сходило съ той точки зрѣнія, что земли черносошныхъ крестьянъ—государственныя земли; такъ что елизаветинскій сенатъ, издававшій инструкцію 1754 г., дѣйствовалъ смѣло, но въ строго консервативномъ направленіи. Земли черносошныхъ крестьянъ стали государственными не съ половины XVIII в., а продолжали ими быть въ XVI и XVII вв.

запрещеніями его не ограничивало. Итакъ, черные крестьянскіе участки, ихъ „деревни“ и доли деревень, это—государственная земля, находящаяся во владѣніи крестьянъ. Частновладѣльческая вотчина, это—полная собственность ея владѣльца въ тѣхъ по крайней мѣрѣ формахъ, какія знала поземельная собственность въ XVII в. Можно думать, что эти частновладѣльческія вотчины на Сѣверѣ были въ XVII вѣкѣ тѣмъ, чѣмъ въ новгородское время были земли такъ называемыхъ „своеземцевъ“, которые владѣли ими на правѣ полной собственности.

При значительной неясности земельныхъ отношеній и при нетвердости самаго права на землю въ XVI и XVII вв. различія въ этомъ правѣ зависѣли не столько отъ самой земли или отъ того юридическаго акта, которымъ устанавливалось право, сколько отъ юридическаго состоянія самого владѣльца. Участокъ черной государственной земли, попадая въ руки чернаго крестьянина, продолжалъ оставаться черной землей; попадая по совершенно однородному акту въ руки „бѣломѣстца“, какими были служилые люди, духовныя лица или посадскіе люди высшихъ слоевъ, этотъ участокъ подвергался „освоенію“. Въ чемъ же заключалось это освоеніе? На черную землю начинаютъ переноситься признаки бѣлой земли. Она становится полной собственностью, притомъ въ этомъ случаѣ личной, стремится выйти изъ тѣхъ общинныхъ отношеній, въ которыхъ находятся черные участки, какъ земельныхъ, такъ и податныхъ и даже, болѣе того, освободиться отъ того тягла, которое несутъ крестьянскіе міры. Понятіе о полной собственности у бѣломѣстцевъ сказывалось въ отсутствіи у нихъ той идеи о верховномъ собственникѣ—государѣ, которую мы замѣчаемъ въ сознаніи крестьянъ—владѣльцевъ. Освобожденіе частновладѣльческой вотчины отъ принадлежности къ волостному тяглому міру выражалось въ описаніи ея въ писцовой книгѣ особою статьею, отдѣльно отъ земель членовъ міра. Черный крестьянинъ всегда членъ волостного міра. Строго говоря и бѣломѣстецъ, пріобрѣтая крестьянскій участокъ, долженъ былъ бы становиться членомъ этого міра. Но бѣломѣстецъ всегда склоненъ освобождать землю отъ тягла, т. е. „обѣлять“ ее. Обѣленная же земля выходитъ изъ состава земель, несущихъ на себѣ тягло, которымъ обложенъ волостной міръ.

Разсматривая количественное отношеніе, въ какомъ находились частновладѣльческія земли къ землямъ другихъ категорій въ Поморьѣ по писцовымъ книгамъ XVII в., мы прежде всего должны отмѣтить нѣсколько обширныхъ районовъ, въ которыхъ мы вовсе не замѣтили частновладѣльческихъ земель. Таковы уѣзды: Каргопольскій, Кольскій, Двинскій[1]), Мезенскій, Устьянскія волости и Чарондская округа. Наименьшій % такія владѣнія составляютъ въ Вятской землѣ, 0_7%—6 дворовъ въ 1678 г.

---

[1]) Въ Двинскомъ уѣздѣ если и были частновладѣльческія вотчины, то развѣ только миніатюрныхъ размѣровъ, подобно указанной г. *Лаппо-Данилевскимъ*, Организація прямого обложенія, 100—101. По писцовымъ книгамъ ихъ не видимъ.

Въ уѣздахъ Устюжскомъ, Тотемскомъ, Чердынскомъ и въ Заонежьѣ они равняются 1%. Значительную разницу съ этими мѣстностями мы видимъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, гдѣ находятся уже владѣнія Строгановыхъ, 6% по переписи 1625 г. и 8% по переписи 1678 г. Совершенно исключительное положеніе занимаетъ Соликамскій уѣздъ, царство Строгановыхъ, гдѣ частное землевладѣніе въ первой половинѣ вѣка преобладаетъ: 71%—1032 двора въ 1623 г., а съ середины столѣтія сосредоточиваетъ въ себѣ немногимъ менѣе половины всего населенія: 47%—1759 дворовъ въ 1640-хъ годахъ и 44%—2737 дворовъ по переписи 1678 г.

Частновладѣльческія вотчины пріобрѣтались различными путями, изъ которыхъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть правительственное пожалованіе. Жаловались какъ земли никѣмъ не занятыя, такъ и населенныя. Примѣромъ пожалованія перваго рода могутъ служить двѣ грамоты Василія III, данныя одна—въ 1517 г. тремъ братьямъ Лукинымъ, да Ромашкѣ Фролову на лѣсъ дикій старый, липовое раменье, въ Вондокурской волости Устюжскаго уѣзда, а другая—въ 1524 г. компаніи изъ пяти лицъ: Наумку Кобелю съ товарищи на соляные ключи въ Двинскомъ уѣздѣ „на лѣсу на черномъ", гдѣ по показанію членовъ компаніи „дворы и пашни не бывали отъ вѣка, а отъ волости тѣ мѣста за 20 верстъ со всѣхъ сторонъ, и угодья къ тѣмъ мѣстамъ не пришли никоторыхъ волостей". Въ обоихъ случаяхъ было дано право эксплуатировать пожалованныя мѣстности, лѣсъ сѣчь, дворы ставить, соляные ключи чистить, призывать въ нихъ и селить нетяглыхъ и неписьменныхъ, т. е. не записанныхъ въ писцовыя книги людей, съ дарованіемъ послѣднимъ льготы отъ податей, въ первомъ случаѣ на 15, а во второмъ на 10 лѣтъ, съ освобожденіемъ вотчинъ отъ суда великокняжескихъ намѣстниковъ и волостелей и съ уступкой юрисдикціи надъ ихъ будущимъ населеніемъ самимъ вотчинникамъ. Эта передача юрисдикціи показываетъ, что въ обоихъ данныхъ случаяхъ вотчинныя права пожалованныхъ землями лицъ достигали именно той полноты, какою обыкновенно характеризуется древне-русское вотчинное право [1]). Что сталось впослѣдствіи съ этими вотчинами, не извѣстно; выше было уже упомянуто, что въ Двинскомъ уѣздѣ частновладѣльческихъ вотчинъ по писцовымъ книгамъ 20-хъ и 40-хъ годовъ не замѣтно. Такимъ же пожалованіемъ пустыхъ земель во второй половинѣ XVI в. было пожалованіе въ 1558 г. Строгановымъ, владѣвшимъ до тѣхъ поръ землями только въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, „пустого мѣста" въ Пермскомъ краю на сто сорокъ шесть верстъ по обоимъ берегамъ р. Камы внизъ отъ устья р. Лысвы до Чусовой рѣки, также съ правомъ „на черныхъ лѣсахъ городокъ поставити и около того городка по рѣкамъ и по озерамъ, и до вершинъ", т. е. до истоковъ, „лѣсъ сѣчи и пашни распахивать, и дворы ставить, и людей неписьменныхъ и нетяглыхъ называть". Эта строгановская вотчина была также освобождена отъ юрисдикціи правительственныхъ агентовъ и постепенно увеличивалась новыми такими же пожалованіями въ XVI и XVII вв. [2]). Въ срединѣ XVII в.

---

[1]) А. Э. I №№ 163, 385.

[2]) *Дмитріевъ*, Пермская Старина, I, 96; II, 154 и сл.

въ глухомъ Яренскомъ уѣздѣ среди исключительно черныхъ земель оказывается пожалованнымъ въ вотчину князю Ивану Семеновичу Прозоровскому цѣлый черный погостъ Лена по рѣкѣ Ленѣ, правому притоку Вычегды, съ церковью и съ 24 деревнями, въ которыхъ переписная 1646 г. насчитывала 1 дворъ мірской, 68 дворовъ крестьянскихъ и 31 дворъ бобыльскій съ населеніемъ въ 264 души мужескаго пола. Въ предыдущей переписи 1608 г. и въ послѣдующей 1678 г. погостъ Лена значится чернымъ погостомъ, такъ что повидимому княжеской вотчиной онъ былъ недолгое время[1]).

Кромѣ пожалованія частновладѣльческія вотчины, обособлявшіяся отъ волостныхъ міровъ, пріобрѣтались всякаго рода частными сдѣлками. Такъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ Алексинскомъ стану пріобрѣлъ по купчей въ 1625 г. деревню съ 4-мя половничьими дворами протодіаконъ московскаго успенскаго собора Игнатій. Кромѣ этой деревни ему принадлежала еще ¼ деревни въ томъ же уѣздѣ въ Пятницкомъ концѣ, пріобрѣтенная по купчей 1621 г., гдѣ находилась его собственная усадьба, въ которой жилъ его отецъ и 2 двора половничьихъ. Первое его владѣніе записано въ писцовой книгѣ 1625 г. въ ряду съ черными крестьянскими деревнями, но второе уже выдѣлено и записано особою статьею, что даетъ право владѣльцу вносить подати съ принадлежащихъ ему половничьихъ участковъ отдѣльно отъ міра, въ приведенномъ случаѣ отъ общества Пятницкаго конца. Протодіаконъ по званію своему бѣломѣстецъ, и право его на купленныя имъ черныя деревни получаетъ, поэтому, характеръ настоящаго вотчиннаго права. Это уже не „государева земля, его владѣнія", а полная его собственность[2]).—Сынъ боярскій вологодскаго архіерея Ерофей Таракановъ купилъ въ Вилегодской волости Сольвычегодскаго уѣзда въ Никольскомъ приходѣ три деревни. Въ 1650 г. онъ подаетъ челобитную о выдѣленіи его деревень изъ волостного міра, о разрѣшеніи платить подати непосредственно въ Сольвычегодскую воеводскую избу особо отъ крестьянъ Никольскаго прихода[3]).—Въ серединѣ XVII в. въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ вотчину принадлежащую вдовѣ княгинѣ Аннѣ Кирилловнѣ Мышецкой и ея сыну князю Ивану Даниловичу Мышецкому, очутившуюся въ княжескихъ рукахъ весьма любопытнымъ путемъ. Княгиня Анна Кирилловна про-

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 143: „Погостъ Лена на р. Ленѣ стольника кн. Ивана Семеновича Прозоровскаго вотчина". Ср. Пр. Д. 1653 № 114 (въ концѣ), отпускъ грамоты: „собрать Вымскаго уѣзда съ погостовъ и съ волостей, и съ деревень со крестьянъ, и съ архіепискуплихъ, и съ церковныхъ земель, съ крестьянскихъ, и съ бобыльскихъ, и съ половничьихъ, и со вдовьихъ дворовъ по полуполтинѣ съ двора опричь посаду и боярина нашего князя Якова Куденетовича Черкасскаго села Лены. Напечатанное курсивомъ въ отпускѣ грамоты зачеркнуто; очевидно въ приказѣ ошиблись въ имени князя, владѣльца Лены, замѣтили ошибку и зачеркнули невѣрно написанное, не исправивъ его однако въ отпускѣ.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 446.

[3]) Пр. Д. 1650 № 57, л. 56.

исходила изъ знаменитаго коммерческаго рода Босыхъ, имѣвшаго большія владѣнія въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ, и сдѣлала видную для нея партію, выйдя за князя Данилу Ефимовича Мышецкаго, породнившагося съ Босыми, по всей вѣроятности ради поправленія своихъ обстоятельствъ, такъ какъ родъ Мышецкихъ и въ XVII в. былъ въ значительной мѣрѣ захудавшимъ. Вотчина деревня Жеребятево въ Баскачьемъ стану Усольскаго уѣзда была возвращена княгинѣ съ сыномъ изъ земель, описанныхъ на государя у отца ея—гостя Кирилла Алексѣевича и дяди, гостиной сотни Василія Алексѣевича Босыхъ, и продана ею въ 1667 г. крестьянамъ[1]).—Въ Вятской, землѣ, въ Хлыновскомъ уѣздѣ владѣлъ вотчиною, состоявшею изъ 3-хъ деревень съ 6-ю дворами и описанною въ книгѣ 1678 г. особо отъ крестьянскихъ земель Березовскаго стана, „подьячій съ приписью" Степанъ Рязанцевъ, можетъ быть, потомокъ того Рязанцева, котораго вятская писцовая 1629 г. упоминаетъ въ качествѣ „прежняго городового приказчика" въ Хлыновѣ[2]). Соляные промыслы Соликамскаго уѣзда привлекали къ себѣ въ XVII в. не только вниманіе торгово-промышленнаго міра, но также и служилой аристократіи, представители которой заводили тамъ соляныя варницы. По переписной книгѣ 1647 г. бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ владѣлъ въ г. Соликамскѣ тремя дворами, въ которыхъ жили „варнишные работники", а въ 1678 г. одинъ дворъ тамъ принадлежалъ думному дьяку Аверкію Степановичу Кириллову съ племянникомъ С. Ларіоновымъ, за которыми въ Соликамскомъ уѣздѣ на р. Обвѣ находилась вотчина съ ихъ усадьбой, съ 6-ю половничьими и 7-ю бобыльскими дворами[3]).—Въ перечисленныхъ случаяхъ указаны вотчины бѣломѣстцевъ изъ духовенства и изъ служилыхъ людей; но извѣстны въ XVII в. случаи обѣленія и крестьянскихъ земель. Такое обѣленіе, т. е. освобожденіе отъ податей, жаловалось отдѣльнымъ крестьянамъ, какъ награда за какія-нибудь чрезвычайныя заслуги передъ государствомъ, въ началѣ столѣтія въ особенности во время войнъ. По переписной книгѣ 1646 г. въ Заонежьѣ, въ погостахъ Шуйскомъ и Кижскомъ указаны 4 деревни „обѣльныхъ крестьянъ". Освобожденные отъ платежа податей такіе крестьяне не имѣли ничего общаго съ волостнымъ міромъ, и деревни ихъ не описывались даже подробно переписной книгой. Они владѣли своими участками какъ своеземцы, т. е. на томъ же вотчинномъ правѣ, какъ служилые люди. Въ Кеврольскомъ уѣздѣ по писцовой 1623 г. мы встрѣчаемъ владѣніе „за московскимъ веденцомъ" Богданомъ Семеновымъ Щепоткинымъ, состоявшее изъ 7 деревень съ 11 крестьянскими дворами въ разныхъ волосткахъ Кеврольскаго стана. Это, вѣроятно, также остатокъ старинпаго новгородскаго своеземческаго землевладѣнія, сохранившійся почему то въ рукахъ фамиліи, переведенной, „сведеной" въ Москву. Подати съ своихъ деревень Щепоткинъ, какъ отмѣчаетъ книга, платитъ самъ на Москвѣ. Во второй половинѣ XVII в.

---

1) Р. И. Б. XII. Б. № XCIII.

2) Арх. мин. юст. писц. кн. 90; кн. 520, л. 452.

3) Арх. мин. юст. писц. кн. 351, 442, 443, л. 842.

признаковъ частнаго землевладѣнія въ Кеврольскомъ уѣздѣ не встрѣчаемъ[1]).

Наибольшее число такихъ владѣній, приближавшихся къ типу частновладѣльческихъ вотчинъ, обособившихся отъ волостныхъ міровъ, сосредоточивалось въ рукахъ торговопромышленнаго класса, туземнаго и московскаго. Крупные московскіе капиталисты пріобрѣтали земли въ Поморьѣ, привлекаемые его промышленными богатствами. Туземные капиталисты, разбогатѣвшіе торговлей и промыслами, посадскіе люди поморскихъ городовъ, какъ извѣстно, привлекались въ московскій посадъ, гдѣ зачислялись въ гостиную и суконную сотни, а затѣмъ жаловались въ званіе гостей. Но, становясь видными членами московскаго купечества, они не теряли связи съ родными мѣстами, гдѣ сохраняли городскія и деревенскія владѣнія. Иные даже продолжали жить въ Поморьѣ, такъ что правительство должно было примѣнять принудительныя мѣры для ихъ переселенія въ Москву[2]). Получая званіе гостей или гостиной сотни, они переставали быть черными, становились служилыми людьми, въ знакъ чего именовали себя въ челобитныхъ царю уже не сиротами государя, какъ назывались крестьяне и рядовые посадскіе люди, а холопами, какъ именовались дворяне. Вмѣстѣ съ тѣмъ на свои прежнія черныя деревни они усваивали взглядъ, какъ на вотчины, какими были вотчины служилыхъ людей. Въ каждомъ поморскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемъ кружокъ такихъ мѣстныхъ капиталистовъ—гостей или членовъ гостиной сотни, владѣющихъ дворами въ городѣ и деревнями въ уѣздѣ. Таковы были въ Тотьмѣ Булгаковы, Грудцыны, Панкратьевы, Гусельниковы, Палицыны. Въ писцовыхъ книгахъ ихъ деревни писались особо отъ волостныхъ деревень[3]).

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 185.

[2]) Пр. Д. 1646 № 154. „Отъ царя—Алексѣя Михайловича—на Устюгъ В. воеводѣ нашему Ст. Л. Хрущеву да подьячему Ив. Ключареву. По нашему указу велѣно гостемъ и гостиной сотни торговымъ людемъ съ женами и съ дѣтьми, и со всѣми своими животы жить на Москвѣ для нашихъ служебъ, чтобъ имъ торговымъ людемъ по выбору въ наши службы быть готовымъ тотчасъ. И нынѣ живутъ на Устюгѣ В. гостиной сотни торговые люди: Степанъ Яковлевъ сынъ Усовъ, Алексѣй да Василей Грудцыны, Жданъ Толстоуховъ, Василій Скорая Запись, да Алексѣевы дѣти Босого и племянники, да въ Устюжскомъ уѣздѣ Дмитрій Шаръ (изъ фамиліи Момотовыхъ. См. Пр. Д. 1641 № 86: „гостиные сотни Дмитрія Ѳедорова сына Момотова, прозвище Шара") съ братьею, Авдѣй Паламошной съ дѣтьми и со внучаты, Курбата Матвѣева дѣти и племянники, а къ Москвѣ на житье не ѣдутъ и женъ своихъ не везутъ И вы бъ... за поруками выслали ихъ къ намъ къ Москвѣ тотчасъ и съ женами, и съ дѣтьми, и со всѣми ихъ животы. Писанъ на Москвѣ лѣта 1637 генв. 4".

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 485. Итогъ. „А городъ Тотьма и посадъ, и монастырскія и гостиныя вотчины и гостиной сотни Осипа Палицына вотчины, и дворы ихъ, и деревни, и всякія угодья писаны въ своихъ перечняхъ и положены въ сошное письмо и денежными всякими доходы

Крупными капиталистами изобиловали Устюжскій и Сольвычегодскій уѣзды, причемъ владѣнія однихъ и тѣхъ же лицъ находились въ обоихъ уѣздахъ, между которыми, какъ мы знаемъ, была большая черезполосица. Таковы Момотовы[1]), деревни которыхъ значились въ Шольской и Подосиновской волостяхъ Устюжскаго и въ Антропьевой слободѣ Сольвычегодскаго уѣзда. 20 Мая 1632 г. была разграблена разбойниками деревня Островъ, Шольской волости Устюжскаго уѣзда, находившаяся въ совладѣніи четверыхъ Момотовыхъ. Было похищено 412 р. деньгами и множество всякаго домашняго скарба, среди котораго упоминаются: шубы, однорядки и ферязи, кафтаны, 9 шапокъ бобровыхъ и собольихъ съ жемчужными нашивками и др. на 37 руб.; 15 рубахъ мужскихъ шитыхъ золотомъ и шолкомъ на 29 р.; 4 пристежки мужскихъ жемчужныхъ съ бурмицкими зернами на концахъ, цѣною въ 44 р.; богатые женскіе наряды; запасъ оружія, въ томъ числѣ 4 сабли, 5 самопаловъ, 8 луковъ и т. д. Всего денегъ и имущества было похищено только въ этой деревнѣ на 997 р. 10 алт. Изъ описи похищеннаго видно, какимъ богатствомъ владѣла и въ какой роскошной обстановкѣ жила эта крестьянская фамилія[2]).—Таковы далѣе Ревякины[3]), съ вотчинами въ Алексинскомъ стану Сольвычегодскаго уѣзда, Усовы[4]),

---

особь статьями". Чтобы получить представленіе о такого рода вотчинахъ, заглянемъ мимоходомъ во владѣнія гостя Бахтеяра Евсевьича Булгакова, сказка о которомъ была подана въ 1646 г. писцамъ, переписывавшимъ тогда Тотемскій посадъ и уѣздъ. Гостю принадлежалъ дворъ въ Тотьмѣ, въ которомъ жилъ племянникъ его гостиной сотни Григорій Дементьевъ Булгаковъ съ сыномъ Алексѣемъ и при нихъ четверо крѣпостныхъ людей; близъ посада въ Окологородной волости находилась большая деревня, принадлежавшая гостю. Въ усадьбѣ хозяина жило пятеро „дѣловыхъ людей", а затѣмъ собственно въ деревнѣ было 7 дворовъ половничьихъ и 13 бобыльскихъ. Кромѣ того за нимъ было еще 3 деревни въ волостяхъ Старой Тотьмѣ и Демьяновѣ съ 6-ю половничьими дворами. Пр. Д. 1646 № 5. Арх. мин. юст. писц. кн. 15.049, л. 482—485.

[1]) Пр. Д. 1628 № 72; 1640 № 11; 1641 № 42; 1641 № 86: „И въ тѣхъ государь (Шольской и Подосиновской волостяхъ Устюжскаго уѣзда) самая большая пустота..... крестьяне розбрелись врознь гостиныя сотни отъ Дмитрія Ѳедорова сына Момотова, прозвище Шара".

[2]) Р. И. Б. XXV, 117—120.

[3]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 110; 1633 № 4: „бьетъ челомъ гостиной сотни Никифорко Ревякинъ"; 1650 № 57, л. 87—89.

[4]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 131; 1641 № 86: „жалоба намъ..... во всѣхъ крестьянъ мѣсто Черевковскіе волости... гостиной сотни на Ивана Якимова сына Усова съ братьею... Есть, государь, у нихъ въ Черевковской волости купленыя ихъ деревни;" Пр. Д. 1650 № 57, л. 44; Арх. мин. юст. писц. кн. 506, 507: „Въ Варженской волости деревни живущія устюжанина посадскаго человѣка Тимоѳея Усова 3 деревни, 6 дворовъ половничьихъ;" ibid. кн. 451: „Въ Пятницкомъ концѣ и на Назимовѣ, и на Дымковѣ дворы пашенные подъ Устюгомъ подъ посадомъ: гостиные сотни Ивана Усова съ братьею половники во дв." и т. д... во дв. Алексѣй да Василій Юрьевы дѣти Усова съ племянникомъ съ Иваномъ".

Босовы[1]), породнившіеся какъ мы видѣли выше съ князьями Мышецкими, Елезовы-Паламошные[2]), въ концѣ столѣтія Грудцыны[3]) и Шо-

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 72, лл. 293—5; 1630 № 80: „искалъ гостиные сотни торговый человѣкъ Алешка Босово;“ 1631 № 36: „гостиные сотни торговые люди Кирилко Алексѣевъ Босово..... А человѣкъ онъ Кирило на Устюгѣ богатой и семьянистой, роду у него и племени, и должныхъ людей и друзей, и хлѣбояжцевъ много;“ 1638 № 70: гостиной сотни Кирило Алексѣевъ Босово—владѣетъ деревнями въ Ратмировской волости Сольвычегодскаго уѣзда; 1646 № 52: гость Кирило Алексѣевъ Босово; 1646 № 154: „да подъ Устюгомъ подъ посадомъ гостиной сотни богатыхъ людей. Кирила, да Василья, да Ондрея Босыхъ мельница колесная, въ дву анбарехъ шестеры жернова, добываютъ на той мельницѣ отъ молотья за всякими харчами прибытку рублевъ ста по три и по четыре, и больши на годъ;“ 1650 № 30: челобитная Титка Юрьева сына Клыкова: „взятъ я, сирота твой... отъ похолопленья гостиной сотни Ондрея Алексѣева сына Босово“. Любопытное завѣщаніе матери гостя Кирилла Босова, принявшей монашество подъ именемъ старицы Улиты, напечатано въ Р. И. Б. XII, 316—322. Завѣщаніе относится къ 1658 г. Старица подробно распорядилась въ немъ своими денежными капиталами помимо недвижимаго имущества въ городѣ Устюгѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ. Денегъ завѣщано было 7.393 р. Львиную часть этой суммы получили: устюжскій соборъ, устюжскіе и иногородніе монастыри и церкви, которымъ было отказано 5120 р., въ томъ числѣ: устюжскому собору 1200 р. да на сооруженіе новаго колокола 300 р.; троицкому Гледенскому монастырю на строеніе каменной церкви 1500 р., Архангельскому и Ивановскому монастырямъ по 500 р.; 500 же рублей было отказано церкви св. Вознесенія, гдѣ хоронились Босые, да кромѣ того ей же еще 100 руб., на сооруженіе надгробнаго мавзолея: „за ту сто рублевъ поставить надъ родителями нашими чюланъ каменный или деревянный“. Сверхъ 5120 р. оставленныхъ на монастыри и церкви, было дано 155 р. духовнику и другому духовенству на поминъ души. Остальные 2118 р. были отказаны родственникамъ и слугамъ, „людямъ“, завѣщательницы.

[2]) Пр. Д. 1641 № 86: „А будетъ Елезовы: Овдюшка Паламошной съ дѣтьми и со внучаты“....; Ibid: „Бьетъ челомъ Усольскаго уѣзда Вилегодскіе волости Ильинскаго приходу посыльщичишко..... Жалоба, государь, намъ тогожъ Ильинскаго приходу на огурниковъ на невыплатныхъ крестьянъ: суконной сотни на Аѳанасья Елезова и на племянниковъ его на Семена и на Тимоѳея Елезова жъ съ братьею въ томъ, что тотъ Аѳанасій съ племянники живутъ въ Ильинскомъ приходѣ и владѣютъ они изстари старыми вотчинами своими и прикупными, и закладными деревнями, и пожнями, и всякими угодьями, а на Ильинскомъ погостѣ дворами и огородами. А тѣ ихъ деревни и пожни, и сѣнные покосы, и повоскіе (погостскіе) дворы въ твоихъ государевыхъ въ писцовыхъ книгахъ написаны въ Ильинскомъ приходѣ съ нашими крестьянскими деревнями вмѣстѣ. А твоихъ, государевыхъ, они податей... не платили за прошлые, государь, годы лѣтъ за десять и больши и на нынѣшній на 148 годъ не платятъ же..... и твоихъ государевыхъ никакихъ служебъ съ нами въ волости не служатъ“. . . . .

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 502. 1678—82 г. Сольвычегодскъ: „За гостемъ Вас. Ив. Грудцынымъ всего въ Алексинскомъ и въ Ратмировскомъ станѣхъ и въ Пятницкомъ, и въ Петровскомъ сельцахъ, и въ Утмановской волости......

рины[1]). Въ Двинскомъ уѣздѣ, въ которомъ раньше частновладѣльческихъ земель совсѣмъ не было замѣтно, въ самомъ концѣ столѣтія характеръ такихъ земель пріобрѣтаютъ крупныя владѣнія холмогорскихъ посадскихъ людей Бажениныхъ, у которыхъ были лѣсные промыслы и корабельная верфь въ ихъ деревнѣ Вавчугѣ около Холмогоръ. Впрочемъ, эта фамилія играетъ значительную роль въ краѣ уже въ XVIII в.—Въ Чердынскомъ уѣздѣ въ особую вотчину были выдѣлены деревни посадской фамиліи Могильниковыхъ [2]). Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ кромѣ строгановскихъ

---

12 деревень безъ 1/6 да въ одной деревнѣ жеребей живущихъ. А на плужной землѣ (?) и въ деревняхъ дворъ его Васильевъ, въ которомъ онъ самъ живетъ, да (м.) дворовое, 3 двора на пріѣздъ, а въ нихъ дворовыхъ его Васильевыхъ людей въ возрастѣ 5 человѣкъ, не въ возрастѣ 5 же человѣкъ; 44 двора половничьихъ и съ тѣмъ, что одинъ дворъ вопче гостиныя сотни съ Алексѣемъ да съ Микифоромъ Усовыми, людей въ нихъ въ возрастѣ 108 человѣкъ, не въ возрастѣ 32 человѣка. Обоего 140 человѣкъ. Пашни паханые середніе земли 26 чети, да худой земли 87 чети". За нимъ же по писцовой книгѣ Устюжскаго уѣзда 1670-хъ годовъ (Арх. мин. юст. писц. кн. 511—516) въ разныхъ станахъ и волостяхъ 29 деревень цѣлыхъ, въ 8 деревняхъ различныя доли, 3 двора людскихъ, 86 дв. половничьихъ. Пашни паханые худые земли 290½ чети.

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 512—514. Въ Юрьевѣ Наволокѣ Комарицкаго стана Устюжскаго уѣзда: „2 деревни..... были за гостемъ Васильемъ Шоринымъ. И въ прошломъ 187 г. послѣ его Васильевы смерти тѣ деревни отписаны на великаго государя и велѣно продать стороннимъ людемъ".—Такому же освоенію подвергаются и владѣнія простыхъ посадскихъ людей и крестьянъ, разбогатѣвшихъ, хотя и не принадлежащихъ еще къ высшимъ посадскимъ званіямъ гостей или гостиной и суконной сотенъ. Такъ въ Устюжскомъ уѣздѣ въ волости Юрьевѣ Наволокѣ по писцовой книгѣ 16²³/₂₆ гг. значилось 3 деревни съ дробями старинныя и новоприкупныя за крестьяниномъ той же волости Ваською Гнидою. Старинныя его деревни были по государевой грамотѣ „отъ волостей всякими доходы отписаны особно". Писцы 1623 г. приписали къ нимъ, т. е. отдѣлили отъ волости и его вновь пріобрѣтенныя деревни, которыя онъ прикупилъ послѣ предыдущей переписи. Арх. мин. юст. писц. кн. 506, л. 490. Въ 1642 г. выдѣлился изъ Андреевской волости Сольвычегодскаго уѣзда крестьянинъ Семенъ Бобровскій, житель Лальскаго погоста, владѣвшій въ Андреевской волости деревней Мосѣевой Горой, 13/16 выти, выхлопотавшій отъ сольвычегодскаго воеводы особый документъ, „отписную" память, въ силу которой онъ получалъ право платить всѣ подати помимо міра непосредственно въ сольвычегодскую избу. Пр. Д. 1650 № 57, л. 1—2.

[2]) Въ 1579 г. по писцовой книгѣ Яхонтова въ городѣ Чердыни: „(дв.) Якушъ Могильниковъ да сынъ его Иванко". Происходившіе отъ этого Якуша Могильниковы владѣли, по писцовой книгѣ 16²³/₂₄ гг. деревней Могильниковой на р. Вишерѣ и 4-мя починками и кромѣ того отдѣльными дворами въ деревняхъ разныхъ погостовъ Чердынскаго уѣзда. *Дмитріевъ*, Пермская старина, III, 94—98. Ср. Арх. мин. юст. писц. кн. 351, переписная 1647 г.: за Могильниковыми 5 деревень, 1 починокъ, 26 дв. крест., 1 дв. боб.; кн. 352: переписная 1678 г.: 5 деревень, 24 дв. крест., 7 дв. половничьихъ.

владѣній въ переписной книгѣ 1647 г. отдѣльно отъ черныхъ становъ описаны вотчины: гостя Григорія Микитникова [1]), гостиной сотни Томила Елисѣева [2]) съ сыномъ и племянниками и соликамскаго посадскаго человѣка Суровцова [3]) на р. Сылвѣ. По книгамъ 1678 г. Суровцовы значатся уже членами гостиной сотни [4]).

Подобно владѣніямъ Соловецкаго монастыря среди монастырскихъ владѣній, вотчины Строгановыхъ занимали совершенно исключительное положеніе среди частновладѣльческихъ земель Поморскаго края, будучи несоизмѣримы съ остальными частными вотчинами. Онѣ находились въ трехъ уѣздахъ: Устюжскомъ, Сольвычегодскомъ и Соликамскомъ, причемъ въ первыхъ двухъ деревни или доли деревень, принадлежавшія Строгановымъ, были разбросаны по разнымъ волостямъ и станамъ, а въ Соликамскомъ уѣздѣ ихъ владѣнія составляли цѣлую компактную территорію по р. Камѣ и ея притокамъ: Яйвѣ, Иньвѣ, Косьвѣ, Обвѣ, Чусовой съ Сылвой. По числу дворовъ земледѣльческаго населенія устюжскія ихъ вотчины были невелики: за ними считалось тамъ по переписи 162³/₆ гг. 26 половничьихъ дворовъ, а по переписи 1676 г. всего только 18. Гораздо значительнѣе были ихъ сольвычегодскія владѣнія. Въ самомъ городѣ Сольвычегодскѣ по переписи 1625 г. у нихъ былъ дворъ въ острогѣ, два большихъ двора на посадѣ, гдѣ стояли ихъ знаменитые хоромы, двѣ соляныя варницы съ разнаго рода хозяйственными постройками. Въ деревняхъ этого уѣзда числилось за ними по переписи 1625 г. 220 половничьихъ и 11 бобыльскихъ дворовъ, а по переписи 1678 г. 178 половничьихъ и 22 бобыльскихъ. Владѣнія въ Соликамскомъ уѣздѣ были громадны: по переписи $162^{3}/_{6}$ гг. имъ принадлежало 132 деревни и починка съ 1032 дворами, по переписи 1678 г. 329 деревень и починковъ съ 2855 дворами, т. е. въ $162^{3}/_{6}$ гг. 71%, почти $^{3}/_{4}$ всего населенія Соликамскаго уѣзда, а по переписи 1678 г. нѣсколько менѣе половины—44% [5]).

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 474. 1647 г. Село Веретея на рѣчкѣ Зырянкѣ... всего 1 село, 1 погостъ, 1 дв. вотчинниковъ, 45 дв. крестьянскихъ, 35 дв. бобыльскихъ, 11 варницъ, мельница.

[2]) Ibid. Село Кишерть на р. Сылвѣ. Всего 1 село, 7 дерев., 5 починк., 1 дв. вотчинниковъ, живутъ люди его 8 челов.; 5 дв. церковныхъ причетниковъ, 156 дв. крестьянскихъ.

[3]) Ibid. 2 деревни, 1 дв. вотчинниковъ, 58 дв. крестьянскихъ.

[4]) Арх. мин. юст. писц. кн. 442, 443. Дворами въ самомъ городѣ Соликамскѣ владѣли въ 1678 г. кромѣ Строгановыхъ, Елисѣевыхъ и Суровцовыхъ еще гость В. И. Шоринъ, гость О. И Филатьевъ, гость Н. Ѳ. Веневитовъ, гость А. Ѳ. Веневитовъ, гость Авр. С. Черкасовъ да племянникъ его гостиной сотни Ѳ. И. Черкасовъ, гостиной сотни Т. С. Хлепятинъ, гостиной сотни Петръ да Ѳедоръ Андреевы дѣти Анофріева, гостиной сотни В. А. Анофріевъ, вдова гостиной сотни Якова Анофріева, суконной сотни Ст. Род. Рязанцевъ, вдова мясницкой полусотни тяглеца Щепоткина, балахонцы В. и Ѳ. Соколовы.

[5]) См. соотвѣтствующія писцовыя и переписныя книги и *Дмитріева*, Пермская старина II, 71, 99.

Писцовыя книги даютъ наглядное представленіе о хозяйственной обстановкѣ большихъ промышленныхъ имѣній, принадлежавшихъ въ Поморьѣ капиталистамъ, такъ что читая такую книгу, мы можемъ какъ бы заглянуть въ подобное имѣніе. Вотъ напр. соляной заводъ гостя Ивана Панкратьева въ Яренскомъ уѣздѣ на р. Выми подъ Сереговой горой по описанію 1678 г. Здѣсь стоятъ двѣ церкви: Неопалимой Купины и Николы чудотворца съ дворами причта—„строеніе" гостя. На заводѣ соляная труба при ней 6 варницъ соляныхъ, еще двѣ трубы и одна варница сооружаются вновь въ моментъ описанія. При заводѣ два скотныхъ двора, на которыхъ живутъ крѣпостные люди гостя; нѣсколько такихъ крѣпостныхъ живутъ особыми дворами и среди нихъ приказчикъ, управляющій заводомъ. Далѣе въ 27-ми избахъ живутъ вольнонаемные „работные люди", которыхъ писцовая книга насчитываетъ 185: соловары, кузнецы, плотники и другіе мастера, работающіе „изъ найма поденно и помѣсячно", туземцы и пришлые изъ другихъ уѣздовъ. Невдалекѣ отъ этого заводскаго поселка двѣ мельницы, 10 соляныхъ амбаровъ и 3 лавки, „а въ нихъ торгуютъ проѣзжіе люди разныхъ городовъ", очевидно, удовлетворяя потребности заводскаго населенія. По сосѣдству съ этимъ заводомъ на р. Выми расположился также соляной заводъ меньшихъ размѣровъ другого гостя, Астафья Филатьева. Здѣсь двѣ вновь строящіяся соляныя трубы да одна пустая за р. Вымью. На заводѣ дворъ приказчика, да избы рабочихъ, которыхъ всего 24 человѣка, также работающихъ изъ найму помѣсячно, понедѣльно, и поденно[1]).—Въ Тотемскомъ уѣздѣ въ Вотченской волости на р. Леденгѣ находилось имѣніе гостя Василія Ивановича Грудцына также съ солянымъ промысломъ и съ сельскохозяйственными угодьями. Имѣніе пріобрѣтено частью пожалованіемъ въ 1660 г., частью путемъ покупки и залога сосѣднихъ крестьянскихъ участковъ. Въ имѣніи церковь—строеніе гостя, при ней попъ съ дѣтьми, исполняющими обязанности дьячка и пономаря, служатъ изъ найму, получаютъ отъ землевладѣльца денежную ругу и хлѣбъ. „На томъ же погостѣ (т. е. возлѣ церкви) дворъ гостя В. Грудцына, для пріѣзду его Василья, а живутъ на немъ приказные его люди, а другой дворъ скотій, а въ немъ живетъ человѣкъ его... На томъ же погостѣ на р. Леденгѣ по обѣ стороны 4 трубы соляныя съ разсоломъ, да 9 варницъ топятся съ црѣны, исаднаго (усадебнаго?) мѣста по обѣ стороны р. Леденги 5 десятинъ. У тѣхъ варницъ 36 избъ, а въ нихъ живутъ работные люди, которые приходя въ варницахъ работаютъ, соль варятъ изъ найму, и разсолъ льютъ, и дрова сѣкутъ, и всякую работу работаютъ"... всего 152 человѣка въ томъ числѣ „трубный мастеръ"—своего рода инженеръ при заводѣ. „Да къ тому жъ соляному промыслу", читаемъ затѣмъ въ книгѣ, „для дровъ лѣсу пашеннаго и непашеннаго отъ болотъ отъ усолья къ Тотьмѣ и къ Толшемской, и къ Демьяновской волостямъ по 10 верстъ" и т. д. Далѣе описывается мельница и сѣнные покосы. Въ вотчинѣ есть и небольшая запашка, очевидно, на участкахъ, снимаемыхъ половниками,

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 15.057.

которыхъ было 8 дворовъ. Владѣнія Грудцына обособлены въ платежѣ податей отъ тотемскаго посада и отъ уѣздныхъ крестьянъ[1]).

Отношенія, въ какія становились владѣльцы этихъ частныхъ вотчинъ къ окружающимъ ихъ чернымъ мірамъ, очень напоминаютъ отношенія къ тѣмъ же мірамъ монастырей-землевладѣльцевъ. На ряду съ монастырями мѣстные капиталисты изъ коммерческаго міра являются кредиторами земскихъ міровъ, которые заключаютъ у нихъ займы на земскія нужды[2]). Черное крестьянство попадаетъ въ такую же экономическую зависимость отъ купеческаго капитала, какъ и отъ монастырскаго. Крупныя частновладѣльческія вотчины тянутъ къ себѣ и поглощаютъ крестьянскіе участки тѣми же путями продажи и залога и съ тою же силой, какъ и монастыри. Гость Иванъ Панкратьевъ, соляной промыселъ котораго мы описывали выше, оказывается владѣльцемъ кромѣ промысла еще и отдѣльныхъ дворовъ въ сосѣднемъ съ его заводомъ Лальскомъ погостѣ, о которыхъ въ переписной книгѣ мы читаемъ такія отмѣтки: дворъ бобыля А. Г. Туркина.., „покиня дворъ шелъ къ Москвѣ кормиться, а пашнею его владѣетъ гость Иванъ Панкратьевъ по крѣпостямъ;“ „дворъ пустъ И. А. Туркина, а дворъ свой и пашню продалъ Ивану Панкратьеву, а онъ, Иванъ, скитается бездворнымъ бобылемъ“[3]). Въ разсмотрѣнномъ нами выше[4]) спискѣ крѣпостныхъ актовъ Устюжскаго и Усольскаго уѣздовъ, по которымъ не было уплачено казенныхъ пошлинъ, вслѣдъ за монастырями перечислены и свѣтскіе капиталисты, пріобрѣтатели крестьянскихъ черныхъ деревень по купчимъ и закладнымъ. По этому списку оказывается, что за періодъ времени съ 1624 по 1648 г. семейство Усовыхъ пріобрѣло деревень въ 16-ти волостяхъ по неоплаченнымъ пошлинами актамъ на 7008 р., т. е. на столько же, на сколько и Архангельскій устюжскій монастырь; за ними слѣдуютъ Ревякины—2411 р., Босые—2214 р., Строгановы 675 р. и далѣе менѣе видные

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 485: „а всякія великаго государя подати, данныя и оброчныя, и полоняничныя, и стрѣлецкія деньги, и всякіе денежные доходы платить ему, Василью, на Москвѣ особь статьею, а съ тотмичи съ посадскими людьми и съ волостными крестьяны никакихъ денежныхъ доходовъ не платить и въ мірскіе поборы, и въ земскіе расходы ничего не давать для того, что посадскіе люди, земскіе старосты и цѣловальники, горланы и ябедники, и бражники многія лишнія деньги съ міру сбираютъ и тѣ деньги пропиваютъ и сами корыстуются“. Послѣднія слова, очевидно, отголосокъ челобитья самого В. Грудцына о выдѣленіи его отъ земскихъ міровъ. Впрочемъ деньги „въ ямскіе отпуски“ онъ долженъ былъ платить „съ волостными крестьяны въ рядъ“.

[2]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 199. Пр. Д. 1655 № 52: „Въ прошломъ, государь, во 151 г. приговорили всѣмъ Устюгомъ посадомъ и Устюжскимъ уѣздомъ... собрать со всего посаду и съ уѣзду.... гостиныя сотни въ Исакову кабалу Ревякина во 150 р., а кабала писана въ 400 рубляхъ. И по той, государь, Исаковѣ кабалѣ Ревякина взялъ съ правежу братъ его Исаковъ Никифоръ Ревякинъ 300 руб. денегъ“.

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 15.057.

[4]) Стр. 86.

представители устюжскаго и сольвычегодскаго купечества. Капиталистъ-вотчинникъ, поглощая крестьянскія земли, перетягивалъ къ себѣ также черныхъ крестьянъ, уходившихъ и бѣжавшихъ изъ волостей и рядившихся въ частновладѣльческой вотчинѣ. Иногда эти процессы совпадали: черный крестьянинъ отчуждалъ свой участокъ капиталисту, оставаясь на немъ жить въ качествѣ половника послѣдняго [1]).

Устюжскій подьячій Павелъ Давыдовъ, служившій въ Устюгѣ въ 1639—41 гг. и вмѣстѣ съ воеводою производившій „дозоръ", т. е. дополнительную перепись Устюжскаго уѣзда, слѣдовательно, человѣкъ, имѣвшій возможность хорошо присмотрѣться къ порядкамъ и отношеніямъ въ краю, представилъ въ Устюжскую четверть обширный докладъ, въ которомъ излагаетъ свои наблюденія. На ряду съ монастырями, читаемъ мы въ этомъ докладѣ, крупные торговые люди: Босые, Ревякины, Грудцыны, Усовы, взятые въ Москву въ гостиную сотню, но продолжающіе жить и вести дѣла на Устюгѣ, пріобрѣли покупкой и закладомъ лучшія черныя деревни и угодья, въ которыхъ бывшіе черные крестьяне живутъ въ качествѣ половниковъ. Эти капиталисты не только не слушаютъ указовъ о возвращеніи пріобрѣтенныхъ ими незаконно послѣ писцовъ земель, но скупаютъ все новыя, не платя при этомъ пошлинъ съ совершаемыхъ ими крѣпостныхъ сдѣлокъ, такъ что этихъ неуплаченныхъ пошлинъ накопилось уже больше

[1]) Пр. Д. 1636 № 81. „Отъ царя.... Михаила Ѳедоровича.... къ Соли Камской воеводѣ нашему З. Г. Шишкину. Въ прошломъ во 142 г. писалъ еси къ намъ и прислалъ Соли Камской посадскимъ и уѣзднымъ бѣглымъ людямъ за руками старостъ и цѣловальниковъ роспись; а по росписи Усольцевъ посадскихъ людей сбѣжало 123 человѣка, уѣздныхъ крестьянъ 99 человѣкъ. А живутъ де тѣ посадскіе люди и уѣздные крестьяне за Троицкимъ Сергіевымъ и за Преображенскимъ Пыскорскимъ, и за Вознесенскимъ монастыри, и за гостемъ за Гр. Микитниковымъ, за Парѳеньемъ Веневитиномъ въ Усольскомъ уѣздѣ на Веретеѣ у ихъ соляного промыслу и на Сылвѣ у Ѳедора Елисѣева, и въ строгановыхъ вотчинахъ"; Пр. Д. 1646 № 52: „Государю царю... Алексѣю Михайловичу... холопъ твой Левка Микулинъ челомъ бьетъ. По твоему государеву указу повелѣно мнѣ... бѣглыхъ крестьянъ и половниковъ, и бобылевъ возить въ старыя ихъ деревни и сажать въ тягло на старыхъ ихъ жеребьяхъ, на комъ сколько тягла было. И писцы Аѳанасій Толочановъ, да Якимъ Плохово прислали роспись за руками Устюжскаго уѣзда Сухонской трети бѣглымъ крестьяномъ и половникомъ, а въ росписи написали, которые твои государевы крестьяне и ихъ половники выбѣжали въ розныхъ годѣхъ и живутъ въ Устюжскомъ уѣздѣ за монастыри, и за соборными попами, и за гостемъ за Кириломъ Босово съ братьею, и за гостиною сотнею, и за торговыми людьми, и въ Усольскомъ уѣздѣ за Строгановыми. Да они жъ писцы въ росписи своей написали, что нынѣ тѣхъ крестьянъ и деревни за тѣми жъ монастыри и соборными попами, и за гостемъ за Кириломъ Босово съ братьею, и за гостиною сотнею, и за торговыми людьми. И мнѣ тѣхъ крестьянъ и половниковъ возить въ старыя ихъ деревни и сажать на старые жеребьи некуды, потому что нынѣ тѣми твоими государевыми деревнями владѣетъ гость Кирило Босово съ братьею да торговые люди".

5000 руб. Подьячій выражаетъ опасеніе, что если будетъ продолжаться такъ и далѣе, то за богатыми людьми гостиной сотни „будетъ Устюжскій уѣздъ весь, и государевы крестьяне у нихъ въ половникахъ будутъ всѣ такъ же, какъ и за Строгановыми“. Богатѣя безъ мѣры, они вертятъ всѣмъ посадомъ и уѣздомъ, на посадѣ и въ уѣздѣ всѣмъ владѣютъ, что хотятъ, то дѣлаютъ, облегчаютъ себя въ платежѣ податей, кладутъ свои деревни, стоящія рублей 300—500, въ то же количество вытей, въ какое кладется крестьянская деревня цѣной рублей въ 20—30, проводятъ въ земскіе судьи своихъ кабальныхъ и закрѣпленныхъ разными обязательствами людей, „озадатчили“ воеводу и его семью деньгами и подарками. Когда подьячій возвысилъ было голосъ противъ этихъ злоупотребленій, онъ получилъ отвѣтъ: „сломаемъ де мы, хотя и не тебя, намъ де хотя во сто тысячъ станетъ, и намъ де то ни во што“ [1]).

Эти обстоятельства: поглощеніе крестьянскихъ участковъ и переходъ самихъ крестьянъ изъ волостей на частновладѣльческія земли вызывали въ волостныхъ мірахъ такое же раздраженіе противъ крупныхъ частныхъ вотчинниковъ, какъ и противъ монастырей. Точно такъ же наиболѣе частымъ поводомъ къ столкновенію міровъ съ вотчинниками были споры о разверсткѣ и платежѣ податей. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ наудачу. Въ 1627 г. Лальская волость Сольвычегодскаго уѣзда жалуется на Авдѣя Паламошнаго за невзносъ податей съ его вотчинъ [2]). Въ 1630 г. Уфтюжская волость Устюжскаго уѣзда бьетъ челомъ въ томъ же на Исаака Ревякина [3]). Въ 1639 г. весь сольвычегодскій земскій міръ: посадъ и уѣздъ жалуется на Ивана Максимовича Строганова, не платящаго податей съ міромъ со своихъ усольскихъ вотчинъ [4]). Въ 1640 г. Шольская волость Устюжскаго уѣзда обращается къ царю съ челобитной „тое жъ волости на горлановъ, на ябедниковъ“ Момотовыхъ, которые завладѣли въ Шольской волости деревнями, лучшими землями, сѣнными покосами, лучшими угодьями, и не платятъ съ волостью денегъ съ своихъ деревень. На ту же семью Момотовыхъ въ 1641 г. жалуется волость Антропьева слобода Сольвычегодскаго уѣзда [5]). Черевковская волость Устюжскаго уѣзда сталкивается въ томъ же году съ Усовыми [6]) и т. д. Въ свою очередь частные вот-

[1]) Пр. Д. 1646 № 154.

[2]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 199.

[3]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 110.

[4]) Пр. Д. 1639 № 44; 1640 № 38.

[5]) Пр. Д. 1640 № 11; 1641 № 86; 1641 № 42.

[6]) Пр. Д. 1641 № 86; 1647 № 27; 1635 № 97: „А которые, государь, крестьяне изъ Усольскаго уѣзду взяты къ тебѣ, государю, къ Москвѣ на житье въ гостиную и въ суконную сотню съ Виледи Иванъ Елезовъ съ братьями да съ Лальскіе волости Авдѣй Паламошной съ дѣтьми и со внучаты, да изъ Антропьевы слободы Баженъ Курбатовъ да Петръ Захаровъ съ братьями, и они, государь, въ своихъ волостяхъ деревнями и пожнями многими, и всякими угодьи владѣютъ, и промыслы всякими промышляютъ, и торгуютъ, а твоихъ государевыхъ данныхъ и оброчныхъ денегъ.... съ мірскими людьми не платятъ“.

чинники, какъ и монастыри, были недовольны податными порядками, царившими въ волостяхъ, жаловались па произвольность окладовъ, на задолженность міровъ и невыгоду заключаемыхъ ими займовъ, на небрежное обращеніе съ собранными рессурсами, па бражничанье и корысть мірскихъ агентовъ. Вотчинники, члены московскихъ купеческихъ корпорацій — гостей и гостиной сотни, указывали еще на невозможность для себя лично слѣдить за волостными дѣлами, такъ какъ ихъ отвлекала государева служба по финансовымъ дѣламъ и обязанность жить въ Москвѣ[1]). По всѣмъ этимъ причинамъ они стремились обособиться отъ земскихъ міровъ, и стремленіе это не оставалось безъ успѣха.

---

[1]) Пр. Д. 1633 № 4. Жалоба гостиной сотни Никифора Ревякина на Алексинскій станъ Сольвычегодскаго уѣзда: „И по тому, государи, они своему самовольному окладу на насъ, холопѣхъ вашихъ и на половничишкахъ нашихъ емлютъ всякіе доходы по своимъ розрубнымъ спискомъ и съ податными деньгами ѣздятъ къ Соли на посадъ, а у Соли живутъ недѣль по пяти, и по десяти, и больши, и живучи пьютъ и бражничаютъ на кабакѣхъ". Пр. Д. 1650 № 57, л. 87—89: „бьетъ челомъ гостиной сотни Микифоръ Ревякинъ, чтобъ государь его пожаловалъ, велѣлъ ему.... съ его Микифоровыхъ вотчинныхъ деревень всякія государевы подати и ямскія, и ружныя деньги, и въ мірскія издержки платить по писцовымъ книгамъ повытно у Соли Вычегодской въ съѣзжей избѣ, чтобъ ему Алексинскаго стану отъ крестьянъ и отъ ихъ самовольнаго бѣлочнаго намету, и въ ихъ невыплатахъ, и отъ кабалъ, и отъ ихъ кабальныхъ ростовъ, и отъ приставскихъ ѣздовъ и кормовъ въ ихъ многихъ прирубныхъ излишнихъ деньгахъ и въ бездѣльныхъ издержкахъ въ конецъ не погинуть и деревень своихъ впустѣ не покинуть". Пр. Д. 1650 № 57, л. 44, л. 56.

Глава VIII.

Городъ на сѣверѣ.

Намѣтивъ разные виды земель, изъ которыхъ составлялись территоріи самоуправляющихся союзовъ на сѣверѣ, мы должны теперь познакомиться съ населеніемъ, группировавшимся въ эти союзы, попытаться составить себѣ представленіе о его численности и разсмотрѣть его соціальный составъ. Слѣдуетъ однако, какъ по самому свойству источника, откуда могутъ быть извлечены эти данныя, такъ и по тому состоянію, въ которомъ этотъ источникъ—писцовыя и переписныя книги—находится, заранѣе отказаться отъ возможности получить полную статистическую картину населенія и изобразить его движеніе. Какъ приходилось указывать выше, не для всѣхъ мѣстностей Поморскаго края сохранился писцовый матеріалъ: мы не располагаемъ имъ для Важскаго уѣзда и для Чарондской округи. Далѣе, сохранившійся матеріалъ не для всѣхъ мѣстностей относится къ однимъ и тѣмъ же моментамъ времени. Наконецъ, въ переписяхъ за разные моменты времени нѣтъ единства въ пріемахъ описанія, и даже не выдержано единство терминологіи, что дѣлаетъ невозможнымъ сравненіе извлекаемыхъ изъ нихъ данныхъ. Вотъ почему намъ придется ограничиться только отдѣльными статистическими иллюстраціями, только отрывочнымъ изображеніемъ частей, по которымъ можно будетъ лишь догадываться о цѣломъ. Въ качествѣ данныхъ для сужденія о количествѣ населенія мы будемъ брать приводимыя писцовыми и переписными книгами цифры тяглыхъ, т. е. крестьянскихъ, половничьихъ и бобыльскихъ дворовъ. Какъ извѣстно, эти книги указываютъ также и населеніе каждаго тяглаго двора; но пріемы описанія людей во дворахъ были различны въ разные моменты времени, поэтому и переписи эти неодинаково интенсивны. Въ писцовыхъ книгахъ первой половины XVII в. описываются только тяглые элементы двора, люди, отвѣтственные передъ казной за отбываніе дворами тягла; книги 40-хъ годовъ и второй половины столѣтія описываютъ все мужское населеніе двора, бывшее иногда довольно сложнымъ, причемъ переписи 70-хъ годовъ дѣлаютъ это съ гораздо большей подробностью, чѣмъ книги 40-хъ годовъ. Это различіе пріемовъ описанія людей во дворахъ

дѣлаетъ неудобными операціи съ цифрами, показывающими количества людей, тогда какъ цифры дворовъ болѣе однообразно получены и потому являются болѣе надежными.

Населеніе Поморья можно прежде всего подраздѣлить на двѣ группы: городское и сельское населеніе. Начнемъ съ первой.

Городъ на сѣверѣ игралъ въ ходѣ русской жизни еще менѣе значительную роль, чѣмъ на югѣ. Поморье вообще было очень бѣдно городами; они здѣсь рѣже, чѣмъ въ другихъ областяхъ Россіи. Были обширныя территоріи, представлявшія изъ себя значительные административные округа, гдѣ не было совсѣмъ городовъ: Заонежскіе погосты [1]), Устьянскія волости, Мезенскій уѣздъ. Во всей западной части Поморья, въ предѣлахъ уѣздовъ Кольскаго и Каргопольскаго можно насчитать всего три посада: Кола, Каргополь, Турчасовъ. Та же рѣдкость посадовъ на громадной площади Кевропьскаго, Мезенскаго и Яренскаго уѣздовъ, гдѣ ихъ также всего три: Кеврола, Яренскъ и Турья. Города Мезени тогда еще не было; онъ образовался только уже въ XVIII в. изъ сліянія двухъ сосѣднихъ слободъ Окладниковой и Кузнецовой, существовавшихъ до тѣхъ поръ отдѣльно. Сравнительно болѣе богаты городами были уѣзды: Двинскій, въ которомъ насчитывалось 6 посадовъ: Архангельскъ, Холмогоры, Уна, Ненокса, Луда, Кулуй на р. Кулуѣ, если принимать Холмогоры за одинъ посадъ, и Вятская земля съ ея пятью уѣздными центрами: Хлыновымъ, Орловымъ, Котельничемъ, Слободскимъ и Шестаковымъ. Всего въ громадной Поморской области можно насчитать не болѣе 29 посадовъ [2]).

Происхожденіе города на сѣверѣ одинаково въ большинствѣ случаевъ съ происхожденіемъ южнаго города. Иногда это—небольшіе промысловые центры, возникшіе въ мѣстностяхъ, гдѣ наиболѣе развиты были морскіе промыслы, гдѣ устраивались склады добываемыхъ продуктовъ и необходимыхъ для промышленныхъ операцій предметовъ. Таковы маленькіе приморскіе посады Двинскаго уѣзда: Ненокса, Уна и Луда. Но обыкновенно, какъ и на югѣ, городъ здѣсь прежде всего—крѣпость, оборонительный пунктъ, прикрывавшій русское колонизаціонное движеніе. Подобно тому, какъ городъ на югѣ защищалъ проникавшее все дальше въ степь русское населеніе отъ кочевниковъ-татаръ, городъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ предназначенъ былъ оказывать защиту отъ инородцевъ финновъ другой струѣ русскаго населенія, направлявшейся въ сѣверные лѣса и болота. Повидимому, финское населеніе сѣвера не было такъ мирно, какъ это обыкновенно думаютъ, и русскому колонисту приходилось вести здѣсь также борьбу, хотя и не столь упорную, какъ на югѣ. И здѣсь каждый шагъ впередъ онъ долженъ былъ закрѣплять постройкой небольшой крѣпости, „городка“ или „осаднаго городка“, какъ эти крѣпостцы назывались. Въ такомъ осадномъ городкѣ и надо видѣть зародышъ позднѣйшаго сѣвернаго посада. Такіе городки

[1]) Городъ Олонецъ въ Заонежьѣ строился уже только въ XVII в., какъ необходимый оборонительный пунктъ противъ Швеціи.

[2]) См. приложеніе III.

мы встрѣчаемъ въ XVII в. въ Каргопольскомъ[1]), Двинскомъ, Устюжскомъ, Сольвычегодскомъ и Яренскомъ уѣздахъ, въ Вятской и Пермской земляхъ. Писцовыя книги даютъ ихъ изображеніе. Городокъ состоитъ обыкновенно изъ деревяннаго острога, иногда съ башнями, вооруженнаго небольшими пушками. Внутри ограды церковь, амбаръ для храненія военныхъ снарядовъ и иногда осадныя избы, служащія прибѣжищемъ для окрестнаго населенія въ моментъ опасности. Такъ напр. въ Двинскомъ уѣздѣ въ волости Погостская Сотня на р. Емцѣ находилось торговое село Большое, бывшее центромъ для окрестныхъ 24 деревень, изъ которыхъ состояла волость. Въ селѣ по описанію 1620-хъ годовъ значатся 3 церкви, дворы причта, 4 крестьянскихъ и 14 бобыльскихъ дворовъ, 18 лавокъ, кабакъ и таможня, учрежденіе, показывающее, что село было торговымъ пунктомъ. Тамъ дѣйствительно каждое воскресенье происходилъ торгъ. „А около того села Большого", читаемъ далѣе въ писцовой книгѣ, „острогъ прямой на иглахъ, а у острогу трои ворота, а у нихъ рублены тарасы. А на воротахъ башни. А на Троицкой башнѣ пищаль нѣмецкая желѣзная полуторная въ станку на колесахъ. На острогѣ жъ пять башенъ... всего около острогу (т. е. въ окружности) по мѣрѣ 312 саженъ. А крѣпостей около острогу: у Егорьевскихъ воротъ тайникъ къ рѣкѣ къ Емцѣ, рубленъ, поперекъ 1½ сажени, да отъ Наугольные башни, что отъ Емцы рѣки снизу до наугольные жъ до Ивановскіе башни ровъ поперекъ 3 сажени, а во рву съ одну сторону... ставленъ тынъ; около жъ острогу надолобы двойные,... а по острогу катки. Въ острогѣ жъ амбаръ зелейный, а въ немъ въ трехъ бочкахъ 17½ пудъ зелья; свинцу въ двухъ свиньяхъ (?) 6¾ пудъ, сѣченаго и въ пулькахъ 7 пудъ 5 гривенокъ; 22 ядра желѣзныхъ пушечныхъ, 30 мѣшковъ зарядныхъ пушечныхъ, помело пушечное, набатъ, 4 знамени киндячныхъ разныхъ цвѣтовъ, 3 мушкета желѣзныхъ съ замками, 21 зарядъ мушкетныхъ на трехъ ремеияхъ"[2]). Кромѣ указанныхъ выше дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, принадлежавшихъ жителямъ села, въ немъ находились еще, пріютившись, очевидно, у острога, „дворишка осадныя разныхъ волостей крестьянъ", числомъ 11, гдѣ они могли искать защиты и 10 житницъ также „разныхъ волостей крестьянъ", поставленныхъ „для осаднаго времени", куда эти крестьяне могли прятать свое добро. Въ подобномъ же родѣ городки: Брусенскій, Вотложемскій, Подосиновскій, Сосновецъ, Енанскій и Кичменскій въ Устюжскомъ уѣздѣ; Лальскій (Батищо), Андреевскій, Объячій, Ильинскій—въ Сольвычегодскомъ; Орелъ-городокъ и Чусовскій въ Пермской землѣ, основанные Строгановыми[3]). Въ 1636 г. дворянинъ

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 94. Челобитье Турчасовскаго стана: „мы сироты твои.... въ прошлыхъ годѣхъ по твоимъ государевымъ грамотамъ для обороны поставили острожки.... крѣпимся своими головами и острогами въ Турчасовѣ и въ Усть-Мошѣ".

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 10.

[3]) А. Э. I № 254. 1558 г. „Билъ намъ челомъ Григорій Аникѣевъ сынъ Строгановъ: что ослободилъ есми ему на пустомъ мѣстѣ... на черныхъ лѣсѣхъ

Овцынъ, посланный изъ Москвы въ Устьянскія волости съ разнаго рода казенными порученіями, нашелъ въ этихъ волостяхъ въ Никольскомъ приходѣ противъ Никольскаго погоста за рѣкою Устьею въ деревнѣ Щепинской поставленный острогъ съ продѣланными въ немъ бойницами. Въ бойницахъ расположились, какъ доносилъ Овцынъ, „многіе мужики съ копьи и съ рогатины, и со всякимъ боемъ", такъ какъ населеніе волостей готовилось оказать сопротивленіе переписи, которую между прочимъ долженъ былъ произвести Овцынъ. Изъ Москвы было предписано острожекъ досмотрѣть и разслѣдовать, почему крестьяне тотъ острожекъ поставили самовольно безъ государева указа—эпизодъ, показывающій, что поморское населеніе само строило небольшія крѣпостцы въ деревняхъ, руководимое чувствомъ самосохраненія и не спрашивая предварительнаго разрѣшенія свыше[1]).

Въ XVII в. борьба съ финскимъ племенемъ прекращается, городки становятся ненужны, приходятъ въ ветхость. О нѣкоторыхъ изъ нихъ писцо-

---

городокъ поставити собою и на томъ городкѣ пушки и пищали, и пушкарей, и пищальниковъ, и воротниковъ велѣлъ есми ему устроити собою жъ для береженья".

[1]) Пр. Д. 1633 № 37. Приведемъ еще нѣсколько описаній городковъ. Арх. мин. юст. писц. кн. 506, 507 (1623—26 г.). „Волость Брусенская, а въ ней городокъ, поставленъ острогомъ. А у городка двои ворота: большія да водяныя. Въ городкѣ жъ амбаръ зелейной, а въ немъ 5 пищалей затинныхъ желѣзныхъ, да 4 пищали, да самопалъ ручные, да 1 пудъ 27 гривенокъ зелья, да пудъ свинцу, да пулекъ дробовыхъ 5 гривенъ, да 1450 ядеръ желѣзныхъ". Ibid: волость Кичменга, а въ ней Кичменской городокъ на р. Югу, а въ городкѣ церковь Преображеніе Господне.... городокъ.. деревянной, рубленъ въ клѣтки, а въ немъ на воротѣхъ колокольня, да башня отводная, да 45 городенъ, а городня по 3 сажени. Итого около городка съ вороты и съ башнею 140 саженъ. А на городѣ нарядъ 25 пищалей ручныхъ да 11 пищалей затинныхъ". Ibid. кн. 446 (1625 г.) Сольвычегодскій у.: „Въ Лальской же волости на р. Лалѣ на осыпи бывалъ городокъ Батищо ниже Никольскаго погосту; на берегу въ осыпи церковь Михаила Архангела въ верхъ шатровая, ставятъ ново мірскіе люди Лальскою волостью. А поставленъ острогъ около Никольскаго Лальскаго посаду, тынъ стоячій по рѣкѣ по Лалѣ по берегу вверхъ отъ осыпи. А изъ острогу трои ворота проѣзжія, да 8 башенъ глухихъ. А въ острогѣ государевъ казенный погребъ, а на немъ амбаръ кругомъ, а у амбара тынъ стоячій вострый на иглахъ. А въ немъ за замкомъ и за печатью у острожныхъ приказчиковъ у Авдѣя Паламошнаго съ товарищи государева казна: 12 пищалей затинныхъ, а къ нимъ 1000 ядеръ желѣзныхъ" и т. д. „Въ Лальскомъ же острогѣ церковь Николай Чудотворецъ, церковь теплая Аѳанасей Великій". У городка образовался уже посадъ, гдѣ по переписи 1625 г. считалось 56 дворовъ, кромѣ 8 осадныхъ дворовъ, принадлежавшихъ волостнымъ крестьянамъ. По переписи 1645 г. было на Лальскомъ погостѣ у городка посадскихъ 63 дв. „безпашенныхъ людей, кормятся промыслишками", 6 дв. вдовьихъ, 11 дв. бобыльскихъ, 1 дв. мірской да 5 дв. „на пріѣздъ волостныхъ крестьянъ", 3 кузницы. Ibid. кн. 451.

выя книги лишь упоминаютъ какъ о бывшихъ; напр. въ Шарженской волости Устюжскаго уѣзда упоминается въ 1620-хъ гг. „осыпь, гдѣ былъ городокъ Халезецъ". Въ Яренскомъ уѣздѣ въ 1608 г. названы нѣсколько городищъ, т. е. бывшихъ городковъ: „городище, что былъ городокъ Вожемской па Цылпбской горѣ" въ погостѣ Ирта, городище Котенъ, городище Вотча, да и самый центръ области—Яренскъ, именуется также Яренскимъ городищемъ. О другихъ городкахъ встрѣчаемъ замѣчанія, что они пришли въ негодность: городокъ въ волости Городишной Устюжскаго уѣзда по описанію 1620-хъ годовъ „огнилъ и обвалялся"; городокъ Вотложемскій на р. Двинѣ „ветхъ и развалялся" и т. д. По книгамъ разныхъ годовъ можно прослѣдить и процессъ этого разрушенія. По переписи 1625 г. въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ Объячевскомъ погостѣ значился городокъ Объячій на р. Лузѣ съ двумя башнями и съ завалившимся тайникомъ, выходившимъ къ рѣкѣ. О городкѣ замѣчено, что онъ „не покрытъ и весь розвалялся". Его вооруженіе 4 пищали, 15 ручницъ и боевые припасы хранились уже на погостѣ въ часовнѣ. Въ книгѣ 1678 г. въ Объячевскомъ приходѣ обозначено „мѣсто порозжее, что былъ городокъ Объячей. И того городка противъ прежняго ничего нѣтъ и подошвы не знать". Городокъ изчезъ безслѣдно[1]). Такова же была, вѣроятно, судьба и многихъ такихъ городковъ.

Въ другихъ случаяхъ, сосредоточивая у своихъ стѣнъ нѣкоторое количество населенія, обрастая посадомъ, осадный городокъ превращался въ настоящій городъ, становясь административнымъ и торговымъ центромъ. Мы уже видѣли выше, какъ въ первой половинѣ XVI в. жители нѣсколькихъ вновь возникшихъ деревень и починковъ Слободского уѣзда въ Вятской землѣ построили собственными силами городокъ Шестаковъ, очевидно для защиты отъ сосѣднихъ инородцевъ, прибѣгнувъ для постройки къ займу денегъ. Въ 1546 г. великій князь, къ которому обратились построившіе городокъ крестьяне, далъ имъ грамоту, разрѣшавшую выбрать себѣ „слободчика" съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ „вѣдалъ и судилъ". При городкѣ образовался посадъ и онъ сталъ центромъ особаго Шестаковскаго уѣзда, отдѣлившагося отъ Слободского[2]). По внѣшнему виду сѣверно-русскій городъ ничѣмъ не отличался отъ городскихъ поселеній другихъ областей Московскаго государства. Его ядромъ былъ также острогъ, кремль, съ соборомъ, арсеналомъ, воеводскимъ дворомъ, съѣзжей избой, осадными дворами. На посадѣ располагались: мірской дворъ—центръ земскаго управленія, гдѣ засѣдали земскіе люди и гдѣ собирались посадскіе и всеуѣздные сходы, таможенная и кабацкая избы, гостиный дворъ, состоявшій изъ рядовъ съ лавками, отдѣльныя лавки, амбары и харчевни, свидѣтельствовавшіе о городѣ, какъ о торговомъ центрѣ. Наиболѣе видными торговыми центрами по переписямъ XVII в. были: Архангельскъ, Холмогоры и Устюгъ В. Въ Устюгѣ въ 1620-хъ годахъ считалось 203 лавки и амбара, 13 харчевенъ,

---

1) Арх. мин. юст. писц. кн. 446, 501.

2) А. Э. I № 210.

47 кузницъ [1]). Въ Архангельскѣ въ тѣ же годы находилось два гостиныхъ двора, русскій и нѣмецкій. Въ каждомъ изъ нихъ были казенные амбары и лавки, сдававшіеся купцамъ внаймы изъ оброка, и частные, принадлежавшіе торговымъ людямъ, русскимъ и иноземнымъ. Въ русскомъ гостиномъ дворѣ считалось 84 казенныхъ амбара и 32 лавки, въ нѣмецкомъ 86 амбаровъ. Кромѣ того внѣ гостинаго двора въ Архангельскѣ на посадѣ было 70 отдѣльныхъ лавокъ.—Въ Холмогорахъ писцовая книга того же времени кромѣ гостинаго двора насчитывала 315 лавокъ, 19 чулановъ, 9 харчевенъ, 63 кузницы и болѣе полусотни амбаровъ. Холмогоры еще и въ XVII в. отличались отъ другихъ сѣверныхъ городовъ одною особенностью: они состояли изъ четырехъ отдѣльныхъ, не вполнѣ слившихся въ одно цѣлое посадовъ: Курцова, Глинскаго, Никольскаго конца и Иванскаго конца, каждый изъ которыхъ представлялъ изъ себя самоуправляющуюся единицу, напоминавшую самостоятельные концы Великаго Новгорода. На офиціальномъ языкѣ городъ именовался собирательнымъ терминомъ „Холмогорскіе посады", „какъ будто бы раздѣлены были посады оные единъ отъ другого разстояніемъ многихъ верстъ", говоритъ историкъ Холмогоръ Крестининъ [2]).

Населеніе поморскаго города въ XVII в. очень не велико. Только въ одномъ Устюгѣ В. оно переходитъ за 1000 дворовъ (1039 дворовъ—3563 чел. м. п. по переписи 1678 г.), только въ 10 оно превышало сотню дворовъ. За то были микроскопическіе посады всего съ двумя-тремя десятками дворовъ, какъ Уна, Луда Турья, Яренскъ, Кеврола, Кулуй. Въ Кевролѣ, которая была уѣзднымъ центромъ, перепись 1678 г. насчитала всего 18 дворовъ; изъ нихъ въ 16 жили бобыли, а 2 двора названы крестьянскими. Самымъ миніатюрнымъ слѣдуетъ считать посадъ Кулуй въ Двинскомъ уѣздѣ на верховьяхъ р. Кулуя, гдѣ въ 1678 г. находилось всего 11 посадскихъ дворовъ.

„Посадскіе люди", составляя ядро городского населенія, не были однако единственнымъ его элементомъ, и это слѣдуетъ имѣть въ виду, если мы хотимъ составить полное представленіе о количествѣ городскихъ жителей. Въ большихъ городахъ кромѣ дворовъ мѣстныхъ посадскихъ мы встрѣчаемъ дворы торговыхъ людей высшихъ разрядовъ: гостей, гостиной и суконной сотенъ, обязанныхъ жить въ Москвѣ, но не порывавшихъ, какъ мы видѣли выше, связей съ родными мѣстами, откуда они происходили, или пріобрѣтавшихъ дворы въ томъ или другомъ городѣ ради своихъ коммерческихъ предпріятій. Дворамъ этихъ представителей купеческой аристократіи велась особая статистика. Отдѣльно перечисляются также въ переписяхъ дворы иногороднихъ торговыхъ людей. Такъ напр. въ Соликамскѣ въ 1678 г. кромѣ 340 дворовъ и 242 избъ, въ которыхъ жило мѣстное посадское на-

---

[1]) Матеріалы для исторіи города Устюга В., стр. 18.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 9; *Крестининъ*, Начертаніе исторіи города Холмогоръ. Спб. 1790 г. Къ указаннымъ четыремъ посадамъ онъ причисляетъ еще пятый, Падрокурскій, котораго не упоминаетъ писцовая книга.

селеніе, особо описаны 24 двора и 1 изба, принадлежавшіе посадскимъ чердынцамъ. Въ Архангельскѣ и Холмогорахъ въ особыя группы выдѣлены дворы, принадлежавшіе иноземнымъ торговымъ людямъ. По переписи 1678 г. въ Архангельскѣ такихъ дворовъ считалось 24. Довольно значительнымъ элементомъ въ сѣверныхъ городахъ является духовенство: бѣлое—вслѣдствіе обилія церквей и черное вслѣдствіе того, что монастыри, участвуя въ промышленной и торговой дѣятельности общества, держатъ въ городахъ свои особые дворы, въ которыхъ живутъ ихъ агенты. Такъ въ Устюгѣ В., гдѣ по переписи 1620-хъ годовъ считалось 689 посадскихъ дворовъ, значилось 59 дворовъ, принадлежавшихъ бѣлому духовенству, 1 дворъ митрополичій, 8 дворовъ монастырскихъ, кромѣ двухъ дворовъ монастырскихъ служекъ. Къ 1678 г. число дворовъ бѣлаго духовенства возрасло до 66 при 913 посадскихъ. Въ томъ же году въ Холмогорахъ при 500 посадскихъ дворахъ насчитывалось 38 дворовъ и 1 келья бѣлаго духовенства и 15 дворовъ монастырскихъ. Въ Хлыновѣ въ 1629 г. при 552 посадскихъ дворахъ считалось 50 дворовъ и 5 келій священно и церковнослужителей; въ 1678 г., послѣ того какъ городъ сдѣлался епархіальнымъ центромъ, при 604 посадскихъ дворахъ и 64 дворахъ бѣлаго духовенства оказалось еще 49 дворовъ „епископлихъ приказныхъ и домовыхъ его людей", т. е. принадлежавшихъ штату епископа вятскаго и великопермскаго. Въ городѣ Котельничѣ % дворовъ бѣлаго духовенства въ 1678 г. особенно великъ: на 43 посадскихъ двора приходилось 16 дворовъ церковныхъ причетниковъ. Цифры этихъ дворовъ еще увеличатся, если къ церковнымъ дворамъ причислять и кельи при церквахъ, въ которыхъ ютились нищіе и убогіе, призрѣваемые церковью. Такъ напр. въ тотемскомъ посадѣ въ 1676—79 гг. находилось 13 дворовъ церковнослужителей и 31 келья; въ послѣднихъ жили „нищія старицы", питающіяся отъ церквей Божіихъ по выраженію писцовыхъ книгъ. Въ Сольвычегодскѣ въ 1625 г. считалось: 31 дворъ церковныхъ причтовъ, 3 богадѣльни, изъ которыхъ двѣ были устроены Никитою Строгановымъ и 57 келій, гдѣ призрѣвались нищіе. Въ 1645 г. число такихъ келій возрасло до 74, а къ переписи 1678 г. увеличилось до 143, не считая двухъ богадѣленъ, мужской и женской. Число дворовъ церковныхъ причтовъ дошло къ этому году до 50.

Если городъ представляетъ изъ себя административный центръ, то къ перечисленнымъ группамъ городского населенія надо прибавить еще группу приказнаго персонала: подьячихъ съѣзжей и таможенной избы и низшихъ служителей при присутственныхъ мѣстахъ: сторожей, приставовъ разсыльщиковъ. Сюда же надо отнести и небольшія группы служилыхъ людей при городскихъ укрѣпленіяхъ: воротниковъ, пушкарей и т. д. Число такихъ дворовъ въ Сольвычегодскѣ по описанію 1678 г, равнялось 19; въ Хлыновѣ въ 1629 г. было 30, въ 1678 г.—48; въ Соликамскѣ въ 1647 г.—16; въ Архангельскѣ въ 1620-хъ годахъ—34; въ Холмогорахъ въ 1678 г.—18. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ городахъ расположены были болѣе или менѣе значительные гарнизоны стрѣлецкой пѣхоты. Такъ въ Архангельскѣ въ

1620-хъ годахъ при 115 дворахъ посадскихъ людей считалось 205 дворовъ стрѣлецкихъ, откуда слѣдуетъ, что Архангельскъ былъ не только торговымъ центромъ, но и значительнымъ пунктомъ обороны. Писцовая книга 20-хъ годовъ говоритъ объ устройствѣ въ Устюгѣ на посадѣ стрѣлецкой слободы на 50 человѣкъ, указывая при этомъ размѣры земельныхъ площадей, отводимыхъ подъ стрѣлецкіе дворы. Въ Соликамскѣ при 440 дворахъ и 243 избахъ посадскихъ людей мы находимъ 18 стрѣлецкихъ и 6 солдатскихъ дворовъ. Всѣ эти группы нетяглыхъ, „бѣлыхъ" дворовъ слѣдуетъ присоединить къ числу дворовъ посадскихъ, чтобы получить общіе итоги городского населенія. Такъ напр. въ Сольвычегодскѣ въ 1678 г. числилось 197 дворовъ посадскихъ людей, а всего жилыхъ дворовъ можно насчитать не менѣе 273, кромѣ 143 келій нищихъ. Въ Устюгѣ В. въ то же время при 913 дворахъ посадскихъ людей общее количество городскихъ дворовъ доходило до 1039. Указать такіе общіе итоги городскихъ дворовъ къ сожалѣнію далеко не всегда возможно, такъ какъ писцовыя и переписныя книги, интересуясь главнымъ образомъ тяглымъ городскимъ населеніемъ, не всегда даютъ точныя свѣдѣнія о его нетяглыхъ группахъ [1]).

Классъ посадскихъ людей не однороденъ по своему соціальному составу. Писцовыя книги подраздѣляютъ его на группы. Прежде всего онъ дѣлится на два разряда: посадскихъ людей собственно и бобылей; къ этому послѣднему разряду относятся обыкновенно и вдовьи дворы. Затѣмъ

---

[1]) См. приложеніе III. По числу дворовъ посадскихъ поморскіе города могутъ быть расположены въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ:

I-я половина XVII в.	20-е гг.	40-е гг.	II-я половина XVII вѣка.	
Устюгъ В.	689		Устюгъ В.	913
Хлыновъ	552		Хлыновъ	604
Карпоголь	491		Холмогоры	500
Холмогоры	473		Соликамскъ	440 и 243 избы
Соликамскъ	466		Слободской	338
Сольвычегодскъ	285	213	Тотьма	324
Тотьма	215	236	Чердынь	251
Чердынь	—	147	Сольвычегодскъ	197
Слободской	117		Архангельскъ	126
Архангельскъ	115		Кайгородъ	123
Ненокса	76		Ненокса	77
Орловъ	73		Луда	44
Чаронда	—	43	Уна	44
Турчасово	—	42	Котельничъ	43
Яренскъ	—	39	Турья	36
Турья	—	34	Орловъ	22
Кулуй	28		Шестаковъ	22
Шестаковъ	26		Яренскъ	21
Котельничъ	25		Кеврола	18
Уна	22		Кулуй	11
Луда	17			

сами посадскіе люди собственно дробятся еще на „статьи“: лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей. Нѣкоторыя книги ведутъ это дробленіе еще дальше, выдѣляя въ особыя группы „самыхъ молодыхъ“, „худыхъ“, „самыхъ худыхъ“, „самыхъ послѣднихъ и нищихъ людей“. Такъ въ Устюгѣ В. въ 1620-хъ годахъ изъ 689 посадскихъ дворовъ было: 13 лучшихъ, 92 среднихъ, 278 молодшихъ и 306 самыхъ худыхъ людей. Въ Сольвычегодскѣ въ 1625 г. считалось 7 дворовъ посадскихъ лучшихъ, 23 среднихъ, 215 молодшихъ и затѣмъ 40 дворовъ бобыльскихъ и „вдовъ бѣдныхъ“. Въ томъ же городѣ въ 1678 г. было собственно посадскихъ 92 двора, изъ нихъ 13 среднихъ и 79 молодшихъ и затѣмъ 105 дворовъ бобыльскихъ, вдовьихъ и нищихъ, причемъ и изъ бобыльской группы выдѣлена въ особый разрядъ группа бобыльскихъ „самыхъ скудныхъ“ дворовъ. Въ Тотьмѣ въ 1646 г. мы находимъ 89 дворовъ собственно посадскихъ людей, 137 дворовъ бобыльскихъ и 10 дворовъ нищихъ. Группа дворовъ собственно посадскихъ людей слагается здѣсь изъ 1 двора лучшаго, 11 среднихъ, 29 молодшихъ и 48 худыхъ. Въ Соликамскѣ въ 1678 г. было 202 двора собственно посадскихъ людей, именно: 7 лучшихъ, 28 среднихъ, 38 меньшей статьи, 129 молодшихъ, далѣе 183 двора и 147 избъ бобыльскихъ и вдовьихъ, наконецъ 55 дворовъ и 96 избъ „послѣднихъ усольцевъ и пришлыхъ разныхъ городовъ, и вдовьихъ, и нищихъ“. Такъ какъ подраздѣленіе посадскихъ людей на эти группы проводится не всѣми книгами и такъ какъ въ различныхъ книгахъ нельзя уловить ни единства признаковъ, по которымъ населеніе причисляется къ той или другой группѣ, ни даже однообразія самыхъ группъ, то нельзя изъ этихъ наблюденій сдѣлать какихъ либо общихъ выводовъ о соціальной группировкѣ всего посадскаго населенія Поморскаго края. Можно только ясно замѣтить, что по численному составу низшія категоріи преобладаютъ надъ высшими и средними и что къ концу вѣка это преобладаніе усиливается, если только критерій для распредѣленія по категоріямъ по переписи 1670-хъ годовъ не измѣнился сравнительно съ переписями первой половины столѣтія.

Если сравнивать цифры посадскаго населенія въ городахъ по переписямъ первой половины XVII столѣтія съ цифрами переписи 1678 г., то оказывается, что изъ 18 городовъ, относительно которыхъ такое наблюденіе возможно было сдѣлать, въ 13 количество посадскихъ дворовъ возрасло и притомъ въ нѣкоторыхъ городахъ на очень значительный процентъ. Такъ въ двухъ промышленныхъ посадахъ Двинскаго уѣзда оно увеличилось: въ Лудѣ болѣе чѣмъ въ 2½ раза, въ Унѣ ровно вдвое. Очень замѣтно возрасло посадское населеніе городовъ юговосточной части Поморья, гдѣ мы отмѣтили вообще сильный приростъ населенія: въ Слободскомъ число посадскихъ дворовъ увеличилось на 102%, въ Котельничѣ на 72%, въ Чердыни на 70%, въ Соликамскѣ, гдѣ по переписи 1647 г. значилось 466 дворовъ, перепись 1678 г. насчитала 440 дворовъ и 243 избы. Въ Тотьмѣ и Устюгѣ В. приростъ оказывается около трети прежней цифры, именно въ Тотьмѣ 37%, въ Устюгѣ 33%. Слабѣе онъ выразился въ Хлыновѣ—10%, въ Архангельскѣ—9% и въ Холмогорахъ—6% и былъ очень незначителенъ въ

Неноксѣ и Турьѣ. Уменьшеніе цифры посадскихъ дворовъ замѣтно въ 5 городахъ: Сольвычегодскѣ вслѣдствіе пожара, постигшаго этотъ городъ, въ Орловѣ, Шестаковѣ, Яренскѣ и Кулуѣ[1]). Въ общемъ всетаки изъ этого сравненія можно вывести, что посадское населеніе ко второй половинѣ XVII в. абсолютно возрастаетъ.

Будучи абсолютно очень невелики, цифры посадскихъ дворовъ представляютъ собою очень незначительный процентъ и относительно тяглаго уѣзднаго населенія. Наибольшихъ размѣровъ этотъ процентъ достигаетъ въ Двинскомъ уѣздѣ и въ Вятской землѣ. Въ первомъ число дворовъ посадскихъ его 6 посадовъ составляетъ относительно числа тяглыхъ дворовъ уѣздныхъ: крестьянскихъ, половничьихъ и бобыльскихъ въ 1620-хъ годахъ 15%, въ 1678 г.—17%. Того же уровня 17% достигаетъ посадское населеніе 5 посадовъ Вятской земли. Наименьшій %, выражающій отношеніе посадскихъ дворовъ къ уѣздному тяглому населенію, мы находимъ въ Кевролѣ въ 1678 г., гдѣ онъ равняется всего 1_6%. Изъ этихъ цифръ видно, какія ничтожныя величины представляли изъ себя сѣверные посады среди деревенской массы поморскаго населенія. Поморье надо признать по преимуществу деревенскимъ краемъ[2]).

---

[1]) Въ Сольвычегодскѣ вмѣсто 285 дв. въ 1620-хъ годахъ—213 въ 1640-хъ и 197 въ 1670-хъ; въ Орловѣ 73 въ первой половинѣ вѣка—22 во второй половинѣ; въ Яренскѣ 39—21; въ Кулуѣ 28—11; въ Шестаковѣ 26—22.

[2]) Отношеніе посадскаго населенія къ уѣздному въ Поморьѣ XVII в. по числу дворовъ посадскихъ и уѣздныхъ людей.

	Посадъ	Уѣздъ	% посадскаго населенія
Каргополь 1648 г.	491	3777	11_5%
Турчасовъ 1648 г.	42	2548	1_7%
Архангельскъ, Холмогоры, Ненокса, Луда, Уна, Кулуй } 1622—24 г.	731	3994	15%
тѣ же посады } 1678 г.	802	3797	17%
Кеврола 1678 г.	18	1090	1_6%
Яренскъ, Турья } 1646 г.	73	3292	2%
тѣ же 1678 г.	57	3324	1_7%
Вятскіе города 1678 г.	1029	8435	17%
Кайгородъ 1678 г.	123	997	11%
Чердынь 1647 г.	147	1589	8%
Чердынь 1678 г.	251	2861	8%
Соликамскъ 1647 г.	466	3733	11%
Соликамскъ 1678 г.	440+243 избы	6184	10%
Сольвычегодскъ 1625 г.	285	4140	6_4%

Эта послѣдняя мысль требуетъ однако нѣкоторыхъ. оговорокъ. Во-первыхъ, встрѣчаются волостные центры, „погосты“—поселки возлѣ церкви съ десятками дворовъ, лавками и амбарами, офиціально не носящіе названія посадовъ, но ничѣмъ не отличающіеся отъ нихъ. Таково напр. село Большое (Емецко) въ Двинскомъ уѣздѣ, описанное выше. Таковъ Лальскій погостъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ съ 56 дворами, слѣдовательно, по величинѣ превосходившій многіе посады. Во-вторыхъ, если цифра посадскаго населенія сѣвера представляетъ по отношенію къ цифрѣ уѣзднаго такую незначительную величину, какой, можетъ быть, не встрѣтимъ въ другихъ областяхъ Московскаго государства, то нигдѣ въ другой мѣстности посадъ не стоялъ въ такой тѣсной связи съ окружающей его деревней, какъ въ Поморьѣ. Поморское посадское населеніе было ничтожно по количеству сравнительно съ сельскимъ, но за то сельское населеніе стояло здѣсь гораздо ближе къ посадскому, гораздо менѣе отграничивалось отъ него, чѣмъ въ центрѣ и на югѣ, гдѣ уѣздъ съ его служилымъ землевладѣніемъ, холопскимъ населеніемъ барскихъ усадебъ и крѣпостнымъ крестьянствомъ, населявшимъ помѣстья и вотчины, представлялъ изъ себя соціальную среду, рѣзко обособленную отъ посада. На сѣверѣ этой соціальной разницы не было. И въ городѣ, и въ уѣздѣ жилъ одинъ и тотъ же черносошный мужикъ, занимавшійся одинаково земледѣліемъ на посадѣ и промыслами въ деревнѣ. Самыя названія „посадскій человѣкъ“ и „крестьянинъ“ были не болѣе, какъ шаткими терминами, обозначавшими не различіе юридическихъ состояній, а лишь разныя мѣста жительства. Въ нѣкоторыхъ малыхъ посадахъ посадскіе дворы даже и называются въ писцовыхъ книгахъ крестьянскими, напр. въ Кевролѣ и Турьѣ. Между посадомъ и уѣздомъ на сѣверѣ гораздо болѣе интенсивное взаимодѣйствіе, чѣмъ въ центрѣ и на югѣ, гораздо болѣе связующихъ интересовъ и отношеній. Многіе посадскіе люди владѣютъ деревнями или отдѣльными дворами въ деревняхъ въ уѣздѣ и носятъ въ такомъ случаѣ названіе посадскихъ людей „деревенскихъ владѣльцевъ“. Какими путями въ ихъ руки попадаютъ деревенскія владѣнія? Частію они сохраняютъ ихъ за собой, переселяясь изъ деревни на посадъ, частью пріобрѣтаютъ вновь путемъ разнаго рода гражданскихъ сдѣлокъ. Они оказываются, такимъ образомъ, принадлежащими къ двумъ состояніямъ: по владѣніямъ въ городѣ посадскими людьми, а по владѣніямъ въ волостяхъ они входятъ въ составъ волостныхъ крестьянскихъ міровъ[1]).

	Посадъ	Уѣздъ	% посадскаго населенія
Сольвычегодскъ 1678 г.	197	3399	5%
Устюгъ В. 1623—26 гг.	689	7087	8_8%
Устюгъ В. 1676 г.	913	8498	9_7%
Тотьма 1623—25	215	2593	7%
Тотьма 1646	236	2255	9%
Чаронда 1646	43	2481	1_7%

[1]) Пр. Д. 1646 № 48. Выборъ въ цѣловальники къ писцамъ въ Заборской волости Сольвычегодскаго уѣзда. (Въ писцовыхъ книгахъ эта волость носитъ

Такіе деревенскіе владѣльцы возбуждали иногда неудовольствіе въ посадской средѣ тѣмъ, что живя въ своихъ деревенскихъ усадьбахъ и увозя туда имущество уклонялись отъ посадскаго обложенія, производившагося „по животамъ“. „А которые посадскіе люди“, читаемъ въ одномъ протоколѣ сольвычегодскаго посадскаго схода за 1638 г.[1]), „искупя себѣ деревни, да живутъ въ своихъ деревняхъ, животы свои съ посаду развозили по своимъ деревнямъ, избываючи посадскихъ податей“. Но если посадскіе люди оказывались землевладѣльцами въ уѣздѣ, то съ другой стороны уѣздные крестьяне пріобрѣтали дворы въ городѣ и среди этихъ крестьянъ встрѣчались торговцы, ворочавшіе значительными капиталами, ведущіе обширныя коммерческія операціи, „отъѣзжіе торги“ въ Архангельскѣ и Сибири и всетаки не приписанные къ посаду[2]). Соціальная однородность съ уѣздомъ была особенностью поморскаго города, отличавшею его отъ городовъ

названіе: „Баскачьяго села деревни Заборскія“): „154 г. августа 18, Заборскіе волости крестьяне (имена) да *устюжане посадскіе люди, которые въ той Заборской волости деревнями владѣютъ*: Е. И. Курочкинъ да О. Даниловъ мыльникъ, А. М. Раидинъ, Л. Вонифатьевъ калачникъ, М. А. Серебряниковъ выбрали есмя и излюбили“ и т. д.; Пр. Д. 1652 № 138. Записная книга закладнымъ и купчимъ, по которымъ не взято пошлинъ. Здѣсь вслѣдъ за монастырями и высшими разрядами торговыхъ людей указаны простые устюжскіе посадскіе, пріобрѣтшіе деревни посредствомъ закладныхъ и купчихъ: Загибаловы на 521 р., Скрябины на 105 р., Гр. Губинъ на 291 р., Ходутины на 610 р., Обуховы на 950 р., Протасовы на 724 р. и др.; Р. И. Б. XII, Б. № CXVIII, 1, 1678 г. „Царю государю... бьютъ челомъ сироты твои Устюга В. посаду земскій староста Ѳ. Шергинъ съ товарищи и во всѣхъ мѣсто *устюжанъ посадскихъ людей деревенскихъ владѣльцевъ...*, у насъ, сиротъ твоихъ деревнишка и сѣнные покосишка наши въ разныхъ волостѣхъ покупаны у нихъ же крестьянъ повольною цѣною..., а въ тѣхъ нашихъ деревнишкахъ пашенныя земли и сѣнные покосишка многіе съ ихъ крестьянскими пашенными землями вмѣстѣ въ поляхъ, а иные особь за межами таковы жъ“; *Дмитріевъ*, Пермская Старина, III, 8—9. Здѣсь перечислены владѣнія чердынцевъ посадскихъ людей въ Окологородномъ стану и въ погостахъ: Вильгортѣ, Колчугѣ и др. по писцовымъ книгамъ 1623—24 г.; ibid. стр. 124—125. Соликамскіе посадскіе въ 1623—4 гг. владѣли 11-ю починками въ уѣздѣ и кромѣ того они же имѣли еще отдѣльные дворы въ 8 деревняхъ. Ср. Арх. мин. юст. писц. кн. 352, 474 по Чердыни и Соликамску за 1678 г.

[1]) Пр. Д. 1641 № 30 „Списокъ съ засетки слово въ слово“.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 480. Тотьма, 1623—25 г. Описаніе тотемскаго посада, л. 18: „дворъ Вожбольскіе волости крестьянина Б. Титова“; л. 24: „(дв.) Царевскіе волости крестьянина Оски Дружинина“; л. 31: „дворище Окологородные волости крестьянъ И. да О. Фирсовыхъ“ и т. д.; Пр. Д. 1646 № 154, докладъ устюжскаго подьячаго П. Давыдова, о которомъ говорилось выше стр. 111: „да въ Устюжскомъ же уѣздѣ крестьяне, живучи въ деревняхъ, торгуютъ, отъѣзжая въ Сибирь и къ городу Архангельскому тысячи по двѣ и по три, и по пяти, и по шести, и больши, а тягло платятъ съ деревень своихъ съ одное съ пашенные земли съ тѣми крестьяны ровно, которые не торгуютъ ничѣмъ.

центра и юга. На сѣверѣ трудно было провести границу между посадскимъ и сельскимъ населеніемъ, указать, гдѣ кончалось одно и гдѣ начиналось другое. Поморскій городъ какъ бы растворялся въ окружающей его однородной съ нимъ деревенской средѣ, съ которою онъ смѣшивался, такъ что писецъ не всегда могъ раздѣлить ихъ въ своихъ статистическихъ работахъ. Описывая напр. Яренскій посадъ въ 1608 г., писецъ къ нему же причисляетъ окружавшіе его 10 погостовъ и 3 волостки съ 187 деревнями и 11 починками и подводитъ одинъ общій итогъ всему этому конгломерату поселеній [1]).

Однородность соціальнаго состава отражалась между прочимъ въ особенностяхъ устройства мѣстнаго управленія и въ системѣ обложенія посада и уѣзда на сѣверѣ. Въ центрѣ и на югѣ уѣздъ, какъ обособленный міръ помѣщичьихъ усадебъ съ ихъ спеціальными дворянскими служилыми, землевладѣльческими и душевладѣльческими интересами составлялъ отдѣльное самоуправляющееся цѣлое, дворянскую корпорацію съ своими выборными предводителями, мало имѣвшую общаго съ посадскимъ міромъ, выбиравшимъ своихъ особыхъ земскихъ старостъ и другихъ мірскихъ агентовъ. На сѣверѣ городъ и уѣздъ, однородные по составу населенія, представляли изъ себя единое цѣлое въ юридическомъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Посадъ съ уѣздомъ и въ тягломъ отношеніи былъ одной единицей, на которую падала извѣстная доля казеннаго оклада, разводившаяся между ними на основаніи внутренняго соглашенія, устанавливавшагося на общемъ сходѣ посадскихъ и уѣздныхъ людей. Единеніе посада съ уѣздомъ на сѣверѣ въ распредѣленіи тягла отмѣчали московскія торговыя корпораціи: гостиная и суконная сотни въ челобитной государю, въ которой онѣ просили не назначать ихъ членовъ къ службамъ въ Холмогоры и въ которой давали характеристику порядковъ, существовавшихъ въ Двинской землѣ, гдѣ, какъ онѣ писали, „многіе посады и волости съ деревнями живутъ всѣ въ ровенствѣ, даньми и службами заодно.... и въ томъ холмогорцамъ отъ уѣздныхъ людей въ службахъ вспоможеніе великое“ [2]). Въ податномъ отношеніи правительство не дѣлало различія между посадскимъ и уѣзднымъ населеніемъ на сѣверѣ, приравнивая черносошныхъ крестьянъ къ посадскимъ людямъ, что особенно ясно сказалось при введеніи стрѣлецкой подати въ началѣ 80-хъ годовъ XVII столѣтія. Для всей остальной Россіи эта подать была городскимъ налогомъ, падавшимъ на посадское населеніе; въ Поморьѣ дворы черносошныхъ крестьянъ были обложены ею наравнѣ съ посадскими дворами.

Несмотря на такую тѣсную связь города съ уѣздомъ на сѣверѣ, все же замѣтны иногда случаи нѣкотораго антагонизма между ними. Столкновенія происходили чаще всего именно по поводу раскладки и взноса податей и отбыванія повинностей. Большое неудовольствіе въ средѣ волостныхъ крестьянскихъ міровъ возбуждали посадскіе, владѣвшіе деревнями въ волостяхъ, стремившіеся обыкновенно освоить ихъ, выдѣлиться отъ міра, обо-

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 142.

[2]) Д. А. И. VI № 134.

собить свои пашни и угодья отъ волостныхъ общинныхъ отношеній, и если не совсѣмъ уклониться отъ крестьянскаго тягла, то, по крайней мѣрѣ обособиться отъ волостного міра въ его несеніи. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1632 г. крестьяне Орловской волости Устюжскаго уѣзда жалуются на устюжанина посадскаго человѣка Бажена Максимова, владѣвшаго въ этой волости 3/4 деревни Ульяницы и не платившаго съ нея податей[1]). Въ 1647 г. Черевковская волость того же уѣзда бьетъ челомъ на посадскаго Ивана Ходутина, который, купивъ въ волости лучшихъ тяглыхъ 10 деревень, не платитъ съ нихъ всей причитающейся суммы[2]). Въ 1638 г. такая же жалоба отъ Ратмировской волости Сольвычегодскаго уѣзда вообще на посадскихъ, владѣющихъ въ волости деревнями[3]). Въ іюнѣ 1657 г. былъ изданъ законъ, который подтверждалъ за великоустюжанами посадскими людьми право на владѣніе деревнями въ уѣздѣ, но требовалъ, чтобы съ этихъ деревень вносились подати и отбывались службы снимавшими въ нихъ участки крестьянами и половниками наряду съ прочими волостными крестьянами[4]). Правительство проводило здѣсь тотъ же взглядъ, котораго оно держалось относительно монастырскихъ вотчинъ; оно противодѣйствовало освоенію посадскими людьми черной земли въ волостяхъ и настаивало на отбываніи съ нея тягла. Если законодатель принужденъ былъ выставить такое требованіе, это значитъ, что въ жизни встрѣчались факты противоположнаго свойства. Въ свою очередь посадскіе, владѣвшіе деревнями въ волостяхъ, указывали на чрезмѣрное и несправедливое обложеніе именно ихъ деревень волостными мірами, которыми руководили деревенскіе воротилы, „горланы и ябедники". Въ 1678 г. устюжскіе посадскіе „деревенскіе владѣльцы" писали, что имъ благодаря такой неравномѣрной раскладкѣ „быть съ волостными крестьяны невозможно" и просили позволить имъ подати платить особо отъ крестьянъ, а въ казенныя службы, которыя должны были отбываться съ этихъ деревень, назначать ихъ, посадскихъ, на посадскомъ сходѣ[5]). Словомъ, въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же явленіями, которыя наблюдали вообще въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ.

Конфликты посадовъ съ уѣздами принимали болѣе широкіе размѣры, когда въ спорѣ по поводу раскладки и отбыванія тягла заинтересованными являлись не тѣ или другія группы посадскаго и уѣзднаго населенія, а весь посадъ и весь уѣздъ въ цѣломъ. Въ 1646 г. Тотемскій уѣздъ подалъ жалобу на тотемскій посадъ по поводу выборовъ на должности таможенныхъ и кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ. По прежнимъ царскимъ указамъ предписывалось выбирать таможенныхъ и кабацкихъ головъ на Тотьмѣ изъ посадскихъ или уѣздныхъ людей безразлично. Между тѣмъ на практикѣ установилось такъ, что головы выбирались исключительно изъ по-

---

[1]) Пр. Д. 1632 № 36.
[2]) Пр. Д. 1647 № 27.
[3]) Пр. Д. 1638 № 70.
[4]) П. С. З. № 79.
[5]) Р. И. Б. XII, Б, № CXVIII, 1.

садскихъ, а цѣловальники изъ уѣздныхъ людей. Головы всячески притѣсняли цѣловальниковъ, заставляя ихъ платить и взыскивая съ ихъ избирателей разнаго рода недочеты по таможеннымъ и питейнымъ сборамъ и держа ихъ у себя на посылкахъ „вмѣсто работныхъ людей“ [1]). Въ 1647 г. мы видимъ столкновеніе посада съ уѣздомъ въ Устюгѣ В. Посадскіе люди жалуются на неравномѣрное распредѣленіе казенныхъ службъ. Службы эти падаютъ исключительно на посадъ, составляющій лишь 11 сошекъ, тогда какъ уѣздъ, составляющій 200 сошекъ, отъ нихъ свободенъ. Ежегодно съ посада берется по 70 человѣкъ и больше въ головы и цѣловальники къ разнаго рода казеннымъ сборамъ, притомъ къ далекимъ отъѣзжимъ службамъ въ сибирскіе города. Между тѣмъ среди уѣздныхъ людей, какъ указываетъ челобитная посада, есть много промышленныхъ и торговыхъ людей, ведущихъ большіе отъѣзжіе торги въ Сибири, которые могли бы быть привлекаемы къ казеннымъ службамъ [2]). Въ 1649 г. каргопольскій посадъ жаловался на уѣздныхъ крестьянъ, которые не хотятъ давать подмоги избраннымъ посадомъ таможеннымъ и кабацкимъ головамъ, посылавшимся на службу въ Кольскій острогъ. Уѣздные люди подали встрѣчную челобитную, въ которой заявляли, что каргопольцы посадскіе напрасно стремятся привлечь ихъ къ выборамъ кольскихъ головъ, что они все люди пашенные и для такой большой службы не годятся и просили ихъ отъ нея избавить [3]). Въ концѣ столѣтія въ Устюгѣ В. столкновеніе посада съ уѣздомъ привело къ разрыву между ними и къ отдѣленію одного отъ другого въ управленіи и въ податныхъ сборахъ.

---

[1]) Пр. Д. 1644 № 38.
[2]) Пр. Д. 1646 № 52.
[3]) Пр. Д. 1649 № 103.

Глава IX.

Сельское населеніе.

Выше было указано, что по сохранившимся документамъ XVII в. нельзя дать сколько нибудь полной статистической картины ни количества сельскаго населенія въ Поморьѣ, ни его движенія, и приходится въ этомъ отношеніи ограничиться только отрывочными иллюстраціями. Не упуская изъ вида этой оговорки, можно уѣзды, въ которыхъ намъ извѣстно количество дворовъ сельскаго тяглаго населенія, расположить въ слѣдующихъ нисходящихъ рядахъ:

I-я половина XVII в.	20-е гг.	40-е гг.
Заонежскіе погосты	—	7208
Устюжскій у.	7087	
Каргопольскій у.	—	6325
Сольвычегодскій у.	4140	
Двинскій у.	3994	
Соликамскій у.	1451	3733
Яренскій у.	2205	3292
Тотемскій у.	2593	2255
Чарондская округа	—	2481
Устьянскія волости	—	1887
Чердынскій у.	—	1588
Кевропьскій у.	1649	
Мезенскій у.	1004	
Кольскій у.	81 и 142 вежи.	

II-я половина XVII в.	70-е гг.
Вятская земля	8435
Устюжскій у.	8498
Соликамскій у.	6184
Двинскій у.	3797
Сольвычегодскій у.	3399
Яренскій у.	3323
Чердынскій у.	2861
Устьянскія волости	1984
Кевропьскій у.	1090
Кайгородскій у.	997
Мезенскій у.	839

Изъ сравненія цифръ первой половины столѣтія съ цифрами второй тамъ, гдѣ это возможно сдѣлать, получимъ свѣдѣнія о движеніи населенія въ XVII в. Наибольшій ростъ населенія замѣчается въ юго-восточномъ углу Поморья, въ Вятской и Пермской земляхъ благодаря направившемуся туда потоку колонизаціи. Колонизація шла въ этотъ край какъ изъ другихъ поморскихъ областей, такъ и изъ центра московской Руси. Среди пришельцевъ въ Соликамскій уѣздъ писцовыя книги упоминаютъ: устюжанъ, сольвычегодцевъ, сысолянъ, тотьмянъ, каргопольцевъ, галичанъ,

угличанъ, нижегородцевъ, москвичей, владимірцевъ, калужанъ[1]). Въ ростѣ населенія первенство и принадлежитъ Соликамскому уѣзду; его населеніе съ 1620-хъ годовъ возрасло къ 1640-мъ на 157%, а къ 70-мъ на 395%, т. е. увеличилось вчетверо. Не столь поразительные, но все же очень видные успѣхи сдѣлалъ Чердынскій уѣздъ, гдѣ увеличеніе сравнительно съ данными 40-хъ годовъ выражается 80%. Увеличилось въ 1½ раза сравнительно съ 20-ми годами также и населеніе сѣверо-восточнаго угла Поморья, Яренскаго уѣзда, также благодаря колонизаціи. Населеніе Устюжскаго уѣзда возрасло съ 20-хъ годовъ лишь на 19%, населеніе Устьянскихъ волостей только на 5%. Въ этихъ уѣздахъ увеличеніе объясняется естественнымъ приростомъ, покрывавшимъ отливъ населенія отсюда къ востоку. Но въ уѣздахъ Двинскомъ, Тотемскомъ и Сольвычегодскомъ естественный приростъ населенія не былъ въ состояніи покрыть убыль, причиненную начавшейся отсюда эмиграціей, и въ этихъ уѣздахъ замѣчается убыль населенія: въ Сольвычегодскомъ на 18%, въ Двинскомъ на 5% сравнительно съ 20-ми годами. Въ Тотемскомъ къ 40-мъ годамъ сравнительно съ 20-ми уменьшеніе выражается 13%. Отливъ населенія изъ центральныхъ старинныхъ уѣздовъ Поморья во вновь заселяющійся Вятскій и Пермскій край—вотъ наблюденіе, которое позволяютъ сдѣлать приведенныя цифры.

Актами правительственной статистики, т. е. писцовыми и переписными книгами тяглые дворы, точнѣе дворохозяева распредѣлялись на сѣверѣ по тремъ группамъ: крестьянъ, половниковъ и бобылей. Принадлежность къ той или иной группѣ опредѣлялась отношеніемъ дворохозяина къ землѣ и къ тяглу. Крестьянами, какъ ихъ рисуютъ писцовыя книги, назывались тяглые люди, промышлявшіе на участкахъ дворцовой, черной, церковной или частновладѣльческой земли. Участіе крестьянина въ несеніи тягла опредѣлялось размѣрами земельнаго участка, который онъ обрабатывалъ и выражалось посредствомъ особой податной единицы, называвшейся вытью. Для отбыванія тягла крестьяне смыкались въ особыя группы—выти, по которымъ и производилась разверстка всей суммы тягла. Каждая выть несла опредѣленную долю тягла и надѣлялась опредѣленнымъ количествомъ пахотной земли и угодій, работа на которыхъ и давала крестьянину средства нести тягло, т. е. платить подати и отбывать службы, входившія въ составъ тягла. Такимъ образомъ выть была не только единицею податного обложенія, но также и единицею поземельнаго надѣленія, по крайней мѣрѣ въ черносошныхъ волостяхъ. Черная, государственная земля отводилась крестьянáмъ писцовой книгой какъ-бы въ надѣлы въ опредѣленномъ количествѣ пахоты, луга и лѣса, и это количество всякаго рода угодій расчитывалось на выть. Если какого либо изъ угодій не доставало противъ опредѣленнаго на выть размѣра, оно замѣнялось другимъ угодьемъ. Напр. если не хватало луговой земли, вмѣсто нея давалось больше пашни. Наоборотъ, если какого либо угодья оказывалось излишнее количество противъ полагавшагося по числу вытей, угодье отдавалось кресть-

[1]) *Дмитріевъ*, Пермская Старина, I, 107, 143.

янамъ въ пользованіе за особую оброчную плату. Такъ напр. въ Устюжскомъ уѣздѣ пашня, оказавшаяся у двора въ излишнемъ противъ вытнаго письма количествѣ, называлась „завытной" и отдавалась двору въ оброчное держаніе. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ такая завытная пашня называлась „примѣрной", подобно тому какъ въ средней и южной Руси „примѣрной" называлась пашня, оказавшаяся у служилаго человѣка помѣщика сверхъ его дачи [1]).

[1]) *П. Ивановъ*, Сѣверныя писцовыя книги, какъ матеріалъ для исторіи обложенія. Труды Археогр. Ком. Моск. Археол. Общ. II, 50. Пр. Д. 1653 № 59. „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой Каргопольскаго уѣзда Троицкой волости съ Лугу деревни Мартемьяновской..... сѣна, государь, написали къ той деревни всего 7 копенъ кругъ поль. А на жило и на пусто не дошло сѣна 38 копенъ. И сѣнныхъ, государь, покосовъ у той деревни по рѣкамъ нигдѣ не прилегло, а вмѣсто сѣнныхъ покосовъ дана намъ сиротамъ пахотная боровая земля"; Арх. мин. юст. писц. кн. 446. Сольвычегодскъ. 7133 г., л. 700: „Пашни паханые серед. зем... 14 чет. Сѣна 60 коп. Въ живущемъ выть. Да примѣрные пашни $8^1/_2$ чет. Оброку 14 алт. 1 д. Поскотины 12 дес. Лѣсу 10 дес. Да у тое жъ деревни сѣна завытнаго 50 коп..... оброку 2 алт. 3 д.;" Арх. мин. юст. писц. кн. 506, л. 163 и сл. Устюжск. у. 1623—26 г. Въ Устюжскомъ уѣздѣ полагалось на выть 14 четей средней или 16 четей худой пахотной земли и 40 копенъ луга. Въ дерев. Пинегинѣ въ Сухонскомъ стану оказалось пашни серед. земли 14 чет., сѣна 146 коп. „въ живущемъ выть. А за остальное сѣно за 106 копенъ оброку 8 алт. 5 ден.", т. е. по $^1/_2$ деньги съ копны. Ibid.: „И всего въ Сухонскомъ въ черномъ стану $60^1/_4$ дерев. и т. д. Пашни паханой середней земли $1060^1/_2$ чети да перелогомъ 79 чет. Сѣна 4018 копенъ. Да сѣна жъ на выти не достало 365 копенъ и за сѣно дано пашенные и переложные земли $36^1/_2$ чети. А за остальное сѣно, у которыхъ деревень за вытми оставалось за 1086 коп. оброку 2 руб. 23 алт. 5 ден. А вытей въ живущемъ $75^3/_4$ выти". Плата за такое „завытное" сѣно называлась „сѣннымъ оброкомъ". Изъ другихъ угодій въ Устюжскомъ уѣздѣ „лѣсъ непашенный" отводился на выть всегда въ двойномъ размѣрѣ противъ „лѣса пашеннаго". Такъ напр. на упомянутую выше деревню Пинегино приходилось лѣсу пашеннаго 5 десятинъ, лѣсу непашеннаго 10 десятинъ; на весь Сухонскій черный станъ лѣсу пашеннаго 358 десятинъ, лѣсу непашеннаго 716 десятинъ. Такія же наблюденія можно сдѣлать и по тотемской писцовой книгѣ 1623—25 г. Арх. мин. юст. писц. кн. 480, напр. л. 169: „дер. Сидоровская, Пятовская тожъ, на рѣчкѣ на Ковдѣ..... всего 5 дворовъ. Пашни паханые худые земли 10 чети въ полѣ, а въ д. п. Сѣна по рѣчкѣ по Ковдѣ подъ деревнею 10 копенъ, и сѣна не достало на полвыти и получеть 15 копенъ, и въ сѣна мѣсто дано пашенные земли десятина".....; „дер. Моклоковъ, Лыщиковъ и Брагинскій починокъ на р. на Ковдѣ. Пашни паханые худые земли 16 чет. въ п. а въ д. п. Сѣна 100 копенъ.... въ живущемъ выть. И за вытнымъ письмомъ сѣна осталось 60 копенъ, и за то остальное сѣно положено оброку 6 алт. за 10 копенъ по алтыну". Слѣдовательно и въ Тотемскомъ уѣздѣ на выть полагалось по 40 копенъ; но размѣры сѣнного оброка за завытное сѣно иные: $^2/_3$ деньги за копну. Такого однообразнаго отношенія между пашеннымъ и непашеннымъ лѣсомъ, какъ въ устюжской книгѣ, въ тотемской мы не замѣчаемъ.

Излишняя сверхъ нормы, положенной на вытную долю, земля отдавалась всякому желающему, представившему за себя поручителей въ оброчное держаніе за особый „денежный оброкъ“, какъ называлась эта арендная плата въ отличіе отъ „вытнаго оброка“, т. е. подати, входившей въ составъ тягла, распредѣлявшагося по вытямъ[1]). Оброчные держатели по одному только этому держанію не входили въ составъ тяглыхъ волостныхъ міровъ, въ качествѣ полноправныхъ членовъ. Но тяглецы, снимавшіе участки черной земли „изъ тягла“, могли сверхъ того снимать въ оброчное держаніе землю никѣмъ не занятую или также и тяглые пустовавшіе участки, пока эти послѣдніе не находили себѣ тяглеца.

Итакъ крестьянинъ, какъ его представляетъ писцовая книга, это—съемщикъ земли „изъ тягла“, размѣры котораго опредѣлялись долями выти. Поэтому крестьяне называются иногда въ актахъ „данными крестьянами“. Сообразно съ долею выти, которая за нимъ значилась, онъ владѣлъ участкомъ земли съ угодьями. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить разницу между взглядомъ черныхъ крестьянъ на владѣемую ими землю и той точкой зрѣнія, которая проводилась на это владѣніе писцовой книгой. Приходилось уже говорить, что сами крестьяне разсматривали участки черной земли, какъ свои вотчины и осуществляли на нихъ всѣ права распоряженія. Точка зрѣнія государственной власти, выражавшаяся писцовой книгой—иная. Съ этой послѣдней участки черныхъ крестьянъ имѣли характеръ надѣловъ государственной земли, размѣры которыхъ опредѣлялись размѣрами тягла и, конечно, не имѣли значенія вотчинъ. Между крестьянами различались старинные, „коренные“, издавна принадлежавшіе къ обществу, владѣвшіе участками, которыми владѣли еще ихъ отцы и дѣды и крестьяне-порядчики, снимавшіе земельные участки на опредѣленный срокъ, элементъ болѣе подвижной. Среди коренныхъ крестьянъ благодаря долговременности владѣнія одними и тѣми же участками земли и наслѣдственнымъ переходамъ этихъ участковъ во многихъ поколѣніяхъ и находила себѣ благопріятныя условія мысль о собственности на владѣемую ими черную землю. Въ этой то средѣ и вырабатывается въ противоположность писцовой книгѣ взглядъ на черные участки, какъ на вотчины. Крестьяне на сѣверѣ не всегда занимаются земледѣліемъ; мы встрѣчаемъ, рѣдко правда, и „непашенныхъ крестьянъ“. Такъ названы напр. крестьяне Керетской волости Кольскаго уѣзда, у которыхъ упоминаются „огородцы“ и „пожни“—сѣнокосы, но пашенъ нѣтъ, такъ какъ хлѣбъ тамъ не родился. Такое же названіе носятъ по писцовой книгѣ 1620-хъ годовъ нѣкоторые немногочисленные впрочемъ крестьяне, жившіе на погостахъ Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ[2]). Вообще этотъ разрядъ крестьянъ является ничтожнымъ меньшинствомъ.

По количеству крестьянство преобладаетъ въ тѣхъ уѣздахъ по крайней мѣрѣ, гдѣ писцовыя книги отдѣляютъ его отъ другихъ группъ сель-

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. Устюж. у. 506, 507, напр. волость Вохма.

[2]) *Дмитріевъ*, Пермская Старина, III.

скаго населенія. Эти уѣзды по проценту крестьянскихъ дворовъ могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:[1]).

I-я половина XVII в.	1620-е гг.	1640-е гг.	II-я половина XVII в.	1670-е гг.
Мезенскій у.	98,%		Устьянскія волости	98%
Каргопольскій у.	—	97%	Соликамскій у.	90%
Двинскій у.	96%		Двинскій у.	89%
Соликамскій у.	—	96%	Кайгородскій у.	88_5%
Устьянскія волости	96% (1635-6 г.)		Кевропьскій у.	87%
Тотемскій у.	96%	89%	Устюжскій у.	78%
Кевропьскій у.	93_3%		Мезенскій у.	74%
Устюжскій у.	83%		Чердынскій у.	71%
Заонежскіе погосты	—	80%	Яренскій у.	69%
Чердынскій у.	—	51%	Сольвычегодскій у.	67%

Кромѣ крестьянъ въ Поморьѣ существовалъ другой земледѣльческій классъ—половники. Отличіе ихъ отъ крестьянъ заключалось прежде всего въ отношеніи къ той землѣ, на которой они работали. Крестьяне сидѣли на черной землѣ и смотрѣли на свои участки, какъ на свои вотчины, которыми они могли распоряжаться. Между ними и государствомъ, права котораго на эти участки они всетаки не теряли изъ вида, не было никакихъ посредниковъ—землевладѣльцевъ. Они стоятъ въ земельныхъ отношеніяхъ непосредственно къ государству, арендаторами котораго по одиночкѣ или цѣлыми обществами они являются. Половникъ рядится на чужую землю; это просто рабочій, обрабатывающій чужую землю на извѣстныхъ условіяхъ, и участокъ, на которомъ онъ работаетъ, для него все время остается чужимъ, онъ не можетъ имъ распоряжаться. Главную массу половниковъ мы и находимъ на церковныхъ и на частновладѣльческихъ земляхъ. По писцовой книгѣ Сольвычегодскаго уѣзда въ 1620-хъ годахъ на земляхъ, принадлежавшихъ монастырямъ и Строгановымъ сидятъ исключительно половники[2]). Въ половинѣ XVII в. нѣсколько волостныхъ обществъ Устюжскаго уѣзда показывали, что въ ихъ волостяхъ много вотчинъ, принадлежавшихъ монастырямъ и посадскимъ людямъ, и что въ этихъ вотчинахъ живутъ половники[3]). Но половники снимали участки не только въ вотчинахъ монастырей и частновладѣльческихъ. Мы ихъ встрѣчаемъ также и у простыхъ черносошныхъ крестьянъ, порядившихъ ихъ работать на свои деревенскіе участки. Половничій договоръ съ хозяиномъ земли бывалъ обыкновенно краткосроченъ. Половникъ нанимался на годъ, на два или на три и работалъ изъ доли урожая, причемъ эти доли были различны, и половина урожая за вычетомъ сѣмянъ была не единственнымъ

---

[1]) Абсолютныя цифры см. прилож. II.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 446.

[3]) Пр. Д. 1652 № 101. Именно Ярокурскаго стану Спасскій приходъ, Вотложемская волость, Вондокурскій станъ, Ягрышская, Луженская, Ерогоцкая волости.

условіемъ половническаго договора. Въ Устьянскихъ волостяхъ кромѣ половниковъ упоминаются еще „третники“, работавшіе очевидно изъ третьей доли продукта[1]). Встрѣчаемъ и болѣе сложныя условія дѣлежа. „Въ прошломъ, государь, во 133 году“, пишетъ одинъ половникъ Устюжскаго уѣзда Подосиновской волости, „половничалъ я, сирота твоя, тое жъ волости у крестьянина у Павла Григорьева сына Плосконосаго въ деревнѣ Петрушинской на готовѣ его Павловѣ лошади; а въ рядѣ, государь, у насъ было изо ржаного, да изъ ярового хлѣба за сѣмены дѣлить на пятеро: хозяину Павлу три мѣры, а мнѣ, половнику, двѣ мѣры“[2]). Значитъ на долю половника приходилось въ этомъ случаѣ $^2/_5$ урожая. Но въ итогахъ писцовыхъ книгъ такіе третники и работники, получавшіе иныя доли продукта, относятся къ половникамъ; да и самъ только что упомянутый челобитчикъ, работавшій изъ $^2/_5$, называетъ себя половникомъ. Надо думать, что половина урожая, отъ которой и самый этотъ классъ людей получилъ свое названіе, бывала всетаки наиболѣе частымъ условіемъ. По крайней мѣрѣ въ 1646 г. извѣстный Устюжскій коммерсантъ гость Кирило Босой давалъ такую, приводившуюся уже въ литературѣ, характеристику отношенія половниковъ и хозяевъ въ своихъ и другихъ частновладѣльческихъ вотчинахъ: „а въ нашихъ, государь, мѣстѣхъ живутъ у насъ въ деревнишкахъ нашихъ крестьяне твои государевы вольностью на урочныя лѣта, кто на сколько лѣтъ уговорится жить, иные на два и на три года, какъ кому въ которыхъ мѣстѣхъ поживется. А какъ, государь, имъ урочные годы отойдутъ, и они, государь, переходятъ въ иныя деревни къ инымъ хозяевамъ. А кому, государь, не поживется, и они до урочныхъ лѣтъ отходятъ. А сильно, государь, у насъ никого не держатъ. А живутъ, что наймиты, а хлѣбъ пашутъ на своихъ коняхъ исполу, намъ половина, а имъ другая[3]).

Такимъ образомъ половники нанимались обрабатывать чужую, хозяйскую землю. Были ли они тяглыми людьми? Нѣтъ сомнѣнія, что они участвуютъ въ платежѣ податей, но не непосредственно, а чрезъ посредство своихъ хозяевъ. Земельные участки, снимаемые половниками, выражены въ частяхъ вытнаго письма, значитъ, участвуютъ въ тяглѣ, и въ той долѣ урожая, которая вносится половникомъ хозяину, заключается и подать, падающая на снятый участокъ; но подать взыскивается не съ половника, а съ хозяина, который и является лицомъ, отвѣтственнымъ передъ казной

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 15.038, 1635—36 гг.... Волость Чадрома, деревня Петроково, „а въ ней крестьянъ... (вд) Осипко Мякининъ, (вд) Гришка Мокѣевъ, (дв.) Ивашка Никонова, живетъ третникъ его Четверко Мокѣевъ“... Волость Пежма, деревня Селютинская, Запольная тожъ... „(дв.) земскаго и церковнаго дьячка Васки Миронова, а живутъ въ немъ третники Сидорко, да Ивашко, да Климко Сергѣевы съ братомъ Кирилкомъ Сергѣевымъ“.

[2]) Пр. Д. 1627 № 67, лл. 194—195.

[3]) Пр. Д. 1646 № 52. *Дьяконовъ*, Очерки по исторіи сельскаго населенія, 152.

въ уплатѣ. На такое положеніе дѣла указываютъ послѣднія слова, которыми гость Кирило Босой заканчиваетъ приведенную выше характеристику половничества: „а твои, государевы, всякія подати во всякіе поборы съ тѣхъ своихъ деревень платимъ мы, холопи твои, съ черными крестьяны вмѣстѣ". То же показывали въ 1651 г. архимандритъ и старцы устюжскаго Архангельскаго монастыря о своихъ половникахъ въ сольвычегодской вотчинѣ монастыря: „у насъ въ Усольскомъ уѣздѣ въ монастырской вотчинѣ данныхъ и вотчинныхъ крестьянъ нѣтъ, пашутъ половники, рядятся погодно... А мы съ своихъ монастырскихъ деревнишекъ всякіе государевы четвертные доходы.... и въ мірскіе во всякіе розметы платимъ сполна"[1]). Слѣдовательно отвѣтственными тяглецами являлись владѣльцы тяглыхъ деревень, хозяева, а не съемщики участковъ въ нихъ. Есть указаніе, что возможность участія половниковъ въ другомъ видѣ тягла—въ отбываніи разныхъ казенныхъ службъ, на которыя выбирались крестьяне, вызывала сомнѣніе. Въ 1640 г. устюжскій таможенный и кабацкій голова Леонтій Подошевниковъ отказывался принять къ себѣ цѣловальниковъ, выбранныхъ изъ половниковъ монастырскихъ и частновладѣльческихъ вотчинъ по той причинѣ, „что они у нихъ въ деревняхъ поряжены въ половники на время, а не вотчинные коренные крестьяне, и такимъ де половникамъ вѣрить въ государевой казнѣ немочно"[2]). Однако уже самое внесеніе половничьихъ дворовъ въ писцовыя книги съ такою же подробностью въ описаніи ихъ, съ какою описывались и крестьянскіе дворы, показываетъ, что правительство склонно было причислить ихъ къ тяглымъ людямъ. Во второй половинѣ вѣка послѣдовалъ рядъ указовъ, предписывавшихъ взимать съ половниковъ подати и привлекать ихъ къ службамъ наряду съ крестьянами, и такимъ образомъ вопросъ объ отношеніи половниковъ къ тяглу получилъ законодательное разрѣшеніе[3]).

Съ тѣхъ поръ, какъ половники были привлечены къ отбыванію тягла наряду съ крестьянами, разница между этими общественными группами сглаживается. Различіемъ между крестьянами „старинными коренными" съ одной стороны и половниками съ другой является свобода перехода для вторыхъ и прикрѣпленіе первыхъ къ обществамъ или къ владѣльцамъ. Старинный крестьянинъ—постоянный, неподвижный элементъ, привязанный стариною навѣки къ своему состоянію. Половники—бродячіе люди, связывающіе себя договорами лишь на короткіе сроки, часто нарушающіе эти договоры. Но половники очень близко подходятъ къ другой группѣ крестьянъ, къ крестьянамъ—порядчикамъ, заключающимъ при съемѣ земли также срочные договоры. Разница между этими классами иногда совершенно неуловима. Половникъ, говоря о себѣ, называетъ себя крестьяниномъ и только о занятіи своемъ выражается: „половничалъ" или „жилъ на половьѣ

---

[1]) Пр. Д. 1651 № 52.
[2]) Пр. Д. 1639 № 45.
[3]) *Дьяконовъ*, op. cit., 167 и сл.

въ порядчикахъ", напр.: „бьетъ челомъ сирота твой государевъ—Устюжскаго уѣзда Подосиновскіе волости крестьянинъ Безсонко Яковлевъ..... Половничалъ я, сирота" и т. д. Это обычный способъ выраженія[1]). Какъ мы видѣли выше, и гость Кирило Босой также называлъ половниковъ крестьянами. Различіе этихъ терминовъ не всегда выдерживаютъ и официальные акты, писцовыя книги. Устюжская писцовая 1620-хъ годовъ, вообще различающая крестьянъ отъ половниковъ, въ описаніи нѣсколькихъ волостей уѣзда: Ляблы, Чупровой, Черевковской, Сидоровой Ѣдомы и Ягрышской неожиданно включаетъ половничьи дворы въ общіе итоги съ крестьянскими[2]). Въ вятской переписной книгѣ 1678 г. въ описаніяхъ отдѣльныхъ вотчинъ хлыновскаго Успенскаго монастыря земледѣльцы, сидящіе въ этихъ монастырскихъ вотчинахъ, называются половниками, въ итогѣ же вотчинъ названы крестьянами[3]). Отсутствіе выдержки въ терминологіи происходитъ благодаря близости общественныхъ группъ, обозначаемыхъ терминами, которые смѣшиваются; но оно очень затрудняетъ статистическое представленіе о классѣ половниковъ. Вотъ почему въ этомъ случаѣ особенно нельзя поручиться за точность приводимыхъ ниже данныхъ. Наибольшую относительную[4]) цифру половничьихъ дворовъ мы находимъ въ 1670-хъ годахъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ—30%; за нимъ слѣдуетъ Устюжскій—17% въ 1620-хъ и 22% въ 1670-хъ годахъ. Остальные уѣзды, гдѣ писцовыя книги отдѣляютъ половниковъ отъ крестьянъ, расположатся слѣдующимъ образомъ:

I-я половина XVII в.	40-е годы	II-я половина XVII в.	70-е годы.
Тотемскій у.	2%	Яренскій у.	3%
Яренскій у.	1%	Чердынскій у.	2%
Чердынскій у.	1%	Кеврольскій у.	1%
		Кайгородскій у.	0_5%

Третью группу уѣзднаго населенія составляютъ бобыли. Бобыль на сѣверѣ въ XVII в.—непашенный тяглый человѣкъ, не состоящій членомъ волостного крестьянскаго общества. Среди бобылей въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напр. въ Тотемскомъ, Яренскомъ упоминаются бездворные, ютящіеся въ чужихъ, крестьянскихъ дворахъ[5]). Но обыкновенно бобыли живутъ въ своихъ дворахъ или „дворцахъ", которые и перечисляются писцовой книгой. Эти бобыльскіе дворы располагаются по большей части возлѣ церкви

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 194, 195; 1653 № 59.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 506, 507.

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 520, 521.

[4]) Абсолютныя цифры см. прилож. II.

[5]) Арх. мин. юст. писц. кн. 480, л. 128. Тотемск. у. $16^{23}/_{25}$ г.: „бобыли кормятся у варницъ, работаютъ, а живутъ въ окологородныхъ деревняхъ въ подсусѣдникахъ"; л. 143: „да захребетниковъ бобылей же 51 челов."; кн. 485, Тотемск. у. 1678 г., въ итогѣ: бобылей подворниковъ 181 чел.; кн. 143, 15.057 Яренск. у.

на погостѣ[1]). Въ вятскихъ уѣздахъ бобыльскіе дворы на погостахъ насчитываются десятками. Обыкновенно въ громадномъ большинствѣ случаевъ бобыли не занимаются земледѣліемъ; изрѣдка упоминаются впрочемъ и „пашенные бобыли", подобно тому, какъ встрѣчаются „непашенные крестьяне". Отличіе пашенныхъ бобылей отъ крестьянъ заключается въ томъ, что они снимаютъ землю не изъ тягла, а изъ оброка, т. е. являются временными арендаторами нанимаемыхъ земельныхъ участковъ, которые не кладутся въ вытное письмо[2]) Ихъ занятія по большей части ремесла, которыя иногда указываются писцовой книгой: „швецъ", „портной мастеръ", „сапожный мастеръ" и др.[3]) Менѣе состоятельные бобыли живутъ черной работой, нанимаются въ „ярыжные" на суда, работаютъ на соляныхъ варницахъ и т. д. Не участвуя въ вытномъ тяглѣ, бобыли не были членами волостного міра. Но они въ то же время несли свое особое тягло, платили такъ называемый бобыльскій оброкъ,—налогъ на право промысла, взимавшійся съ бобыльскаго двора и чрезвычайно разнообразившійся по мѣстностямъ, а въ одной и той же мѣстности по дворамъ, —въ послѣднемъ случаѣ, вѣроятно, въ зависимости отъ доходности промысла каждаго отдѣльнаго бобыля. Такъ напр. въ Брусенской волости Устюжскаго уѣзда въ 1620-хъ годахъ бобыльскій дворъ долженъ былъ уплачивать по гривнѣ и по 10 денегъ. Въ то же время въ Тотемскомъ уѣздѣ въ Брагинскомъ починкѣ Окологородной волости на 7 дворовъ бобыльскихъ было положено „бобыльскаго оброку на ихъ варничный промыселъ по 8 алт. 2 д. на годъ съ двора". Въ томъ же уѣздѣ въ волости Старой Тотьмѣ по писцовой книгѣ тѣхъ же годовъ значилась „у погоста на р. Сухонѣ по берегу слободка непашенная, а въ ней живутъ бобыли 5 дворовъ, 5 человѣкъ; промыселъ тѣхъ бобылей: кормятся, по р. Сухонѣ ходятъ на судахъ въ ярыжныхъ. А съ тѣхъ своихъ дворовъ", продолжаетъ книга, „платили оброкъ въ волость крестьяномъ въ подмогу въ ихъ тягло съ двора по 2 гривны на годъ. И со 133 г. положено на тѣ бобыльскіе дворы оброку по 2 гривны съ двора платить въ государеву казну". По наблюденіямъ г. П. Иванова въ Вятской землѣ различіе между низшимъ и высшимъ размѣрами бобыльскаго оброка выражалось отношеніемъ 1: 16 (10 денегъ:

---

[1]) Напр. Арх. мин. юст. писц. кн. 506, въ Комарицкомъ стану „у Николы чудотворца на погостѣ лавки и амбары, и бобыльскіе оброчные дворцы;" кн. 507, въ Черевковской волости—на погостѣ 35 бобыльскихъ оброчныхъ дворцовъ.

[2]) *П. Ивановъ*, Сѣверныя писцовыя книги. Труды Археогр. Ком. Моск. Археол. Общ. II, 64—65. Указанъ случай, когда крестьянинъ, посадившій на свой участокъ половниковъ, самъ занялся ремесломъ и сталъ поэтому называться бобылемъ, продолжая владѣть землею и пользоваться доходомъ съ нея. Но вообще землевладѣлецъ-бобыль—рѣдкое исключеніе на сѣверѣ.

[3]) Въ Кевролѣ мы встрѣчаемъ одного бобыля, занимающагося учительствомъ: „(дв.) бобыль Якушко Павловъ, прозвище Тренка, учитъ дѣтей". Арх. мин. юст. писц. кн. 15055. 1678 г.

160 денегъ)[1]. Въ этомъ краю оброкъ съ бобыльскихъ дворовъ на церковныхъ погостахъ уступался иногда въ пользу церкви. Напр. въ Спенцынскомъ стану Хлыновскаго уѣзда на погостѣ на р. Быстрицѣ при церкви Николая чудотворца было 11 дворовъ бобыльскихъ, которые обложены были по 8 алт. 2 д. съ двора на годъ „Николѣ чудотворцу на церковное строенье". На другомъ погостѣ того же стана на рѣчкѣ Чахловицѣ 28 дворовъ бобыльскихъ давали въ церковь Рождества Богородицы на всякое церковное строенье съ двора по 5 алтынъ. Иногда только часть бобыльскихъ дворовъ на погостахъ платитъ бобыльскій оброкъ церкви, остальные дворы вносятъ его въ казну. Напр. въ Котельническомъ уѣздѣ въ 1629 г. на погостѣ Юрьевѣ надъ рѣкою Моломою 35 дворовъ бобыльскихъ платили оброкъ церкви, а 7 дворовъ въ казну государю[2].

Полученіе статистическихъ данныхъ о бобыльскихъ дворахъ затрудняется отсутствіемъ единства пріемовъ регистраціи въ различныхъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ. Въ однихъ случаяхъ къ бобыльскимъ дворамъ причисляются дворы вдовъ и людей настолько экономически ослабѣвшихъ, что они прямо называются „нищими"; въ другихъ—эти дворы вдовъ и „нищихъ, ходящихъ по міру" выдѣляются въ особыя группы. Такое выдѣленіе мы встрѣчаемъ, напр., въ книгахъ Кевролъскаго, Мезенскаго и Кайгородскаго уѣздовъ въ 1670-хъ годахъ. Вотъ нѣсколько статистическихъ данныхъ о бобыльскихъ дворахъ въ XVII в.

1620-е годы		1640-е годы		1670-е годы	
Яренскій у.	9 %	Чердынскій у.	48%	Яренскій у.	28%
Кевролъскій у.	67%	Яренскій у.	28%	Чердынскій у. [4]	27%
Двинскій у. у.	4 %	Заонежскіе пог. [3]	20%	Мезенскій у.[5]	26%
Тотемскій у.	23%	Тотемскій у.	9%	Кевролъскій у. [6]	12%
Мезенскій у.	19%	Устьянскія в. (1635 г.)	4%	Двинскій у.	11%
		Соликамскій у.	4%	Кайгородскій у. [4]	11%
		Каргопольскій у.	3%	Соликамскій у.	10%
				Сольвычег. у.	3%
				Устьянскія в.	2%

---

[1] *П. Ивановъ*, Сѣверныя писцовыя книги. Труды Археогр. Ком. М. Арх. Об. II, 64.

[2] Арх. мин. юст. писц. кн. 90.

[3] Со вдовьими дворами, 16% безъ нихъ.

[4] Со вдовьими дворами и дворами нищихъ.

[5] 2% бобылей, 24% вдовъ и нищихъ.

[6] 4% бобылей, 8% вдовъ и нищихъ.

Сводъ полученныхъ относительныхъ цифръ дворовъ трехъ главныхъ группъ сельскаго населенія въ XVII в. можно представить въ слѣдующей таблицѣ. Абсолютныя цифры приведены въ приложеніи II.

Уѣзды	Крестьяне			Половники			Бобыли		
	1620-е годы	1640-е годы	1670-е годы	1620-е годы	1640-е годы	1670-е годы	1620-е годы	1640-е годы	1670-е годы
Заонежскіе погосты		80%						20%	
Каргопольскій у.		97%						3%	
Двинскій у.	96%		89%				4%		11%
Кеврольскій у.	93_3%		87%			1%	6_7%		12% {4% боб. 8% вд. и нищ.
Мезенскій у.	98_1%		74%				1_9%		26% {2% боб. 24% вд. и нищ.
Яренскій у.	91%	71%	69%		1%	3%	9%	28%	28%
Кайгородскій у.			88_5%			0_5%			11% (со вд. и нищ.).
Чердынскій у.		51%	71%		1%	2%		48%	27% (со вд. и нищ.).
Соликамскій у.		96%	90%					4%	10%
Сольвычегодскій у.			67%			30%			3%
Устюжскій у.	83%		78%	17%		22%			
Тотемскій у.	96%	89%		1_7%	2%		2_3%	9%	
Устьянскія волости		96% 1635 г.	98%					4% 1635 г.	2%

Цифры тяглыхъ дворовъ, которыя мы приводили, даютъ очень далекое представленіе о дѣйствительномъ числѣ сельскаго населенія и чтобы приблизить ихъ къ этому числу, слѣдуетъ раскрыть составъ тяглаго двора. Тяглый дворъ: крестьянскій, половничій и бобыльскій представляетъ собою иногда очень сложную величину, разложить которую на составныя ея части позволяютъ переписныя книги 1670-хъ годовъ, съ большою подробностью перечисляющія мужское населеніе двора и указывающія его отношеніе къ дворохозяину. Прежде всего въ составъ двора входитъ, разумѣется, семейство дворохозяина: дѣти, внуки, братья, племянники, пасынки и зятья, живущіе съ нимъ вмѣстѣ. Переписная книга Тотемскаго уѣзда 1678 г. въ 3225 черносошныхъ крестьянскихъ дворахъ насчитываетъ 3919 человѣкъ крестьянъ тяглецовъ, 3631 человѣкъ ихъ дѣтей мужескаго пола, 265 человѣкъ внучатъ, 230 братьевъ, 141 племянниковъ, 60 пасынковъ и 25 зятей [1]); далѣе въ 23 дворахъ половничьихъ—34 половника, 36 человѣкъ ихъ дѣтей и 3 человѣка внучатъ. Переписная книга того же времени Яренскаго уѣзда въ 2319 крестьянскихъ дворахъ считаетъ 2319 человѣкъ хозяевъ крестьянъ, 2189 человѣкъ ихъ родственниковъ „въ возрастѣ", т. е. 15 лѣтъ и старше и 2327 человѣкъ родственниковъ „не въ возрастѣ", т. е. моложе 15 лѣтъ; въ 899 дворахъ бобыльскихъ кромѣ 899 бобылей-хозяевъ, 438 родственниковъ первой и 575 второй категоріи; въ 49 дворахъ вдовьихъ—49 вдовъ, а при нихъ 17 человѣкъ дѣтей старше 15 лѣтъ и 25 моложе этого возраста и наконецъ 56 дворовъ половничьихъ, въ которыхъ соотвѣтствующія цифры будутъ 61+53+36 [2]).

Кромѣ этихъ родственныхъ элементовъ въ тягломъ дворѣ ютятся еще элементы чужіе по крови, но связанные съ дворомъ различными юридическими и экономическими нитями. Разныя книги перечисляютъ эти элементы подъ различными терминами. Такъ тотемская писцовая 1678 г. указываетъ во дворахъ: подворниковъ, подворниковъ-бобылей и работниковъ съ ихъ семьями. Подворникомъ назывался съемщикъ жилого помѣщенія во дворѣ [3]). Подворниковъ не слѣдуетъ смѣшивать съ „дворниками",

---

1) Арх. мин. юст. писц. кн. 485.

2) Арх. мин. юст. писц. кн. 15057.

3) Напр. „Въ Ѳедотовской деревнѣ дворы половничьи, а живутъ въ нихъ половники.... (вд) Ивашко да Мишка, да Микифорко Тренкины дѣти Матюшкина, да подворникъ у нихъ Аѳонка Чиговъ...; „дворы бобыльскіе: (вд) Стенка Калюга да подворникъ у него Евсевейко Панкратьевъ, у Евсевейка сынъ Сергушко". Пр. Д. 1646 № 15. Сказка гостя Бахтеяра Булгакова о его владѣніяхъ; Пр. Д. вязка 1, дѣло 2, л. 8: Крестьянинъ, продавъ свой жеребій деревни тремъ своимъ родственникамъ, пишетъ въ купчей: „а жити мнѣ Ивану у того Григорья, да у Меньшика, да у Семена въ томъ жеребьѣ во дворѣ на подворьѣ два года... а поѣду язъ Иванъ изъ деревни и мнѣ Ивану свой холуй всякой (движимость?) вывести безпенно". Продавецъ выговорилъ себѣ въ купчей двухлѣтнее пользованіе квартирой; Р. И. Б. XIV, А. № СХСII: „ве-

которыхъ мы встрѣчаемъ иногда въ тяглыхъ дворахъ, гдѣ не живутъ хозяева. Дворникъ—наемный или крѣпостной слуга, обязанный стеречь дворъ. Въ качествѣ подворниковъ—квартирантовъ жили въ чужихъ дворахъ иногда бездворные бобыли, промышлявшіе ремеслами или черной работой, платившіе бобыльскій оброкъ. „Работники", упоминаемые переписной книгой, это—люди, нанимавшіеся къ дворохозяину для исполненія всякаго рода работъ, „наймиты", о которыхъ говорилъ въ своемъ разсмотрѣнномъ нами выше показаніи гость Кирило Босой, сравнивая съ нимъ половниковъ. На сѣверѣ, гдѣ не развивались крѣпостныя отношенія, былъ распространенъ вольнонаемный трудъ, который примѣнялся не только на монастырскихъ и частновладѣльческихъ промыслахъ, но и въ обыкновенныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ[1]). Приведенный выше итогъ тотемской писцовой книги 1678 года указываетъ въ крестьянскихъ, половничьихъ и бобыльскихъ дворахъ: 18 подворниковъ, 181 бобылей-подворниковъ и 26 человѣкъ работниковъ съ ихъ семействами. Наемные рабочіе носили на сѣверѣ иногда названіе „казаковъ". Писцовая книга Кольскаго уѣзда 1608 г. нашла въ Керетской волости въ 36 крестьянскихъ дворахъ 7 человѣкъ такихъ рабочихъ. „Да по тѣмъ же крестьянскимъ дворамъ", говоритъ книга, „живутъ казачья, а промышляютъ по варницамъ, соль варятъ и дрова сѣкутъ, и на пожняхъ сѣно косятъ, наймуючися у тѣхъ же керетскихъ крестьянъ—7 человѣкъ". Писцы обложили этихъ рабочихъ казеннымъ тягломъ: „А давали они прежъ сего въ волость тягла 19 алт. 2 д. на годъ", читаемъ мы далѣе, „а впредь имъ того тягла въ волость не платить, а платить имъ въ государеву казну по гривнѣ съ человѣка на годъ, итого 23 алт. 2 д. на годъ". Замѣчательно, что эти семеро рабочихъ были выдѣлены въ особый тяглый мірокъ, должны были составить родъ микроскопической тяглой общины, связанной разверсткой подати. „А верстатись имъ", продолжаетъ книга, „межъ себя самимъ по своимъ животомъ и по промысломъ". Казенное тягло являлось въ разбираемомъ случаѣ новостью, „а прежъ сего того съ нихъ, казачья, тягла въ государеву казну не было, положено на нихъ вново"[2]). Возможно, что это обложеніе было результатомъ усердія писцовъ. По крайней мѣрѣ, не видимъ, чтобы въ другихъ мѣстахъ категорія „работниковъ" облагалась особымъ тягломъ, если они не были бобылями.

Нѣсколько иную терминологію чужеродныхъ элементовъ тяглаго двора даетъ яренская переписная книга 1678 г. Кромѣ бездворныхъ бобылей здѣсь мы встрѣчаемъ еще названія: сосѣдей, подсусѣдниковъ и захребет-

---

лѣть имъ (крестьянамъ, бросившимъ свои участки) жить въ прежнихъ своихъ дворѣхъ..., а мимо прежнихъ ихъ пустыхъ жеребьевъ и дворовъ ни у кого имъ жить не велѣть и въ подворники не пускать".

[1]) Напр. Пр. Д. 1627 № 65. „Бьетъ челомъ сирота твой Бѣлозерскаго уѣзда Ефимко Селиверстовъ, а живу я, сирота твой, въ Устьянской волости въ Введенскомъ приходѣ у крестьянина у Өедора Поторочина въ наймѣхъ".

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 208.

никовъ. Въ 3323 тяглыхъ дворахъ, распредѣленіе которыхъ по рубрикамъ: крестьянскихъ, бобыльскихъ и половничьихъ приведено выше[1]), книга насчитывала: 174 бездворныхъ бобылей, при нихъ 115 родственниковъ старшаго (45) и младшаго (70) возраста, 38 человѣкъ сосѣдей, при нихъ 28 человѣкъ родственниковъ (13+15), 3 человѣка подсусѣдниковъ, при которыхъ родственниковъ не указано и 71 человѣкъ захребетниковъ, при нихъ 38 родственниковъ (10 + 28)[2]). Соликамская переписная 1678 г. выдѣляетъ въ особыя группы живущихъ въ чужихъ дворахъ половниковъ и „пришлыхъ" людей. На черныхъ земляхъ уѣзда книга насчитываетъ 2787 дворовъ, 16 избъ крестьянскихъ, въ нихъ 4863 человѣка крестьянъ съ родственниками „въ возрастѣ" и 4189 человѣкъ недорослей. Затѣмъ 313 дворовъ, 32 избы бобыльскихъ, вдовьихъ и нищихъ—въ нихъ 287 человѣкъ да недорослей 220 человѣкъ. „Да въ крестьянскихъ, и въ бобыльскихъ и во вдовьихъ, и въ нищихъ дворѣхъ", продолжаетъ книга, „половниковъ и подворниковъ, и пришлыхъ 1287 человѣкъ, у нихъ недорослей 868 человѣкъ". Приведенные примѣры даютъ нѣкоторое представленіе о тѣхъ коэффиціентахъ, которые надо присоединить къ числу тяглыхъ дворовъ для того, чтобы получить число живущихъ въ нихъ людей мужескаго пола и вдовъ-хозяекъ. Такъ въ Яренскомъ уѣздѣ на 3323 двора насчитывается 9455 человѣкъ, отношеніе почти 1: 3; въ черныхъ земляхъ Соликамскаго уѣзда въ 3100 дворахъ и 48 избахъ—11.714 человѣкъ, отношеніе 1: 3₇. Таблица на стр. 143 показываетъ среднюю населенность поморскаго двора въ XVII в.

Тяглые дворы: крестьянскіе, половничьи и бобыльскіе съ разнообразными видами ихъ обитателей это, разумѣется, главная масса сельскаго населенія Поморья. Остальныя группы населенія не всѣ съ такою же подробностью указываются писцовымъ матеріаломъ, и о величинѣ ихъ не всегда можно судить даже и съ тою небольшою точностью, съ какою получаемъ представленіе о главной массѣ. Наиболѣе крупной группой среди нихъ является духовенство, черное и бѣлое. Въ тотемскомъ уѣздѣ по книгѣ 1678 г. на 8672 человѣка населенія тяглыхъ дворовъ оказывалось 213 человѣкъ монаховъ и священно и церковнослужителей съ семьями. Въ черныхъ земляхъ Соликамскаго уѣзда на 3100 тяглыхъ дворовъ приходилось 69 дворовъ церковнаго причта. Не всегда можно изъ писцовыхъ книгъ извлечь такія же данныя о черномъ духовенствѣ, а также о людяхъ, зави-

---

[1]) Стр. 140.

[2]) Для характеристики термина „подсусѣдникъ" можно привести два мѣста изъ тотемской писцовой: Арх. мин. юст. кн. 480, л. 138 об.: „бобыли кормятся у варницъ, работаютъ, а живутъ въ окологородныхъ деревняхъ въ подсусѣдникѣхъ"; ibid: Волость Демьянова Вотча, деревня Ксенифонтьева, Пожарище тожъ,.... 1 бобыль живетъ у крестьянина; о немъ сказано: „да съ подсусѣдника бобыльскаго оброку 3 алт. 2 д." Бобыли бывали также и захребетниками: ibid, л. 143: „да 16 дворовъ бобыльскихъ, а бобылей въ нихъ 17 челов., да захребетниковъ бобылей же 51 человѣкъ".

		Заонежскіе погосты.	Каргопольскій у.	Турчасовскій станъ.	Двинскій у.	Кевролъскій у.	Мезенскій у.	Яренскій у.	Вятская земля.	Кайгородскій у.	Чердынскій у.	Соликамскій у.	Сольвычегодскій у.	Устюжскій у.	Тотемскій у.	Устьянскія волости.	Чарондская округа.	
1608 г.	Дв. крестьянск. и половн.							1_1										
	Дв. бобыльскій.							1										
1620-е годы.	Дв. крестьянск. и половн.				1_7	1_7	1_8		1_3				1_5	1_3	1_5		1_3	(1637 г.).
	Дв. бобыльскій.				1_{04}	1_{06}	1		1						1_4			
1640-е годы.	Дв. крестьянск. и половн.	1_6	3_2	3_3				2_2			2_2	3_4	1_6		1_8	2_1		
	Дв. бобыльскій.	1_1	2_2					1_3			1_1				1_3	1_2		
1670-е годы.	Дв. крестьянск. и половн.				2_8	2_7	2_2	2_8	3_8	4	3_4	3_4	3_3	2_4	2_6	2_8		
	Дв. бобыльскій.				1_{01}	1_8	1			2_3	2_3	2_2				1_6		

симыхъ отъ монастырей и живущихъ въ монастыряхъ: монастырскихъ служкахъ, дѣтенышахъ, вкладчикахъ, наполнявшихъ собою монастыри, какъ мы знаемъ. Отдѣльно отъ общей массы тяглыхъ людей описываются иногда „ямскіе охотники“, какъ описаны, напр. 56 дворовъ на Бобровскомъ ямѣ Устюжскаго уѣзда[1]). Въ частновладѣльческихъ вотчинахъ встрѣчаются крѣпостные люди: дворовые и дѣловые, впрочемъ въ незначительномъ количествѣ. Въ общемъ итогѣ Тотемскаго уѣзда въ 1678 г. ихъ насчитывалось всего 7 человѣкъ. Нѣсколько значительнѣе эта группа въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ вотчинахъ Строгановыхъ. Объ этихъ разныхъ группахъ слѣдуетъ упомянуть для того, чтобы не терять изъ вида пестроты соціальнаго состава сѣвернаго населенія; но всѣ онѣ такъ незначительны въ количественномъ отношеніи, что не могутъ оказать никакого вліянія ни на наше общее представленіе о населенности Поморья, ни на данныя о сравнительной населенности отдѣльныхъ уѣздовъ.

Перечисляя различныя группы поморскаго населенія, нельзя не упомянуть одного любопытнаго эпизода въ исторіи Поморья—образованія военныхъ поселеній въ Заонежскомъ краю. Въ 40-хъ годахъ XVII в. въ связи съ постройкой Олонецкаго острога и съ заботами объ оборонѣ шведской границы, возникъ проектъ изъ жителей Заонежскихъ и примыкавшихъ къ нимъ Лопскихъ погостовъ сформировать драгунскіе и солдатскіе полки съ тѣмъ, чтобы драгуны и солдаты не переставали въ то же время быть и крестьянами и могли заниматься землепашествомъ въ свободное отъ службы время. Въ 1647 г. посланному въ Заонежскіе погосты для сыска бѣглыхъ черносошныхъ крестьянъ и для водворенія ихъ на прежніе ихъ участки В. Золотареву было поручено „Заонежскихъ погостовъ крестьяномъ говорить съ великимъ радѣньемъ, чтобы они принялись къ солдатскому и къ драгунскому строю“. Объѣзжая погосты и побесѣдовавъ съ крестьянами о предстоящемъ нововведеніи, онъ доносилъ въ Москву, что крестьяне служить готовы, но просятъ избавить ихъ въ такомъ случаѣ отъ платежа податей. Только немногіе „худые и малоумные людишки“ протестовали и закричали на старостъ, принесшихъ Золотареву заявленіе о согласіи на солдатскую и драгунскую службу: „станемъ де хотя втрое деньги ежегодь платить, а служить не хотимъ“. Такое же сопротивленіе встрѣтилъ въ 1649 г. въ Лопскихъ погостахъ кн. Дм. Волконскій, командированный туда изъ Олонца, чтобы пересмотрѣть мужское населеніе и годныхъ людей записать въ солдаты и привести къ присягѣ. Жители трехъ погостовъ подчинились безпрекословно, и въ нихъ съ 351 двора князь зачислилъ въ солдатскую службу 548 человѣкъ, оказавшихся годными. Въ четвертомъ Никольскомъ Паданскомъ погостѣ староста отказался подать вѣдомости о количествѣ дворовъ и въ нихъ людей безъ разрѣшенія мірского схода: „послалъ де въ погостъ по крестьянъ, велѣлъ сойтиться, а какъ сойдутся крестьяне и что скажутъ, о томъ вѣдомо учиню. И отказавъ, съ двора спелъ“. Князь приказалъ бывшимъ при немъ стрѣльцамъ привести ста-

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 516, общій итогъ.

росту силой, но собралось крестьянъ человѣкъ съ триста, которые съ шумомъ отказывали, говоря: „не слушаемъ мы того указу, съ чѣмъ ты пріѣхалъ; есть у насъ государева жалованная грамота, не велѣно къ намъ никому въѣзжать, и въ солдатскую службу не хотимъ, а хотимъ жить по прежнему въ своей волѣ". Два другіе погоста: Ругозерскій и Шуезерскій также оказались государеву указу непослушны и въ службѣ отказали, объявивъ князю Дмитрію, что у нихъ одна мысль съ Паданскимъ погостомъ, что имъ въ солдатской службѣ не бывать, и выслали князя изъ погостовъ вонъ. Тотъ же отвѣтъ они дали и присланнымъ нѣкоторое время спустя изъ Олонца стрѣльцамъ: „въ солдатскомъ ученьѣ быть не хотимъ, а станете намъ какую неволю чинить, и вамъ быть у насъ въ водѣ; хотите живы быть, поѣдьте изъ погосту вонъ". Обучать записанныхъ въ солдаты крестьянъ присланы были подъ руководствомъ полковника Александра Гамольта нѣмцы начальные люди, встрѣченные, повидимому, очень недружелюбно. Олонецкій воевода долженъ былъ самъ выѣзжать въ погосты „для ссорныхъ дѣлъ у начальныхъ людей съ солдаты"[1]). Золотаревъ смотрѣлъ оптимистически на реформу и высказывалъ мнѣніе, что худые мужики и бражники, которые нерады службѣ, начнутъ служить, подражая примѣру добрыхъ, что „покамѣста сперва имъ кажется опасно, а какъ утвердятся, ино, государь, всѣ будутъ охотники, какъ повыкнутъ"[2]). Однако обращенные въ солдатъ онежскіе крестьяне, повидимому, не менѣе тяготились военной службой, чѣмъ впослѣдствіи аракчеевскіе военно-поселенцы. Жители Лопскихъ погостовъ тогда же въ 1649 г. писали въ челобитной государю: „людишки маломочные, питаемся рыбою и сосною(?) и твоей государевы солдатскіе службы служить не можемъ, потому что питаемся рыбою и сосною. И не вели, государь, для того солдатскаго ученья изъ Олонца присылати въ лопскіе погостишка нѣмецъ полковниковъ и полуполковниковъ, потому что людишка малодушные, глупые и русскаго, и нѣмецкаго языковъ не знаемъ"[3]). Позже въ 1658 г. крестьяне Заонежскихъ погостовъ били челомъ государю, что они отъ безпрестанной службы „оскудали большою скудостью", что въ деревняхъ ихъ пашни не паханы и дома запустѣли. Правительство получало извѣстія, что солдаты и драгуны убѣгаютъ въ иные города и уѣзды и кроются отъ службы по лѣсамъ[4]).

---

[1]) Пр. Д. 1649 № 75.
[2]) Пр. Д. 1647 № 26.
[3]) Пр. Д. 1649 № 103.
[4]) Д. А. И. IV № 146.

Глава X.

Поморская деревня.

Первоначальной формой общежитія сельскаго населенія на сѣверѣ была деревня, къ изученію которой мы теперь и обратимся. Начнемъ съ внѣшняго вида. Поморскія деревни XVII в. иногда были разбросаны одна отъ другой на далекомъ разстояніи, какъ въ Заонежскомъ краю, о которомъ современникъ очевидецъ писалъ, что здѣсь „деревня отъ деревни на переѣздѣхъ версты по 2 и по 3, и по 5, и по 10, и по 15, и по 20, и по 30, и по 40, и больши“ [1]); или какъ въ Чарондской округѣ, гдѣ напр. волость Шалга Большая составлялась изъ деревень, стоявшихъ по выраженію мѣстныхъ жителей „врознѣ, отъ деревни до деревни версты по 2 и по 3, и больши“ [2]). Въ другихъ мѣстахъ, наоборотъ, деревни, ютясь по берегу рѣки, тѣсно жались одна къ другой съ очень малыми промежутками между ними, такъ какъ земля удобная для обработки тянулась по берегу рѣки узкою полоской, за которой простирались „лѣса и мхи, и болота неугожія“ [3]). Писецъ, описывавшій въ 1678 г. Веркольскую волость Кеврольскаго уѣзда, описавъ погостъ и монастырь въ Верколѣ на р. Пинегѣ и приступая къ переписи деревень, изобразительно замѣтилъ, что „противъ погоста и монастыря за рѣкою Пинегою на другой сторонѣ деревни стоятъ смежно однодворки и по два двора“, и всего такихъ смежныхъ деревень, составлявшихъ Веркольскую волость, насчиталъ 22 [4]).

Въ томъ и въ другомъ случаѣ, и при разбросанности, и при смежности деревень, обыкновенно сѣверная деревня состоитъ изъ очень небольшого числа дворовъ и нерѣдко даже изъ одного только двора, какъ это ясно изъ только что приведенныхъ словъ кевръльскаго писца. О той же малодворности деревень въ Заонежскомъ краю свидѣтельствуетъ упомя-

---

[1]) Пр. Д. 1649 № 29. Донесеніе В. Золотарева, дворянина, посланнаго для производства переписи и сыска бѣглыхъ крестьянъ.

[2]) Пр. Д. 1628 № 74.

[3]) Д. А. И. III № 64.

[4]) Арх. мин. юст. писц. кн. 15055.

нутое выше донесеніе В. Золотарева, который пишетъ: „а въ погостѣхъ, государь, деревни все мелкія, рѣдкая деревня дворовъ 10 или 15, или хотя и больше, и то изрѣдка... А то, государь, въ деревнѣ двора по 2, и по 3 и по 5“ [1]). Эта малодворность древнерусской деревни вообще и сѣверной въ особенности—фактъ, хорошо выясненный въ литературѣ [2]). Приведемъ слѣдующую таблицу среднихъ цифръ дворовъ на деревню по писцовымъ и переписнымъ книгамъ за разные моменты описаній XVII в.

	Заонежскіе пог.	Каргопольскій у.	Турчасовскій ст.	Двинскій у.	Кевроль скій у.	Мезенскій у.	Яренскій у.	Сольвычегодскій у.	Устюжскій у.	Устьянскія вол.	Тотемскій у.	Вятская земля.	Чердынскій у.	Соликамскій у.	Кайгородскій у.
1608 г.							3_9								
1623—29 гг.				4	4	9_7 [3])		2_8	2_6		5	1_8	7	4_4	
1645—48 гг.		3_6	9_7	3_6			4_5	2_7		6_8			6	5_7	
1678 г.				3_6			5_6	2_7		6_8	6	1_9 [4])	9	5	2_6

Подойдемъ ближе къ двору. Эта основная ячейка деревни, иногда совпадающая съ ней, иногда одна изъ немногихъ образующихъ деревню составныхъ частей, при ближайшемъ взглядѣ на нее представится намъ, какъ группа построекъ, въ центрѣ которыхъ находится жилое зимнее помѣщеніе—„изба“ съ примыкающими къ ней одною или нѣсколькими „клѣтями“, въ качествѣ лѣтняго жилья, расположенными на „подклѣтѣ“, служащемъ кладовою. Въ близи отъ избы находятся хозяйственныя постройки, въ которыхъ ставится скотъ—хлѣвъ—или хранятся разные хозяйственные запасы—сарай, сѣнникъ, житница. Иногда въ особой постройкѣ помѣщается поварня. Поодаль отъ группы дворовыхъ строеній стоятъ задворныя, внѣ двора расположенныя, постройки: баня, овинъ съ гумномъ, мякинница [5]).

---

1) Пр. Д. 1649 № 29.

2) *Соколовскій*, Очеркъ исторіи сельской общины, 54, примѣч. 3; *Сергѣевичъ*, Древности русскаго права, III, 42—55.

3) Безъ слободокъ: Окладниковой 68 дв., Кузнецовой 42 дв. и Лампожни 67 дв.

4) Въ Хлыновскомъ у. 4.

5) Пр. Д. 1554—1635. Купчія крѣпости, напр.: „Се язъ Иванъ Васильевъ сынъ продалъ есми полюбовно отца своего благословеніе... свой жеребій деревни Животова и съ дворомъ, а во дворѣ хоромовъ: изба да двѣ клѣтки наземныя и со всѣми хоромы, что на томъ жеребьѣ хоромовъ стоитъ, и съ банею,

Еще шагъ внутрь этихъ избъ и клѣтей, и мы вскроемъ внутреннее содержаніе двора. Прежде всего взглянемъ на внѣшнюю обстановку, въ которой жилъ средній зажиточный поморскій крестьянинъ въ XVII в., не бывшій все же первостатейнымъ капиталистомъ, въ родѣ тѣхъ посадскихъ людей „деревенскихъ владѣльцевъ", которые жаловались въ московскія купеческія корпораціи. Вотъ дворъ крестьянина Устюжскаго уѣзда Комарицкаго стана П. В. Гребенева, отобранный у него его поручителями, которые ручались за него при выборѣ его въ цѣловальники къ писцамъ Н. В. Вышеславцеву и А. Ѳедорову, писавшимъ Устюжскій уѣздъ въ 1624 г., а затѣмъ почему-то выступили противъ него съ претензіями, въ удовлетвореніе которыхъ и былъ взятъ его дворъ со всѣмъ принадлежавшимъ къ нему земельнымъ участкомъ, т. е. вся его „деревня". Поручители, какъ писалъ въ жалобѣ потерпѣвшій, пріѣхали съ земскимъ судьею, отобрали у его жены ключи, самое жену и дѣтей выметали изъ двора „и завладѣли дворомъ и землею, а всю движимость захватили безъ остатка". Въ челобитной онъ перечислилъ подробно взятое имущество, съ обозначеніемъ цѣнъ каждому предмету. Въ житницѣ у него находилось 50 четвертей овса по 2 гривны четверть, 30 четвертей ржи по полтинѣ четверть, 4 четверти пшеницы по 24 алт., 3 четверти гороху по 20 алт., 15 четвертей ячменя по 4 гривны, 1 четверть сѣмени конопляного—цѣною полтина, 1 чет. сѣмени льняного—20 алт., льну мятаго 8 кербей по 2 гривны кербь; скота было: кобыла бурая—5 руб., меринъ гнѣдъ—3 руб., жеребя селетокъ (т. е. этого года)—20 алтынъ безъ гривны; рогатаго скота: 4 коровы дойныхъ—5 руб.; 6 быковъ—цѣна 8 руб.; 4 теляти годовыхъ, цѣна—1 р. да 2 теляти малыхъ—цѣна 10 алт., 4 свиньи да 3 борова—цѣна 2 руб., да малыхъ 2 поросенка—цѣна 2 гривны, да овца—5 алтынъ. Было взято также 4 коробьи, въ которыхъ хранились всякіе письменные документы: крѣпости, закладная и кабала, а кромѣ того серьги цѣною въ 1 руб., 2 шлеи, 2 гужей цѣною въ полтину, да бѣлья: простынь и полотенъ на 2 руб., да женской всякой скруты (одежды) на 4 руб. Кромѣ того въ составъ движимости, или „животовъ", какъ тогда говорили, входили: 7 кожъ сырыхъ большихъ да 8 оспоковъ (?) цѣна 2 р., да серповъ и косъ на 20 алт., 2 рогатины да топорокъ, да копье, да 2 топора большихъ—цѣна всему 15 алт.; да

и съ огуменникомъ, и съ овиномъ"; ibid. л. 67.... „а во дворѣ хоромовъ: изба старая, батюшка нашего благословеніе, а противъ избы повалушка да сѣнникъ съ перерубомъ и у повалушки сѣнникъ съ подклѣты и съ хлѣвами четырьмя, а подлѣ избы сѣнница и съ хлѣвами, и съ заплоты, и съ сараи.... внѣ двора житница старая да полбани"; Пр. Д. 1641 № 19, л. 11: „А во дворѣ хоромовъ: изба съ шебнушею (?) да клить съ подклѣтомъ и съ погребомъ, да хлѣвъ подлѣ подклѣта, да сарай на шести столбахъ и съ тесомъ, и съ заплотми, да баня на улицѣ, да житница на полѣ, да овинъ съ гумномъ и съ сараемъ, и съ мякинницею"; Пр. Д. 1631 № 36... „и со всѣми дворовыми и воинными (задворными) хоромы". См. также купчія, напечатанныя *Сенѣговымъ*, Памятники земской старины, 293, 294.

избной всякой „желѣзной рухляди“: сковорода желѣзная съ сковородникомъ, да лучевниковъ (обломки косы, употребляемые для колотья лучины), теселъ, рѣзцовъ, скобелей (скребницъ) и ральниковъ (сошниковъ) на 1½ руб.; да ковшей большихъ и малыхъ на 1 руб.; да котелъ мѣдный цѣною въ полтину, да постель съ изголовьемъ, да двѣ ступы съ пестами. Всего было взято по его счету на 145½ руб., считая въ томъ числѣ цѣну самой деревни въ 50 руб. [1])

Крестьянинъ Тотемскаго уѣзда волости Старой Тотьмы Степанъ Трефильевъ въ 1650 г. на лѣтнее время, опасаясь лихихъ людей разбойниковъ, переѣхалъ изъ деревни въ городъ Тотьму къ зятю, посадскому человѣку Ивану Чекалеву и туда же перевезъ часть своей движимости, помѣстивъ ее у Чекалева въ подклѣтѣ. Въ составъ этой движимости входили: коробья съ посудой: „ендова мѣдная большая, цѣною въ 45 алт., да другая саадашная (?) мѣдная жъ цѣною 4 гривны, да 2 блюда бѣлыхъ большихъ, да третье маленькое—цѣна 45 алт., да 4 сковородки мѣдныхъ, цѣна 40 алт., да полдюжины стакановъ оловянныхъ—7 алт., да братинка оловянная съ покрышкою—цѣна 10 алтынъ, да братина деревянная корѣлчатая большая, да другая крашеная, цѣна обѣимъ 4 гривны, да 2 перечницы бѣлыхъ, цѣна 8 алтынъ, да солоница мѣдная, цѣна 2 гривны“; далѣе утварь, разный домашній скарбъ и нѣкоторые хозяйственные припасы: „приголовашекъ (изголовье) дубовый“, цѣна 1 руб., въ которомъ хранились деньги, да перстень серебряный, цѣною 6 алтынъ, да два остатка крашенины, цѣною 10 алтынъ, да лоскутья красного вершка съ два—цѣна полтина, да мошна шелковая, цѣна 8 алтынъ; да чирка (?), да ложка рѣпчатая, цѣною въ полтину; котелъ мѣдный съ дугою, цѣна 15 алтынъ; 1½ четверти ржаной муки—20 алт.; полъ-осмины пшеничной муки—10 алтынъ, полъ-осмины крупъ—2 гривны, криница масла—цѣна 10 алт. Замѣчательно, что среди имущества этого крестьянина оказывались книги: печатныя Кирилла Іерусалимскаго, Ефрема Сирина, псалтырь, часовникъ, святцы, минея общая да книжица обиходъ пѣвчій, да тетради пѣвчія: трезвоны и строчныя (?) [2]). Далѣе перечислены постельныя принадлежности и одежда: постель—олепина бѣлая, да одѣяло овчинное, да зголовье, да подушка въ бумазеѣ пуховые, да пологъ полотняный. Списокъ разнаго рода одежды очень длиненъ; здѣсь упоминаются однорядки, зипуны, кошули, кафтаны, полукафтанья, шубки робечьи (дѣтскія), шапки, мужскія и женскія рубашки красныя и бѣлыя, рукавицы россомачьи на собольей подкладкѣ и пр. Среди одежды—вещи наиболѣе цѣнныя изъ всего имущества напр.: „Однорядка женская, сукно темносинее, нашивка шелковая, пуговицы серебряныя, цѣна 4 р.; однорядка женская, сукно вишневое, плетень

---

[1]) Пр. Д. 1628 № 72.

[2]) Вотъ цѣны этимъ книгамъ, показанныя въ росписи: книга Кирилла Іерусалимскаго—3 руб., Ефрема Сирина—1½ р.; псалтырь—40 алт., часовникъ—4 гривны, святцы—12 алт., минея общая—20 алт., обиходъ пѣвчій—15 алт., тетради пѣвчія—20 алт.

золотной, пуговицы серебряныя, нашивка шелковая съ серебромъ, цѣна 13 р. съ полтиной, шапка женская атласная красная, кружево золотное кованое, цѣна 4 р., да другая камчатая цѣна 3 р., да шапка красная, околышъ соболій—2 р. 2 гр., да шапка вишневая съ пухомъ нашивка золотная, цѣна 1½ руб.". Кромѣ всего этого имущества, которое С. Трефильевъ цѣнилъ въ 80 р. 11 алт. 2 д., онъ хранилъ еще у зятя деньгами 204 р. 9 алт. 2 д.[1]).—Крестьянинъ Учецкой волости Сольвычегодскаго уѣзда Михайло Даниловъ Поповъ 25 апрѣля 1624 г., также опасаясь прихода татей и разбойниковъ, привезъ къ видному сольвычегодскому капиталисту Авдѣю Паламошному и отдалъ на храненіе на лѣтнее время—и это показываетъ, что такая отдача имущества на храненіе на лѣто изъ опасенія лѣтнихъ грабежей была въ обычаѣ—коробью съ имуществомъ. Въ коробѣ было: „однорядка женская, сукно лундышъ съ нарядомъ, цѣна 10 р. съ полтиною, да двѣ сукни роспашныя, обѣ сукно аглинское свѣтлозеленое съ нарядомъ, цѣна 9 руб., да шубка женская бѣлья полдорогами, пуговицы серебряныя, нашивка шелковая, цѣна 8 руб., да ожерелье женское жемчужное съ пуговицами, цѣна 15 р., да лапки съ жемчуги и съ ставки, цѣна 5 р. съ полтиною; шапка женская атласная, золотная, цѣна 3 р. 10 алт.; двои серьги: однѣ каменье бечета (sic) а другія каменье бауса съ жемчуги, цѣна обоимъ серьгамъ 6 р., да пять перстней женскихъ съ ставки и съ жемчуги, цѣна 2 р. съ полтиной", всего на 59 р. 26 алт. 4 д.[2]).—Такой же случай въ Двинскомъ уѣздѣ въ Заостровской волости въ 1629 г. Крестьянинъ Семенъ Мартемьяновъ Вешняковъ, прослышавъ на первой недѣлѣ послѣ праздника св. апостолъ Петра и Павла, что по близости въ лѣсу ходятъ воровскіе люди разбойники, „убоялся", какъ онъ пишетъ, „тѣхъ воровскихъ людей, потому что живу близко лѣсу, а отъ людей далече, и свезъ живота своего къ крестьянину А. И. Вашуткину и сыну его Первому на сбереженье къ нимъ на подворье коробку, а въ ней 35 р. денегъ, да ожерелье жемчужное, цѣна 5 р., да голубцы серебряные золочены съ жемчугомъ, цѣна 3 р., да серьги съ присережьемъ серебряныя золочены, цѣна 2 р., да 8 перстней, цѣна 2 р., да 8 аршинъ сукна синяго настрафильнаго, цѣна 6 р. съ полтиною, да двѣ кабалы одна въ 15, другая въ 10 рубляхъ. Всего на 78 р. съ полтиною"[3]). По духовной, составленной въ 1672 г., крестьянинъ Синегодской волости Устюжскаго уѣзда Никифоръ Миніевъ Едновскихъ отказалъ свой деревенскій участокъ 1/6 деревни Тучекурьи съ дворомъ, съ дворовыми хоромами, съ житницею, съ банею, съ посѣянной рожью и съ ржаными и яровыми сѣменами своему племяннику Матвѣю Якимову Едновскихъ Ему же отказанъ былъ весь скотъ: лошадь, 3 коровы, 6 овецъ и крупная металлическая посуда: „мѣдникъ въ два ведра да блюдо оловянное". Двѣ дочери завѣщателя, о которыхъ племянникъ долженъ былъ заботиться до ихъ замужества, получили: одна—„ожерелье

---

1) Пр. Д. 1649 № 81.

2) Пр. Д. 1628 № 72.

3) Пр. Д. 1629 № 27 въ концѣ.

да однорядку вишневую съ нашивкою безъ пуговицъ, да кумачникъ съ плетенемъ и съ пухомъ, да лапы серебряныя безъ жемчуговъ; другая 10 рублей деньгами „да лапы серебряныя и съ жемчуги, да сарафанъ киндяшной лазоревой съ плетенемъ и съ пухомъ“. Въ числѣ вошедшихъ въ составъ наслѣдства долговыхъ обязательствъ, по которымъ племяннику предстояло получить деньги, были двѣ кабалы, обезпеченныя закладами: одна въ 5 руб., „а въ тѣхъ деньгахъ въ закладѣ ожерелье жемчужное, 5 пуговицъ щепчатыя, шестая клипчатая, а всѣ серебряныя позолоченыя, по конецъ ихъ жемчуги“; другая въ $1^1/_2$ р., „а въ тѣхъ деньгахъ въ закладѣ лапы серебряныя, по краямъ три жемчуга и около ставокъ жемчуги жъ“ [1]). Изъ этихъ, можетъ быть слишкомъ многочисленныхъ и уто-

---

[1]) Р. И. Б. XII, 437, и сл. Пр. Д. 1631 № 30. Въ 1631 г. устюжскій воевода, получивъ увѣдомленіе, что крестьянинъ Бѣлослудскаго стана Тимошка Кузьминъ Полохъ занимается „вѣдовствомъ“, составленіемъ и писаніемъ заговоровъ, велѣлъ его арестовать и привезти на Устюгъ, а дворъ его съ животами опечатать. Эти Тимошкины опечатанные животы состояли въ слѣдующемъ: „2 кобылы гнѣды, да жеребчикъ гнѣдъ же, корова, 3 телицы, 2 бычка, въ житницахъ хлѣба: ржи четверть, пшеницы четверть, ячменя 2 четверти, овса $2^1/_2$ четв., да невѣянаго овса четверть“.; Пр. Д. 1630 № 81, л. 12—17. „Списокъ съ духовные слово въ слово“; Пр. Д. 1631 № 30. Имущество крестьянки-вдовы: „Царю государю.... бьетъ челомъ сирота твоя государева Устюжскаго уѣзда Черевковскіе волости Спаса Новаго монастыря крестьянинъ Ивашко Степановъ сынъ Пьяной..... Въ прошломъ, государь, въ 139 г. за двѣ недѣли до Семена дни женился язъ сирота твой, государевъ, тоежъ Черевковскіе волости на вдовѣ на Офимьѣ на Ѳедоровѣ дочери на Ѳедоровской женѣ Фатьянова. И она, государь, женишко мое Офимьица, какъ осталася послѣ мужа своего Ѳедора Фатьянова и поставила живота своего на соблюденье у того у зятя своего у родного у Кузьмы у Сергѣева сына Твирякова: лошадь меринъ гнѣдъ 8 лѣтъ противъ девятые, мерину, государь, цѣна 10 руб., да быкъ, да 3 коровы, да 3 овцы; быку, государь, и коровамъ, и овцамъ цѣна 12 руб. Да у него же, государь, поставила хлѣба: ржи 20 четвертей да ячмени 30 четвертей въ твою государеву мѣру казенную въ московскую; ржи, государь, 20 четвертямъ цѣна 7 руб. 2 гр., а ячмени, государь, цѣна 30 четвертемъ 9 руб. Да у него жъ, государь, у зятя у своего у Кузьмы поставило женишко мое двѣ коробьи: одна съ платьемъ съ мужескимъ, а другая съ судами съ мѣдными и съ оловянными. А въ коробьѣ, государь, было платья: однорядка мужская, настрафиль лазоревъ, цѣна однорядкѣ 4 р.; да кафтанъ теплой песцовой подъ сукномъ съ пухомъ, цѣна кафтану 6 руб; да шапка мужская черлена, исподъ соболій съ пухомъ, цѣна шапкѣ 2 руб., да однорядка женская сукно аглинское вишнево, пуговицы серебряны, цѣна однорядкѣ $4^1/_2$ р., да шапка женская атласная, червчата, кружево жемчужное, цѣна шапкѣ 5 р.; да шубка женская теплая, киндяшная, лазорева на песцахъ съ пухомъ, пуговицы серебряныя, цѣна шубкѣ 6 руб. А въ другой, государь, коробьѣ было судовъ мѣдныхъ и оловянныхъ: блюдъ и сковородокъ, и ендовокъ, и братинъ, и стакановъ на 5 р. съ полтиною. И всего, государь, было поставлено жены моей Офимьи у того у Кузьмы живота еѣ и хлѣба, и платья, и судовъ на 71 р. 2 гр.“; Пр.

мившихъ читателя, перечней видна та обстановка, которая окружала зажиточнаго сѣвернаго крестьянина XVII в. У него значительный сельскохозяйственный инвентарь, въ его домѣ не рѣдкость металлическая посуда, мѣдная и оловянная; среди одежды—однорядка съ золотными плетеньями, стоимость которой иногда составляетъ болѣе 1/4 цѣны самой деревни, атласная шапка съ собольимъ мѣхомъ, съ жемчужнымъ кружевомъ, куски заграничнаго „аглинскаго" вишневаго, темносиняго и свѣтлозеленаго сукна, попадавшія въ глухіе деревенскіе уголки изъ Архангельска; встрѣчается и серебряная „кузнь": перстни съ каменьями, какія то серебряныя „лапы", жемчужныя ожерелья. Въ иномъ домѣ, гораздо впрочемъ рѣже, чѣмъ перечисленныя вещи, есть и книга, печатная или рукописная. Непремѣнная принадлежность каждаго дворохозяина - вотчинника—шкатулка, коробья, со всякими „деревенскими путьми", т. е. крѣпостными документами на владѣніе землей. Но всѣ эти предметы—признаки зажиточнаго крестьянства. Припомнимъ, что переписныя книги конца столѣтія отмѣчаютъ значительное экономическое разслоеніе сельской массы, и въ то время какъ одни крестьяне щеголяютъ атласными шапками и однорядками, другіе, также дворохозяева, значатся тамъ въ рубрикѣ „нищихъ" или „ходящихъ по міру".

Теперь перейдемъ къ личному составу двора, познакомимся съ тѣми отношеніями, которыя этотъ составъ связывали. Входя въ деревню, мы можемъ разглядѣть все ея населеніе. Попадаются документы въ родѣ различныхъ допросовъ и судебно-слѣдственныхъ протоколовъ, дающіе возможность застать жителей деревни за ихъ ежедневными занятіями и, такъ сказать, воскресить ихъ хозяйственный день и отдыхъ послѣ работы. Вотъ два изъ такихъ документовъ. „143 г. (1634) сентября въ 16 д. судецкій цѣловальникъ Пятой Автономовъ сталъ въ Пукиревой деревнѣ", находившейся на р. Вагѣ въ Устьянской Чушевицкой волости и состоявшей всего изъ трехъ дворовъ [1]), „и поставилъ передъ собя крестьянъ всѣхъ, и спрошалъ ихъ по государеву крестному цѣлованію, гдѣ который былъ назавтрее Воздвиженьева дни (15 сентября) до обѣда и послѣ обѣда. И,

---

Д. 1639 № 44. Пожитки крестьянина Еф. Селиверстова, квартировавшаго во дворѣ у дяди въ Устьянскомъ Введенскомъ стану: 25 руб. денегъ, шапка мужская—полтина, крестъ серебряный—пол-полтины, 4 рубашки мужскія, 4 портки по 11 алт. по 4 д., шуба баранья—1½ руб., оленина—цѣна полтина, зипунъ бѣлосермяжный—полтина". Вотъ для сравненія имущество половника, не имѣвшаго своего двора и земли, арендовавшаго землю у крестьянина Подосиновской волости Устюжскаго уѣзда въ деревнѣ Петрушинской: Пр. Д. 1627 № 67, л. 194, 195: „а тотъ Леонтій (хозяинъ), пріѣхавъ въ ту деревню Петрушинское, моего, государь, половнаго хлѣба ржи и пшеницы, и ячмени мнѣ, сиротѣ твоему, не далъ.... Да тотъ же Леонтій забралъ моего платья шубнаго и сермяжнаго, и бѣлаго платья: полотенъ и холстовъ, и рубахъ, а всего, государь, живота моего за тѣмъ Леонтьемъ хлѣба и платья на 12 р. съ полтиною".

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 15.038 (1635—36 гг.).

ставъ передъ цѣловальникомъ, Тимоѳей Родіоновъ говорилъ: господине цѣловальникъ! язъ былъ дома весь день, капусту варилъ, не знаю ничего, не вѣдаю больши того. Третьякъ Распутинъ сказалъ: язъ де до обѣда дома былъ, а послѣ обѣда озимь городилъ на Парущахъ. Козьма Распутинъ сказалъ: язъ де огородъ городилъ на дубровѣ съ племянникомъ, а сего дни язъ тутъ же городилъ, гдѣ и вчера. Герасимъ Ѳедоровъ сказалъ: язъ де вчера дома былъ весь день, молотилъ, да коноплю мочилъ. Яковъ сказалъ Шумиловъ внукъ: язъ де вчера до обѣда дома жилъ, а послѣ обѣда въ лѣсъ ходилъ, курицу (дерево, составляющее связь между стропилами кровли) высѣкъ. Дружка Прокопьевъ сказалъ: язъ де молотилъ до обѣда дома, а послѣ обѣда новину сѣкъ". [1])—29 августа 1634 г. сотскій той же Чушевицкой волости, получивъ заявленіе отъ крестьянина деревни Басайловой Горы С. А. Озорного о томъ, что у него наканунѣ въ ночь изъ житницы украдено разное имущество, прибылъ въ Басайлову деревню и снялъ допросъ съ крестьянъ, какъ этой, такъ и ближайшихъ сосѣднихъ деревень: Щекиной, Великой, Паюнской, Суходворской, Бережной и Плоскодворской [2]), объ ихъ времяпрепровожденіи 28 августа и между прочимъ „сотской поставилъ передъ собя Власа Евдокимова: гдѣ ты Власъ ночевалъ? И Власъ говорилъ: господине сотской, ночевалъ язъ у Ивана у Голюги, да утрось пришелъ Рышко на солнешномъ восходѣ и пришедъ меня нанялъ къ Никифору Кузнецову на день робити (работать); и язъ у него и нанялся, а не слыхалъ и не видалъ ничего. И сотской поставилъ передъ собя Ивана Голюгу и спрошалъ: Иванъ, у тобя ли Власъ ночевалъ? И Голюга говорилъ: господине сотской, ночевалъ у меня тотъ Власъ да Ермола, а пришли вечеръ при лучинѣ, да ночевали, не слыхалъ ничего. И сотской спрошалъ: Власъ, зачѣмъ ты дома не ночевалъ?—Господине сотской, язъ, господине, роблю, и язъ для роботы ночую, гдѣ бы робота попала.—А вчера ты Власъ, что дѣлалъ? И Власъ говорилъ: господине сотской, язъ вчера не дѣлалъ ничего, а пришелъ язъ въ Великую деревню, ино тутъ на улицѣ Ермола стоитъ съ Томиломъ Тѣстовымъ, и Томила его зоветъ хлѣба ѣсти, того Ермолу. И сотской поставилъ передъ собя десятскаго Великіе деревни Томила Тѣстова и спрошалъ его. И Томило ставъ говорилъ: господине сотской, вчера язъ овесъ клалъ въ гумнѣ и пришелъ домой поздно, и учалъ робятъ искати, и пришелъ въ Симонову избу, ажно тутъ у Симона Власъ сидитъ да Пронка Титовъ, да Голюга, да тотъ Симонъ карты играютъ А больше того не знаю, не вѣдаю. Иванъ Семеновъ сказалъ: язъ де не видалъ, не слыхалъ ничего, а ночесь у насъ въ подгорьѣ собаки лаяли больно, только язъ не вышелъ, а лаяли Титовы собаки, да Попова, да Варламова. Семея Клементьевъ да Кирило Власовъ

---

[1]) Пр. Д. 1634 № 47.

[2]) Ср. Арх. мин. юст. писц. кн. 15038 (1635—36 гг.): по р. Вагѣ: дер. Басайлова гора—3 двора; дер. Щекина—2 дв.; дер. Великой дворъ—5 дв.; дер. Паюсова—4 дв.; дер. Сухой дворъ—3 дв.; дер. Березникъ—2 дв.; дер. Плоская—1 дв.

сказали: мы де вчера въ Усковской сѣно косили, а не слыхали и не видали ничего. Варламъ говорилъ: язъ де вчера сѣно косилъ, да объ обѣдѣ домой шелъ, и язъ видѣлъ: Власъ сидитъ у Симона въ избѣ, а иного не знаю, не вѣдаю ничего. Симонъ сказалъ: язъ де вчера день весь былъ дома, а не слыхалъ, не видалъ ничего. И сотской говорилъ Симону: Симонъ, десятской взговорилъ, что ты вчерась съ зернщики карты игралъ. И Симонъ говорилъ: были де у меня таковы люди, посидѣли, а карты не играли..... Пятой Автономовъ, Ларіонъ Веденѣевъ, Денисъ Васильевъ, Яковъ Захаровъ, Десятой Семеновъ сказали, что господине сотской, были мы вчера дома, дѣло дѣлали. Пятой говорилъ: язъ де молотилъ съ Денисомъ; Ларивонъ: язъ де сѣно косилъ; Десятой: язъ де на Евлашевѣ жалъ; Яковъ: язъ де сѣно жъ косилъ, а ночевали дома, а не слыхали, не видали ничего—то за нами и рѣчей. Десятской Щекинскіе деревни сказалъ: язъ де сѣно косилъ, а ночевалъ дома... Тига сказалъ: язъ де дома вчера хмель щипалъ, ночевалъ дома; Нестеръ сказалъ: язъ де вчера подъ Кушевою дозрилъ, что у меня свиньи ѣдятъ, а ночевалъ дома. Родивонъ сказалъ: язъ де вчера дома хмель щипалъ, ночевалъ дома. Гусь сказалъ: господине сотской, язъ де ходилъ день весь по путику, а пришелъ домой поздно, ночевалъ дома; Паюнскіе деревни... Ермола Трофимовъ сказалъ: господине сотской, язъ де ночевалъ у Ивана у Голюги; а приходилъ овецъ искати, да опоздалъ тутъ, и тотъ меня Иванъ взялъ ночевати, а тутъ же ночевалъ Власъ Евдокимовъ“ [1]) и т. д.

Но обратимся къ личному составу двора. Припомнимъ, что дворъ на сѣверѣ очень мало населенъ [2]), и если поморская деревня малодворна, то дворъ въ этой деревнѣ малолюденъ. По переписямъ 70-хъ годовъ XVII столѣтія, тщательно перечисляющимъ все мужское населеніе двора, взрослое и малолѣтнее, средняя цифра душъ мужескаго пола въ крестьянскомъ и половничьемъ дворѣ колеблется по уѣздамъ отъ 2_2 до 4, причемъ гораздо большая часть уѣздовъ ближе къ первому, чѣмъ ко второму предѣлу. Населеніе бобыльскихъ дворовъ еще того меньше; оно колеблется отъ 1 до 2_3 душъ мужескаго пола [3]). Населеніе двора состоитъ изъ родственниковъ и изъ чужеродныхъ элементовъ. Простѣйшимъ и наиболѣе обыкновеннымъ случаемъ будетъ такой, когда населеніе двора составляетъ простая семья, т. е. отецъ и дѣти. Есть далѣе дворы, въ которыхъ простой семейный союзъ осложняется восходящими, нисходящими и боковыми родственниками, а также свойственниками. Наконецъ, есть дворы, населеніе которыхъ состоитъ изъ взаимно-чужихъ элементовъ, связанныхъ между собою различными экономическими интересами, облекающимися въ различныя юридическія

---

[1]) Пр. Д. 1634 № 1.

[2]) Стр. 143.

[3]) Ср. *П. Ивановъ*, Поземельные союзы и передѣлы на сѣверѣ Россіи, Труды Археогр. ком. М. А. О. т. II, стр., 204; *его же*, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ въ XVII в., Труды Археогр. Ком. М. А. О. I, 415.

отношенія. Мы уже видѣли, какіе родственные элементы указываются во дворѣ писцовыми книгами, какія разнообразныя названія даются въ этихъ книгахъ элементамъ чужероднымъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ: половниковъ, подворниковъ, сосѣдей, подсусѣдниковъ, захребетниковъ, работниковъ. Юридическія отношенія, которыми связываются чужеродные элементы двора, выражаются въ разнаго рода договорахъ: найма земли и жилого помѣщенія, либо только жилого помѣщенія, личнаго найма. Нерѣдко субъектъ владѣнія дворомъ бываетъ не единоличнымъ, а коллективнымъ: родственные и чужеродные элементы оказываются совладѣльцами. Такіе совладѣльцы называются въ актахъ XV—XVII вв. „складниками". Совладѣніе, „складничество", возникаетъ изъ сонаслѣдованія, когда наслѣдники владѣютъ сообща доставшимся по наслѣдству имуществомъ, или изъ отчужденія идеальной доли имущества, когда владѣлецъ имущества отчуждаетъ часть имущества въ другія руки и, не производя раздѣла самаго имущества, становится совладѣльцемъ съ пріобрѣтателемъ доли, которая остается, слѣдовательно, такой же идеальной, какъ и въ общемъ имуществѣ сонаслѣдниковъ. Очень часто сонаслѣдники и отчуждаютъ свои идеальныя доли въ общемъ имуществѣ на сторону, и такимъ образомъ въ семейный союзъ привходитъ чужой совладѣлецъ, пріобрѣтатель доли. Наконецъ, совладѣніе возникаетъ изъ договора товарищества, составляющагося для достиженія какихъ либо общихъ хозяйственныхъ цѣлей. Такое товарищество могло возникать для торговаго дѣла, для эксплуатаціи какого либо промысла, для занятія какимъ либо ремесломъ, словомъ, для всякаго предпріятія, требующаго экономическихъ рессурсовъ. Въ сѣверныхъ деревняхъ товарищества организовывались для эксплуатаціи земледѣльческаго, соляного или рыбнаго промысловъ. Члены ихъ складывались и трудомъ, и капиталомъ. Общій капиталъ товарищества могъ заключаться какъ въ движимомъ, такъ и въ недвижимомъ имуществѣ, напр. въ деньгахъ, орудіяхъ, дворѣ, земельныхъ участкахъ. Отличіе этого договора товарищества относительно владѣнія дворомъ отъ всякихъ другихъ договоровъ, связывавшихъ чужеродные элементы двора, заключалось въ томъ, что онъ расчленялъ субъектъ владѣнія, дѣлая его коллективнымъ и создавая столько хозяевъ, сколько было участниковъ въ договорѣ. Хозяиномъ двора въ этомъ случаѣ становилось не одно лицо, а товарищество, тогда какъ при остальныхъ договорахъ, напр. наймѣ вещномъ или личномъ, субъектъ владѣнія оставался неизмѣннымъ, хотя дворъ и наполнялся новыми жителями, контрагентами этихъ договоровъ: подворниками, половниками, захребетниками, работниками и пр.

Отношенія товарищества проникаютъ собою сѣверное общество; они проявляются иногда и въ совладѣніи родственниковъ и облекаются даже въ форму договора. Товарищество такого рода возникало напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда тесть, выдавая дочь замужъ, принималъ къ себѣ въ домъ зятя, приносившаго съ собою нѣкоторое имущество, заключалъ съ нимъ договоръ, опредѣлявшій ихъ взаимныя права на образовавшееся отъ такого складства общее имущество. Такимъ образомъ тесть и зять оказывались

складниками. Вдова, выходя вторично замужъ, вступаетъ отъ имени своихъ дѣтей въ такой же договоръ со вторымъ мужемъ [1]). При совладѣніи, возникающемъ изъ отчужденія идеальной доли имущества единственнымъ его владѣльцемъ, или, при коллективномъ владѣніи, кѣмъ либо изъ сонаслѣдниковъ или товарищей, новый пріобрѣтатель такой доли привходитъ въ семейный союзъ или въ товарищество безъ особаго новаго формальнаго договора; но онъ молчаливо соглашается принять на себя всѣ права и обязанности, соединенныя съ пріобрѣтаемой долей. Онъ является товари-

---

[1]) Вотъ примѣръ такого договора. Пр. Д. 1638 № 33. „Се язъ Ульяна Леонтьева дочь Васильева сына Басова, а Насоновская жена Иванова сына Ногавицына вышла есми замужъ за Василья Савельева сына Дробинина. А пришелъ онъ ко мнѣ на Обронину Горку въ участокъ земли, что мнѣ Ульянѣ съ дѣлу отъ дѣтей досталось. А жити тому Василью съ моими Ульяниными дѣтьми съ Савватіемъ да съ Константиномъ десять годовъ вмѣстѣ, лѣта съ 7125 году съ Филиппова заговѣйна да до 135 же году до Филиппова же заговѣйна и поить, и кормить тому Василью Савватія и Константина, и печаловать ими. И какъ пройдутъ срочные десять годовъ 125 году съ Филиппова заговѣнья до 135 до Филиппова жъ заговѣнья, и тому Василью во всемъ моемъ животѣ Ульянинѣ половина въ землѣ и въ хлѣбѣ, и въ скотѣ, и въ чернѣ, и въ бѣлѣ, и въ долгу, и въ слободѣ. А принеслъ тотъ Василій съ собою взносу рубль денегъ, да серьги 8 гривенъ, хрустальное каменье, 8 гривенъ безъ могорца, да три шапки мужскія—20 алт., да три перстни серебряные, да два креста—16 алтынъ, да... лен... на 7 алтынъ, два кафтаненка сѣрой да бѣлой—10 алт., да сапоги красные—15 алт., ногавицы синія—7 алт., да шлея новая сыромятная—5 алт., да двои переды бѣлые, да двои подошвы, да 3 рубахи простынные (sic), да трои портки. А всего того Васильева приносу на пять рублевъ. А будетъ Ульяна помретъ до десяти годовъ, а отроду не будетъ, и тому Василью съ пасынками жити до десяти годовъ вмѣстѣ и тому Василью съ пасынками весь животъ дѣлить и Васильевъ приносъ пополамъ. А будетъ Савватій и Константинъ учнутъ того Василья отъ себе съ двора ссылать до десяти годовъ, и тому Василью половина въ Ульянинѣ животѣ и въ Васильевѣ приносѣ половина, да полѣтнаго по 10 алтынъ на годъ. А будетъ Василій не захочетъ самъ жити до срочныхъ десяти годовъ да пойдетъ прочь, и тому Василью полѣтнаго взять по 10 алтынъ на годъ, а до того до всего живота до Ульянина и до Васильева приносу дѣла нѣтъ никому. А по грѣхомъ Савватій и Константинъ помрутъ, и до того живота Ульянина и до Васильева никому дѣла нѣтъ. А будетъ Василій помретъ, а отроду не будетъ, ино до Васильева приносу никому дѣла нѣтъ, все Божье да Ульянино. А у складныхъ въ мужахъ сидѣли люди добрые: Павелъ Анцыфоровъ Дроздовъ да Василій Васильевъ Басовъ, да Манойло Савельевъ сынъ Дробининъ, да Трофимъ Гавриловъ Зайцевъ. А складные писалъ Давыдецъ Ивановъ сынъ двѣ по противнемъ слово въ слово, дьячекъ одинъ и мужи одни. 125 г. ноября въ 14 д. А позади у записи пишетъ: а будетъ Ульяна помретъ и Савватій, и Константинъ Ульянины дѣти, а отроду не будетъ, ино весь животъ Ульянинъ и Васильевъ приносъ все Божье да Васильево, а иному никому дѣла нѣтъ до того живота. Списокъ съ записи слово въ слово.

щемъ по молчаливому соглашенію. Очевидно, что въ этомъ случаѣ семейный союзъ сонаслѣдниковъ преобразуется въ товарищество, въ основѣ котораго лежитъ не формальный договоръ, а молчаливое соглашеніе.

Товарищества были очень распространены на сѣверѣ въ XVII в. Ихъ завязывалъ самый процессъ колонизаціи края. Единичному лицу было не всегда подъ силу бороться съ препятствіями, которыя ставила хозяйственной эксплуатаціи суровая сѣверная природа съ ея дѣвственными лѣсами и непроходимыми болотами, и мысль о томъ, что эта природа воспитывала въ великороссѣ наклонность къ одиночеству, не слѣдуетъ доводить до крайностей. Быть можетъ, конечно, мракъ сѣвернаго лѣса или унылая ширь сѣверной рѣки навѣвали на колониста угрюмыя думы и развивали въ немъ способность къ сосредоточенію, налагая на помора печать своей суровости. Но тѣ экономическія задачи, которыя ему ставила жизнь на сѣверѣ, необходимо влекли къ общенію съ другими людьми и связывали колонистовъ въ союзы, безъ которыхъ разрѣшеніе этихъ задачъ было бы невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, морскіе напр. промыслы, которыми было занято прибрежное населеніе Поморья, были невозможны иначе, какъ въ формахъ коллективнаго труда. Такого же труда требовали и рыбныя ловли по большимъ рѣкамъ, производившіяся посредствомъ „заборовъ,“ сложныхъ сооруженій, преграждавшихъ русло рѣки, для построенія которыхъ необходимы были многочисленныя руки. То же, хотя можетъ быть, и въ меньшей степени надо сказать и о земледѣліи на сѣверѣ съ разчисткой дремучаго лѣса и съ выкорчевываніемъ вѣковыхъ пней. Всѣ эти природныя условія сѣвера, требовавшія коллективнаго труда для хозяйственной эксплуатаціи, создавали общеніе между людьми, и возможно, что нигдѣ въ древней Руси не было такъ распространено и такъ развито это общеніе, не возникало столь разнообразныхъ и столь многихъ экономическихъ ассоціацій, артелей и товариществъ, какъ въ Поморьѣ съ его морскими промышленными дружинами и сельскохозяйственными складничествами. Даже и въ той области жизни, гдѣ казалось бы, всего болѣе мѣста одиночеству, на сѣверѣ мы видимъ союзъ, представлявшій изъ себя сочетаніе капиталистическихъ и трудовыхъ элементовъ. Вѣдь что же такое по большей части на сѣверѣ монастырь, какъ не то же промышленное товарищество? Возможно предположить также, что заселявшій сѣверъ новгородскій колонистъ несъ сюда съ собою ту общительность, которая въ родномъ его краю въ рядахъ смѣнявшихся поколѣній воспитывалась воздѣйствіемъ крупнаго торговаго центра, гдѣ коммерческая дѣятельность связывала людей въ разнообразные союзы.

Товариществами, основанными на договорѣ, поморскіе крестьяне снимаютъ участки черной земли изъ тягла или изъ оброка, нетронутой или уже разрабатывавшейся прежде, а также арендуютъ землю у монастырей или у частныхъ владѣльцевъ. Приведемъ примѣры. Въ 1615 г. товарищество изъ трехъ крестьянъ: Клементій Сысоевъ, Иванъ Емельяновъ Клюшниковъ, Борисъ Ларіоновъ Рябой сняли на роспашь пустошь въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, пустѣвшую уже, по замѣчанію документа, „лѣтъ

пятьдесятъ и больше“ и поросшую „лѣсомъ большимъ въ бревно“, причемъ въ снятой землѣ паи участниковъ товарищества не были равными: доля Клементья равнялась $^1/_2$, Ивана $^1/_3$ и Бориса $^1/_6$. Товарищество обязалось платить всякія подати съ волостью вмѣстѣ, во что обложать и кромѣ того втеченіе шести лѣтъ поставить на снятомъ починкѣ дворъ съ избою въ три сажени, сѣнникъ съ подклѣтомъ, баню и овинъ, кругомъ двора вывести заборъ, все это построить подъ условіемъ въ противномъ случаѣ неустойки въ пользу волости, сдававшей землю, въ размѣрѣ 10 руб. Въ этомъ общемъ дворѣ члены товарищества и поселятся, обращая такимъ образомъ покинутую пустошь въ „живущую“ деревню[1]). Разработку разныхъ угодій такими товариществами въ 1620-хъ годахъ можно наблюдать по писцовымъ книгамъ этихъ годовъ, описывающимъ снятыя на оброкъ угодья. Угодья снимаются и отдѣльными лицами, но встрѣчаемъ и товарищества, мелкія изъ двухъ-трехъ однодеревенцевъ и крупныя ассоціаціи, участниками которыхъ состоятъ жители разныхъ деревень, а иногда такія крупныя товарищества образуются изъ нѣсколькихъ деревень въ полномъ составѣ ихъ жителей. Такъ напр. въ Чакольской волости Кевральскаго уѣзда „новая розчисть за осѣкомъ за Андреевою Нивою“, т. е. новь поднятая на участкѣ, разчищенномъ изъ подъ лѣса, находится во владѣніи товарищества изъ двухъ жителей деревни Залѣсской: Шумила Алексѣева да Алешки Максимова, которые платятъ за розчисть 2 алт. оброку. Тамъ же сѣнные покосы по рѣчкѣ Еюгѣ эксплуатируются снявшею ихъ на оброкъ группою лицъ, въ составъ кототорой входятъ всѣ крестьяне деревни Лаптевской; сѣнные покосы „на Островкѣ“ сняты товариществомъ, участниками котораго являются нѣсколько жителей пяти деревень: И. Михайловъ, В. Мосеевъ, Агей Григорьевъ съ товарищи; тамъ же сѣнные покосы на Вѣйгорѣ находятся во владѣніи товарищества, въ которое вошли всѣ жители шести Вѣйгорскихъ деревень и т. д.[2]) Въ 1634 г. крестьяне Чарондской округи волости Шалги Бодуновы: С. Гавриловъ изъ деревни Елябипа и Г. Степановъ изъ деревни Пидемской держатъ вмѣстѣ на оброкѣ „государеву пустошь Акинину“ въ той же Шальской волости[3]). Въ 1644 г. крестьяне К. Ф. Берестовъ и Д. М. Горячевскій сняли въ Лальской волости деревню „треть Вяткиной Горы“, участокъ, покинутый его прежнимъ владѣльцемъ, съ дворомъ и всѣми угодьями[4]). Даже половническая аренда берется иногда товариществами, въ которыя смыкаются половники.

Товарищи складники могутъ вести общее хозяйство, сложившись инвентарями и поселиться въ одномъ дворѣ. Такъ напр. въ 1644 г. крестьянинъ Устьянской Чушевицкой волости К. Власовъ, подавая земскому судьѣ челобитную па крестьянина И. Тѣстова, называетъ его въ челобитной однодворнымъ своимъ складникомъ. Крестьянка Введенскаго

---

[1]) Пр. Д. 1557—1634 г.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 185, лл. 172—174. Ср. писц. кн. 9—11.

[3]) Пр. Д. 1634 № 42.

[4]) Пр. Д. 1644 № 31.

стана въ тѣхъ же волостяхъ Натальица Якимова Трубина жалуется на крестьянина Бажена Корнильева въ томъ, что, какъ она пишетъ, „тотъ Баженко жилъ съ батюшкомъ моимъ съ Якимомъ на складѣ по складнымъ записямъ и съ батюшкомъ было дѣлить животъ пополамъ по складнымъ записямъ". Отецъ ея умеръ, и его сотоварищъ складникъ обидѣлъ Натальицу, не выдавъ ей доли ея отца изъ общаго складническаго имущества [1]). Но жизнь въ одномъ дворѣ—не непремѣнное условіе складническаго союза. Снимая землю и основывая деревню, члены товарищества могутъ поселиться въ разныхъ дворахъ, и такимъ образомъ создается сразу деревня съ нѣсколькими дворами, хозяева которыхъ владѣютъ ею какъ общимъ имуществомъ. Точно также деревня съ нѣсколькими дворами возникала путемъ раздѣла одного двора между совладѣльцами сонаслѣдниками или сотоварищами, которые, продолжая совладѣть самымъ деревенскимъ участкомъ, могли произвести раздѣлъ общаго двора, разселялись, строили новые дворы, и такимъ образомъ деревня изъ „однодворки" становилась двухъ или многодворной. Изъ раздѣла семьи, жившей нѣкогда въ одномъ дворѣ, возникали деревни съ нѣсколькими дворами, хозяева которыхъ носятъ одни и тѣже фамильныя прозвища [2]).

Договоръ, опредѣляющій условія товарищества, носилъ названія складной записи, одинашной памяти; но письменный договорный актъ, какъ мы видѣли уже, не всегда является необходимымъ элементомъ товарищескаго союза. Онъ пишется обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда товарищество составляется вновь, когда оно только возникаетъ. Но уже существующее товарищество преобразуется въ своемъ составѣ и безъ заключенія формальныхъ договоровъ [3]). Новые члены, пріобрѣтая различными путями идеальныя доли въ общемъ имуществѣ, вступаютъ въ него, не заключая новаго договора, а молчаливо соглашаясь принимать участіе во всѣхъ активахъ и пассивахъ товарищества. Въ этомъ отношеніи сѣверное владѣльческое складство можно сблизить съ товариществомъ на паяхъ, причемъ значеніе паевого документа имѣетъ купчая или закладная, или вообще тотъ актъ, по которому пріобрѣтается доля въ общемъ имуществѣ. Какъ товарищество на паяхъ, такое складство можетъ постоянно измѣняться въ своемъ личномъ составѣ. До тѣхъ поръ, пока деревенскій участокъ остается въ общемъ владѣніи, товарищество не изчезаетъ, а какъ увидимъ ниже, когда бываетъ раздѣлъ участка, онъ рѣдко

---

[1]) Пр. Д. 1644 № 53; Пр. Д. 1641 № 30.

[2]) Примѣры см. ниже въ гл. XIII.

[3]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 276. Челобитная крестьянина Устьянской Пежемской волости Возгрецовской деревни Игнашки Минина. „Жалоба, государь, мнѣ тоежъ деревни на вскладниковъ на Аѳонка Юрьева сына и на племянниковъ его, да на вдову на Анну Баженовскую жену и на всѣхъ складниковъ Возгрецовскіе деревни. Живу я, государь, съ ними въ одной деревнѣ и земли, государь, они со мною изумѣру не мѣрятъ дворовые и полевые... чинятся сильны; а записей промежъ нами никакихъ нѣту".

доводится до конца, обыкновенно хотя нѣкоторыя угодья все же остаются въ общемъ пользованіи, и товарищество не всецѣло ликвидируется. Благодаря семейнымъ и товарищескимъ раздѣламъ и отчужденію долей на сторону также съ дробленіемъ ихъ при этомъ, паи товарищества умножаются и мельчаютъ. Появляются „жеребьи деревни“, не только трети и четверти деревень, но четырнадцатыя, шестнадцатыя и тридцать вторыя доли, даже части, которыя по отношенію къ цѣлой деревнѣ обозначаются въ актахъ такими трудно объяснимыми дробями, какъ напр.: „въ полупятыхъ осьминахъ три доли“[1]). По любой писцовой книгѣ конца XVII в. можно замѣтить это дробленіе деревень, причемъ видно, какъ доли деревни попадаютъ и въ некрестьянскія руки, напр. монастырей и бѣломѣстцевъ.

Итакъ поморская деревня основывалась или семейнымъ союзомъ, или договорнымъ товариществомъ, пріобрѣтавшими землю путемъ заимки или снимавшими ее у казны, или у частныхъ землевладѣльцевъ. Какъ семейный союзъ, такъ и товарищество, владѣя деревней, могли жить въ одномъ дворѣ, могли разселяться по нѣсколькимъ дворамъ, продолжая владѣть землею сообща. Благодаря обороту земельныхъ участковъ семейный союзъ съ теченіемъ времени переходитъ въ товарищество совладѣльцевъ по молчаливому соглашенію. Такими же совладѣніями дѣлаются, по мѣрѣ отчужденія долей, и первоначальныя договорныя товарищества. Въ дальнѣйшемъ, при окончательномъ раздѣлѣ общей земли, товарищество перейдетъ въ простыя сосѣдскія отношенія индивидуальныхъ землевладѣльцевъ. Въ такія отношенія и стремятся стать къ складническимъ союзамъ бѣломѣстцы, когда въ ихъ руки попадаютъ доли деревень. Но обыкновенно, по крайней мѣрѣ въ XVII в., такіе раздѣлы не доводятся до конца и хотя часть угодій остается въ совладѣніи. Совладѣніе деревнями является настолько господствующей формой на сѣверѣ, что жители одной деревни, однодеревенцы, обыкновенно носятъ названіе „складниковъ“, и гораздо рѣже встрѣчается слово „сосѣди“[2]).

---

[1]) Пр. Д. 1653 № 59.

[2]) О складничествѣ см. очеркъ *М. Клочкова*, Къ вопросу о складникахъ. Ж. М. Н. Пр. 1901, ноябрь; Пр. Д. 1628 № 72. „Царю государю... Михаилу Ѳедоровичу... бьетъ челомъ сирота твоя государева Устьянскіе волости Введенскаго приходу Гришка Логиновъ сынъ Лугвинъ. Жалоба, государь, мнѣ на Алексѣя Иванова сына и на всѣхъ складниковъ Ѳедоровы деревни; да на Сидора Алексѣева сына Прожерина, да на Рычка Григорьева сына Кузнецова и на всѣхъ складниковъ Бережные деревни; да на Тимоѳея Артемьева сына и на всѣхъ складниковъ Микитинскіе деревни; да на Миню Аѳанасьева сына, да на Гнѣваша Прокопьева Батурина и на всѣхъ складниковъ Васковскіе деревни; да на Фрола Васильева сына Рыпакова, да на Семого Прокопьева сына Батурина и на всѣхъ складниковъ Оксеновскіе деревни; да на Третьяка Григорьева сына Суворова и на всѣхъ складниковъ Соболевскіе деревни; да на Василья Степанова сына Тюлпина, да на Якова Михайлова сына Суворова и на всѣхъ складниковъ Тюлпины деревни; да на Осипа Васильева сына Жаравля, да на Ивана Родіонова сына и на всѣхъ складниковъ Ѳоминскаго по-

Разсмотримъ теперь самый объектъ владѣнія единоличнаго или складническаго, самую „деревню“. Прежде всего надо припомнить, что деревней на древнерусскомъ сѣверѣ называлось не то, что мы привыкли подразумѣвать подъ этимъ словомъ. У насъ словомъ „деревня“ обозначается поселокъ, состоящій изъ крестьянскихъ дворовъ, и только самый поселокъ, независимо отъ земель, которыми владѣютъ его жители, такъ что можно представить себѣ деревню, у которой не будетъ никакой другой земли кромѣ усадебной, занятой подъ дворы, и она всетаки будетъ деревней. Въ древней Руси такія безземельныя деревни назывались слободами. Подъ „деревней“ въ старинномъ Поморьѣ разумѣлось нѣкоторое хозяйственное самодовлѣющее цѣлое, состоящее изъ двора и совокупности принадлежащихъ къ нему сельскохозяйственныхъ угодій. Первоначальной и типичной деревней на сѣверѣ была деревня одподворка, т. е. именно дворъ съ принадлежащими къ нему угодьями[1]). Это цѣлое, какъ мы сказали бы теперь, имѣніе называется деревней и носитъ обыкновенно какое нибудь собственное имя. Если такое имѣніе дѣлится напр. между сонаслѣдниками, ихъ доли будутъ называться полу-деревнями, третями деревни и т. д., такъ что понятіе о деревнѣ, какъ цѣлой величинѣ, не утрачивается и при раздѣлѣ ея на части. Иногда впрочемъ и часть деревни называется также деревней, напр.: „продалъ тотъ Онтонъ... деревню въ Костюнин-

---

чинка; да на Өедора Васильева сына Илюсова, да на Харитона Захарьина сына Шаляпина и на всѣхъ складниковъ Андреевскаго починка. Тѣ, государь, крестьяне девяти деревень владѣютъ по Верюгѣ рѣчкѣ пожнями и наволоками, и причистьми лишкомъ не повытно и не по сотной грамотѣ, а съ нами Верюгинскіе деревни пожень и наволоковъ, и причистей повытно и по сотной грамотѣ не верстаютъ и отъ причистей поженныхъ насъ отбиваютъ, по Верюгѣ наши новочистныя пожни отнимаютъ своимъ насильствомъ“; Пр. Д. 1636 № 16, л. 68; Пр. Д. 1639 № 44: „И тотъ, государь, судья Сидоръ Леонтьевъ съ товарищи по твоей государевѣ грамотѣ насъ сиротъ твоихъ Ровдинскіе деревни всѣхъ складниковъ поставилъ на Чадромскомъ погостѣ“. Пр. Д. 1641 № 19, л. 1: „жалоба государь мнѣ..... на всѣхъ складниковъ Кузоверскіе деревни“; л. 15. Договоръ между двумя деревнями. „Списокъ съ мировые слово въ слово. Се язъ Левонтій Филимоновъ сынъ Кузнецова, да Григорій Прокудинъ с. Сидорова, да Пуляй Пятого с. Зарубина и во всѣхъ складниковъ своихъ мѣсто Грунчевскіе деревни, да язъ Богданъ Назаровъ с. Якимова, да язъ Тихонъ Семеновъ с. Кокорина и во всѣхъ складниковъ своихъ мѣсто Кузоверскіе деревни помирились промежъ собою“ и т. д.; Р. И. Б. XIV, 632—633. Ср. Пр. Д. 1633 № 31, л. 2 и сл. „И вышедъ де я изъ мякинницы, всѣмъ сусѣдемъ Тимоөеевскіе деревни про то мясо сказалъ“. Терминъ „складникъ“ для обозначенія односельчанина мы встрѣчаемъ и въ извѣстномъ Судебникѣ Өедора Ивановича, см. ст. 160, 162.

[1]) *Ефименко*, Изслѣдованія народной жизни, 204: „деревня есть какая то законченная, довлѣющая самой себѣ земельная единица“; ibid 214, 231. *Сергѣевичъ*, Древности русск. права, III, 45: „первоначальная деревня есть ничто иное, какъ отдѣльный пашенный дворъ съ хозяйственными постройками и принадлежащей къ нему землей“.

ской деревнѣ въ всемъ четвертую доль"[1]). Въ составъ деревни входитъ во-первыхъ усадебная земля, т. е. земля подъ дворовыми постройками, садовая земля, хмельникъ, „огородцы": капустникъ, конопляникъ, гумно. Затѣмъ идетъ полевая земля, носящая во многихъ мѣстахъ на сѣверѣ названіе „горней" отъ того мѣстоположенія, которое она занимаетъ, находясь выше дворовъ на береговой полосѣ рѣки, такъ какъ это возвышенное мѣсто берега является наиболѣе удобнымъ, а иногда даже единственно возможнымъ для обработки. Къ этимъ видамъ угодій присоединяются еще сѣнокосы, лѣса, пастбища, рыбныя ловли и охотничьи угодья. Всѣ эти виды угодій перечисляются съ большею или меньшею подробностью въ купчихъ и закладныхъ на деревни и доли деревень, напр.: „продалъ есми треть деревни, землю и съ дворомъ.... и съ огородцы: съ капустникомъ и съ конопляникомъ, и съ гумномъ, и съ овиномъ, и со всѣмъ огуменникомъ, и съ польми, и съ пожнями, и съ озерными истоки, и съ перевѣсы, и съ лѣтовищемъ, и съ запольемъ, и съ путики, и съ прислонами, и съ березникомъ, и съ лѣсами сухими и съ сырыми, и съ чертежемъ[2])... и со всѣмъ угодьемъ, что къ тому жеребью изстари потягло, куды топоръ ходилъ и плугъ, и соха, и коса, и борона ходили"[3]). Эти выраженія земельныхъ актовъ: „куда соха, коса и топоръ ходили" свидѣтельствуютъ, что деревня, какъ совокупность угодій, обязана своимъ происхожденіемъ заимкѣ, захвату пустопорожнихъ земель, размѣры котораго опредѣлялись рабочими силами деревни[4]). Естественные предѣлы такимъ захватамъ полагались недостаткомъ земель, вызывавшимъ столкновеніе нѣсколькихъ интересовъ. Если деревни были разбросаны на далекихъ разстояніяхъ одна отъ другой, заимкамъ ничто не препятствовало; онѣ сокращались или увеличивались соотвѣтственно сокращенію или увеличенію трудовыхъ силъ

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 19. Можно встрѣтить также случаи, когда деревней называется совокупность угодій въ противоположность двору, напр.: „половина двора и половина деревни". *П. Ивановъ*, Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ, Труды Арх. Ком. М. А. О. I, 431.

[2]) „Чертежемъ" теперь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще практикуется заимка угодій, называется пространство лѣса, очерченное въ знакъ его захвата. „Достаточно очертить растущій на извѣстномъ пространствѣ лѣсъ—и „чертежъ" на неопредѣленное время поступаетъ въ исключительное владѣніе и распоряженіе зачертившаго". *Кауфманъ*, Русская Община, 248.

[3]) Пр. Д. 1554—1635, л. 1. купч. 7109 г.; Пр. Д. 1641 № 19, л. 13; Пр. Д. 1631 № 36: „А въ тѣхъ есми деньгахъ заложили землю свою... въ Карповской деревнѣ четверть выти земли безъ шестые доли и съ дворомъ, и съ подворною землею, и со всѣми дворовыми и вонными хоромы, съ путики и съ ловищи, и съ езовищи, и съ горними землями, и съ луговыми, куде ходила соха и коса, и топоръ, и что къ тому нашему жеребью изстари потягло"; Пр. Д. 1629 № 24, л. 8.

[4]) *П. Ивановъ*, Поземельные союзы и передѣлы въ XVII в., Труды Арх. Ком. М. А. О., II: „деревнею назывались земли и угодья, притянутыя трудовымъ захватомъ къ одному союзу".

деревни, и такія деревни не нуждались въ межахъ. Иначе обстояло дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда деревни плотно примыкали одна къ другой, тѣснясь по береговой полосѣ рѣки. Здѣсь моментъ прекращенія возможности заимокъ долженъ былъ наступать рано, и такія деревни размежевывались одна отъ другой. Вотъ примѣръ наступленія такого момента.

Въ волости Нижній Боръ въ Троицкомъ приходѣ Каргопольскаго уѣзда существовала деревня Мартемьяновская. По дозорной книгѣ С. Языкова и С. Осокина она составляла 1/4 выти; при слѣдующемъ описаніи 1621—22 гг. писцы И. Воейковъ и Т. Копнинъ положили ее уже въ 13/16 выти. Кромѣ пахотной земли, положенной въ эту долю вытнаго тягла, деревня снимала еще 11/16 выти въ оброчное держаніе. „А то, государь, наше деревнишко Мартемьяновское“, пишетъ въ 1653 г. владѣлецъ или одинъ изъ владѣльцевъ этой деревни, „пришла промежъ тремя волостьми: отъ Архангельской волости за 10 верстъ, а отъ Троицкой волости за 12 верстъ, а отъ Плесовской волости за 15 верстъ, и изъ тѣхъ, государь, трехъ волостей крестьяне: Архангельской волости Өедоръ Сидоровъ съ товарищи, а Троицкой волости Тимоѳей Оглодовъ да Абрамъ Тимоѳеевъ Корелинъ съ товарищи, приходя къ нашему деревнишку всего за версту и за пол-версты, и ту нашу землю насильствомъ опахиваютъ и лѣсъ на бревна высѣкаютъ и на дертье дерутъ, а намъ сиротамъ пахать нечего, деревнишко они наше опустошили и скотишку нашему выступу вонъ не дадутъ“. Челобитчикъ проситъ далѣе навести справку въ писцовыхъ книгахъ и „отъ тѣхъ трехъ волостей съ нашею деревнишкою межи и завалы, и грани, и признаки впредь учинить“, примежевавъ къ деревнѣ округу версты въ три или четыре и затѣмъ предлагаетъ проектъ такой межи, называя различныя урочища, какими обыкновенно обозначались межи въ древней Руси: отъ Архангельской волости по Гаревому ручью, а отъ Гаревого ручья по середкѣ тростоватаго мху и д. т.[1]). Въ этой проектируемой округѣ съ радіусомъ въ 3—4 версты и замкнутся, если просьба будетъ исполнена, всѣ угодья деревни Мартемьяновской. Указанія на такія общедеревенскія межи между деревнями мы нерѣдко встрѣчаемъ въ актахъ. Судебникъ 1589 г., хотя и не имѣвшій офиціальнаго значенія, но составленный лицомъ, знавшимъ сѣверные деревенскіе порядки, считаетъ межи, отдѣляющія одну деревню отъ другой, общимъ правиломъ, предписывая „промежъ селы и деревни городити межной огородъ, гдѣ межа придетъ, пополамъ“ и устанавливая наказаніе за нарушеніе межи: „кто зоретъ межу или грань ссѣчетъ межъ селы и деревни“[2]). Не всегда однако всѣ деревенскія угодья могли быть включены въ такую межевую округу, какъ это предполагалось относительно деревни Мартемьяновской. Тамъ, гдѣ деревни располагались по берегу рѣки, размежеванію могла подвергнуться только та узкая береговая полоса, на которой лежали пашни и сѣнокосы; первобытный лѣсъ,

---

1) Пр. Д. 1653 № 59.

2) Судеб. 1589 г. ст. 168, 172.

11*

тянувшійся за этою полосою, разумѣется, долженъ былъ оставаться неразмежеваннымъ. Въ этихъ случаяхъ междудеревенская межа, начиналась у рѣки, далѣе раздѣливъ полосу полей и затѣмъ полосу сѣнокосовъ, доходила до этого лѣса и здѣсь терялась. Судебникъ 1589 г. предлагаетъ оригинальный способъ обозначенія границы въ такомъ лѣсу: „а гдѣ межъ деревнями случится межа, и межа до осѣка, а на осѣкъ ставъ, топоромъ шиби, до какихъ мѣстъ имѣтъ, а дале вопчій лѣсъ царевъ и великаго князя". Такимъ образомъ нѣкоторая полоса лѣса, шириною въ полетъ брошеннаго топора, отводилась къ деревнѣ; далѣе начинался общій лѣсъ, заполнявшій собою „суземье"—пространство между рѣками, на берегахъ которыхъ были поселенія [1]).

Общедеревенская межа, охватывавшая угодья деревни и включавшая въ себя отдѣльные участки, на которые деревня могла дробиться, показываетъ, что деревня составляетъ нѣкоторое хозяйственное цѣлое. Посмотримъ, какіе порядки владѣнія и пользованія устанавливаются внутри этой общедеревенской межи. Простѣйшимъ случаемъ будетъ деревня одноворка, которою владѣетъ и въ которой ведетъ хозяйство одна простая семья. Сложнымъ случаемъ, на который мы преимущественно и обратимъ вниманіе, будетъ владѣніе деревней складниковъ: родственниковъ-сонаслѣдниковъ, получившихъ по завѣщанію или безъ него каждый опредѣленную долю деревни, или чужеродныхъ товарищей, каждый изъ которыхъ имѣетъ также опредѣленную долю. При дальнѣйшихъ наслѣдственныхъ переходахъ и при отчужденіяхъ—а каждому совладѣльцу принадлежитъ право распоряженія своей долей—деревня, какъ мы видѣли, дробится все больше, и доли становятся меньше. Доли эти могутъ быть выдѣлены, т. е. каждый изъ совладѣльцевъ можетъ получить приходящуюся на него часть каждаго изъ угодій. Но обыкновенно онѣ остаются идеальными, и складники владѣютъ деревнею сообща, долгое время не производя раздѣла. Мы перечислимъ теперь вновь виды угодій, совокупность которыхъ составляетъ деревню, и посмотримъ, какъ ими пользуются складники. Иногда складники-сонаслѣдники и даже товарищи живутъ въ одномъ дворѣ, ведутъ одно хозяйство общими силами. Но затѣмъ они разселяются по отдѣльнымъ дворамъ и параллельно съ этимъ ихъ идеальныя доли въ разныхъ видахъ угодій начинаютъ реализоваться въ отдѣльныхъ участкахъ болѣе или менѣе конкретно, смотря по виду угодій. Однако до полнаго и окончательнаго дѣ-

---

[1]) Судеб. 1589 ст. 177, 175. Сельская поземельная община въ Архангельской губ. по описаніямъ, представленнымъ въ Статистическій комитетъ въ 1885 и 1886 гг., стр. 10. „Мірская городьба въ общинѣ имѣется вокругъ полей—огороды и вокругъ луговъ—осѣки. Ср. *Подвысоцкій*, Словарь областного Архангельскаго нарѣчія: Осѣкъ:—огорожа изъ кустарника, жердей или хворосту, отдѣляющая пастбище отъ сѣнокосной земли или селенія отъ пашни. Судебникъ 1589 г. указываетъ норму для устройства такой ограды: ст. 169. „А осек ставит 7 хлубинъ (?) нарочитая".

лежа реализація доходитъ очень рѣдко, и почти всегда какія-либо угодья остаются „не въ додѣлкѣ“, по выраженію актовъ.

Когда складники разселяются по отдѣльнымъ дворамъ, индивидуализируется владѣніе дворами. При этомъ дѣлятся дворовыя постройки; кто либо изъ складниковъ остается на прежней дворовой землѣ, другіе селятся на новыхъ мѣстахъ, на которыхъ имъ отводится земля подъ дворы, гдѣ они и ставятъ строенія, употребляя при этомъ въ дѣло также и свезенныя съ прежняго двора постройки. Судебникъ 1589 г. предоставляетъ въ этомъ случаѣ складнику, отселяющемуся дворомъ, ставить новый дворъ на любомъ мѣстѣ, гдѣ захочетъ, хотя бы даже на землѣ, находящейся подъ хмельникомъ[1]). Но даже и постройки дѣлятся не до конца. „Вонныя“, задворныя постройки часто не дѣлятся, и мы встрѣчаемъ владѣніе половиною бани, половиною овина и т. п. Владѣніе этими постройками продолжаетъ быть общимъ, и доли въ нихъ складниковъ остаются идеальными. Самая усадебная земля при раздѣлѣ обводится особою межою[2]). По судебнику 1589 г. значеніе такой дворовой межи еще очень шатко: если крестьянинъ застроитъ часть дворовой земли сосѣда, то онъ обязанъ очистить землю и снести постройки только въ томъ случаѣ, если этотъ сосѣдъ собирался самъ что либо построить на захваченномъ участкѣ. Въ противномъ случаѣ постройки не сносятся, а потерпѣвшій можетъ взять себѣ землю въ другомъ мѣстѣ въ количествѣ, равняющемся застроенному участку[3]).

Процессъ обособленія пользованія садовой землей можно наблюдать по актамъ XVII в. По судебнику 1589 г. личное пользованіе хмельникомъ еще очень непрочно, и какъ мы видѣли, складникъ, ставящій себѣ отдѣльный дворъ, можетъ занять подъ такой дворъ чужой хмельникъ[4]). За обособленіе хмельника въ личное владѣніе и пользованіе приходится вести борьбу. Въ поземельной тяжбѣ между складниками деревни Котовальской въ Устьянскихъ волостяхъ, разбиравшейся въ 30-хъ годахъ XVII в. истцы говорятъ: „а что хмельникъ у Третьяка (отвѣтчика) противъ его воротъ надъ ручьемъ, а хмелю въ немъ пуда два и болѣ годомъ урожается, то де, государь, земля всея деревни Котовальской вопчая, а тотъ Третьякъ намъ

---

[1]) Ст. 160.

[2]) Р. И. Б. XIV, 836 и сл. „123 г. іюня въ 29 д. передъ выборнымъ земскимъ старостою Быкокурскаго стану передъ Патракіемъ Устиновымъ сыномъ ставъ, ищея Лучка Ивановъ сынъ Гаркуновъ... и билъ челомъ старостѣ Патракію: дай де ми, господине, на своего сусѣда на Ивана Самылова сына Хабарова судъ и управу в ъ д в о р о в о й з е м л ѣ, что де тотъ Иванко лишкомъ владѣетъ дворовою землею въ деревнѣ Степановской... Иванко говоритъ: м е ж н и к а де язъ у него не подсѣкивалъ“.

[3]) Ст. 162.

[4]) Ст. 160. Однако другая статья, 159, того же судебника исключаетъ хмельникъ и садовую землю изъ тѣхъ видовъ земли, въ которыхъ новопріѣзжій въ деревню складникъ можетъ искать себѣ удовлетворенія за недостатокъ подворной земли при передѣлѣ.

выти не дастъ по многіе годы, а все онъ владѣетъ". Возраженіе, которое сдѣлалъ отвѣтчикъ на это заявленіе, показываетъ силу его привязанности къ той землѣ, которая требовала отъ него затраты болѣе напряженнаго труда. Эта сила и обособляла владѣніе. Отвѣтчикъ готовъ передѣлить всю землю, но даже въ случаѣ такого общаго передѣла („чернаго дѣла") не поступится хмельникомъ, а отмѣряетъ вмѣсто хмельника другой участокъ земли. „И Третьякъ говорилъ", читаемъ мы далѣе въ судебномъ протоколѣ, „какъ де ему государь укажетъ въ землѣ черный дѣлъ, а землю умѣритъ (т. е. истецъ докажетъ, что онъ, отвѣтчикъ, пользуется лишнею землею), и язъ ему, Нифонтку (истцу), и тогда хмельника не дамъ, а землю смѣною дамъ противъ хмельника, гдѣ онъ похочетъ" [1]).

Было время, когда повидимому подсѣчная система хозяйства была единственною практиковавшеюся въ Поморьѣ. На захваченномъ участкѣ рубился и выжигался лѣсъ, выкорчевывались пни, и получавшаяся такимъ образомъ „новина" засѣвалась хлѣбомъ, давала подъ рядъ нѣсколько обильныхъ урожаевъ и затѣмъ, истощенная, покидалась захватившимъ ее земледѣльцемъ, который отыскивалъ другой участокъ подъ новину. Но съ тѣхъ поръ, какъ наряду съ подсѣчною системой стало появляться на сѣверѣ трехполье, мы видимъ тамъ пашню двоякаго рода: во-первыхъ, „горнюю" или „въ горнемъ", на возвышенномъ берегу рѣки, прилегающую къ дворамъ, присельную пашню, на которой ведется правильный сѣвооборотъ; во-вторыхъ, новины на захватываемыхъ участкахъ въ лѣсу, гдѣ ведется подсѣчное хозяйство. Присельная пашня имѣла большое значеніе потому, что она служила мѣриломъ участія складника въ другихъ угодьяхъ, которое было пропорціонально этой пашнѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ по ней производилась разверстка тягла и она выражалась для этого въ доляхъ выти [2]). Она дѣлится обыкновенно на три поля, которыя на сѣверѣ огораживались. Судебникъ 1589 г. указываетъ даже нормальное количество жердей для такихъ полевыхъ оградъ [3]). Въ деревняхъ съ нѣсколькими дворами эти поля разрѣзываются на полосы, которыми владѣютъ складники черезполосно. Вотъ примѣръ такого владѣнія полевой землей.

Нѣкогда деревня Котовальская въ Устьянской Чадромской волости находилась во владѣніи товарищества изъ двухъ лицъ: Ѳедора Киселева

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 44.

[2]) *П. Ивановъ*, Поземельные союзы и передѣлы въ XVII в.

[3]) Ст. 169. „А огородъ ставити около поля 7 жердей добрая, а около гумна 9 жердей добрая". Однако огораживаніе полей не было безусловно общимъ явленіемъ. Пр. Д. 1634 № 47 (начала нѣтъ)... „И судья (очевидно по дальнѣйшему Устьянской Чушевицкой волости) челобитную принялъ и мужей съ обѣ стороны велѣлъ добыть, и дьячку челобитную вычести велѣлъ. И выслушавъ челобитные, отвѣтчики говорили: господине судья! убытка мы имъ (истцамъ) никоего не чинивали, а коней мы не сѣкали, а пашни, государь, пахали дѣды и отцы наши б е з ъ о г о р о д о в ъ, да и иные складники пашутъ пашню безъ огородовъ, пашетъ пашню и Дружина безъ огороду жъ, а та у насъ пашня Починокъ—вѣкъ нашемъ безъ огородовъ."

и Льва Короткаго. Въ 30-хъ годахъ XVII в. послѣ наслѣдственныхъ переходовъ и отчужденія мы видимъ ее во владѣніи складническаго союза, состоящаго изъ четырехъ лицъ; изъ нихъ двое: двоюродные братья Нифонтъ и Сафонъ Киселевы, внуки вышеупомянутаго Ѳедора Киселева, живутъ въ одномъ дворѣ и сообща владѣютъ пахотой; затѣмъ Третьякъ Коротаевъ—сынъ Льва Короткаго, ему принадлежитъ въ деревнѣ 1/3; четвертымъ является постороннее лицо, пріобрѣтшее долю въ деревнѣ путемъ отчужденія, „новопришелецъ“ Лучка Григорьевъ Кехтинъ, поселившійся въ одномъ дворѣ съ Третьякомъ на правахъ складника. Какъ можно изъ этого видѣть, складническій союзъ по владѣнію деревней, разбивается на двѣ группы, члены которыхъ связаны еще складствомъ по дворамъ. Полевая земля деревни дѣлится на три поля съ такими названіями: 1. Каменное поле подгорное; 2. Задворное поле въ горнемъ; 3 Верхнее поле у ручья. Каменное поле дѣлится на три полосы: „головная“ принадлежитъ Третьяку Коротаеву, „подголовокъ“—Лучкѣ Кехтину и „озадонная“ Нифонту и Сафону Киселевымъ. На этомъ полѣ на головной полосѣ стоитъ дворъ Третьяка. Задворное поле состоитъ изъ двухъ частей: собственно поля и паволока у рѣчки Глотовицы. Каждая изъ этихъ частей разрѣзана на полосы. Въ той части, которая называется собственно полемъ, полосы идутъ въ такомъ порядкѣ: Лукина, Третьякова, другая Третьякова, Нифонтова и Сафонова (вмѣстѣ). „Паволокъ“ разрѣзанъ на три полосы: головная—Третьяка, подголовокъ Луки и озадонная братьевъ Киселевыхъ. На этомъ полѣ стоитъ дворъ Киселевыхъ. Наконецъ, дѣленіе третьяго поля, Верхняго, еще сложнѣе. Поле это, раздѣленное на двое дорогой „для проѣзду и для скотиннаго проходу“, распадается на пять частей: первый постѣнъ, второй постѣнъ, полянка у р. Устьи ниже проѣзжей дороги, участокъ „повыше лугового ручья у копанца“ и участокъ „въ паволокѣ верхнемъ у озера“. Каждая изъ этихъ частей въ свою очередь разбита на полосы: головныя, подголовки и озадонныя. Головная полоса цѣнится, какъ лучшая, и поэтому въ разныхъ частяхъ полосы складниковъ расположены въ различныхъ порядкахъ[1]). Владѣніе присельной пашней такимъ образомъ оказывается черезполоснымъ.

Въ присельной пашнѣ надо различать два вида. Это, во-первыхъ, та пашня, которая прилегаетъ къ жилью своихъ хозяевъ. Какъ видно изъ только что приведеннаго примѣра, дворы ставились иногда на самой полевой землѣ. Второй видъ—„наѣзжая“ пашня, расположенная иногда среди пашни перваго вида и входившая въ трехпольную систему. Наѣзжею пашней называлась такая, владѣлецъ которой не жилъ въ деревнѣ, гдѣ она находилась и пахалъ ее „наѣздомъ“, наѣзжая изъ той деревни, гдѣ онъ жилъ или присылая работниковъ. Такая пашня служила также мѣриломъ тягла и участія въ остальныхъ угодьяхъ деревни и своимъ происхожденіемъ обязана была отчужденію двора безъ земельнаго участка или наоборотъ земельнаго участка безъ двора. Въ судебникѣ 1589 г. мы видимъ

---

1) Пр. Д. 1631 № 44.

попытку установить короткій срокъ владѣнія наѣзжей пашней; онъ разрѣшаетъ[1]) пахать деревню наѣздомъ только три года, по истеченіи которыхъ такое владѣніе должно быть ликвидировано. Требованіе ликвидаціи имѣло, вѣроятно, цѣлью прекратить путаницу, вносимую владѣніемъ наѣзжей пашней въ складническія отношенія при личномъ отсутствіи складника, которому она принадлежала.

Но трехпольное хозяйство не вытѣснило совсѣмъ подсѣчной системы; послѣдняя продолжаетъ держаться рядомъ съ нимъ, а въ иныхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Заонежскомъ краѣ, все еще господствовать надъ нимъ. И соотвѣтственно этому кромѣ присельной трехпольной пашни, повсюду у сѣверныхъ крестьянъ въ XVII в. мы встрѣчаемъ еще „отхожія“ пашни, „отъ деревень версты за двѣ и за три, и за пять, и за десять“, заимки, которыя они распахивали на участкахъ, разчищенныхъ изъ подъ выжигавшагося при этомъ дѣвственнаго лѣса. Съ такихъ „повинъ“ снимался иногда одинъ только урожай, поэтому онѣ назывались „однохлѣбными пашнями“.—„А на тѣхъ, государь, мѣстахъ“, пишутъ въ своей челобитной, представленной отъ всего всеуѣзднаго міра, крестьяне Тотемскаго уѣзда, „гдѣ у насъ, сиротъ твоихъ, отхожія однохлѣбныя пашни, сѣчемъ мы.... большой черный, дикій лѣсъ, и тотъ, государь, лѣсъ сжегши и опрятавъ, соймемъ одинъ хлѣбъ, и то мѣсто покинемъ, покамѣстъ опять тотъ лѣсъ поростетъ“. Писцы, описывая деревни, имѣли склонность включать и такую отхожую однохлѣбную пашню въ податныя единицы съ цѣлью повысить размѣръ тягла, что и вызывало протесты крестьянъ и ходатайства, отправляемыя въ Москву[2]). „Въ прошломъ, государь, въ 132 году“, читаемъ мы въ такомъ ходатайствѣ крестьянъ Андреевской волости Сольвычегодскаго уѣзда, „твой государевъ писецъ Парѳеній Мансуровъ да подьячій В. Архиповъ Усольскій уѣздъ многія волости писали... и въ Андреевской волости въ нашей писали новинныя мѣста многія мокрыя въ десятины въ пашенную землю... и клали, государь, они на новинныя мокрыя мѣста и на пожни большой оброкъ. А мы, государь... съ тѣхъ новинныхъ мѣстъ снимаемъ въ три годы по одному по ржаному сѣву (т. е. три урожая) съ большихъ лѣсовъ, а впредь, государь, на четвертый годъ впустѣ мечемъ, потому что, государь, тѣ—новинныя мѣста, лѣсъ большой растетъ, и впредь, государь, на тѣхъ мѣстѣхъ другого хлѣба не сѣютъ, да и не родится“[3]). Такія новины выжигались въ однихъ случаяхъ единичнымъ хозяйствомъ, въ другихъ общими силами складниковъ и тогда дѣлились между ними[4]). Первоначально областью примѣненія этого захватнаго права, этихъ

[1]) Ст. 161.

[2]) Пр. Д. 1624 № 10. Ходатайство Тотемскаго уѣзда: „И намъ бы ихъ, тотмичъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей пожаловати, тѣхъ однохлѣбныхъ мѣстъ и переложныхъ земель мѣрить и въ пашенныя десятины писать не велѣть“. Пр. Д. 1646 № 61.

[3]) Пр. Д. 1627 № 80.

[4]) *П. Ивановъ*, Поземельные союзы и передѣлы, стр. 251: „жгли мы новину, а вышегши ту новину и роздѣлили повытно“.

заимокъ была и горняя прибрежная полоса; впослѣдствіи съ размноженіемъ населенія, заимки отодвигаются вдаль, въ черный лѣсъ суземья. Еще и въ XVIII и даже въ XIX вв. заимка съ подсѣчнымъ хозяйствомъ—постоянное явленіе на сѣверѣ [1]). Подсѣка не всегда бывала такимъ мимолетнымъ владѣ-

---

[1]) Дневныя записки путешествія *Ивана Лепехина* въ 1771 г. ч. III, стр. 239. „Подъѣзжая къ селу Подкиберскому (Яренск. у.) увидѣли, съ колькимъ трудомъ сихъ бѣдныхъ жителей соединено было хлѣбопашество, особливо озимоваго хлѣба. Озими ихъ стояли среди огромныхъ лѣсовъ, въ которыхъ они пространныя вырубаютъ палестины и, сожегши лѣсъ, на пеплѣ сѣютъ свой хлѣбъ. Сихъ мѣстъ они не пашутъ, но выжегши лѣсъ, прямо сѣютъ и заборонивъ, совершаютъ посѣвъ.... Такая новина служитъ имъ только на одинъ годъ, или какъ крестьяна говорятъ, со всякой новины снимаютъ они только одинъ хлѣбъ, а на другой надобно дѣлать новую новину". *Лалошъ*, Сельская община въ Олонецкой губ. Отеч. Зап. 1874 г. кн. 2; *Приклонскій*, Народная жизнь на сѣверѣ. Авторъ на стр. 41 и слѣд. разбиваетъ по даннымъ 1871 и 72 гг. всѣхъ крестьянъ Олонецкаго уѣзда на группы: на первую группу приходится 5404 рев. душъ, съ 1919 десятин. засѣянныхъ подсѣкъ; на вторую—7225 рев. душъ—12471 десят. засѣянныхъ подсѣкъ. Подсѣка въ Олонецкой губерніи результатъ одинокаго труда, стр. 47: „Здѣсь нельзя вести подсѣчное хозяйство сообща, всѣмъ міромъ, потому что удобная для обработки земля разбросана среди лѣсной пустыни небольшими клочками, которые въ пору обрабатывать одному человѣку. Крестьянинъ самъ-другъ съ неизмѣннымъ товарищемъ-топоромъ ищетъ по лѣсу удобное для подсѣки мѣсто, одинъ валитъ и стелетъ лѣсъ, одинъ выжигаетъ и убираетъ палъ, одинъ сѣетъ и пашетъ, одинъ убираетъ хлѣбъ—словомъ всю работу справляетъ одинехонекъ въ лѣсу. Онъ привыкаетъ къ одинокой работѣ; мірское, общинное хозяйство ему незнакомо и необычно"; *Потанинъ*, Никольскій уѣздъ (Вологодск. губ.) и его обитатели. Древ. и Нов. Россія 1876 № 10, стр. 151; *Щербина*, Сольвычегодская земельная община, Отеч. Зап. 1879 г. т. CCXLV, стр. 61—64. Авторъ указываетъ два рода заимки въ Сольвычегод. у.: артельную и однохозяйственную, и первая форма, по его мнѣнію, хронологически предшествуетъ второй. *Щепотьевъ*, Къ исторіи разрушенія сложныхъ формъ общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ. Русская Мысль, 1883, кн. 12, стр. 3. „Земельныя владѣнія каждой волостной общины можно раздѣлить на нѣсколько разрядовъ съ особымъ видомъ пользованія каждымъ: 1) Земли пустопорожнія, незанятыя, находящіяся въ нераздѣльномъ владѣніи всей общины. 2) Участки земли, захваченные и разчищенные отдѣльными хозяевами на правахъ единоличнаго наслѣдственнаго владѣнія, безсрочнаго или срочнаго. 3) Участки, передѣляемые въ извѣстные сроки между всѣми членами общины, такъ называемыя „полевыя", „присельныя" или „надѣльныя" земли.... Въ однѣхъ общинахъ подобныя разчищенныя единичными усиліями отдѣльныхъ мѣстностей клочки общинной земли не подвергаются передѣлу между остальными членами, не несутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и никакихъ платежей. Они находятся, такимъ образомъ, въ безсрочномъ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльнаго домохозяина и его семейства. Въ другихъ—право свободнаго и безплатнаго распоряженія разчищеннымъ участкомъ ограничено общиной извѣстнымъ опредѣленнымъ срокомъ, съ окончаніемъ котораго земля поступаетъ въ распоряженіе всей общины"; стр. 4. „Въ болѣе

ніемъ, какъ ее описываютъ приведенныя выше челобитныя. Иногда она дѣлается предметомъ постоянной разработки и называется въ такомъ случаѣ „кулигой".

На этихъ двухъ видахъ пашни: присельной землѣ съ трехпольемъ и на заимкахъ съ подсѣчнымъ хозяйствомъ развиваются два юридически различные вида землевладѣнія. На заимкахъ, розчистяхъ, требующихъ затраты особенно напряженнаго труда, вырабатывается право личной частной земельной собственности. Господствовавшая нѣкогда на сѣверѣ заимочная форма землепользованія и создала ту идею личной собственности или точнѣе владѣнія, съ которой мы встрѣчаемся въ Поморьѣ XVI—XVII вв. Такія заимочныя земли еще и въ XIX в. разсматривались въ сѣверныхъ мірахъ, какъ наслѣдственная собственность ихъ владѣльцевъ, которая только съ большою борьбою начинаетъ превращаться во владѣніе, ограниченное срокомъ, впрочемъ обыкновенно продолжительнымъ, въ 30—35 лѣтъ, послѣ котораго розчисть поступаетъ въ пользованіе общины и подвергается передѣламъ. Съ другой стороны на присельной землѣ, несущей на себѣ тягло, по мѣрѣ умноженія складниковъ въ деревнѣ, владѣніе становится сложнымъ. Появляются черезполосица и уравненіе полей по долямъ тягла, зарождаются такимъ образомъ элементы для развитія общиннаго землевладѣнія, идея о которомъ и будетъ развиваться постепенно у сѣверныхъ крестьянъ.

Сѣнокосы можно встрѣтить въ сѣверной деревнѣ XVII в. въ двоякой формѣ владѣнія. Есть сѣнокосы, находящіеся въ личномъ владѣніи, такъ что на нихъ пишутся крѣпостные акты съ обозначеніемъ ихъ границъ[1]).

сѣверныхъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсъ занимаетъ почти все пространство общинныхъ владѣній съ небольшими клочками удобной земли, господствуетъ еще подсѣчное хозяйство". *Добротворскій,* Поземельная община въ Орловскомъ уѣздѣ Вятской губерніи, Русск. Мысль, 1884, кн. 9, стр. 32. „Общіе передѣлы пахотныхъ земель бываютъ здѣсь обыкновенно при ревизіи. Прежде передѣлялись только пашни, ближайшія къ селенію, „заовинныя", „засырочныя", „задворныя" полосы, а полосы дальнія, составившіяся изъ разчистокъ въ передѣлъ не шли и считались наслѣдственною собственностью".

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1905, № 12, 269; Пр. Д. 1526—1623. „Списокъ съ купчіе слово въ слово. Се язъ Агаѳонъ Ѳедоровъ сынъ купилъ есми у Данила у Тимоѳеева сына пожню за рѣкою, а въ межахъ съ Ошнашкою Скулою, а съ другого конца въ межахъ съ Глазырею. Далъ есмь на ней четыре сороки бѣлки да овцу пополонка. А на то послуси Ѳедоръ Чурильевъ сынъ, да Лука Прокофьевъ сынъ, да Нестеръ Ѳедоровъ сынъ, да Сысой Ѳедоровъ сынъ. А писалъ Ивашко Алексѣевъ сынъ; Пр. Д. 1646 № 63. „Лѣта 7154 августа въ 13 д. билъ челомъ государю.... устюжанинъ Быкокурскаго стану крестьянинъ Ивашко Родіоновъ, ставъ въ Ратмеровѣ на стану, подалъ челобитную земскому судьѣ Ивану Михайлову съ товарищи, а въ челобитной его написано: есть де у него Ивашка въ Усольскомъ уѣздѣ въ Ратмеровской волости у рѣки у Лузы пожня Грихневскій наволокъ, а въ межахъ де та пожня его.. усть....ской пустынки Пречистые съ Леванидовою пожнею".

Въ такомъ личномъ владѣніи оказываются сѣнокосы на мѣстахъ, разчищенныхъ изъ подъ лѣса, слѣдовательно, также заимки, на которыя приходилось затрачивать интенсивный трудъ. Между складниками деревни Котовальской, съ тяжбой которыхъ мы выше познакомились, происходилъ споръ между прочимъ изъ за сѣнныхъ покосовъ на Бобровскомъ наволокѣ по рѣчкѣ Глотовицѣ. Истцы братья Киселевы жаловались на отвѣтчика Третьяка Коротаева, что онъ владѣетъ наволокомъ одинъ, не даетъ имъ въ этомъ покосѣ участія, „а наволокъ вновь разчищенъ", какъ описываетъ его протоколъ осмотра, „ели сѣчены большія, старый лѣсъ разчищенъ". Споръ кончился составленіемъ мировой записи, по которой стороны согласились передѣлить пахотную землю и сѣнные покосы, но этотъ передѣлъ не долженъ былъ простираться на сѣнокосы, разчищенные изъ лѣса; на будущее время постановлено было въ той же мировой записи сѣнными покосами па рѣчкѣ Глотовицѣ владѣть каждому „своимъ зачищеньемъ", т. е. своею розчистью. Такіе сѣнокосы въ лѣсу, пожни на лѣсныхъ розчистяхъ—обычное явленіе сельскаго хозяйства на сѣверѣ еще и въ XIX в. „Сѣнокосы находятся не въ одномъ кругу", пишетъ изслѣдователь сельскаго хозяйства Олонецкаго края[1]), „а разбросаны въ лѣсу на громадномъ пространствѣ самыми мелкими клочками. Эти мелкія сѣнокосныя пожни находятся отъ селеній въ 10, 15, 20 верстахъ и со всѣхъ сторонъ окружены лѣсомъ". То же подтверждаетъ и другой наблюдатель. „Собственно сѣнокосныя угодья каждой деревни сѣвернаго края представляютъ массу отдѣльныхъ клочковъ, разбросанныхъ на громадныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ". Одни изъ нихъ подлежатъ періодическимъ разверсткамъ и называются „дѣловыми", другіе находятся въ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльныхъ хозяевъ, никогда не уравниваются и не несутъ никакихъ платежей[2]).

Но тамъ, гдѣ не требовалось интенсивнаго труда на разчистку, сѣнокосъ остается въ общемъ владѣніи складниковъ. Вотъ примѣры. Деревня Прибыткова въ Устюжскомъ уѣздѣ на р. Югѣ при впаденіи въ него рѣчки Кузнецовской Разсошки по писцовой книгѣ 1623—24 гг. состояла изъ четырехъ дворовъ. За деревней значилось $5^1/_4$ четвертей пашни паханой и $3^1/_2$ четверти перелога въ каждомъ полѣ. „Сѣна", продолжаетъ писцовая, „по рѣкѣ Югу и межъ поль, и по врагомъ 30 копенъ. Да на пожнѣ на Бечевкѣ 35 копенъ, в о п ч е т ѣ п о к о с ы в с е й д е р е в н и с к л а д н и к о м ъ[3])". Крестьянинъ Каргопольскаго уѣзда Троицкой волости деревни Осановской В. Тимоѳеевъ жалуется на своего однодеревенца О. Еремѣева Обихапыхъ, что „онъ Осипъ насильствомъ о п ч е г о л у г у безъ раздѣлу пригородилъ къ своимъ полосамъ и сѣно коситъ[4])". Общимъ сѣнокосомъ

---

[1]) *Приклонскій*, Народная жизнь на сѣверѣ, 48.

[2]) *Щепотьевъ*, Къ исторіи разрушенія сложныхъ формъ общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ. Русск. Мысль, 1883, кн. 12, стр. 15; *Потанинъ*, Никольскій уѣздъ Вологодской губ., Древн. и Нов. Россія, 1876 № 10, стр. 151.

[3]) Арх. мин. юст., писц. кн. 506, л. 1229.

[4]) Пр. Д. 1628 № 64.

складники пользуются пропорціонально своимъ владѣльческимъ долямъ или вытямъ тягла и размѣрамъ оброка. Вышеупомянутые истцы, крестьяне деревни Котовальской, Киселевы обвиняли своего отвѣтчика Коротаева также и въ томъ, что тотъ Коротаевъ владѣетъ „наволочками пожнями у всей деревни Котовальской одинъ, а съ ними де повытно не верстаетъ“... А Третьякъ“ (Коротаевъ), какъ записано въ протоколѣ осмотра спорныхъ мѣстъ, „назвалъ всѣ тѣ наволоки своими, а владѣю де язъ по записи, а на дѣлъ ихъ не кладу во всю деревню. А Нифонтку (Киселеву) съ складники на ихъ двѣ доли деревни Котовальскіе наволоковъ нигдѣ на рѣчкѣ Глотовицѣ не отвелъ и не сказалъ“. Слѣдовательно, притязаніе истцовъ въ разбираемомъ случаѣ заключалось въ томъ, чтобы пользоваться сѣнокосами по „долямъ деревни“, которыя значились за каждымъ складникомъ. Складники деревни Тимошенской въ Важскомъ уѣздѣ бьютъ челомъ на своихъ сочленовъ въ томъ, что тѣ ихъ обижаютъ, пашутъ пашни и сѣна косятъ, и молоди (лѣсъ) сѣкутъ сильно, „съ нами не дѣлятъ по оброку“ [1]). Это пользованіе сѣнокосами пропорціонально владѣльческимъ долямъ или тяглу осуществляется въ различныхъ формахъ: въ дѣлежѣ продукта, въ погодномъ раздѣлѣ общаго луга на участки, наконецъ, въ пользованіи общимъ сѣнокосомъ по опредѣленной очереди [2]). Луга на сѣверѣ, какъ было упомянуто выше, также огораживались, и ихъ ограда носила спеціальное названіе „осѣкъ“, подобно тому какъ полевая изгородь, по крайней мѣрѣ въ судебникѣ 1589 г., называется „огородомъ“. Общіе луга деревни находились въ общемъ „мірскомъ осѣку“ [3]).

Въ общемъ пользованіи складниковъ деревни находится выгонъ— „поскотина“. Продавая свой жеребій—¼ деревни Животова въ Лальской волости Сольвычегодскаго уѣзда троимъ своимъ же однодеревенцамъ, крестьянинъ И. Васильевъ, перечисливъ въ купчей разные виды продаваемыхъ угодій, замѣчаетъ, что поскотина у нихъ не въ раздѣлѣ [4]). Въ Кузоверской деревнѣ въ Устьянскомъ Введенскомъ стану одинъ изъ складниковъ попъ Василій, владѣвшій 1/14 этой деревни, жалуется на остальныхъ складниковъ, что они его притѣсняютъ, въ поскотинѣ не даютъ ходить его скоту съ своимъ скотомъ вмѣстѣ, скотъ его съ поскотины выгоняютъ, бьютъ и колоколы (колокольчики) съ скота снимаютъ [5])“. Въ другомъ случаѣ, въ Долговеской волости Важскаго уѣзда, крестьянинъ В. Прополовъ жалуется на склад-

---

[1]) Р. И. Б. XIV, 632.

[2]) *П. Ивановъ*, Поземельные союзы и передѣлы, 244 и сл.

[3]) Пр. Д. 1653 № 84. Устьянская Пежемская волость. „И судья Петръ... окольныхъ крестьянъ спрошалъ... про огородъ: въ особномъ ли огородѣ былъ преже сего тотъ сѣнной покосъ, или въ мірскомъ осѣку. И окольные крестьяне сказали по государеву крестному цѣлованью: „собного де мы огорода около тое пожни не помнимъ, былъ де въ мірскомъ осѣку, а не въ собномъ огородѣ“.

[4]) Прик. д. вязка 1-я, дѣло 2-е, л. 8. 1606 г.

[5]) Ж. М. Н. Пр. 1905, № 12, стр. 270.

ника своего Ѳ. А. Незговорова, что тотъ производитъ у него въ полѣ потраву своими коровами и лошадьми, а коровъ за пастуха не даетъ и пастуха у себя не держитъ—и по этой жалобѣ можно заключать, что обыкновенно складники держали общаго пастуха, который и стерегъ стадо на общей поскотинѣ [1]). Договоръ, который заключили между собою въ 1608 г. четыре складника деревни Льняниковой Устюжскаго уѣзда въ цѣляхъ общей обороны своихъ земель отъ притязаній Троицкаго Гледенскаго монастыря показываетъ, какія угодья находились у этихъ складниковъ въ раздѣльномъ и какія въ общемъ пользованіи. Полянами, засѣянными рожью, они владѣютъ и пользуются раздѣльно, и каждый долженъ защищать противъ монастыря свое владѣніе самъ. Поскотина, болото и поженки (сѣнокосъ) въ общемъ пользованіи, и за нихъ то и будутъ складники стоять сообща. Размѣры пользованія въ общихъ угодьяхъ опредѣляются владѣльческими долями складниковъ. Въ пользованіи выгономъ эти размѣры выражались въ регулированіи числа головъ скота, которое могъ высылать на выгонъ каждый [2]).

Лѣсныя угодья подраздѣлялись на нѣсколько видовъ. Выше приходилось говорить [3]), что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ писцы отводятъ каждой деревнѣ въ надѣлъ лѣсъ пашенный и лѣсъ непашенный въ опредѣленныхъ количествахъ на тяглую выть. Лѣсъ пашенный писцовыхъ книгъ—это, повидимому, тотъ лѣсъ, который въ судебникѣ 1589 г. и въ сѣверныхъ актахъ называется „молодями—прежними выпашами", т. е. молодая поросль на перелогѣ, запущенной пашнѣ. Судебникъ регулируетъ пользованіе этимъ отведеннымъ на деревню лѣсомъ между складниками, запрещая отдѣльныя заимки молодей подъ новую пашню безъ предварительнаго раздѣла ихъ между всѣми складниками. Въ противномъ случаѣ хлѣбъ, засѣянный на такой заимкѣ, долженъ быть раздѣленъ и между тѣми складниками, которые не участвовали въ сѣченьи молодей [4]). Пользованіе молодями должно было также производиться пропорціонально владѣльческой долѣ или тяглу. Крестьянинъ деревни Митинской Важскаго уѣзда жалуется на своего складника попа Аникія, что тотъ пашетъ землю этой деревни сильно, не допуская его, челобитчика, къ участію въ пашнѣ. „А тое жъ, господине", читаемъ мы въ его жалобѣ, „Митинскіе деревни язъ, по своему повытью усѣкъ лѣсу молоди на четверть на ржаную, и тотъ попъ Аникій новину, мое сѣченье, выжегъ сильно и насѣялъ рѣпы, а иное мѣсто на той же новинѣ мое сѣченье паритъ подъ рожь своимъ насильствомъ

---

[1]) Р. И. Б. XIV, 339.

[2]) Р И. Б. XIV, 832—833: „что у насъ у деревни у Льняникова поскотина Чернедь и болото по осѣку, и поженка Фатьяновица... вопче у всѣхъ у насъ, у складниковъ, и въ томъ Пантелѣю треть, а Тимоѳею треть же, и Леонтью да Ивану двумъ треть". *П. Ивановъ*, Поземельные союзы и передѣлы, 249.

[3]) гл. IX.

[4]) Ст. 174.

ко 130-му году“ [1]). Мы уже видѣли выше, какъ въ 1616 г. складники Тимошинской деревни заявляютъ неудовольствіе на трехъ своихъ сочленовъ, которые „молоди сѣкутъ сильно“, не дѣлятъ съ ними по оброку [2]).

Большой дѣвственный лѣсъ, покрывавшій собою „суземье“, т. е. пространство между рѣками, по которымъ тянулись деревни, назывался „чернымъ“; такой лѣсъ и теперь еще царитъ на сѣверѣ, покрываетъ громадныя пространства. „Лѣсъ со всѣхъ сторонъ стѣною окружаетъ малолюдныя олонецкія деревни“, пишетъ наблюдатель народной жизни на сѣверѣ въ XIX в. „Въѣзжая въ здѣшнюю лѣсную деревню, вы видите два-три двора, къ которымъ примыкаютъ небольшія пашни и сѣнокосныя пожни, обнесенныя изгородью изъ кольевъ... А за пожнями прямо начинается лѣсъ, который безъ конца тянется въ глубь сѣвера“ [3]). Въ этомъ ничьемъ, общемъ, государственномъ лѣсу свободно дѣлались заимки и разчищались повины. Судебникъ 1589 г. предоставляетъ эксплуатацію этого лѣса подъ пашню кому угодно, въ какомъ угодно количествѣ безъ всякаго предварительнаго раздѣла между складниками: „А черный лѣсъ пахати въ суземкѣ просто безъ дѣлу, гдѣ не молодь, кто сколько можетъ, то лѣсъ вопчей, царевъ и великаго князя“ [4]). Черный лѣсъ служилъ мѣстомъ охотничьихъ промысловъ; здѣсь прокладывались лѣсныя тропинки, „путики“, на которыхъ ставились силки и „перевѣсища“ для ловли птицъ и звѣрей. „А лѣса въ Кевролѣ“, читаемъ въ Кеврольской писцовой книгѣ 1623 г., „во всѣхъ волостяхъ большіе черные по болотамъ и боры въ длину Двинскаго уѣзда Пинежскаго Волока отъ лѣсовъ и отъ рѣки Кулуя вверхъ по рѣкѣ по Пинегѣ до важскихъ лѣсовъ на 360 верстъ, а поперекъ Двинскаго уѣзду отъ лѣсовъ до мезенскихъ и Яренскаго городка уѣзду лѣсовъ на 300 верстъ“. Этой огромной лѣсной площадью изстари мѣстное населеніе пользовалось для охотничьихъ промысловъ, свободныхъ отъ всякаго обложенія. Такое пользованіе подтверждается за нимъ и писцомъ 1623 г. „И въ тѣхъ лѣсѣхъ“, продолжаетъ книга, „звѣриными и птичьими ловли, слопцы и путики владѣти имъ по старинѣ безоброчно, то имъ въ угодье“ [5]).

Въ XVII в. встрѣчаемъ однако акты, указывающіе на нѣкоторое стѣсненіе свободы заимокъ въ черномъ лѣсу. Такъ знакомый уже намъ попъ Василій, одинъ изъ складниковъ Кузоверской деревни въ Устьянскихъ волостяхъ, пріобрѣтая $^1/_{14}$ этой деревни вмѣстѣ съ разными угодьями, „что къ тому повытью изстари потягло“, получаетъ и право „въ черномъ лѣсу сѣчи по мѣрѣ на годъ съ ними“, т. е. съ остальными складниками. Значитъ, въ этой деревнѣ пользованіе чернымъ лѣсомъ подъ пашни было регулировано какою то мѣрою. Возможно, что въ иныхъ мѣстностяхъ запасы чернаго лѣса не были особенно внушительны и благодаря этому

---

[1]) Стр. Р. И. Б. XIV, 346.
[2]) Р. И. Б. XIV, 632.
[3]) *Приклонскій*, op. cit. 9.
[4]) ст. 175.
[5]) Арх. мин. юст. писц. кн. 185, л. 324.

даже и въ шири этого лѣса, по крайней мѣрѣ вблизи деревень, возникали столкновенія, въ родѣ напр. того, которое такъ живо описалъ крестьянинъ деревни Елябина въ чаропдской волости Шалгѣ Бодуновой С. Гавриловъ въ челобитной, поданной имъ на своего складника, въ товариществѣ съ которымъ онъ держалъ на оброкѣ пустошь. Помимо этого владѣнія въ товариществѣ, онъ еще единолично снималъ на оброкъ пахотную землю и сѣнокосы въ другихъ волостяхъ и между прочимъ занимался расчисткою новинъ въ прилегавшемъ къ деревнѣ черномъ лѣсу. „Да въ прошломъ, государь“, пишетъ онъ въ челобитной, „во 141 г. (1633) сѣкъ я, сирота твой, позади той деревни, гдѣ я живу на черномъ лѣсу подсѣку подъ рожь и на той подсѣкѣ посѣялъ ржи три чети. И въ прошломъ во 142 г., какъ стали рожь жать, и тотъ Григорій (складникъ) насильствомъ ту мою рожь пожалъ. И я ему учалъ говорить: за что ты, Григорій, насильствомъ рожь мою жнешь? И онъ мнѣ сказалъ, что онъ тотъ черный лѣсъ взялъ на оброкъ на Чаропдѣ у воеводы... А тотъ, государь, черный лѣсъ, на которомъ я сѣкъ подсѣку и рожь сѣялъ, изстари къ той деревнишкѣ, гдѣ я живу и къ инымъ деревнямъ данъ въ угодья, а внаймы того лѣсу никому прежъ сего не отдавывали“ [1]).—Крестьянское общество Заонежскаго Пудожскаго погоста вело многолѣтнюю тяжбу съ двумя сосѣдними крестьянскими обществами: крестьянами Муромскаго монастыря и Гакуйской волосткой Андомскаго погоста, изъ за чернаго лѣса, покрывавшаго обширную площадь въ 1800 кв. верстъ и занимавшаго пространство между владѣніями названныхъ трехъ крестьянскихъ обществъ: Пудожскаго погоста, Муромскаго монастыря и Гакуйской волостки. Прежде эти общества пользовались совмѣстно чернымъ лѣсомъ безъ всякихъ пререканій; но затѣмъ монастырскіе и гакуйскіе крестьяне стали тѣснить пудожцевъ. „А лѣсу, государь, чернаго“ писали послѣдніе въ 1644 г. „межъ нами поперекъ на 30 верстъ, а въ длину на 60 верстъ. А тотъ, государь, черный лѣсъ мы, сироты твои, Пудожскимъ погостомъ и Муромскаго жъ монастыря крестьяне, и твои государевы крестьяне Гакуйской волости пахали съ нами вмѣстѣ полюбовно изстари, другъ друга не изгоняли. А нынѣ, государь, того монастыря Муромскаго старцы и крестьяне и Гакуйской волости насъ, сиротъ твоихъ, отъ того чернаго лѣсу изгоняютъ невѣдомо почему“. Пудожцы просили въ заключеніе, чтобы имъ было предоставлено право тѣмъ чернымъ лѣсомъ владѣть по писцовымъ книгамъ и по вытному числу, т. е. пропорціонально тяглу, указывая на то, что они отъ чернаго лѣса „сыты пребываютъ“ и государево тягло оплачиваютъ [2]). Изъ приведенныхъ документовъ видно, что площадь покрытая чернымъ лѣсомъ, подобно тому какъ и большіе луга, составляла общее угодье не одной, а нѣсколькихъ деревень и даже цѣлыхъ волостей.

То же наблюденіе можно сдѣлать и относительно рыбныхъ ловель. Рыбныя ловли въ „лѣшихъ озеркахъ“, рѣчкахъ и рѣкахъ, какъ и лѣсные

---

[1]) Пр. Д. 1634 № 42.
[2]) Пр. Д. 1644 № 15.

охотничьи путики, находились одни въ личномъ владѣніи, другіе во владѣніи особыхъ болѣе или менѣе многолюдныхъ товариществъ, устраивавшихъ для ловли рыбы приспособленія: езы и заборы. Такія товарищества составлялись то внутри деревенскаго союза, то съ участіемъ чужедеревенцевъ, причемъ пользованіе регулировалось или очередью, или раздѣломъ продукта. Большія рыбныя ловли составляли, какъ и черный лѣсъ, общія угодья нѣсколькихъ деревень и даже цѣлыхъ волостей. Пользованіе этими угодьями выводило деревенскій союзъ изъ предѣловъ деревни и вводило его какъ составную часть въ болѣе сложныя организаціи: группы деревень, волостки и цѣлыя волости. Къ этимъ междудеревенскимъ отношеніямъ мы обратимся ниже.

Совокупность перечисленныхъ угодій и составляла „деревню" на древне-русскомъ сѣверѣ. Немногіе гнѣздящіеся по берегу рѣки дворы съ ихъ довольно разнообразными постройками, съ огородцами и прилегающими къ дворамъ огороженными полями, съ общими лугами и обособленными пожнями отдѣльныхъ дворовъ на примытыхъ рѣкою присадкахъ и наволокахъ, съ обрамляющей пашню и сѣнокосъ и уходящей за горизонтъ каймой чернаго лѣса, въ которомъ здѣсь и тамъ выжжены небольшія полянки подъ однохлѣбныя пашни и проложены путики для охотничьихъ промысловъ—таковъ внѣшній видъ этой деревни. Ея жители представляютъ собою семейный союзъ, или союзъ, возникшій изъ семейнаго, осложненный затѣмъ привзошедшими чужеродными элементами, или, наконецъ, союзъ, развившійся изъ первоначальнаго товарищества, основавшаго деревню. Въ XVII в. члены деревенскаго союза—совладѣльцы, складники, владѣютъ деревней, какъ общимъ имуществомъ, имѣя въ немъ каждый свою идеальную долю, и различнымъ образомъ пользуются разнаго рода угодьями. Дворы и пашня у нихъ въ болѣе раздѣльномъ, остальныя угодья въ болѣе общемъ пользованіи. Изъ общаго имущества союза выдѣляются и обособляются угодья, на разработку которыхъ затраченъ особенно напряженный трудъ, какъ пашни и сѣнокосы на лѣсныхъ розчистяхъ. Внутри этого общедеревенскаго союза можно разглядѣть еще болѣе мелкіе союзы по совладѣнію тѣмъ или другимъ видомъ угодья: дворомъ, отдѣльною постройкой, отдѣльнымъ видомъ пашни или сѣнокоса, путикомъ, рыбной ловлей и т. д.

Глава XI.

Земельные раздѣлы и передѣлы въ поморской деревнѣ.

Была ли древнерусская сѣверная деревня земельной общиной, вотъ вопросъ, котораго нельзя обойти, говоря о деревенскихъ отношеніяхъ въ Поморьѣ XVII в. Подъ общиннымъ владѣніемъ мы понимаемъ такое, при которомъ субъектъ владѣнія, само владѣющее землей общество представляетъ собою цѣлое, въ которомъ права каждаго изъ составляющихъ его членовъ совершенно равны правамъ каждаго другого члена. При этомъ права отдѣльныхъ членовъ сливаются въ общинѣ въ единое общее право, а не составляютъ только совокупности правъ отдѣльныхъ членовъ. Всей общинѣ, какъ единому нераздѣльному цѣлому, принадлежитъ объектъ владѣнія—земля. Принадлежа общинѣ, какъ единому цѣлому, земля можетъ дробиться на участки находящіеся въ пользованіи отдѣльныхъ членовъ; но это только временное пользованіе; границы участковъ непрочны, онѣ легко стираются и не нарушаютъ цѣлостности объекта владѣнія.

Подходитъ ли подъ эти признаки сѣверная складническая деревня? Правда, въ ней нѣкоторые виды угодій не раздѣлены, находятся въ общемъ владѣніи. Можно даже взять случаи, когда и вся земля: и пахота, и лугъ, и лѣсъ остаются нераздѣльными, когда складники живутъ даже въ одномъ дворѣ, однимъ хозяйствомъ. Но и въ такомъ случаѣ складническій союзъ, какъ субъектъ владѣнія, не есть община, не есть единое нераздѣльное цѣлое. Это только совокупность правъ отдѣльныхъ составляющихъ его членовъ, правъ точно выраженныхъ и притомъ неравныхъ одно другому. Складническій союзъ владѣетъ деревней сообща, но права каждаго изъ входящихъ въ союзъ складниковъ различны: доля одного напр. $1/2$ деревни, другого $1/4$, третьяго $1/8$ и т. д. Союзъ и есть сумма этихъ долей. Въ общинѣ доли всѣхъ не только равны одна другой, но и перемѣнны; онѣ измѣняются въ зависимости отъ количества членовъ общины, слѣдовательно отъ рожденій и смертей. Въ самомъ дѣлѣ, если община состоитъ изъ 100 членовъ, доля каждаго выразится $1/100$: если черезъ нѣкоторый промежутокъ времени членовъ окажется 200, доля каждаго станетъ $1/200$. Напротивъ, въ складническомъ союзѣ доли членовъ не только неравны, но и не зависятъ отъ числа членовъ союза и не мѣняются такъ при колебаніяхъ этого числа, какъ мѣняются доли членовъ общины. Если одному изъ складниковъ А

принадлежало $^2/_3$ деревни, то эта его доля не измѣняется отъ того, что у его совладѣльца В, которому принадлежала $^1/_3$, родилось большое число дѣтей. Послѣдствіемъ такого увеличенія населенія складнической деревни будетъ только уменьшеніе долей потомковъ В при наслѣдованіи: если ихъ будетъ напр. пятеро, каждый можетъ получить по $^1/_{15}$, если десятеро, по $^1/_{30}$ и т. д., но притомъ по завѣщанію В ихъ доли могутъ быть и не равны. Въ то же время, при этомъ измельчаніи доли В, складникъ А все будетъ продолжать владѣть своими $^2/_3$. Доли владѣнія членовъ общины въ общемъ имуществѣ зависятъ только отъ числа членовъ общины, доля каждаго всегда равна единицѣ дѣленной на число членовъ; онѣ не могутъ измѣняться по волѣ ихъ владѣльцевъ, которые не имѣютъ права ими распоряжаться. Доли членовъ складническаго союза измѣняются по усмотрѣнію ихъ владѣльцевъ, которые могутъ ихъ уменьшать, дробя и отчуждая по частямъ или увеличивать, пріобрѣтая чужія доли, такъ какъ право распоряженія въ складническомъ союзѣ не ограничено.

Словомъ, складническій союзъ есть совладѣніе, иногда товарищество, основанное на договорѣ, иногда совладѣніе безъ договора, а не община, и владѣніе его только о б щ е е, а не о б щ и н н о е. Складники владѣютъ долями на правахъ полной собственности и распоряжаются ими неограниченно, даже безъ всякаго контроля со стороны союза. Правда, иногда встрѣчаемъ въ купчихъ обязательство покупателя земли не отчуждать купленнаго участка на сторону мимо того складническаго союза, въ которомъ пріобрѣтена земля[1]); но что такое обязательство не было общимъ правиломъ, видно именно изъ самой оговорки, которая въ актахъ объ этомъ обязательствѣ дѣлается, и бываютъ случаи, когда складникъ, выступая съ своими притязаніями выкупа, наталкивается на отказъ[2]).

---

[1]) Пр. Д. 1641 № 19. Списокъ съ купчіе слово въ слово. Се язъ Юрьи Ѳедоровъ сынъ Кузоверской да язъ Назаръ Якимовъ сынъ и въ братьи своей мѣсто въ Ломаево да въ Черниево продали есмя изъ своей деревни четырнадцатую выть своей деревни съ путики, съ ловищи и со езовищи, и со всѣми угодьи и что къ той выткѣ изстари потягло. Земли ему отъ гумна да на ляшку, да и въ болото прямо, а пожня ему отъ Студенца вверхъ до межника берегъ и гора, да пожня Липовица опришенно Онофреевы, да въ рѣчкѣ пожня Улья. А въ черномъ лѣсу ситчи на годъ по мѣрѣ. А та ему земля и въ полевые земли мѣсто, и въ наволочныхъ, и въ рощъ мѣсто. А тѣ ему пожни во всѣхъ поженъ мѣсто. А потуги ему платить съ тое земли и съ поженъ съ полуденьги данныя съ ними же деревенной дочетъ. А н е п о н а д о б и т с я м н ѣ И в а н у т а з е м л я, и м н ѣ И в а н у т о е з е м л и м и м о Ю р ь я д а Н а з а р а н е п р о д а т и, н и п р о м ѣ н и т и. А в з я т и т ѣ ж е д е н ь г и. А взяли есмя у Ивана 20 алтынъ денегъ. А какъ Иванъ пойду съ тое земли, ино дворъ мнѣ продати Назару да Юрью, чѣмъ люди обложатъ въ деньги безъ хитрости. А на то послуси: Ондрей Григорьевъ сынъ Глубокого. Писалъ купчую Гришка Ивановъ сынъ дьячекъ введенской и земской. Лѣта 7082.

[2]) Пр. Д. 1647 № 91: „въ прошломъ, государь, во 127 г... Мездринскіе деревни (въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ Петровскомъ сельцѣ) прежніе жильцы

Пусть земля остается нераздѣленной, въ общемъ владѣніи складниниковъ; тогда ихъ доли въ совладѣніи будутъ идеальными; но эти идеальныя доли все же будутъ объектами права полной собственности и выражаются крѣпостными документами: купчими, закладными, мѣновными и др. Въ общинѣ такое личное неограниченное и безконтрольное распоряженіе правомъ члена общины невозможно; иначе разрушается самый принципъ общины, какъ нераздѣльнаго цѣлаго субъекта владѣнія. Складникъ—владѣлецъ своей отдѣльной, хотя и идеальной части; общинникъ—владѣлецъ земли только черезъ посредство общины какъ цѣлаго. Община—какъ бы однородный слитокъ, въ которомъ теряются индивидуальныя формы и очертанія входящихъ въ составъ его частей; складническій союзъ это—тѣло, составленное посредствомъ спайки частей, не теряющихъ своего разнообразія. Распоряжаться общинною землею, всею или по частямъ можетъ только сама община въ цѣломъ, такъ какъ земля принадлежитъ ей, а отдѣльные члены общины только пользуются землею. Имъ порознь и принадлежитъ только пользованіе, а право владѣнія они осуществляютъ только всѣ въ совокупности, какъ община. Въ складническомъ союзѣ каждый складникъ порознь обладаетъ правомъ владѣнія, которымъ и распоряжается независимо отъ другихъ складниковъ. Въ общинѣ нѣтъ мѣста крѣпостнымъ сдѣлкамъ на землю, кромѣ заключаемыхъ самою общиной. Въ складнической деревнѣ среди имущества складника есть коробья, гдѣ хранится нерѣдко значительное количество такихъ крѣпостей.

Какъ при всякомъ совладѣніи и во всякомъ товариществѣ, идеальныя доли совладѣльцевъ могутъ быть реализированы посредствомъ раздѣла общаго имущества во всемъ его объемѣ, „во всю землю", по выраженію судебника 1589 г.[1]) или только въ нѣкоторыхъ частяхъ, и съ такими случаями раздѣла складническаго владѣнія мы постоянно встрѣчаемся на практикѣ. Онъ производится притомъ въ двухъ формахъ: во-первыхъ, въ видѣ общаго раздѣла между всѣми членами союза и затѣмъ въ видѣ частичнаго выдѣла доли отдѣльнаго складника. Познакомимся съ такими случаями раздѣла и выдѣла ближе на конкретныхъ примѣрахъ, изложивъ ихъ возможно детальнѣе.

Деревня Упирева въ Варженской волости Устюжскаго уѣзда на рѣчкахъ Упиревкѣ и Сидоровицѣ находилась въ совладѣніи четырехъ складниковъ: Александра Семенова сына Щапкова, Василія Ѳедорова Ляпинова, Кирилла Васильева Чистоногова и Клима Игнатьева Мартынова, судя по именамъ не родственниковъ или, во всякомъ случаѣ, не близкихъ родственниковъ между собою. Доля В. Ѳ. Ляпинова въ общемъ владѣніи вы-

---

для своей скудости отпродали поженку Мездринскую присадку... крестьянину Лучкѣ Гаркунову... А по смерти того Луки владѣютъ животами его и вотчинами, и тою поженкою Мездринскою присадкою дѣти его Павелъ, да Семенъ Гаркуновы. И я, сирота твой,.. прошалъ у нихъ тое поженки на выкупъ по прежнему къ печищу къ деревнѣ Мездринской, и они мнѣ на выкупъ не дали."

[1]) Ст. 159.

ражалась какъ $^2/_5$, доля каждаго изъ остальныхъ какъ $^1/_5$. Въ 1622 г. складники произвели между собою раздѣлъ общаго имущества, „подѣлили есми въ деревнѣ Упиревѣ пашенную землю и лѣсъ на пять жеребьевъ полюбовно“, какъ они пишутъ въ составленномъ при этомъ случаѣ актѣ, „дѣловой“ записи. На первомъ мѣстѣ этотъ актъ обозначаетъ раздѣлъ общаго двора, въ которомъ они прежде жили. Изба съ дворовою землею досталась Александру да Кириллу, оставшимся, повидимому, жить въ одномъ дворѣ. Василій на свои $^2/_5$ получилъ сѣнникъ съ подклѣтомъ, а Климъ подлѣ избы горницу съ хлѣвомъ да баню, причемъ какъ Василій, такъ и Климъ обязались снести доставшіяся имъ постройки съ дворовой земли и получили право поставить себѣ особые дворы въ любомъ мѣстѣ „опроче огородцевъ“, т. е. кромѣ огородной земли, напр. хмельника, на что, какъ мы припомнимъ, давалъ право судебникъ 1589 г. Поэтому, вѣроятно, чтобы уничтожить это право, и сдѣлана была такая оговорка въ раздѣльномъ актѣ. Второе мѣсто въ актѣ занимаютъ „огородцы“, т. е. садовая, огородная земля, которая и была подѣлена такъ: первый огородецъ, примыкающій къ банѣ, достался Александру, по сосѣдству съ нимъ Климу, слѣдующіе два Василію и Кириллу. Хотя доля Василія равнялась $^2/_5$, однако о доставшемся ему огородцѣ сдѣлано такое же замѣчаніе, какъ и о каждомъ изъ другихъ: „таковъ же въ мѣру“. Затѣмъ устанавливается раздѣлъ пахотной земли. Земля разбита на три поля, обозначенныя просто по счету: первое, второе и третье. Каждое поле подраздѣляется въ свою очередь на участки, и каждый участокъ разрѣзанъ на 5 полосъ, изъ которыхъ двѣ, лежащія притомъ не рядомъ, идутъ Василію, остальные складники получаютъ по одной полосѣ. Такъ первое поле разбито на 4 участка, второе на 2 и третье на 5 участковъ. Въ составъ полевой земли входилъ также въ разбираемомъ случаѣ и „пашенный лѣсъ“; третій участокъ перваго поля и 2-й участокъ второго поля состоятъ изъ пашеннаго лѣса, который также разрѣзывается на полосы. Въ третьемъ полѣ можно разсчитать ширину полосъ. Первый его участокъ имѣетъ видъ прямоугольника, въ поперечныхъ сторонахъ котораго смѣрено было по $7^1/_2$ сажень, такъ что если полосы были равны, то ширина каждой въ этомъ участкѣ была $7^1/_2$ саж.: $5=1^1/_2$ саж. Ширина второго также прямоугольнаго участка равнялась 10 саж., такъ что ширина каждой полосы была 10 саж.: $5=2$ саж. Ширина полосы въ третьемъ участкѣ третьяго поля была 16 саж.: $5=3^1/_5$ саж.

Учинивши такой раздѣлъ полевой земли, складники обязуются соблюдать установленныя полосы, „изъ полосы на полосу другъ друга не сживати“ и земли больше не передѣливать, такъ что раздѣлъ долженъ былъ имѣть значеніе окончательнаго. Въ актѣ назначается даже штрафъ съ того, кто подниметъ вопросъ о передѣлѣ, въ размѣрѣ 10 руб. въ казну: „а кто будетъ учнетъ землю передѣливать послѣ сей росписи, ино счину на государя царя и в. кн. Михаила Ѳеодоровича всея Руси десять рублевъ денегъ на томъ, который будетъ взочнетъ складникъ“. Раздѣлъ имѣетъ характеръ договора: въ раздѣльномъ актѣ упомянуты трое свидѣтелей, и каждый изъ участниковъ договора получилъ по экземпляру этого акта.

Раздѣлъ простирался въ приведенномъ случаѣ не на всѣ угодья деревни. Онъ былъ окончательнымъ, но не полнымъ; онъ прошелъ по двору, садовой и полевой землѣ. Сѣнокосъ, лѣсъ „непашенный“ и другія угодья не были окончательно раздѣлены и остались въ общемъ владѣніи. Въ актѣ есть нѣсколько словъ, указывающихъ, какъ урегулировано было на будущее время пользованіе тѣмъ лѣсомъ, который примыкалъ къ упиравшимся въ него полевымъ полосамъ второго поля. Каждому предоставлялось сѣчь лѣсъ въ мѣру противъ своей полосы: „а по конецъ тѣхъ полосъ на горѣ коему жъ противъ полосы лѣсъ сѣчи въ мѣру“, т. е. каждый могъ для своихъ порубокъ углубляться въ лѣсъ, захватывая пространство, ширина котораго равнялась ширинѣ его полосы. О другихъ лѣсныхъ угодьяхъ не говорится. Переставъ быть совладѣльцами двора, садовъ и полевой земли, участники договора остались совладѣльцами сѣнокоса и лѣса. Складническій союзъ видоизмѣнился, но не распался окончательно[1]).

Въ приведенномъ случаѣ мы видимъ раздѣлъ между всѣми складниками. Возьмемъ теперь примѣръ частичнаго выдѣла доли одного изъ участниковъ складническаго союза и для этого обратимся къ дальнѣйшей исторіи той же, только что занимавшей наше вниманіе деревни Упиревки. Случай относится къ 1651 г. За время между 1622, когда мы видѣли эту деревню, и 1651 годами тамъ многое измѣнилось. Въ качествѣ владѣльцевъ деревни упоминаются лица съ иными фамиліями, упоминается и купчая крѣпость, объясняющая путь, которымъ новые владѣльцы появились. Деревней владѣетъ складническій союзъ: Максимъ Праховъ съ товарищи, какъ этотъ союзъ обозначается въ актахъ. Одна изъ тѣхъ пятинъ, на которыя деревня была раздѣлена въ 1622 г., находится теперь въ рукахъ новаго владѣльца, нѣкоего Оски Лепихина. Послѣдній ведетъ тяжбу съ Володкою Щапковымъ, очевидно потомкомъ одного изъ складниковъ 1622 года А. Щапкова. Судебный процессъ заканчивается приговоромъ приказа Устюжской четверти, которымъ предписывалось тотъ его, Оски Лепихина, пятый жеребій деревни отвесть отъ складниковъ его Максима Прахова съ товарищи согласно представленнымъ Оскою письменнымъ документамъ, именно: дѣловой росписи 1622 г., которую мы разобрали выше, мировой записи 1648 г. и купчей крѣпости, по которой онъ пріобрѣлъ этотъ пятый жеребій. Приговоръ указываетъ и тѣ межи, въ какихъ долженъ былъ заключаться участокъ Оски, именно: „отъ усть-рѣчки Упиревки за рѣчку за Сидоровицу впрямь да позвалу(?) съ деревнею Аистовымъ, да по логу по Терентьеву Тесу по болоту, а съ Дуплищевымъ по тому жъ болоту, да по Сидоровскому межнику подъ гору, да за рѣчку за Сидоровицу впрямь да на рѣчку на Паточину вверхъ съ Оксеповымъ къ Якушину по лѣвую сторону по болоту“. Этотъ обмежеванный участокъ Оски сдѣлался, выражаясь языкомъ нашего времени, его отрубнымъ владѣніемъ. Но кромѣ этого обмежеваннаго участка въ приговорѣ особо упоминается принадле-

---

[1]) Прилож. IV. № 6. Ср. *Рожковъ*, Сельское Хозяйство Московской Руси, прилож. III.

жавшая ему пятая доля въ присельной трехпольной пашнѣ. Приговоръ заканчивается запрещеніемъ складникамъ вступаться въ его Оскину долю, чтобы въ томъ между ними ссоры и государю челобитья не было[1]).

Итакъ, въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ складники, раздѣливъ землю, постановили ее больше не передѣливать; въ другомъ складникамъ было запрещено вступаться въ выдѣленную долю ихъ сочлена и подымать вопросъ объ этой долѣ, напр. подавать о ней челобитье. Можно ли говорить послѣ этого о передѣлахъ земли въ поморской деревнѣ XVII в. въ томъ смыслѣ, какъ они производятся въ земельныхъ общинахъ теперь, т. е. какъ о періодическихъ переверсткахъ въ цѣляхъ уравнительнаго пользованія землею? Въ одномъ изъ договоровъ о раздѣлѣ, заключенныхъ между складниками, мы встрѣтили условіе, говорящее о такомъ передѣлѣ. Подѣлились двое складниковъ деревни Солицкой въ Устьянской Чадромской волости: Бутора Тимоѳеевъ Холзаковъ, которому принадлежало $^2/_3$ деревни, и Невѣжа Ѳедоровъ Истоминъ, владѣвшій $^1/_3$. Раздѣлъ касался только поженъ, и въ актѣ перечислены пожни, доставшіяся Буторѣ на его $^2/_3$ и Невѣжѣ на его $^1/_3$; о другихъ угодьяхъ не говорится. Раздѣлъ не былъ окончательнымъ; онъ былъ произведенъ только на 15 лѣтъ: „подѣлили пожни“, читаемъ въ актѣ, „въ своей въ Солицкой деревнѣ съ нынѣшняго 7131 года и впредь на 15 годовъ до лѣта 7146“. До истеченія этого срока складники обязуются поженъ не передѣливать подъ опасеніемъ штрафа въ казну въ 16 рублей. „А какъ отойдутъ срочные годы въ тѣхъ пожняхъ“, читаемъ далѣе въ актѣ, „и намъ тѣ пожни подѣлить съ жеребья по старымъ третямъ и по старымъ записямъ“, т. е. пропорціонально долямъ владѣнія, опирающагося на письменные документы. Такимъ образомъ договаривающіеся складники обязались передѣлить свои пожни чрезъ промежутокъ времени въ 15 лѣтъ[2]). Мы не знаемъ, было ли это условіе договора исполнено. Можетъ быть, если оно будетъ соблюдено и если передѣлъ, о которомъ оно говоритъ, не окажется послѣднимъ, въ Солицкой деревнѣ и установится практика правильныхъ періодическихъ передѣловъ. Но договоръ касается только поженъ. Указаній на подобную же періодичность передѣловъ полевой земли намъ встрѣтить не случилось. Вообще указанія на передѣлы попадаются въ актахъ постоянно. Только въ этихъ передѣлахъ слѣдуетъ видѣть не періодически правильно повторяющіяся переверстки земли, а лишь повторные раздѣлы между складниками, вызывавшіеся стремленіемъ привести въ соотвѣтствіе реальный участокъ земли, находящійся у складника, съ его идеальной долей владѣнія. Могло почему либо обнаружиться, что размѣры фактическаго владѣнія складника не соотвѣтствуютъ той идеальной долѣ, которая принадлежитъ ему въ общемъ владѣніи, что другіе владѣютъ лишкомъ сравнительно съ нимъ, что при первомъ раздѣлѣ были допущены какіе либо дефекты, и все это побуждало складника добиваться новаго раздѣла. Всего чаще такое несоотвѣтствіе земельнаго участка склад-

---

1) Прилож. IV № 5.

2) Прилож. IV № 2.

ника съ идеальной его долей могло обнаружиться при поселеніи въ деревнѣ новаго совладѣльца, пріобрѣтавшаго въ ней долю, и тогда являлась необходимость провѣрить размѣры фактическаго пользованія и привести ихъ въ соотвѣтствіе съ владѣльческой долей. Вотъ почему судебникъ 1589 г. и предоставляетъ такому новому приселенцу право произвести провѣрку путемъ передѣла, притомъ полнаго передѣла, „во всю землю". Передѣлъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ простираться на всѣ виды угодій: полевую землю, пожни, лѣсные путики, и владѣніе ими должно было быть при этомъ приведено въ соотвѣтствіе съ долями, обозначенными въ крѣпостныхъ документахъ, (дѣлить „повытно, по купчимъ")[1]. На этихъ узкихъ береговыхъ полосахъ, на которыхъ расположены поморскія деревни, запасъ удобной для обработки земли вовсе не былъ такъ безграниченъ и неистощимъ, чтобы не возбуждать у сосѣдей завистливыхъ взглядовъ другъ на друга. Совладѣніе деревней не всегда было мирнымъ. Между складниками—частыя ссоры, препирательства и жалобы на несоотвѣтствіе земельнаго участка праву складника. Размѣры этого права выражаются долей деревни, но въ XVII вѣкѣ еще чаще вытной долей тягла, такъ какъ владѣльческая доля реализовалась прежде всего въ присельной горней пашнѣ, а эта послѣдняя въ свою очередь выражалась долею несомаго ею тягла. Въ данныхъ, купчихъ и закладныхъ нерѣдко на первомъ мѣстѣ, до описанія земли и угодій, составляющихъ предметъ сдѣлки указывалась доля тягла, соотвѣтствующая участку, на который совершался актъ[2]. Отсюда и требованія со стороны складниковъ привести въ соотвѣтствіе земельный участокъ съ владѣльческою долею или съ долею отбываемаго складникомъ тягла. Приведемъ случаи, когда жалобщикъ указываетъ на недостатокъ его участка до его владѣльческой или тяглой доли въ то время, какъ другіе складники владѣютъ лишками. Крестьянинъ Г. П. Батоговъ пріобрѣлъ по закладной $^{1}/_{12}$ выти въ деревнѣ Карповской въ Устьянской Пежемской волости. Найдя въ 1633 г., что участокъ его земли дворовой и полевой не соотвѣтствуетъ этой долѣ, онъ обратился въ приказъ Устюжской четверти съ просьбой о выдачѣ ему „смѣрной грамоты", чтобы землю дворовую и полевую во всѣхъ трехъ поляхъ смѣрить и от-

---

[1]) Ст. 159. Только подворная земля исключается въ этомъ случаѣ изъ передѣла, и если новый жилецъ докажетъ, что старые владѣютъ лишнею подворною землею, („а гдѣ умѣритъ подворною землею"), то долженъ вмѣсто этого лишка удовлетвориться соотвѣтствующимъ участкомъ земли, выбравъ его въ другомъ мѣстѣ, кромѣ хмельника и садовой земли: „противъ того имати земля любая, гдѣ захочетъ, опричь хмельника и садовые земли".

[2]) Пр. Д. 1641 № 19, л. 10. „Списокъ съ купчіе слово въ слово. Се язъ, Ортемей, а на прозвище Пятой, Григорьевъ сынъ Ломаева продалъ есми Василью попу Игнатьеву сыну Попову свое повытье Кузоверскіе деревни полденьги данные" и т. д.; ibid. л. 13. „Списокъ съ купчіе слово въ слово. Се язъ Леонтей Филипповъ сынъ Кузнецовъ продалъ есми Василью попу Игнатьеву сыну Попову свое повытье въ Кузоверской деревнѣ пирогъ данный земли" и т. д. Пирогъ—мельчайшая денежная единица. Раскладка долей тягла совершалась, какъ извѣстно, по денежнымъ единицамъ.

вести ему по закладной, т. е. ходатайствовалъ о производствѣ земельнаго передѣла въ деревнѣ, гдѣ онъ пріобрѣлъ владѣніе по закладной. Онъ и жаловался въ челобитной на своихъ однодеревенцевъ, отказывавшихъ ему въ такомъ передѣлѣ[1]). Въ той же волости крестьянинъ Возгрецовской деревни И. Мининъ жалуется на своихъ складниковъ: А. Юрьева съ племянниками, вдову А. Баженову и на всѣхъ складниковъ той деревни въ томъ, что они не соглашаются произвести измѣреніе дворовъ и полевой земли и проситъ выдать изъ Устюжской четверти „смѣрную“ грамоту съ предписаніемъ „промежъ нами тое землю дворовую и полевую, и запольную смѣрить противъ данные деньги“, т. е. соотвѣтственно единицамъ, по которымъ раскладывалась подать[2]).—Крестьянинъ В. Тимоѳеевъ деревни Осановской въ Троицкой волости Каргопольскаго уѣзда пишетъ челобитье на жильца той же деревни О. Обиханыхъ, который „учалъ въ полевыхъ земляхъ владѣти лишкомъ, полевой земли по потугу не дѣлитъ“[3]).

Иногда передѣлъ вызывался какими либо дефектами предыдущаго раздѣла. По мѣрѣ того, какъ число складниковъ возрастало и они расходились, а владѣніе различными видами угодій индивидуализировалось, все болѣе назрѣвала необходимость раздѣла. Но раздѣлъ рѣдко могъ пройти дѣйствительно „во всю землю“, прорѣзать всѣ виды угодій; всегда могла остаться недодѣленая земля[4]), которая и могла послужить поводомъ къ передѣлу. Подобнымъ же поводомъ могло служить и вообще недовольство предыдущимъ раздѣломъ. Такъ раздѣлъ земли, произведенный въ 1651 г. между складниками деревни Никифорова, вызвалъ неудовольствіе въ одномъ изъ нихъ, который жаловался, что складники дѣлили землю насильствомъ, указывалъ техническія подробности дѣлежа по его мнѣнію, неправильныя, благодаря чему онъ и былъ обиженъ, потерявъ двѣ доли полосы[5]). Въ словахъ его жалобы можно видѣть указаніе на два уже состоявшіеся дѣлежа земли: „а напередъ того та земля была въ дѣлу въ одномъ ярусѣ, а нынѣ, государь, тое землю они раздѣлили и размежевали въ три ярусы насильствомъ и отняли, государь, у меня, сироты твоего, тѣ запаханые земли двѣ доли полосы“. Онъ возбудилъ искъ противъ совладѣльцевъ, который и могъ повести къ третьему передѣлу.

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 36. „Жалоба, государь, мнѣ.... тое жъ Карповскіе деревни на сосѣдъ своихъ на Б. Якимова, да на С. А. Кубенина, да на Т. Г. Зайцева, да на М. С. Третьякова... дворовые земли и въ поляхъ не мѣрятъ и не даютъ по закладной записи“. См. также нашу статью „Къ вопросу о судебникѣ 1589 г.“ въ Ж. М. Н. Пр. 1905 г. № 12, стр. 270: „И они (складники) лѣсъ сѣкутъ и землю пашутъ сильно..., а мнѣ доли не даютъ по данному тяглу по полуденьгѣ“.

[2]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 276.

[3]) Пр. Д. 1628 № 64.

[4]) Прилож. IV № 3, стр. 75.

[5]) Прилож. IV № 4.

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ случаевъ, обыкновенно иниціатива передѣла принадлежитъ одному изъ складниковъ, почему либо недовольному тѣмъ участкомъ, которымъ онъ пользуется. Эта личная иниціатива передѣла полевой земли исключаетъ собою періодичность, при которой передѣлы повторяются черезъ опредѣленные промежутки времени, дѣйствуя какъ правильный порядокъ, независимо отъ личныхъ желаній и недовольствъ.—При согласіи всѣхъ складниковъ раздѣлъ или передѣлъ происходитъ полюбовно. Такое согласіе являлось иногда результатомъ судебнаго процесса между складниками, наступая посреди его теченія[1]) и выражаясь въ мировой сдѣлкѣ между ними. Актъ раздѣла или передѣла, при этомъ составлявшійся, имѣетъ форму договора, совершаемаго при свидѣтеляхъ, имена которыхъ вносятся въ актъ. Иногда такой актъ совершался „съ доклада“ земскому судейкѣ, т. е. съ увѣдомленіемъ и съ разрѣшенія выборной земской власти, и соблюденіе обозначенныхъ въ договорѣ условій обезпечивалось штрафомъ, вносимымъ въ казну. Несогласіе хотя бы одного изъ складниковъ пріостанавливало передѣлъ, такъ какъ складническій союзъ не зналъ рѣшенія по большинству голосовъ. Тогда передѣлъ осуществлялся посредствомъ иска и судебнаго приговора, приводившагося въ исполненіе агентами власти[2]). Земскія власти или

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 44: „истцы да отвѣтчикъ сказали межъ собя мирны, а миръ они межъ собя излюбя положили на томъ, что имъ межъ собя въ деревнѣ Котовальской земля во всѣхъ трехъ поляхъ и сѣнные покосы подѣлить чернымъ дѣломъ по тяглу и по позему“. Developed Поземъ—крѣпостные документы, обозначающіе владѣльческія доли.

[2]) Прилож. IV № 1. Ibid. № 3. Пр. Д. 1631 № 44; Пр. Д. 1634 № 42. „Царю государю... бьетъ челомъ твоя государева сирота Васка Дураковъ пежемецъ. Жалоба, государь, мнѣ тое жъ Пежемскіе волости на прошлаго земскаго судью Аѳанасья Нестерова сына Чертова съ товарищи... Въ прошломъ, государь, во 136 году прислано было наше судное дѣло съ приговоромъ изъ Устюжскіе чети твоего государева дьяка Михайла Смывалова, велѣно было по тому судному дѣлу и по приговору тому судьѣ Аѳанасью съ товарищи межъ нами Игнатьемъ Поповымъ съ братьею подворная и полевая земля роздѣлить во всѣ три перемѣны. И тотъ судья Аѳанасей, норовячи тому Игнатью, стакався за одно по свойству, а меня Васку захотя тѣмъ изволочить и испродать напрасно, подворные и полевые земли не раздѣлилъ и не размѣрилъ;“ Пр. Д. 1650 № 81. „Царю государю... бьетъ челомъ Устюга В. уѣзда Шолской волости крестьянинъ Лучка Михайловъ сынъ Лысцовъ. Жалоба, государь, мнѣ Шолскіе жъ волости на крестьянъ на складниковъ своихъ деревни Дору, а Коноваловскаго починка тожъ, на Елфима Сидорова сына Залѣсова съ братьею, да на Ѳедора Тархова сына Ивонинскаго, да на Игнатья Харитонова сына Художилова. Въ прошломъ, государь, во 139 г., билъ челомъ бл. пам. отцу твоему государеву...., а на Устюгѣ В. въ съѣзжей избѣ стольнику и воеводѣ кн. Д. П. Львову да дьяку Д. Карпову я, сирота твой, и markup имал наказную память по отца его Елфимова по Сидора Борисова сына Залѣсова съ товарищи въ земляномъ дѣлу деревни Доръ и Коноваловскаго починка тожъ. И мнѣ, сиротѣ твоему, отецъ ихъ Сидоръ далъ на

уполномоченныя ими лица являлись на спорное мѣсто, „вервили“ землю, и если обнаруживали „умѣръ“ (лишекъ), „оттыкали лишки“, дѣлили ихъ между складниками, производя всѣ эти операціи въ присутствіи понятыхъ[1]). Такъ, произвести раздѣлъ земли между складниками деревни Левкиной, Андреевскаго починка тожъ, въ Устьянскомъ Введенскомъ стану, земскіе судьи стана командировали особую комиссію изъ пятидесятскаго, двухъ спеціально назначенныхъ для этого дѣла „цѣловальниковъ“, т. е. присяжныхъ и дьячка. Всѣ эти лица въ протоколѣ раздѣла называются „излюбленными“, вѣроятно потому, что назначеніе ихъ состоялось по желанію и съ согласія самихъ дѣлящихся складниковъ, съ ихъ „излюба“. Судьи снабдили комиссію особой наказной памятью, инструкціей о порядкѣ и пріемахъ раздѣла. Деревня Левкина, гдѣ производился раздѣлъ, находилась въ 20-хъ годахъ XVII вѣка во владѣніи складническаго союза, состоявшаго изъ двухъ группъ: 9/16 деревни принадлежали двумъ братьямъ Савелью и Ѳедору Васильевымъ Илясовымъ, 7/16 находились въ рукахъ Харки Захарьина сына Шаляпина и еще двухъ лицъ: Русина Хабарова и Леонтія Микулина, названныхъ въ актѣ складниками Шаляпина. Въ 1627 г. Х. Шаляпинъ билъ челомъ земскимъ судьямъ на Илясовыхъ въ „лишен-

---

себя память, что было пришедъ съ Устюга В. въ Шолскую волость и въ деревнѣ своей на Дору, а въ Коноваловскомъ починкѣ тожъ возлѣ дворная земля размѣрить и запольная, и лишки другъ отъ друга оттыкать у полосы, у кого сыщется лишекъ. И отецъ ихъ Сидоръ съ товарищи со мною съ Лучкою въ той деревнѣ земли не дѣлилъ... Милосердый государь... вели, государь, мнѣ дать свою государеву грамоту на Устюгъ В. и вели, государь, въ той трети деревни Доръ... съ тѣми моими складники съ Елфимомъ съ товарищи земля подѣлить, чтобъ мнѣ сиротѣ въ ихъ сильномъ въ лишномъ земляномъ владѣньи впредь въ конецъ не погинуть и твоихъ, государевыхъ, податей не отбыть, а въ проѣсти и въ волокитѣ вели, государь, свой государевъ указъ учинить по своему государеву указу и по соборному уложенью“. Помѣта: „Дать грамота“.

[1]) Пр. Д. 1631 № 30. „Государю царю... холопъ твой Андрюшка Морткинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 140 г. іюня въ 25 д. положилъ передъ меня, холопа твоего, на Чарондѣ изъ волости изъ Шалги Большіе земскій судья Прохорко Савельевъ записку, а въ той, государь, запискѣ написано, что сего жъ іюня въ 17 д. по подписной челобитной къ земляной поверсткѣ межъ крестьяны ходилъ онъ, судейка, въ деревню въ Карчичеву слободку земли верстать межъ Евдокимкомъ Тимоѳіевымъ да Миткою Дороѳіевымъ и прошалъ де онъ, судейка, у Евдокимка понятыхъ людей, чтобъ съ кѣмъ мощно межъ ими земли розмѣрить. И Евдокимко де далъ ему, судейкѣ, понятыхъ двухъ крестьяниновъ тое жъ Шалги Большіе Олешку Михайлова да Панку Ереміева. И Митка де Дороѳіевъ къ той земляной мѣрѣ тѣхъ понятыхъ одного человѣка Олешку Михайлова излюбилъ, а про Панку Ереміева Митка сказалъ: мнѣ де Панка къ той земляной мѣрѣ нелюбъ, потому что де того Панку Шалги Большіе крестьянинъ называлъ государевымъ измѣнникомъ, я де, Митка, отъ Давыдка тѣ рѣчи изъ устъ слышалъ“.

ной“ землѣ въ трехъ поляхъ. Однако дѣло не дошло до суда, и между складниками была заключена мировая, по которой Илясовы обязались на свою владѣльческую долю 9/16 взять „во всѣхъ трехъ поляхъ земля и до конецъ поль въ мѣру“, а Харитонъ, Русинъ и Леонтій на свои 7/16 также „взять противъ тѣхъ поль... во всѣхъ трехъ поляхъ земля и до конецъ поль въ мѣру“. Тѣ и другіе обязывались „лишковъ другъ у друга не владѣть“. Обязательства однако не были исполнены, передѣла земли по мировой не произошло, и Х. Шаляпинъ въ 1628 г. вновь возбудилъ о передѣлѣ по неисполненной мировой искъ передъ земскими судьями, который онъ и выигралъ. Для исполненія приговора по этому иску и была командирована названная выше комиссія.

Пріѣхавъ въ деревню Левкину 30 сентября 1628 г. и вооружившись шестомъ длиною въ три сажени, члены комиссіи отправились „вервить“ землю. Присельная полевая земля деревни раздѣлялась, какъ обыкновенно, на три поля, называвшіяся озимымъ, ржанымъ и яровымъ, причемъ поля эти имѣли каждое видъ трапеціи съ основаніями въ 30½, 19 и 32 трехсаженныхъ шеста, съ высотами въ 39, 39 и 29 такихъ же шестовъ и съ противолежащими основаніямъ сторонами въ 20, 17 и 30 шестовъ. Комиссія однимъ и тѣмъ же шестомъ отмѣрила землю сначала братьямъ Илясовымъ, а затѣмъ Харитону, Русину и Леонтію соотвѣтственно долямъ каждой изъ обѣихъ группъ, а затѣмъ спросила ту и другую группу о согласіи ихъ на раздѣлъ лишнихъ земель, оставшихся въ трехъ поляхъ за этимъ измѣреніемъ, причемъ обѣ стороны изъявили согласіе. Раздѣлъ этихъ лишковъ былъ назначенъ на первое воскресенье послѣ Покрова. Дѣйствіямъ комиссіи 30 сентября дьячкомъ былъ составленъ протоколъ, „помѣрная память“, при составленіи которой присутствовали „добрые люди“ въ числѣ четырехъ [1]).

Самаго термина „передѣлъ“ въ памятникахъ изучаемаго времени мы не встрѣтили, кромѣ глагольной формы „передѣливать“. Въ нихъ употребляется обыкновенно слово „дѣлъ“, которымъ обозначаются понятія и раздѣла, и выдѣла, и передѣла. „Дѣлъ“, какъ приходилось упоминать выше, могъ быть полнымъ, простираться на всѣ виды деревенскихъ угодій, начиная отъ дворовой земли и доходя до сѣченыхъ новинъ и лѣсныхъ путиковъ, или частичнымъ—касаться не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ или одного угодья [2]). Онъ могъ производиться двоякимъ образомъ: или такъ, что участки не отбирались отъ владѣющихъ ими складниковъ, а только провѣрялись и приводились въ соотвѣтствіе съ нормой путемъ урѣзки, „отты-

---

[1]) Прилож. IV № 1, стр. 71,72.

[2]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 276: „вели, государь, промежъ нами тое землю дворовую и полевую, и запольную смѣрить противъ данныя деньги“; Пр. Д. 1631 № 44: „и тѣ ихъ полевыя земли во всѣхъ трехъ поляхъ измѣрить и раздѣлить, и въ сѣнныхъ покосѣхъ развести межъ ихъ вправду“; Пр. Д. 1634 № 42: „подворная и полевая земля раздѣлить во всѣ три перемѣны“; Пр. Д. 1633 № 50, л. 107—108: „подѣлили пожни“.

канія“ лишковъ или восполненія недостатковъ[1]); или же такъ, что всѣ участки смѣшивались въ общую массу, изъ которой затѣмъ каждому складнику отмѣривалась слѣдующая ему по его праву доля. Такой передѣлъ участковъ, при которомъ они предварительно смѣшивались въ общую массу, носилъ названіе черного (общаго) дѣла. „И судья спросилъ у Третьяка“, читаемъ мы въ протоколѣ осмотра земель извѣстной намъ уже деревни Котовальской, которою владѣли четверо складниковъ, „по государевѣ грамотѣ чернымъ дѣломъ землю даешь ли измѣрить и изчинити полосы межъ вами по постѣну и повытно, по поземомъ по вашимъ, купчимъ крѣпостямъ, каковы у васъ купчія крѣпости межъ вами?“. Отвѣтъ Третьяка показываетъ, что подразумѣвалось подъ чернымъ дѣломъ. „И Третьякъ говоритъ: на черный дѣлъ не иду, что земли смѣшати, а владѣю по записямъ, въ томъ государева воля“ [2]). Черный дѣлъ производился между складниками, какъ и вообще всякій раздѣлъ и передѣлъ, или полюбовно по ихъ взаимному соглашенію, или въ случаѣ несогласія по судебному приговору [3]).

Передѣлы, производившіеся въ складническихъ деревняхъ, вызывались иными причинами и направлялись къ инымъ цѣлямъ, чѣмъ передѣлы, практикующіеся въ нашихъ теперешнихъ общинахъ. Въ этихъ послѣднихъ передѣлы имѣютъ цѣлью уравнительность пользованія общинною землею между всѣми членами общины, права которыхъ равны, и вызываются измѣненіемъ личнаго состава общины. Въ складнической деревнѣ цѣлью передѣла было привести пользованіе въ соотвѣтствіе съ владѣльческими долями, которыя при измѣненіи личнаго состава деревни могли всетаки оставаться неизмѣнными. Задачей передѣла въ этомъ случаѣ было провѣрить осуществленіе права въ дѣйствительности и привести въ соотвѣтствіе право съ фактомъ, практику съ нормой. Право складника, какъ мы уже знаемъ, выражалось долею деревни, размѣры которой зависѣли отъ положенія складника въ семейномъ союзѣ при наслѣдственныхъ дробленіяхъ или опредѣлялись договоромъ, заключеннымъ при образованіи товарищества или же крѣпостнымъ актомъ, „поземомъ“, по которому пріобрѣталась доля владѣнія въ деревнѣ. Владѣльческія доли, какъ можно было убѣдиться изъ приводившихся примѣровъ, и служили основаніями для отвода земли при раздѣлахъ и передѣлахъ; поэтому то акты и говорятъ, что одинъ складникъ или одна складническая группа получаетъ земли на свои $^9/_{16}$ деревни, другая на свои $^7/_{16}$. Понятіе отвода земли по владѣльческой долѣ обозначалось словами „повытно“ (по долямъ) или по „позему“ (по крѣпостнымъ актамъ). Но мы уже видѣли, какъ въ актахъ это обозначеніе вла-

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 44: „А что будетъ по сыску и по мѣрѣ у отвѣтчиковъ у Тренки и у Лучки истцовы Нифонтковы и Сафонковы земли и въ хмѣльникѣ, и въ сѣнныхъ покосѣхъ лишку объявится, чѣмъ они завладѣли за старыми межами насильствомъ не по тяглу, и тое землю отмежевать истцомъ Нифонтку и Сафонку по старинѣ“.

[2]) Пр. Д. 1631 № 44.

[3]) Примѣръ перваго см. примѣчаніе на стр. 185, примѣръ второго—прилож. IV. № 3 (приговоръ).

дѣльческой доли переходило въ обозначеніе доли тягла, и какъ переходнымъ мосткомъ служила въ этомъ случаѣ присельная, трехпольная пашня, которая съ одной стороны, именно въ деревенскомъ союзѣ соразмѣрялась съ владѣльческою долею складника, а съ другой, въ писцовой книгѣ выражалась въ частяхъ единицы тягла. Поэтому тягловыя единицы также, и въ XVII в. пожалуй даже болѣе часто, служатъ нормами отвода земли при передѣлѣ. Все болѣе тягловая единица, выть или ея дроби, становится мѣрою, опредѣляющею размѣры права на землю. По ней писецъ отводитъ землю деревнѣ, по ней же требуетъ себѣ земли и крестьянинъ, членъ деревенскаго союза.

Такимъ образомъ въ складнической деревнѣ слѣдуетъ отмѣтить два параллельные процесса. Мѣняется субъектъ владѣнія деревней. Прежній единоличный хозяинъ или семейный союзъ, или союзъ основанный на договорѣ товарищества уступаетъ мѣсто совладѣльческому союзу безъ договора по мѣрѣ того, какъ доли въ деревнѣ переходятъ въ новыя руки и въ союзъ приходятъ пріобрѣтатели ихъ по крѣпостнымъ актамъ. Не родство и не договоръ служатъ связью въ этомъ измѣнившемся союзѣ, а фактическое совладѣніе нѣкоторыми видами угодій. Вмѣстѣ съ тѣмъ право каждаго совладѣльца опредѣляется лежащимъ на послѣднемъ тягломъ. Понятія земли и тягла связываются какъ-бы двойною связью, прямою и обратною. Если количествомъ обрабатываемой трехпольной пашни опредѣляются размѣры тягла, то и обратно, по количеству несомаго тягла требуется такая пашня въ пользованіе. Укрѣпляется мысль о необходимости соотвѣтствія тягла съ землею и земли съ тягломъ, и эту мысль проводятъ, какъ правительство, такъ и сами крестьяне. Приказъ, рѣшая спорныя поземельныя дѣла между поморскими крестьянами, постоянно даетъ предписанія раздѣлить землю по тяглу. Такая точка зрѣнія приказа является послѣдствіемъ того взгляда правительства на черную землю, по которому черная земля — земля государственная, отводимая крестьянамъ во владѣніе соотвѣтственно платимымъ ими податямъ и повинностямъ, какъ средство для несенія податей и повинностей. Съ точки зрѣнія правительства крестьянамъ просто отводятся надѣлы казенной земли, съ которыхъ они отбываютъ казенныя повинности, и правительство считаетъ себя въ правѣ время отъ времени пересматривать соотвѣтствіе этихъ надѣловъ съ тягломъ съ нихъ и пріурочиваетъ этотъ пересмотръ къ составленію писцовой книги, являющейся регистраціей тягла.

Другимъ путемъ, но къ тому же требованію приходили и сами крестьяне. Одни въ ихъ средѣ смотрѣли на себя, какъ на собственниковъ владѣемой земли. Но уже приходилось говорить объ имущественномъ разслоеніи среди поморскихъ крестьянъ XVII вѣка, обозначенномъ въ переписныхъ книгахъ, выдѣлявшихъ въ особыя группы нищихъ и ходящихъ по міру дворохозяевъ. Это разслоеніе ярко рисуетъ въ одномъ изъ своихъ обширныхъ донесеній въ Москву дворянинъ В. Золотаревъ, командированный въ Заонежскій край и подробно описывавшій порядки у крестьянъ этого края. Если ему вѣрить, зажиточные крестьяне разоряютъ и вытѣсняютъ бѣдня-

ковъ изъ деревень кабалами и большими процентами, пріобрѣтеніемъ ихъ заложенныхъ участковъ, скупкой деревень даже и не обремененныхъ долгами, но хозяева которыхъ почему либо оскудаютъ. Такой богатѣй „какъ похочетъ кого выжить и онъ не токмо что деревню всю купить", читаемъ далѣе въ томъ же донесеніи, „иной пять-шесть деревень купитъ мочью своею. А молодшій человѣкъ бѣдный обрадуется многимъ деньгамъ, взявъ деньги да и выбѣжитъ вонъ за море или въ иные куда городы. Да въ томъ, государь, въ твоихъ государевыхъ въ Заонежскихъ погостахъ отъ тое продажи и пустота чинится. А есть, государь, въ Заонежскихъ погостахъ прожиточные торговые люди, солью и всякими товары торгуютъ, ино, государь, мочно такому иному человѣку хотя половину погоста откупить и за росты участки къ себѣ всѣ взять, а бѣдныхъ выживетъ всѣхъ вонъ, и онъ останется по своей мочи одинъ на просторѣ". Какъ средство противъ увеличенія беземельнаго деревенскаго пролетаріата и противъ убытка, проистекавшаго отсюда для казны, Золотаревъ, этотъ прямой предтеча екатерининскихъ администраторовъ, управлявшихъ сѣверными губерніями и вводившихъ общинные порядки у тамошнихъ государственныхъ крестьянъ, рекомендуетъ московскому правительству категорически воспретить продажу и залогъ крестьянскихъ участковъ, опытъ чего и былъ затѣмъ сдѣланъ.

Итакъ съ одной стороны богачи промышленники и торговцы, скупающіе по нѣскольку деревень, съ другой тощія руки, изъ которыхъ ускользаетъ земля. Въ состоятельныхъ, имущественно обезпеченныхъ крестьянскихъ кругахъ идея собственности, возникшая на сѣверѣ изъ трудового захвата, воспитанная хозяйствомъ на лѣсныхъ розчистяхъ и заимкахъ и поддержанная давностью владѣнія отцовъ и дѣдовъ, дѣлаетъ успѣхи. Слова о землѣ „великаго князя, а моего владѣнія" оставались у крестьянъ, разумѣется, отвлеченной философіей; земля на сѣверѣ была предметомъ оживленныхъ сдѣлокъ, являлась тенденція освоенія участковъ, обособленія ихъ отъ деревенскихъ союзовъ и волостныхъ обществъ, захвата земли, находившейся въ общемъ владѣніи, въ количествахъ совершенно несоотвѣтствующихъ размѣрамъ тягла. При трудности новыхъ заимокъ, доступныхъ только крѣпкимъ хозяйствамъ, при все увеличивающейся по мѣрѣ роста населенія тѣснотѣ на трехпольной пашнѣ, такія явленія возбуждали недовольство въ угнетаемыхъ, малосостоятельныхъ деревенскихъ элементахъ, которые и стремятся къ пересмотру и провѣркѣ землевладѣльческихъ правъ и къ приведенію въ соотвѣтствіе земельныхъ участковъ съ тягловыми нормами. Среди этихъ элементовъ не могла не находить себѣ сочувствія мысль о черной землѣ, какъ о землѣ общей, государственной, отдаваемой казною въ пользованіе пропорціонально тяглой единицѣ, которая служила показателемъ трудовыхъ силъ и хозяйственныхъ средствъ. Отсюда требованіе передѣловъ по тяглу, которое раздается въ XVII вѣкѣ въ отдѣльныхъ спорадическихъ случаяхъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи при ростѣ сельскаго пролетаріата и при все большемъ сосредоточеніи земли въ рукахъ богатыхъ крестьянъ, это требованіе передѣловъ по тяглу станетъ лозунгомъ, съ которымъ будетъ выступать необезпеченная крестьянская масса По-

морья, пріурочивая эти выступленія къ періодическимъ тяглымъ переписямъ, т. е. къ ревизіямъ. Эта масса высказывала въ сущности тотъ самый взглядъ, котораго держалось и который пыталось осуществлять правительство еще въ XVII в. Припомнимъ, что писцовая книга XVII в. надѣляетъ каждую деревню землею соотвѣтственно значащимся за деревней вытямъ тягла; при этомъ книга надѣляетъ деревню только отвлеченными количествами земли, а не конкретными участками. Это конкретное надѣленіе, отводъ реальныхъ участковъ, она поручаетъ самимъ крестьянамъ, именно волостному крестьянскому обществу. Въ этомъ отношеніи особенно выразительна тотемская писцовая 1620-хъ годовъ, которая заканчиваетъ описаніе каждой волости однимъ и тѣмъ же много разъ повторяющимся припѣвомъ: *„а пашнею и сѣнными покосы такой то волости крестьянамъ всѣмъ межъ собя поверстатъся самимъ противъ своихъ жеребьевъ вытнаго письма, кто сколько пашетъ“* [1]). Что же такое эти слова, какъ не требованіе междудеревенскаго передѣла земель въ волости, пріурочиваемое къ составленію новой тяглой переписи? Такихъ междудеревенскихъ передѣловъ на практикѣ въ XVII в. не замѣтно, и правительство очевидно на производствѣ ихъ не настаивало; но самая мысль о нихъ была высказана. Это та же мысль, которая и найдетъ себѣ сочувствіе въ правительствѣ во второй половинѣ XVIII в., когда правительство пойдетъ на встрѣчу сельскому пролетаріату и выступитъ съ межевыми инструкціями, которыя завершали законодательныя мѣры XVII в., стѣснявшія распоряженіе поморскихъ крестьянъ землею, пресѣкали среди этихъ крестьянъ земельный оборотъ и уничтожали передачу земель по наслѣдству. Рядомъ указовъ, послѣдовавшихъ за инструкціями, правительство послѣдней четверти XVIII в., поддерживая желанія маломочной крестьянской массы на сѣверѣ, устанавливаетъ передѣлы земель, и именно по тяглу, по ревизскимъ душамъ. И эти передѣлы должны были производиться не по отдѣльнымъ деревнямъ слишкомъ мелкимъ, а въ границахъ болѣе крупнаго союза—волости, какъ это намѣчалось уже и писцовой книгой XVII в. Деревенскіе складническіе союзы пали. Съ окончательнымъ уничтоженіемъ по межевымъ инструкціямъ права личной частной крестьянской собственности на земельные участки, владѣльческія доли, выражавшіяся деревенскими актами, потеряли всякое значеніе, всѣ члены волости, занесенные въ ревизскую перепись, получили равныя права на земельное обезпеченіе, и волость съ теченіемъ времени періодически стала передѣлять между ними землю по тяглу, выражавшемуся въ душахъ. Сначала передѣлы касались только трехпольной присельной пашни, а затѣмъ стали захватывать въ сферу своего дѣйствія и лѣсныя розчисти, заимки. Такимъ образомъ не деревня, а волость стала на сѣверѣ въ XVIII в. коллективнымъ субъектомъ владѣнія, состоящимъ изъ равноправныхъ членовъ, владѣющимъ землею, участки которой находятся у этихъ членовъ въ пользованіи, регулируемомъ передѣлами, т. е. стала земельной общиной.

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 480.

Глава XII.

Земскій міръ на сѣверѣ.

Деревня на сѣверѣ была первичнымъ союзомъ въ той сложной сѣти союзовъ, въ которую сплеталась общественная жизнь Поморья. Значительное количество деревенскихъ союзовъ совпадало съ семейными; другіе представляли собою складническія группы, совладѣвшія угодьями. Въ томъ и другомъ случаѣ это были общенія частно-правового характера, имѣвшія цѣлью частные, главнымъ образомъ хозяйственные интересы лицъ, въ нихъ входившихъ. Надъ ними стояли другіе болѣе широкіе союзы, являвшіеся болѣе высокою формою развитія, преслѣдовавшіе болѣе возвышенныя цѣли, связанные интересами не только хозяйственными въ узкомъ смыслѣ, т. е. извлеченіемъ прибылей изъ совмѣстной дѣятельности, но также интересами болѣе широко понимаемаго общаго блага, подъ которымъ подразумѣвались общественная безопасность, правосудіе, вообще матеріальное и нравственное благосостояніе въ доступномъ для того времени объемѣ. Соотвѣтственно широтѣ задачъ, преслѣдуемыхъ этими союзами имъ присущъ былъ публично-правовой характеръ. На народномъ языкѣ такой союзъ носитъ названіе „міра". Для осуществленія своихъ цѣлей и потребностей онъ обладаетъ системой органовъ самоуправленія, одни изъ которыхъ служатъ выразителями воли „міра", а другіе исполнителями этой воли. Итакъ, „міръ" на сѣверѣ, это—самоуправляющійся, публично-правовой общественный союзъ связанный интересами общаго блага.

Нѣкогда такой союзъ занималъ мѣсто государства, и въ немъ сосредоточивались, какъ въ фокусѣ, всѣ общественные инстинкты и стремленія. Но и съ организаціей государства „міръ" въ народныхъ взглядахъ продолжаетъ сохранять значеніе нѣкотораго самодовлѣющаго цѣлаго и пользуется какъ бы верховнымъ авторитетомъ. Самое государство является съ этой точки зрѣнія связью, объединяющей многочисленные міры въ систему, міромъ въ болѣе широкомъ объемѣ, различающимся отъ своихъ образующихъ элементовъ скорѣе количественно, чѣмъ качественно. „Міръ" какъ бы часть федеративнаго цѣлаго, въ миніатюрѣ обладающая тѣми же свойствами, какъ и цѣлое. Тѣ почтительныя выраженія, въ которыхъ

говорятъ о мірѣ его члены, показываютъ, что они относятся къ міру, какъ къ цѣлому, дѣйствительно обладающему въ ихъ глазахъ верховнымъ авторитетомъ; обращаясь къ міру, бьютъ ему челомъ, а о постановленіяхъ его говорятъ, какъ о велѣніяхъ: „добилъ челомъ міру", „велѣли всѣмъ міромъ"—съ такими выраженіями мы постоянно встрѣчаемся въ сѣверныхъ актахъ, сохранившихъ народные обороты[1]). На обязанности членовъ міра лежало быть въ міру смиренными, жить съ міромъ „совѣтно" и не совершать никакихъ дѣйствій, затрогивающихъ общіе интересы, „безъ мірского вѣдома". „Несовѣтъ" съ міромъ вызываетъ порицаніе[2]).

На каждомъ шагу своей дѣятельности поморскій крестьянинъ былъ связанъ съ мірской организаціей, къ которой онъ принадлежалъ. Въ міру осуществляются хозяйственные интересы, удовлетвореніе которыхъ было бы не подъ силу отдѣльному человѣку и которые требуютъ коллективнаго труда и средствъ. Поэтому міръ—прежде всего хозяйственный союзъ, сосредоточивающій не только коллективный трудъ, но и обладающій общимъ имуществомъ, которое онъ пріобрѣтаетъ, которымъ распоряжается и которое разными способами эксплуатируетъ. Міръ такимъ образомъ является субъектомъ вещнаго права, и онъ защищаетъ свое право на судѣ въ случаѣ покушенія на него со стороны. По поводу своего имущества міръ, какъ юридическое лицо, входитъ въ различныя обязательственныя отношенія съ цѣлыми такими же мірами и съ отдѣльными лицами. Но міръ не только обладатель разнаго рода правъ; по народнымъ воззрѣніямъ онъ является хранителемъ права, того неписаннаго обычнаго права, которымъ

---

[1]) Примѣры: Пр. Д. 1636 № 16, л. 111—114: „пришелъ изъ Пермогорскіе волости въ Устьянскую волость и всему міру добилъ челомъ"; ibid. л. 115—116: „и міру добили челомъ". Пр. Д. 1628 № 74: „и язъ билъ челомъ міру Шарженскіе и Халезскіе волости крестьяномъ". Пр. Д. 1634 № 84, л. 32: „Къ Устюгу В. посылали... съ грамотою, что ему, Кирилу, не велѣли всѣмъ міромъ на правежѣ стояти". Пр. Д. 1554—1635, л. 11: „А въ міръ Бажену съ того жеребья платить съ деньги до рубежа, а съ рубежа чѣмъ его міромъ пожалуютъ".

[2]) Пр. Д. 1636 № 16, л. 115—116. „И мы, попъ Игнатій съ товарищи, опять пріѣхали въ Устьянскую волость въ свои поземы и міру добили челомъ, и мы всѣмъ міромъ (крестьяне Устьянскихъ волостей) опять ихъ попа Игнатья да Чернія, да Герасима, да Карпика Кота къ себѣ въ волость приняли; а намъ попу Игнатію да Чернію, да Герасиму, да Карпику впредь быть смиреннымъ въ міру.... а жить съ міромъ совѣтно". Пр. Д. 1630 № 72, л. 293—5. „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой устюжанинъ посадской... Митка Котельниковъ. Жалоба, государь, мнѣ на торговаго человѣка на Алексѣя Босого... Тотъ Алексѣй... мірскихъ людей не спрашивается..., а на мнѣ тѣхъ книгъ правитъ сильно безъ твоего, государева, указу и безъ мірского совѣту", Пр. Д. 1630 № 80: „искалъ гостиные сотни торговой человѣкъ Алешка Босово на устюжанинѣ на посадскомъ человѣкѣ на Ивашкѣ Кокоринѣ.... подалъ тотъ Ивашка на него Алешку челобитную за своею рукою безъ мірского совѣту своимъ произволомъ".

преимущественно жило общество древней Руси. Его могла забывать отдѣльная память, но оно прочно хранилось коллективной памятью міра. Вотъ почему даже и правительство, когда ему при разборѣ восходившихъ до него тяжбъ приходилось сталкиваться съ незнакомыми ему явленіями обычнаго права и когда оно не хотѣло рѣшать возникавшіе вопросы приказнымъ усмотрѣніемъ, обращалось за разъясненіями къ мірамъ, какъ къ свѣдущимъ въ мѣстномъ обычномъ правѣ[1]).

Какъ знатокъ права міръ являлся необходимымъ свидѣтелемъ всякаго рода частныхъ сдѣлокъ и публичныхъ актовъ; тѣ и другіе должны были совершаться въ міру, присутствіе котораго сообщало имъ законную силу. Съ теченіемъ времени слишкомъ громоздкое присутствіе міра въ его цѣломъ замѣняется въ этихъ случаяхъ присутствіемъ нѣсколькихъ его членовъ, „добрыхъ людей". Значеніе ихъ присутствія при сдѣлкахъ и актахъ двояко. Являясь какъ бы представителями міра, они, во-первыхъ, свидѣтельствуютъ, что совершаемая сдѣлка или другой актъ согласны съ правомъ— въ противномъ случаѣ они заявили бы протестъ; во-вторыхъ, будучи очевидцами событія, они сохраняютъ о немъ память, на нихъ можно будетъ ссылаться потомъ въ случаѣ спора, и такимъ образомъ они окажутся хранителями права въ его отдѣльныхъ проявленіяхъ, какими бываютъ отдѣльные публичные или гражданскіе акты. Этотъ институтъ „добрыхъ людей", замѣняющихъ собою въ нѣкоторыхъ случаяхъ древній міръ въ его цѣломъ, очень развитъ на сѣверѣ XVII в. Мы ихъ встрѣчаемъ въ числѣ 3—4 при совершеніи духовнаго завѣщанія, „складной записи", т. е. договора, создававшаго складническій союзъ, „дѣловой записи"—т. е. договора, которымъ такой союзъ прекращался. Въ болѣе многочисленномъ составѣ 5—17

---

[1]) Въ 1627 г. приказъ Устюжской четверти, разбиравшій дѣло между двумя крестьянами Чарондской округи о записи, данной однимъ изъ нихъ другому, запрашивалъ волостные міры округи черезъ особаго посланнаго по волостямъ, бываютъ ли у мѣстныхъ крестьянъ между собою записи съ зарядомъ (неустойкою), „что другъ у друга оброчныхъ земель не перенимать изъ наддачи", т. е. посредствомъ предложенія болѣе высокой арендной платы. Отвѣты на этотъ вопросъ давались мірскими сходами волостей. Пр. Д. 1627 № 71, л. 8. Точно такъ же въ 1634 г. по грамотѣ изъ той же Устюжской четверти волостные міры Устьянскихъ волостей должны были дать отвѣтъ на вопросъ: „какъ у васъ изстари повелось: которыя купчія на деревни писаны безъ вотчинниковъ, и послѣ продажи на ту деревню выищется вотчинникъ, и станетъ вотчину свою выкупать, и на ту цѣну послѣ продажи тѣ деревни на выкупъ отдаютъ ли, или нѣтъ?" Крестьяне Пежемскаго стана Пречистенскаго прихода сказали: „мы слыхали у отцовъ своихъ и отъ добрыхъ людей, что купчія на деревни пишутся и безъ вотчинниковъ. А послѣ продажъ хоть и вотчинникъ выищется, а на выкупъ изъ за дерныхъ путей не отдаютъ, владѣютъ по тѣмъ купчимъ". Крестьяне Фроловскаго прихода сказали: „купчія на деревни пишутся съ вотчинниками и безъ вотчинниковъ, когда какъ приведется. А на выкупъ по любвѣ отдаютъ, а не по любовѣ не отдаютъ, владѣютъ по тѣмъ купчимъ". Пр. Д. 1634 № 42.

они присутствуютъ при разнаго рода публичныхъ актахъ, напр. при дачѣ присяги вновь избранными земскими судьями, при исполненіи различныхъ судебныхъ дѣйствій выборными властями, какъ то: при производствѣ судебнаго слѣдствія, при пыткѣ, при разнаго рода осмотрахъ въ поземельныхъ процессахъ, вообще при составленіи протоколовъ по разнаго рода дѣламъ. Наконецъ, добрые люди участвуютъ въ самыхъ судебныхъ засѣданіяхъ, входя въ составъ судебнаго присутствія вмѣстѣ съ выборными судьями.

Какъ къ блюстителю права къ міру обращаются въ случаяхъ нарушенія права, подавая „явку", т. е. дѣлая заявленіе. Это та „закличь на торгу", которая въ устной формѣ извѣстна Русской Правдѣ. Такія явки дѣлались по всевозможнымъ, самымъ разнообразнымъ случаямъ нарушенія права, начиная отъ какого либо ничтожнаго столкновенія между сосѣдями съ „неподобною бранью" и кончая грабежемъ и убійствомъ. Встрѣчаются случаи, когда сами выборныя должностныя лица дѣлаютъ явки о неповиновеніи и сопротивленіи имъ при ихъ служебныхъ дѣйствіяхъ. Явка не имѣла значенія исковой челобитной, которою потерпѣвшій начиналъ судебный процессъ противъ обидчика; она была лишь предварительнымъ заявленіемъ потерпѣвшаго о понесенной обидѣ и имѣла цѣлью во-первыхъ сдѣлать міръ свидѣтелемъ нарушеннаго права, возстановленіе котораго будетъ затѣмъ предметомъ особыхъ процессуальныхъ обрядовъ, а во-вторыхъ явка иногда имѣла смыслъ предупрежденія преступленій въ тѣхъ именно случаяхъ, когда міръ оповѣщался о какихъ нибудь высказанныхъ злодѣйскихъ намѣреніяхъ, напр. угрозахъ „съ похвальбою" или вообще о какимъ либо образомъ выраженномъ зломъ умыслѣ. Міръ, освѣдомленный о такомъ умыслѣ, могъ принять въ этомъ случаѣ свои мѣры, и человѣкъ, выказавшій злое намѣреніе, долженъ былъ сдержаться, зная, что его замыслы извѣстны міру. Явка писалась на имя міра, какъ онъ обыкновенно обозначался въ офиціальныхъ актахъ, т. е. на имя выборныхъ мірскихъ должностныхъ лицъ и „всѣхъ крестьянъ". Иногда вслѣдъ за должностными лицами поименовывалось нѣсколько „добрыхъ людей" [1]).

Міръ заботится объ удовлетвореніи духовныхъ интересовъ своихъ членовъ. Совпадая съ религіозной общиной, онъ сооружаетъ и поддерживаетъ церковь, приглашаетъ священнослужителей, содержитъ при церкви благотворительныя учрежденія въ той незатѣйливой формѣ, въ которой они тогда существовали. Міръ является далѣе не только хранителемъ права, но и блюстителемъ нравственности; онъ слѣдитъ за поведеніемъ каждаго своего члена, вся жизнь мірского человѣка проходитъ на виду у міра, такъ что въ любой моментъ онъ можетъ дать нравственную характеристику каждаго изъ членовъ, „одобрить" его или „облиховать". На этомъ осно-

[1]) Такихъ явокъ, поданныхъ выборнымъ должностнымъ лицамъ и всѣмъ крестьянамъ нѣкоторыхъ волостей Важскаго уѣзда и написанныхъ на имя міра, много напечатано въ XIV т. Р. И. Б. Явки писались также на имя государя. Р. И. Б. XXV.

вывается институтъ повальнаго обыска, такъ широко практиковавшійся въ древней Руси и заключавшійся въ опросѣ міра о комъ либо изъ его членовъ, притомъ въ опросѣ не только относительно какого либо отдѣльнаго поступка, но и вообще о всемъ его поведеніи. Къ такому опросу приходилось обращаться при тяжбахъ по ссылкамъ сторонъ. „Облихованіе" міромъ вело къ печальнымъ послѣдствіямъ для облихованнаго: возбужденное противъ него подозрѣніе получало опору, становилось доказаннымъ и влекло за собой обвиненіе въ томъ злодѣяніи, за которое онъ привлекался къ суду. Если не было указанія на опредѣленное преступленіе, а просто давалась неблагопріятная нравственная оцѣнка, облихованный заключался въ тюрьму, отдавался на поруки или высылался съ территоріи міра. Міръ былъ какъ бы высшею совѣстью, съ которою каждый его членъ долженъ былъ сообразовать свое поведеніе. На ослушниковъ своихъ постановленій онъ грозилъ „стоять всѣмъ міромъ, старостою и волостными людьми". Противъ порочныхъ членовъ онъ выступалъ грознымъ судьею, лихуя ихъ на повальныхъ обыскахъ, обвиняя ихъ передъ государственною властью, а иногда, если послѣдняя бездѣйствовала, расправляясь съ злодѣями непосредственно самъ, какъ въ былыя времена расправлялось съ ними новгородское вѣче. Въ 1636 г. сольвычегодскій всеуѣздный міръ—„посадскіе люди и волостные крестьяне"—обратился къ воеводѣ съ настойчивой просьбой казнить восьмерыхъ сидѣвшихъ въ тюрьмѣ разбойниковъ, отъ которыхъ житья не было городу и уѣзду и побѣга которыхъ изъ тюрьмы міръ опасался. Воевода медлилъ казнью, ссылаясь на отсутствіе государева указа. Тогда міръ самъ покончилъ съ разбойниками. Съ исполненіемъ всѣхъ обрядовъ, въ саванахъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ въ сопровожденіи тюремныхъ сторожей и палача, они были выведены къ рѣкѣ Вычегдѣ и тамъ казнены[1]). Міръ служилъ защитою своихъ членовъ, которые въ немъ находили безопасность, оплотъ своего благосостоянія и оборону своихъ правъ. Такую оборону міръ оказывалъ своимъ членамъ не только противъ злодѣевъ—преступниковъ и недруговъ со стороны, наносившихъ міру обиды, но и противъ тѣхъ изъ своихъ же членовъ, у которыхъ эгоистическіе инстинкты брали верхъ надъ общественными, которые не только пренебрегали мірскими интересами, но и приносили ихъ въ жертву своимъ корыстнымъ расчетамъ. Такихъ людей называли „міропродавцами" или „мірскими съедниками".

Наконецъ, въ міру его члены ищутъ себѣ защиты и противъ того учрежденія, которое то разсматривается какъ общій всеобъемлющій міръ, объединяющій отдѣльные міры въ общее и цѣлое, и сосредоточиваетъ на себѣ общественныя стремленія, то вызываетъ противъ себя протестъ, когда интересами этого общаго и цѣлаго слишкомъбольно нарушаются интересы отдѣльнаго міра. До появленія государства міръ былъ тѣмъ кругомъ, въ предѣлахъ котораго замыкалась матеріальная и духовная жизнь его членовъ. Съ его появленіемъ цѣльность такого міровоззрѣнія раска-

---

[1]) Пр. Д. 1636 № 25.

лывалась. Общественный фокусъ сталъ двоиться; соціальныя стремленія въ видѣ ли простыхъ соціальныхъ инстинктовъ или въ видѣ сознательныхъ помысловъ объ общемъ и цѣломъ, фиксировались не только въ міру, но шли также и къ государству, и этою раздвоенностью проникнуто настроеніе міровъ. Государство налагаетъ на міры обязанности, имѣющія конечною цѣлью общее благо самихъ же міровъ, обязанности въ древнее время очень несложныя, но всегда очень тяжелыя. Міры исполняютъ эти обязанности молчаливо, въ значительной мѣрѣ безсознательно, благодаря дѣйствію соціальнаго инстинкта. Въ минуты чрезвычайнаго патріотическаго подъема они готовы сознательно жертвовать своимъ благосостояніемъ для общаго блага. Когда такого подъема нѣтъ и если жертвы уже слишкомъ велики и кажутся міру несоразмѣрными съ его средствами, онъ почтительно выступаетъ съ ходатайствомъ передъ государствомъ. Но иногда потому ли, что тускнѣетъ мысль о надмірскомъ цѣломъ или потому, что у міра задѣвается чувство справедливости, когда его жалобы и просьбы не имѣютъ успѣха и когда ему кажется, что его интересы не въ мѣру надобности страдаютъ отъ государства, центробѣжныя стремленія берутъ верхъ. Выведенный изъ терпѣнія міръ сталкивается съ государствомъ, рѣзко отказывается исполнять предъявленныя ему требованія и при тревожныхъ звукахъ „всполошнаго колокола“ встрѣчаетъ государственныхъ агентовъ „съ кольемъ, съ жердьемъ и съ ослопы“, осыпая ихъ раздраженною „лаею“. Вступаясь въ такой рѣзкой формѣ за свои права, міръ, благодаря своей многолюдности, своей массѣ, не боится грозящей ему отвѣтственности. „Намъ міру то не бѣда“, кричатъ возмущенные крестьяне представителю правительства, грозя его убить. „Убьемъ до смерти“, кричатъ они въ другомъ подобномъ же случаѣ, „хотя де и бѣда, ино по грошу па человѣка достанется, у міра шея толста!“ Въ этой толщѣ міра, въ которой коллективныя усилія сосредоточиваютъ большія средства защиты и въ которой отвѣтственность должна размельчиться между многочисленными составляющими міръ частицами, каждый долженъ чувствовать себя болѣе безопаснымъ[1]). Когда грозила такая отвѣтственность, когда вообще надвигалась какая либо опасность въ видѣ непомѣрныхъ требованій со стороны государства, и міръ собирался ей сопротивляться, солидарность, связывавшая міръ, чувствовалась живѣе, и онъ закрѣплялъ свое единеніе письменнымъ актомъ, составляя „одинашную“ запись, которою всѣ члены міра обязывались „другъ друга не подать, стоять другъ за друга единъ человѣкъ“, а приключившіеся одному изъ членовъ невзгоды и убытки дѣлить между всѣми, „подымать міромъ“[2]).

Государство пользовалось складывавшейся помимо него мірской организаціей, приспособляя ее для своихъ цѣлей. Эти цѣли не были сложны; онѣ изчерпывались обезпеченіемъ внѣшней и внутренней безопасности, т. е. устройствомъ военной обороны и нѣкотораго, самаго примитивнаго

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 30; 1648 № 162.
[2]) Пр. Д. 1635 № 21, л. 56—62.

правосудія. Однако онѣ все же требовали для своего осуществленія сосредоточенія средствъ въ рукахъ государства. Военная защита, отправленіе правосудія и сборъ средствъ въ видѣ податей и повинностей—къ этому и сводится дѣятельность древне-русскаго государства. Притомъ не во всѣхъ этихъ видахъ своей дѣятельности оно участвуетъ одинаково непосредственно. Военную оборону оно беретъ всецѣло въ свои руки. На сѣверѣ впрочемъ и эта дѣятельность находится даже и въ XVII в. до нѣкоторой степени въ рукахъ самого общества. Такъ напр. Лопскіе погосты выбирали особаго „нарядчика для воинскаго дѣла", на обязанности котораго было „думать и промышлять" вмѣстѣ со всѣмъ избравшимъ его населеніемъ погостовъ о защитѣ края „отъ воинскихъ людей, отъ литовскихъ и отъ нѣмецкихъ, и отъ русскихъ воровъ"[1]. По своей иниціативѣ „міры" строили иногда, какъ мы видѣли, небольшіе городки для обороны отъ нападеній инородцевъ. Но это, конечно, исключенія; обыкновенно же военная оборона вѣдается самимъ государствомъ. Судебную и финансовую функціи государство въ значительной мѣрѣ предоставляетъ обществу, сохраняя за собой только высшее общее руководство и контроль. Отправленіе той и другой функціи возлагается на общественныя организаціи, сложившіяся до государства—міры. Такимъ образомъ міръ начинаетъ исполнять публично-правовыя дѣйствія уже не только въ силу своего присущаго ему верховнаго значенія, въ силу котораго онъ осуществлялъ ихъ и раньше, но и по порученію государства. Эти полномочія даются міру государствомъ не въ видѣ права, а въ видѣ обязанности, за которую міръ несетъ передъ государствомъ отвѣтственность. Уже во времена Русской Правды на міры было возложено обезпеченіе внутренней безопасности: поимка и выдача государству злодѣевъ, ей грозившихъ. Въ XVI в. государство идетъ въ этомъ направленіи еще дальше, предоставляя мірамъ не только поимку лихихъ людей, но и судебную расправу съ ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно поручаетъ самимъ мірамъ и гражданскую юстицію. На тѣ же міры возлагается государствомъ съ самыхъ древнихъ временъ и сборъ правительственныхъ средствъ, причемъ въ XVI в. міры освобождаются отъ ближайшаго руководства въ этомъ дѣлѣ мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ въ лицѣ притѣснявшихъ общество намѣстниковъ и волостелей. Государство пользуется при этомъ тою солидарностью, матеріальною и духовною, которая связываетъ міръ, которая проявляется во взаимопомощи его членовъ и которая по отношенію къ фискальнымъ требованіямъ государства получаетъ значеніе круговой поруки. Оба эти государственныя порученія: отправленіе суда и сборъ разнаго рода дани, сопряженныя съ отвѣтственностью передъ государствомъ, измѣняли нѣсколько значеніе міра. Изъ самодовлѣющаго верховнаго цѣлаго, изъ организаціи столько же нравственнаго, сколько матеріальнаго характера онъ, не теряя въ народныхъ взглядахъ и этихъ чертъ, становился государственной мѣстной организаціей, обложенной казеннымъ тягломъ и обязанной передъ государствомъ отвѣтственно-

---

[1]) Пр. Д. 1628 № 64.

стью. Въ немъ и замѣтны эти двойственныя черты: высшаго автономнаго цѣлаго съ нравственнымъ авторитетомъ для группирующихся въ него людей и съ другой стороны областной государственной единицы фискальнаго и судебнаго управленія съ выборными агентами. Между государствомъ и отдѣльнымъ міромъ происходитъ обмѣнъ вліяній; если государство разсматривается иногда, какъ союзъ міровъ, какъ высшій міръ, объединяющій входящія въ него составныя частицы—отдѣльные мелкіе міры, то и міръ усваиваетъ характеръ мѣстнаго подраздѣленія государственнаго механизма. Теряя, можетъ быть, благодаря такому обмѣну вліяній, въ нравственномъ авторитетѣ, міръ выигрывалъ въ отчетливости организаціи. Тягло, на него возложенное, смыкало его въ корпорацію, связанную болѣе конкретными интересами. При этомъ устройство міра должно было неизбѣжно усложниться; должны были разчлениться его прежніе органы и появиться различные новые для отправленія судебныхъ и финансовыхъ функцій: особые судебные органы, особые финансовые агенты для сбора разныхъ видовъ тягла. Опредѣленнѣе должна была стать и дѣятельность главнаго мірского органа, служившаго выразителемъ мысли и воли міра—мірского схода; точнѣе должны были обозначиться территоріальные предѣлы, подлежащіе воздѣйствію міра. Усложненіе мірской организаціи заключалось еще въ томъ, что отдѣльные міры не непосредственно объединялись государствомъ; они предварительно образовали болѣе или менѣе сложныя, іерархически связанныя системы.

Въ этихъ системахъ значеніе простѣйшей организаціи съ характеромъ міра только въ очень нечастыхъ случаяхъ могла имѣть на сѣверѣ деревня, которая, состоя изъ 1—3 дворовъ была для этого слишкомъ мелкой ячейкой общежитія. „Въ деревнѣ міра не наберешь", какъ говорятъ и теперь еще крестьяне Олонецкаго края, до настоящей поры отличающагося мелкостью деревень. Только такія одинокія селенія, какъ нѣкоторые погосты въ Пермскомъ краю, по описямъ 1620-хъ и 40-хъ годовъ состоявшіе изъ нѣсколькихъ десятковъ дворовъ, смыкавшихся вокругъ церкви и представлявшіе изъ себя не группы поселковъ, а именно единичныя селенія, окруженныя пустыней, или какъ та деревня въ Двинскомъ уѣздѣ, которая составляла въ то же время цѣлый станъ—Алексѣевъ—могли имѣть значеніе міровъ въ простѣйшемъ видѣ. Обыкновенно же простѣйшими мірскими организаціями были только группы деревень, составлявшія приходъ, улусецъ, волостку или волость. Мелкіе первичные міры связываются въ свою очередь въ группы міровъ и образуютъ сложные федеративные міры, такъ что даже волость является уже нерѣдко сложнымъ міромъ, состоящимъ изъ мелкихъ міровъ—приходовъ и волостокъ. Съ своей стороны нѣсколько волостей во главѣ съ посадомъ, который также представляетъ собою мірскую организацію, а иногда и безъ посада тамъ, гдѣ его нѣтъ, смыкаются въ уѣздные или какъ о нихъ говорятъ въ XVII вѣкѣ, „всеуѣздные" міры. Этимъ ихъ сосредоточеніе однако не заканчивается, и уѣздные міры соединяются въ міръ „земли", крупной областной территоріи. Къ этимъ мелкимъ и крупнымъ общеніямъ обыкновенно и

пріурочиваются въ памятникахъ выраженія: „міръ“, „мірской“. Такимъ образомъ поморское общество XVII в. представляется въ видѣ сложной организаціи. Все оно сомкнуто въ многочисленные мельчайшіе, мелкіе и крупные союзы, связанные между собой, начиная складничествами изъ двухъ—трехъ членовъ и небольшими промышленными артелями,, восходя затѣмъ до волостныхъ и уѣздныхъ организацій и наконецъ до союза уѣздовъ въ простирающіяся на широкое пространство „земли,“ въ условіяхъ хозяйственной обстановки создавалась привычка общенія, которая проявляла потомъ свое дѣйствіе и въ другихъ болѣе возвышенныхъ сферахъ жизни, и общество древне-русскаго Поморья получало видъ системы союзовъ мелкихъ и крупныхъ, до чрезвычайности перепутанныхъ между собою, сплетающихся въ безгранично сложное, причудливо неправильное строеніе, надъ которымъ охватывающимъ куполомъ высилось государство. Выясненіе мірской организаціи, какой она стала подъ дѣйствіемъ задачъ, возложенныхъ на нее государствомъ, въ ея простѣйшей частицѣ—отдѣльномъ мірѣ, и въ сочетаніи этихъ частицъ—сложныхъ мірахъ—составитъ предметъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Глава XIII.

Волостной сходъ.

Органомъ сѣвернаго міра XVII вѣка, его видимымъ внѣшнимъ проявленіемъ и выразителемъ его мысли и воли служилъ мірской сходъ, „мірской совѣтъ“, какъ называется такой сходъ въ памятникахъ того времени[1]). Въ тѣхъ крупныхъ деревняхъ, которыя составляли особые міры, сходъ долженъ былъ быть, очевидно, собраніемъ однодеревенцевъ, хозяевъ дворовъ. Мелкіе міры, состоявшіе изъ небольшой группы немноголюдныхъ деревень, которые можно наблюдать внутри нѣкоторыхъ волостей, имѣли свои сходы. Такъ напр. 8 маленькихъ деревень въ волости Старой Тотьмѣ, расположенныя по рѣчкѣ Нижней Еденгѣ, незначительному лѣвому притоку р. Сухоны, въ которыхъ вмѣстѣ по переписи 1623—25 г. числилось 20 дворовъ, были особымъ міркомъ, выбиравшимъ на своемъ сходѣ особаго податного сборщика, которому этотъ сходъ вручалъ приговоръ объ избраніи, „выборъ за руками[2])“. Такой же избирательный мірской сходъ мы

---

[1]) Р. И. Б. XIV, 744: „поѣхалъ я... для ради государева дѣла и для мірского совѣту на станъ“; ibid. 457: „Память Кокшенскіе чети волостнымъ судейкамъ..... И вы бы сей великаго государя указъ велѣли вычитать по многіе праздничные дни и на совѣтахъ“; Пр. Д. 1634 № 84, л. 22 и сл. „Октября 26.... „того жъ дни послалъ на Комарицу съ грамоткою человѣка для мірского совѣту; ibid.... „на Комарицу посылали человѣка съ грамоткою о мірскомъ совѣтѣ“.

[2]) Пр. Д. 1642 № 8. „Списокъ съ выбора слово въ слово. Лѣта 7147 февраля въ 11 д. Нижніе Ѣденги крестьяне и Нижнопогосте (sic) Анофрей Григорьевъ сынъ Вершининъ, Иванъ Сергіевъ, Дружина Савельевъ сынъ Лѣсниковъ, Лука Ивановъ сынъ Княжево, Иванъ Черепановъ, Митрофанъ Якимовъ, Иванъ Савельевъ, Андрей Панкратовъ, Сампсонъ Замятнинъ, Ѳедоръ Ивановъ, Селиванъ Кирилловъ, Мелентій Антипьевъ, Семенъ Кирилловъ, Ѳедоръ Сергіевъ выбрали есмя у себя въ десяткѣ по государевѣ.... грамотѣ въ сборщики Ивана Боголѣпова. И брати ему, Ивану, съ насъ крестьянъ по нашему мірскому окладу съ двора по полтинѣ. Въ томъ мы крестьяне ему Ивану и выборъ дали. А на то послуси Ѳедоръ Григорьевъ сынъ Верхніе Ѣденги. А подлинный выборъ писалъ по ихъ мірскому велѣнью Оска Григорьевъ сынъ Неклюдовъ. Позади пишетъ: послухъ Ѳедко руку приложилъ“.

видимъ въ Маныловскомъ улусцѣ, образовавшемся въ Толшемской волости того же Тотемскаго уѣзда; 1 сентября 1649 г. на немъ производятся выборы таможеннаго и кабацкаго цѣловальника[1]). Въ качествѣ „міра" выступаетъ каждый церковный приходъ на сѣверѣ; на своемъ сходѣ онъ избпраетъ церковнаго старосту, приглашаетъ причтъ къ церкви и вообще распоряжается церковными дѣлами съ ихъ хозяйственной стороны[2]). Но па сѣверѣ, какъ мы уже знаемъ, нѣкоторые приходы бывали не только церковными, а и административными единицами, на которыя распадалась волость. Сходы такихъ приходовъ собираются уже не только для церковныхъ дѣлъ, но и для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, которые вообще входили въ вѣдомство земскихъ міровъ и между прочимъ для избранія земскихъ должностныхъ лицъ. Такъ напр. выборы цѣловальниковъ къ писцамъ „къ земляному дѣлу", т. е. въ помощь писцовой партіи, описывавшей Сольвычегодскій уѣздъ въ 1645 г., въ волостяхъ этого уѣзда Вилегодской и Лузской Пермцѣ производились на приходскихъ сходахъ въ тѣхъ приходахъ, на которые эти волости дѣлились, именно: въ Вилегодской волости въ приходахъ Пречистенскомъ, Ильинскомъ и Спасскомъ, а въ Лузской Пермцѣ въ приходахъ Ношульскомъ, Объячевскомъ и Спасскомъ[3]). Въ Андреевской волости того же уѣзда выдѣлился въ особый міръ Благовѣщенскій приходъ, который избираетъ на своемъ сходѣ особаго цѣловальника; другой цѣловальникъ избирается міромъ Андреевской волости за исключеніемъ Благовѣщенскаго прихода[4]). То же явленіе мы наблюдаемъ въ этихъ мірахъ и въ 1648 г. при выборѣ таможенныхъ и кабацкихъ цѣловальниковъ по Сольвычегодскому уѣзду[5]).—Три прихода Вилегодской волости: Покровскій, Никольскій и Пречистенскій нѣкогда составляли одинъ земскій міръ и еще въ 1625 г. они выбирали „тремя приходами" одного общаго земскаго цѣловальника, который „дань разрубалъ со многимъ мі-

---

[1]) Пр. Д. 1649 № 74.

[2]) Труды Вятской Арх. Ком. 1906, вып. I и II, стр. 69: „Лѣта 7185 февраля въ 16 д. Кирчанской волости Архангельской церкви прихожане: староста мірской Максимъ Ивановъ с. Ѳедоровъ, да староста церковный Василій Емельяновъ с. Мязринъ да мірскіе люди (16 именъ) и всѣ тое церкви прихожане лутшіе, молодшіе и средніе люди приговорили къ церкви Божіей Михаилу Архистратигу въ попы Петровской церкви дьякона Ивана Макарова сына Мягстунова". Р. И. Б. XII, 828, выборъ церковнаго старосты Ямской слободки Сольвычегодскаго уѣзда: „а какъ ему, старостѣ, годъ отойдетъ, и ему.... въ міръ отчетъ дать вправду. А безъ мірского совѣту ничего старостѣ не продавать и не покупать ничего".

[3]) Пр. Д. 1645 № 47, л. 3 и сл. „Вилегодской волости Пречистенскаго приходу земскій цѣловальникъ Трофимъ Семеновъ сынъ Алферова, сотскій Петръ Первово сынъ Кобелевъ да крестьяне (15 именъ), да и всѣ крестьяне Пречистенскаго приходу выбрали есмя и излюбили въ своемъ Пречистенскомъ приходѣ въ цѣловальники" и т. д.

[4]) Ibid. лл. 21—24.

[5]) Пр. Д. 1649 № 74.

ромъ тремя приходы". Но затѣмъ отношенія между покровцами съ одной стороны и никольцами и пречистенцами съ другой настолько обострились и испортились, что общій сходъ сталъ невозможенъ. Покровскій приходъ обособляется отъ двухъ остальныхъ и выбираетъ отдѣльнаго цѣловальника на своемъ особомъ сходѣ; Пречистенскій и Никольскій продолжаютъ собираться на общій сходъ и выбирать общаго цѣловальника [1]).

Когда волость не дробилась на самостоятельныя части, міръ совпадалъ съ волостью, и органомъ такого міра былъ непосредственно волостной сходъ, который въ этомъ случаѣ былъ сходомъ первой инстанціи. Въ сложныхъ волостяхъ сходъ представлялъ собою мірское собраніе второй инстанціи, покрывавшее и объединявшее собою сходы волостныхъ подраздѣленій, надъ которыми онъ возвышался. Мы и познакомимся теперь, насколько это возможно, съ организаціей волостного схода на сѣверѣ. Начнемъ съ мѣста этихъ собраній.

Мѣстомъ волостного схода на сѣверѣ бывала очень часто церковная трапеза той церкви, которая служила центральнымъ пунктомъ волости. Тамъ совершались обыкновенно разнаго рода публичные акты, какъ напр. происходили судебныя засѣданія, производилось обнародованіе царскихъ указовъ и распоряженій мѣстной правительственной власти, опрашивались крестьяне подъ присягой при повальныхъ обыскахъ и по разнаго рода дѣламъ, тамъ же происходилъ иногда пріемъ податей и заключались разнаго рода частныя сдѣлки, которыя и писались церковнымъ дьячкомъ, такъ что трапеза сѣверной церкви каждый день и помимо сходовъ была полна народа, являвшагося туда по общественнымъ и частнымъ дѣламъ [2]).

---

[1]) Ср. приговоръ Никольскаго прихода въ Устьянскихъ волостяхъ 1574 г., Пр. Д. 1633 № 5: „Се язъ Иванъ Ѳедотовъ сынъ Зубар... да язъ Досада Артемьевъ сынъ, да Девятой Лаврентьевъ сынъ (слѣдуетъ 19 именъ), да и весь Никольскій приходъ полюбили есмя межъ собя класти дань и служебные отпуски всякіе розрубы и волостные по данному и какъ коя деревня въ дани обрублена. А оброкъ намъ класти по сотной грамотѣ. Въ томъ есмя промежъ собя и полюбовную написали запись. А полюбовную писалъ никольской дьячекъ.... ко Олферьевъ сынъ. Лѣта 7082 году іюня въ 13 день. Снимокъ съ полюбовные слово въ слово.

[2]) Пр. Д. 1633 № 45. „Лѣта 7142 декабря въ 31 д. Устьянскіе волости Введенскаго стану земскіе судейки Павликъ Исаевъ да Пятунка Ивановъ съ товарищи пріѣхали въ Шангалу на станъ и присроча (т. е. созвавъ къ назначенному сроку) крестьянъ въ трапезу и государеву грамоту обыскную во весь міръ вычести велѣли и спрошали крестьянъ" и т. д.; Пр. Д. 1634 № 47. „7143 г. сентября въ 21 д. земскій судья Никифоръ Архиповъ съ товарищи сталъ въ Чушевицкой трапезѣ, истцовъ и отвѣтчиковъ съ очей на очи поставилъ и спрошалъ истца Ѳедора" и т. д; Пр. Д. 1631 № 56. „Лѣта 7139 генваря въ 6 день по государеву указу и грамотѣ изъ Устюжскіе чети... Пежемскаго стану выборный земскій судья Осипъ Юрьевъ Филипповъ на Ростовскомъ погостѣ въ трапезѣ, въ міру спрошалъ Ивана Петрова, Стефана Неклюдова, Алфера Михайлова, Другана Третьякова, Емельяна Ва-

Въ ней же собирались и праздничныя собранія, сопровождавшіяся питьемъ общественнаго „молебнаго“ пива, такъ называемыя братчины, остатокъ древнихъ языческихъ богослужебныхъ сборищъ, держащійся на сѣверѣ во многихъ мѣстахъ и до нашихъ дней. Все это дѣлало церковныя стѣны свидѣтельницами мірского шума и житейской суеты, а нерѣдко грубыхъ столкновеній и безобразныхъ скандаловъ. „Въ нынѣшнемъ, государь, во 182 году іюля въ 31 д.“, пишетъ напр. куростровецъ Ѳ. Ушаковъ въ жалобѣ на жителя Холмогоръ М. Окулова, „будучи на городкѣ въ Яковлевской трапезѣ, билъ онъ Матѳеей меня, сироту твоего, и увѣчилъ нахвально, и окровавилъ, и головою моею въ трапезную стѣну стукалъ, и бороду выдралъ и говорилъ: мнѣ де твоя голова не дорога—въ деньгу“ [1]). 5 марта 1648 г. въ Спасскомъ Кижскомъ погостѣ у Покрова Богородицы въ трапезѣ „въ народѣ при мірѣ“ разыгралась дикая сцена, когда нѣсколько человѣкъ крестьянъ, недовольные земскимъ судьей погоста Ѳ. Максимовымъ, „наскоча на него воровски, били его и окровавили, и замертво покинули и храмъ окровавили“ [2]). Святыня храма постоянно оскорблялась и несдержанными выходками отдѣльныхъ лицъ и бурнымъ поведеніемъ нерѣдко приходившаго въ раздраженіе міра. Въ январѣ 1633 г. явившійся въ Подосиновскую волость отъ воеводы приставъ съ стрѣльцомъ заарестовали земскаго старосту волости и нѣскольких крестьянъ за неплатежъ податей и отказъ въ исполненіи повинности городового дѣла. Отдавъ ихъ на поруки, они ежедневно производили имъ въ трапезѣ экзекуцію, „ставили ихъ на правежъ“, а немогшихъ найти за себя поручителей тамъ же держали въ колодкахъ. „II генваря жъ мѣсяца въ 20 день“, доносилъ приставъ, „въ воскресенье пришли на станъ въ трапезу тое Подосиновскіе волости многіе люди съ ослопы и того земскаго судью Гаврилу Момотова съ товарищи съ правежу и колодниковъ, которые въ колодѣ сидѣли, у насъ

сильева, Григорія Вершинина, Прокопья Павлова по государеву крестному цѣлованью, тотъ Антонко Ивановъ съ Гришкою Сусловымъ въ роду ли и коль близко въ роду“; Р. И. Б. XIV, 189—190: „116 г. декабря въ 28 д. въ Конецгорской трапезѣ ставились Ивановскіе боярщины крестьяне... предъ сотскаго конецгорскаго предъ Петра Лукоянова и клали передъ него данныя деньги.. съ четырехъ обежъ“.

[1]) Р. И. Б. XIV, 439.

[2]) Пр. Д. 1647 № 14.; Пр. Д. 1633 № 21, л. 32. „Списокъ съ записки слово въ слово. 137 г. генв. въ 27 д. Царевскіе волости земскій судья Семенъ Онаньинъ, доправя достальные деньги по кабалѣ Осипа Носова, и деньги ему, Осипу, отдали и въ деньгахъ у него, Осипа, отпись взяли. И пришедъ къ нему братъ его Василій и учалъ съ нимъ съ Осипомъ о деньгахъ дратися и назвалъ его, Осипа, тотъ братъ его Василій вѣдуномъ. А въ тѣ поры были на сходѣ въ трапезѣ земскій цѣловальникъ Осипъ Трутневъ, Тимоѳей Панфиловъ (и еще названо 12 именъ). А записку писалъ по ихъ мірскому велѣнью Царевскіе волости земскій и судецкій дьячекъ Никита Упадышевъ. А у подлинные записи позади: Тимошка Панфиловъ къ сей запискѣ руку приложилъ“.

отбили всѣмъ міромъ въ трапезѣ и увели съ собою сильно" [1]). Обычай совершать всякаго рода публичные акты и устраивать общественныя собранія въ церковной трапезѣ былъ на сѣверѣ до такой степени распространенъ, что писцовая книга 1615 г., описывая двѣ избы при церкви Мегорскаго погоста въ Обонежьѣ, въ которыхъ собирались погостскіе крестьяне, замѣчаетъ, что эти избы служили „за трапезы мѣсто" [2]). Даже въ посадахъ церковныя трапезы служили для того же назначенія. Такъ напр. въ Устюгѣ В. въ 1645 г. окладная комиссія посадскаго схода, состоявшая изъ выборныхъ отъ схода съ разрубными цѣловальниками во главѣ, имѣла свои засѣданія, на которыхъ производила разверстку податей между посадскими людьми—„въ Богословской трапезѣ" [3]).

Церковь не оставляла этого народнаго обычая безъ вниманія, по крайней мѣрѣ въ концѣ столѣтія. Въ 1683 г. преосвященный Геласій, архіепископъ великоустюжскій и тотемскій распорядился по своей епархіи, „чтобы приходя приходскіе люди къ церквамъ Божіимъ и въ церковныхъ трапезахъ всякихъ чиновъ люди для всякихъ своихъ земскихъ и мірскихъ дѣлъ сходовъ не чинили и межъ собою великіе раздоры и мятежи, и неподобныя матерныя брани и бои не были, и по праздникамъ молебныхъ пивъ не носили бы и въ трапезѣ не пили бы" [4]). Это распоряженіе, какъ и всѣ подобныя, едва ли скоро осуществилось на практикѣ. Впрочемъ уже и ранѣе кое гдѣ по волостямъ встрѣчаются особыя земскія мірскія избы, замѣняющія трапезы, какъ это и было въ Мегорскомъ погостѣ по свидѣтельству писцовой 1615 г. Та же писцовая указываетъ на погостѣ Шимозерской волостки „избу схожую, а сходятся въ ней крестьяне по воскресеньямъ" [5]). Мірская изба находилась напр. на погостѣ Устьянской Ростовской волости. Крестьяне Пречистенскаго и Никольскаго приходовъ Вилегодской волости Сольвычегодскаго уѣзда собирались на сходъ для государева и земскаго дѣла „у церкви св. Николы на стану въ земскую избу" [6]).

Сходъ созывается земскими волостными властями: старостами, судьями и другими. Такъ напр. когда пріѣхавшій въ Лопскій Никольскій Паданскій погостъ посланный отъ Олонецкихъ воеводъ кн. Дм. Волконскій потребовалъ отъ старосты погоста списка крестьянъ, то онъ, староста,

---

[1]) Пр. Д. 1633 № 4.
[2]) *Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ, прилож. стр. 105.
[3]) Пр. Д. 1645 № 10.
[4]) Р. И. Б. XII, 567.
[5]) *Неволинъ*, op. cit., 105.
[6]) Пр. Д. 1641 № 10. „149 г. декабря въ 13 д. говорилъ Григорій Мокіевъ Стрѣловъ на Ростовскомъ погостѣ въ мірской избѣ, прошалъ оброку у Исака Антонова"; Пр. Д. 1627 № 80; Арх. мин. юст. писц. кн. 451. „Въ Лальскомъ городкѣ (дв.) земскій всеуѣздный Лальскаго погоста"; Ibid. кн. 168, въ волости Чекуевѣ Конецъ-Острова въ Турчасовскомъ стану на погостѣ—1 дв. мірской.

какъ читаемъ въ отпискѣ Волконскаго, „отказалъ, послалъ де въ погостъ по крестьянъ, велѣлъ сойтиться“, обѣщавъ князю увѣдомить его о томъ, что скажутъ крестьяне, когда соберутся на сходъ [1]). Приглашать на сходъ отправлялся особый посыльный „съ грамоткой“—повѣсткой. Становой староста Юрьева Наволока въ Устюжскомъ уѣздѣ заноситъ въ свою расходную книгу издержку на посылку такого гонца: „того жъ дни посылалъ съ грамоткою человѣка для мірского совѣту, далъ найму 6 денегъ“ или: „да въ Погостецъ посылалъ человѣка, чтобы пришли къ совѣту.., посылалъ человѣка па лошади, дано человѣку 10 денегъ“ [2]). Кто собирался на мірской сходъ? Въ тѣхъ случаяхъ, когда единичная деревня составляла особый міръ, на сходъ, вѣроятно, собирались хозяева дворовъ. Намъ впрочемъ не встрѣтилось никакихъ документовъ о деревенскихъ мірскихъ сходахъ, которые позволяли бы дѣлать наблюденія надъ ихъ составомъ; да едва ли деревенскіе сходы и оставляли послѣ себя письменные слѣды. Деревенскій сходъ дѣйствовалъ словесно, не закрѣпляя свои рѣшенія бумагой, въ которой ему не было нужды, такъ какъ участники деревенскаго схода не были многочисленны и всегда хорошо могли знать его рѣшенія. На составъ сходовъ сложныхъ міровъ, приходовъ и волостей, охватывавшихъ нѣсколько деревень, даютъ указанія письменные приговоры, въ которыхъ излагались рѣшенія. Эти міры могли быть сравнительно обширны и многолюдны, не всѣ ихъ члены могли быть участниками мірскихъ рѣшеній, и поэтому являлась надобность въ письменномъ изложеніи приговоровъ.

Всякія рѣшенія схода, какихъ бы предметовъ они ни касались, равно какъ и ихъ письменныя изложенія, назывались „приговорами“. Но записи приговоровъ не были протоколами въ теперешнемъ смыслѣ этого слова; онѣ представляли изъ себя спеціальные акты, различавшіеся соотвѣтственно тѣмъ случаямъ, по которымъ дѣлались постановленія. Если напр., міръ отдавалъ кому либо во владѣніе свободный деревенскій участокъ, это была „данная“; если онъ избиралъ должностныхъ лицъ, это былъ „выборъ“: если онъ дѣлалъ постановленіе о разверсткѣ податей, это была „поверстная запись“ и т. д. Акты эти вручались міромъ тѣмъ лицамъ, которыхъ они касались и которымъ они служили для доказательства ихъ правъ или для руководства при исполненіи обязанностей: напр. „данная“—съемщику участка земли, „выборъ“—избранному должностному лицу, „поверстная запись“—комиссіи, получавшей отъ схода порученіе произвести разверстку податей и т. д. Всѣ эти разнаго рода приговоры пишутся всегда по однообразной формѣ [3]). Приговоръ начинается датой или словами „се язъ“, затѣмъ слѣдуютъ имена выборныхъ мірскихъ властей, далѣе перечень крестьянъ, заканчивающійся формулой: „да и всѣ крестьяне такого то прихода или волости“ или: „и во всѣхъ крестьянъ мѣсто“, и наконецъ излагается суть мірского рѣшенія. Въ числѣ мірскихъ властей поименовываются

---

[1]) Пр. Д. 1649 № 75.

[2]) Пр. Д. 1634 № 84.

[3]) См. прилож. V.

въ приговорахъ земскіе старосты и судьи, разрубные и судецкіе цѣловальники, сотскіе, пятидесятскіе, старосты церковные. Едва ли можно думать, что кто либо изъ этихъ лицъ играетъ роль предсѣдателя на сходѣ, судя по тому, что и теперешніе мірскіе сходы на сѣверѣ совершенно обходятся безъ всякаго предсѣдательскаго руководства. Выборныхъ должностныхъ лицъ на первое мѣсто въ приговорахъ выдвигаетъ ихъ почетное положеніе въ міру. Встрѣчаются приговоры и безъ поименованія должностныхъ лицъ съ однимъ только перечнемъ „рядовыхъ" крестьянъ[1]). Мірскіе приговоры съ этими личными перечнями земскихъ властей и рядовыхъ крестьянъ, постановлявшихъ то или другое рѣшеніе, и даютъ намъ указанія на составъ интересующихъ насъ сходовъ.

Какъ же собирались на сходы эти рядовые крестьяне? Сходилось ли все взрослое мужское населеніе дворовъ или на сходѣ участвовали только дворохозяева? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, можно прибѣгнуть къ сопоставленію памятниковъ, которое показываетъ значеніе именъ участниковъ схода, перечисляемыхъ приговорами. Именно, если сравнивать приговоры напр. волостныхъ міровъ съ писцовыми или переписными книгами, настолько по времени составленія близкими къ приговорамъ, что нельзя предполагать какихъ либо значительныхъ измѣненій въ личномъ составѣ волостей, то можно ясно видѣть, чьи имена вносились въ приговоры волостныхъ сходовъ. Это всегда имена крестьянъ, значащихся дворохозяевами въ писцовыхъ или переписныхъ книгахъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить въ приговорѣ лицо, въ книгѣ обозначенное сыномъ дворохозяина; но такое внесеніе въ приговоръ сына вмѣсто дворохозяина отца можетъ объясняться явленіями, о которыхъ свидѣтельствуютъ современные намъ наблюдатели крестьянскаго быта на сѣверѣ: хозяиномъ—большакомъ двора еще при старикахъ родителяхъ, если они оказываются неспособными къ работѣ, становится сынъ, который естественно и является представителемъ двора на сходѣ[2]). Такъ напр. въ Устьянской Чушевицкой волости встрѣчаемъ нѣсколько случаевъ, когда на волостной сходъ отправлялись не хозяева дворовъ, а ихъ дѣти. Изъ деревни Великій Дворъ на р. Вагѣ на трехъ избирательныхъ сходахъ въ 1645, 1646 и 1647 гг. присутствуетъ Василій Ивановъ Тѣстовъ, сынъ Ивашки Семенова Тѣстова, обозначеннаго хозяиномъ двора въ писцовой книгѣ Устьянскихъ волостей 1645 г.[3]) На первомъ сходѣ онъ былъ избранъ въ сотскіе, съ каковымъ званіемъ и является въ избирательномъ протоколѣ 1646 г.—Въ этой же деревнѣ въ одномъ изъ дворовъ показаны писцовою книгою „вдовый попъ Исай Григорьевъ, у него сынъ Павликъ". Этотъ Павелъ Исаевъ сынъ Поповъ фигурируетъ въ числѣ участниковъ схода 1647 г.—

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 71, л. 5.; 1646 № 48, выборъ Заборской волости.

[2]) *Потанинъ*, Никольскій уѣздъ и его жители, Древн. и Нов. Россія 1876 № 10, стр. 143.

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 510, л. 549: (в.) „Ивашко Семеновъ сынъ Тѣстовъ, у него сынъ Васка". Ср. Пр. Д. 1643 № 37, лл. 42—43, 65—66, 77—78.

Тамъ же въ деревнѣ Чушевицы однимъ изъ дворовъ владѣетъ по той же книгѣ вдова Соломонидка Аѳанасьевская жена Вострякова, при которой показанъ сынъ Ефремъ Аѳанасьевъ. Онъ участвуетъ на всѣхъ трехъ упомянутыхъ сходахъ Чушевицкой волости [1]).

Не всѣ однако дворохозяева волости вносятся въ личный перечень приговора, а только ихъ часть; остальные скрываются подъ формулою: „да и всѣ крестьяне такой то волости" или подъ другою формулой: „и во всѣхъ крестьянъ мѣсто". Чѣмъ объяснить такое различіе въ этихъ двухъ пріемахъ обозначенія дворохозяевъ волости? Само собою здѣсь напрашивается вполнѣ законное предположеніе, что поименно въ приговорѣ перечислялись только тѣ изъ дворохозяевъ, которые лично являлись на сходъ и лично присутствовали на немъ, были дѣйствительно участниками схода. Неявлявшіеся въ перечень не вносились, а обозначались формулою. Такимъ образомъ личные перечни приговоровъ и будутъ служить для насъ показателями состава сходовъ. Если такое предположеніе принять, то придется заключить, что на сходъ являлись и сходъ составляли далеко не всѣ дворохозяева волости, а только нѣкоторые изъ нихъ, иногда немногіе сравнительно съ числомъ дворовъ волости. Съ чѣмъ мы имѣемъ тутъ дѣло? Возможно, конечно, объяснять такое отсутствіе многихъ крестьянъ на сходѣ простымъ абсентеизмомъ, приписывать его случайнымъ причинамъ: иные не являлись потому, что не могли, иные можетъ быть по какимъ либо соображеніямъ и не считали нужнымъ являться. Но можно дать и другое объясненіе этому факту. Можно думать, что, помимо случайныхъ причинъ, оказывавшихъ, разумѣется, свою долю вліянія, мы имѣемъ въ этомъ случаѣ дѣло съ извѣстнымъ постояннымъ порядкомъ, съ извѣстнаго рода, правда чуждымъ всякой формальности и даже опредѣленности, представительствомъ; можно предполагать, что присутствіе на сходѣ только нѣкоторой части дворохозяевъ обусловливалось соглашеніемъ между дворохозяевами деревни или даже нѣсколькихъ деревень. По этому соглашенію идти на волостной сходъ поручалось только нѣсколькимъ дворохозяевамъ, которые и являлись такимъ образомъ представителями деревни или нѣсколькихъ деревень на сходѣ. Въ самомъ дѣлѣ формула „и во всѣхъ крестьянъ мѣсто", которою въ иныхъ приговорахъ заключается личный перечень, не указываетъ ли на то, что поименованные крестьяне, собравшись на сходъ, дѣйствовали за всѣхъ остальныхъ, какъ бы будучи ихъ уполномоченными представителями? Такое же значеніе несомнѣнно должна имѣть и другая менѣе выразительная формула „да и всѣ крестьяне". Фактически, дѣйствительно, всѣ крестьяне едва ли когда могли собраться на сходъ въ сколько нибудь многолюдной волости; очевидная цѣль формулы—указать, что собравшаяся на сходѣ часть крестьянъ дѣйствуетъ за всѣхъ членовъ міра, въ качествѣ его уполномоченныхъ.

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 510, л. 551. Ср. Пр. Д. 1643 № 37, лл. 42—43, 65—66, 77—78.

Но вернемся къ указанному нами выше сопоставленію мірскихъ приговоровъ съ близкими къ нимъ по времени писцовыми и переписными книгами; сравненіе именъ, обозначаемыхъ въ приговорахъ, съ личнымъ составомъ волостей по книгамъ, дастъ намъ понятіе о томъ, какъ такое представительство устраивалось.

Начнемъ наблюденія съ простѣйшаго примѣра, взявъ одинъ изъ самыхъ маленькихъ мірковъ, который мы встрѣтили на сѣверѣ, именно упоминавшуюся уже ранѣе волостку Нижнюю Еденгу, расположенную по рѣчкѣ того же имени въ волости Старой Тотьмѣ. Эта волостка въ полицейскомъ отношеніи была особымъ „десяткомъ", избиравшимъ своего десятскаго. По выданной ей „десятной выписи" изъ тотемской писцовой книги писца Фоки Дурова 1623—25 гг. волостка состояла изъ восьми деревень[1]). Въ мірскомъ приговорѣ этой волостки отъ 24 іюня 1641 г. о сборѣ по полтинѣ съ двора ратнымъ людямъ, поименовано восемъ крестьянъ. Оставимъ однако въ сторонѣ это совпаденіе числа деревень съ числомъ участниковъ схода, упомянутыхъ въ приговорѣ; совпаденіе это могло быть и случайнымъ; въ другомъ болѣе раннемъ приговорѣ той же волостки отъ 11 февр. 1639 г. ихъ упомянуто 14[2]). Открываемъ переписную тотемскую книгу 1646 г., ближайшую къ приговору 24 іюня 1641 г. по времени, составленную всего черезъ пять лѣтъ послѣ него. Пятерыхъ изъ восьми поименованныхъ приговоромъ крестьянъ мы находимъ въ книгѣ, и очень возможно предположить, что они являлись на сходъ каждый въ качествѣ представителя своей деревни по соглашенію съ однодеревенцами. Вотъ деревня Княжая. Она по книгѣ 16 6 г. состоитъ изъ 4 дворовъ съ такимъ перечисленнымъ книгою населеніемъ: „(во дворѣ) Ивашко Сергіевъ, сынъ у него Степунка; (вд.) бобыль Калинка Ивановъ; (вд.) Васка Сергѣевъ; (вд.) нищій Доронка Лукинъ. Перваго изъ этихъ крестьянъ, Ивашку Сергіева, мы и видимъ въ приговорѣ, остальныхъ тамъ нѣтъ. Ивашка и былъ ихъ представителемъ на сходѣ. Вотъ другая деревня, Тарасовская; ея населеніе по книгѣ состоитъ изъ 3 дворовъ: „(вд.) Пимка Елфимовъ; (вд.) Елфимка Пароеньевъ; (вд.) нищій Петрушка Черепановъ". Елфимъ Пароеньевъ и упомянутъ въ приговорѣ. Такимъ же об-

---

[1]) Пр. Д. 1642 № 8. „Списокъ съ десятные слово въ слово. Лѣта 7144 сентября въ 1 д. десятная съ книгъ писца Фоки Дурова да подьячаго Остафья Колюпанова Старые Тотьмы земскаго цѣловальника Анофрія Григорьева сына Вершинина живущимъ вытямъ. (Дрв.) Княжая—полвыти; (Дрв.) Гордѣевская—полвыти съ получетью; (Дрв.) Новиковская—выть безъ чети; (Дрв.) Тарасовская Сеншино—выть безъ чети; (Дрв.) Нелидова—четь выти; (Дрв.) Назаровская—полвыти; (Дрв.) Хороброво—выть съ четью безъ пол-полчети выти; (Дрв.) Толовково Школева—полвыти безъ полчтети выти; пустошь Юркино Мокѣиха—четь выти. А десятской у нихъ Баженъ Ивановъ сынъ Боголѣповъ. Подлинную десятную писалъ земскій дьячекъ Оничка Трефильевъ Поповъ".

[2]) Стр. 201, примѣч.

разомъ кромѣ деревень Княжой и Тарасовой представлены еще деревни: Новиковская, Назаровская и Хороброво. Среди обозначеннаго въ книгѣ населенія деревень Нелидова и Толовкова мы не нашли именъ, которыя совпадали бы съ именами приговора. Возможно, что въ населеніи этихъ деревень произошли значительныя перемѣны за промежутокъ времени съ 1641 по 1646 г. Восьмая изъ деревень, принадлежавшихъ къ волости по книгѣ 1620-хъ годовъ и по выписанной изъ нея „десятной", по переписной 1646 г. значится уже собственностью гостя Бахтера Булгакова и состоитъ изъ трехъ дворовъ, населенныхъ его половниками, изъ которыхъ ни одного не встрѣчаемъ въ приговорѣ [1]).

---

[1]) Пр. Д. 1642 № 8. „Списокъ съ выбору слово въ слово. Лѣта 7149 іюня въ 24 день Старые Тотьмы Нижніе Ѣденги крестьяне Иванъ Сергіевъ сынъ, Онофрей Григорьевъ, Замятня Васильевъ, Подосенъ Степановъ, Елфимъ Пареоеньевъ, Данило Савельевъ, Данило Оникіевъ, Иванъ Тимоѳіевъ сынъ Сухомѣсовъ приговорили сборщику Гаврилу Ѳедосѣеву собрать ему Гаврилу подворовыя деньги въ другую половину по полтинѣ съ двора ратнымъ людемъ на жалованье на прошлой на 147 годъ. А собравъ деньги заплатить на Тотьмѣ въ съѣзжей избѣ Ивану Михайловичу Малыгину. Въ томъ ему и выборъ дали. Выборъ писалъ Старые Тотьмы земской дьячекъ Ивашко Кондратьевъ". Ср. Арх. мин. юст. писц. кн. 15.049 (переп. 1646 г.), л. 33: „Дер. *Княжая* у болота и на рѣчкѣ на нижней Ѣденгѣ, а въ ней крестьянъ: (вд.) Ивашко Сергіевъ, сынъ у него Степунка; (вд.) бобыль Калинка Ивановъ; (вд.) Васка Сергіевъ; (вд.) нищей Доронка Лукинъ. Дер. *Новиковская*, Нелюбино тожъ на рѣчкѣ на Нижней Ѣденгѣ: (вд.) Онофрейко Вершининъ съ дѣтьми: Матюшкою да съ Ѳомкою; (вд.) Алешка Сухомѣсовъ; (вд.) Обросимко Кожинъ; (вд.) бобыль Трофимко Семеновъ. Дер. *Назаровская*, Лесниково тожъ: (дв.) пустъ Гаврилка Лосовскаго, убили его, Гаврилка, воровскіе люди разбойники въ нынѣшнемъ во 154 г., жена его скитается въ міру: (вд.) Данилка Савельевъ; (вд.) Ивашка Михайловъ, пришелъ жить изъ Новгородскаго уѣзда, изъ Обонежскіе пятины. Дер. *Тарасовская*, *Сенишино тожъ:* (вд.) Пимка Елфимовъ; (вд.) Елфимко Пареоеньевъ; (вд.) нищей Петрушка Черепановъ. Дер. *Нелидово* на рѣчкѣ на Лидовѣ: (вд.) Бориско Боголѣповъ, сынъ у него Еремка; (вд.) бобыль Левка Ивановъ; (вд.) Павелко Прокопьевъ, да 3 двора пусты, запустѣли съ Фокина тяжелаго письма Дурова, хоромы огнили и обвалялись. Дер. *Толовково*, *Шкулево* тожъ, на рѣчкѣ Н. Ѣденгѣ: (вд.) Карпушка Семеновъ съ братомъ съ Илейкою; (вд.) бобыль Еремѣйко Шкулевъ. Дер. *Хороброво:* (вд.) Замятка Васильевъ; (вд.) Сергушка Обрамовъ; (вд.) нищей Якунка Онфаловъ; (вд.) бобыль Веденка Онкидинъ; (дв.) пустъ Фалелейка Юрьева, умеръ во 141 г." Ibidem, л. 37. „Въ волости Старой же Тотьмѣ за гостемъ за Бахтеяромъ Булгаковымъ на Нижней Ѣденгѣ: Дер. *Туровская*, Даниловская тожъ, на р. Н. Ѣденгѣ, а въ ней живутъ половники: (вд.) Васка Панфиловъ Пестеревъ съ дѣтьми: съ Тимошкою да съ Ивашкомъ; (вд.) Омелька Пестеревъ съ племянникомъ съ Окинфейкомъ Омельяновымъ. Дер. *Гордѣевская*, а въ ней половники: (вд.) Ивашко Ѳедотовъ Лосевской, да племянникъ у него Шмырка Семеновъ; (вд.) Первушка Насроковъ да Елизарко Пестеревъ; (вд.) Гаврилко Тюриковъ съ дѣтьми съ Теркомъ, Петрушкою

Сдѣлаемъ теперь такія же наблюденія въ болѣе широкомъ масштабѣ, привлекая къ нимъ цѣлыя волости. Устьянская Соденская волость по писцовой книгѣ 1645 г. состояла изъ 26 деревень, въ которыхъ считалось 200 крестьянскихъ и 8 бобыльскихъ дворовъ. До насъ дошли избирательные приговоры —„выборы“ схода этой волости, т. е. постановленія объ избраніи должностныхъ лицъ волостного управленія за 1644 и слѣдующіе три года. Эти избирательные протоколы пишутся изъ году въ годъ по одной и той же формѣ. Въ началѣ поименное перечисленіе крестьянъ избирателей съ сотскимъ и старостой церковнымъ во главѣ; за этимъ перечисленіемъ слѣдуетъ во всѣхъ протоколахъ обычная формула: „да и всѣ крестьяне Соденской волости излюбили есми и выбрали“ и т. д. Допустимъ принятое предположеніе, что обозначенные въ протоколѣ крестьяне—именно тѣ избиратели, которые фактически были членами схода, и сравнимъ личный составъ Соденской волости по писцовой 1645 г. съ именами, обозначенными въ избирательномъ спискѣ 2 февраля того же 1645 г. Этимъ совпаденіемъ книги и протокола по времени исключается возможность предполагать какія-либо перемѣны въ личномъ составѣ волости за время между обоими документами, какъ это могло имѣть мѣсто въ предыдущемъ случаѣ. При избраніи земскихъ властей на сходѣ 1645 г. въ волости дѣйствуетъ личный составъ, который мы находимъ и въ книгѣ. При этомъ оказывается, что и здѣсь передъ нами не поголовный сходъ всѣхъ дворохозяевъ волости, а только нѣкоторое своеобразное представительство отъ деревень. На сходѣ присутствовало кромѣ сотскаго истекшаго года Богдана Евсевьева и церковнаго старосты Аксака Іевлева еще 45 рядовыхъ крестьянъ. Изъ этого числа только для 6 именъ мы не могли найти соотвѣтствующихъ именъ въ писцовой книгѣ, очевидно, потому, что будучи обозначены въ „выборѣ“ житейскими прозвищами: напр. Суморокъ Ѳедоровъ, Старикъ Посниковъ, Ѳедоръ Рыковановъ и т. п., нѣкоторые крестьяне названы въ книгѣ христіанскими именами и отчествами и наоборотъ. Остальныя 41 имя совпадаютъ съ именами книги. Такимъ образомъ отъ 200 дворовъ явилось всего 47 представителей, считая въ томъ числѣ и должностныхъ лицъ истекшаго года. Деревня не въ полномъ составѣ дворохозяевъ является на волостной сходъ, а высылаетъ на него представителя. Вотъ напр. деревня Васильевская на Сѣкеринскомъ ручьѣ. По книгѣ въ ней 4 двора, и ея личный составъ по дворамъ слѣдующій: „(во дворѣ) Онтонко Тимоѳеевъ сынъ Ширшевъ; (вд.) Безсонко Михайловъ сынъ Распопинъ; (вд.) Пахомко Сергѣевъ сынъ Григорьевъ; (вд.) Ларко, прозвище Нечайко Абрамовъ сынъ Володимеровъ, у него три сына: Аѳонка, Микитка, Евсейка, у Аѳонки сынъ Ивашко“. Послѣдняго изъ названныхъ дворохозяевъ—Нечая Абрамова мы и видимъ

и Сысойкою“. Деревня Туровская значится уже и въ книгѣ 1623—25 г. Тогда она принадлежала Ольгѣ Строгановой, была населена ея половниками и по „десятной“ въ составъ волостки Н. Ѣденги не входила. По книгѣ 1646 г. она принадлежитъ, какъ видимъ, гостю Б. Булгакову.

на волостномъ сходѣ. Это былъ человѣкъ, очевидно, уже не молодой, отецъ троихъ дѣтей и имѣлъ уже внука.—Вотъ другая деревня: „Шеломова на ручью на Жеравлевѣ“. Въ ней 5 дворовъ съ такимъ личнымъ составомъ: „(вд.) Логинко да Михалко Павловы дѣти Маркова; (вд.) Митка Прохоровъ сынъ Неклюдовъ, у него сынъ Аѳонка; (вд.) Никонко Петровъ сынъ Мякшинъ, у него сынъ Якушко; (вд.) Гришка Сидоровъ сынъ Маркова, у него сынъ Климка, у Климка два сына: Куземка да Ивашка; (вд.) Артюшка Ивановъ сынъ Ергинъ, у него два сына, Андрюшка да Осипко“. Представителемъ деревни на сходѣ является Григорій Сидоровъ, также, видимо, почтенный человѣкъ, имѣющій внучатъ. Третій примѣръ. Деревня Холмъ, а Горка тожъ, на рѣчкѣ Рузѣ въ 1645 г. состояла изъ слѣдующихъ лицъ: (вд.) Парѳенко Артемьевъ сынъ Ананьинъ, у него два сына: Тимошка и Юшка; (вд.) Олферка Григорьевъ Осколковъ; (вд.) Ѳаддейка Якимовъ сынъ Дмитріевъ; (вд.) Павликъ Евсевьевъ Скрипинъ“. Представителемъ деревни оказался П. Ананьинъ, также самый „семьянистый“ человѣкъ деревни, отецъ двоихъ взрослыхъ дѣтей. Изъ остальныхъ поименованныхъ въ этихъ деревняхъ крестьянъ никого нѣтъ на сходѣ [1]).

Избраніе деревней своего представителя на волостной сходъ было несомнѣнно результатомъ взаимнаго соглашенія дворохозяевъ, обходилось безъ всякихъ формальностей и, разумѣется, не могло оставлять какихъ либо слѣдовъ на бумагѣ. По приведеннымъ примѣрамъ можно думать, что отъ деревни посылались на сходъ семейные, вѣроятно, наиболѣе уважаемые люди. Болѣе крупныя деревни—а въ Соденской волости деревни вообще были для сѣвера многодворны, имѣли въ среднемъ по 76 дворовъ на каждую и встрѣчались деревни съ 10, 12 и 13 дворами—высылали отъ себя на сходъ двухъ, трехъ, даже четырехъ крестьянъ. Такъ напр. изъ деревни Ивашевской Верхней, состоявшей изъ 9 дворовъ, на сходѣ было двое, изъ деревни Евсевьевской съ 11-ю дворами—трое; четверыхъ представителей выслала деревня Ивашевская Нижняя, состоявшая изъ 12 дворовъ. Отъ двора шелъ на сходъ одинъ членъ, обыкновенно глава семейства; но встрѣчаемъ случай въ деревнѣ Обуховой, когда жившіе въ одномъ дворѣ складники—оба оказываются на сходѣ [2]). Членами схода являются только крестьяне. Въ 1645 г. въ Соденской волости было 8 бобыльскихъ дворовъ; ни одного бобыля мы не встрѣчаемъ на сходѣ. Не всѣ деревни посылаютъ своихъ представителей. Изъ 26 деревень въ 1645 г. пять не были представлены на избирательномъ сходѣ.

Но, можетъ быть, всетаки перечисляемыя въ мірскихъ приговорахъ имена не были имена фактическихъ участниковъ схода, а вносились въ приговоръ только для указанія тѣхъ лицъ, которыя при выборахъ являлись

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 510, лл. 61 об., 104 об., 91, 53—109; Ср. Пр. Д. 1643 № 37, л. 44—45. Выборъ Соденской волости 1645 г. 2 февр.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 510, л. 74: „(вд.) Тимошка Ермолинъ сынъ Якимовъ, у него два сына: Михалко да Патрикѣйко; да Якимко Савинъ сынъ Медвѣдевъ, у него два сына: Андрюшка да Алешка“.

поручителями за избранниковъ или на которыхъ вообще возлагалась отвѣтственность за принятое на сходѣ рѣшеніе? Какъ извѣстно, отвѣтственность выборныхъ земскихъ должностныхъ лицъ передъ государствомъ въ случаѣ ихъ несостоятельности переносилась съ нихъ на ихъ избирателей. Если бы это дѣйствительно было такъ, если бы имена вносились заочно, только съ цѣлью указать отвѣтственныхъ лицъ, независимо отъ состава фактически собравшагося схода, то очевидно, что списокъ именъ получилъ бы непремѣнно формальный характеръ, повторялся бы въ близкихъ другъ къ другу по времени приговорахъ одного и того же міра подобно тому, какъ повторяется въ нихъ самый текстъ, передающій самое содержаніе приговора. Въ каждый приговоръ рутинно и формально вписывался бы одинъ и тотъ же циклъ именъ, самое большее съ тѣми незначительными измѣненіями, которыя вызывались бы перемѣнами въ личномъ составѣ волости, напр. смертью или выходомъ изъ волости. Между тѣмъ имена, вносившіяся въ приговоры, мѣняются значительно даже на разстояніи одного года. Возьмемъ напр. избирательный приговоръ той же Соденской волости на 1646 г.[1]). Въ немъ перечень рядовыхъ крестьянъ избирателей короче, чѣмъ въ предыдущемъ—41 имя, не считая сотскаго и старосты, тогда какъ въ предыдущемъ приговорѣ—45. Изъ этого числа избирателей—29 тѣ же, которые занесены и въ приговоръ 1645 года и 12 новыхъ. Такъ что представительство отъ деревень въ значительной мѣрѣ, почти на четверть состава, измѣнилось; на одинъ сходъ деревня высылала одного изъ своихъ членовъ, на другой—другого, мѣняя даже при этомъ количество представителей. Такъ деревня Павловская[2]) высылала на избирательный сходъ 1645 г. двухъ крестьянъ: Порфирія Игнатьева Ширшева и Ивана Макарова Мануилова. На такой же сходъ 1646 года она выслала также двухъ своихъ членовъ: одинъ былъ тотъ же Иванъ Макаровъ Мануиловъ, но вмѣсто Порфирія Игнатьева Ширшева былъ посланъ Аѳанасій Романовъ Ширшевъ. Деревня Якушевская[3]) на сходъ 1645 года по-

---

[1]) Пр. Д. 1643 № 37, л. 69—70.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 510, (писц. 1645 г.), л. 61 об. „Дер. Павловская, а Онтрошевская тожъ, на Сѣкериномъ ручью, а въ ней крестьянъ: (вд.) Игнашко Романовъ сынъ Ширшевъ, у него три сына: Кирилка, Петрушка да Ивашко; (вд.) Аѳонка Романовъ сынъ Ширшевъ, у него сынъ Ивашко да внукъ Ивашко Лукьяновъ Ширшевъ; (вд.) Ѳедка Тимоѳеевъ Ширшевъ, у него сынъ Игнашко; (вд.) Перфилка Игнатьевъ сынъ Ширшевъ, у него сынъ Игнашко; (вд.) Ивашко Макаровъ Мануиловъ, у него два сына: Калинка да Андрюшка“.

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 510, л. 78: Дер. Якушевская на р. Соденгѣ: (вд.) Давыдко Карповъ сынъ Михеевъ, у него сынъ Игнашка; (вд.) Пронка Ермолинъ сынъ Лоскутовъ, у него сынъ Никонко; (вд.) Ивашко Мелентьевъ Осиповъ, у него два пасынка: Бориско да Ульянко Елисѣевы дѣти Порошина; (вд.) Ефимко да Онтошка, да Еремка Савельевы дѣти Ершова; (вд.) Сенка да Пахомка, да Ивашка Овдокимовы дѣти Дружинина, да зять ихъ Ларка Кузьминъ сынъ Клепининъ; (вд.) Сенка Ермолинъ сынъ Лоскутовъ, у него три сына: Обакумко, Самоилко да Тимошка; (вд.) Микитка Олферовъ сынъ Григорьевъ“.

сылала трехъ крестьянъ: Давыда Карпова, Ивана Мелентьева Осипова и Ларіона Кузьмина. На слѣдующій годъ—только двухъ: того же Давыда Карпова и новаго, Семена Ермолина Лоскутова. Составъ именъ въ избирательномъ протоколѣ той же Соденской волости 1647 г. опять иной[1]). Здѣсь кромѣ троихъ должностныхъ лицъ: сотскаго, цѣловальника и церковнаго старосты, названо 44 рядовыхъ крестьянина. Изъ нихъ 22 участвовали на обоихъ предыдущихъ сходахъ, 4 участвовали на сходѣ 1645 г. и, не бывъ на сходѣ 1646 г., вновь появляются на сходѣ 1647 г.; 7 участвовали на сходѣ 1646 г. и 11 явились впервые на сходѣ 1647 г. Представительство мѣнялось въ деревняхъ такъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Деревня Якушевская, выславшая на сходъ 1646 г. двухъ крестьянъ: Давыда Карпова и Семена Ермолина Лоскутова, на сходъ 1647 г. выслала также двухъ: все того же Давыда Карпова, но вмѣсто Семена Ермолина Лоскутова былъ посланъ, очевидно, его братъ Прокофій (Пронка) Ермолинъ Лоскутовъ, также одинъ изъ дворохозяевъ деревни. Перемѣны касались и самихъ деревень, высылавшихъ представителей. Деревня, представителя которой не видимъ на первыхъ двухъ сходахъ, посылаетъ его на третій, какъ и наоборотъ на третьемъ сходѣ не представлены деревни, представители которыхъ встрѣчаются на первыхъ двухъ сходахъ.

Совершенно тѣ же результаты даетъ наблюденіе надъ сходами другой Устьянской волости—Чушевицкой. По описанію 1645 г. въ ней значилось 18 деревень съ 133 исключительно крестьянскими дворами. Представительство этихъ деревень на трехъ избирательныхъ волостныхъ сходахъ, собиравшихся для избранія должностныхъ лицъ въ 1645, 1646 и 1647 гг., выражается послѣдовательно цифрами: 34, 25 и 43, не считая какъ должностныхъ лицъ заканчивающагося года, упоминаемыхъ всегда въ началѣ избирательныхъ приговоровъ, такъ и избранниковъ на предстоящій годъ. Не всѣ деревни представлены на сходахъ; отъ двухъ деревень: дер. Плоскаго на р. Вагѣ и дер. Пихтеникъ на рѣчкѣ Палевицѣ мы не встрѣтили представителя ни на одномъ изъ трехъ сходовъ[2]). Представленныя деревни высылаютъ не одинаковое число представителей и мѣняютъ иногда для каждаго схода какъ самыхъ представителей, такъ и число ихъ. Такъ напр. изъ деревни Хорошово[3]) на сходъ 1645 г. отправлялся одинъ крестьянинъ И. И. Долгой; на сходъ слѣдующаго 1646 г. къ нему присоединился Б. И.

---

[1]) Пр. Д. 1643 № 37, л. 89—90.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 510, лл. 570, 751. Ср. Пр. Д. 1643 № 37, л. 42—43; 65—66, 77—78.

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 510, л. 553 об.: „Дер. Хорошово на рѣчкѣ на Волковицѣ: (вд.) Бориско Ильинъ сынъ Муравинъ; (вд.) Ивашко Ивановъ сынъ Долгой, у него сынъ Илюшка, да пасынокъ его Пронка Семеновъ сынъ Рогозинъ; (вд.) Анфиногенко, прозвище Макидонко, Оксеновъ сынъ Шмаковъ да пасынокъ его Терешка Корниловъ сынъ Шабановъ; (вд.) Ивашко Аѳанасьевъ сынъ Веденинъ, у него сынъ Пронка; (вд.) Ортюшка Юрьевъ сынъ Ѳедотовъ, у него сынъ Симанко; (вд.) Онашка, прозвище Баженко, Семеновъ сынъ Ѳедишинъ".

Муравинъ; на сходъ 1647 г. къ этимъ двумъ еще примкнулъ И. А. Веденинъ. Отъ деревни Мерзоулово[1]) Гр. Г. Шипуновъ и И. Т. Кузнецъ были на первомъ и на третьемъ сходахъ и не были на второмъ, а П. Фалелеевъ былъ на первыхъ двухъ сходахъ и не былъ на третьемъ. Деревня Прилукъ,[2]) состоящая изъ 16 дворовъ, на первый сходъ выслала двухъ представителей: Власа Өедотова и Аөанасья Петрова, на второй одного А. Петрова, а на третій—пятерыхъ и притомъ все новыхъ. Деревня Ковда[3]) съ 13 дворами на сходъ 1645 г. выслала представителями двухъ своихъ жителей: Ив. П. Прокофьева и Насона Ив. Байдакова; на сходъ 1646 г. только одного—Найдена Ив. Байдакова, брата Насона; на сходъ 1647 г. одного опять новаго—Завьяла Фролова. Въ избирательномъ протоколѣ Чушевицкой волости 1647 г.[4]) значатся вмѣстѣ съ двумя должностными лицами истекшаго 1646 года и съ двумя избранными вновь всего 47 крестьянъ. Изъ нихъ на всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ сходахъ фигурировало 12 человѣкъ, па первыхъ двухъ—4, на второмъ и на третьемъ 3, на первомъ и па третьемъ 7, только на первомъ 15, только на второмъ 4 и наконецъ новыхъ, впервые на третьемъ сходѣ появившихся, было 24 человѣка.

Тотъ же характеръ представительства мы замѣтимъ и въ другихъ Устьянскихъ волостяхъ: Чадромской, Пежемской, Ростовской и Введенскомъ стану, если будемъ сравнивать ихъ избирательные протоколы за тѣ же годы съ данными писцовой книги 1645 г. Къ тѣмъ же выводамъ приводитъ и сравненіе приговоровъ волостныхъ сходовъ Сольвычегодскаго уѣзда, избиравшихъ въ 1645 г. цѣловальниковъ къ писцамъ[5]), съ сольвычегодскою писцовою книгою 1645 г.[6]). Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ деревни гораздо малодворнѣе устьянскихъ, въ среднемъ имѣютъ по 2в дв. на деревню, и далеко не въ такой степени представлены на сходахъ. Такъ напр. въ волости Антропьевой слободѣ при 93 селеніяхъ съ 257 крестьянскими и половничьими дворами на избирательномъ сходѣ 1645 г. было не считая должностныхъ лицъ всего 20 крестьянъ, изъ которыхъ довольно значительная часть зажиточные люди, судя по тому, что кромѣ своихъ участковъ они снимаютъ еще чужіе почему либо опустѣвшіе участки или пускаютъ на свою землю половниковъ. Эти 20 человѣкъ „во всѣхъ крестьянъ

---

[1]) Ibid. л. 555. „Дер. Мерзоулово, а Пихтина Гора тожъ, на р. Вагѣ: (вд.) Гришка Гавриловъ сынъ Шипуновъ; (вд.) Ивашко Трофимовъ сынъ Кузнецъ, у него сынъ Корнилко; (вд.) Архипко, прозвище Поздѣйко, Фалелеевъ сынъ Калапышинъ, у него два сына: Гришка да Власко; (вд.) Савка да Сидорко Ульяновы дѣти Шипунова; (вд.) Ермолка Трофимовъ сынъ Комоловъ, у него сынъ Васка; (вд.) Савостьянко, прозвище Дружинка, Вахрамѣевъ сынъ Носковъ, у него сынъ Микифорко; (вд.) Михалко Ильинъ сынъ Комоловъ, у него сынъ Микифорко да племянникъ Якушко Өедоровъ сынъ Комоловъ“;

[2]) Ibid. л. 541 об.

[3]) Ibid. л. 564.

[4]) Пр. Д. 1643 № 37, л. 77—78.

[5]) Пр. Д. 1645 № 47.

[6]) Арх. мин. юст. писц. кн. 451, 452.

мѣсто Антропьевы слободы“ и выбрали требуемыхъ цѣловальниковъ[1]). Въ томъ же уѣздѣ въ Ильинскомъ приходѣ Вилегодской волости при 33 селеніяхъ съ 65 дворами крестьянскими и половничьими на такомъ же сходѣ 1645 г. участвовало 13 человѣкъ[2]).

Измѣнчивость именъ, которую можно наблюдать въ близкихъ другъ къ другу по времени приговорахъ волостного міра, служитъ указаніемъ на то, что, во-первыхъ, въ приговоры вносились имена дѣйствительныхъ участниковъ сходовъ, фактически на нихъ присутствовавшихъ и что, во вторыхъ, составъ схода былъ въ значительной мѣрѣ перемѣнчивымъ. Правда, встрѣчаемъ свидѣтельства о томъ, что бывали случаи, когда эти имена вносились въ актъ приговора волостными властями заочно. Попадаются экземпляры приговоровъ, гдѣ на мѣстѣ списка именъ оставлены пробѣлы, которые, очевидно, впослѣдствіи должны были заполниться именами. Можетъ быть, это объясняется такъ, что участникамъ схода велся предварительный черновой списокъ, который затѣмъ и переписывался набѣло въ составленный протоколъ схода, для чего въ протоколѣ и оставлялось пустое мѣсто[3]). Но есть и прямыя указанія на заочное внесеніе именъ. Такъ въ 1642 г. нѣкоторые крестьяне Устьянской Пежемской волости жаловались на своего бывшаго земскаго судью Филку Боровикова, что онъ, Филка, провелъ на слѣдующій годъ въ земскіе судьи своего зятя незаконнымъ образомъ, выбравъ его при помощи близкаго и зависимаго круга своихъ родственниковъ, друзей и должниковъ, „не всѣми крестьяны, своимъ родомъ и племенемъ, и совѣтники, и должными своими людьми“. Имена избирателей писались въ выборный списокъ заочно по произволу судьи. „А иныхъ крестьянъ“, писали жалобщики, „тотъ Филка велѣлъ писать въ выборъ... дьячку. И писалъ де тотъ дьячекъ крестьянъ въ выборъ не по ихъ крестьянскому велѣнью“[4]). Крестьяне Варженской волости Устюжскаго уѣзда при разслѣдованіи о злоупотребленіяхъ волостныхъ властей, производившемся спеціально командированнымъ въ уѣздъ стольникомъ, жаловались, что эти власти и группировавшійся около нихъ вліятельный кружокъ пишутъ въ приговоры мірскихъ людей заочно, а руки подъ приговоромъ вмѣсто нихъ велятъ прикладывать волостному попу. Спрошенный по этому поводу попъ подтвердилъ, что, дѣйствительно, „какъ у мірскихъ людей бываютъ въ мірскихъ дѣлахъ и въ сборѣхъ приговоры, и въ тѣ приговоры крестьянъ пишутъ, зачѣмъ не прилучатся тѣ крестьяне, заочно, потому что де они бываютъ въ отъѣздѣ или на сходъ не сойдутся, и къ такимъ приговорамъ по ихъ крестьянскому переводу (уполномочію) онъ, попъ, заочно руки прикладывалъ“. Но обвиняемыя волостныя власти и сборщики съ своей стороны заявляли тому же стольнику, что они „въ приговоры мірскихъ людей заочно не писывали, а вписывали де они мір-

---

1) Пр. Д. 1645 № 47.

2) Пр. Д. 1645 № 47, лл. 5—7. Ср. Арх. мин. юст. писц. кн. 451, 452.

3) См. напр. Пр. Д. 1636 № 6.

4) Пр. Д. 1642 № 159, л. 2.

скихъ людей въ тѣ приговоры крестьянъ всѣхъ *налицо*", т. е. вписывали наличныхъ крестьянъ, явившихся на сходъ. Во всякомъ случаѣ заочное вписываніе, хотя бы оно и практиковалось, считалось злоупотребленіемъ, и заявленіе обвиняемыхъ указываетъ на нормальный порядокъ, который заключался въ занесеніи въ приговоръ схода именъ налично присутствующихъ на сходѣ крестьянъ[1]). Вполнѣ поэтому можно думать, что перечень именъ въ приговорѣ есть перечень дѣйствительно явившихся на сходъ крестьянъ; на злоупотребленіе при составленіи списка можно смотрѣть какъ на исключеніе, подтверждающее правило, и притомъ оно было именно поддѣлкой подъ нормальный порядокъ.

Итакъ, на волостномъ сходѣ мы видимъ представительство отъ деревень, составляющихъ волость. Деревня, а иногда группа нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень, посылала на сходъ того или другого изъ своихъ членовъ, который намѣчался по взаимному соглашенію дворохозяевъ, имѣвшихъ, конечно, въ виду разнаго рода практическіе расчеты и удобства при назначеніи уполномоченныхъ. Эти уполномоченные на сходѣ и постановляли рѣшенія, дѣйствуя отъ имени всѣхъ крестьянъ, „во всѣхъ крестьянъ мѣсто". Иногда въ приговорахъ встрѣчаемъ оговорку о лицахъ, не принимавшихъ участія въ рѣшеніи, потому что они были ограничены въ правахъ лишеніемъ права участвовать на мірскомъ сходѣ, какому подвергались враги міра, такъ называемые „міропродавцы и ябедники". Въ приговорахъ Устьянскаго Введенскаго стана за 30-е годы XVII в. послѣ перечисленія именъ крестьянъ, участвовавшихъ на сходѣ, и формулы „да и всѣ крестьяне Введенскаго стану" находится оговорка „опроче міропродавца Герасимка Шаляпина". Этотъ міропродавецъ одно время былъ по мірской челобитной выселенъ изъ Введенскаго стана, но потомъ добилъ челомъ Введенскому міру и былъ имъ принятъ вновь, однако съ ограниченіемъ, заключавшимся въ томъ, что, какъ показывали мірскіе люди, „его, Герасимка, въ выборы судецкіе всѣмъ міромъ не принимаютъ за его воровство"[2]). Точно такъ же въ избирательномъ приговорѣ Пежемской волости на 1644 г. встрѣчаемъ оговорку: „окромя Ивана Худякова съ товарищи въ пяти человѣкахъ"[3]). Въ приговорѣ схода Варженской волости Устюжскаго уѣзда 13 окт. 1654 г., которымъ постановлено было предприпять переверстку податей между деревнями съ цѣлью болѣе справедливаго ихъ уравненія: „поверстать межъ собою въ Варженской волости всѣ деревни вытнымъ письмомъ прямо вправду, съ тяжелые снять, а на легкую прибавить", за обычнымъ для каждаго приговора перечнемъ именъ волостныхъ властей: сотскаго и цѣловальника, затѣмъ четырехъ „выборныхъ людей", составлявшихъ избранную сходомъ комиссію для производства этой переверстки, наконецъ 39 рядовыхъ крестьянъ и послѣ формулы „и во всѣхъ крестьянъ мѣсто", слѣдуетъ оговорка: „кромѣ тѣхъ, кои вытнымъ письмомъ

---

1) Пр. Д. 1652 № 101.
2) Пр. Д. 1636 № 16, л. 111—114; Пр. Д. 1637 № 66; 1640 № 59.
3) Пр. Д. 1641 № 30.

легки". Возможно представить себѣ, что группа лицъ, легко обложенныхъ податью и несочувствовавшихъ предполагавшемуся рѣшенію схода, отказалась па немъ участвовать или покинула собраніе, и потому и появилась въ приговорѣ такая оговорка. Несмотря па неполноту состава сходъ все же постановилъ приговоръ и передалъ его земскому цѣловальнику для исполненія [1]).

Право участія на волостномъ сходѣ давало владѣніе землею въ предѣлахъ волости. Вотъ почему непашенные бобыли на сходахъ участія не принимали и не бывали представителями деревень, въ которыхъ жили, слѣдовательно пассивнымъ правомъ при деревенскихъ выборахъ не пользовались. Трудно сказать, пользовались ли они активнымъ правомъ, т. е. привлекались ли однодеревенцами къ этимъ соглашеніямъ о посылкѣ деревенскаго депутата на волостной сходъ. Но пашенные бобыли, явленіе крайне рѣдкое на сѣверѣ, приравнивались, очевидно, къ крестьянамъ и являлись на сходъ. Въ Устьянской Чадромской волости былъ поселокъ пашенныхъ церковныхъ бобылей, ютившійся на церковной землѣ при волостной церкви св. Николая чудотворца и состоявшій по книгѣ 1645 г. изъ 17 жилыхъ и 3 пустыхъ дворовъ. Трехъ изъ этихъ пашенныхъ бобылей мы встрѣчаемъ на чадромскомъ волостномъ избирательномъ сходѣ 1645 г. наряду съ крестьянами.[2]) Не замѣтно также на волостныхъ сходахъ и половниковъ. Послѣднихъ было довольно много въ 1640-хъ годахъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, гдѣ они снимали землю не только у видныхъ богатѣевъ изъ торговыхъ людей, но и у простыхъ крестьянъ; однако на сходъ являются хозяева тѣхъ участковъ, которые сняты половниками. Такъ какъ приходскія церкви владѣли обыкновенно земельными участками, то на волостномъ сходѣ въ качествѣ ихъ представителей участвовали иногда священники, а по большей части церковные старосты, которыхъ напр. обыкновенно видимъ на избирательныхъ сходахъ въ Устьянскихъ волостяхъ.

---

[1]) Пр. Д. 1652 № 101. „Се язъ сотскій Исакъ Ѳедоровъ, цѣловальникъ Иванъ Харитоновъ, да выборные люди Баженъ Юрьевъ, Иванъ Соболевъ, Иванъ Митрофановъ, Иванъ Леонтьевъ да крестьяне: Василій Обуховъ, Баженъ Лукинъ, (слѣдуютъ еще 37 именъ) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто кромѣ тѣхъ, кои вытнымъ письмомъ легки, написали есми межъ собою сей приговоръ въ томъ, что намъ крестьяномъ поверстать межъ собою въ Варженской волости всѣ деревни вытнымъ письмомъ прямо вправду по государеву крестному цѣлованію вправду (sic), другу не дружить, а недругу не мстить, съ тяжелые снять, а на легкую прибавить, и написать списокъ вытному письму и отдать цѣловальнику за поповскою и за крестьянскими руками. А сверхъ того намъ вытнаго письма не переводить. А отдали мы мірскіе люди сей приговоръ земскому цѣловальнику Ивану Харитонову сыну Боброву. На томъ мы и приговоръ дали. Приговоръ писалъ по мірскому велѣнью земскій дьячекъ Ѳедка Семеновъ. Лѣта 7163 октября въ 13 д. Къ сему приговору по мірскому велѣнію богословскій попъ Зиновій Васильевъ руку приложилъ." Слѣдуютъ еще 5 рукоприкладствъ.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 510, лл. 113, 114. Ср. Пр. Д. 1643 № 37, лл. 47—48.

Точно такъ же по владѣнію землею на волостныхъ сходахъ могли принимать участіе и посадскіе люди, и представители монастырей. Такъ въ Заборской волости Сольвычегодскаго уѣзда, состоявшей по книгѣ 1645 г. всего изъ 7 деревень, на избирательномъ сходѣ, избиравшемъ въ 1646 г. цѣловальниковъ къ писцамъ, дѣйствовавшимъ въ то время въ уѣздѣ, участвовало 4 крестьянина и 5 посадскихъ людей устюжанъ, владѣвшихъ деревнями въ этой волосткѣ [1]). На избирательномъ сходѣ Сухонскаго Нововышлаго стана въ Устюжскомъ уѣздѣ въ 1636 г. участвуетъ среди крестьянъ „чернецъ Никандръ", очевидно, представитель какого либо изъ монастырей, владѣвшихъ тамъ землею [2]). Въ составленномъ по тому же случаю избирательномъ спискѣ округа Пятницкаго сельца, наполненнаго владѣніями церквей и видныхъ устюжскихъ посадскихъ фамилій, перечислены: игуменъ Троицкаго Гледенскаго монастыря „съ братіею", гостиной сотни Никифоръ Ревякинъ, А. Ю. Усовъ, С. Я. Усовъ, богословскіе попы Мокій да Иванъ, двое церковныхъ старостъ церквей Пятницы Парасковеи и Симеона Столпника: П. Д. Котельниковъ и М. Исаковъ. Всѣ эти лица „во всѣхъ крестьянъ мѣсто" и выбрали требуемыхъ цѣловальниковъ [3]).

Каковъ былъ порядокъ разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ на волостномъ сходѣ? Выше было указано, что едва ли сходъ дѣйствовалъ подъ какимъ либо предсѣдательскимъ руководствомъ, безъ котораго обходятся и теперешніе крестьянскіе мірскіе сходы. Въ общемъ этотъ порядокъ былъ по всей вѣроятности сходенъ съ порядкомъ обсужденія и рѣшенія дѣлъ на современныхъ намъ сельскихъ сходахъ, такъ хорошо описанныхъ изслѣдователями крестьянскаго быта. При обсужденіи дѣла на сходѣ высказывались различныя мнѣнія, происходило конечно разногласіе: „иные приговаривали, а иные не приговаривали", какъ выразился о сходѣ 5 іюня 1670 г. въ Утмановской волости Устюжскаго уѣзда одинъ изъ его участниковъ, не считавшій его приговора законнымъ въ виду малолюдства на сходѣ и въ виду обнаружившагося разногласія и отказавшійся поэтому скрѣпить приговоръ своимъ рукоприкладствомъ [4]). Но, разумѣется, не производилось никакого счета голосовъ, дѣло рѣшалось единогласно, и къ этому единогласію, вѣроятно, направляло сходъ вліяніе наиболѣе авторитетныхъ его членовъ или волостныхъ властей, какъ это происходитъ и въ наши дни. Иные сходы получали бурный характеръ; разыгрывалась борьба отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ партій, вспыхивали и разгорались страсти. Раздоры въ мірахъ, прорывавшіеся на сходахъ, влекли за собою челобитья и жалобы уѣздному воеводѣ и въ Москву и вмѣшательство правительства въ земскія дѣла. О такихъ явленіяхъ на сходахъ мы скажемъ подробно впослѣдствіи, когда будемъ изучать отношеніе земскаго самоуправленія на сѣверѣ къ мѣстной и приказной администраціи.

---

[1]) Пр. Д. 1646 № 48.
[2]) Прилож. V № 16.
[3]) Пр. Д. 1646 № 48.
[4]) Пр. Д. 1652 № 101.

Рѣшеніе, къ которому приходилъ сходъ и которое подсказывалось вліятельными лицами, заносилось въ приговоръ. Въ концѣ приговора подписывался земскій дьячекъ—секретарь волости, писавшій его „по мірскому велѣнію". Затѣмъ приговоръ скрѣплялся рукоприкладствами. Обыкновенно прикладывалъ руку приходскій волостной попъ „въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто"; иногда нѣсколько священниковъ, если въ волости было нѣсколько приходовъ. Вслѣдъ за попомъ прикладывали руки нѣкоторые обыкновенно очень немногіе изъ членовъ схода. Участіе на сходахъ и рукоприкладство подъ мірскими приговорами разсматривалось въ сѣверныхъ мірахъ какъ свидѣтельство о безупречномъ поведеніи и о почетномъ положеніи лица, участвовавшаго на сходахъ и подписывавшаго мірскіе приговоры. Торговый человѣкъ Лальскаго городка Семенъ Бобровскій, владѣвшій землею въ Андреевской волости Сольвычегодскаго уѣзда, жалуется на враждебную ему группу изъ 7 лицъ въ Андреевскомъ волостномъ міру, горлановъ и ябедниковъ, какъ онъ ихъ называетъ, что они его съ сыномъ облиховали и обезчестили направленнымъ противъ него челобитьемъ и затѣмъ указываетъ, что онъ съ сыномъ люди честные, никакого дурна за собою не знаютъ и ранѣе въ сольвычегодскомъ посадѣ и въ Андреевской волости бывали у всякихъ государевыхъ и у мірскихъ дѣлъ и руки свои къ счетнымъ спискамъ и къ выборамъ прикладывали"[1]).

Любопытно, что хотя земскіе міры были организаціями публично-правового характера и въ силу этого ихъ значенія ихъ приговоры были обязательны для всѣхъ членовъ міра, однако наряду съ такими приговорами мы иногда встрѣчаемъ другіе, облекающіеся въ форму частныхъ договоровъ между участниками схода, такъ что ихъ обязательность выходитъ какъ будто изъ частнаго соглашенія, а не изъ публичныхъ правъ міра. Отличительной особенностью такой договорной формы приговора является упоминаніе въ немъ свидѣтелей, въ присутствіи которыхъ приговоръ написанъ и которые скрѣпляютъ его своимъ рукоприкладствомъ. Присутствіе свидѣтелей указываетъ на возможность впослѣдствіи судебныхъ исковъ между участниками договора со ссылкою на упомянутыхъ свидѣтелей. Такую форму имѣетъ напр. приговоръ схода волостки Нижней Еденги объ избраніи сборщика съ порученіемъ ему собрать съ двора по полтинѣ[2]). Въ этомъ случаѣ можно еще впрочемъ видѣть частное соглашеніе 8 деревень. Но въ такую же форму договора облеченъ напр. приговоръ Колнобойской волости Чарондской округи, которымъ поименованныя въ началѣ приговора лица[3]) „да и всѣ крестьяне" этой волости сдѣлали

---

[1]) Пр. Д. 1639 № 45.

[2]) См. стр. 201, примѣч.

[3]) Пр. Д. 1627 № 71, л. 5: „Се язъ Мартьянъ Ивановъ сынъ и въ брата своего мѣсто Пятого Иванова, да Ѳедоръ Михайловъ, да Аѳанасій Ѳедоровъ, да Микула Филипповъ, да Иванъ Ефимовъ, да Оксенъ Кузьминъ, да Меншикъ Дмитріевъ, да Михайло Автономовъ, да Левонтій Кириловъ и въ брата своего мѣсто Данила Кирилова, да Антонъ Филипповъ и въ дѣтей своихъ

рядъ постановленій относительно ходатайства о пустыхъ деревенскихъ участкахъ, какіе могли оказаться по производившемуся тогда въ волости дозору А. Я. Дашкова и о порядкѣ пользованія ими, именно: просить пустые участки на льготу и въ оброчное держаніе тому изъ крестьянъ, кто могъ бы ихъ засѣять; другъ у друга ихъ не перебивать; возвращать эти покинутые участки ихъ прежнимъ владѣльцамъ, если таковые появятся—условіе, обыкновенно встрѣчающееся въ данныхъ, выдававшихся волостями на пустые участки. На частно—правовой характеръ приговора указываютъ: опредѣленіе неустойки на случай неисполненія кѣмъ либо договора и указаніе свидѣтелей заключенной сдѣлки. Въ приговорѣ встрѣчаемъ и другое отличіе отъ публично-правовыхъ приговоровъ. При перечисленіи именъ въ началѣ акта при именахъ двухъ лицъ находятся оговорки: „и въ брата своего мѣсто“, а третье лицо упомянуто „и въ дѣтей своихъ мѣсто“. Эти оговорки указываютъ на представительство частныхъ интересовъ обозначенныхъ братьевъ и дѣтей, а не публичныхъ интересовъ волости въ цѣломъ, какъ совокупности деревень, отъ которыхъ являются депутаты на волостные сходы. Посредствомъ этихъ оговорокъ братья двухъ названныхъ въ перечнѣ лицъ и дѣти третьяго становятся соучастниками заключеннаго договора, хотя впрочемъ въ немъ участвуютъ, какъ сказано въ актѣ, „всѣ крестьяне“. Самый договоръ названъ не приговоромъ, а „записью“ составленной „полюбовно“. Привычка заключать договоры товарищества, пріобрѣтаемая въ деревенскомъ складничествѣ и въ товарищескихъ союзахъ, въ какіе входили отдѣльныя деревни и ихъ группы, переносилась затѣмъ и въ волостныя отношенія, проявлялась въ волостныхъ приговорахъ, облекавшихся въ форму частно-правовыхъ соглашеній.

Волостной міръ, какъ уже приходилось говорить, въ однихъ случаяхъ представлялъ изъ себя организацію, непосредственно возвышавшуюся

мѣсто, да Филиппій Тимоѳеевъ, да Григорій Ермоловъ, да Михайло Ѳедоровъ, да Филиппій Правотарховъ да и всѣ крестьяне Колнобойской волости черныхъ деревень уложили есмя промежъ собою запись полюбовно въ томъ, что бити челомъ царю государю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи о бѣдности своей о пустыхъ земляхъ и его государеву дозорщику Аксентью Яковлевичу Дашкову да подьячему Григорью Рукавову, что запишутъ у насъ въ Колнобойской волости пустыхъ государевыхъ земель. И буде кто насъ можетъ симяна снадобитца (sic), и намъ о тѣхъ земляхъ бити челомъ царю государю и в. кн. Михаилу Ѳедоровичу в. Р. и прошати тѣхъ земель на льготу и на урочные оброки. А другъ намъ у друга тѣхъ пустыхъ земель не имати оприче Ивашковскіе четвертухи да Гридкинскаго осмака. И будетъ кто насъ учнетъ изъ деревни въ деревнѣ (sic) тѣ пустыя земли имати на льготу и на оброкъ, а отъ вотчинниковъ тѣхъ земель не отводити. И буде кто насъ учнетъ мимо вотчинниковъ имать, на томъ по сей записи пятнадцать рублевъ. На то послуси: Докучай Остафьевъ да Василей Ивановъ Колнобойскіе волости крестьяна. А запись писалъ Колнобойскіе волости церковный дьячекъ Михалко Автономовъ. Лѣта 7125 авг. въ 7 день“. На обор.: „Къ сей записи преображенскій попъ Иванъ руку приложилъ въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто“.

надъ деревенскими союзами; иногда же между деревней и волостнымъ міромъ вдвигались среднія организаціи: волостка, приходы и др., также бывшія особыми земскими мірками. Соотвѣтственно этому и волостной сходъ въ небольшихъ, недробившихся волостяхъ былъ собраніемъ, такъ сказать, перваго порядка, на которое посылались уполномоченные непосредственно отъ деревень. Въ сложныхъ волостяхъ волостной сходъ былъ уже собраніемъ второго порядка, которое поглощало собою сходы мелкихъ мірковъ и санкціонировало ихъ дѣйствія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ членамъ волости приходилось дѣйствовать въ двухъ этажахъ мірской организаціи, посылая депутатовъ сначала на сходъ волостки, затѣмъ на общій волостной сходъ. Такъ напр. Введенскій станъ въ Устьянскихъ волостяхъ распадался на четыре волостки или, какъ онѣ назывались, „сошки“, бывшія въ то же время и приходами: Шангальскую, Никольскую, Введенскую и Дмитріевскую. Въ каждой изъ сошекъ собирается свой сходъ, постановленія котораго простираются, разумѣется, только до предѣловъ сошки. Органомъ всего стана является общій становой сходъ. До насъ дошелъ документъ, позволяющій въ подробностяхъ разглядѣть избирательную дѣятельность сходовъ въ такихъ случаяхъ. Кивокурскій станъ Устюжскаго уѣзда состоялъ изъ 5 волостокъ и одной слободки. Въ 1627 г. въ стану производились выборы общестановой коллегіи разрубныхъ цѣловальниковъ; но выборы этихъ общестановыхъ цѣловальниковъ „во весь Кивокурскій станъ“ разверстывались по волосткамъ и производились дважды послѣдовательно на двухъ сходахъ. Одна изъ этихъ волостокъ, Ракульская, на своемъ сходѣ избрала цѣловальника, котораго и отправила на становой сходъ вмѣстѣ съ депутатами волостки. Туда же направленъ былъ и списокъ именъ избирателей ракульскаго схода, чтобы земскій дьячекъ внесъ ихъ въ общій становой приговоръ. Затѣмъ состоялся общестановой сходъ, на которомъ „всѣ крестьяне Кивокурскаго стана излюбили“ представленнаго волосткой цѣловальника[1]).

Но и волостной міръ въ свою очередь былъ только среднею ступенью въ томъ іерархическомъ союзѣ земскихъ организацій, въ который сомкнулась общественная жизнь на сѣверѣ. Надъ волостнымъ міромъ высился уѣздный съ его органомъ—„всеуѣзднымъ совѣтомъ“, къ изученію устройства котораго мы теперь и обратимся.

---

[1]) Пр. Д. 1628 № 59.

Глава XIV.

Всеуѣздный земскій совѣтъ.

Волостные міры съ посадскимъ міромъ, гдѣ былъ посадъ, во главѣ, а гдѣ его не было и безъ него, составляли союзъ высшаго порядка, уѣздное общество, также называемое въ актахъ „міромъ". Выше было уже указано на соціальное единеніе сѣверныхъ посадовъ съ уѣздами, дѣлавшее незамѣтной ту границу между ними, которая болѣе рѣзко чувствовалась въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства, гдѣ посадъ былъ разобщенъ съ дворянско-крѣпостнымъ населеніемъ уѣзда. На сѣверѣ посадъ съ волостями уѣзда образуютъ единый, хотя и сложный по составу, земскій міръ. Объ этомъ общеніи посада съ уѣздомъ свидѣтельствуютъ постоянно встрѣчаемыя въ памятникахъ выраженія: напр. „подавали челобитную за руками посадомъ и всѣмъ Усольскимъ уѣздомъ"[1]. „На Устюгѣ Великомъ, усовѣтовавъ всѣмъ Устюгомъ посадомъ и Устюжскимъ уѣздомъ", какъ читаемъ въ одномъ постановленіи устюжскаго уѣзднаго міра, „написали есмя сію одиначную (запись) со всего мірского совѣту..... послать посыльщиковъ къ Москвѣ... сколько міромъ изволятъ съ мірскими челобитными за руками о всякихъ о мірскихъ нужахъ, о чемъ міромъ усовѣтуютъ"[2].

Внѣшнимъ выразителемъ единства уѣзднаго міра былъ тотъ органъ, въ которомъ этотъ міръ проявлялъ свою волю—„всеуѣздный земскій совѣтъ" или „всеземскій совѣтъ", какъ онъ называется иногда въ памятникахъ. Совѣтъ этотъ устраивался на началахъ представительства. Подобно тому какъ въ волостномъ сходѣ можно видѣть собраніе представителей отъ деревень, составлявшихъ волость, точно такъ же на всеуѣздный съѣздъ собирались представители волостей, составлявшихъ уѣздъ. Если поголовный сходъ не всегда возможенъ былъ въ волости, то онъ совершенно, разумѣется, невозможенъ былъ въ такой огромной по пространству областной единицѣ, какъ сѣверный уѣздъ, и тамъ, гдѣ акты говорятъ о собраніи

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 22.

[2]) Пр. Д. 1635 № 21, л. 56—62.

всѣхъ волостей крестьянъ на всеуѣздный съѣздъ, надо именно подразумѣвать только представителей волостей.

Не о всѣхъ уѣздныхъ съѣздахъ мы имѣемъ одинаково ясныя свѣдѣнія. Въ однихъ случаяхъ документы даютъ лишь общія указанія на такіе съѣзды; въ другихъ они позволяютъ довольно детально познакомиться съ составомъ съѣзда. Намъ не удалось совсѣмъ найти свѣдѣній объ уѣздахъ Кольскомъ, Кевролъскомъ и Мезенскомъ; въ первомъ изъ нихъ едва ли и можно предполагать какое либо всеуѣздное собраніе вслѣдствіе его чрезвычайной обширности, разбросанности отдѣльныхъ волостей, малолюдства и разрозненности между русскимъ и лопарскимъ населеніемъ. Въ Заонежьѣ, какъ извѣстно, не было въ XVII в. посада, который бы служилъ центромъ, объединяющимъ вокругъ себя Заонежскіе погосты и состоящимъ во главѣ ихъ. Общій съѣздъ представителей погостовъ не имѣлъ поэтому постояннаго пункта для своихъ собраній. Въ 1647 г. правительство, отмѣняя воеводское управленіе въ Заонежьѣ, предписывало старостамъ и цѣловальникамъ погостовъ „учинить срокъ собраться на станъ, гдѣ пригожъ, всѣхъ Заонежскихъ погостовъ крестьянамъ“, которымъ и должна была быть объявлена царская грамота о состоявшейся отмѣнѣ воеводъ[1]). Кажется, наиболѣе обычнымъ мѣстомъ всеуѣздныхъ собраній Заонежья, „станомъ“, на который собирался всеуѣздный съѣздъ, служилъ Оштинскій погостъ. Сюда и былъ собранъ съѣздъ для выслушанія грамоты. „И мы, сироты“, писали заонежцы въ Москву, „всѣхъ Заонежскихъ погостовъ со всѣхъ четырехъ становъ старостишка и волостные люди собралися на станъ на Ошту и тѣ твои, государевы.... грамоты приняли и твое, государево, жалованье въ народѣ вычитали[2])“. Ранѣе здѣсь именно происходила встрѣча новыхъ воеводъ. Въ 1644 г. пріѣхалъ въ Заонежскіе погосты новый воевода кн. Петръ Хилковъ, „и къ его пріѣзду на станъ на Ошту пришли изо всѣхъ Заонежскихъ погостовъ старосты и волостные люди“[3]). По указаніямъ приведенныхъ документовъ можно заключить, что въ составъ Заонежскаго съѣзда входили представители погостовъ въ лицѣ погостскихъ старостъ и особыхъ уполномоченныхъ, которыхъ и слѣдуетъ подразумѣвать подъ упоминаемыми въ текстахъ „волостными людьми“.

Изъ того, что Лопскіе погосты въ 1649 г. обращались въ Москву съ ходатайствомъ о сохраненіи за ними правъ, установленныхъ данною имъ жалованною грамотой, слѣдуетъ заключать о съѣздѣ представителей этихъ погостовъ, на которомъ вырабатывалось это ходатайство[4]).

Въ Каргопольскомъ уѣздѣ въ каждой изъ тѣхъ двухъ обширныхъ частей, на которыя уѣздъ дѣлился, собирался особый съѣздъ. По крайней мѣрѣ въ 1630 г. Турчасовскій станъ посылаетъ въ Москву ходатайство

---

[1]) Пр. Д. 1643 № 41.
[2]) Пр. Д. 1647 № 41.
[3]) Пр. Д. 1647 № 26.
[4]) Пр. Д. 1649 № 103.

объ освобожденіи его отъ повинности участвовать въ постройкѣ „города", т. е. укрѣпленій въ Каргополѣ; вырабатывать это ходатайство, очевидно, долженъ былъ общій съѣздъ стана. Но каргопольцы, какъ можно видѣть изъ того же ходатайства, настаиваютъ на постройкѣ укрѣпленій съ привлеченіемъ къ этой повинности и Турчасовскаго стана „всею Каргопольскою землею", и для предварительнаго обсужденія и подготовки этого дѣла, если ихъ домогательство будетъ уважено, очевидно долженъ будетъ собраться съѣздъ всей Каргопольской земли, т. е. представители всѣхъ волостей Каргопольскаго уѣзда[1]). Всеуѣздныя челобитныя Двинскаго уѣзда подписывались четырьмя земскими старостами, денежными сборщиками холмогорскихъ посадовъ и сотскими двинскихъ волостей; эти лица и составляли, повидимому, съѣзды Двинской земли, на которыхъ разсматривались и принимались такія челобитныя[2]). Въ уставной грамотѣ вологодскаго и великопермскаго архіепископа Варлаама, данной имъ жителямъ Яренскаго уѣзда послѣ 1632 г., читаемъ: „И какъ случится Яренскаго городка уѣзднымъ старостамъ и мірскимъ людемъ съ Вычегды, съ Плеса, и съ Вымп, и съ Удоры для какихъ мірскихъ дѣлъ быти въ Яренскомъ городкѣ въ съѣздѣ"—слова, которыми несомнѣнно обозначается всеуѣздный земскій съѣздъ Яренскаго уѣзда[3]). О такомъ же земскомъ съѣздѣ Хлыновскаго уѣзда свидѣтельствуетъ грамота изъ Новгородской четверти вятскому воеводѣ 1622 г., гдѣ говорится, чтобы онъ, воевода, „Хлыновскаго городка посадскимъ и волостнымъ людемъ велѣлъ выбрать изъ посадскихъ и волостныхъ лучшихъ и досужихъ людей, кому они всѣмъ посадомъ и уѣздомъ вѣрятъ", въ счетчики, т. е. въ ревизіонную комиссію, которая должна была обревизовать дѣятельность хлыновскаго земскаго старосты, возбуждавшаго противъ себя неудовольствіе міра. Эти выборы, конечно, могли быть произведены на уѣздномъ съѣздѣ[4]). Есть указаніе на отдѣльные сходы тяглыхъ и оброчныхъ крестьянъ въ Хлыновскомъ уѣздѣ. На первый собирались представители тяглыхъ становъ уѣзда, на второй представители оброчныхъ, и каждый сходъ выбиралъ особаго старосту[5]). Въ Устьянскихъ волостяхъ такъ же, какъ и въ Заонежскихъ погостахъ, не было посадскаго центра, который бы служилъ постояннымъ мѣстомъ для собраній волостныхъ представителей. Въ 1634 г. Устюжская четверть предписывала для рѣшенія вопроса объ устройствѣ яма въ Чушевицѣ и распредѣленія ямской повинности между волостями „на тотъ Чушевицкій ямъ изо всѣхъ Устьянскихъ волостей земскимъ судейкамъ и старостамъ, и цѣловальникамъ въ Чушевицкую волость съѣхаться изъ волости человѣка по два или по три"[6]). Съѣздъ этотъ тогда не состоялся, такъ какъ устройство

---

1) Пр. Д. 1630 № 94.
2) Пр. Д. 1601 № 3.
3) А. Ю. Б. I № 62.
4) Пр. Д. 1622 № 20.
5) Пр. Д. 1628 № 64.
6) Пр. Д. 1633 № 37.

яма и увеличеніе повинностей, имъ вызываемыхъ, встрѣчало враждебное отношеніе въ волостяхъ. Въ слѣдующемъ 1635 г. въ Устьянскія волости для переписи дворовъ по случаю сбора даточныхъ людей, а также по разнымъ дѣламъ и между прочимъ по дѣлу объ устройствѣ яма были командированы дворянинъ Д. Овцынъ и подьячій И. Окатовъ. Пріѣхавъ туда 5 Іюня и остановившись въ Шангалѣ на стану, они послали по всѣмъ Устьянскимъ волостямъ разсыльщиковъ „къ земскимъ судейкамъ и къ старостамъ, и къ цѣловальникамъ, и ко всѣмъ крестьянамъ, чтобъ земскіе судейки, и старосты, и цѣловальники, и всѣ крестьяне, сколько человѣкъ изъ волости мочно быть, шли въ Шангальскую волость на станъ къ твоей государевѣ грамотѣ... и къ твоему государеву наказу, слушать", какъ доносилъ Овцынъ въ своей отпискѣ въ Москву. Съѣздъ состоялся только черезъ двѣ недѣли. „И іюня жъ въ 18 день", продолжаетъ та же отписка, „Устьянскихъ всѣхъ волостей земскіе судейки, старосты и цѣловальники, и лучшіе крестьяне въ Шангалу на станъ къ твоей государевѣ грамотѣ и къ наказу пришли, и.. грамоты и наказу слушали" [1]). 2 іюля дворянинъ съ подьячимъ разослали опять разсыльщиковъ по волостямъ съ повѣсткой на новый съѣздъ, назначивъ его на этотъ разъ въ Пежемской волости по вопросу о сборѣ оброчныхъ денегъ и денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ. Съѣздъ не состоялся, крестьяне, писалъ Овцынъ, оказались непослушны, на съѣздъ не поѣхали, въ оброчныхъ и въ стрѣлецкихъ деньгахъ отказали, подводъ разсыльщикамъ не дали, да еще хотѣли посажать ихъ воду и ни съ какимъ государевымъ дѣломъ къ себѣ ѣздить не велѣли, говоря при этомъ, что „хотя де и тѣ пріѣдутъ, кто васъ посылаетъ, и мы де тѣхъ посажаемъ съ вами же въ воду" [2]). Кромѣ самой цѣли съѣзда, не сулившей имъ въ разсматриваемомъ случаѣ ничего добраго, крестьяне, вѣроятно, затруднялись собираться такъ часто, какъ этого хотѣлось бы Овцыну, благодаря дальности разстоянія, раздѣлявшаго волости, которыя „по займищамъ врознь стоятъ на трехстахъ верстахъ", какъ говорили устьянцы въ челобитныхъ, характеризуя географическое положеніе своихъ волостей [3]). Въ 1647 г. собирался опять общеволостной съѣздъ въ Шангалѣ по случаю пріѣзда новаго правительственнаго агента, дворянина Ѳ. Чаплина, присланнаго въ волости все по тому же тянувшемуся дѣлу объ устройствѣ Чушевицкаго яма. Вопросъ опять вызвалъ сильное возбужденіе, поднялись прежнія страсти и раздоры, съѣздъ раскололся. Представители волостей Соденской, Чадромской и Введенскаго стана отказались строить ямъ и придя ко двору, гдѣ остановился Чаплинъ, „скопомъ и заговоромъ", обступили избу, „лаяли" его и грозили убить. Напротивъ представители волостей Пежемской, Ростовской и Чушевицкой согласились на постройку, въ скопѣ участія не приняли и урезонивали бунтовщиковъ словами: „полно де и того кнутья, что насъ отъ вашего заводу билъ Микита Те-

---

1) Пр. Д. 1633 № 37.
2) Пр. Д. 1633 № 37.
3) Пр. Д. 1643 № 33.

лѣгинъ", припоминая этими словами жестокую расправу, произведенную дворяниномъ Н. Телѣгинымъ надъ волостями, оказавшими сопротивленіе производившейся въ 1635 г. переписи дворовъ. Въ приведенныхъ случаяхъ, какъ видимъ, общеволостные съѣзды созывались въ Устьянскихъ волостяхъ командировавшимися туда по разнымъ дѣламъ правительственными агентами. Собирались ли они помимо воздѣйствія правительственной власти по собственной земской иниціативѣ? Тѣ общественныя ходатайства, которыя подавались царю коллективно всѣми волостями, заставляютъ предполагать и общеволостные съѣзды, которые должны были собираться для выработки и обсужденія такихъ ходатайствъ, а также для избранія мірскихъ посыльщиковъ, отвозившихъ челобитныя съ ходатайствами въ Москву. Но едва ли въ Устьянскихъ волостяхъ общеволостные съѣзды были развиты и могли практиковаться часто. Придти къ такому заключенію даетъ поводъ отсутствіе единаго центра, какимъ въ другихъ уѣздахъ былъ посадъ, и отсутствіе объединяющаго исполнительнаго органа въ родѣ существовавшаго въ другихъ уѣздахъ „всеуѣзднаго старосты", который созывалъ уѣздные съѣзды и для выбора котораго они ежегодно должны были собираться. Частому собранію съѣздовъ не могла также не мѣшать дальность разстоянія, на которомъ были разбросаны волости [1]).

Въ Важскомъ уѣздѣ съѣзды собирались по четвертямъ, на которыя дѣлился уѣздъ. Во главѣ четверти стоялъ четвертной староста, а судебныя функціи отправлялъ четвертной земскій судья, которые, очевидно, и избирались на съѣздѣ четверти. Каждая четверть ведетъ свое финансовое хозяйство, вопросы котораго должны были обсуждаться на такихъ же съѣздахъ. Такъ напр. Шенкурская четверть строила и содержала соборныя церкви Благовѣщенія и св. Архангела Михаила въ Шенкурскомъ острогѣ; содержаніе этихъ церквей и было однимъ изъ предметовъ, входившихъ въ компетенцію съѣзда Шенкурской четверти. Но четвертные съѣзды не устраняли собою и съѣздовъ всей Важской земли. Въ 1640 г. важскій воевода затѣялъ строить въ Шенкурскѣ „городъ" всею Важскою землею. Это намѣреніе вызвало тревогу въ населеніи уѣзда; явилась мысль поднести воеводѣ „поминокъ" и тѣмъ предотвратить возникшій у него замыселъ, грозившій жителямъ Ваги немалымъ увеличеніемъ отбываемаго ими тягла. Кокшенскій четвертной староста посылаетъ повѣстку по волостямъ своей четверти о сборѣ денегъ на этотъ поминокъ и о высылкѣ депутатовъ изъ волостей въ Шенкурскъ; „а людей бы есте", пишетъ онъ въ повѣсткѣ, „посылали ко мнѣ съ волостей больше, чтобъ было людно", извѣщая при этомъ, что „съ иныхъ четвертей добрѣ людно приходятъ крестьяне". Такимъ образомъ въ Шенкурскъ собирались представители всѣхъ четвертей Важской земли [2]).

Смутное время, когда престолъ поколебался, когда мѣстнымъ земствамъ пришлось усиленно поддерживать и даже создавать правительство, вызвало и усиленную практику всеуѣздныхъ собраній, къ которымъ и пе-

---

1) Пр. Д. 1644 № 39.

2) Д. А. И. IV № 142; Р. И. Б. XIV, 382, 398.

реходятъ функціи государственной власти, въ то время какъ центральная верховная власть изчезла. Начались усиленныя сношенія между земствами, подготовлявшими средства для освобожденія родины и для возстановленія разрушеннаго государственнаго порядка. Такія возвышенныя цѣли вызываютъ дружную дѣятельность общественныхъ классовъ мѣстности, и по своему составу [1]) всеуѣздныя земскія собранія времени Смуты очень напоминаютъ общегосударственный земскій соборъ. Это какъ-бы земскіе соборы въ миніатюрѣ. Въ мартѣ 1611 г. изъ Чердыни отправляются къ Москвѣ 50 ратниковъ въ ополченіе Московскому государству на помощь, „на разорителей вѣры христіанскіе, на богоотступниковъ и на польскихъ, и на литовскихъ людей". Ихъ снаряжаютъ и отправляютъ „Перми Великіе, Чердыни игумены и попы, и дьяконы, и весь освященный соборъ, воевода И. И. Чемодановъ да подьячій Пятой Филатовъ, и чердынскіе посадскіе и Чердынскаго уѣзду старосты и цѣловальники, и всѣ земскіе лучшіе и середніе, и молодшіе люди". Освященный соборъ мѣстнаго духовенства, служилые чины правительственной администраціи, посадъ и представители уѣзднаго населенія въ лицѣ выборныхъ старостъ и цѣловальниковъ—таковъ составъ этого мѣстнаго земскаго собора [2]). То же единеніе общественныхъ классовъ можно наблюдать и въ первые годы послѣ Смуты. Въ Москвѣ дѣйствуетъ общеземскій соборъ, въ областяхъ собираются мѣстные земскіе соборы, которые и берутъ на себя всѣ тягости по устроенію государства. Такія собранія созываются, между прочимъ, комиссіями, посылавшимися отъ общегосударственнаго земскаго собора на мѣста для сбора тѣхъ чрезвычайныхъ налоговъ, къ которымъ тогда приходилось прибѣгать. Такъ въ 1615 г. для сбора такого 20% налога [3]) прибыла въ Сольвычегодскъ комиссія изъ трехъ лицъ: архимандрита Спасо-Каменнаго монастыря Питирима, С. Жеребцова и Б. Губина, которая и распорядилась „собрать у Соли архимаритовъ и игуменовъ, и протопоповъ, и поповъ, и усольскихъ посадскихъ людей, и уѣздныхъ крестьянъ лучшихъ и середнихъ, и молодшихъ всѣхъ". Когда собраніе открылось, архимандритъ съ товарищами передали ему грамоты отъ царя и земскаго собора, которыя и были оглашены. Выслушавъ грамоты, мірскіе люди, какъ доносила комиссія въ Москву, изъявили на новый налогъ согласіе, сказавъ: „воленъ Богъ да государь и съ нами, что у кого есть живота, ради давати"; избрали изъ своей среды окладчиковъ изъ посадскихъ и волостныхъ людей и вручили комиссіи избирательные протоколы, „выборы" на нихъ. Комиссія пріѣхала въ Сольвычегодскъ 2 сентября, выборы окладчиковъ были покончены 5-го. По той быстротѣ, съ которою былъ собранъ и дѣйствовалъ

---

[1]) См. переписку земствъ въ А. Э. II № 94, 100, 102, 110, 112 и др.

[2]) А. Э. II № 181, 188.

[3]) „Кто можетъ отъ живота своего и промыслу на 100 рублевъ, и съ того взяти пятую долю 20 рублевъ, а кто можетъ больше или меньше, и съ того взяти по тому жъ по расчету. Пр. Д. 1615 № 1, л. 50 и сл.

этотъ уѣздный съѣздъ, можно заключать, что онъ не былъ какою либо чрезвычайною новостью, а былъ привычнымъ явленіемъ въ уѣздѣ.

Уѣздные земскіе съѣзды дѣйствуютъ втеченіе всего XVII в. Довольно подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ о такихъ собраніяхъ въ уѣздахъ Сольвычегодскомъ, Устюжскомъ, Тотемскомъ, Чердынскомъ и въ Чарондской округѣ. Указанія на такіе съѣзды постоянно мелькаютъ въ актахъ. Такъ напр. тотемскій воевода въ своей отпискѣ въ Москву жалуется, что тотмичи „посадскіе люди и уѣздные волостные посыльщики, которые къ Семеню дни Лѣтопроводца (къ 1 сентября) пришли на Тотьму"—не выбрали ямскихъ старостъ, выбора которыхъ отъ тотемскаго съѣзда, онъ, воевода, требовалъ. Чарондскій воевода сообщаетъ въ Москву, что командированный на Чаронду слѣдователь по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, „въ татиныхъ и разбойныхъ дѣлахъ сыщикъ П. Полѣновъ", пріѣхалъ туда какъ разъ въ то время, когда на Чарондѣ „для государева дѣла и для цѣловальничьихъ выборовъ въ государевы службы были изъ волостей старосты и крестьяне на съѣздѣ".—„Какъ я службу отслужилъ", пишетъ сольвычегодскій ямской староста, избранный въ эту должность на годъ, „и послѣ году со всѣхъ волостей цѣловальники и посыльщики къ Соли на посадъ съѣхались". Этотъ съѣздъ провѣрялъ отчетность, представленную старостой[1]) и т. д. Но помимо такихъ общихъ случайныхъ указаній, есть и цѣлыя категоріи документовъ, позволяющихъ детально познакомиться съ составомъ съѣздовъ. Это прежде всего сохранившіеся приговоры съѣздовъ, которые обыкновенно излагались письменно и скрѣплялись рукоприкладствами членовъ съѣзда. „Словесные приговоры" считались уклоненіемъ отъ нормальнаго порядка, и исполнительныя дѣйствія выборныхъ мірскихъ властей по такимъ „словеснымъ" распоряженіямъ міра разсматривались какъ служебныя упущенія. Въ 1634 г. противъ бывшаго устюжскаго земскаго судьи Ив. Завалина былъ возбужденъ, какъ это нерѣдко случалось, частный искъ объ убыткахъ, причиненныхъ его неправильными дѣйствіями по службѣ. На допросѣ въ приказѣ Устюжской четверти Завалинъ сказалъ, что онъ исполнялъ словесный приговоръ міра, „что приговорили мірскіе люди и приказали ему, Ивашку, словесно", причемъ онъ и самъ призналъ, что поступилъ въ этомъ случаѣ неправильно: „и въ томъ де онъ, Ивашко, виноватъ, что послушалъ мірского словеснаго приказу, а письменнаго приговору за ихъ мірскихъ людей руками не взялъ"[2]). Одни изъ этихъ приговоровъ содержатъ въ себѣ постановленія уѣзднаго міра по разнообразнымъ дѣламъ, рѣшеніе которыхъ входило въ компетенцію этого міра, другіе представляютъ собою „выборы", т. е. акты избранія на разнаго рода всеуѣздныя мірскія должности.[3])

---

[1]) Пр. Д. 1639 № 45; Пр. Д. 1626 № 41, л. 14—17; Пр. Д. 1632 № 36.

[2]) Пр. Д. 1634 № 29, л. 27 и сл.

[3]) См. напр. Пр. Д. 1632 № 30: приговоръ сольвычегодскаго уѣзднаго съѣзда о счетѣ ямского старосты 1630 г. во всеуѣздныхъ деньгахъ; Пр. Д. 1634 № 29, л. 11—18: приговоръ устюжскаго съѣзда о мірскихъ займахъ и

Другой разрядъ памятниковъ, позволяющихъ иногда разсмотрѣть составъ всеуѣзднаго съѣзда—это челобитныя, ходатайства, представлявшіяся правительству отъ уѣздныхъ земскихъ міровъ, въ безчисленномъ количествѣ сохранившіяся среди бумагъ Новгородскаго приказа и Устюжской четверти. Челобитныя эти иногда составлялись всеуѣздными мірскими властями и только по внѣшней формѣ писались отъ имени всего земскаго міра; но несомнѣнно, что важнѣйшіе вопросы, которыхъ челобитныя касались, были предметомъ предварительнаго обсужденія на уѣздныхъ съѣздахъ. Въ такихъ случаяхъ челобитная совпадала съ приговоромъ съѣзда; особаго приговора не писалось, а рѣшеніе съѣзда излагалось прямо въ челобитной, съ которой съѣздъ къ правительству обращался.—Указанія на составъ съѣзда даютъ въ обѣихъ этихъ категоріяхъ документовъ, т. е. въ приговорахъ и въ челобитныхъ: во-первыхъ, перечень лицъ, постановившихъ рѣшеніе или обращающихся съ ходатайствомъ, какъ это было и въ волостныхъ приговорахъ, сопровождающійся формулой: „и во всѣхъ Соли Вычегодской, тотмичъ и т. п. посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ мѣсто"; во-вторыхъ, рукоприкладства, которыми скрѣплены тѣ и другіе документы. Правда, сравнивая въ одномъ и томъ же актѣ перечень съ рукоприкладствами, можно иногда замѣтить, что они не совсѣмъ совпадаютъ: встрѣчаются въ рукоприкладствахъ лица, не указанныя въ перечнѣ, и наоборотъ, въ перечнѣ видимъ лицъ, подписей которыхъ потомъ не найдемъ въ рукоприкладствахъ; эта разница можетъ быть объяснена неисправностью перечней, которые не могли точно отображать составъ съѣзда, все же измѣнчивый въ разные моменты времени. Съѣздъ могъ тянуться довольно долго. Въ 1639 г. волостные посыльщики Тотемскаго уѣзда, какъ доносилъ воевода, пріѣхали на Тотьму къ 1 сентября и оставались тамъ до 24 сентября, такъ что сессія этого тотемскаго уѣзднаго съѣзда продолжалась болѣе трехъ недѣль [1]). За это время въ его личномъ составѣ могли происходить нѣкоторыя перемѣны: подъѣзжали его члены, запоздавшіе къ открытію съѣзда и прикладывали руки къ актамъ, составленнымъ до ихъ пріѣзда,

---

разверсткахъ денегъ для уплаты по нимъ; Пр. Д. 1635 № 21, л. 56—62: „списокъ съ одинашной памяти слово въ слово", см. стр. 223; Пр. Д. 1639 № 45: приговоръ тотемскаго съѣзда о наймѣ ямщиковъ; Пр. Д. 1636 № 81: заемная кабала чердынскаго уѣзднаго міра о займѣ у чердынскаго воеводы 100 рублей на мірскіе расходы. *Выборы* см. напр. Пр. Д. 1649 № 74. Сольвычегодскъ, выборъ таможеннаго и кабацкаго головы; Пр. Д. 1627 № 27. Устюгъ В., выборъ цѣловальниковъ для сбора и отвоза въ Москву данныхъ и оброчныхъ денегъ; Пр. Д. 1638 № 34. Устюгъ В., выборъ таможеннаго головы въ городъ Мангазею; Пр. Д. 1649 № 76. Тотьма, выборъ подьячаго для отвоза стрѣлецкихъ денегъ въ Москву; Пр. Д. 1614 № 2, л. 5—6. Чаронда, выборъ подьячихъ; л. 7—8: выборъ земскаго старосты. Ср. *Сениговъ,* Памятники земской старины, стр. 249—253.

[1]) 1639 № 45: „И волостные, государь, посыльщики пріѣхали на Тотьму въ нынѣшнемъ въ 148 г. и жили сентября съ 1-го числа да сентября жъ по 24 число".

въ личный перечень которыхъ опи, слѣдовательно, не могли быть включены; наоборотъ, другіе члены могли уѣхать, не дождавшись конца съѣзда и, будучи включены въ перечень акта, не успѣвали скрѣпить его подписью. Между рѣшеніемъ съѣзда и изготовленіемъ приговора, вѣроятно, проходилъ нѣкоторый промежутокъ времени; между изготовленіемъ приговора и его подписаніемъ—новый, и можетъ быть, не малый промежутокъ. Есть извѣстія, что приговоры послѣ съѣзда разсылались по волостямъ и подписывались уже на мѣстахъ; такъ напр. хлыновскій земскій староста посылалъ земскаго сторожа въ 1678 г. „съ выборомъ", т. е. съ избирательнымъ приговоромъ объ избраніи земскаго челобитчика, „прикладывать мірскимъ людемъ руки" [1]). Этимъ промежуткомъ времени, отдѣлявшимъ составленіе приговора отъ его подписанія, производившагося притомъ на мѣстахъ, и объясняется, почему прикладывали руки представители волостей, неупомянутыхъ въ перечнѣ, а отъ волостей упомянутыхъ—другія лица, въ перечнѣ неназванныя. Въ общемъ однако подписи обыкновенно совпадаютъ съ именами, указанными въ перечнѣ и такимъ образомъ могутъ служить указателями лицъ, составлявшихъ уѣздное собраніе; если же нѣкоторыя лица вносились въ перечень заочно или прикладывали къ приговору руки, на самомъ дѣлѣ не бывъ на собраніи, то въ этомъ отступленіи отъ дѣйствительности надо видѣть лишь подтвержденіе правила. Такой приговоръ изображаетъ съѣздъ не въ томъ составѣ, какъ онъ въ дѣйствительности происходилъ, а въ томъ, въ какомъ онъ съ точки зрѣнія составителей приговора долженъ былъ происходить, и въ такихъ случаяхъ мы все же можемъ дѣлать заключенія о нормальномъ составѣ съѣздовъ.

Наконецъ, есть третій рядъ документовъ, дающихъ свѣдѣнія о составѣ всеуѣздныхъ земскихъ съѣздовъ. Это исковыя челобитныя къ всеуѣздному міру, подававшіяся отдѣльными лицами, обыкновенно различными выборными мірскими агентами: старостами, цѣловальниками, посыльщиками, челобитчиками и др., почему либо считавшими свои интересы нарушенными со стороны міра неисполненіемъ обязательствъ, принятыхъ на себя по отношенію къ нимъ міромъ и изложенныхъ въ актѣ ихъ избранія, напр. когда міръ поручалъ своимъ выборнымъ занимать деньги на мірскія нужды и выдавать кабалы, а потомъ ихъ изъ этихъ кабалъ не выручалъ, когда міръ не уплачивалъ имъ условленнаго вознагражденія и т. п. Искъ къ уѣздному міру возбуждался въ лицѣ тѣхъ его представителей, которые были поименованы въ перечнѣ или въ рукоприкладствахъ приговора, которые „приговорили и приговоръ написали, и руки къ приговору приложили" [2]) и которые поэтому являлись за исполненіе приговора отвѣтственными „во всѣхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто". Такія столкновенія міровъ съ собственными выборными агентами бывали очень часты, и архивы управлявшихъ сѣверомъ московскихъ приказовъ полны ихъ взаимными жалобами. Очевидно, что челобитныя съ жалобами на міръ,

---

[1]) Труды Вятской Арх. Комиссіи 1905 г. вып. V—VI, отд. 2, стр. 51.
[2]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 22—23.

перечисляя мірскихъ представителей, повторяютъ перечни и рукоприкладства приговоровъ, и поэтому также даютъ указанія на составъ съѣздовъ[1]).

Опираясь на всѣ указанныя выше категоріи документовъ, попытаемся вскрыть составъ представительства на всеуѣздныхъ съѣздахъ. Прежде всего о самомъ основаніи представительства. Несомнѣнно, единеніе уѣзда, какъ организаціи, поддерживалось связями, въ значительной мѣрѣ возникавшими изъ общности землевладѣльческихъ, хозяйственныхъ интересовъ, изъ совладѣнія и совмѣстной эксплуатаціи различныхъ угодій. Подобно тому какъ деревни, совладѣвшія лугами, лѣсомъ или рыбными ловлями, связывались и объединялись въ волость, волости, точно такъ же являвшіяся совладѣльцами угодій, напр. обширнаго лѣса или большой рѣки, связывались въ высшую единицу—уѣздъ. И волость изъ деревень, и уѣздъ изъ волостей складывались именно подъ воздѣйствіемъ этихъ хозяйственныхъ отношеній. Эти землевладѣльческіе интересы и должны были служить основаніемъ представительства на всеуѣздныхъ съѣздахъ. На съѣздъ должны были собираться представители землевладѣльцевъ уѣзда. Но въ еще большей мѣрѣ объединяющимъ элементомъ для уѣздной организаціи сдѣлалось казенное тягло, неразрывно связанное съ землевладѣніемъ. Если слѣдить за дѣятельностью всеуѣздныхъ совѣтовъ, то можно видѣть, что вопросы тягла занимаютъ на нихъ рѣшительно первое мѣсто, далеко оставляя за собою позади всѣ другіе вопросы и интересы. Тягло становится наиболѣе прочной связью изъ тѣхъ, которыми уѣздный міръ скрѣпляется. Тягло же и служитъ основою представительства. Знаменательна въ этомъ отношеніи оговорка, сдѣланная при одномъ рукоприкладствѣ подъ мірскимъ ходатайствомъ Устюжскаго уѣзднаго міра. Иванъ Якимовъ Усовъ, сольвычегодскій посадскій человѣкъ, представитель одной изъ богатѣйшихъ сольвычегодскихъ коммерческихъ фамилій, подписываясь подъ ходатайствомъ и написавъ свое имя, продолжаетъ: „по платежу своихъ деревнишекъ въ Устюжскомъ уѣздѣ", какъ бы объясняя, почему онъ, сольвычегодецъ, подписывается подъ актомъ устюжскаго міра. Право на участіе въ устюжскомъ міру даетъ ему съ его точки зрѣнія не самое владѣніе деревнями въ Устюжскомъ уѣздѣ, а платежъ съ нихъ тягла[2]). Уѣздный съѣздъ и состоитъ изъ представителей общественныхъ организацій, распредѣляющихъ между собою падающее на уѣздъ тягло. На немъ мы встрѣчаемъ представителей духовенства, поскольку оно владѣетъ землею, обложенною тягломъ; затѣмъ представителей посада и волостныхъ міровъ.

---

[1]) См. напр. Пр. Д. 1627 № 65: жалоба выборнаго ямщика К. С. Чашкова на сольвычегодскій уѣздный міръ; Пр. Д. 1628 № 72: искъ выборныхъ ямщиковъ П. Л. Телятева и Н. Н. Меланьина къ тому же міру; Пр. Д. 1627 № 67, л. 22—23; Пр. Д. 1655 № 52: искъ С. Пинегина къ устюжскому міру, не расплатившемуся съ нимъ по выданнымъ имъ отъ имени міра кабаламъ; Пр. Д. 1631 № 36: искъ М. Кубасова, И. И. Литвинова и Т. Памфилова, посылавшихся по мірскому выбору въ Москву съ деньгами и съ мірскими челобитными, къ тотемскому уѣздному міру и др.

[2]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 136—137.

Присутствіе духовенства мы уже отмѣчали на земскихъ совѣтахъ въ Чердыни и въ Сольвычегодскѣ въ Смутное время и вскорѣ послѣ Смуты. Можно замѣтить участіе духовенства во всеуѣздныхъ мірскихъ дѣлахъ и втеченіе XVII в. На всеуѣздные земскіе съѣзды являются настоятели или представители монастырей и бѣлое духовенство въ лицѣ причтовъ соборныхъ и даже приходскихъ храмовъ посада[1]). Такъ подъ всеуѣздною челобитною Тотемскаго уѣзда 1640 г. встрѣчаемъ подпись тотемскаго соборнаго протопопа, предшествующую другимъ подписямъ представителей посада и волостей[2]). Подъ актами устюжскаго всеуѣзднаго міра подписываются архимандритъ и игумены устюжскихъ монастырей: Архангельскаго, Троицкаго и Ивановскаго, бывшихъ какъ и сольвычегодскій Введенскій черными тяглыми монастырями, т. е. владѣвшихъ тяглыми землями[3]). Одна изъ челобитныхъ такъ обозначаетъ составъ устюжскаго всеуѣзднаго совѣта, постановившаго построить на Устюгѣ храмъ: „въ прошломъ во 154 г. приговорили Устюга В. Архангельскаго и Троицкаго, и Ивановскаго монастырей архимаритъ и игумены, и посадскіе земскіе судейки, и старосты и цѣловальники, и посадскіе люди, и волостные крестьяне всѣмъ міромъ“[4]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда почему либо настоятели монастырей не подписываютъ актовъ сами, мы встрѣчаемъ тамъ подписи монастырскихъ „слугъ“, очевидно ихъ замѣняющихъ. Такъ напр. подъ выборомъ цѣловальника для отвоза въ Москву данныхъ и оброчныхъ денегъ 1627 г. встрѣчается подпись Ивановскаго монастыря чернеца Никандра[5]). Приговоръ 17 іюля 1626 г. о сборѣ съ посада и со всего уѣзда по 2 руб. съ сошки на расплату по мірскимъ займамъ постановили „устюжскіе посадскіе земскіе судьи Ждапъ Пушкаревъ съ товарищи да Архангельскаго монастыря стряпчей слуга Иванъ Щипокъ и устюжскаго уѣзда земскіе судьи, и старосты, и цѣловальники, и посыльщики“, какъ обозначенъ составъ уѣзднаго съѣзда въ челобитной В. Гниды, того выборнаго мірского агента, которому этотъ сборъ былъ порученъ[6]). Подъ всеуѣзднымъ ходатайствомъ о принятіи 50 устюжскихъ стрѣльцовъ на казенное жалованье и объ освобожденіи міра отъ обязанности ихъ содержать подписались „служки“ Архангельскаго и Ивановскаго монастырей, а подъ такимъ же челобитьемъ 1647 г. о невзысканіи съ уѣзднаго міра недоимочныхъ денегъ, не внесенныхъ нѣсколькими волостями, находятся подписи служекъ всѣхъ трехъ монастырей; они же упомянуты и въ перечнѣ[7]). Въ комиссію,

---

1) Пр. Д. 1630 № 22.

2) Пр. Д. 1640 № 43.

3) Пр. Д. 1627 № 27, л. 1 и сл.; Пр. Д. 1631 № 55: „Царю государю... бьютъ челомъ богомольцы Архангельскаго монастыря архимаритъ Лаврентій, Ивановскаго монастыря игуменъ Леонидъ да сироты твои Устюга В. посаду земскіе судейки и т. д.

4) Пр. Д. 1647 № 27.

5) Пр. Д. 1627 № 27.

6) Пр. Д. 1627 № 67, л. 22—23.

7) Пр. Д. 1630 № 72, л. 136—137. Пр. Д. 1647 № 27.

избранную въ 1628 г. устюжскимъ всеуѣзднымъ съѣздомъ для провѣрки отчета ямскихъ старостъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими представителями устюжскаго посада и волостными посыльщиками вошелъ также и старецъ Ивановскаго монастыря Никонъ[1]). На всеуѣздныхъ съѣздахъ Устюжскаго уѣзда кромѣ представителей монастырей участвовалъ также иногда причтъ устюжскаго собора. Такъ въ челобитной всеуѣзднаго міра 1627 г. объ уменьшеніи штата подьячихъ, выбираемыхъ міромъ въ съѣзжую избу, въ перечнѣ мірскихъ представителей, обращающихся съ челобитной, вслѣдъ за архимандритомъ Архангельскаго монастыря поименованъ „соборной церкви протопопъ Василій съ братіею", а въ рукоприкладствахъ подъ этой челобитной находятся кромѣ подписи соборнаго протопопа еще подписи протодьякона, ключаря, двухъ соборныхъ поповъ и дьякона[2]). Къ челобитной сольвычегодскаго уѣзднаго міра, заключающей въ себѣ жалобу на таможеннаго и кабацкаго голову 1629 г., приложили руки вслѣдъ за архимандритомъ Введенскаго монастыря соборные попъ и дьяконъ сольвычегодскаго собора, двое поповъ и дьяконъ Борисоглѣбской церкви, а также попъ Троицкой церкви[3]).

Но участіе представителей духовенства замѣтно далеко не во всѣхъ актахъ всеуѣзднаго міра. Дружная совмѣстная дѣятельность сословій, вызванная Смутнымъ временемъ, замирала по мѣрѣ того, какъ проходилъ всколыхнувшій общество патріотическій подъемъ. Центробѣжныя стремленія брали верхъ надъ центростремительными; интересы расходились; взаимныя отношенія классовъ холодѣли и обострялись. Землевладѣльческія отношенія и казенныя повинности становились единственными связями. Но монастыри стремились обособить свои земельныя владѣнія отъ общинныхъ отношеній и освободить ихъ отъ тягла, или, по крайней мѣрѣ, отдѣлиться отъ тяглыхъ міровъ въ его несеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращалось и ихъ участіе въ общей работѣ земскихъ силъ. Уже въ 1631 г. устюжскій міръ жаловался на такое охлажденіе къ земскимъ дѣламъ со стороны устюжскихъ монастырей и на абсентеизмъ ихъ представителей на уѣздныхъ съѣздахъ. „И Архангельскаго, государь, монастыря архимандритъ Лаврентій да игуменъ Леонидъ", читаемъ мы въ этой жалобѣ, „къ нашимъ мірскимъ дѣламъ и къ совѣтомъ не приходятъ и въ приговоры, и въ заемныя кабалы, и въ памяти съ нами, мірскими людьми, не пишутся". Монастырскія власти приводили объясненія своего отсутствія. Архимандритъ занятъ былъ судными духовными дѣлами, „а Ивановскаго монастыря игумену Леониду отъ посаду отдалѣло" и поэтому они въ мірскія дѣла и не вступались[4]). И архимандритъ нашелъ бы свободное время или послалъ бы представителя, и игумену, бы, разумѣется, не „отдалѣло", если бы у нихъ былъ живой интересъ къ общеземскому дѣлу.

---

1) Пр. Д. 1628 № 74.
2) Пр. Д. 1627 № 27.
3) Пр. Д. 1630 № 22.
4) Пр. Д. 1631 № 55.

Вслѣдъ за „богомольцами" въ личныхъ перечняхъ всеуѣздныхъ мірскихъ приговоровъ занимаютъ мѣсто выборныя земскія власти, носившія, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, различныя названія въ разныхъ уѣздахъ. Эти всеуѣздныя власти играли ту же роль на всеуѣздномъ съѣздѣ, какую на волостномъ сходѣ исполняли волостные старосты и судьи: созывали съѣздъ, заботились о составленіи письменнаго приговора, разсылали его для подписи; но едва ли онѣ исполняли какія либо другія предсѣдательскія обязанности въ смыслѣ напр. руководства обсужденіемъ или даже охраны внѣшняго порядка на съѣздѣ, и дѣла на уѣздномъ собраніи шли и рѣшались, вѣроятно, такъ же, какъ это было на волостныхъ сходахъ.

Посадъ на всеуѣздномъ земскомъ совѣтѣ былъ представляемъ двоякимъ образомъ. Въ однихъ случаяхъ его представляли выборныя посадскія власти. Такъ на уѣздныхъ совѣтахъ Чарондской округи представителемъ посада является всегда земскій судья чарондскаго посада; онъ и упоминается въ личныхъ перечняхъ приговоровъ непосредственно вслѣдъ за окружскимъ старостой, стоявшимъ во главѣ Чарондской округи. На тотемскихъ съѣздахъ въ той же роли выступаютъ по большей части два посадскихъ земскихъ цѣловальника, иногда одинъ изъ нихъ. Подписывая ходатайство Тотемскаго уѣзда 1640 г. объ организаціи ямской повинности, одинъ изъ этихъ посадскихъ цѣловальниковъ сопровождаетъ свою подпись словами „и вмѣсто посадскихъ людей" [1]). Судя по актамъ сольвычегодскаго уѣзднаго міра, такая форма представительства посада была тамъ преобладающей: вмѣсто посадскихъ людей на съѣздахъ участвуютъ, вносятся въ перечни и прикладываютъ руки къ приговорамъ „посадскіе земскіе розрубные цѣловальники", причемъ въ перечень они вносятся въ составѣ всей коллегіи: „посадскіе земскіе цѣловальники такой то съ товарищи", и точно такъ же за всю коллегію дается подпись, напр.: „къ сей челобитной вмѣсто посадскихъ земскихъ цѣловальниковъ Ивана Коротанова съ товарищи посадскій земскій дьячекъ Максимко Тимоѳеевъ руку приложилъ" [2]).

Въ другихъ случаяхъ посадъ былъ представляемъ болѣе непосредственно участіемъ на съѣздѣ самихъ посадскихъ людей и иногда въ значительномъ количествѣ; на эту форму представительства указываютъ иногда акты уѣзднаго съѣзда въ Сольвычегодскѣ—всеуѣздныя челобитныя, подъ которыми кромѣ обычнаго рукоприкладства коллегіи посадскихъ цѣловальниковъ встрѣчаются подписи отдѣльныхъ посадскихъ людей [3]). Такая форма представительства посада была преобладающей на устюжскомъ уѣздномъ собраніи. Въ личныхъ перечняхъ приговоровъ и челобитныхъ этого собранія указываются всегда имена посадскихъ людей, подписи которыхъ затѣмъ находятся подъ этими актами. Такъ въ составѣ съѣзда 1627 г., на которомъ была принята челобитная о числѣ подьячихъ, въ перечнѣ вслѣдъ за богомольцами и земскими судейками идутъ „лучшіе и середніе лю-

---

[1]) Пр. Д. 1640 № 43.

[2]) Пр. Д. 1641 № 86.

[3]) Пр. Д. 1636 № 25; Пр. Д. 1644 № 25.

дишка“, которыхъ пазвано по именамъ 13 человѣкъ [1]); въ приговорѣ 1633 г. перечислено 37 именъ посадскихъ, и это перечисленіе заканчивается формулой: „и вмѣсто всѣхъ устюжанъ посадскихъ людей“ [2]); въ другомъ приговорѣ того же года [3]) названо 66 именъ посадскихъ, которые дѣйствуютъ „вмѣсто всѣхъ устюжапъ посадскихъ людей“. По сотной 1630 г. въ Устюгѣ В. считалось 13 дворовъ лучшихъ людей, 92 середнихъ, остальные 584 принадлежали молодшимъ и худымъ людямъ [4]). Число 66 близко къ суммѣ дворовъ посадскихъ первыхъ двухъ статей, и можно думать что посадскіе этихъ статей и являлись обыкновенно представителями устюжскаго посада на всеуѣздныхъ съѣздахъ. Такъ какъ по всей вѣроятности и въ XVII вѣкѣ, какъ и позже въ XVIII, посадскій сходъ „юридически общепосадскій, фактически превращался въ сходъ по преимуществу первостатейныхъ тяглецовъ“ и такъ какъ и посѣщаемость сходовъ посадскими въ XVII в. едва ли была выше посѣщаемости XVIII-го, когда опа спускалась до 25% числа ревижскихъ душъ [5]), то можно предполагать, что бывали въ Устюгѣ случаи, когда посадскій сходъ вдвигался цѣликомъ въ уѣздное собраніе. Въ актахъ всеуѣздныхъ собраній изъ перечня посадскихъ людей нѣкоторыя имена иногда выдѣляются и ставятся выше всеуѣздныхъ выборныхъ властей. Въ Сольвычегодскѣ такое первенствующее мѣсто отводится Строгановымъ; въ Устюжскихъ актахъ торговымъ людямъ гостиной сотни: Босымъ и Усовымъ [6]).

Мы подходимъ теперь къ вопросу о представительствѣ волостей на всеуѣздныхъ совѣтахъ. И это представительство такъ же было двояко: представителями волостей на съѣздахъ бывали или выборпыя волостныя власти, или особые спеціально для того избранные депутаты. Такъ въ сольвычегодскомъ уѣздномъ собраніи представителями Окологородной и Пачеозерской волостей обыкновенно являются цѣловальники этихъ волостей. Иногда также и другія волости поручаютъ представительство такимъ же выборнымъ чинамъ. Такъ на съѣздѣ 1627 г. присутствовали цѣловальники Алексинскаго стана и волостей Утмановской, Ратмеровской и Лузской Пермцы [7]). Но на съѣздъ слѣдующаго 1628 г. отъ этихъ четырехъ волостей присланы были особые депутаты, „посыльщики“ [8]). Точно такъ же на тотемскомъ уѣздномъ собраніи представителемъ Окологородной волости, обнимавшей собою подгородныя мѣстности, обыкновенно является ея цѣ-

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 27.

[2]) 1634 № 29, л. 11—18.

[3]) Пр. Д. 1635 № 21, л. 56—62.

[4]) Устюгъ В. Матеріалы для исторіи города. М. 1883.

[5]) *Кизеветтеръ*, Посадская община, 647, 739.

[6]) Пр. Д. 1631 № 36.

[7]) Пр. Д. 1627 № 65.

[8]) Пр. Д. 1628 № 72. См. также Пр. Д. 1632 № 30; 1636 № 25; 1641 № 86; 1644 № 25; 1646 № 58; 1646 № 148; 1650 № 57, л. 11—12; 1655 № 50 и др.

ловальникъ; иногда и другія волости этого уѣзда бывали представлены ихъ цѣловальниками. Такъ на съѣздъ 1631 г. являлись цѣловальники въ качествѣ представителей отъ волостей: Старой Тотьмы, Демьяновской, Сученской [1]). На устюжскихъ уѣздныхъ собраніяхъ въ числѣ волостныхъ депутатовъ встрѣчаются волостные земскіе судейки, старосты и цѣловальники. Такъ на съѣздѣ 1627 г. представителями Комарицкаго стана Верхняго конца были: становой староста, земскій судья и кромѣ того особый посыльщикъ. Судьи явились также отъ волостей Ягрышской, Луженской, Уфтюжской и Утмановской [2]). Въ перечнѣ всеуѣздной челобитной 1630 г. упомянуты земскіе судьи волостей: Комарицкаго стана, Ягрышской, Утмановской, Вондокурской, Орловской, Кильченской; староста Ентальской волости, цѣловальники волостей: Ярокурской, Шемогоцкой, Ивановской. Отъ Комарицкаго стана кромѣ судьи упомянуты еще двое крестьянъ-посыльщиковъ. Посыльщиками представлены также волости: Черевковская, Кивокурская, Городищенская, Брусенская и Енапская [3]).

Представительство волостей ихъ выборными должностными лицами, волостными властями, является постоянной особенностью Чарондской округи, отличающей ее отъ другихъ уѣздовъ. Чарондскій всеуѣздный совѣтъ въ обыкновенномъ и наиболѣе частомъ своемъ составѣ, это—съѣздъ старостъ волостей, составлявшихъ округу, съ земскимъ судьею чарондскаго посада или окружскимъ старостой во главѣ. Иногда „въ старостино мѣсто“ является на собраніе особый депутатъ, замѣняющій старосту, если этотъ послѣдній почему либо не могъ прибыть на собраніе. Фактически не на каждомъ съѣздѣ присутствуютъ всѣ старосты; но въ актахъ съѣздовъ послѣ поименнаго перечня болѣе или менѣе значительнаго числа старостъ обыкновенно находится формула: „да и всѣ старосты и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Чарондской округи“, показывающая, что нормальнымъ по составу собраніемъ считался именно съѣздъ всѣхъ старостъ и что старосты дѣйствуютъ въ качествѣ представителей всѣхъ волостныхъ крестьянъ [4]). Въ наиболѣе важ-

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 36. См. также Пр. Д. 1639 № 45; 1646 № 148; 1649 № 76.

[2]) Пр. Д. 1627 № 27. „Списокъ съ мірского выбору“.

[3]) Пр. Д. 1630 № 72, лл. 114—115.

[4]) Пр. Д. 1614 № 2, л. 1—8; *Сениговъ*, Памятники земской старины, стр. 249 и сл.; Пр. Д. 1626 № 41, л. 19—21; 1652 № 96. *Оглоблинъ*, Обозрѣніе документовъ чарондской земской избы, Ж. М. Н. Пр. 1898, апрѣль, стр. 271—272: „Но во всякомъ случаѣ предсѣдателемъ сходки не могъ быть глава Чарондскаго міра—земскій округской староста (въ 1662 г. это былъ Ст. Авакумовъ, а въ 1663 г. Никифоръ Тимоѳеевъ). Нигдѣ въ приговорахъ ни С. Авакумовъ, ни Н. Тимоѳеевъ не стоятъ во главѣ перечня членовъ сходки и вообще ихъ имена отсутствуютъ въ этомъ перечнѣ. Съ другой стороны, всѣ приговоры представляютъ приказы отъ имени міра своему исполнительному органу—земскому округскому старостѣ: вездѣ говорится, что члены сходки „приговорили есми и велѣли“ земскому округскому старостѣ исполнить такія то рѣшенія міра. Несомнѣнно, что земскій староста обязательно присутствовалъ на сходкахъ,

ныхъ случаяхъ наряду съ старостами на окружныхъ съѣздахъ присутствуютъ и особые „выборные“. Такой составъ съѣздовъ встрѣчаемъ рѣже[1]).

Въ составъ одного изъ немногихъ извѣстныхъ намъ съѣздовъ Чердынскаго уѣзда, заключившаго въ 1636 г. мірской заемъ, входили: двое чердынскихъ земскихъ старостъ, далѣе посадскій земскій цѣловальникъ, земскій цѣловальникъ Окологороднаго стана и затѣмъ земскіе цѣловальники погостовъ, на которые дѣлился Чердынскій уѣздъ: Покчи, Искора, Редикора, Пентѣга и пр. На другомъ болѣе раннемъ собраніи того же уѣзда въ 1621 г., на которомъ происходили выборы земскаго старосты, погосты были представлены не цѣловальниками, а простыми крестьянами[2]).

Особые спеціально для уѣздныхъ съѣздовъ избиравшіеся депутаты отъ волостей носили различныя названія. Они назывались „посыльщиками“, „волостными“ или „мірскими посыльщиками,“ „выборными“—терминъ, указывающій на источникъ ихъ полномочій: мірской выборъ волости—„выборными приговорными“ или просто „приговорными—терминъ, указывающій на ихъ дѣятельность на съѣздѣ: постановленіе всеуѣздныхъ приговоровъ. Въ одной частной челобитной депутаты устюжскаго съѣзда названы „выборными людьми, которые у приговоровъ въ земской избѣ живутъ“, т. е. бываютъ[3]). Обыкновенно отъ волости являлся на съѣздъ одинъ представитель, выборный ли земскій чинъ или особый депутатъ. Но постоянно встрѣчаются случаи, когда волость посылаетъ двухъ или даже большее число представителей. Такъ на сольвычегодскомъ собраніи отъ волостей Окологородной и Пачеозерской присутствуютъ то по одному, то по два цѣловальника. На особо важномъ устюжскомъ всеуѣздномъ собраніи 1633 г. отъ Ярокурскаго стана присутствовалъ одинъ цѣловальникъ, отъ Шемогоцкой волости двое: земскій судья и цѣловальникъ, отъ Вотложемской волости трое: земскій судья, цѣловальникъ и одинъ крестьянинъ, отъ Уфтюжской волости четверо посыльщиковъ[4]). На тотемскомъ собраніи 1631 г. было по два депутата отъ волостей Демьяновской, Вотченской, Молской и Тиксненской[5]). Но бывали нерѣдко случаи, что одинъ депутатъ являлся

докладывалъ міру текущія дѣла, давалъ по нимъ объясненія, участвовалъ въ преніяхъ, но руководящая роль принадлежала не ему, какъ исполнительному органу міра, но земскому судейкѣ или одному изъ волостныхъ старостъ“. Ср. однако вышеуказанные приговоры, напечатанные Сениговымъ, стр. 249: „Лѣта 7123 г. сент. въ 31 д. се язъ Чарондскіе округи земскій староста Данило Ермолинъ да волостные старосты“ и т. д; стр. 250: „Се язъ староста Чарондскіе округи Давыдъ Меншиковъ да Чарондскаго посаду земской судья Иванъ Ермоловъ, да Чарондскіе округи волостные старосты“ и т. д. Въ третьемъ приговорѣ, стр. 251, дѣйствительно во главѣ перечня только посадскій земскій судья, но этотъ приговоръ—какъ разъ выборъ новаго округского старосты.

[1]) *Оглоблинъ,* op. cit., 273.

[2]) Пр. Д 1636 № 81; 1629 № 27.

[3]) Пр. Д. 1655 № 52.

[4]) Пр. Д. 1635 № 21, л. 56—62.

[5]) 1631 № 36, всеуѣздная челобитная.

представителемъ двухъ или болѣе волостей. Такъ на только что упомянутомъ устюжскомъ съѣздѣ одинъ посыльщикъ былъ представителемъ волостей: Юрьева Наволока, Бѣлой Слуды и Лябельской. На устюжскомъ же съѣздѣ 1639 г., избиравшемъ таможеннаго голову въ г. Мангазею, одинъ выборный является представителемъ двухъ волостей: Ягрышской и Кивокурской[1]). Станы Устюжскаго уѣзда, состоявшіе изъ нѣсколькихъ волостей: Комарицкій Нижній конецъ, Бѣлослудскій, Комарицкій Верхній конецъ, Кивокурскій и Быкокурскій высылали на съѣзды каждый одного представителя общаго для всѣхъ волостей, входившихъ въ ихъ составъ. На сольвычегодскія собранія сложная волость Вилегодская высылала депутатовъ отъ каждаго изъ тѣхъ приходовъ, на которые она дѣлилась, кромѣ приходовъ Никольскаго и Пречистенскаго, посылавшихъ общаго депутата, и Селянскаго прихода, депутата отъ котораго совсѣмъ не видимъ на съѣздахъ. Другая сложная волость Сольвычегодскаго уѣзда Лузская Пермца въ началѣ столѣтія имѣетъ общее представительство на съѣздахъ въ лицѣ одного или двухъ посыльщиковъ; но затѣмъ каждый изъ входящихъ въ нее приходовъ начинаетъ посылать на съѣздъ своего особаго депутата. То же замѣчается въ Чарондской округѣ. Волости, высылавшія въ началѣ столѣтія на съѣзды по одному депутату, дѣлятся затѣмъ на приходы, пріобрѣтающіе все большую самостоятельность, и депутата посылаетъ уже каждый приходъ. Такъ напр. на съѣздахъ 1614 г. отъ Вещеозерской волости былъ одинъ староста, а въ 1660-хъ гг. эта волость представлена уже четырьмя старостами, стоявшими каждый во главѣ одного изъ тѣхъ четырехъ приходовъ, на которые волость раздѣлилась[2]). Подобно тому, какъ перечень посадскихъ представителей заканчивается въ приговорахъ формулой: „и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто“, перечень депутатовъ отъ волостей сопровождается такою же формулой, напр.: „и всего Устюжскаго уѣзда вмѣсто волостныхъ крестьянъ“ или: „и вмѣсто всего Устюжскаго уѣзда становъ и волостей земскихъ судей и старостъ, и цѣловальниковъ, и волостныхъ крестьянъ“; но иногда эти обѣ формулы сливаются въ одну, напр.: „и во всѣхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто“[3]).

---

[1]) Пр. Д. 1638 № 34.

[2]) Пр. Д. 1627 № 65; 1628 № 72; 1649 № 74, выборъ. *Сениговъ*, Памятники земской старины, 250—252; *Оглоблинъ*, Обозрѣніе документовъ чарондской земской избы, Ж. М. Н. Пр. 1898, апрѣль, 272—273.

[3]) Чтобы дать наглядное представленіе о формѣ всеуѣздныхъ приговоровъ и составѣ съѣздовъ, приведемъ избирательный приговоръ сольвычегодскаго съѣзда 1649 г. Пр. Д. 1649 № 74. „Лѣта 7157 іюня въ 28 д. по государевѣ царевѣ.... грамотѣ, что прислана была къ Соли Вычегодской къ воеводѣ Василью Ѳедоровичу Чоглокову изъ Устюжской четверти за приписью государева дьяка Мины Грязева, Соли-Вычегодской всеуѣздной выборной земской ружной староста Нечай Семеновъ сынъ Сухихъ, да Соли жъ Вычегодской посадскіе земскіе розрубные цѣловальники: Григорій Тимоѳеевъ Опляшихинъ съ товарищи, *Окологородные волости* цѣловальники Юрья Дмитріевъ сынъ Бояркинъ съ товарищемъ; *Пачеозерскіе волости* цѣловальники Семенъ Ивановъ сынъ

Подобно тому, какъ не всѣ деревни были обыкновенно представлены на волостномъ сходѣ, въ свою очередь и волости были представляемы не на каждомъ уѣздномъ съѣздѣ съ одинаковой полнотой, и одни съѣзды бывали болѣе, другіе менѣе многолюдны. Пріѣздъ депутатовъ затруднялся отдаленностью волостей отъ уѣзднаго центра, неудобствомъ путей сообщенія черезъ лѣса и болота, которые могли становиться совсѣмъ непроходимыми во время весенняго бездорожья или осеннихъ непогодъ.

Наибольшею полнотою отличаются тотемскіе съѣзды. На съѣздахъ 1631 и 1639 г. напр. представлены были всѣ волости уѣзда[1]). Слѣдующее

Насоновъ съ товарищемъ; *Алексинскаго стану* посыльщикъ Семенъ Семеновъ сынъ Махинъ; *Ратмеровскіе волости* посыльщикъ Павелъ Анисимовъ сынъ Смиреныхъ; *Антропьевы слободы* посыльщикъ Матвѣй Костянтиновъ сынъ Домниныхъ; *Лальскіе волости* посыльщикъ Баженъ Еремѣевъ сынъ Власова; *Учецкой волости* посыльщикъ Григорій Прокофьевъ сынъ Шабалинъ; *Андреевскіе волости* посыльщикъ Дмитрій Фотіевъ сынъ Коркинъ; тое жъ Андреевскіе волости *Благовѣщенскаго приходу* посыльщикъ Михайло Борисовъ сынъ Культюковъ; *Лузской Пермцы Спасскаго приходу* посыльщикъ Ѳеофилъ Силинъ Поповъ; *Объячевскіе волости* посыльщикъ Родіонъ Яковлевъ сынъ Лихачевъ Сорокоумъ; *Пошульскіе волости* посыльщикъ Кирило Даниловъ сынъ Бобровъ; *Лоемскіе волости* посыльщикъ Яковъ Ивановъ Кармановъ; *Вилегодскіе волости Княжесельской сошки* посыльщикъ [пропускъ]; *Спасскаго приходу* Демидъ Павловъ Чернышевъ; *Ильинскаго приходу* посыльщикъ Иванъ Ларіоновъ Пѣтуховъ; *Пречистенскаго приходу* посыльщикъ [пропускъ]; *Никольскаго приходу* посыльщикъ Иванъ Андреевъ Тороканoвъ; *Покровскаго приходу* цѣловальникъ Никита Ивановъ Бабуновъ и во всѣхъ Соли Вычегодской посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто выбрали есми съ Соли съ посаду и со всего Усольскаго уѣзда" и т. д.; Пр. Д. 1639 № 45. Тотемскій всеуѣздный съѣздъ. „Лѣта 7148 г. декабря въ 25 д. Соли Тотемскіе посадской и уѣздной земской староста Естифей Самойловъ сынъ Никитина да посадскіе земскіе цѣловальники: Богданъ Савельевъ сынъ Новоселовъ да Иванъ Лукояновъ сынъ Кузнецовъ, *Окологородные волости* земской цѣловальникъ Шумило Ивановъ сынъ да волостные посыльщики всего Тотемскаго уѣзда: *Царевской волости* Денисъ Кондратьевъ сынъ Истоминъ; *Тиксненской в.* Петръ Архиповъ; *Стрѣлицкой в.* Микита Кондратьевъ; *Верхнихъ пустошей* Симонъ Романовъ; *Молской в.* Ермола Ивановъ; *Векшенской в.* Ѳедоръ Дмитріевъ; *Ихалицкой в.* Осипъ Архиповъ; *Совьюской в.* Рычко Козьминъ; *Толшемской в.* Григорій Романовъ да Василій Ильинъ; *Печенской в.* Степанъ Костянтиновъ; *Вожбальской в.* Василій Аѳанасьевъ сынъ Поповъ; *Сондуской в.* Потапей Дмитріевъ; *Сяменжевской в.* Онанья Егуповъ; *Кочварской в.* Моисей Григорьевъ; *Боровской и Заозерской в.* Иванъ Дмитріевъ; *Кулуйской в.* Морозъ Васильевъ; *Старые Тотьмы* Сергій Ѳедотовъ; *Коченской слободки* Иванъ Артемьевъ; *Раменской слободки* Данило Устиновъ; *Уфтюской в.* Ефремъ Прокопьевъ; *Березовы слободы* Семенъ Костентиновъ; *Дмитріева Паволока* Василій Игнатьевъ; *Сученской в.* Власъ Мартыновъ; *Демьяновской в.* Алексѣй Максимовъ; *Вотченской в.* Иванъ Самойловъ во всѣхъ мѣсто Тотмичъ посадскихъ людей и Тотемскаго уѣзда волостныхъ крестьянъ" и т. д.

[1]) Пр. Д. 1631 № 36.

мѣсто занимаетъ Сольвычегодскій уѣздъ, волости котораго по большей части представлены сравнительно полно. Въ одномъ избирательномъ протоколѣ Чарондскаго съѣзда 1614 г. въ перечнѣ нѣтъ старостъ 8 чарондскихъ волостей изъ 31 извѣстныхъ волостей этой округи, въ другомъ такомъ же протоколѣ не хватаетъ старостъ 10 волостей. Наивысшая цифра наличныхъ старостъ, присутствовавшихъ на съѣздахъ 1662-1663 гг. была 29, и никогда, какъ замѣчаетъ изслѣдователь этихъ приговоровъ, волостные старосты не собирались на мірскія сходки въ полномъ составѣ[1]). Съ гораздо меньшею полнотой представляемы были волости на устюжскихъ уѣздныхъ собраніяхъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ можно въ первой половинѣ XVII в. насчитать до 42 подраздѣленій: волостей и становъ, считая притомъ каждый сложный станъ за одно подраздѣленіе, такъ какъ такіе станы высылали на съѣзды по одному депутату; а между тѣмъ цифра представляемыхъ на устюжскихъ съѣздахъ волостей не превышала 23, а по большей части спускалась и ниже. Такъ въ избирательномъ протоколѣ устюжскаго съѣзда 1627 г. перечислены депутаты отъ 19 волостей, да въ рукоприкладствахъ находятся еще подписи депутатовъ 3 не упомянутыхъ въ перечнѣ волостей; всего, слѣдовательно, были представлены 22 волости. Въ перечнѣ всеуѣздной челобитной, поданной устюжскимъ міромъ въ 1630 г., перечислены представители 15 волостей, да въ рукоприкладствахъ находится еще подпись представителя одной не вошедшей въ перечень волости, всего слѣдовательно было представлено 16 волостей[2]). Въ перечнѣ всеуѣздной челобитной 1627 г. значатся депутаты только 6 волостей, а такую же челобитную 1631 г. подписали депутаты 9 волостей[3]). Посадъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ былъ представленъ полнѣе волостей: въ перечнѣ челобитной 1627 г. значится 13 именъ посадскихъ „лучшихъ и середнихъ“ людей; 12 изъ нихъ скрѣпили челобитную своими рукоприкладствами. Такимъ образомъ оказывается, что волостные депутаты на устюжскомъ уѣздномъ собраніи играли иногда роль какого-то дополнительнаго аксессуара къ представителямъ устюжскаго посада. Но этого мало. Бывали случаи, когда посадскій

---

[1]) *Сенниговъ*, Памятники земской старины, 250—252; *Оглоблинъ*, Обозрѣніе документовъ Чарондской земской избы, Ж. М. Н. Пр. 1898 г., апрѣль, стр. 273.

[2]) Пр. Д. 1627 № 27. „Списокъ съ мірского выбору“; Пр. Д. 1630 № 72, л. 114—115.; Пр. Д. 1634 № 29, л. 11—18. „Списокъ съ приговору слово въ слово“. Въ перечнѣ этого приговора упомянуто 23 волости; но при названіяхъ 9 волостей именъ депутатовъ не значится, и оставлены пробѣлы. Сверхъ этихъ 23 волостей, внесенныхъ въ перечень, одинъ депутатъ являлся представителемъ всѣхъ волостей Южской трети. Пр. Д. 1638 № 34. Выборъ. Въ перечнѣ названы депутаты 17 волостей; сверхъ того противъ названій двухъ волостей именъ депутатовъ не обозначено, и оставлены пробѣлы; противъ названій трехъ волостей: Городищенской, Бобровской и Брусенской стоитъ отмѣтка „крестьянъ не сыскано пусто“. Въ этомъ приговорѣ одинъ депутатъ является отъ всѣхъ волостей Южской трети, которыя порознь не перечисляются.

[3]) Пр. Д. 1627 № 27; Пр. Д. 1626 № 15.

сходъ являлся здѣсь замѣною всеуѣзднаго съѣзда. Такъ всеуѣздная челобитная въ 1633 г. выработана была на посадскомъ сходѣ. Въ ея перечень внесены: на первомъ мѣстѣ выдающіеся коммерсанты, члены гостиной сотни К. А. Босой и двое Усовыхъ, затѣмъ двое устюжскихъ земскихъ судей этого года П. М. Завалинъ и Г. Ю. Губинъ, судецкій староста Б. В. Ростовецъ, коллегія посадскихъ земскихъ цѣловальниковъ „Иванъ Юрьевъ съ товарищи“ и наконецъ 34 имени посадскихъ людей, вслѣдъ за которыми находится формула: „и во всѣхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто“ [1]). Значитъ, посадскій сходъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, заступая мѣсто всеуѣзднаго съѣзда. И этотъ случай былъ не единственнымъ; подобная замѣна всеуѣзднаго съѣзда посадскимъ сходомъ практиковалась неоднократно. Въ началѣ 1630-хъ гг. устюжскіе уѣздные люди выражали вообще неудовольствіе, что ихъ не приглашаютъ на съѣзды и отказывались признавать дѣйствительность приговоровъ, не скрѣпленныхъ руками волостныхъ „посыльщиковъ“. Устюжскіе земскіе судьи объяснили, что они принуждены иногда писать приговоры о государевыхъ и о всеземскихъ мірскихъ дѣлахъ и всякаго рода другіе мірскіе акты отъ имени всего земскаго міра заочно съ одними посадскими людьми въ отсутствіе волостныхъ депутатовъ въ экстренныхъ случаяхъ, когда затруднительно собрать общій съѣздъ, а дѣло не терпитъ отлагательства, „потому что“, какъ говорили судьи, „крестьянъ вскорѣ собрать не умѣть, дѣла скорыя, а у нихъ, крестьянъ, въ тѣ поры живетъ пора дѣловая и дорогамъ роспутица“. На будущее время судьи требовали, чтобы волости посылали на Устюгъ постоянныхъ уполномоченныхъ, которые бы жили на посадѣ „для всеземскихъ дѣлъ и совѣтовъ“. По этому поводу правительство и поставило общій вопросъ о раздѣленіи Устюга посада и устюжскаго уѣзда на двѣ отдѣльныя земскія единицы, предоставляя рѣшеніе вопроса самому устюжскому земскому міру. Былъ посланъ указъ воеводѣ собрать на общій земскій совѣтъ посадскихъ людей и волостныхъ депутатовъ и разспросить ихъ накрѣпко, быть ли впредь у мірского совѣту и у выборовъ, и у всякихъ земскихъ дѣлъ на Устюгѣ на посадѣ представителямъ волостей, на двѣ или на три волости по одному, или же „всякія мірскія дѣла вѣдать Устюга посаду однимъ выборнымъ судьямъ и старостамъ, и цѣловальникамъ, и всѣмъ посадскимъ людямъ, а уѣзднымъ волостнымъ крестьянамъ у того у всего мірского совѣту для крестьянскіе дальніе волокиты и страднаго времени не быть?“ Дѣло замедлилось вслѣдствіе случившейся тогда смѣны воеводъ; но посадскіе люди крѣпко стояли за единеніе съ уѣздомъ, утверждали, что имъ земскихъ дѣлъ безъ волостныхъ людей дѣлать не умѣть и настойчиво ходатайствовали о предписаніи волостямъ держать на посадѣ своихъ постоянныхъ уполномоченныхъ въ количествѣ по усмотрѣнію самихъ волостей: по одному съ волости или хотя бы даже по одному съ каждой трети, на которыя дѣлился уѣздъ. Предложенный правительствомъ

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 36.

вопросъ остался безъ отвѣта[1]). Наблюдая, однако, составъ устюжскихъ всеуѣздныхъ съѣздовъ 1630-хъ годовъ, можно замѣтить на нихъ появленіе одного депутата отъ всѣхъ волостей Южской трети[2]). На двухъ собраніяхъ за то же время встрѣчается одинъ депутатъ и отъ нѣсколькихъ волостей Посухонской трети. Такъ на съѣздѣ 1632 г. „приговорный" Е. Ф. Бартевъ былъ представителемъ семи сосѣднихъ расположенныхъ по Сухонѣ волостей: Луженской, Ерогоцкой, Стрѣленской, Бобровской, Городищной, Брусенской и Ивановской(?)[3]). Въ другомъ приговорѣ того же года онъ названъ „Сухонскихъ становъ и волостей выборнымъ приговорнымъ"[4]). На позднѣйшихъ съѣздахъ, однако, отдѣльныя сухонскія и южскія волости представляются особыми депутатами, такъ что представительство отъ третей нельзя считать установившимся прочно[5]). Возможно, что въ связи съ появленіемъ такой формы представительства въ 1630-хъ годахъ и волостные посыльщики на устюжскихъ съѣздахъ стали иногда называться „третчиками"[6]).

Въ 1630-хъ годахъ единеніе посада съ уѣздомъ не было нарушено и продолжалось по прежнему. Однако столкновеніе не прошло безслѣдно. Антагонизмъ между ними все же остался, усиливаемый, разумѣется, общимъ постоянно замѣчаемымъ среди уѣздныхъ людей недовольствомъ противъ посада, притягивающаго ихъ къ посадскимъ службамъ и противъ землевладѣнія посадскихъ въ уѣздѣ. Разрывъ назрѣвалъ и произошелъ въ 1675—6 гг. Если вѣрить разсказу группы устюжанъ посадскихъ, владѣвшихъ деревнями въ устюжскихъ волостяхъ, поводомъ къ нему послужило ходатайство Утмановской волости, возбужденное интригами мѣстныхъ „горлановъ и ябедниковъ". Раздѣленіе, по этому разсказу, произведено было самолично воеводой Матвѣемъ Нарышкинымъ, который „росписалъ градъ Устюгъ посадъ съ уѣздомъ", не сносясь съ центральнымъ правительствомъ. Воевода приказалъ построить особую „всеуѣздную" избу, отдѣльную отъ посадской земской избы. Посадскія и уѣздныя выборныя власти также были раздѣлены. Во главѣ уѣзда былъ поставленъ „всеуѣздный земскій староста". Во главѣ посада поставлены были посадскіе земскіе старосты. Это раздѣленіе выгодно было, повидимому, для уѣзда, тяготившагося привлеченіемъ къ посадскимъ службамъ и притѣсненіями со стороны посадскихъ. Устюжскіе

---

[1]) Пр. Д. 1632 № 80.

[2]) Пр. Д. 1634 № 29, л. 11—18: „да съ Юскіе трети съ 80 сошекъ приговорной Семенъ Ивановъ Розницынъ"; Пр. Д. 1635 № 21, л. 56—62: „да Юскіе трети съ 80 сошекъ выборной приговорной со всѣхъ становъ и волостей юскихъ Семенъ Ивановъ Розницынъ", но далѣе впрочемъ: „да съ нимъ тѣхъ же юскихъ становъ и волостей крестьяне"; Пр. Д. 1638 № 34. Выборъ: „да юскихъ всѣхъ становъ и волостей выборной человѣкъ Сава Васильевъ Розницынъ".

[3]) Пр. Д. 1634 № 29, л. 11—18.

[4]) Пр. Д. 1635 № 21, л. 56—62.

[5]) Р. И. Б. XII, 1312 и сл.

[6]) Пр. Д. 1649 № 8: „третчикъ Подосиновской волости" и др.

крестьяне жаловались, что они, „крестьяне у посадскихъ людей во всемъ порабщены"[1]). Раздѣленіе вызвало большое неудовольствіе среди посадскихъ, протестовавшихъ противъ него въ своихъ челобитныхъ и окрестившихъ учрежденную для управленія уѣздомъ избу „Новозатѣйною земскою избою"[2]). Оно однако продолжало существовать до самаго конца XVII вѣка[3]), но было, кажется, единственнымъ. Другихъ случаевъ такого окончательнаго разъединенія посада и уѣзда мы не видимъ.

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Росс. XIII, 125; *Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, 173.

[2]) Р. И. Б. XII, 467 и сл.

[3]) Р. И. Б. XII, 1312 и сл.

Глава XV.

Выборныя земскія власти.

Волостныя и уѣздныя земскія собранія были органами, посредствомъ которыхъ мысль міра изъ неопредѣленнаго и разсѣяннаго состоянія формулировалась въ опредѣленныя и точныя положенія, изъ мнѣнія преобразовывалась въ волю. Для того, чтобы эту волю, выраженную міромъ, осуществить на дѣлѣ и привести въ исполненіе, міръ долженъ былъ обладать особыми исполнительными орудіями. Такими орудіями и были земскія власти, избиравшіяся міромъ.

Эти выборные мірскіе исполнительные органы были такими же древними, какъ самые міры. Невозможно въ самомъ дѣлѣ представить себѣ земскій міръ, сходящійся на собраніе и принимающій рѣшеніе, въ то же время лишеннымъ особыхъ исполнительныхъ органовъ, если только его рѣшенія не имѣли характера академическихъ мнѣній или нравственныхъ заповѣдей, исполняемыхъ каждымъ въ мѣру своей совѣсти и разумѣнія. Для осуществленія хозяйственныхъ и полицейскихъ дѣйствій, напр. для сбора средствъ, для принятія различныхъ мѣръ безопасности должны были по необходимости еще съ глубокой древности выдѣлиться изъ общей массы міра спеціальные исполнительные органы въ лицѣ выборныхъ отъ міра старостъ, сотскихъ и т. п. Эти органы должны были возникать органически снизу, а вовсе не были установлены сверху жалованными грамотами намѣстничьими или позднѣе земскими. Самыя грамоты, намѣстничьи и земскія, были обыкновенно только отвѣтами на ходатайства, представлявшіяся правительству земскими мірами, и въ значительной мѣрѣ вводимыя грамотами XVI вѣка организаціи земскаго самоуправленія подсказывались правительству въ этихъ ходатайствахъ. Земская реформа Грознаго шла снизу, а не сверху; инициатива ея принадлежала обществу, а не правительству; устройство самоуправленія вырабатывалось земствомъ, планъ его предлагался земскимъ челобитьемъ, а жалованной грамотой только санкціонировался и гарантировался на будущее время[1]). На жалованныя грамоты и ссылались

[1]) Ср. *Покровскій*, Мѣстное самоуправленіе въ древней Руси, въ сборникѣ „Мелкая земская единица", стр. 209.

впослѣдствіи земскіе міры каждый разъ, когда ихъ самоуправленію грозила какая либо опасность. Правда, эти челобитья и эти грамоты вводили иногда новую организацію самоуправленія, создавали новые, не существовавшіе до тѣхъ поръ органы. Такъ напр. Важская грамота 1552 г., изданная по ходатайству важанъ, устанавливала двѣ новыя десятичленныя коллегіи выборныхъ для сбора и доставки въ Москву податей и для отправленія функцій правосудія и полиціи въ тѣхъ двухъ округахъ, на которыя тогда дѣлился Важскій уѣздъ: Шенкурскомъ и Вельскомъ. Устьянская грамота 1555 г. санкціонировала тѣхъ выборныхъ волостныхъ старостъ, которые были избраны и представлены волостями и которымъ были поручены тѣ же дѣла, какъ и важскимъ коллегіямъ. Двинская грамота 1556 г. вводила коллегію излюбленныхъ головъ для всей Двинской земли, а по волостямъ выборныхъ сотскихъ. Но не слѣдуетъ думать, что эти новые органы были единственными и впервые возникавшими, что земское общество до той поры представляло изъ себя неорганизованную массу. Новые органы, предлагавшіеся ходатайствами и утверждавшіеся грамотами, были только результатомъ дальнѣйшаго развитія уже существовавшихъ ранѣе земскихъ организацій. Развитіе это вызывалось отмѣной правительственныхъ агентовъ, намѣстниковъ и волостелей, которая и должна была повлечь за собою усиленіе дѣятельности, а потому и состава земскихъ органовъ, такъ какъ имъ передавались теперь функціи правительственныхъ агентовъ. И подъ властью намѣстниковъ и волостелей земскій міръ былъ уже организованъ, имѣлъ свою выборную администрацію[1]). На имя этой выборной администраціи и выдавались намѣстничьи, а затѣмъ губныя и земскія грамоты, и въ нихъ писалось, что государь пожаловалъ „такого то сотскаго и всѣхъ своихъ черныхъ людей“, какъ это мы находимъ въ двинской намѣстничьей 1398 г. или „старостъ“ и всѣхъ крестьянъ такой то мѣстности, какъ это значится напр. въ онежской намѣстничьей грамотѣ 1536 г.[2]), въ устьянской 1539 г.[3]) или въ каргопольской губной того же года[4]). Точно такъ же двинская земская грамота[5]), отмѣняющая намѣстниковъ и вводящая на ихъ мѣсто выборную коллегію двухъ излюбленныхъ головъ съ товарищами, пожалована „сотскому и старостѣ Ѳ. О. Шуйгину и во всѣхъ христіанъ мѣсто всея Двинскіе земли“. Такимъ образомъ грамоты обращались уже къ организованнымъ мірамъ; онѣ только дополняли эти организаціи и прибавляли къ уже существующимъ органамъ земскаго самоуправленія еще новые, спеціально предназначенные замѣнить намѣстниковъ и волостелей и облеченные полномочіями преимущественно правительственнаго характера, тогда какъ существовавшіе до той поры земскіе органы дѣйствовали преимущественно въ интересахъ земскаго міра. Однимъ изъ видовъ дѣя-

---

[1]) *Соколовскій*, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, стр. 142.
[2]) А. Э. I № 181.
[3]) Чт. О. И. Др. 1907 кн. I, смѣсь.
[4]) Д. А. И. I № 31.
[5]) А. Э. I № 250.

тельности прежнихъ, существовавшихъ до грамотъ земскихъ органовѣ была защита мірскихъ интересовъ отъ покушенія на нихъ со стороны частныхъ лицъ, а также и правительственныхъ агентовъ. Волостные старосты выступаютъ въ судебныхъ процессахъ, которые ведутся волостью, отыскивающей или защищающей свои права, въ качествѣ представителей волости. Особые, специально избиравшіеся волостями старосты присутствуютъ на судѣ намѣстниковъ и волостелей во главѣ коллегіи лучшихъ людей, присяжныхъ засѣдателей, слѣдя за правильностью правосудія и оберегая интересы волостного населенія отъ самихъ этихъ правительственныхъ судей и ихъ уполномоченныхъ. Такое присутствіе старостъ и лучшихъ людей на судѣ, извѣстное уже судебнику Ивана III, царскій судебникъ дѣлаетъ повсемѣстнымъ и обязательнымъ.

Грамоты Грознаго передаютъ и самый судъ въ руки земскихъ выборныхъ, устанавливая для того новыя выборныя должности сверхъ имѣвшихся на лицо прежнихъ.—Точно такъ же выборныя земскія власти издавна вели хозяйственныя дѣла міра, производили сборы денегъ на разнаго рода мірскія нужды, напр. на постройку храма, на посылку челобитья, на общія промышленныя предпріятія, на защиту интересовъ міра на судѣ. Намѣстничьи грамоты представляютъ этимъ же мірскимъ выборнымъ также и сборъ намѣстничьихъ доходовъ, запрещая при этомъ самимъ намѣстничьимъ агентамъ взимать эти доходы непосредственно съ населенія[1]). Земскія грамоты XVI в. возлагаютъ на мірскихъ выборныхъ сборъ и доставку въ Москву вообще казенныхъ податей, поручая это дѣло тѣмъ же вновь учрежденнымъ выборнымъ, которымъ поручался и судъ. На земскіе міры были возложены тѣ правительственныя задачи, которыя раньше возлагались на правительственныхъ агентовъ. Земскіе выборные должны были завѣдывать сборомъ казенныхъ податей, отправленіемъ правосудія и полицейскихъ обязанностей. Соотвѣтственно съ этимъ усложнялся земскій выборный персоналъ; къ прежнимъ выборнымъ агентамъ міра присоединялись новые, на которыхъ такія правительственныя обязанности и возлагались.

Итакъ, выборный механизмъ сѣверныхъ земскихъ міровъ былъ такъ же древенъ, какъ и сами земскіе міры; вызывался къ существованію потребностями самой жизни, складывался давнею практикою. Съ 30-хъ годовъ XVI в. онъ сталъ осложняться, благодаря передачѣ мірамъ государственныхъ функцій. Въ результатѣ и этой долгой практической выработки, и наслоеній, внесенныхъ XVI вѣкомъ и по своему передѣланныхъ жизнью, получилась та система самоуправленія, которую мы застаемъ на сѣверѣ въ XVII в. и къ разсмотрѣнію которой мы теперь должны обратиться. Рискуя утомить вниманіе читателя, мы начнемъ это изученіе съ обзора выборныхъ земскихъ органовъ по отдѣльнымъ уѣздамъ, о которыхъ имѣемъ данныя, не сводя пока этихъ данныхъ въ обобщающій очеркъ для того, чтобы не стирать индивидуальныхъ особенностей каждой мѣстности и пред-

---

[1]) См. напр. Бѣлозерскую намѣстничью грамоту 1488 г. А. Э. I № 123.

ставить эти особенности во всемъ ихъ мѣстномъ разнообразіи. Организацію земскихъ властей мы должны будемъ разсмотрѣть на тѣхъ-же ступеняхъ, на которыхъ мы разсматривали и самые мірскіе сходы, т. е. въ волости и въ уѣздѣ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ кромѣ волостныхъ властей существовали еще земскія власти всеуѣздныя, бывшія органами всеуѣзднаго міра. Пока интересовать насъ будетъ только самая организація, самое устройство исполнительныхъ органовъ самоуправленія. За ихъ дѣятельностью мы будемъ слѣдить въ дальнѣйшихъ главахъ, посвященныхъ анализу дѣятельности земскаго міра и отношеній земства къ государству. Преимущественно мы обратимъ вниманіе пока на высшіе органы самоуправленія, оставляя пока на второмъ планѣ второстепенныхъ выборныхъ агентовъ финансовыхъ, судебныхъ и полицейскихъ, всѣхъ этихъ разрубныхъ и данныхъ цѣловальниковъ, сотскихъ съ пятидесятскими и десятскими и другихъ, о которыхъ скажемъ подробнѣе, когда будемъ излагать различные виды дѣятельности земскаго міра.

Въ Заонежскихъ погостахъ во главѣ каждаго погоста встрѣчаемъ старостъ. Старосты погостовъ дѣйствуютъ здѣсь еще въ XVI столѣтіи[1]). Въ документахъ XVII в. въ однихъ погостахъ упоминаются по одному, въ другихъ по нѣскольку старостъ: двое, трое и четверо, и возможно, что эта множественность обусловливалась подраздѣленіемъ нѣкоторыхъ погостовъ на довольно крупныя и самостоятельныя части, гдѣ и могли избираться особые старосты[2]). Въ нѣкоторыхъ погостахъ вмѣстѣ съ старостами упоминаются также судейки или земскіе судейки, спеціальные органы для

---

[1]) *Е. Барсовъ*, Палеостровъ, его судьба и значеніе, Чт. О. И. Др. 1868 кн. 1. стр. 149. 1536 г. „А въ судѣ (съ судьями, разбиравшими дѣло о землѣ между Палеостровскимъ и Муромскимъ монастырями) сидѣли люди добрые: Ершъ Сергѣевъ сынъ староста, Микита Михайловъ сынъ Сидоровъ изъ Кижскаго погоста, да Шунскіе волости староста Иванъ Денисьевъ сынъ, да Шунскіе жъ волости Денисъ Аѳанасьевъ Носко, да Челможскіе волости староста Григорей Ѳедоровъ Горбачевъ, да Шалскіе волости староста Данило Микитинъ сынъ Юсовъ“.....

[2]) Пр. Д. 1647 № 26. „Воскресенскаго погоста (Важенскаго) старостишка и земскіе судейки: Мирошка Лазаревъ, Нестерко Савельевъ, Ѳедка Кузьминъ; Рождественскаго Остречинскаго погоста старостишка Моисейка Павловъ, Ильинскаго Виницкаго погоста старосты Микулка Еремѣевъ, Любимка Григорьевъ; Рождественскаго Мегорскаго погоста старосты Ларіонка Григорьевъ, Ефремко Осиповъ, Клементейко Аѳанасьевъ, Панкратко Максимовъ; Никольскаго Оштинскаго погоста старосты Опашка Яковлевъ, Васка Игнатьевъ, Поликарпко Докучаевъ; Покровскаго Вытегорскаго погоста старостишка Мишка Савинъ, Пятушка Ивановъ, Аѳонка Григорьевъ; Никольскаго Андомскаго погоста старостишка Игнашко Микифоровъ, Микитка Кононовъ, Трешка Селиверстовъ; Рождественскаго Олонецкаго погоста старостишка Ивашко Ивановъ, Давыдко Емельяновъ, Онцыфорко Юрьевъ, Ермолка Іюдинъ да судейка Петрушка Ивановъ“.

отправленія правосудія. Такіе судейки упомянуты въ погостахъ: Воскресенскомъ, Рождественскомъ на Олонцѣ, Никольскомъ Шуйскомъ, Спасскомъ Кижскомъ, Рождественскомъ Остречинскомъ[1]). Какъ уже намъ извѣстно, Заонежскіе погосты сосредоточивались въ четыре стана: Рождественскій Олонецкій, Оштинскій, Водлозерскій и Выгозерскій; но ни особыхъ становыхъ старостъ, которые бы стояли надъ погостскими, ни какого либо всеуѣзднаго выборнаго исполнительнаго органа, какіе были въ другихъ уѣздахъ, намъ не удалось замѣтить. Одна челобитная 1647 г., поданная отъ погостовъ, называетъ въ именномъ перечнѣ по два старосты отъ каждаго изъ становъ, но это не становые, а погостскіе старосты, какъ можно убѣдиться изъ

---

[1]) Погостъ Никольскій на Шуѣ. Пр. Д. 1647 № 14: „Государю царю... Алексѣю Михайловичу... бьютъ челомъ сироты твои изъ Заонежья Олонецкаго стану Никольскаго Шуйскаго погоста земской судьишка Андрюшка Ивановъ сынъ Чюсовъ да старостишка Петрушка Ивановъ сынъ Макаровъ“; Погостъ Спасскій Кижскій. Пр. Д. 1646 № 42: „Въ Новгородской четверти выписано изъ отпусковъ:... нынѣ государю царю... бьетъ челомъ Новгородскаго уѣзда изъ Заонежья Живоначальные Троицы Климецкаго монастыря игуменъ Іоасафъ съ братьею: въ прошломъ де во 153 г. били челомъ государю Новгородскаго уѣзду Спасскаго Кижскаго погосту старосты Баженко Ѳедотовъ съ товарищи“; Пр. Д. 1647 № 14: „Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича..... Василью Даниловичу Золотареву. Писали къ намъ Спасскаго Кижскаго погоста судейка Филька Максимовъ да староста Фролка Аѳанасьевъ“; Погостъ Никольскій въ Шунгѣ. Пр. Д. 1646 № 42: „Царю государю... Алексѣю Михайловичу... бьютъ челомъ твои государевы сироты Заонежскихъ погостовъ Никольскаго Шунскаго погосту старостишка: Никифорко Мокѣевъ, Ѳедка Денисовъ, Данилко Ивановъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Шунскаго погоста“; Погостъ Выгозерскій. Пр. Д. 1646 № 42: „Государю царю... бьютъ челомъ Новгородскаго уѣзда Заонежскихъ погостовъ Спасскаго Выгозерскаго погоста старостишка Жданко Мартыновъ и во всѣхъ твоихъ государевыхъ достальныхъ крестьянишекъ мѣсто“; Погостъ Никольскій Пудожскій. *Е. Барсовъ,* Палеостровъ, Чт. О. И. Др. 1868 кн. 1, стр. 128. 1617 г. „Се язъ староста Никольскаго Пудожскаго погоста Ѳедоръ Захарьевъ сынъ Биричевъ да язъ цѣловальникъ Иванъ Ѳедоровъ сынъ Кузнецовъ и всѣ волостные люди Никольскаго Пудожскаго погоста государевы царевы... крестьяне“; Пр. Д. 1644 № 15: „Царю государю..... Алексѣю Михайловичу... бьютъ челомъ твои государевы сироты... Никольскаго Пудожскаго погоста старостишка Третьячко Васильевъ да Баженко Полуяновъ; Погосты Рождественскій Остречинскій и Воскресенскій Важенскій. *Е. Барсовъ,* op. cit., стр. 117. „Лѣта 7144 Іюля 29... память Рождественскаго Остречинскаго и Воскресенскаго погостовъ старостамъ и цѣловальникомъ, и всѣмъ крестьянамъ“; ibid. стр. 119: „145 г. марта въ 29 д. по государеву.... указу... дати на поруки съ записьми Остречинскаго погоста старосту Ондрейка Михайлова... да Важенскаго погоста старосту Богданка Петрова“. *Неволинъ,* О пятинахъ и погостахъ, стр. 103, примѣчаніе: грамота олонецкаго воеводы, которою предписывалось произвести въ 1636 г. выборы старостъ въ погостахъ Важенскомъ, Остречинскомъ, Виницкомъ, Оштинскомъ, Мегорскомъ, Вытегорскомъ, Андомскомъ, Пудожскомъ, Шальскомъ и Водлозерскомъ.

сравненія ихъ именъ съ именами погостскихъ старостъ за тотъ же годъ по другому документу [1]). Они упомянуты въ перечнѣ челобитной, можетъ быть, потому, что были уполномочены ее составить; другіе погостскіе старосты скрыты подъ формулой: „и всѣхъ... погостовъ старостишка". Такъ что можно думать, что Заонежскіе погосты не имѣли земскихъ властей высшей инстанціи, которыя стояли бы надъ погостскими старостами и судьями, ни становыхъ, ни всеуѣздныхъ. Очевидно, исполнительными органами всеуѣзднаго съѣзда погостовъ были сами погостскіе старосты.

Присоединенные съ половины XVII в. къ Заонежскимъ погостамъ сосѣдніе съ ними Лопскіе погосты обладали органами самоуправленія, гарантированными имъ жалованными грамотами Михаила Θедоровича и его предшественниковъ, на которыя они ссылались. Этими грамотами погосты освобождались отъ юрисдикціи новгородскихъ намѣстниковъ и подчинялись юрисдикціи новгородскихъ дьяковъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность „беречь погосты" отъ новгородскихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ. Судятъ Лопянъ по грамотамъ „выборные судейки, кого выберутъ всею Лопьскою землею", и для этихъ судей новгородскіе дьяки являются высшей инстанціей, къ которой судьи обращаются, присылая къ нимъ въ докладъ судные списки въ тѣхъ случаяхъ, когда сами затруднились бы рѣшить дѣло. Другую государственную функцію—сборъ дани и отправку ея въ Новгородъ—жалованныя грамоты, возлагали на выборныхъ старостъ и цѣловальниковъ, издавна, вѣроятно, существовавшихъ въ погостахъ. Погостскіе судейки и старосты, дѣйствительно, функціонируютъ на практикѣ въ XVII в., раздѣляя между собою обязанности такъ, какъ это именно указывалось жалованными грамотами. Въ одной частной челобитной 1628 г. челобитчикъ жалуется на двухъ судей Ругозерскаго погоста, которые не пустили погостскаго старосту на свое судебное засѣданіе, „того старосту волостного выбили изъ суда вонъ". Челобитчикъ приводилъ предписаніе какой то жалованной грамоты, по которой будто бы слѣдовало „судить выборнымъ старостамъ и на суду сидѣть съ судьями и съ цѣловальниками, кого выборной староста излюбитъ" [2]). Но, повидимому, онъ былъ неправъ.

---

[1]) Пр. Д. 1647 № 26: „Государю царю... Алексѣю Михайловичу... Заонежскихъ становъ: Рождественскаго Олонецкаго стану земскіе старостишка *Ивашко Ивановъ*, Онашка Артемьевъ; Оштинскаго стану *Онашка Яковлевъ*, *Панкрашка Максимовъ*; Водлозерскаго стану *Игнашка Микифоровъ*, Ивашка Левонтіевъ; Выгозерскаго стану Θедко Денисовъ, Микифорко Мокіевъ и всѣхъ четырехъ становъ и погостовъ старостишка и всѣ твои государевы крестьянишка челомъ бьютъ". Имена, напечатанныя курсивомъ, совпадаютъ съ именами погостскихъ старостъ, указанными въ примѣчаніи на стр. 248. Въ самомъ дѣлѣ, Ивашко Ивановъ—староста Олонецкаго погоста; Онашка Яковлевъ—староста Оштинскаго погоста; Панкрашка Максимовъ—староста Мегорскаго погоста; Игнашка Микифоровъ—староста Андомскаго погоста. Отсюда можно отчасти заключать о группировкѣ погостовъ по станамъ.

[2]) Пр. Д. 1628 № 64.

По крайней мѣрѣ въ той подробной передачѣ содержанія жалованныхъ грамотъ, которая была сдѣлана въ офиціальной челобитной отъ всей Лопской земли въ 1649 г.,[1]) челобитной, опиравшейся, разумѣется, на подлинные тексты грамотъ, такого предписанія не находится,—и можно думать, что судебныя дѣла должны были рѣшаться, какъ они и рѣшались на практикѣ, особыми судейками. Съ старостами, стоявшими во главѣ погостовъ, мы имѣли случай познакомиться при разсказѣ объ организаціи въ погостахъ военныхъ поселеній. Кн. Волконскій, объѣзжая съ этою цѣлью въ 1649 г. погосты, вызывалъ къ себѣ старостъ, которые приносили къ нему списки крестьянъ[2]) и давали показанія. Въ 1615 г., какъ приходилось уже упоминать, появилась въ погостахъ и выборная всеуѣздная должность: всѣми погостами былъ избранъ изъ мѣстныхъ крестьянъ особый „нарядчикъ для воинскаго дѣла", на обязанности котораго лежало думать и промышлять о защитѣ погостовъ отъ воинскихъ людей, отъ литовскихъ, и отъ нѣмецкихъ, и отъ русскихъ воровъ[3]). Но такая должность, вызванная Смутой, существовала недолго и впослѣдствіи особыхъ всеуѣздныхъ земскихъ властей мы въ Лопскихъ погостахъ уже не видимъ.

Кольскій уѣздъ кромѣ посада Колы включалъ въ себя въ началѣ XVII в. 4 миніатюрныхъ русскихъ волостки: Пояргубу, Кандалакшу, Кереть и Ковду и затѣмъ 14 также очень мелкихъ погостовъ, населенныхъ лопарями. Лопари обладали нѣкоторымъ самоуправленіемъ по жалованной грамотѣ, данной имъ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ въ 1585 г. и предоставлявшей имъ самимъ сбирать дань съ ихъ погостовъ[4]). Двумъ русскимъ волостямъ Керети и Ковдѣ, относительно болѣе крупнымъ, въ которыхъ по книгѣ 1611 г. насчитывалось 39 и 21 дворовъ, дана была еще въ 1542 г. по ихъ ходатайству жалованная грамота, санкціонировавшая избранныхъ ими 6 цѣловальниковъ и предоставившая этимъ цѣловальникамъ присутствовать, перемѣнялясь въ три очереди, на судѣ правительственныхъ агентовъ: керетскихъ и ковдинскихъ даньщиковъ и слободчика, которымъ безъ нихъ производить судъ было запрещено. На тѣхъ же цѣловальниковъ было возложено и губное дѣло по губной грамотѣ, до насъ не дошедшей[5]). Какая либо выборная организація несомнѣнно существуетъ въ этихъ волостяхъ и въ XVII в. Волость Кереть впрочемъ въ 1635 г. была пожалована Соловец-

---

[1]) См. Гл. II, стр. 13, примѣч.

[2]) Пр. Д. 1649 № 75: „кн. Дмитрій Волконскій... по твоему государеву указу пріѣхалъ въ Лопскіе въ Никольской, въ Линдозерской да въ Рождественской Семчезерской, да въ Спасской Селецкой погосты, и въ тѣхъ погостѣхъ принесли къ нему кн. Дмитрію старосты своихъ старощеньевъ крестьянскимъ и бобыльскимъ дворамъ и во дворѣхъ людемъ именныя книги. И кн. Дмитрій, поставя передъ собою тѣхъ погостовъ поповъ и ихъ, старостъ, и всѣхъ крестьянъ, допрашивалъ"...

[3]) Пр. Д. 1628 № 64.

[4]) Чт. О. И. Др. 1883 кн. 2, смѣсь, стр. 7—10.

[5]) А. Э. I № 196, II.

кому монастырю. Двѣ другія русскія волостки одна въ 5, другая въ 7 дворовъ, были слишкомъ уже мелки, чтобы въ такой организаціи нуждаться. Уѣздные съѣзды въ Кольскомъ уѣздѣ, какъ приходилось говорить выше, едва ли были возможны, и незамѣтно также никакихъ всеуѣздныхъ выборныхъ должностей, которыя бы служили объединеніемъ уѣзда, какъ земскаго міра.

Каргопольская земля въ XVI вѣкѣ получила двѣ жалованныя грамоты: уставную намѣстничью въ 1536 г. и губную въ 1539[1]). Въ XVIII в. въ волостяхъ Каргопольскаго уѣзда выборными земскими органами были земскіе старосты и судьи, причемъ замѣтно, что для образованія административнаго или судебнаго округа, волости смыкаются въ группы, и въ такомъ округѣ выборныя власти дѣйствуютъ въ видѣ коллегіи. Такъ упоминается въ одномъ актѣ „окологородныхъ волостей земскій староста", а изъ другого видно, что такой староста стоялъ во главѣ группы этихъ окологородныхъ, близъ посада Каргополя лежащихъ волостей, не единолично, такъ какъ документъ называетъ двухъ старостъ окологородныхъ волостей[2]). Коллегія изъ трехъ лицъ избиралась въ судьи группы Низовскихъ волостей, въ которую входили волости: Нижній Боръ Троицкій приходъ и Нижній Боръ на Плесѣ. „Въ прошломъ, государь, во 134 (1626 г.)", пишетъ въ своей челобитной крестьянинъ Троицкой волости, „былъ я по выбору волостныхъ крестьянъ въ Низовскихъ волостяхъ судейкою, а товарищи со мною были Петръ Брыкинъ да Григорій Еремѣевъ"[3]). Такимъ же общимъ управленіемъ и общей юрисдикціей объединялись волости, составлявшія Усть-Мошенскій станъ въ Турчасовской половинѣ уѣзда. Упоминается староста

---

[1]) А. Э. I № 181; Д. А. И. I № 31. Первая изъ этихъ грамотъ напечатана подъ названіемъ Онежской; судя по указаніямъ на территорію, на которой она должна была дѣйствовать, видно, что она дана именно Каргопольскому уѣзду. Въ грамотѣ округъ ея дѣйствія обозначенъ такъ: „Онежане и верхъ Мехренги въ Настасьинской волости, и на Усть-Емцы (вѣроятно, на Усть Мехренги; Усть-Емца еще по двинской уставной грамотѣ 1398 г. входила въ составъ Двинской земли), въ Сельцѣ, на Погостѣ" и далѣе: „а намѣстникъ нашъ держитъ у нихъ во всей Онежской землѣ тіуна да 4 доводчика, а станы и деревни своимъ доводчикомъ подѣлитъ: въ Каргополѣ доводчикъ, на Усть-Моши доводчикъ, на Турчасовѣ доводчикъ, на Мегренгѣ и на Усть-Мегренгѣ, въ Сельцѣ, на Погостѣ доводчикъ". Послѣдніе термины обозначаютъ очевидно волости. Церковный Погостъ и Сельцо, расположенныя на рр. Мехренгѣ и Емцѣ въ Мехренгскомъ стану Каргопольскаго уѣзда.

[2]) Пр. Д. 1647 № 14. „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой каргопольской посадской выборной человѣченко Вторушка Кипріановъ окологородныхъ волостей на земскаго старосту на Степанка Герасимова"; Пр. Д. 1648 № 39. „Царю государю... бьютъ челомъ сироты твои Каргопольской посадской старостишка Ратманко Залякинъ да окологородныхъ становъ старостишка Якимко—нъ, Степка Кожевниковъ и во всѣхъ каргопольскихъ посадскихъ людишекъ и уѣздныхъ крестьянишекъ мѣсто".

[3]) Пр. Д. 1628 № 64.

Усть-Мошскаго стана[1]), и судебная коллегія, стоящая во главѣ этого стана[2]). Волости, группировавшіяся къ турчасовскому посаду и составлявшія Верхній конецъ Турчасовской земли[3]) имѣли своего особаго старосту, дѣйствовавшаго въ 1659 г. въ союзѣ съ старостою Усть-Мошскаго стана[1]). Каргопольскій уѣздъ распадался на двѣ самостоятельныя половины: Каргопольскую и Турчасовскую, обособленныя одна отъ другой въ области таможеннаго и кабацкаго управленія и въ отбываніи повинности городового дѣла[4]). Даже и по воеводскому управленію эти двѣ половины представляли иногда, какъ мы знаемъ, особые округа, и въ каждую изъ нихъ назначался отдѣльный воевода. При такомъ разъединеніи уѣзда нечего, разумѣется, искать въ немъ общаго единаго всеуѣзднаго земскаго органа. Такіе органы стоятъ во главѣ каждой половины. Роль всеуѣздной исполнительной земской власти для каргопольской половины играетъ староста каргопольскаго посада, стоящій во главѣ волостныхъ старостъ этой половины. По крайней мѣрѣ всеуѣздная челобитная каргопольской половины уѣзда пишется отъ его имени „и во всѣхъ каргопольскихъ посадскихъ и уѣздныхъ крестьянишекъ мѣсто". Въ числѣ рукоприкладствъ подъ этою челобитною встрѣчаемъ подпись старосты окологородныхъ волостей, старосты низовскихъ волостей, одного волостного посыльщика и нѣсколькихъ

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 94. 1659 г. „Царю государю.. Алексѣю Михайловичу бьютъ челомъ сироты твои государевы Турчасовскаго стану Верхняго Конца старостишко... да Усть-Мошскаго стану старостишко С. Васильевъ.

[2]) Пр. Д. 1628 № 64. „Царю государю... бьютъ челомъ твои государевы сироты Мошенскіе волости прошлаго 134 г. земскіе судейки Ермолка Ивановъ да Иванко Андреевъ Хрептовъ. По твоему государеву указу и по мірскому выбору Мошенскіе волости крестьянъ были, государь, мы въ прошломъ во 134 г. земскими судейками"; Пр. Д. 1638 № 36. „Царю государю... бьютъ челомъ твои государевы сироты Усть-Мошскаго стану Каргопольскаго уѣзду земскіе судейки Тимонка Малыгинъ и въ товарищевъ своихъ мѣсто.... Въ прошломъ, государь, во 145 г. былъ язъ, Тимонка, съ товарищи своими по твоему государеву указу и мірскихъ людей по выбору выбранъ въ судейство въ Усть-Мошскомъ стану къ земскимъ и суднымъ дѣламъ". Пр. Д. 1653 № 59: „во 153 г. устьмошскіе судьи Ст. Негодяевъ съ товарищи по челобитью Устьмошскаго стану ростовщика и міропродавца Бажена Ларіонова отвели (участокъ земли) за напрасной долгъ ростовой".

[3]) Нижній конецъ Турчасовскаго стана составляли волости, расположенныя по низовьямъ р. Онеги, по большей части принадлежавшія Соловецкому монастырю.

[4]) Пр. Д. 1630 № 94. Помѣта на челобитной турчасовцевъ: „167 г. окт. въ 30 д. государь пожаловалъ, буде они напередъ сего въ городовомъ въ каргопольскомъ дѣлѣ не помогали, а дѣлали свои острожки, и грамота имъ напередъ сего о томъ городовомъ дѣлѣ дана, досмотря грамоты, противъ прежняго дѣлать имъ свои острожки въ своихъ станѣхъ въ Турчасовѣ и въ Усть-Мошѣ, а въ Каргополь въ городовое дѣло противъ прежняго ничѣмъ не помогать и дать о томъ грамоту".

посадскихъ людей—это значитъ, что она вырабатывалась или, по крайней мѣрѣ, должна была разсматриваться на всеуѣздномъ каргопольскомъ съѣздѣ [1]). То же значеніе для турчасовской половины, вѣроятно, имѣлъ староста турчасовскаго посада. Когда обѣ половины дѣйствуютъ вмѣстѣ, напримѣръ, подаютъ общую челобитную, она пишется отъ имени обоихъ старостъ каргопольскаго и турчасовскаго „во всѣхъ каргопольскихъ и турчасовскихъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ мѣсто“ [2]). Въ одной изъ такихъ общихъ челобитныхъ мѣсто каргопольскаго посадскаго старосты, вѣроятно, по случайнымъ причинамъ, въ виду напр. его отсутствія, занимаютъ двое старостъ окологородныхъ волостей [3]).

Уставная земская грамота дана Двинской землѣ, какъ извѣстно, въ 1556 г. Но органы земскаго самоуправленія существуютъ тамъ до нея. Въ первую половину XVI в. въ актахъ упоминаются холмогорскій староста и волостные старосты: ухтостровскій, терпиловскій, низовскій—рядомъ съ послѣднимъ также сотскій—которые и производятъ сборы казенныхъ и мірскихъ денегъ [4]). Низовскіе староста и сотскій исполняютъ свою должность по нѣскольку лѣтъ [5]). Земская грамота 1556 г. и дана на имя одного изъ низовскихъ сотскихъ Ѳедора Амосова Шуйгина, занимавшаго этотъ постъ въ 1552—1558 гг. и, вѣроятно, отправленнаго въ Москву съ всеуѣздною челобитною объ отмѣнѣ намѣстничьяго управленія,

---

[1]) Пр. Д. 1647 № 26. „Царю государю... бьютъ челомъ сироты твои каргопольскій старостишко Мишка Шумиловъ и во всѣхъ каргопольскихъ посадскихъ и уѣздныхъ крестьянишекъ мѣсто“.

[2]) Пр. Д. 1646 № 42: „Каргопольской посадской староста Оверка Ощеринъ да турчасовской староста Кирилко Васильевъ и во всѣхъ каргопольскихъ и турчасовскихъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ мѣсто“.

[3]) Пр. Д. 1653 № 59. „Въ Новгородской четверти выписано.... и нынѣ государю царю... бьютъ челомъ каргопольскіе окологородные старосты Ермолка Шадринъ да Данилка Кекишевъ, да Турчасовскаго стану староста Дружинка Тимоѳеевъ и во всѣхъ каргопольскихъ и турчасовскихъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ мѣсто“.

[4]) Низовскою волостью (Акты Лодомской церкви въ Р. И. Б. XXV, № LXX.)—назывался, повидимому, въ XVI в. Андреяновъ станъ, расположенный по р. Лодмѣ, въ составъ котораго входилъ Лодомскій приходъ или волостка. Ibid. № XCI, 1568 дек. 30. „Се язъ *староста Низовской Ондреяновскаго станку* Парѳеній Олферьевъ сынъ“. Позже въ XVII в. сборъ съ Лодомской волостки производитъ сотникъ Андреяновскаго стана. См. Акты Лодомской церкви passim. Можетъ быть, въ составъ Низовской волости входила даже цѣлая группа мелкихъ волостокъ по низовьямъ Двины, въ XVII в. обособившихся другъ отъ друга.

[5]) Ibid. № XXIV, 1545 г. Староста низовскій Иванъ Мининъ Прилуцкій... „что есми старостилъ у нихъ пять лѣтъ“. Мы его встрѣчаемъ старостой еще и въ актахъ 1548 г.; № LXXIII. 1558 г. февр. 17, сотскій Ѳедоръ Амосовъ Шуйгинъ: „что есми сотсковалъ шесть лѣтъ и 16 недѣль“.

въ отвѣтъ на которую и была дана грамота[1]). При старостѣ и сотскомъ находятся земскій дьякъ и подвойскій—терминъ, напоминающій связь Двинскаго края съ Новгородомъ. Можно предполагать, что такіе же органы земскаго самоуправленія были и въ другихъ волостяхъ, входившихъ въ составъ Двинской земли.

Уставная земская грамота 1556 г. дана Нижней половинѣ этой земли, т. е. тому округу, который былъ расположенъ по нижнему теченію Двины и составлялъ въ XVII в. Двинскій уѣздъ или Двинскую землю. Говоря о Нижней половинѣ, грамота тутъ же говоритъ о всей Двинской землѣ въ смыслѣ уѣзда: „пожаловалъ есми двинянъ Нижніе половины посадскихъ людей колмогорцевъ Ивановскаго и Никольскаго приходу[2]), сотскаго и старосту Ѳедку Обросимова Шуйгина и во всѣхъ христіанъ мѣсто посадскихъ и окологородныхъ всее Двинскіе земли".—Что новаго вводила грамота? Отмѣняя намѣстничье управленіе, облагая за это двинянъ особымъ оброкомъ и предоставляя имъ самостоятельную раскладку всѣхъ податей между собою „по животамъ и по промысломъ, и по угодьямъ", грамота утверждаетъ двухъ избранныхъ посадскими и волостными людьми и представленныхъ правительству „излюбленныхъ головъ", или, какъ они дальше названы, выборныхъ судей Ст. Окулова и И. Поплевина съ нѣсколькими товарищами, число и имена которыхъ въ грамотѣ не упомянуты. Далѣе она указываетъ обязанности этихъ органовъ земскаго управленія, предназначенныхъ замѣнить государева намѣстника. Во-первыхъ, коллегія излюбленныхъ головъ съ товарищами должна собирать и отвозить въ Москву въ сопровожденіи еще человѣкъ пяти или шести ассистентовъ изъ лучшихъ людей новый оброкъ и, надо думать, и другіе казенные сборы; во-вторыхъ, отправлять правосудіе какъ въ посадѣ, такъ и между волостными крестьянами, руководствуясь новымъ судебникомъ и тѣми нѣсколькими процессуальными нормами, которыя изложены въ грамотѣ; въ-третьихъ, эти выборные судьи должны организовать полицію по всей Двинской землѣ, именно въ Холмогорахъ на посадѣ и по всѣмъ станамъ и волостямъ учредить должности сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, выбравъ на эти должности людей, которые бъ были добры, прямы и всѣмъ крестьянамъ любы. Этимъ полицейскимъ чинамъ поручается надзоръ, чтобы не было въ ихъ округахъ татей, разбойниковъ, ябедниковъ, подписчиковъ, т. е. поддѣлывателей документовъ, корчемства, укрывательства преступни-

---

[1]) Въ грамотѣ онъ названъ „сотскимъ и старостою", хотя акты того же года называютъ низовскимъ старостою другое лицо. Ibid. № LXVIII, LXIX. Возможно, что онъ названъ старостою потому, что какъ разъ въ этомъ году, какъ онъ пишетъ о себѣ, „язъ Ѳедоръ сидѣлъ старостою въ судѣ съ тіуномъ съ Русиномъ", т. е. присутствовалъ на судѣ намѣстничьяго тіуна въ качествѣ того старосты, представителя отъ населенія, присутствіе котораго на судѣ намѣстниковъ и волостелей во главѣ коллегіи присяжныхъ засѣдателей, цѣловальниковъ, требовалось судебниками. Ibid. № LXIX.

[2]) Никольскій и Ивановскій концы въ Холмогорахъ.

ковъ. Всякихъ лихихъ людей сотскіе съ подчиненными имъ чинами обязаны ловить и представлять выборнымъ судьямъ подъ страхомъ наложенія въ случаѣ непоимки казенной пени и уплаты исковъ истцамъ. Выборнымъ судьямъ дается губное право: казнить лихихъ людей. Должность выборныхъ судей безсрочна; они занимаютъ ее до тѣхъ поръ, пока двиняне „похотятъ выборныхъ своихъ судей перемѣнити", и тогда предоставляется имъ выбрать новыхъ судей и прислать ихъ въ Москву съ документами объ избраніи для привода къ присягѣ[1]). Итакъ, грамота устанавливала всеуѣздный органъ—коллегію излюбленныхъ головъ, или выборныхъ судей, компетенція которой по сбору финансовъ и по отправленію обыкновеннаго и губного правосудія простиралась на всю Двинскую землю, а въ волостяхъ требовала учрежденія земскихъ должностей съ полицейскими обязанностями. Въ какой мѣрѣ эти постановленія грамоты осуществились на практикѣ? Всеуѣздную коллегію, о которой говоритъ грамота, можно дѣйствительно наблюдать по памятникамъ практическаго характера во второй половинѣ XVI и втеченіе всего XVII вѣка; ея членовъ мы постоянно встрѣчаемъ въ этихъ памятникахъ въ XVI в. съ названіями „головъ", „данныхъ старостъ" и „выборныхъ земскихъ судей", а въ XVII съ именами „земскихъ старостъ"[2]). Крестининъ, который, разумѣется, хорошо могъ знать недалекую отъ него старину XVII вѣка, разсказываетъ объ управленіи двинскаго края, что „подъ правленіемъ воеводъ вся Двинская земля была раздѣлена на три части или трети называемыя: Емецкая, Околопосадная и Низовая.... Каждая треть выбирала ежегодно земскаго старосту для начальства надъ всѣми волостными сотскими своего удѣла;

---

[1]) А. Э. I № 250.

[2]) Акты Лодомской церкви: № LXXV, 1560 марта 5: „выборная голова"; idem № LXXVI; № LXXVII, 1561 г. дек. 13: „Двинской данной староста Якимъ Романовъ да цѣловальники и д. т."; № LXXX, 1562: „Двинской данной староста Кирило Михайловъ сынъ Офутина да цѣловальники". Онъ же въ №№ LXXXII, LXXXIV; № LXXXVIII, 1567 янв. 1: „выборный судья Нижней половины". См. также №№ CXLV, CXLVIII, CCXXVII и др. Р. И. Б. XIV, стр. 139. „Отъ царя и в. кн. Ѳедора Ивановича... на Двину данному старостѣ Юрью Иванову съ товарищи". 1592 г. А. Э. I № 364, 1595 г. „Отъ царя и в. кн.... на Двину даннымъ старостамъ Савкѣ Тимоѳееву съ товарищи". Р. И. Б. XIV, стр. 147. „Лѣта 7104 декабря въ 9 д. по государевѣ.... грамотѣ двинской данной староста Онтоманъ Тошка Тарасовъ сынъ да цѣловальники" и т. д.; ibid. стр. 150—151, 1598 г. іюня 28. „Колмогорской посадской данной староста Дмитрій Тихоновъ да становой и волостной данной староста Третьякъ Григорьевъ сынъ Шубной съ товарищи" и т. д.; ibid. стр. 135: 1592 г. апр. 14. „Отъ царя и в. кн. Ѳедора Ивановича на Двину выборному земскому судьѣ Ивану Порфирьеву сыну Безбородово съ товарищи"... Чт. О. И. Др. 1878 кн. 3. *Еп. Макарій*, Историческія свѣдѣнія объ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ, стр. 42: „Отъ царя и в. кн. Василія Ивановича (Шуйскаго) на Двину данному старостѣ Никиткѣ Сидорову съ товарищи да земскому выборному судейкѣ Акиндину Софронову" и т. д.

отъ посадовъ же земскій староста одинъ выбирался. Всѣ земскіе старосты засѣдали и управляли дѣла вообще на Холмогорскомъ земскомъ дворѣ“ [1]). Такимъ образомъ всеуѣздная двинская выборная коллегія состояла изъ четырехъ членовъ, трое изъ которыхъ были представителями волостей, сгруппированныхъ въ трети, а четвертый являлся представителемъ всѣхъ двинскихъ посадовъ, которыхъ было 6, если притомъ считать Холмогоры за одинъ посадъ. Акты практическаго дѣлопроизводства, дѣйствительно, подтверждаютъ свѣдѣнія, сообщаемыя Крестининымъ. Въ 1671 г. всеуѣздныя челобитныя отъ всей земли пишутся отъ имени двинскихъ земскихъ старостъ въ числѣ именно четырехъ человѣкъ въ такой формѣ: „бьютъ челомъ сироты твои двинскіе выборные земскіе старостишка Микитка Невѣжинъ, Ѳедка Масловъ, Юшка Ногавицынъ, Зотка Игумновъ и всего Двинскаго уѣзда посадскіе и уѣздные людишка“ [2]).

Во главѣ двинскихъ волостей стоятъ въ XVII в., какъ это можно видѣть изъ свидѣтельства Крестинина, сотскіе—и это было особенностью двинскаго уѣзда. Челобитную 1636 г. отъ всей земли всеуѣздные двинскіе старосты подавали „во всѣхъ двинскихъ посадскихъ и волостныхъ сотскихъ и людей мѣсто“ [3]). Волостные сотскіе подписываютъ приведенную выше всеуѣздную челобитную 1671 г., значитъ они являются представителями волостей на всеуѣздномъ съѣздѣ. Въ качествѣ такихъ же представителей волостей они выступаютъ, когда отъ своего имени подаютъ волостныя ходатайства „во всѣхъ волостныхъ крестьянъ мѣсто“ [3]). Самыя двинскія волости носятъ иногда названіе сотенъ. На сотскихъ Двинской земли лежатъ тѣ обязанности по сбору казенныхъ и мірскихъ денегъ, которыя въ Заонежскихъ погостахъ и въ волостяхъ Каргопольскаго уѣзда исполняются старостами [4]). Рядомъ съ сотскими въ двинскихъ волостяхъ

---

[1]) *Крестининъ*, Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ Двинскаго народа на сѣверѣ. СПб. 1785.

[2]) Пр. Д. 1601 № 3; Пр. Д. 1636 № 26. Въ 1636 г. такая же челобитная подается отъ имени трехъ старостъ: „бьютъ челомъ сироты твои двинскіе земскіе старосты Игнашка Ѳедоровъ, Левка Мамоновъ, Ивашко Зиновьевъ и во всѣхъ двинскихъ посадскихъ и волостныхъ сотскихъ и людей мѣсто“. Но четвертый староста могъ случайно отсутствовать при составленіи челобитной.

[3]) Пр. Д. 1651 № 58: „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой Двинскаго уѣзду Матигорской волости Никольскаго приходу сотской Мишка Дороѳеевъ и во всѣхъ волостныхъ крестьянъ мѣсто. Въ прошломъ, государь, во 149 г. били челомъ мы, сироты твои, отцу твоему государеву... и подавали челобитную на Холмогорахъ въ съѣзжей избѣ воеводѣ... на сотскаго Борисоглѣбскихъ Матигоръ на Исака Тархова и на всѣхъ волостныхъ крестьянъ“.

[4]) Пр. Д. 1629 № 27: „Въ прошломъ, государь, во 134 г. по твоему государеву указу и по выбору Койдокурскіе волости крестьянъ былъ я, сирота твой, въ той въ Койдокурской волости въ сотничишкахъ, сбиралъ твои государевы данныя и оброчныя деньги, и на земской расходъ“.

дѣйствуютъ также земскіе судейки, спеціально отправляющіе правосудіе. Иногда въ волостныхъ челобитныхъ въ поименномъ перечнѣ лицъ, участвовавшихъ на волостномъ сходѣ, имя земскаго судейки ставится выше имени сотскаго [1]). Этихъ судеекъ мы встрѣчаемъ тамъ уже во второй половинѣ XVI в. [2]).

Такъ жизнь развивала формы организаціи земскаго самоуправленія, не стѣсняясь рамками, указанными уставной земской грамотой. Такую же организацію земскихъ волостныхъ властей мы встрѣчаемъ въ уѣздахъ Кевродьскомъ и Мезенскомъ, нѣкогда входившихъ въ составъ Двинской земли, чѣмъ вѣроятно и слѣдуетъ объяснять близкое сходство въ устройствѣ земскаго самоуправленія въ обоихъ этихъ краяхъ. Въ Кевродьскомъ уѣздѣ во главѣ обширнаго Кевродьскаго стана, включавшаго въ себя 11 волостокъ, стоитъ „земскій староста“, который, можетъ быть, играетъ роль также представителя всего уѣзда и является какъ бы предсѣдателемъ

[1]) Пр. Д. 1649 № 93. 1649 г. „Царю государю... Алексѣю Михайловичу... бьютъ челомъ сироты твои Двинскаго уѣзду Емецкаго стану Сійской сотни земскій судейка Митка Купріяновъ, да сотскій Суботка Ѳедоровъ, да волостные крестьяне (7 именъ) и всѣ крестьянишка Сійской и Хоробрицкой волостей и Брилина Наволока“; Пр. Д. 1649 № 130. 1649 г. „Царю государю... бьютъ челомъ сироты твои Ракульскіе волости земской судейка Ѳедка Тимоѳеевъ да сотской Александрко Софроновъ и волостные крестьяне (12 именъ) и всѣ крестьяне Ракульской волости“; Пр. Д. 1650 № 94. 1649 г. „Царю государю... бьютъ челомъ сироты твои Челмохотской и Пукшенской волости земской судейка Корнилко Яковлевъ да сотской Савка Яковлевъ и волостные крестьянишка (16 именъ) и всѣ крестьяне Челмохотской и Пукшенской волостей“. *Еп. Макарій*, Историческое описаніе Красногорскаго монастыря. Чт. О. И. Др. 1880 кн. 3, стр. 75. 1661 г. „А для переписки всякаго монастырскаго строенія голова (стрѣлецкій) Микита и подьячій Василій имали съ собою Соялъскаго стану выборныхъ людей: земскаго судейку Ваську Леонтьева да сотскаго Аверку Филиппова, да крестьянъ.

[2]) А. И. I № 211. 1582 г. февр. „Отъ царя и в. кн. Ивана Васильевича... на Двину Чухченемскіе волости земскимъ судьямъ Карпу Агаѳонову да приписному земскому Богдану Матвѣеву да Ухтостровскіе волости Семену Яковлеву, да Ровдогорскіе волости Семену Демидову, да великокурскому судьѣ Роману Семенову сыну Онтонову. Били намъ челомъ двиняне Оксенко Олферьевъ да Онтонко Григорьевъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Чюхченемскіе волости на ухтостровскаго сотника на Осипа на Оникіева да на Юрья на Иванова, да на куростровскаго сотника на Мокѣя Нечаева сына Пекишева“ и т. д.; А. Э. I № 364: 1595 г. „Отъ царя и в. кн. Ѳедора Ивановича... на Двину даннымъ старостамъ ...да Калейскаго станку земскому судьѣ Марку Леонтьеву съ товарищи“; А. И. II № 72. 1606. „Отъ царя и в. кн. Василія Ивановича... Двинскаго уѣзда на Волокъ Пинежской выборному земскому судьѣ Ивану Назарьеву съ товарищи“.

всеуѣзднаго совѣта. Староста, а не сотскій упоминается въ одной изъ кевродьскихъ волостей—Сурѣ [1]). Въ остальныхъ волостяхъ во главѣ каждой стоитъ сотскій и при немъ земскій судейка. Вслѣдъ за сотскимъ и судейкой при перечисленіи выборныхъ волостныхъ властей указываются обыкновенно десятскіе. Тѣ же земскія власти и по волостямъ Мезенскаго уѣзда [2]).

Какъ извѣстно, Яренскій уѣздъ во второй половинѣ XVI вѣка представлялъ изъ себя группу крупныхъ волостей, въ которую входили: Яренскій округъ собственно, затѣмъ волости: Вымь, Сысола и Удора, разъединенныя одна отъ другой огромными пространствами и едва связанныя между собою слабымъ тяготѣніемъ къ Яренскому городку, какъ къ центру. Царская грамота 1582 г. яренцамъ адресуется на имя сотниковъ, стоявшихъ во главѣ каждой изъ этихъ крупныхъ волостей, именно сотниковъ Вычегодскаго (Яренскаго), Вымскаго, Сысольскаго и Удорскаго [3]). Въ XVII в. организація земскихъ властей уѣзда еще формируется, какъ формируется и самый уѣздъ. По отдѣльнымъ мелкимъ волостямъ, входящимъ въ составъ перечисленныхъ крупныхъ, упоминаются земскіе цѣловальники; но земскіе судьи продолжаютъ еще и въ XVII в. стоять во главѣ этихъ крупныхъ подраздѣленій, хотя впрочемъ не всѣхъ. Такъ въ первой половинѣ вѣка одинъ выборный земскій судья стоитъ надъ всѣми сысольскими волостями, т.-е. надъ тѣми 11-ю погостами, которые входили въ составъ волости Сысолы [4]). Его же юрисдикціи подлежалъ и погостъ Ви-

---

[1]) Всѣ эти выборныя должности упоминаются въ переписной книгѣ 7186 г., Арх. мин. юст. кн. 15055, при показаніяхъ о причинѣ запустѣнія дворовъ, напр. въ концѣ описанія Кевродьскаго стана: „А по сказкѣ кевродьскаго земскаго старосты и десятскихъ и т. д.“; при описаніи волости Выя: „а по сказкѣ той волости сотскаго и судейки, и выборныхъ людей и т. д.“.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 15055. Волость Юрома... „а по сказкѣ того приходу сотскаго и судейки и десятскихъ и т. д.“; волость Олема... „а по сказкѣ тое волости судейки и выборныхъ людей“; погостъ Карьеполе и волость Малая Немъюшка... „а по сказкѣ тѣхъ волостей (погостъ и волость, очевидно, составляли одно административное цѣлое) сотскаго и судейки, и десятскихъ“ и т. д.

[3]) Пр. Д. 1582 г.

[4]) Пр. Д. 1638 № 36. 1637 г. „Списокъ съ записи слово въ слово. Се язъ Киберскіе волости (погостъ Кибра) церковной староста Лука Прокопьевъ сынъ да (21 имя крестьянъ) и во всѣхъ киберскихъ крестьянъ мѣсто дали есмя на себя сію запись прошлаго году цѣловальнику Клементью Исаеву въ томъ, что онъ, Клементій, билъ челомъ государю, а челобитную подавалъ сысольскому земскому выборному судьѣ Григорію Алексѣеву о счетѣ волостномъ“. Ibid. грамота изъ Москвы адресована „на Сысолу выборнымъ судейкамъ Бѣляку Гаврилову да цѣловальникомъ Филимонку Семенову да Лучкѣ Трофимову, да приписному судейкѣ Тренкѣ Захарову съ товарищи“. Пр. Д. 1655 № 36. 1655 г. „Государю царю... бьетъ челомъ сысольскихъ волостей земской выборной судейка Якушко Семеновъ сынъ Куликовъ“.

шера, который относился къ волости Выми и включалъ тогда еще въ себя мѣстности по устью Куломы и устью Нѣмы, притоковъ Вычегды, позже выдѣлившіяся въ особые погосты. Въ 1655 г. земскій цѣловальникъ этого Вишерскаго погоста представилъ мірскую челобитную „во всѣхъ крестьянъ мѣсто усть-куломцевъ и усть-нѣмцевъ"; въ ней вишерскій міръ жаловался, что собственнаго судьи на Вишерѣ нѣтъ, а пріѣзжаетъ къ нимъ для отправленія правосудія сысольскій судья, который живетъ за 400 верстъ, что крестьяне, которые ѣздятъ по своимъ суднымъ дѣламъ къ сысольскому судьѣ, въ убыткахъ отъ такого далекаго проѣзда въ конецъ погибаютъ. Челобитная заканчивается просьбой позволить вишерскимъ крестьянамъ выбирать своихъ судей; эта просьба и была уважена въ Новгородскомъ приказѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ помѣта на челобитной: „дать государеву грамоту въ Вишеру къ крестьяномъ, велѣть имъ судейку выбрать въ своихъ волостяхъ" [1]). Такимъ образомъ погосты Вишера, Усть-Куломъ и Усть-Нѣмъ выдѣлились изъ вѣдомства сысольскаго судьи, и въ переписной книгѣ 1678 г. въ Усть-Нѣмскомъ погостѣ уже упоминается свой земскій судейка. Такихъ же земскихъ судеекъ во второй половинѣ XVII в. находимъ и въ другихъ погостахъ Яренскаго уѣзда [2]). Объединяющимъ, если не весь уѣздъ, то по крайней мѣрѣ Яренскій собственно округъ земскимъ исполнительнымъ органомъ были земскіе старосты Яренскаго городка. Они подаютъ всеуѣздныя челобитныя, какъ по общимъ дѣламъ посада и уѣзда „во всѣхъ еренчанъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ мѣсто", такъ и по дѣламъ одного уѣзда „во всѣхъ уѣздныхъ крестьянъ мѣсто" [3]).

Въ Вятской землѣ, по словамъ изслѣдователя мѣстной старины „издавна стали избираться земскіе старосты, цѣловальники, сотскіе и десятскіе" для раскладки и сбора податей и вообще для заботъ о земскихъ повинностяхъ [4]). Въ XVI в. упоминаются земскіе старосты: хлыновскій, котельническій и слободской. Шестаковскій уѣздъ только формируется въ этомъ столѣтіи и управляется выборнымъ слободчикомъ. Въ 1542 г.

---

[1]) Пр. Д. 1655 № 36.

[2]) Въ Важгортѣ и Коптюгѣ (одинъ судебный округъ); въ Глотовой слободкѣ и Кослонскомъ погостѣ (также одинъ судебный округъ); въ погостахъ Пыелдѣ и Ужгѣ. Арх. мин. юст. писц. кн. 15.057. Ср. Р. И. Б. XII, стр. 1225. „Яренскаго уѣзду со всѣхъ сысольскихъ волостей земскіе судейки Баженко Сухановъ, Мишка Ивановъ, Ивашко Андреевъ". 1695 г.

[3]) Пр. Д. 1655 № 36 (въ концѣ). 1650 г. „Билъ челомъ государю... Алексѣю Михайловичу... Еренскаго городка земской староста Александрикъ Туробовъ и во всѣхъ еренчанъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ мѣсто"... Ibid. 1656 г. „Царю государю... Алексѣю Михайловичу... бьютъ челомъ сироты твои Еренскаго городка земскіе старостишка Андрюшка Кузнецовъ да Петрушка Никитинъ и во всѣхъ уѣздныхъ крестьянъ мѣсто".

[4]) *Спицынъ*, Мѣстное и областное управленіе на Вяткѣ до XVIII в. Календарь Вятской губ. на 1889 г., стр. 169.

Вятская земля получила губную грамоту, которою предписывалось учинить во всякомъ стану 3—4 земскихъ головъ да при нихъ человѣкъ по 5—6 старостъ, десятскихъ и лучшихъ людей для сыска преступниковъ [1]). Совершенно неизвѣстно, были ли осуществлены въ дѣйствительности эти губныя учрежденія. Въ 80-хъ гг. XVI в. въ Хлыновѣ упоминаются выборные земскіе судьи, на имя которыхъ адресуются грамоты изъ Москвы [2]). Въ актахъ XVII в. мы встрѣчаемъ на Вяткѣ земскихъ старостъ: хлыновскаго, орловскаго, слободского и котельническаго. Первенство между ними принадлежитъ хлыновскому старостѣ. Онъ ходитъ къ воеводѣ съ приносами по большимъ праздникамъ, причемъ его сопровождаютъ другіе старосты, какъ бы въ качествѣ ассистентовъ. Онъ собираетъ къ себѣ остальныхъ старостъ для „земскаго международнаго дѣла", т. е. для обсужденія вопросовъ, касающихся всей Вятской земли. На немъ лежатъ заботы о представленіи общеземскаго ходатайства въ Москву, о снаряженіи челобитчиковъ, о дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ ними, пока они жили въ Москвѣ, о собираніи подписей подъ приговорами, которые этимъ челобитчикамъ вручались. Очевидно, хлыновскій земскій староста былъ руководителемъ вятскихъ всеуѣздныхъ съѣздовъ, которые возбуждали такія ходатайства, избирали ходоковъ въ Москву и вообще рѣшали общеземскія дѣла [3]). Каждый изъ этихъ земскихъ старостъ стоялъ во главѣ какъ посада, такъ и уѣзда [4]). По крайней мѣрѣ, „считать", т. е. провѣрять отчетность хлыновскаго земскаго старосты С. Горошникова, котораго обвиняли въ расходахъ мірскихъ денегъ безъ „мірского совѣту", должна была въ 1622 г. комиссія, избранная „всѣмъ посадомъ и уѣздомъ" изъ лучшихъ и досужихъ посадскихъ и волостныхъ людей [5]); если волостные люди участвовали въ ревизіонной комиссіи, провѣрявшей дѣятельность земскаго старосты, значитъ эта дѣятельность ихъ непосредственно касалась. При старостахъ находится по нѣскольку цѣловальниковъ въ видѣ помощниковъ. Въ Хлыновскомъ уѣздѣ въ 1620-хъ годахъ мы находимъ еще двухъ старостъ: старосту тяглыхъ сохъ и старосту

---

[1]) Труды Вятской ученой арх. комисс. 1905, вып. III, отд. III, стр. 82—84.

[2]) *Спицынъ*, op. cit., стр. 172.

[3]) Труды Вятской учен. арх. комиссіи 1905, вып. V—VI, отд. II, стр. 24, 51 и passim.

[4]) Котельническій староста напр. подаетъ челобитную „во всѣхъ котельницкихъ крестьянъ мѣсто". Пр. Д. 1634 № 79.

[5]) Пр. Д. 1622 № 20. 1622 г. „И какъ къ тебѣ (воеводѣ) ся наша грамота придетъ, и ты бъ Хлыновскаго городка посадскимъ и волостнымъ людемъ велѣлъ имъ выбрать изъ посадскихъ и волостныхъ лучшихъ и досужихъ людей, кому они всѣмъ посадомъ и уѣздомъ въ томъ въ мірскомъ счетѣ вѣрятъ. Да кого они всѣмъ посадомъ и уѣздомъ къ тому счету выберутъ, и ты бъ у нихъ на тѣхъ выборныхъ людей взявъ выборъ за ихъ и отцовъ ихъ духовныхъ руками, да тѣмъ выборнымъ людемъ велѣлъ бы еси земскаго ихъ старосту Сергѣйка Горошникова и цѣловальниковъ по ихъ мірскимъ приходнымъ и расходнымъ книгамъ счести въ приходѣ и въ расходѣ вправду"...

оброчныхъ сохъ; первый выбирался и завѣдывалъ тяглыми станами, второй оброчными[1]). Старосты эти избирались на годъ, и главной ихъ обязанностью были сборы податей. Какъ долго существовали эти должности, какъ относились хлыновскіе оброчный и тяглый староста къ хлыновскому земскому старостѣ, въ вѣдѣніи котораго находился также посадъ, были ли такіе же старосты въ другихъ вятскихъ уѣздахъ—все это вопросы, ожидающіе своего рѣшенія.

Въ Пермской землѣ въ Кайгородскомъ уѣздѣ еще въ началѣ XVII столѣтія Зюздинская волость, тяготившаяся далекимъ разстояніемъ отъ уѣзднаго центра и притѣсненіями отъ Кайгородцевъ, какъ мы уже видѣли, обособилась отъ вѣдомства Кайгородскаго земскаго управленія, и получила право выбирать у себя въ волости особаго судью, „человѣка добра, кого они межъ себя полюбятъ" [2]). Въ ней и въ концѣ вѣка мы встрѣчаемъ земскаго судью, который стоитъ также во главѣ сосѣдней съ Зюздинской волости Колыша [3]). Объ остальныхъ земскихъ властяхъ Кайгородскаго уѣзда намъ удалось собрать лишь очень отрывочныя свѣдѣнія. Въ одной грамотѣ 1649 г. упоминается кайгородскій земскій староста, завѣдывавшій казенными сибирскими отпусками и мірскими дѣлами [4]). Земскій ста-

---

[1]) Пр. Д. 1623 № 32. Царю государю—Михаилу Ѳеодоровичу—бьетъ челомъ сирота твой государевъ съ Вятки оброчныхъ сохъ старостишко Степанко Безсоновъ и во всѣхъ оброчныхъ сохъ крестьянъ мѣсто Хлынова города. Жалоба, государь, намъ на вятскихъ прошлыхъ годовъ 127 и 128, да 129, да 130 тяглыхъ сохъ на старостъ земскихъ и на цѣловальниковъ на Ивана Окунева съ товарищи"; Пр. Д. 1628 № 64. „Царю государю... Михаилу Ѳеодоровичу... бьетъ челомъ сирота твоя государева хлыновской оброчной старостишка прошлаго 128 г. Васка Дмитріевъ сынъ Поповъ того жъ Хлыновскаго уѣзда на прежняго хлыновскаго оброчнаго старосту на Посника Борняка съ товарищи и на цѣловальниковъ прошлаго 127 г., и на оброчныхъ крестьянъ: Волковскаго стану на Аѳанасья Ашихмина, да на Маныла Головизнина, на Семена Ашихмина, Березовскаго стану (4 имени), Бобинскаго стану (6 именъ), Чепецкаго стану (9 именъ), Великорѣцкаго стану (9 именъ), Спенцынскаго стану оброшныхъ (4 имени) и на всѣхъ оброшныхъ крестьянъ Хлыновскаго уѣзда на лучшихъ и на середнихъ, и на молодшихъ людей. Въ прошломъ, государь, во 128 г. сентября съ 1-го числа сентября жъ по 1-е число 129 году выбрали, государь, меня Васку тѣ оброчные крестьяне Посникъ Борняковъ въ оброчные старостишка и выборъ мнѣ они за руками дали, а въ выборѣ, государь, написано, что будучи мнѣ Васкѣ въ старостахъ во всякіе въ земскіе росходы деньги по сохамъ сбирати" и т. д.

[2]) А. Э. II № 69. 1607 г.

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 184.

[4]) Пр. Д. 1649 № 39. 1649 г. „Отъ царя и в. кн... въ Кайгородокъ воеводѣ нашему Аѳанасью Евстратьевичу Кологривову. Билъ намъ челомъ Кайгородскаго уѣзду Гидаевскіе волости крестьянинъ Богдашко Орловъ.... Въ прошломъ де во 153 г. по выбору кайгородцевъ былъ онъ, Богдашко, у нашего дѣла у сибирскихъ отпусковъ и у мірскихъ дѣлъ въ земскихъ старостахъ".

роста въ 1678 г. подаетъ сказку писцамъ, переписывавшимъ Кайгородъ, о составѣ населенія посада. Въ около городномъ стану и въ погостахъ, изъ которыхъ состоялъ уѣздъ, такія же сказки подаются земскими цѣловальниками и церковными старостами, которые, вѣроятно, завѣдывали и свѣтскими дѣлами погостовъ. Въ волости Волостницѣ упоминается по тому же поводу „староста“ безъ эпитета „церковный“[1]). Въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ старосты упоминаются еще въ уставной намѣстничьей грамотѣ, данной пермскому краю въ 1553 г. вмѣсто болѣе ранней сгорѣвшей грамоты по ходатайству всѣхъ пермичей посадскихъ и сельскихъ людей. По этой грамотѣ пермичи сами разверстываютъ между собою намѣстничьи кормы, затѣмъ собираютъ и вносятъ ихъ намѣстникамъ черезъ своихъ старостъ; намѣстникамъ запрещается взыскивать свои поборы съ населенія непосредственно. Присутствіе старосты съ цѣловальниками обязательно по той же грамотѣ на судѣ намѣстника и его тіуна[2]). Въ XVII в. во главѣ каждаго изъ уѣздовъ: Чердынскаго и Соликамскаго стоитъ особый земскій староста, вѣдающій, какъ и вездѣ, посадъ и уѣздъ. Въ 1609 г. соликамскій староста представляетъ царю ходатайство „во всѣхъ земскихъ посадскихъ и деревенскихъ крестьянъ мѣсто“[3]). Чердынскій земскій староста 1621 г. Л. Г. Поповъ избирается на годовой срокъ на съѣздѣ представителей погостовъ, входившихъ въ составъ уѣзда. Противъ этихъ представителей, отбывъ срокъ своей должности, онъ былъ принужденъ возбудить искъ, такъ какъ земскій міръ не платилъ денегъ по займамъ, заключеннымъ старостою на мірскія нужды[4]). Чердынскій земскій староста

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 184.

[2]) *Дмитріевъ,* Пермская старина, вып. I, прилож. „А берутъ кормъ намѣстничъ и тіуновъ, и доводчиковъ поборъ старосты и люди добрые пермяки сами, да отдаютъ кормъ намѣстнику и съ тіуны, и съ доводчики въ городѣ, а сами намѣстники и тіуны, и доводчики по погостамъ луковъ писати и кормъ брати не ѣздятъ; а разметываютъ пермяки межъ себя кормъ по сохамъ, по дани... А намѣстнику и его тіуну безъ цѣловальниковъ и безъ старосты... и безъ лучшихъ людей суда не судить. А цѣловальниковъ пермяки выбираютъ у себя сами, кто имъ любъ“.

[3]) А. И. II № 230.

[4]) Пр. Д. 1629 № 27. „Царю государю... Михаилу Ѳедоровичу... бьетъ челомъ сирота твой государевъ пермитинъ чердынецъ Лучка Гавриловъ сынъ Поповъ. Жалоба, государь, мнѣ на пермичъ же получетверты сохи, Вильгорскіе полуторы сохи, да Кулчюскіе полуторы жъ сохи, да Гундорскіе полусохи на церковныхъ старостъ и на крестьянъ тѣхъ сохъ на Михаила Усанина, на Семена Озякова; да на Григорья Старцова съ Покчи, да изъ Вильгорта погоста на Ондрея Костентинова, да на Ивана Ортемьева Лызловыхъ, на Ивана Гуляева; да съ Цыдвы погоста на Ивана Володимерова, да изъ Бѣгичъ на Данила Соломатова, да изъ Кулчюка на Григорья Башкирцева, на Никиту Попова; изъ Онисимова на Кузьму Копылова, на Григорья Кощіева; изъ Воркова на Клементья Доронина, на Леву Бебякова; изъ Янидора на Володю Доронина; изъ Губдора на Малка Лопаницына, на Рязана Лобовикова, на Ермолу

также обращается въ Москву съ ходатайствомъ „во всѣхъ пермичъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто“ [1]). Земскіе старосты 1634 и 1635 годовъ вызывались въ Москву къ суду за взысканіе податей съ Ныробской деревни, обѣленной въ память заточенія въ ней Михаила Никитича Романова [2]). Свѣдѣній о земскихъ властяхъ погостовъ, входившихъ въ составъ Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ намъ получить не удалось [3]).

Соснина; съ Немзи на Михаила Ильина и на всѣхъ крестьянъ тѣхъ сохъ. Въ прошломъ, государь, во 129 г. по государеву указу и по ихъ мірскому выбору былъ я сирота съ товарищи въ земскихъ старостишкахъ годъ и т. д.

[1]) А. Э. III № 144.

[2]) А. Э. III № 254.

[3]) Въ Обвинскомъ стану (погостъ Ильинскій на Обвѣ, принадлежавшій въ началѣ XVII в. къ Чердынскому, а затѣмъ къ Соликамскому уѣзду) упоминается въ 1636 г. земскій цѣловальникъ. Пр. Д. 1636 № 81: „Царю государю... бьетъ челомъ и плачется твоя государева сирота Обвинскаго стану земскій цѣловальникъ Лазарка Ивановъ“.....

Глава XVI.

Земскія власти (продолженіе).

Перейдемъ теперь къ уѣздамъ, которыми завѣдывала Устюжская четверть. Данныя о выборныхъ земскихъ властяхъ въ этихъ уѣздахъ обильнѣе и поэтому свѣдѣнія наши о нихъ отчетливѣе изложенныхъ въ предыдущей главѣ свѣдѣній объ уѣздахъ, управлявшихся новгородской четвертью. Здѣсь можно подробно познакомиться съ устройствомъ самоуправленія каждой волости. Мы будемъ продолжать изслѣдованіе опять по уѣздамъ.

Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ двѣ волости: Лузская Пермца и Вилегодская ссылались въ теченіе XVII в. на данныя имъ жалованныя грамоты, которыми гарантировалось ихъ самоуправленіе. Лузской Пермцѣ уставная земская грамота дана была Иваномъ Грознымъ и впослѣдствіи подтверждена царемъ Михаиломъ; ею устанавливалось обособленіе этой волости отъ Сольвычегодскаго уѣзда въ отношеніи нѣкоторыхъ повинностей и податей, которыя разверстываются и отбываются жителями независимо отъ уѣзда, а также вводилось изъятіе волости изъ подсудности сольвычегодскимъ приказнымъ людямъ. Отправленіе правосудія грамота возлагаетъ на выборныхъ земскихъ судей и предоставляетъ населенію волости: лучшимъ, середнимъ, молодшимъ и всякимъ пашеннымъ людямъ выбирать на годовой срокъ земскихъ старостъ, судеекъ, цѣловальниковъ и земскаго дьячка, кого излюбятъ [1]). На практикѣ въ XVII в. земское управленіе волостью было устроено слѣдующимъ образомъ. До переписныхъ книгъ 1678 г. волость дѣлилась на четыре прихода: Лоемскій, Спасскій, Объячевскій и Ношульскій. Во главѣ каждой пары приходовъ стоитъ выборный земскій судья: одинъ для Лоемскаго и Спасскаго, другой для Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ [2]). Въ каждомъ изъ приходовъ имѣются свои особые зем-

---

[1]) Чт. О. И. Др. 1907 № 1, смѣсь, стр. 40 и сл.

[2]) Пр. Д. 1640 № 79. „Се язъ судья Никифоръ Никифоровъ сынъ да цѣловальники Онтонъ Ивановъ да Архипъ Никитинъ, да крестьяне (39 именъ), да и всѣ крестьяне Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ (приходы, слѣдовательно, имѣютъ общій сходъ) выбрали есмя и послали и т. д. Пр. Д. 1645 № 47, л. 12—15. „Лузской Пермцы Ношульскаго приходу земской цѣловальникъ

скіе цѣловальники. Со второй половины XVII в. начинаютъ упоминаться кромѣ этихъ общихъ судей для каждой пары приходовъ еще „приписные" судьи по отдѣльнымъ приходамъ, дѣйствующіе вмѣстѣ съ общимъ судьею [1]). Такъ какъ переписная книга 1678 г. соединяетъ Летскій приходъ Лузской Пермцы съ Ношульскимъ, подводя имъ общій итогъ, то можно думать, что

Степанъ Харитоновъ да того же приходу крестьяне" и т. д.; „Лузской Пермцы Объячевскаго приходу выборной земской судейка Тимоѳей Вавиловъ да земской цѣловальникъ Клементій Ѳедоровъ да крестьяне" и т. д.; л. 16—20. „Лузской Пермцы Спасскаго приходу земскіе цѣловальники Софронъ—сынъ Иванова, Дементей Никитинъ сынъ да того же прихода крестьяне" ...„Лузской Пермцы Лоемской волости земской судейка Ѳедоръ Давыдовъ Макаровъ да земской цѣловальникъ Иванъ Аверкіевъ, да тое жъ Лоемской волости крестьяне"; Пр. Д. 1616 № 9. 1645 г. сент. Крестоцѣловальная роспись Сольвычегодскаго уѣзда по случаю привода къ присягѣ царю Алексѣю при восшествіи его на престолъ. „А въ которыхъ волостяхъ старосты и цѣловальники, и судейки, и лучшіе люди, и всѣ крестьяне... крестъ цѣловали, и тѣмъ людемъ роспись: Лузская Пермца: Лоемская волость: староста церковный, земскій судейка, цѣловальникъ; Спасскій приходъ: староста церковный, земскій цѣловальникъ; Объячевскій приходъ: староста церковный, земскій судейка, земскій цѣловальникъ, 6 таможенныхъ цѣловальниковъ; Ношульская волость: земскій цѣловальникъ; Пр. Д. 1649 № 74. Выборы таможенныхъ и кабацкихъ цѣловальниковъ по Сольвычегодскому уѣзду: „Лѣта 7157 іюля въ 15 д... Усольскаго уѣзда Лузской Пермцы Лоемской волости земской судейка Михайло Калининъ Некрасовъ, земскій цѣловальникъ В. О. Ерковъ да крестьяне"...; „Лузской Пермцы Спасскаго прихода земской цѣловальникъ Дема Исаковъ да крестьяне"... „Лузской Пермцы Объячевскаго приходу выборной земской судья Г. Г. Новиковъ да земской цѣловальникъ А. Н. Лупнинъ, да крестьяне"... „Лузскіе Пермцы Ношульскаго приходу земской цѣловальникъ Ю. А. Лукинъ да того же приходу крестьяне"; Пр. Д. 1655 № 52: „Царю государю... Алексѣю Михайловичу... бьетъ челомъ сирота твой Лузской Пермцы Ношульской волости Васка Ярафіевъ. Жалоба, государь, мнѣ, сиротѣ, тое жъ Лузской Пермцы Объячевской волости прошлаго 163 году на земскаго судейку на Ивана Сидорова Андріевыхъ въ томъ.... Милосердый государь.... вели дать свою государеву грамоту въ Лузскую Пермцу земскому судейкѣ, кто будетъ выбранъ въ тѣхъ приходѣхъ на 165 годъ" и т. д.; Пр. Д. 1656 № 93. „Царю государю... Алексѣю Михайловичу... бьетъ челомъ сирота твой Соли Вычегодской уѣзда Лузской Пермцы Спасскаго приходу крестьянинъ Демка... Вязовъ. Жалоба, государь, мнѣ сиротѣ твоему на прошлаго земскаго выборнаго судью Спасскаго жъ приходу на Аѳанасья Ѳедотова" и т. д.

[1]) Пр. Д. 1656 № 87. „Царю государю.... Алексѣю Михайловичу... бьютъ челомъ твои государевы сироты Соли Вычегодской уѣзда Лузской Пермцы Лоемской волости и Спасскаго приходу земской судейка Овдокимко Ивановъ да приписные Кирилко Михайловъ да Игнашка Гавриловъ". Пр. Д. 1656 № 93..... „Милосердый государь... вели, государь, дать свою великаго государя судимую грамоту Лузской Пермцы отписной сошки Спасской волости выборному земскому судьѣ Трофиму Гуляеву да приписнымъ судейкамъ: Лоемской волости Филиппу Попову да Объячевскаго приходу Гаврилу"...

они были объединены и въ управленіи. Какихъ либо общихъ земскихъ органовъ для всѣхъ приходовъ, для всей Лузской Пермцы въ цѣломъ, мы не замѣчаемъ. Самая обособленность ея въ XVII в. уже не сохранялась, и та часть уставной грамоты, которою Лузская Пермца была изъята изъ подсудности сольвычегодскимъ приказнымъ людямъ, не дѣйствовала уже въ XVII в. Эта волость подлежала наравнѣ съ другими юрисдикціи сольвычегодскаго воеводы. И въ сферѣ земскаго самоуправленія она входила какъ часть въ составъ сольвычегодскаго всеуѣзднаго земскаго міра.

Жители Вилегодской волости, состоявшей изъ семи приходовъ ссылались также на данную имъ „жалованную уставную грамоту за красною печатью"[1]). Въ 1630 г. сольвычегодскій воевода писалъ въ Москву, что „Вилегодской волости: Никольскаго и Ильинскаго, и Спасскаго, и Богоявленскаго приходовъ крестьяне у себя въ волости выбираютъ по вся годы земскихъ судеекъ, и тѣ, государь, судейки у собя въ волостехъ по челобитнымъ и по кабаламъ крестьянъ во всякихъ во многихъ исвѣхъ судятъ, а твоихъ государевыхъ пошлинъ съ судныхъ дѣлъ и съ кабалъ, и съ наказныхъ памятей и мировыхъ въ твою государеву казну у Соли намъ, холопемъ твоимъ не даютъ, а сказали у собя твои государевы жаловальные грамоты, что де съ нихъ твоихъ государевыхъ пошлинъ имать не велѣно". Воевода предписалъ вилегодцамъ предъявить ему грамоты. Жалованная грамота, ими представленная, оказалась данной царемъ Василіемъ Шуйскимъ и подтвержденной Михаиломъ въ 1614 г. и дѣйствительно, какъ замѣчалъ воевода, она освобождала крестьянъ Вилегодской волости отъ судебныхъ пошлинъ съ дѣлъ, которыя въ волости вершатся[2]). Касалась ли она другихъ какихъ либо предметовъ, неизвѣстно. Сами вилегодцы приводили ссылку на нее по поводу разверстки податей на общемъ собраніи приходовъ волости, на которое не хотѣли явиться жители одного изъ приходовъ. На отпискѣ воеводы въ Москвѣ была положена резолюція, предписывавшая: грамоту взять въ Москву, судебныя пошлины вилегодцамъ вносить воеводѣ, „а судейкамъ по волостямъ у нихъ велѣть быти по прежнему, потому что у нихъ то издавна повелося". Такимъ образомъ, потребовавъ грамоту для провѣрки и отмѣняя свободу отъ судебныхъ пошлинъ, правительство сохраняло за Вилегодской волостью ея старинное самоуправленіе, поставленное какъ-бы подъ знакъ вопроса въ воеводской отпискѣ. Въ разнаго рода актахъ упоминаются земскіе судьи Никольскаго, Ильинскаго и Спасскаго приходовъ Вилегодской волости. Пречистенскій приходъ, очевидно, составлялъ съ Никольскимъ одинъ округъ: ихъ описанію подводится общій итогъ въ писцовыхъ книгахъ, жители ихъ собираются на общій сходъ и дѣйствуютъ вмѣстѣ. Впрочемъ, въ каждомъ изъ этихъ приходовъ—свои особые земскіе цѣловальники для финансовыхъ дѣлъ. Богоявленскій приходъ, судью котораго упоминаетъ воеводская отписка, слишкомъ запустѣлъ ко времени переписи 1640-хъ годовъ, чтобы имѣть высшую вы-

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 80.

[2]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 233—234.

борную администрацію; въ немъ книга 1645 г. насчитала всего 13 дворовъ. Еще миніатюрнѣе былъ седьмой вилегодскій приходъ, такъ называемый Селянскій, или Вилегодская Пермца, въ которомъ въ 1645 г. значилось всего 4, а въ 1678—19 дворовъ. Оба они, вѣроятно, примыкали по управленію къ округу ближайшаго Спасскаго прихода[1]).

Въ другихъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда не встрѣчаемъ ссылокъ на жалованныя грамоты, и ихъ самоуправленіе опирается только на старину, на то, что „у нихъ издавна то повелося". По тѣмъ выборнымъ

[1]) Пр. Д. 1627 № 65: „Царю государю... Михаилу Ѳедоровичу... бьетъ челомъ сирота твой Соли Вычегодскіе уѣзда Вилегодскіе волости Никольскаго приходу крестьянинъ Ивашко Ѳедоровъ сынъ Арефьевъ... Въ прошломъ, государь, въ 133 г. по той кабалѣ я, сирота твой.. билъ челомъ тебѣ государю, а искалъ *на Виледи на стану* у Николы чудотворца *передъ земскимъ судьею* Трофимомъ Аѳанасьевымъ сыномъ Зыкова съ товарищи и кабалу въ судъ клалъ"; Пр. Д. 1627 г. № 65. 1627 г. „Царю государю... Михаилу Ѳедоровичу... бьетъ челомъ сирота твой Соли Вычегодской Вилегодскіе волости Спасскаго прихода крестьянинъ Коземка Сергіевъ сынъ Чишкова. Жалоба, государь, мнѣ тое жъ Вилегодскіе волости Ильинскаго приходу на *земскаго судью* на Бориса Маринина сына съ товарищи"; Пр. Д. 1645 № 47. Выборы въ цѣловальники къ писцамъ „къ земляному дѣлу", л. 8—9: Вилегодской волости Спасскаго прихода церковный староста Яковъ Семеновъ, да земскій цѣловальникъ Семенъ Павловъ Бѣлавинъ, да *земскій судья* Осипъ Ивановъ Головинъ, да крестьяне; Пр. Д. 1616 № 9. Крестоцѣловальная роспись 1645 г. *Покровскій приходъ*: староста церковный, земскій цѣловальникъ, крестьяне (127 чел.), церковный дьячекъ; *Никольскій приходъ:* староста церковный, земскій цѣловальникъ, *земскій судейка,* крестьяне (113 чел.), благовѣщенскихъ соборныхъ поповъ половники (11 чел.), вологодскаго архіепископа сынъ боярскій, сынъ его, архіепископли крестьяне (28 чел.), бобыли захребетники. *Пречистенскій приходъ:* земскій цѣловальникъ, церковный староста, церковный дьячекъ, пономарь, крестьяне (56 чел.); *Ильинскій приходъ:* суконной сотни (5 чел.; фамилія Елезовыхъ), церковный староста, *земскій судейка,* земскій цѣловальникъ, крестьяне (148 чел.), таможенные цѣловальники (5 чел.), таможенный дьячекъ, сторожъ, вологодскаго архіепископа крестьяне (17 чел.); *Спасскій приходъ:* староста церковный, *земскій судейка*, земскій цѣловальникъ, судный цѣловальникъ, крестьяне (74 чел.), церковный дьячекъ; *Богоявленскій приходъ:* крестьяне (27 чел.), церковный дьячекъ; *Селянская волость*: крестьяне (6 чел.). Пр. Д. 1649 № 74. Выборы таможенныхъ и кабацкихъ цѣловальниковъ на 1649 г.: „157 г. іюля въ 8 д. Вилецкіе волости *Ильинскаго приходу земской судья* Ивашко Ивановъ сынъ Реткина, да земской цѣловальникъ Якунка Парѳеньевъ Жданова, да судный цѣловальникъ Ивашко Еремѣевъ сынъ Калинкина, да крестьяне" и т. д.; „158 г. сентября въ д. Вилегодской волости *Никольскаго приходу* земской цѣловальникъ Максимъ Сидоровъ сынъ Носковъ, да нынѣшней земской цѣловальникъ Лука Савинъ сынъ Чернышевъ, да *прошлой земской судья* Иванъ Нечаевъ сынъ Хапкинъ, староста церковный Леонтій Нестеровъ сынъ Ширяевъ"; „157 г. авг. 5. Вилегодской волости *Покровскаго приходу* земской цѣловальникъ Никифорко Ивановъ, да прошлой земской цѣловальникъ Пятунка Гаевъ, староста церковной Максимко Егуповъ да крестьяне" и т. д.

земскимъ органамъ, которые стоятъ во главѣ волостей, эти волости могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Къ первой мы относимъ тѣ изъ нихъ, въ каждой изъ которыхъ имѣется выборный земскій судья. Таковы: станъ Алексинскій, волости: Антропьева слобода, Лальская, Учецкая, Андреевская, равно какъ и выдѣлившійся изъ послѣдней въ самостоятельную единицу Благовѣщенскій приходъ. Сюда же относится станъ Ратмировскій, въ которомъ выбираются двое земскихъ судей[1]). При судьяхъ въ однихъ

---

[1]) Станъ *Алексинскій*. Пр. Д. 1633 № 13. 1616 г. „Се язъ данной покладной цѣловальникъ Ларіонъ Андреевъ Путанниковъ да староста судецкій Остафій Оксентьевъ сынъ Касаминскій, да судной цѣловальникъ Гаврило Павловъ сынъ Буторіевской, да сотской Семенъ Семеновъ сынъ Махинъ, да пятидесятской Девятой Ивановъ сынъ Малетинской, да люди добрые того жъ Алексинскаго стану (62 имени) сочлись есми по государевѣ... грамотѣ, доложа прошлаго выборнаго земскаго судьи Пятого Мартемьянова сына Ваганскаго да приписного судьи Өедора Өедорова сына Петлина съ товарищи". Пр. Д. 1632 № 80. 1631 г. „Царю государю... Михаилу Өедоровичу... бьютъ челомъ твои государевы нищіе богомольцы Устюжскаго уѣзду Ярокурскаго стану съ Двины Николы чудотворца Прилуцкаго монастыря игуменъ Игнатьище съ братьею. Жалоба, государь, намъ Усольскаго уѣзду Алексинскаго стану на выборнаго земскаго судью на Нехорошего Степанова сына Пирогова съ товарищи да на розрубного цѣловальника на Пятого Тихонова сына Манакова". Пр. Д. 1646 № 48. „7154 г. авг. 21. Алексинскаго стану земской судья Дементій Яковлевъ Кучинъ, староста (судецкій?) Прокопій Игнатьевъ Дерягинъ да цѣловальники Ив. Гр. Честиковъ да Завьялъ Трофимовъ Кривошапкинъ" и т. д.; Пр. Д. 1649 № 74. „Лѣта 7157 авг. въ 9 д. выборный земской судья Алексинскаго стану Богданъ Матвѣевъ сынъ Манаковъ да староста судецкой Аөанасій Семеновъ Куриловъ, да судецкой цѣловальникъ Баженъ Тимоөеевъ Өедотовъ, да сотской Яковъ Гурьевъ Бѣлавинъ, пятидесятской Иванъ Семеновъ Копосовъ и крестьяне".

Волость Антропьева слобода. Пр. Д. 1698—1615 № 2; *Сениговъ*, Памятники земской старины, стр. 3: „Лѣта 7123 г. іюля въ 4 д. на стану въ Антропьевѣ слободѣ передъ земскаго судью Антропьевы слободы передъ Завьяла Володимерова сына Грихнева съ товарищи и т. д.; Пр. Д. 1631 № 30. 1627 г. „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой Соли Вычегодской уѣзда Онтропьевы слободы крестьянинъ Баженко Мальцевъ сынъ Бутаковъ.... И какъ, государь, у меня Баженка рѣчь явилась, и я женишко свое Марьицу посылалъ по судейку Антропьевы слободы по Ждана Микифорова съ товарищи"; Пр. Д. 1645 № 47: „Лѣта 7153 году августа въ 24 д. по государеву.... указу земской судейка Онтропьевы слободы Иванъ Ульяновъ съ товарищи да земской цѣловальникъ Иванъ Перфирьевъ Тютринъ, да крестьяне тоя жъ волости" и т. д.; Пр. Д. 1646 № 48. 7154 іюля 10, Антропьевы слободы „выборной судейка Перфирей Устиновъ, да земской цѣловальникъ Михайло Өедоровъ, да крестьяне"; Пр. Д. 1649 № 74: „Лѣта 7157 авг. 1. „Земской судейка Онтропьевы слободы Емельянъ Быковъ, да земской цѣловальникъ Ворошило Матвѣевъ, да судецкой цѣловальникъ Савва Ивановъ, прошлой судейка Петръ Семеновъ, да прошлой цѣловальникъ Андрей Шмаковъ, да прошлой судецкой цѣловальникъ Павелъ Чирухинъ, да крестьяне" и т. д.

случаяхъ акты глухо упоминаютъ „товарищей, членовъ той коллегіи, въ составѣ которой судья отправлялъ правосудіе; въ другихъ это глухое обозначеніе раскрывается, и акты называютъ старосту судецкаго и судецкаго

Лальская волость. Пр. Д. 1624 № 16. „И нынѣ били намъ челомъ Усольскаго уѣзда Лальскаго погоста земской цѣловальникъ Семейка Степановъ Кузнецовъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Лальскаго погоста тое жъ Лальскіе волости на крестьянина Митку Авдѣева Паламошнаго, а сказалъ: въ прошломъ де во 118 г. тотъ Митка, стакався Лальскіе жъ волости съ земскимъ судейкою съ Васкою Жуковымъ, билъ челомъ“ и т. д.; Пр. Д. 1631 № 30. 1627 г. „И воевода кн. И. В. Хилковъ да подьячей Посникъ Задонской велѣли Лальской волости судейкѣ Поздѣю Пряженикову да дьячку Ивану Саватѣеву обыскать“; Пр. Д. 1616 № 9. Крестоцѣловальная роспись 1645 г. Лальская волость: Гостиной сотни 8 человѣкъ (изъ нихъ 6 изъ фамиліи Паламошныхъ и 2 Алексѣевыхъ), земскій судейка, цѣловальникъ, крестьяне —50 чел.; Пр. Д. 1645 № 47. „Лѣта 7154 сент. 8. Лальскіе волости земской цѣловальникъ Юрья Ондріевъ сынъ Гундюхинъ, земской судейка Пятой Ивановъ сынъ Жерябинъ съ товарищи“; Пр. Д. 1649 № 74. „7157 г. авг. 28 Лальскіе волости земской судейка Третьякъ Семеновъ сынъ Рупосовъ, земской цѣловальникъ Ѳедоръ Исаковъ Пѣшковъ, судецкій цѣловальникъ Ѳедоръ Алексѣевъ Савиныхъ“ и т. д.

Учецкая волость. Пр. Д. 1616. № 9. 1645 г. Церковный староста, земскій цѣловальникъ, судейка, крестьянъ 38 чел., церковный дьячекъ; Пр. Д. 1646 № 150: „Лѣта 7154 декабря въ 25 д. по государеву указу и по наказнымъ памятемъ писцовъ Богдана Герасимовича Приклонскаго да подьячаго Осипа Трофимова роспись Учецкой волости земскому цѣловальнику Филкѣ Еремѣеву Кузнецову да земскому судейкѣ Баженку Ѳедорову Бобровскому“; Пр. Д. 1645 № 47, л. 26—27. „Учецкіе волости земской цѣловальникъ Якунка Васильевъ Власовъ да земской судейка Савка Степановъ съ товарищи, церковной староста Еремка Сухановъ, да крестьяне“; Пр. Д. 1649 № 74. 7157 г. авг. 1 д. „Учецкіе волости земской цѣловальникъ Петрушка Семеновъ Чураковъ да земской судейка Агейко Козминъ Овчинниковъ, судецкій цѣловальникъ Пронка Васильевъ Басановъ, староста церковный Гришка Пантелѣевъ Чумовицкій да крестьяне“.

Андреевская волость. Пр. Д. 1616 № 9 Крестоцѣловальная роспись 1645 г. Староста церковный, земскій судейка, цѣловальникъ, крестьяне—135 чел.; Пр. Д. 1645. № 47, л. 23—24. Андреевской волости земскій судейка Никитка Конановъ Буковскаго съ товарищи, пятидесятники Степанко Ивановъ Быковъ, Алешка Дружининъ Толстиковъ, крестьяне.; Пр. Д. 1649 № 74. 7157 г. авг. 23. Андреевской волости выборный земскій цѣловальникъ Андрей Тимоѳеевъ Носковъ, земскій судейка Сидоръ Артемьевъ Бучихинъ, судецкій цѣловальникъ Панкратъ Ивановъ Годовъ, сотскій Максимъ Дмитріевъ Коркинъ, пятидесятники Трофимъ Ивановъ Земеревъ да Гаврило Безсоновъ Шаверинъ, да крестьяне; Благовѣщенскій приходъ Андреевской волости. Пр. Д. 1616 № 9. 1645 г.: церковный староста, земскій судейка, земскій цѣловальникъ, судецкій цѣловальникъ, крестьяне—54 чел.; Пр. Д. 1645 № 47, л. 21—22: „Андреевской волости Благовѣщенскаго приходу земскій цѣловальникъ Васка Аѳанасьевъ Перевоскаго да земскій судейка Мишка Меншиковъ съ товарищи, да церковный староста Гришка Ивановъ

цѣловальника, различіе въ правахъ и обязанностяхъ которыхъ предстоитъ выяснить въ дальнѣйшемъ при изслѣдованіи судебной дѣятельности мірскихъ выборныхъ властей. Вмѣстѣ съ этими судебными органами въ перечисленныхъ волостяхъ имѣются и спеціальные выборные для финансовыхъ дѣлъ—земскіе цѣловальники, называемые также данными и разрубными, а для полицейскихъ дѣлъ особые сотскіе и пятидесятскіе.

Въ остальныхъ волостяхъ Сольвычегодскаго уѣзда акты XVII вѣка, имѣвшіеся въ нашемъ распоряженіи, не упоминаютъ земскихъ судей, хотя судьи встрѣчались въ нѣкоторыхъ изъ этихъ волостей по актамъ XVI в. Такіе судьи были, напр., въ Окологородномъ стану въ XVI в: грамота Ивана Грознаго 1568 г. адресована „Окологородныхъ деревень (т. е. Окологороднаго стана) излюбленнымъ судьямъ Васкѣ Леонтьеву Метлину да Өеонѣ Лукоянову сыну Тучкину съ товарищи“[1]). Но въ XVII в. этотъ станъ составляетъ одинъ судебный округъ съ посадомъ и подлежитъ юрисдикціи посадскихъ судей. Особаго судьи въ стану нѣтъ, и въ тѣхъ волостныхъ актахъ, которые обыкновенно перечисляютъ волостныхъ земскихъ властей, каковы напр. избирательные списки—протоколы, въ Окологородномъ стану упоминаются только два земскихъ цѣловальника[2]); то же явленіе видимъ

Черніевъ, да сотскій Стенка Еремѣевъ Калинина, да пятидесятскіе Дружинка Костентиновъ Карпова да Тренка Стефановъ Черніева, да крестьяне того жъ Благовѣщенскаго приходу“ и т. д.; Пр. Д. 1649 № 74. „Се язъ Усольскаго уѣзда Андреевскіе волости Благовѣщенскаго приходу выборной земской судейка Павелъ Маріевъ Бобровъ, да земской цѣловальникъ Леонтій Поздіевъ Домниныхъ, сотскій Григорій Андріевъ Козминыхъ, церковный староста Григорій Ивановъ Черніевъ, судецкій цѣловальникъ Никифоръ Лукояновъ Козьминыхъ да крестьяне“...

Станъ Ратмировскій. Пр. Д. 1646 № 63. „Лѣта 7154 авг. въ 13 д. билъ челомъ государю.... устюжанинъ Быкокурскаго стану крестьянинъ Ивашко Родіоновъ, ставъ въ Ратмировѣ на стану подалъ челобитную земскому судьѣ Ивану Михайлову съ товарищи, а въ челобитной его написано: есть де у него Ивашка въ Усольскомъ уѣздѣ въ Ратмеровской волости у рѣки, у Лузы пожня“ и т. д.; Пр. Д. 1646 № 113, л. 4. „Списокъ съ наказу слово въ слово. Лѣта 7146 (sic) апр. въ 8 д. по государеву цареву... Михаила Өедоровича... указу и по мірскому Ратмеровскіе волости всѣхъ крестьянъ словесному приговору земскіе судьи Зотикъ Ивановъ сынъ Нечаева, да Безсонъ Ивановъ сынъ Мелентьева, да земской цѣловальникъ Мартемьянъ Васильевъ сынъ Ширяева съ товарищемъ, да крестьяне (15 именъ) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Ратмеровскіе волости отдали есми“ и т. д.; Пр. Д. 1649 № 74. „Лѣта 7157 авг. въ 12 д... Ратмеровскіе волости земскіе судьи Дмитрій Баженовъ сынъ Бутаковъ, Никифоръ Вавиловъ Муравинскій, да земскіе цѣловальники Василій Григорьевъ Петелинъ, Семенъ Андреевъ Шпѣкинъ, да судецкіе цѣловальники Петръ Ивановъ сынъ Кармановъ, Макаръ Никитинъ сынъ Хвостовыхъ да тое жъ волости крестьяне“ и т. д.

[1]) Пр. Д. 1627 г. № 55.

[2]) Пр. Д. 1646 № 48. 155 г. сент. 13 д. земскіе выборные цѣловальники Семенъ Нестеровъ Притчинъ, Данило Васильевъ Исаевъ да тое жъ Окологородные

въ Пачеозерской волости; въ XVI вѣкѣ въ Пачеозерскомъ селѣ упоминается „староста судецкій", выборная должность, которая входитъ въ иныхъ волостяхъ въ составъ судебной коллегіи съ земскими судьями. Но въ XVII в. въ Пачеозерской волости избираются только два земскихъ разрубныхъ цѣловальника, и это число ихъ объясняется подраздѣленіемъ волости на двѣ „стороны": Княжесельскую и Пресельскую[1]), имѣвшія свои особые сходы и производившія отдѣльно земскіе выборы. Окологородная и Пачеозерская волости были тѣсно связаны съ посадомъ. Ихъ цѣловальники вмѣстѣ съ посадскими цѣловальниками и всеуѣзднымъ старостою во главѣ составляютъ ту коллегію, отъ имени которой пишутся иногда всеуѣздныя челобитныя[2]). Точно такъ же земскіе судьи упоминаются въ XVI в. въ селахъ Петровскомъ и Пятницкомъ, составлявшихъ, какъ извѣстно, съ тянувшими къ нимъ деревнями особые округа; въ XVII в. въ избирательныхъ протоколахъ въ Петровскомъ селѣ названы только земскіе цѣловальники, а въ Пятницкомъ сельцѣ не встрѣчаемъ даже и этихъ послѣднихъ. По всей вѣроятности и эти небольшія и близкія къ посаду дѣленія входили въ округъ посадской юрисдикціи[3]). Намъ остались неиз-

---

волости крестьяне и т. д.; Пр. Д. 1649 № 74. „Лѣта 7158 сентября въ 1 д.. Окологородные волости земскіе цѣловальники Юрья Дмитріевъ Бояркинъ да Юрья Клементьевъ Власовъ, да тое жъ Окологородные волости крестьяне" и т. д.; Пр. Д. 1626 № 44. Отписка Сольвычегодскаго воеводы. Розыскъ отвѣтчика, крестьянина Окологородной волости, поручается посадскимъ судьямъ.

[1]) А. Э. I № 254. 1558 г. Отъ царя и в. князя.... къ Соли Вычегодской на посадъ и въ Усольской уѣздъ старостамъ Омельянку Топнину да черныхъ деревень старостѣ Нечайку Корчагѣ, да Пачеозерскаго села судецкому старостѣ Гришѣ Дементьеву или по васъ иные старосты будутъ"; Пр. Д. 1646 г. № 48. „Пачеозерской волости земскіе цѣловальники Иванъ Обросимовъ Долгополовъ да Степанъ Ларіоновъ Пустынниковъ да крестьяне"; Пр. Д. 1649 № 74. Лѣта 7157 авг. въ 11 д... Пачеозерскіе волости Княжесельскіе стороны розрубной мірской цѣловальникъ Семенъ Ивановъ сынъ Насоновъ да тое жъ стороны крестьяне... да и всѣ крестьяне Пачеозерскіе волости Княжесельскіе стороны выбрали есмя у себя въ Пачеозерской волости" и т. д. „Лѣта 7157 августа въ 30 д. Пачеозерскіе волости Пресельскіе стороны розрубной мірской цѣловальникъ Агаѳонъ Ѳедоровъ сынъ Лазаревъ да крестьяне... да и всѣ крестьяне Пачеозерскіе волости Пресельскіе стороны выбрали есмя у собя въ Пачеозерской волости" и т. д.

[2]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 244 и сл. „Царю государю... бьетъ челомъ твоя государева сирота Соли Вычегодской всеуѣздной земской выборной старостишко Еремка Дмитріевъ сынъ Бояркинъ да посадскіе цѣловальничишка Пятунка Филипповъ сынъ Плотниковъ съ товарищи, Окологородные волости цѣловальничишка Степанко Ивановъ сынъ Корякинъ съ товарищемъ, Пачеозерскіе волости цѣловальничишка Титко Васильевъ сынъ Бакшѣевъ съ товарищемъ и во всѣхъ Соли Вычегодскіе посадскихъ людишекъ и всего Усольскаго уѣзда крестьянишекъ мѣсто". Ср. Пр. Д. 1635 № 66.

[3]) Р. И. Б. XIV, стр. 824. „Отъ царя и в. князя Ивана Васильевича всея Русіи... въ сельцо Петровское выборнымъ земскимъ судьямъ Овдѣю Борисову

вѣстными выборная власти Утмановской волости, довольно, впрочемъ запустѣвшей къ 40 годамъ XVII в. и насчитывавшей тогда всего 20 крестьянскихъ и половничьихъ дворовъ.

Сольвычегодскій уѣздъ вмѣстѣ съ посадомъ, какъ всеуѣздный міръ, обладаетъ всеуѣзднымъ земскимъ исполнительнымъ органомъ, отвѣтственнымъ передъ всеуѣзднымъ собраніемъ. Этотъ исполнительный органъ является представителемъ посада и уѣзда въ совокупности и подаетъ челобитныя правительству „во всѣхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто". Онъ называется „всеземскимъ старостой"[1]), „выборнымъ земскимъ старостой"[2]), „всеуѣзднымъ выборнымъ земскимъ старостой"[3]) или „всеуѣзднымъ земскимъ старостой"[4]). Но онъ носитъ также иногда названія всеуѣзднаго ямского старосты, по лежавшей на немъ обязанности собирать съ посада и уѣзда ямскія деньги, а иногда всеуѣзднаго выборнаго земскаго ружнаго старосты по обязанности собирать и выдавать, нѣкоторымъ церквамъ уѣзда шедшую па ихъ содержаніе мірскую ругу. Что ямской и ружный староста не были особыми лицами, отдѣльными отъ всеуѣзднаго земскаго старосты, видно изъ замѣны этихъ названій одного другимъ. Иногда въ одномъ и томъ же документѣ одно и то же лицо назы-

---

сыну съ товарищи, да въ село въ Пятницкое и въ Дымково выборнымъ земскимъ судьямъ Антипѣ Васильеву сыну Бѣлянкину съ товарищи"; Пр. Д. 1646 № 48. „Лѣта 154 авг. 11. Петровскаго сельца цѣловальникъ Леонтій Михайловъ сынъ Полицынскій да денежный сборщикъ Алексѣй Семеновъ Поповъ, да крестьяне и т. д. Ibid. „Лѣта 7157 авг. въ 21 д. Соли Вычегодской уѣзду Петровскаго сельца крестьянскихъ вытей цѣловальникъ Андрей Парѳентьевъ сынъ Дьяконовъ, крестьяне... и во всѣхъ крестьянъ мѣсто выбрали есмя Петровскаго жъ сельца съ крестьянскихъ вытей къ Соли Вычегодской въ таможенные и въ кабацкіе цѣловальники" и т. д. Ibid. „154 г. авг. 18 д. Заборскіе волости крестьяне (4 имени) да устюжане посадскіе люди, которые въ той Заборской волости деревнями владѣютъ (5 именъ), выбрали есми и излюбили... въ цѣловальники къ землянному дѣлу"; Пр. Д. 1649 № 74; „Лѣта 7157 авг. 3. Алексинскаго стану, что на Комарицѣ отписной сошки земскій цѣловальникъ Ефремъ Васильевъ Дьяковыхъ да крестьяне... и всѣ крестьяне отписной сошки выбрали есми въ своей отписной сошкѣ къ Соли Вычегодской въ таможенные и кабацкіе цѣловальники".

[1]) Пр. Д. 1632 № 36: „Жалоба, государь, мнѣ Соли Вычегодской на *всеземскаго старосту* нынѣшняго 142 года".

[2]) Арх. мин. ин. д. по Устюгу, кн. 1, л. 19. 1625 г. „Билъ намъ челомъ Соли Вычегодской и всего Усольскаго уѣзда *выборный земской староста* Ивашко Гогунинъ во всѣхъ усольцевъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто". Пр. Д. 1624 № 8.

[3]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 244—253; Пр. Д. 1625 № 25. 1645 г. „Билъ челомъ.... Соли Вычегодскіе *всеуѣздный выборный земской* староста Митка Фатѣевъ Коркинъ и во всѣхъ Соли Вычегодской посадскихъ людей и всего Усольскаго уѣзда достальныхъ крестьянъ мѣсто".

[4]) Пр. Д. 1638 № 10. 1638 г. „Бьетъ челомъ Соли Вычегодской *всеуѣздный земскій старостишка* Ивашко Ногинъ" и т. д.

вается то всеуѣзднымъ ямскимъ, то всеуѣзднымъ земскимъ старостою[1]). Точно то же надо замѣтить и относительно названія ружный[2]). Для спе-

---

[1]) Пр. Д. 1632 № 36: „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой Соли Вычегодской Суворко Анисимовъ сынъ Плотникъ... Въ прошломъ, государь, во 134 году по мірскому выбору былъ я, Суворко, въ земскихъ *ямскихъ* старостахъ и по ихъ же мірскому приговору съ сохъ деньги сбиралъ на ямскія гоньбы. А какъ я тое службу отслужилъ и послѣ году со всѣхъ волостей цѣловальники и посыльщики къ Соли на посадъ съѣхались и межъ собя написали приговоръ, и меня, Суворка, въ ямщичествѣ моемъ по приходнымъ и по расходнымъ книгамъ считали, и невыборнымъ деньгамъ росписи къ себѣ взяли, а счетные мнѣ не дали и по се время (142 г.); а послѣ, государь, меня, Суворка, были у Соли *земскіе старосты*, и они многимъ людемъ за подводы прогоновъ и за упалые кони денегъ не платили" и т. д. Ср. Пр. Д. 1626 г. № 1. „Отъ царя и в. князя Михаила Ѳеодоровича... къ Соли Вычегодской писцомъ И. С. Благово да подьячему В. Архипову. Билъ намъ челомъ Соли Вычегодскіе и всего Усольскаго уѣзда *земской староста* Суворко Плотниковъ и во всѣхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто, а сказалъ, что де въ Усольскомъ уѣздѣ въ станѣхъ и въ волостяхъ клали вы на выть пашенныя земли по 40 копенъ сѣна малыхъ лѣтнихъ волоковыхъ. А у нихъ де тѣхъ малыхъ копенъ кладется на одинъ возъ по 5 и по 6 копенъ" и т. д. Такимъ образомъ этотъ ямской староста, собирающій ямскія деньги, является въ то же время ходатаемъ за посадъ и уѣздъ по дѣламъ переписи въ качествѣ всеуѣзднаго земскаго старосты. Пр. Д. 1635 № 97. 1634 г. „Бьетъ челомъ сирота твой государевъ Соли Вычегодской *всеуѣздный земскій старостишка* Левка Семеновъ Поповъ и во всѣхъ Соли Вычегодской посадскихъ людишекъ и волостныхъ крестьянишекъ мѣсто всего Усольскаго уѣзда". Въ воеводской отпискѣ, при которой прислана эта челобитная въ приказъ, онъ названъ: „Соли Вычегодской и всего Усольскаго уѣзда *ямской* староста"; Пр. Д. 1646 № 58, л. 2—6: „бьютъ челомъ сироты твои Соли Вычегодской посаду и всего Усольскаго уѣзду старостишко *ямской* Еремка Сухановъ и вмѣсто достальныхъ волостныхъ крестьянишекъ". Наоборотъ въ воеводской отпискѣ, ibid. л. 1., читаемъ: „въ съѣзжей избѣ мнѣ, холопу твоему, подалъ челобитную Соли Вычегодской *всеуѣздный выборный земскій староста* Еремка Сухановъ"; Пр. Д. 1635 № 66: „бьютъ челомъ и плачутся твои государевы сироты Соли Вычегодской и всего Усольскаго уѣзда *выборный земскій старостишка* Семейка Яковлевъ сынъ Стрекаловскихъ". Въ другихъ актахъ этого дѣла онъ же называется *„всеуѣздный ямской староста"*.

[2]) Названіе всеуѣзднаго земскаго старосты „ружнымъ" объясняется напр. изъ Пр. Д. 1649. № 21: „Лѣта 7157 мая въ 27 д. Соли Вычегодской всеуѣздный выборный земской ружный староста Нечай Семеновъ сынъ Сухихъ взялъ Коряжемскаго монастыря у казначея Моисея съ ихъ вотчинъ въ другой поборъ съ десяти вытей и съ пол-чети, и съ пол-пол-пол-чети выти по двѣ гривны съ выти *ружнымъ храмомъ на строеніе* и съѣзжіе избы подьячимъ, и тюремнымъ сторожамъ, и дворникомъ, и *на всякой всеуѣздный земской расходъ*, итого взялъ 2 р. 2 алт. 4 д. съ пирогомъ, деньги взялъ, въ томъ и отпись далъ. Въ подлинной пишетъ: къ сей отписи всеуѣздный земскій ружный староста Нечай Семеновъ сынъ Сухихъ печать свою приложилъ. Отпись писалъ по старостину велѣнью Захарко Яковлевъ Тотмяниновъ". Итакъ ружный староста

ціально посадскихъ финансовыхъ дѣлъ въ Сольвычегодскѣ выбирались особые посадскіе цѣловальники. Въ 1626 г. въ годъ всеуѣзднаго земскаго старосты Сувора Анисимова Плотникова на посадѣ упоминаются особые выборные судьи Богданъ Шулѣповской съ товарищи, которые производятъ судъ на посадѣ въ судной избѣ, и юрисдикціи которыхъ подлежатъ также, какъ мы видѣли выше, ближайшія къ посаду волости Окологородная и Пачеозерская. Въ слѣдующіе годы этихъ посадскихъ судей незамѣтно [1]).

Въ Устюжскомъ уѣздѣ [2]) во главѣ каждой волости стоитъ выборный земскій судья, завѣдующій притомъ не только судебными, но и финансо-

---

собираетъ деньги съ землевладѣльцевъ уѣзда на строеніе ружнымъ храмамъ; но онъ не только производитъ этотъ сборъ, а въ качествѣ всеуѣзднаго земскаго старосты собираетъ деньги и на *всякій всеуѣздный земскій расходъ*. Ср. Пр. Д. 1649 № 31: „Царю государю.... Алексѣю Михайловичу... бьетъ челомъ сирота твой Соли Вычегодской всеуѣздный земской староста Нечайко Семеновъ Сухихъ вмѣсто всего Усольскаго уѣзду волостныхъ достальныхъ крестьянишекъ. Жалоба, государь, намъ на прошлыхъ таможенныхъ головъ и на нынѣшняго голову и т. д.". Здѣсь этотъ ружный староста выступаетъ ходатаемъ за уѣздъ по дѣлу о питейныхъ мѣрахъ, которыя „тѣ головы прибавливаютъ своимъ произволомъ". 1650 № 57, л. 11—12, въ началѣ: „Царю государю.... б. ч. сирота твой государевъ Соли Вычегодской всеуѣздный выборный земской старостишко Алешка Яковлевъ сынъ Кучинъ и во всѣхъ Соли Вычегодской посадскихъ людишекъ и достальныхъ волостныхъ крестьянишекъ" и т. д.; въ концѣ: къ сей челобитной вмѣсто земскаго выборнаго *ружнаго* старосты А. Я. Кучина по его велѣнію... Ульянко Ивановъ руку приложилъ".

[1]) Пр. Д. 1649 № 74. Выборъ. „Лѣта 7157 іюня въ 28 д.... Соли Вычегодской всеуѣздной выборной земской ружной староста Нечай Семеновъ сынъ Сухихъ да Соли жъ Вычегодской посадскіе земскіе розрубные цѣловальники Григорій Тимоѳеевъ сынъ Опляшихинъ съ товарищи"; ibid. „7157 авг. въ д. Соли Вычегодской земскіе посадскіе цѣловальники Григорій Тимоѳеевъ сынъ Опляшихинъ да Иванъ Васильевъ сынъ Сѣдельниковъ, Иванъ Семеновъ сынъ Шалинъ да Соли жъ Вычегодской посадскіе люди... и всѣ Соли Вычегодской посадскіе люди выбрали есми и излюбили" и т. д.; Пр. Д. 1626 № 2. „Государю царю... Михаилу Ѳедоровичу... сироты твои Соли Вычегодскіе выборные судьишка Богдашка Шулѣповской съ товарищи челомъ бьютъ". Пр. Д. 1626 № 1.... „И тѣ де погонщики тѣхъ его бѣглыхъ людей у Соли поимали и привели ихъ въ судную избу къ земскимъ судейкамъ къ тому Богдашку Шулѣповскому съ товарищи. И земскіе де судейки тѣхъ его бѣглыхъ людей разспрашивали".

[2]) *Станъ Сухонскій Черный*. Пр. Д. 1648 № 155. 1648 г. „Сухонскаго Чернаго и Нововышлаго становъ *земскіе судейки* Богдашко Григорьевъ Хабаровъ, Мишка Биричевскій и *старосты* Данило Сычуговскій, Ивашко Морткинской, и *цѣловальники* Богдашко Кондратьевъ, Сенка Ивановъ Кротовъ, Ивашко Дементьевъ Соловьевъ. Пр. Д. 1652 № 101. 1670 г. Земскій судейка, судецкій староста, 3 разрубныхъ цѣловальника.

Станъ Сухонскій Нововышлой. Р. И. Б. XXV, 15. 1626 г. Земскій судья; ibid. 25, 1627 г. Земскій судья, староста судецкій; Пр. Д. 1636 № 6. Выборы 1634—1635 г. Земскій судья, староста судецкій, 2 разрубныхъ цѣловальника, пятидесятскій; 1635—1636 г. Земскій судейка, староста судецкій, 2 разрубныхъ

вымп дѣлами волости. Но судья не единственный выборный агентъ волостного міра. При судьѣ, какъ главѣ всего волостного управленія, упоминается выборное лицо съ названіемъ: староста судецкій. Судецкій

цѣловальника, сотскій. Пр. Д. 1648 № 155. 1648 г. Земскій судейка, староста судецкій. Пр. Д. 1652 № 101. 1670 г. сотскій.

Станъ Ярокурскій. Пр. Д. 1625 № 18. 1625 г. Земскій судья, судецкій староста, разрубный цѣловальникъ. Пр. Д. 1631 № 30. 1631 г. „Въ прошломъ, государь, во 139 г. былъ я, Меньшичко, въ Ярокурской волости въ земскихъ выборныхъ судейкахъ"; Пр. Д. 1632 № 38, л. 52—56. 1632 г. Земскій судья.

Станъ Вондокурскій. Пр. Д. 1630 № 72, л. 114—115: Вондокурской волости судейка Артемко Просужево; Пр. Д. 1628 № 38, л. 49—52. 1632 г. Выборный земскій судья, судецкій староста; Пр. Д. 1638 № 70. 1638 г. Земскій судейка, староста судецкій.

Волость Шемокса. Пр. Д. 1639 № 61. 1641 г. Земскій судья.

Волость Вотложма. Пр. Д. 1625 № 18. 1625 г. Земскій судья, староста судецкій, цѣловальникъ.

Комарицкій станъ, Нижній конецъ. Пр. Д. 1625 № 18. 1625 г. Земскій судья, староста судецкій, 3 данныхъ цѣловальника. Староста церковный; Пр. Д. 1627 № 67, л. 47. 1625 г. „Жалоба мнѣ, государь, того жъ Юрьева Наволока прошлаго же 133 г. на земскаго судью на Леонтья Соболева"; Пр. Д. 1630 № 72, л. 458. 1630 г. „Бьютъ челомъ сироты ваши Устюга В. уѣзду Комарицкаго стану Верхняго и Нижняго конца земскіе судейки Софонко Витязевъ да Осташко Голубевъ съ товарищи, да того же стану становые старостишка Богдашко Коряковъ, да Якунка Быковъ, да Павликъ Блохинъ, да разрубные цѣловальники (двое); Пр. Д. 1637 № 18. 1638 г. Юрьева Наволока земскій судейка, становой староста, 3 покладныхъ разрубныхъ цѣловальника.

Станъ Бѣлослудскій. Пр. Д. 1625 № 18. 1625 г. Земскій судья, староста судецкій, 5 данныхъ цѣловальниковъ. Староста церковный; Пр. Д. 1637 № 18. 1638 г. Бѣлослудскаго стану земскій судейка съ товарищи и волостные данные покладные разрубные цѣловальники: Мошкурской волости, Давыдовой слободки, Цивозерской волости.

Комарицкій станъ, Верхній конецъ. Р. И. Б. XIV, 824. XVI в. „Выборный земскій судья М. И. Мошанскій съ товарищи"; Пр. Д. 1625 № 18. 1625 г. Земскій судья, староста судецкій, 2 судецкихъ цѣловальника, 4 данныхъ цѣловальника, становой староста, староста церковный; Пр. Д. 1626 № 44. 1625 г. „Билъ челомъ Комарицкаго стану Верхняго конца земскому судьѣ Поснику Васильеву сыну Ляпунову да старостѣ судецкому Рудаку Безносово въ сыновнѣ убійствѣ и о сыску"; Пр. Д. 1632 № 36: судецкій староста, судецкій (?) сотскій, 3 разрубныхъ цѣловальника.

Волость Уфтюга. Пр. Д. 1625 № 18. Земскій судья, староста судецкій, 2 судецкихъ цѣловальника, 2 данныхъ цѣловальника, староста церковный; Пр. Д. 1627 № 67, л. 178. Земскій судья, данные разрубные цѣловальники; Пр. Д. 1637 № 18. 1638 г. Становой староста; Пр. Д. 1639 № 44. 1640 г. Становой староста жалуется на прошлыхъ ямскихъ старостъ въ перерасходѣ денегъ.

Волость Пермогорья. Пр. Д. 1625 № 18. 1625 г. Земскій судья, староста судецкій, цѣловальникъ; Пр. Д. 1628 № 72. Земскій судейка, староста (судецкій?); Пр. Д. 1631 № 36. 1632 г. Земскій судейка.

староста обыкновенно присутствуетъ съ земскимъ судьею при разбирательствѣ судебныхъ дѣлъ; встрѣчаемъ случай, когда этотъ староста самостоятельно ведетъ судебное разбирательство, впрочемъ только вслѣдствіе от-

---

Волость Черевковская. Пр. Д. 1625 № 18. 1625 г. Земскій судья, разрубной цѣловальникъ; Пр. Д. 1630 № 70. 1628 г. Выборный земскій судья да прошлый земскій цѣловальникъ; Пр. Д. 1627 № 9. 1630 г. Земскій судейка, земскій цѣловальникъ; Пр. Д. 1632 № 80. 1632 г. Земскій судейка, земскій цѣловальникъ; Пр. Д. 1639 № 61. Послѣ 1640 г. Земскій судейка, земскій цѣловальникъ.

Волость Ягрышская. Пр. Д. 1625 № 18. 1625 г. Земскій судья, земскій цѣловальникъ; Пр. Д. 1627 № 9. 1630 г. Земскій судья, земскій цѣловальникъ; Пр. Д. 1630 № 72, л. 114—115. Земскій судейка.

Станъ Кивокурскій. Пр. Д. 1628 № 59. 1627 г. Земскій судья Кивокурскаго стану. Земскій цѣловальникъ Ракульской волости.

Станъ Быкокурскій. Р. И. Б. XIV, 824. XVI ст. „Выборные земскіе судьи Васюкъ Бороткинскій съ товарищи; Ibid. 836. 1615—1616 гг. Земскій судья, выборный земскій староста судецкій, судецкіе цѣловальники.

Волость Ивановъ Погостъ. Пр. Д. 1628 № 72. Земскій судья.

Волость Варжа. Пр. Д. 1652 № 101. 1652 г. Земскій судья, церковный староста; 1656 г. Земскій судья, земскій цѣловальникъ.

Волость Орлова. Пр. Д. 1628 № 72. Земскій судейка; Пр. Д. 1630 № 72, л. 114—115. Земскій судейка. Пр. Д. 1636 № 76. Земскій судейка, цѣловальникъ.

Волость Шолга. Пр. Д. 1633 № 4. Земскій судья, судецкій цѣловальникъ; Пр. Д. 1650 № 81. Земскій судейка съ товарищи.

Волость Яхренга. Р. И. Б. XIV, 956. 1636 г. Земскій судья, мірской сборный староста; Пр. Д. 1637 № 18. Земскій судейка; Р. И. Б. XII, 221. 1641 г. Земскій судья; Пр. Д. 1656 № 93. 1654 г. Земскій судья.

Волость Подосиновская. Пр. Д. 1633 № 4. 1633 г. Земскій судья.

Волость Утманова. Пр. Д. 1627 № 27. 1628 г. Земскій судейка; Пр. Д. 1627 № 27, л. 6. 1629 г. Земскій судейка да староста (сборный?); Пр. Д. 1630 № 72, л. 114—115. 1630 г. Судейка; Пр. Д. 1646 № 79. 1646 г. Земскій судейка, сборный староста да прошлый судья, да прошлый сборный староста. Церковный староста; Пр. Д. 1652 № 101. 1670 г. Земскій судейка, сборный староста.

Волость Ентала. Пр. Д. 1630 № 72, л. 114—115: староста (сборный?); ibid. л. 387. Земскій судья.

Волость Енанга. Пр. Д. 1627 № 67, л. 174. Земскій сборный староста; Пр. Д. 1652 № 101. 1670 г. Земскій судейка.

Волость Кильченга. Пр. Д. 1630 № 72, л. 114—115. 1630 г. Судейка; Пр. Д. 1652 № 101. 1670 г. Земскій судейка, сборный староста.

Волость Кичменга. Пр. Д. 1652 № 101. 1670 г.: *Кобыльскій станъ*: земскій судейка, сотскій; *Спасскій приходъ*: земскій судейка, сотскій, сборный цѣловальникъ; *Благовѣщенскій приходъ*: земскій судейка; *Шонскій станъ*: земскій судейка, сотскій.

Волость Сараева и Святица. Пр. Д. 1652 № 101. 1670 г. Земскій судейка.

Волость Шарженга и Халезецъ, и Березовецъ. Пр. Д. 1652 № 101. 1670 г. Земскій судейка. Шарженскіе волости Архангельскаго приходу—сотскій, пятидесятскій.

вода земскаго судьи по родству съ одною изъ сторонъ. До этого отвода староста отказывалъ обратившейся къ нему сторонѣ принять отъ нея жалобу помимо судьи и указывалъ ей нормальное начало процесса—подачу жалобы земскому судьѣ [1]). Упоминаніе о судецкомъ старостѣ при земскомъ судьѣ мы нашли въ станахъ Сухонскомъ Черномъ, Сухонскомъ Нововышломъ, Ярокурскомъ, Вондокурскомъ, Комарицкомъ Нижнемъ концѣ, Комарицкомъ Верхнемъ концѣ, Быкокурскомъ и въ волости Вотложемской. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, именно: въ Комарицкомъ стану Верхнемъ концѣ, въ Быкокурскомъ стану, въ Уфтюгѣ и въ Шольской волости мы встрѣтили также кромѣ судецкаго старосты еще и судецкихъ цѣловальниковъ, въ первыхъ двухъ волостяхъ по два въ каждой; въ нихъ надо видѣть выборныхъ засѣдателей судебнаго присутствія, которое дѣйствуетъ подъ предсѣдательствомъ земскаго судьи, и нѣтъ ничего невѣроятнаго предполагать, что такіе же судецкіе цѣловальники могли находиться и по другимъ волостямъ, но что мы не встрѣтили о нихъ упоминанія благодаря вообще случайному характеру тѣхъ документовъ, откуда приходится черпать свѣдѣнія о составѣ волостного земскаго управленія. Возможно, что въ иныхъ документахъ они скрываются подъ тою формулой: „земскій судья съ товарищи", какою нерѣдко обозначается составъ этого управленія. Спеціально для финансовыхъ дѣлъ волости: раскладки казенныхъ и мірскихъ сборовъ и сбора податей по волостямъ Двинской и Сухонской третей мы вездѣ видимъ особыхъ земскихъ „разрубныхъ, данныхъ цѣловальниковъ", дѣйствующихъ также подъ руководствомъ земскаго судьи, который, слѣдовательно, является какъ бы предсѣдателемъ обѣихъ коллегій: и судебной, состоящей изъ судецкаго старосты и, гдѣ они были, судецкихъ цѣловальниковъ, и финансовой, состоящей изъ разрубныхъ цѣловальниковъ. Въ Сухонскомъ Нововышломъ стану земскіе разрубные цѣловальники, выбиравшіеся тамъ въ 1630-хъ годахъ въ числѣ двухъ, должны были сидѣть въ судѣ вмѣстѣ съ земскимъ судьею „и суды судить во всякомъ мірскомъ крестьянскомъ дѣлѣ" [2]). Для полицейскихъ дѣлъ повсюду въ волостяхъ выбирались сотскіе; рѣже упоминаются пятидесятскіе. Сотскій и пятидесятскій въ Сухонскомъ Нововышломъ стану, какъ гласитъ ихъ избирательный актъ, „выборъ", обязаны были также участвовать въ судебныхъ засѣданіяхъ вмѣстѣ съ судьею и разрубными цѣловальниками [3]) и называются въ ка-

---

Волость Леменга. Пр. Д. 1656 № 93. 1659 г. „Леменгскихъ починковъ судейка"; Пр. Д. 1652 № 101. 1670. Леменгскихъ починковъ земскій судейка, сотскій.

Волость Никольская слободка. Пр. Д. 1652 № 101. 1670 г. Земскій судейка, сотскій.

Волость Вохомская. Пр. Д. 1630 № 72, л. 387. Земскій судейка; Пр. Д. 1652 № 101. 1670. г. Земскій судейка.

[1]) Р. И. Б. XIV, 836.

[2]) Пр. Д. 1636 № 6. „Выборъ".

[3]) Пр. Д. 1636 № 6.

чествѣ членовъ этой судебной коллегіи товарищами судьи. Возможно то же явленіе и въ другихъ волостяхъ. Такимъ образомъ обычный нормальный составъ земскаго управленія въ волостяхъ Двинской и Сухонской третей надо представлять себѣ въ слѣдующемъ видѣ: земскій судья, судецкій староста, разрубные цѣловальники, сотскій. Въ сложныхъ станахъ Устюжскаго уѣзда, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ волостей, каковы были станы: Комарицкій Нижній конецъ, состоявшій изъ трехъ, Бѣлослудскій изъ пяти, Комарицкій Верхній конецъ изъ четырехъ и Быкокурскій изъ двухъ волостей—мы видимъ всегда одного земскаго судью и одного старосту судецкаго, компетенція которыхъ распространяется на всѣ волости, входящія въ составъ стана; но разрубной цѣловальникъ избирается каждою волостью особо, и такимъ образомъ эти волости представляются болѣе децентрализованными въ финансовомъ управленіи, чѣмъ въ судебномъ. Такъ напр., въ Комарицкомъ стану Нижнемъ концѣ, включавшемъ въ себѣ три волости: Юрьевъ Наволокъ, по имени котораго называется иногда и весь станъ, Евду въ Липовомъ Шеломени и Верхнюю Мошкурью, мы видимъ и трехъ данныхъ цѣловальниковъ. Въ Бѣлослудскомъ стану дѣйствуютъ пять данныхъ цѣловальниковъ; въ Комарицкомъ стану Верхнемъ концѣ—четыре, и въ обоихъ этихъ станахъ цѣловальники упоминаются съ указаніемъ тѣхъ волостей, которыя ихъ избирали и финансовыми дѣлами которыхъ они ближайшимъ образомъ завѣдывали [1]). Вѣроятно такой же порядокъ существовалъ и въ пятомъ сложномъ стану Устюжскаго уѣзда Кивокурскомъ, состоявшемъ изъ 6 волостей, въ которомъ упоминается „земскій судья Кивокурскаго стана", но о разрубныхъ цѣловальникахъ котораго намъ не удалось найти болѣе подробныхъ свѣдѣній.

Особенностью нѣсколькихъ волостей Южской трети является „сборный староста", повидимому, замѣняющій собою данныхъ цѣловальниковъ другихъ волостей съ тѣми же обязанностями, какъ это можно видѣть изъ заявленія такого старосты Енанской волости, что онъ: „въ прошломъ, во 130 году, былъ въ той Енанской волости по мірскому выбору въ земскихъ старостахъ и сбиралъ... данныя деньги и четвертные доходы, и ямскія деньги" [2]). Упоминаніе о такихъ „сборныхъ старостахъ" мы нашли въ волостяхъ: Яхренгѣ, Утмановѣ, Енталѣ, Енангѣ, Кильченгѣ. Параллельно съ этимъ за исключеніемъ Быкокурскаго стана, ни въ одной волости изъ расположенныхъ по системѣ р. Юга мы не встрѣтили „судецкаго старосты", такъ что от-

---

[1]) Напр. въ Бѣлослудскомъ стану: „волостные данные покладные розрубные цѣловальники: Мошкурской волости Т. Васильевъ, Давыдовы Слободки Марчко Игнатьевъ" и т. д.; въ Комарицкомъ стану Верхнемъ концѣ: „жалоба... на того Комарицкаго стану Верхняго конца на розрубныхъ цѣловальниковъ нынѣшняго 142 года: сухоповостскихъ сохъ (волость Сухой погостъ) на Ив. Балакшина, Канскіе волости на цѣловальника на В. Ушакова, Вешкурскіе волости на цѣловальника на А. Балакшина". Пр. Д. 1637 № 18; 1632 № 36.

[2]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 174.

сутствіе этой должности можно также считать особенностью волостей Южской трети. Наконецъ, въ трехъ волостяхъ, именно: въ обоихъ Комарицкихъ станахъ и въ Уфтюгѣ существовала еще особая выборная должность подъ названіемъ становогo старосты. Становой староста завѣдуетъ становымъ дворомъ, на которомъ останавливались проѣзжающіе по казеннымъ дѣламъ правительственные агенты, получавшіе на такомъ дворѣ на время остановокъ мірское содержаніе. Становой староста снабжалъ ихъ средствами сообщенія: подводами и лодками, а также и деньгами. Онъ поэтому и называется въ одномъ документѣ ямскимъ старостой. Въ Комарицкомъ стану Нижнемъ концѣ онъ разсылаетъ повѣстки на мірской совѣтъ, вѣроятно, потому, что этотъ совѣтъ собирался на становомъ дворѣ [1]). Встрѣчается случай, когда становой староста вмѣстѣ съ разрубными цѣловальниками подаетъ мірское челобитье [2]). Съ присоединеніемъ становогo старосты, гдѣ онъ былъ, выборный волостной персоналъ могъ оказаться довольно многолюднымъ и сложнымъ. Вотъ напр. весь составъ земскихъ выборныхъ властей въ Комарицкомъ стану Верхнемъ концѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XVII в.:во главѣ всего стана земскій судья, при немъ староста судецкій, 2 судецкихъ цѣловальника, 4 розрубныхъ цѣловальника, становой староста, церковный староста. Въ Комарицкомъ стану Нижнемъ концѣ: земскій судья, староста судецкій, 3 данныхъ цѣловальника,

---

[1]) Для этого становогo двора „становой староста“ нанимаетъ особаго дворника. Пр. Д. 1634 № 84, л. 55. Староста составляетъ „становыя книги“, куда заноситъ сдѣланные имъ расходы. Вотъ образецъ такихъ записей становогo старосты Юрьева Наволока Комарицкаго стана Нижняго конца Харитона Игнатьева Созонова за 1633 г.: Пр. Д. 1634 № 84, л. 18. „Сентября въ 10 д. ѣхалъ съ Низу къ Устюгу В. великоустюжскій приставъ Сергажъ Путиловъ..... Хлѣба ѣлъ у меня у Харки выть, 3 денги, да взялъ у меня у Харки подводу до Комарицы съ сѣдломъ и съ уздою, да проводника на подводѣ, прогону дано до Комарицы 6 алт. 4 д.“; л. 19: „тогоже мѣсяца въ 24 д. ѣхалъ съ Устюга приставъ Петрушка Баскаковъ для выборныхъ кабацкихъ цѣловальниковъ, дано ему до Уфтюги лодка и два человѣка. Прогону далъ за лодку и дву человѣковъ 6 алт. 4 д. Хлѣба ѣлъ выть, за то 3 деньги“. и т. д. Становой староста слѣдующаго 142 (1633—1634 г.) занималъ въ то же время и должность даннаго цѣловальника въ Юрьевѣ Наволокѣ: ibid. л. 60. „Се язъ Пятой Селиверстовъ сынъ Башаринъ далъ есми память прошлому старостѣ становому и цѣловальнику тоже Юрьева Наволока Никитѣ Тимоѳееву Тарасову въ томъ“ и т. д. Въ качествѣ становогo старосты этотъ Н. Т. Тарасовъ получаетъ мірского жалованья 3 рубля въ годъ: ibid. л. 61. „Да староста Никита взялъ найму своего отъ становогo старощенья годового три рубля“, а въ качествѣ цѣловальника—рубль, ibid: „взялъ язъ цѣловальникъ Никита найму своего рубль денегъ, что сбиралъ деньги по мірскимъ розрубнымъ спискомъ“. Въ Комарицкомъ стану Верхнемъ концѣ преемникомъ убитаго ямского старосты Ив. Ив. Дерягина является становой староста Леонтій Заевъ, откуда и можно думать, что это разныя названія одной и той же должности. Пр. Д. 1626 № 44; ср. Пр. Д. 1625 № 18.

[2]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 263.

становой староста. Сюда слѣдуетъ прибавить еще сотскихъ, вѣроятно, по одному на волость, пятидесятскихъ, а затѣмъ и церковныхъ старостъ въ тѣхъ волостяхъ, которыя совпадали съ приходами.

Во главѣ всего Устюжскаго уѣзда, какъ всеуѣзднаго міра, въ XVI в. стоялъ „выборный староста“ [1]). О всеуѣздныхъ устюжскихъ земскихъ властяхъ въ XVII в. намъ приходилось уже говорить въ разсказѣ о распаденіи всеуѣзднаго устюжскаго міра и выдѣленіи посада и уѣзда въ особые міры въ 1676 г. Соотвѣтственно этому въ исторіи всеуѣзднаго устюжскаго земскаго управленія въ XVII в. надо различать два періода: до этого распаденія и послѣ него. Въ первомъ періодѣ обязанности всеуѣзднаго органа несетъ на себѣ управленіе устюжскаго посада, совмѣщающее такимъ образомъ два значенія: посадскаго и всеуѣзднаго управленія. Это посадское управленіе представляло изъ себя коллегію изъ четырехъ членовъ: трехъ земскихъ судей и старосты судецкаго. Одинъ изъ трехъ судей игралъ, очевидно, роль президента коллегіи. По крайней мѣрѣ двое устюжскихъ земскихъ судей и судецкій староста, избранные на эти должности на 143 г. (1634—1635 г.) жаловались, что выбрали ихъ „изъ молодшихъ людишекъ только троихъ человѣкъ, а большого судьи въ головы“ къ нимъ никого не выбрали [2]). Староста судецкій былъ младшимъ членомъ коллегіи, какъ это видно изъ того, что при перечисленіи ея состава онъ всегда упоминается на послѣднемъ мѣстѣ. Коллегія выбиралась однимъ только посадскимъ сходомъ безъ участія волостныхъ депутатовъ и только изъ посадскихъ людей. По управленію посадомъ коллегія эта вѣдала не только судебныя, но и финансовыя дѣла, производила сборъ и отправку въ Москву посадскихъ податей, пользуясь содѣйствіемъ посадскихъ разрубныхъ цѣловальниковъ, которые упоминаются на Устюгѣ въ первой половинѣ XVII в. въ числѣ шести [3]). Она предсѣдательствовала на посадскихъ сходахъ, руководила выборами на нихъ и получала полномочіе дѣйствовать отъ имени посадскаго схода, если почему либо сходъ не могъ состояться. „А намъ посадскимъ людемъ“, пишетъ посадскій сходъ въ „выборѣ“, составлявшемся при избраніи земскихъ судей и судецкаго старосты, „для

---

[1]) Р. И. Б. XIV, 805. Устюжскій выборный староста Меньшой Ленщинъ съ 4 цѣловальниками выдаетъ расписку въ полученіи податей съ нѣкоторыхъ деревень Быкокурскаго стана на 7075 г.

[2]) Пр. Д. 1635 № 97. „Царю государю... Михаилу Ѳедоровичу... бьютъ челомъ сироты твои нынѣшняго 143 г. Устюга Великаго земскіе судьишка Девятка Килкинъ, Кондрашка Кузнецъ да судецкой старостишко Безсонко Бородкинъ. Жалоба, государь, намъ Устюга жъ Великаго на прошлыхъ 142 года на земскихъ судей, на Ивана Иванова Толстоухова съ товарищи. Въ прошломъ, государь, во 142 году выбралъ насъ сиротъ тотъ Иванъ съ товарищи на нынѣшней на 143 годъ въ земскіе судьишка изъ молодшихъ людишекъ только троихъ человѣкъ, а большого судьи въ головы къ намъ никого не выбралъ и съ нами не росписався и съ Устюга съѣхалъ. И намъ, сиротамъ, у того земскаго дѣла въ тѣхъ судьяхъ безъ большого судьи и безъ росписки быть немочно“.

[3]) Прилож. V № 15.

мірского совѣту къ нимъ судьямъ приходити... А будетъ мы посадскіе люди не почнемъ на совѣтъ приходити, и имъ судьямъ всякое мірское дѣло дѣлать и безъ мірскихъ людей: челобитныя и приговоры, и выборы и обыски, и иныя, какія ни есть мірскія дѣла. А намъ посадскимъ людямъ въ томъ вѣрить". Когда собирается всеуѣздный съѣздъ, посадскіе земскіе судьи и судецкій староста съ разрубными цѣловальниками являются на немъ иногда представителями посада и пишутся въ актахъ съѣзда „во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто", тогда какъ перечень именъ съѣхавшихся волостныхъ посыльщиковъ сопровождается формулой: „и всего устюжскаго уѣзда вмѣсто волостныхъ крестьянъ". Такимъ образомъ представительство посада и уѣзда здѣсь раздѣляется между посадской коллегіей съ одной стороны и волостными посыльщиками съ другой[1]). Но въ другихъ случаяхъ, и гораздо болѣе часто, земскіе судьи и судецкій староста являются представителями всеуѣзднаго міра, отъ имени котораго они и дѣйствуютъ „во всѣхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто". Въ качествѣ такихъ представителей всеуѣзднаго міра земскіе судьи и судецкій староста пишутъ всеуѣздныя челобитныя, руководятъ выборами на всеуѣздныхъ съѣздахъ, являются какъ бы предсѣдателями этихъ съѣздовъ и т. д.[2]) Кромѣ

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 27. 1627 г. „Се язъ Устюга В. посаду земскіе судьи Аѳанасій Котельниковъ съ товарищи да староста судецкій Сергѣй Бараковъ, да разрубные цѣловальники Дмитрій Емельяновъ Котельниковъ съ товарищи и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто.... волостные посыльщики „и всего устюжскаго уѣзда вмѣсто волостныхъ крестьянъ".

[2]) Пр. Д. 1626 № 15. Всеуѣздная челобитная 1630 г. „Устюга В. посадскіе земскіе судейки Меркушка Обуховъ съ товарищи и во всѣхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто". Ibid. 1631 г. Всеуѣздная челобитная. „Устюга В. земскіе судейки Ивашко Романовъ съ товарищи и всѣ устюжане посадскіе и волостные люди". Въ рукоприкладствахъ вскрывается составъ коллегіи этого года, именно: „судейка Иванко Романовъ, земскій судейка Савка Ивановъ и въ товарища своего мѣсто. Судецкій староста Якунка Ѳоминъ". Пр. Д. 1630 № 70. Всеуѣздная челобитная 138 г. сент.: „Устюга В. посадскіе земскіе судейки Меркушко Обуховъ съ товарищи, розрубные цѣловальники Безсонко Бородкинъ съ товарищи и во всѣхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто". Въ рукоприкладствахъ: „староста судецкій Илейка Кондратовъ р. п."; Пр. Д. 1630 № 72, л. 114—115; л. 136—137. Приведемъ и другіе случаи упоминанія устюжской посадской и всеуѣздной администраціи. Пр. Д. 1626 № 44. 1616 г. Жалоба „Устюга В. на посадскихъ судеекъ Пятого Коросаго, на Некраса Пеунова, на Исака Ревякина, да на ихъ судецкаго старосту, да на устюжскихъ розрубныхъ цѣловальниковъ"; Пр. Д. 1627 № 27. 1627 г. Устюга В. земскіе судейки Демка Михайловъ съ товарищи; Пр. Д. 1631 № 36. Всеуѣздная челобитная; Пр. Д. 1634 № 29, л. 11—18; л. 61—64; Пр. Д. 1635 № 21; л. 56—62. Составъ устюжскаго выборнаго посадскаго управленія 140 г. (1631—32 г.): земскіе судьи: Павелъ Семеновъ Кабаковъ, Петръ Никитинъ, Баженъ Клементьевъ Шапочникъ. Староста судецкій Ѳедоръ Жилинъ. Разрубные цѣловальники 6 человѣкъ; 141 г. (1632—33 г.): земскіе судьи—посадскіе

нихъ всеуѣздными должностями въ Устюжскомъ уѣздѣ были еще всеуѣздные ямскіе старосты, спеціально завѣдывавшіе ямскимъ дѣломъ[1]), подъ руководствомъ таможеннаго головы.

Во второмъ періодѣ, съ 1676 г., когда всеуѣздный устюжскій міръ распался, посадъ съ уѣздомъ стали жить отдѣльною жизнью и сдѣлались особыми, не связанными между собою мірами, во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ свое земское управленіе: въ посадѣ посадскій земскій староста, дѣйствующій въ посадской земской избѣ, въ уѣздѣ „всеуѣздный земскій староста“, имѣющій свое присутствіе во „всеуѣздной земской избѣ“. При томъ и другомъ упоминаются товарищи. Въ такомъ раздѣльномъ видѣ посадское и уѣздное земское управленіе существуетъ на Устюгѣ до конца XVII в.[2])

люди: Иванъ Моисеевъ Завалинъ, Григ. Юр. Губинъ, Якунъ Ивановъ Кожевникъ, староста судецкій Богданъ Ростовецъ., разрубные цѣловальники 6 чел., ямскіе старосты Петръ Емельяновъ Ходутинъ, Петръ Васильевъ Выломаевъ; Пр. Д. 1635 № 97. 142 г. (1633—34): земскіе судьи Ивашко Ивановъ (Толстоуховъ), Ивашко Солодовиковъ; 143 г. (1634—35): Устюга В. земскіе судьи Девятка Килкинъ, Кондрашка Кузнецъ, судецкій староста Безсонко Бородкинъ; Пр. Д. 1638 № 70. „Жалоба на судей 147 г. на Левонтья Толстоухова съ товарищи“.

[1]) Пр. Д. 1635 № 52. „143 г. октября въ 9 д. по государеву указу дьякъ Пантелѣй Чириковъ допрашивалъ устюжанъ посадскихъ людей челобитчиковъ.... мочно ль у нихъ на Устюгѣ на посадѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ ямъ устроити, какъ и въ иныхъ городѣхъ ямы устроены“. Челобитчики между прочимъ сказали, что „въ поморскихъ де во всѣхъ городѣхъ строеныхъ ямовъ нѣтъ и чтобъ государь ихъ устюжскихъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ пожаловалъ, велѣлъ тѣ ямскія деньги съ нихъ съ посадскихъ людей и со всѣхъ волостныхъ крестьянъ сбирати и на ямскую гонбу давати, и ямскую гонбу вѣдати на Устюгѣ В. въ таможнѣ таможеннымъ головамъ, которые съ Москвы на Устюгъ В. къ таможенному сбору посылаются. А для тѣхъ ямскихъ денегъ сбору и отдачи, и ямскія гонбы вѣдома велѣлъ бы государь быти съ тѣмъ таможеннымъ головою вмѣстѣ изъ нихъ изъ устюжскихъ изъ посадскихъ людей и изъ волостныхъ крестьянъ по одному человѣку по старостѣ“. Ср. Пр. Д. 1631 № 55. Устюжское всеуѣздное ходатайство, гдѣ говорится о четырехъ ямскихъ старостахъ: „бьютъ челомъ твои государевы богомольцы Архангельскаго монастыря архимаритъ Лаврентій, Ивановскаго монастыря игуменъ Леонидъ, да сироты твои Устюга В. посаду земскіе судейки Меркуша Обуховъ съ товарищи и вмѣсто всѣхъ посадскихъ и волостныхъ людей мѣсто (sic). Выбираемъ, государь, на Устюгѣ посадѣ въ ямскіе старосты съ посаду и съ уѣзду на всякой годъ по четыре человѣка“.

[2])

Посадъ	Уѣздъ	
1676 г. Устюга В. посаду земскій староста Иванъ Ключаревъ	всеуѣздный земскій староста Петръ Хомяковъ, Корѣпа Копыловъ	Р.И.Б.XII. 467 и сл.
1678 г. Ѳедка Шергинъ съ товар.	Григорій Новосильцевъ	

Особенность волостного земскаго управленія Тотемскаго уѣзда составляютъ земскіе старосты, которые дѣйствуютъ тамъ вмѣстѣ съ земскими судейками. Земскіе старосты подаютъ челобитныя отъ имени волости и, вѣроятно, вѣдаютъ преимущественно ея финансовыя и вообще хозяйственныя дѣла; земскіе судейки болѣе спеціально—судебныя. Такихъ земскихъ старостъ съ земскими судьями мы нашли въ волостяхъ: Вѣкшенгѣ, Совьюгѣ, Стрѣлицкой, Молѣ, Кулуѣ. Одни только старосты безъ судей встрѣтились намъ въ волостяхъ Заозерьѣ и Кочворѣ[1]). Наоборотъ въ нѣсколь-

---

1686 г. Р. И. Б. XII, 650 и слѣд.: „В. государямъ... бьютъ челомъ сироты ваши Устюга В. посадской старостишко Гаврилко Протодьяконовъ да всеуѣздной земской старостишко жъ Андрюшка Жилинъ съ товарищи"; ibid. XII, 1116: 1693 г. „Подавалъ челобитную Устюга В. всеуѣздный староста Прокопей Коробицынъ съ товарищи"; ibid. XII, 1206: 1695 г. „нынѣ били челомъ Устюга В. всеуѣздный земскій староста Андрюшка Жилинъ съ товарищи и вмѣсто всѣхъ волостныхъ крестьянъ"; ibid. XII, 1300: 1696 г. Къ челобитной архіепископу Александру приложили руки: посадскій земскій староста Ивашко Жилинъ, всеуѣздный земскій староста Өедка Бетюговъ, товарищъ всеуѣзднаго старосты Гришка Новосильцевъ, староста ямской Ивашко Изотоховъ Котельникъ, товарищъ его Петрушка Демидовъ, товарищъ посадскіе избы(?) Гришка Ковригинъ и вмѣсто товарища Микиты Рожнева и за себя р. п."; ibid. XII, 1312: 1696 г. „Бьютъ челомъ сироты твои Устюга В. всеуѣздный земскій староста Климко Красильниковъ съ товарищи съ волостными выборными людьми вмѣсто всѣхъ Устюжскаго уѣзда волостныхъ крестьянъ".

[1]) Пр. Д. 1645 № 101. Крестоприводная роспись Тотемскаго уѣзда въ 1645 г.: 153 г. авг. 21. Вѣкшенская волость: земскій староста Сергій Ивановъ. Ср. Пр. Д. 1650 № 40: „въ міру на Вѣкшенгѣ старостѣ Сергѣйку Иванову". „Вѣкшенскіе слободки земскій судейка Ив. Овдокимовъ"; Пр. Д. 1645 № 101. 153 г. авг. 24. Совьюская волость: земскій судейка Мокѣй Онтипьевъ, земскій староста Михайло Өеофиловъ; Ibid. авг. 16. Стрѣлицкая волость: земскій судья Малафій Васильевъ Куликовъ, староста Лука Сидоровъ, цѣловальникъ Первой Романовъ. Ср. Пр. Д. 1649 № 74: „157 г. авг. 18. Стрѣлицкіе волости земской судья Никита Осиповъ Скоросовъ да земской староста Борисъ Кузьминъ, да земскіе цѣловальники Никита Кондратьевъ да Герасимъ Евсегнѣевъ... и всѣ крестьяне". Пр. Д. 1655 № 50. 1652 г. „Жалоба мнѣ тое жъ Стрѣлицкіе волости на прошлаго земскаго старосту да на крестьянъ" и т. д.; Волость Мола. Пр. Д. 1631 № 30: „Царю государю Михаилу Өедоровичу... бьютъ челомъ и плачутся сирота твоя государева Тотемскаго уѣзда Молскіе волости земской староста Суетка Еремѣевъ да цѣловальники земскіе Незнамко Харитоновъ да Завьялко Петровъ, да Пронка Пахомьевъ да и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Молскіе волости". Пр. Д. 1645 № 101. авг. 19. Земскій судья Лука Лукинъ, земскій староста Никифоръ Ларіоновъ, земскіе цѣловальники 2. Пр. Д. 1649 № 74: „158 г. сент. 1. Молскіе волости земской староста Назаръ Терентьевъ сынъ да земскіе цѣловальники (3) да крестьяне"; Волость Кулуя. Пр. Д. 1638 № 10. „146 г. апр. въ 5 д. въ Тотемскомъ уѣздѣ въ волости на Кулуѣ въ деревнѣ въ Великомъ Дворѣ въ избѣ заказного цѣловаль-

кихъ волостяхъ, именно: Демьяновской, Вотчѣ, Печенгѣ, Царевѣ, Вожбалѣ, Тикснѣ, Толшмѣ: Верхней и Нижней половинахъ, Боркѣ, Сянжемѣ въ попавшихся намъ актахъ были упомянуты только земскіе судейки, по одному въ каждой. При томъ вмѣстѣ съ судьями упомянуты въ этихъ волостяхъ церковные старосты, не упоминающіеся въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ названы земскіе старосты. Трудно сказать, насколько эти акты полно и точно изображаютъ составъ земскаго управленія; возможно, что земскими старостами въ нѣкоторыхъ волостяхъ названы церковные старосты, такъ какъ послѣдніе, какъ увидимъ ниже, вели также дѣла земскаго управленія [1]). Въ волости Старой Тотьмѣ вмѣстѣ съ земскимъ судейкою упоминается староста безъ обозначенія, какой именно [2]), церковный или земскій. Въ

ника избранилъ государю тое жъ Кулуйскіе волости крестьянинъ Юшко Семеновъ сынъ Зыкова. А тутъ были священникъ Кирило Ивановъ сынъ Поповъ.... да земской судейка Логинъ Васильевъ сынъ Неустроева"…. Пр. Д. 1645 № 101. сент. 9. Земскій судейка Ив. Патрикѣевъ, церковный староста Павелъ Никитинъ, земскій цѣловальникъ Вавилко Юрьевъ. Пр. Д. 1649 № 74. „158 г. сент. 18. Кулуйскіе волости земской староста Третьякъ Потапьевъ сынъ Красавина да крестьяне"; Волость Борокъ и Заозерье. Пр. Д. 1645 № 101. сент. 7: Боровскіе волости: земскій судейка Коземка Аксентьевъ, церковный староста Иванъ Михайловъ, земскій цѣловальникъ Максимъ Семеновъ. Заозерскіе волости земскій староста Павелъ Ондреевъ; Кочворскіе волости земскій староста.

[1]) Волость Демьянова. Пр. Д. 1645 № 101. Крестоприводная роспись. 153 г. авг. 15. Земскій судейка Андрей Гавриловъ, церковный староста Алексѣй Ѳедоровъ, сборщикъ Петръ Софроновъ. Пр. Д. 1649 № 74. 157 г. авг. 18. Демьяновскаго стану Илескіе волости земскій цѣловальникъ Е. И. Худяковъ да земскій судейка Ѳедотъ Титовъ сынъ, да староста церковный Степанъ Никитинъ сынъ; Волость Вотча. Пр. Д. 1645 № 101. Земскій судейка, церковный староста, земскій цѣловальникъ. Ср. Пр. Д. 1649 № 74. 158 г. сент. 1; Волость Печенга. Пр. Д. 1645 № 101. Земскій судейка, церковный староста, цѣловальникъ; Волость Царева. Пр. Д. 1633 № 21, л. 28—36: 1624 г. Земскій судья Первой Антуфьевъ сынъ Труха, двое сотскихъ. Пр. Д. 1631 № 30: 1632 г. Царевской волости земскій судейка Д. Юрьевъ. Пр. Д. 1645 № 101: 153 г. авг. 13. Земскій судейка, сотскій, земскій цѣловальникъ, заказной цѣловальникъ; Волость Вожбала и Тиксна, въ каждой: земскій судейка, церковный староста, земскій цѣловальникъ; Волость Толшма Верхняя половина. Пр. Д. 1645 № 101. Земскій судейка, староста церковный, земскіе цѣловальники—2. Такой же составъ и въ Пр. Д. 1649 № 74. 158 г. сент. 1; Толшемская волость Нижняя половина. Пр. Д. 1645 № 101. Земскій судейка, земскій цѣловальникъ, староста(?). Пр. Д. 1649 № 74. 158 окт. 12. 4 земскихъ цѣловальника; Маныловскій улусецъ. Пр. Д. 1645 № 101. Староста, земскій цѣловальникъ; Волость Сянжема. Пр. Д. 1645 № 101. Земскій судейка, церковный староста, земскій цѣловальникъ.

[2]) Пр. Д. 1645 № 101. 154 сент. 12. Старые Тотьмы земскій судейка, староста, земскій цѣловальникъ. Пр. Д. 1649 № 74. „158 г. сент. 1. Волости

Окологородной волости[1]) мы не встрѣтили земскаго судьи; тамъ значится только цѣловальникъ и, повидимому, какъ это было и въ другихъ уѣздахъ, эта волость подлежала юрисдикціи посадскихъ властей. Не нашли мы также земскихъ судей въ волостяхъ Коченгѣ, Уфтюгѣ, Дмитріевѣ Наволокѣ, Сученгѣ и Сондогѣ, въ каждой изъ которыхъ былъ однако церковный староста съ земскимъ цѣловальникомъ. Возможно, впрочемъ, что судьи не упомянуты тамъ по какимъ либо совершенно случайнымъ обстоятельствамъ.

Всеуѣзднымъ земскимъ органомъ былъ на Тотьмѣ „посадскій и уѣздный земскій староста", совмѣщавшій въ своихъ рукахъ управленіе посадомъ и уѣздомъ. Онъ подаетъ челобитныя отъ имени посада и уѣзда и предсѣдательствуетъ, какъ на посадскомъ сходѣ, такъ и на всеуѣздномъ собраніи. Онъ называется также иногда „посадскимъ всеуѣзднымъ земскимъ старостой". Для управленія посадомъ по финансовымъ дѣламъ при немъ состоятъ два посадскихъ цѣловальника[2]). Когда на Тотьмѣ между

Старые Тотьмы земскій судья Пахомъ Худяковъ да земскій цѣловальникъ Селиванъ Родіоновъ, да крестьяне".

[1]) Пр. Д. 1624 № 10. Пр. Д. 1649 № 74. 157 авг. 22. Окологородные волости земскій цѣловальникъ В. Лихачевъ да крестьяне.

[2]) Пр. Д. 1624 № 10: 1624 г. „Билъ намъ челомъ тотемскій посадскій и уѣздный земскій староста Ѳедка Панкратьевъ и во всѣхъ тотмичъ посадскихъ и уѣздныхъ людей мѣсто". Пр. Д. 1626 № 2: 1626 г. воеводская отписка: „и въ тѣхъ твоихъ государевыхъ въ недоплатныхъ деньгахъ посадскій и уѣздный земскій староста Семейка Дмитріевъ и волостные старосты, и цѣловальники, и крестьяне стоятъ на правежѣ". Пр. Д. 1630 № 70: 1629 г. „бьютъ челомъ сироты твои Соли Тотемскіе посадскій и уѣздный земскій старостишко Ивашко Сухомѣсовъ и во всѣхъ посадскихъ людишекъ и волостныхъ крестьянишекъ мѣсто". Пр. Д. 1635 № 97: 1635 г. „бьютъ челомъ сироты твои государевы, Соли Тотемскіе посадской и уѣздной земской старостишко Гришко Тарасовъ да посадскіе земскіе цѣловальничишка Вторушка Булгаковъ да Митка Кусково и во всѣхъ мѣсто Соли Тотемскіе посадскихъ людишекъ и волостныхъ крестьянишекъ". Пр. Д. 1634 № 2: 1636 г. „бьютъ челомъ сироты твои государевы Соли Тотемскіе посадской и уѣздной земской старостишко Юшко Семеновъ да посадскіе земскіе цѣловальничишка Игнашка Добрынинъ да Овдокимко Ивановъ во всѣхъ мѣсто посадскихъ людишекъ и волостныхъ крестьянишекъ". Пр. Д. 1640 № 38: 1640 г. „Тотемскій посадскій и уѣздный выборный земскій староста Безгодъ Митрофановъ и во всѣхъ мѣсто посадскихъ людей и уѣздныхъ". Пр. Д. 1640 № 43; Пр. Д. 1641 № 38; Пр. Д. 1641 № 40: 1643 г. „Соли Тотемскіе посадской и уѣздной земской старостишко Осипко Игнатьевъ да посадскіе цѣловальничишка Игнашка Синцовъ да Микитка Ку....повъ и во всѣхъ мѣсто посадскихъ людишекъ и волостныхъ крестьянишекъ". Пр. Д. 1643 № 44; Пр. Д. 1644 № 46: 1646 г. „Тотемской посадской и уѣздной земскій старостишко Васка Брагинъ во всѣхъ мѣсто тотмичъ посадскихъ людишекъ и волостныхъ крестьянишекъ". Пр. Д. 1646 № 148. „Посадской и уѣздной земской старостишко Васка Брагинъ да посадскіе земскіе цѣловальничишка Игнашка Симакинъ Ивашко Желвачевъ во всѣхъ мѣсто тотмичъ посадскихъ людишекъ и Тотемскаго уѣзда волостныхъ крестьянишекъ"; Пр. Д. 1649 № 76. Протоколъ

уѣздомъ и посадомъ въ 1646 г. произошло столкновеніе по поводу выбора таможенныхъ цѣловальниковъ, тотемскій посадскій и уѣздный земскій староста В. Брагинъ писалъ челобитную отъ имени уѣзда „во всѣхъ уѣздныхъ волостныхъ крестьянъ всего Тотемскаго уѣзда мѣсто" съ жалобой на двухъ посадскихъ цѣловальниковъ и на „всѣхъ тотмичъ посадскихъ людей", ставъ такимъ образомъ при столкновеніи посада съ уѣздомъ на сторону послѣдняго и являясь его представителемъ [1]). Столкновеніе это, какъ мы знаемъ, продолжалось въ Тотьмѣ недолго. Представителемъ уѣзда передъ правительствомъ тотемскій земскій староста являлся и въ тѣхъ челобитныхъ, которыя касались только уѣздныхъ нуждъ; онъ писался въ нихъ только уѣзднымъ земскимъ старостой и подавалъ ихъ „вмѣсто" однихъ только волостныхъ крестьянъ [2]).

Какъ уже мы знаемъ [3]), управленіе волостеля въ Устьянскихъ волостяхъ было отмѣнено въ 1555 г. Въ маѣ этого года была послана въ волости царская грамота съ извѣстіемъ о прекращеніи кормленій и объ учрежденіи во всѣхъ городахъ и волостяхъ излюбленныхъ старостъ. Грамота требовала, чтобы Устьянскія волости выбрали межъ себя на каждую волость человѣка по три или по четыре лучшихъ людей, совѣстныхъ, душою прямыхъ и способныхъ производить судъ между крестьянами, собирать и привозить въ Москву „волостелины доходы", т. е. деньги, собиравшіяся прежде. Эти земскіе выборные должны были быть выбраны и присланы въ Москву для приведенія къ присягѣ не позже Покрова того же 1555 г., подъ угрозой продажи и казни для всѣхъ волостей въ случаѣ невыбора и неприсылки въ срокъ. Эта грамота показываетъ, что отмѣна волостелинаго управленія въ Устьянскихъ волостяхъ вводилась сверху, распоряженіемъ правительственной власти, безъ предварительнаго ходатайства самихъ волостей, какъ это бывало въ другихъ подобныхъ случаяхъ; иначе въ грамотѣ непремѣнно мы встрѣтили бы ссылку на такое ходатайство, какъ это встрѣчаемъ въ другихъ грамотахъ [4]).

всеуѣзднаго съѣзда: „Лѣта 7158 марта въ 10 д. тотемской уѣздной земской староста Ѳедоръ Добрынинъ да посадскіе земскіе цѣловальники Иванъ Шишкинъ да Лазарь Шошевъ, Окологородные волости земской цѣловальникъ Замятня Маноиловъ сынъ Поповъ" и т. д.; Пр. Д. 1643 № 62: 1652 г. „бьютъ челомъ сироты твои тотемской посадской всеуѣздный (sic) земскій старостишко Логинко Васильевъ во всѣхъ мѣсто тотмянъ посадскихъ людишекъ и тотемскаго уѣзда волостныхъ крестьянишекъ".

[1]) Пр. Д. 1644 № 38. 1646 г.

[2]) Пр. Д. 1646 № 61. Ходатайство о необложеніи „однохлѣбныхъ" пашенъ въ уѣздѣ. Пр. Д. 1649 № 76: 1650 г. „бьютъ челомъ сироты твои тотемскій уѣздный земскій старостишко Ѳедка Добрынинъ и во всѣхъ мѣсто тотемскаго уѣзда волостныхъ крестьянишекъ".

[3]) Стр. 27.

[4]) Пр. Д. 1647 № 30, л. 39—42. Списокъ съ государевы грамоты слово въ слово. Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Устюжской уѣздъ въ волость Устью и въ Заечью рѣку старостамъ и сотскимъ,

Это распоряженіе было исполнено, излюбленные старосты выбраны, присланы въ Москву въ срокъ, утверждены правительствомъ въ своихъ должностяхъ и снабжены новой уставной грамотой, данной 15 октября того

и бегоулемъ, и десятскимъ, и всѣмъ крестьяномъ моимъ царя и великаго князя чернымъ и оброчнымъ, и владычнимъ, и монастырскимъ, и всѣмъ безымены (sic), чей кто ни буди. Что наше жалованье городы и волости въ кормленьяхъ за намѣстники и за волостели, и намъ о всемъ челобитья и докука безпрестанная, что наши намѣстники и волостели, и ихъ пошлинные люди сверхъ нашего жалованья указу (sic) чинятъ вамъ продажи и убытки великіе; а намѣстники и волостели намъ бьютъ челомъ, что имъ многіе люди подъ судъ и на поруки не даются, и кормовъ имъ не платятъ, и въ томъ межъ вами поклепы и тяжбы живутъ великіе. И мы васъ жалуючи для тѣхъ вашихъ продажъ и убытковъ, всѣ кормленья городы и волости за намѣстничи и за волостелины доходы, и за ихъ пошлинныхъ людей поборы велѣли васъ пооброчить деньгами. А намѣстникомъ и волостелемъ впередъ у васъ не быти, чтобъ вамъ отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ волостелей, и отъ ихъ пошлинныхъ людей продажъ и убытковъ не было. А намъ бы въ томъ отъ васъ на намѣстниковъ и отъ намѣстниковъ на васъ челобитья и докуки не было. И велѣли есмя во всѣхъ городѣхъ и въ волостѣхъ учинити старостъ излюбленыхъ, кому межъ вами управа чинити и волостелины доходы сбирати, и къ намъ на срокъ возити, которыхъ вы старосты и сотскіе, и бегоули, и десятскіе, и всѣ крестьяне излюбите и выберете всею землею, отъ которыхъ бы вамъ продажи и убытковъ не было. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ старосты и сотскіе, и бегоули, и десятскіе, и всѣ крестьяне лучшіе и середніе, и молодшіе выбрали межъ себя изъ волости человѣка три или четыре сверстныхъ лучшихъ людей, которые бы душею прямы и межъ вами разсудити, и управу учинити, и волостелины доходы собрати умѣли, и къ намъ бы на срокъ привозили, продажъ бы и убытковъ вамъ отъ нихъ не было никоторыхъ. Да которыхъ людей выберете, и вы бъ тѣхъ людей имена написали на списокъ, а къ тому бы списку вы, старосты и сотскіе, и десятскіе, и всѣ крестьяне, которые грамотѣ умѣютъ, руки свои приклали, а которые грамотѣ не умѣютъ, и въ тѣхъ бы людей мѣсто къ тому списку руки приклали отцы ихъ духовные. Да тотъ бы есте излюбленой списокъ за своими руками и тѣхъ людей, которыхъ въ старосты выберете, прислали къ намъ на Москву на Покровъ Святѣй Богородицы лѣта 7064 одноконечно безо всякаго переводу. А пріѣхавъ бы къ Москвѣ, тѣ ваши излюбленые головы явились и тотъ излюбленой списокъ отдали дьяку нашему Угриму Львову. И мы васъ за волостелины кормы и за присудъ, и за ихъ пошлинныхъ людей поборы и за всѣ волостелины доходы велимъ пооброчити деньгами и къ цѣлованью тѣхъ вашихъ излюбленыхъ старостъ велимъ привести, что имъ волостелины доходы сбирати сполна и управа межъ вами чинити вправду по нашему крестному цѣлованью и другу въ судѣ не норовити и не дружити, а недругу не мстити и посуловъ, и поминковъ не имати ни у кого ни отъ чего никоторыми дѣлы, и наказы тому, какъ имъ межъ вами управа чинити, и уставную, и оброчную грамоту имъ дать велимъ. А какъ тѣ ваши излюбленые старосты учнутъ тѣ оброки за волостелины доходы къ Москвѣ привозити, и мы у нихъ тѣ оброки велѣли имати безпосульно и безпоминочно, и о всемъ ихъ велѣли есмя управливати, и докладовъ ихъ слушати казначеемъ своимъ

же года, гдѣ къ самой санкціи выборовъ присоединено нѣсколько нормъ процессуальнаго права и небольшая инструкція, касающаяся сбора и доставки въ Москву податей для руководства новымъ должностнымъ лицамъ [1]).

Функціи волостелей земская грамота Устьянскимъ волостямъ 1555 г. передавала „излюбленнымъ старостамъ", избираемымъ въ числѣ двухъ въ Усецкой волости (Введенскомъ стану?) и по одному въ Чадромской, Чушевицкой, Пежемской и Ростовской. Въ XVII в. самоуправленіе волостей гарантировалось жалованной грамотой, данной имъ 8 сентября 1622 г. и подтверждавшейся затѣмъ послѣдовательно всѣми государями этого столѣтія [2]). Грамота дана была по ходатайству жителей волостей, заявлявшихъ царю Михаилу, что до московскаго разоренья у нихъ приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ мірскіе выборные судейки. Послѣ Смуты къ нимъ стали назначаться приказчики, отъ которыхъ имъ чинится притѣсненіе. Волости просили отмѣнить назначеніе этихъ приказчиковъ, велѣть у нихъ быть мірскимъ выборнымъ судейкамъ по прежнему и, возвращаясь къ принципу платежа въ казну за дарованіе самоуправленія, лежавшему въ основаніи земскихъ грамотъ Грознаго, предлагали обложить ихъ за право самоуправленія особымъ оброкомъ. Ходатайство было уважено и отвѣтомъ на него и была грамота 8 сент. 1622 г. Ея текстъ за немногими измѣненіями воспроизводитъ устарѣвшій уже въ значительной мѣрѣ для XVII в. текстъ земской грамоты волостямъ 1555 г.: здѣсь тотъ же порядокъ выборовъ, тѣ же параграфы, опредѣляющіе правила процесса, та же отвѣтственность выборныхъ должностей. Не опущена даже являющаяся совершеннымъ анахронизмомъ для XVII вѣка знаменитая статья, въ которой Грозный говорилъ, что онъ, „жалуючи крестьянство", распространяетъ земское самоуправленіе на всѣ города, станы и волости, что онъ отставилъ отъ городовъ и волостей намѣстниковъ и волостелей—въ грамотѣ 1622 г. эти два термина замѣнены словомъ: „приказчиковъ"—и велѣлъ вездѣ учинить старость излю-

---

Ѳедору Ивановичу Сукину да Хозяину Юрьевичу Тютину, да дьяку своему Угриму Львову. И вы бъ по сей нашей грамотѣ тѣхъ излюбленыхъ старостъ одноконечно часа того выбрали безъ ослушанья и къ намъ ихъ на Москву прислали къ Покрову лѣта 7064 (sic). А учнете ослушатися, тѣхъ старостъ не выберете часа того и къ намъ ихъ, и имянъ ихъ списка за своими руками на срокъ не пришлете, и вамъ быти отъ меня царя и великаго князя въ великой продажѣ и въ казни. А доколѣ тѣхъ старостъ выберете и къ намъ ихъ пришлете и доколѣ мы ихъ съ наказы и съ грамотою уставною и оброчною съ Москвы отпустимъ, и вы бъ до тѣхъ мѣстъ нашимъ волостелемъ и ихъ тіуномъ на поруки и подъ судъ давались и доходы ихъ платили имъ безъ ослушанья по указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 7064 (sic) маія въ 23 д. А назади у государевы грамоты припись дьяка Угрима Львова". Очевидно грамота дана 23 мая 7063 г. (1555), потому что велѣно произвести выборы къ Покрову 7064 г., т. е. къ 1 октября 1555; такъ что эта грамота предшествуетъ напечатанной въ А. Э. I № 243, относящейся къ 15 окт. 1555 г.

[1]) А. Э. I № 243.

[2]) А. Э. III № 126.

бленныхъ, которымъ производить судъ, собирать подати и отвозить ихъ въ Москву. Грамота 1622 г. и предписываетъ крестьянамъ волостей, лучшимъ, середнимъ и молодшимъ людямъ выбирать межъ себя для суда, сбора податей и доставки ихъ въ Москву: „кому межъ ихъ управа чинити и наши доходы собирати, и къ намъ на срокъ привозити, изъ волостныхъ крестьянъ лучшихъ людей“ по два въ каждой волости: Усецкой, Чадромской, Чушевицкой, Пежемской и Ростовской. Какъ видимъ, перечисленіе волостей сдѣлано въ томъ же порядкѣ, какъ и въ грамотѣ 1555 г., причемъ названіе Усецкая волость является уже архаическимъ для XVII вѣка. Впрочемъ самое число выборныхъ различно. По грамотѣ 1555 г. только въ Усецкой волости было двое старостъ, въ остальныхъ по одному; въ грамотѣ 1622 г. въ каждой волости двое. Эти выборные носятъ названіе то излюбленныхъ судей, то старостъ. Кромѣ этихъ главныхъ выборныхъ должностей грамота 1622 г., буквально повторяя свою предшественницу, предписываетъ волостямъ выбрать по два цѣловальника, „кому у нихъ въ судѣ сидѣти и на разсылкѣ быти“, по дьячку земскому, „кому у нихъ судныя дѣла писати“, да по одному человѣку „въ доводчиковъ мѣсто, кому у нихъ на поруки давати и на судъ ставити“. За это пожалованіе правительство царя Михаила такъ же, какъ и правительство Грознаго въ 1555 г. наложило на волости особый оброкъ, на этотъ разъ въ размѣрѣ 144 р. 14 алт. 2 д. въ годъ, доведя такимъ образомъ ежегодный поборъ съ волостей вмѣстѣ съ данными деньгами и прежними оброчными до круглой суммы въ 1000 руб. Судъ въ разбойныхъ дѣлахъ грамота 1622 г., также дословно повторяя свою предшественницу, возлагаетъ на губныхъ старостъ, которымъ предписываетъ судить по губнымъ грамотамъ и наказамъ.

Въ дѣйствительности организація земскаго самоуправленія въ Устьянскихъ волостяхъ, какъ она существовала въ XVII в., не совсѣмъ совпадала съ грамотой 1622 г. Составъ самоуправленія въ этихъ волостяхъ можно возстановить съ большею точностью, чѣмъ гдѣ бы то ни было, благодаря сохранившимся отъ этихъ волостей за рядъ лѣтъ „выборамъ“, т. е. избирательнымъ протоколамъ, которые писались при избраніи на земскія должности. Въ волостяхъ Пежмѣ, Чушевицкой, Чадромской, Ростовской и Соденгѣ въ каждой земское управленіе состоитъ изъ трехъ лицъ: выборнаго земскаго судьи, цѣловальника, носящаго названіе то земскаго, то судейскаго, и сотскаго. Судья вѣдаетъ здѣсь не только судебныя, но и финансовыя дѣла, т. е. сборъ податей и отправку ихъ въ Москву. Съ чисто судебными дѣлами, т. е. съ производствомъ суда по тяжбамъ, въ вѣдомствѣ судьи соединяются въ Устьянскихъ волостяхъ дѣла судебно-полицейскія: пресѣченіе корчемства и разврата, а также дѣла губныя: „татины и разбойныя“, поимка преступниковъ и судъ надъ ними. „А ему, выборному судьѣ“, какъ читаемъ въ выборахъ Чадромской волости, „быти и въ губныхъ старостъ мѣсто и про разбойныя и про татины дѣла сыскивать и судить съ товарищи“. Цѣловальникъ и сотскій составляютъ съ судьею одну коллегію, выборы ихъ называютъ даже „товарищами“ судьи и даютъ такое опредѣленіе ихъ обязанностей: „а цѣловальнику въ судѣ съ судьею

сидѣть у всякихъ дѣлъ и рѣчей слушати, и рѣчи велѣти писать вправду". Въ частности на цѣловальника, какъ это можно заключать изъ приведеннаго текста, возлагался надзоръ за правильнымъ веденіемъ судебнаго протокола, суднаго списка. Въ выборахъ Чушевицкой волости на цѣловальника возлагается кромѣ общей обязанности: „цѣловальнику быть съ судьею въ судецкихъ цѣловальникахъ и насъ, крестьянъ, имъ судити", еще и спеціальныя: принимать явки, ходить по приглашенію крестьянъ па мѣста для разбирательства земельныхъ тяжбъ и потравъ и для составленія протоколовъ („записокъ"). Онъ же долженъ былъ собирать подати и отдавать судьѣ, а на судьѣ уже лежала обязанность доставлять ихъ въ Москву. На сотскомъ лежала спеціальная обязанность „про земскія дѣла сыскивать", т. е. „производить предварительное дознаніе", а также „на записки ходити", т. е. составлять разнаго рода протоколы [1]). Сверхъ этой административно-судебной коллегіи въ волостяхъ избирались еще мелкіе агенты, служившіе исполнительными органами коллегіи: пятидесятскій, обязанности котораго опредѣляются впрочемъ такъ же, какъ и обязанности цѣловальника и сотскаго: „а цѣловальнику и сотскому, и пятидесятскому у государевыхъ и у земскихъ дѣлъ, и у сыску татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ, и у поимки воровъ съ выборнымъ судьею у распросу и у пытки быти съ нимъ за одинъ" [2]); далѣе десятскіе, земскій доводчикъ, „кому у нихъ (т. е. у судей) на поруки давати насъ крестьянъ и на судъ ставити" или земскій приставъ—съ тѣми же обязанностями.

Организація земскаго самоуправленія во Введенскомъ стану нѣсколько отличается отъ организаціи его въ остальныхъ Устьянскихъ волостяхъ и притомъ втеченіе столѣтія замѣтно измѣняется. Какъ припомнимъ, Введенскій станъ былъ сложнымъ и состоялъ изъ четырехъ волостей, или сошекъ: Шангальской, Никольской, Введенской и Дмитріевской. Въ 1630-хъ и 40-хъ годахъ эти четыре волости имѣютъ общіе выборные органы, юрисдикція которыхъ распространяется на всѣ четыре волости, на весь станъ. Губные органы отдѣляются при этомъ отъ земскихъ. На 1634-5 годъ въ стану былъ избранъ такой составъ управленія: земскій судья С. Л. Кокоринъ, земскій цѣловальникъ А. Б. Поповъ, сотскій Ант. Ив. Рюмовъ и кромѣ того губной староста С. Ф. Слудново, губной цѣловальникъ И. М. Козицынъ, губной сотскій Д. Е. Дудинской [3]). Такимъ образомъ спеціальная губная организація избиралась параллельно общей. Но такое параллельное существованіе ея прекращается съ этимъ или съ слѣдующимъ годомъ. По крайней мѣрѣ уже съ 1637-8 г. особыхъ губныхъ органовъ въ стану не избирается, но за то составъ земскаго управленія удваивается, именно: на весь станъ выбираются двое земскихъ судей, двое цѣловальниковъ, двое сотскихъ, затѣмъ также двое пятидесятскихъ и одинъ доводчикъ или съ 1645 г. наоборотъ одинъ пятидесятскій и двое доводчиковъ. Съ 1640 г.

---

1) Прилож. V № 9.

2) Прилож. V № 5.

3) Прилож. V № 10.

избирательные протоколы возлагают на этот удвоенный состав земскаго управленія также и губныя дѣла, обязанность „и про татины и разбойныя дѣла сыскивать и указъ чинить по государеву указу“ [1]). Отдѣльныя волости чередуются попарно при этихъ выборахъ по годамъ: двѣ выбираютъ изъ своихъ жителей земскихъ судей, а также пятидесятскихъ и доводчиковъ, двѣ другія цѣловальниковъ и сотскихъ; на слѣдующій годъ двѣ, выбиравшія высшихъ и низшихъ агентовъ, т. е. судей и пятидесятскихъ съ доводчиками, выбираютъ среднихъ, т. е. цѣловальниковъ и сотскихъ, и наоборотъ, выбиравшія среднихъ теперь выбираютъ высшихъ и низшихъ. Такъ напр. на 1645—46 г. въ Введенскомъ стану были избраны въ земскіе судьи: изъ Никольской волости И. П. Ѳоминъ, изъ Дмитріевской—Е. Д. Кошелевъ; въ цѣловальники Шангальской волости С. Ѳ. Буторинъ, Введенской волости Сем. Ѳ. Невѣжинъ; въ сотскіе Шангальской волости С. И. Шникіевъ, Введенской волости Ѳ. Н. Турбованъ; въ пятидесятники Никольской волости Н. Н. Пахтеревъ, въ доводчики Никольской же волости В. Фатьяновъ и Дмитріевской сошки С. И. Широкого. Въ слѣдующемъ 1646-47 г. Шангальская и Введенская волости дали земскихъ судей, пятидесятника и двухъ доводчиковъ, а Никольская и Дмитріевская двухъ цѣловальниковъ и двухъ сотскихъ [2]). Съ конца 40-хъ годовъ отдѣльныя волости начинаютъ избирать своихъ особыхъ выборныхъ. Такъ Шангальская волость избрала для себя на 1647-48 г. отдѣльныхъ судью, сотскаго и доводчика; то же видимъ во Введенской волости на 1648-49 г., въ Никольской на 1652-53 г. Иногда, однако, эти волости опять соединяются попарно для выборовъ, но уже безъ того чередованія, какъ ранѣе, и притомъ выбираютъ агентовъ только для себя, а не на весь станъ, какъ было прежде. Такъ на 1648-49 г. выбирали общій составъ управленія: судью, цѣловальника, сотскаго и пятидесятскаго Шангальская и Никольская волости, на 1652-53 г. Введенская волость съ Дмитріевской. На 1666 г. послѣдняя выбирала отдѣльное управленіе. Какъ извѣстно, всеуѣздныхъ выборныхъ органовъ въ Устьянскихъ волостяхъ не было [3]).

Земское самоуправленіе волостей въ Чарондской округѣ слагается изъ двухъ выборныхъ должностей: старостъ и земскихъ судей. Старостѣ

---

[1]) Пр. Д. 1640 № 59.

[2]) Пр. Д. 1643 № 37, л. 53—55; л. 61—64.

[3]) Архивъ историч. и практ. свѣдѣній Калачева, кн. III, стр 45. Вообще избирательные протоколы Устьянскихъ волостей см. Пр. Д. 1632 № 36. Выборъ Введенскаго стана 11 янв. 7142 г.; Пр. Д. 1637 № 66, тогоже стана 18 янв. 7145 г.; Пр. Д. 1640 № 59, того же стана, янв. 7148 г.; Пр. Д. 1641 № 30, выборы волостей Соденской 7150 г., Ростовской 7150 г., Введенскаго стана 7151 г., Пежемской 7151 г., Чадромской 7150 г.; Пр. Д. 1641 № 69, выборъ Введенскаго стана 7149 г.; Пр. Д. 1643 № 37, весь этотъ столбецъ заключаетъ въ себѣ выборы по всѣмъ Устьянскимъ волостямъ въ 40-хъ годахъ; Пр. Д. 1652 № 3, л. 1—18, выборы въ январѣ 7160 г. Образцы выборовъ мы приводимъ въ приложеніи V.

въ волости принадлежитъ первенство надъ судьею. Староста вѣдаетъ финансовое управленіе и, какъ уже мы знаемъ, является обычнымъ представителемъ волости на всеуѣздномъ съѣздѣ округи. Онъ подаетъ отъ имени волости ходатайства правительству, хотя впрочемъ иногда то же дѣлаетъ и судья[1]). Обыкновенно же на судьѣ лежатъ спеціально судебныя обязанности[2]). Число этихъ выборныхъ лицъ въ разныхъ волостяхъ различно. Наибольшее количество волостей имѣютъ, повидимому, по одному старостѣ и по одному земскому судьѣ; по крайней мѣрѣ, намъ не пришлось встрѣтить въ этихъ волостяхъ упоминанія о большемъ количествѣ старостъ или судей. Таковы волости: Печенская, Шалга Бодунова, Шалошка Малая и Чепца, Шильская, Кленовская, Тавенская, Колнобойская, Палчеварская, Тигинская, Вожеская и Липинская. Есть волости, гдѣ встрѣчаемъ при одномъ старостѣ двухъ земскихъ судей; таковы: Коротская, Пунемская, Хотѣновская и Свидская[3]). Въ сложныхъ чарондскихъ волостяхъ,

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 65. „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твоя государева Чарондскіе округи Печенскіе волости старостишко Сидорко Аввакумовъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Печенскіе волости". Пр. Д. 1628 № 66, л. 2—3: „бьютъ челомъ..... Шалги Захарьины старостишко Ѳедка Олексіевъ и во всѣхъ крестьянишекъ мѣсто Шалги Захарьины". Пр. Д. 1630 № 72, л. 160: староста Кленовской волости. Пр. Д. 1654 № 116: „Государю царю..... бьютъ челомъ сироты твои Чарондскіе округи Хотеновскіе волости земскій судейка Ивашко Борисовъ вмѣсто всѣхъ крестьянъ Хотеновскіе волости".

[2]) Напр. Пр. Д. 1653 № 60. Ссора между крестьянами деревни Мытника Пунемской волости изъ за спорныхъ сѣнныхъ покосовъ. „И тотъ Павелъ съ братьями поднимали (т. е. призывали) земскаго судейку Тихона Прохорова съ понятыми людьми къ тому къ нашему къ сѣнному заполоску". Пр. Д. 1628 № 13: „бьетъ челомъ сирота твоя Чарондскіе округи Тавенскіе волости..... крестьянишко Ивашко Дементьевъ сынъ Струнинъ. Жалоба, государь, мнѣ тое-жъ Тавенскіе волости на судью прошлого году на Мосея Сысоева сына Попова да на дьячка на Дружину Савельева въ томъ: дѣялось, государь, въ прошломъ въ 135 г., билъ я челомъ тебѣ, государю, а съ Чаронды отъ воеводы Ѳедора Извольскаго приносилъ память на ихъ имя тое жъ волости Тавенскіе на сусѣдъ своихъ деревни Огибаловскіе на Ивана Игнатьева сына Конашина да на Ивана Еремина въ земляномъ дѣлѣ въ поскотинныхъ и въ запольныхъ пашняхъ, и въ сѣнныхъ покосахъ..... И по той, государь, памяти тотъ судья Мосей и дьячекъ Дружина тѣмъ людемъ изноровили, пашенъ дѣлить и мѣрить не стали". Значитъ судья былъ обязанъ производить раздѣлы земли при поземельныхъ тяжбахъ.

[3]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 378 и сл. „Списокъ съ выбора слово въ слово, а въ выборѣ пишетъ: 134 году декабря въ 5 д. Коротецкіе волости староста Леонтей Александровъ да земскіе судьи Филиппъ Клементьевъ да Андрей Васильевъ, да крестьяне" и т. д.; Пр. д. 1636 № 66. Оцѣнная роспись таможенной избѣ: „Лѣта 7144 дек. въ 5 д. По государеву..... указу и по наказной памяти воеводы Ивана Гордѣевича Судакова земскій цѣловальникъ Третьякъ Михайловъ пріѣхалъ на Короткое и взявъ съ собою къ оцѣнкѣ... государеву таможенную избу и амбаръ со всѣмъ заводомъ оцѣнить Коротецкіе волости

состоявшихъ изъ нѣсколькихъ приходовъ, мы встрѣчаемъ старостъ въ каждомъ приходѣ. Такъ на всеуѣздномъ съѣздѣ округи въ 1652 г. Ротковская волость, распадавшаяся на два прихода, Введенскій и Троицкій, была представлена двумя старостами[1]. Вещеозерская волость состояла изъ четырехъ приходовъ: Пречистенскаго, Петровскаго, Воскресенскаго и Рождественскаго, и въ документахъ, бывшихъ у насъ подъ руками, упоминаются староста и земскій судья Воскресенскаго прихода, двое старостъ и четверо земскихъ судей Пречистенскаго и Петровскаго приходовъ[2]. На всеуѣздныхъ съѣздахъ 7 мая и 24 іюня 1663 г. принимали участіе четверо старостъ отъ четырехъ приходовъ Вещеозерской волости[3]. Были съ другой стороны волости, въ которыхъ обѣ должности старосты и судьи совмѣщались однимъ лицомъ. Такъ было въ волостяхъ Мунской, Роксольской, Шалгѣ Большой и Тордоксѣ въ 1620-хъ годахъ[4]. Однихъ только старостъ безъ упоминанія о земскихъ судьяхъ мы нашли въ волостяхъ Шалгѣ Захарьиной, Ковеской, Каликинской, Солзенской и Боровской; возможно, что земскіе судьи не упомянуты здѣсь совершенно случайно. Въ качествѣ низшихъ выборныхъ агентовъ съ полицейскими обязанностями упоминаются въ волостяхъ сотскіе[5].

старосту Макарка Аѳанасьева да земскихъ судей Богдана Павлова да Пиная Иванова, да сотскаго Ивана Минина" и т. д.; Пр. Д. 1626 № 41, л. 40—83. Повальный обыскъ. Пунемская вол.: староста Панкратъ Ѳедоровъ, земскіе судьи Тугаринъ Вахрамѣевъ, Пятой Прокофьевъ. Хотеновская вол.: староста Гр. Коротаевъ, земскіе судьи Ѳ. Васильевъ, Кирило Павловъ; Пр. Д. 1628 № 66, л. 48—49. Староста Евдокимъ Сергіевъ, судьи Герасимъ Артемьевъ, Данило Антипинъ.

[1]) Пр. Д. 1652 № 96. Въ рукоприкладствахъ подъ всеуѣздною челобитной: „вмѣсто ротковскихъ старостъ введенскаго Филиппа Савина да троицкаго Григорья Лукина по ихъ велѣнью тое жъ волости Ивашко Козьминъ р. п."

[2]) Пр. Д. 1628 № 66, л. 40—44.

[3]) *Оглоблинъ*, Обозрѣніе документовъ Чарондской земской избы, Ж. М. Н. Пр. 1898, апрѣль, стр. 279, 280.

[4]) Пр. Д. 1626 № 41, л. 40—83. Мунская волость: староста и судья Софонко Яковлевъ; Шалга Большая: староста и судейка Баженъ Родіоновъ; Тордокскій улусъ: староста и земскій судья Марко Семеновъ; Пр. Д. 1628 № 66, л. 34—36. Роксольская волость: староста и земскій судейка Титко Савельевъ.

[5]) Пр. Д. 1626 № 41, л. 27—28. „И того жъ де часу къ сотскому къ Ивашкѣ Степанову (Колнобойской волости) вѣсть пришла (о разбоѣ), и тотъ сотскій того жъ часу грамотки послалъ въ Шалгу Бодунову да на Короткое (въ Коротецкую волость) къ сотскимъ и къ крестьяномъ"; Пр. Д. 1653 № 60: „и въ томъ ихъ воровствѣ, и въ находѣ, и въ ночномъ ихъ бою билъ челомъ и являлъ сусѣдемъ своимъ и явки на нихъ давалъ въ той же Пунемской волости мірскому дворовому сотнику В. Харламову". Для состава волостного управленія въ Чарондской округѣ см. вообще Пр. Д. 1614 № 2, напечатано у *Сенигова*, Памятники земской старины, 249—253; Пр. Д. 1626

Во главѣ чарондскаго посада стоялъ посадскій земскій судья, который и являлся въ качествѣ представителя посада на всеуѣздные съѣзды округи. Одна изъ грамотъ 1614 г. адресована посадскимъ цѣловальникамъ, но этихъ цѣловальниковъ на всеуѣздныхъ съѣздахъ не видимъ. Не входилъ туда также упоминаемый на чарондскомъ посадѣ бобыльскій судья, обязанности котораго намъ неизвѣстны[1]). Всеуѣзднымъ органомъ округи служилъ чарондскій Окружской староста, избиравшійся на всеуѣздномъ собраніи округи. Въ мірскомъ выборѣ, который ему давался при избраніи, перечислялись его обязанности. Онъ долженъ былъ вѣдать раскладку и сборъ казенныхъ податей и налоговъ на мірскія нужды и быть вообще „у всякихъ государевыхъ и у мірскихъ дѣлъ. Собравъ деньги черезъ волостныхъ старостъ, онъ долженъ ихъ хранить и выдавать по казеннымъ требованіямъ и на мірскія нужды. Окружской староста дѣйствуетъ подъ постояннымъ наблюденіемъ и контролемъ окружного съѣзда, передъ которымъ онъ обязанъ отчетностью: всѣмъ своимъ финансовымъ операціямъ онъ обязанъ вести книги: „а въ тѣхъ ему деньгахъ по розводнымъ росписямъ въ нашихъ въ мірскихъ расходѣхъ по книгамъ намъ, старостамъ и крестьянамъ, отчетъ дать“. Безъ постановленія окружного съѣзда онъ не можетъ раскладывать подати или производить какіе либо расходы: „а безъ нашего ему безъ мірского совѣта ни въ какіе розводы денегъ не разводить и нашихъ мірскихъ денегъ ни въ какіе расходы безъ мірского совѣту не держать“[2]).

Чарондская округа обладала губною грамотой, данной ей при Грозномъ по ходатайству окружного земскаго съѣзда еще въ то время, какъ Чаронда находилась во владѣніи боярина Д. И. Годунова. Грамота подтверждена была царемъ Θедоромъ въ 1595 г. и впослѣдствіи царемъ Михаиломъ въ 1619 г.[3]). По этой грамотѣ округа представляла изъ себя особую губу и имѣла право выбирать своихъ губныхъ старостъ и къ нимъ цѣловальниковъ. Губного старосту Ив. Калинина и четырехъ губныхъ цѣловальниковъ мы встрѣчаемъ въ одномъ документѣ 1626 г.[4]). Позже намъ встрѣтить губныхъ старостъ на Чарондѣ не случилось.

№ 41, л. 19—21; Пр. Д. 1626 № 41, лл. 40—83; Пр. Д. 1628 № 66, л. 18—71; Пр. Д. 1637 № 14, л. 29; Пр. Д. 1652 № 96.

[1]) Пр. Д. 1614 № 2, л. 5—6. „Се язъ староста Чарондскіе округи Давыдъ Меншиковъ да чарондскаго посаду земскій судья Иванъ Ермоловъ, да Чарондскіе жъ округи волостные старосты“ и т. д.; ibid л. 7—8; Пр. Д. 1614 № 6. „Отъ царя и в. кн. Михаила Θеодоровича... Чарондскіе округи посадскимъ цѣловальникамъ Семейкѣ Савельеву съ товарищи“; Пр. Д. 1628 № 66, л. 18—22. „И чарондскаго посаду златоустовскій попъ Викулъ Сергіевъ да вдовой попъ Алексѣй Сергіевъ сказали по священству, а земской судья Исакъ Дмитріевъ, да бобыльской судья Чудинъ Аθанасьевъ, да крестьяне“ и т. д.

[2]) Пр. Д. 1614 № 2, л. 7—8.

[3]) *Шумаковъ*, Губныя и земскія грамоты. Чт. О. И. Др. 1895 кн. 3.

[4]) Пр. Д. 1626 № 41, л. 22—26.

Самоуправленіе Важской земли опиралось на земскую грамоту 1552 г. По этой грамотѣ Важскій уѣздъ дѣлится, какъ мы уже видѣли, на два округа: Шенкурскій и Вельскій, причемъ въ составъ перваго съ посадомъ Шенкурскомъ во главѣ вошли станы Подвинскій, Ледскій и Ровдинскій, а въ составъ второго во главѣ съ Вельскимъ посадомъ станы Слободской и Кокшенскій. Для управленія каждымъ изъ двухъ этихъ крупныхъ округовъ грамота ставила коллегію изъ 10 выборныхъ излюбленныхъ головъ, на которыхъ возлагались, какъ тѣ обязанности, которыя лежали прежде на важскомъ намѣстникѣ, такъ равнымъ образомъ и губное дѣло. Но эти десятичленныя коллегіи были только высшими органами самоуправленія въ обоихъ округахъ; подъ ними въ станахъ, изъ которыхъ слагались округа, и въ волостяхъ, на которыя дѣлились эти станы, существуютъ мелкіе мѣстные земскіе органы. Ихъ имѣетъ въ виду, несомнѣнно, приписка 8 марта 1556 г. (7064) на обратной сторонѣ подлинника важской грамоты, въ которой читаемъ, что царь и великій князь становымъ и волостнымъ судьямъ важскаго уѣзда по сей грамотѣ указалъ чинити" и т. д.[1]).

Органы самоуправленія въ Важской землѣ, какъ они дѣйствовали на практикѣ, мы не могли прослѣдить съ тою же подробностью, съ какою прослѣдили такіе же органы въ уѣздахъ, управлявшихся Устюжской четвертью. Въ концѣ XVI в., въ 1596 г. Борисъ Годуновъ, которому тогда отдана была Вага, посылаетъ въ Шенкурскъ грамоту, адресуя ее на имя двухъ приказныхъ людей и двухъ „выборныхъ земскихъ судей съ товарищи[2])"; въ этихъ судьяхъ съ товарищами, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть преемниковъ десятичленной коллегіи излюбленныхъ головъ 1552 г. Въ XVII в., какъ извѣстно, Важскій уѣздъ былъ подраздѣленъ на четыре четверти: Верховажскую, Шенкурскую, Подвинскую и Кокшенскую. Вмѣстѣ съ тѣмъ и система органовъ земскаго самоуправленія въ XVII вѣкѣ значительно разнится отъ системы, установленной грамотою. Во главѣ каждой четверти стоитъ четвертной земскій староста[3]). Въ Кокшенской и Шенкурской четвертяхъ можно наблюдать также четвертныхъ земскихъ судей[4]).

---

[1]) А. Э. I № 234.

[2]) А. И. I № 248.

[3]) Р. И. Б. XIV, 457—458. „Въ нынѣшнемъ во 190 году по указу великаго государя, а по челобитью Верховажскіе, Подвинскіе, Кокшенскіе (четвертей?) четвертныхъ старостъ и всѣхъ крестьянъ". Ibid. стр. 382. Четвертной староста Кокшенской четверти. Ibid. 420. Шенкурскій четвертной староста.

[4]) Р. И. Б. XIV, 399. Кокшенская четверть: „Къ сей подписи земской четвертной судья Дементій Сверчковъ печать свою приложилъ". Ibid. 454, 455: „ся память отдать ему съ росписокою четвертному судейкѣ Пронкѣ Гусишному. (Кокшенской четверти) 7188 г. іюня въ 18 д". Ibid. 778. 1673 г. „И по твоему великаго государя указу и по погонной памяти земскаго четвертного судьи Максима Өедорова сына Вячеславова" (Кокшенская четверть). Ibid. 594, 744: „бьетъ челомъ Кокшенскіе чети земской четвертной судейка Өедка Павловъ

По волостямъ, на которыя дѣлятся важскія четверти, дѣйствуютъ волостныя выборныя власти, подчиненныя четвертнымъ: судейки и сотскіе. Указъ 1682 г. о возвращеніи крестьянъ, бросившихъ свои участки, на ихъ прежнія мѣста разсылается по Кокшенской четверти при памяти, адресованной кокшенскимъ волостнымъ судейкамъ, церковнымъ старостамъ, денежнымъ сборщикамъ, губнымъ сотникамъ и десятникамъ[1]). Судеекъ мы встрѣчаемъ, напр., въ Шевденицкой, Ромашевской и въ Долговицкой волостяхъ Кокшенской четверти[2]). Тамъ же дѣйствуютъ сотскіе. Сотскій, выбирается всѣмъ міромъ волости, сдаетъ вмѣстѣ съ міромъ пустые крестьянскіе участки новымъ жильцамъ, принимаетъ разнаго рода явки[3]). Сотскіе волостей Подвинской четверти на своемъ съѣздѣ провѣряютъ отчетность ямскихъ цѣловальниковъ[4]). Сотскій Конецгорской волости принимаетъ данныя деньги[5]), сотскій Ростовской волости производитъ дознаніе объ убійствѣ, принимаетъ поручную по ратномъ человѣкѣ, дѣйствуетъ отъ имени міра и является какъ бы предсѣдателемъ мірского схода[6]). Самая Ростовская волость называется иногда с о т н е й. Судеекъ въ этихъ волостяхъ незамѣтно. Волости Подвинской четверти лежали на Двинѣ, непосредственно примыкая къ волостямъ Двинскаго уѣзда, во главѣ которыхъ стояли именно сотскіе, и которыя назывались также сотнями. Возможно, что и складъ земскаго самоуправленія въ Подвинской четверти Важскаго уѣзда былъ тождественъ съ складомъ самоуправленія сосѣднихъ волостей Двинскаго, и этимъ объясняется значеніе и роль сотскаго, какъ особенность волостей Подвинской четверти.

Всѣ эти земскія выборныя власти волостныя, посадскія и всеуѣздныя, разнообразившіяся въ названіяхъ и составѣ по мѣстностямъ: земскіе старосты, земскіе судейки, судецкіе старосты, сотскіе, цѣловальники—носятъ иногда въ документахъ названіе „старостъ“ въ общемъ смыслѣ, въ значеніи земскихъ властей вообще.

Непремѣнной принадлежностью состава самоуправленія каждаго волостного и посадскаго земскаго міра былъ его секретарь—земскій дьячекъ, завѣдующій письмоводствомъ. Онъ пишетъ приговоры мірского схода, всякаго рода бумаги земскихъ властей и обыкновенно частные акты. Всеуѣздные міры не всегда имѣютъ своихъ особыхъ секретарей; иногда они пользуются услугами посадскихъ или волостныхъ. Такъ при сольвычегод-

---

Гусишной“; Пр. Д. 1650 № 78. „Въ нынѣшнемъ во 159 г. сент. въ 10 д. писалъ къ государю съ Ваги земской судейка Гришка Степановъ“ (Шенкурской четверти).

[1]) Р. И. Б. XIV, 457.

[2]) Р. И. Б. XIV, 399; въ помѣтѣ предписаніе кокшенскаго четвертного старосты судейкѣ Шевденицкой волости. Ibid. 178, 673.

[3]) Р. И. Б. XIV, 687, 366, 534, 339, 346.

[4]) Р. И. Б. XIV, 348, 349.

[5]) Ibid. 190.

[6]) Ibid. 209—214, 324—325.

скомъ всеуѣздномъ земскомъ или, какъ онъ назывался также, ямскомъ старостѣ мы видимъ особаго секретаря, который носитъ названіе всеуѣзднаго ямского дьячка и который пишетъ приговоры сольвычегодскаго всеуѣзднаго съѣзда[1]); но приговоры устюжскаго всеуѣзднаго съѣзда пишутся дьячкомъ, состоявшимъ при посадскихъ разрубныхъ цѣловальникахъ, а приговоры Чарондской округи волостнымъ дьячкомъ Вещеозерской волости[2]). Волостные земскіе дьячки носятъ иногда также названіе судецкихъ дьячковъ, такъ какъ ведутъ письмоводство на судѣ земскихъ властей[3]). Должность волостного земскаго дьячка совмѣщается нерѣдко съ должностью церковнаго дьячка при приходскомъ храмѣ волости[4]); но онѣ бываютъ также заняты и разными лицами[5]). Земскій дьячекъ выбирается мірскимъ сходомъ, причемъ могъ быть избранъ и не членъ избирающаго земскаго міра. Такъ въ 1651 г. Шольская волость Устюжскаго уѣзда выбрала себѣ въ земскіе дьячки крестьянина Пушемской волости А. М. Борисова. Въ „выборѣ", избирательномъ актѣ, вручавшемся избранному, указывается срокъ должности—въ приведенномъ случаѣ онъ былъ восьмилѣтнимъ—и размѣры ежегоднаго вознагражденія. Въ 1634—1638 гг. земскимъ дьячкомъ въ волости Юрьевѣ Наволокѣ Устюжскаго уѣзда былъ Павликъ Семеновъ, занимавшій въ то же время должность церковнаго дьячка при церкви на Усть-Евдѣ, почему онъ и подписывался: „устьевдскій церковный, а Юрьева Наволока земскій дьячекъ". Въ декабрѣ 1634 г. онъ выдаетъ расписку становому цѣловальнику въ полученіи отъ него за августъ этого года „найму своего.... по мірскому приговору" въ размѣрѣ двухъ гривенъ, впрочемъ только за таможенное и кабацкое письмо; а въ августѣ 1634 г., какъ значится въ расходныхъ книгахъ станового старосты Юрьева Наво-

---

1) Пр. Д. 1632 № 30.

2) Пр. Д. 1627 № 27. Списокъ съ мірского выбору. *Сениговъ*, Памятники земской старины, 250, 251.

3) Пр. Д. 1633 № 21, л. 32. „А записку писалъ по ихъ мірскому велѣнію Царевскіе волости земскій и судецкій дьячекъ Никита Упадышевъ"; Пр. Д. 1636 № 16, л. 115—116. „А мировыя писалъ записи въ Шангалѣ на стану Введенскаго стану судебской земскій дьячекъ Девятко Дементіевъ".

4) Пр. Д. 1655 № 34. „Царю государю... бьетъ челомъ Устюжскаго уѣзда Пушемскіе волости Алешка Мартемьяновъ Борисовъ. Жалоба, государь, мнѣ того же уѣзда Шолской волости на церковнаго и земскаго дьячка Ивана Ѳедорова сына Куклина. Въ прошломъ, государь, во 159 г. тое жъ Шолской волости крестьяне поставили меня, сироту въ тое Шолскую волость въ церковные и въ земскіе дьячки на 8 лѣтъ и выборъ мнѣ за своими руками дали".

5) Пр. Д. 1636 № 16, л. 115—116. Церковный дьячекъ шангальской Селиванъ Агаѳониковъ сынъ Поповъ. Пр. Д. 1643 № 37, л. 53—55. Выборъ Введенскаго стана 7153 г.: „да имъ же судьямъ и цѣловальникомъ съ товарищи для государева великаго дѣла и для поспѣшенья, гдѣ не случится земскаго дьячка, имати имъ отъ церкви церковныхъ дьячковъ для письма татиныхъ и разбойныхъ, и душегубныхъ дѣлъ и для земскихъ записокъ".

лока, нѣкто Ѳедотъ Васильевъ сынъ Ѳедотовъ, вѣроятно, предыдущій земскій дьячекъ, взялъ у старосты „найму своего годового отъ земскаго письма по своемъ рядѣ два рубля денегъ“ [1]). Такимъ образомъ, выбирая себѣ секретаря, земскій міръ рядился съ нимъ о размѣрахъ найма, т. е. заключалъ договоръ частнаго характера.

Но земскій дьячекъ долженъ былъ быть непремѣнно избранъ всѣмъ міромъ; приглашеніе кого либо въ земскіе дьячки представителями земской власти безъ участія міра, не по мірскому выбору, разсматривалось, какъ злоупотребленіе. Въ 1626 г. посадскіе земскіе судейки устюжскаго посада навлекли на себя обвиненіе въ томъ, что взяли къ себѣ „безъ мірского выбора“ въ земскіе дьячки нѣкоего Максима Корзина, приходившагося дядею одному изъ нихъ, притомъ человѣка небезупречной репутаціи, „стараго вора“, по выраженію воеводской отписки [2]). Въ свою очередь документы, написанные не земскимъ дьячкомъ, надлежащимъ образомъ избраннымъ, не встрѣчали вообще довѣрія и возбуждали противъ себя подозрѣніе, какъ подложные, воровскіе. Крестьяне Утмановской волости Устюжскаго уѣзда жаловались государю, что братъ бывшаго цѣловальника этой волости, отвѣчавшій за него въ процессѣ его съ волостнымъ міромъ, написалъ приходорасходныя книги „своею рукою воровски, не земскимъ дьячкомъ“.... „А у насъ въ волостяхъ, государь“, писали далѣе крестьяне, „пишутъ у старостъ приходныя и расходныя книги земскіе дьячки, коихъ міромъ выбираютъ“ [3]). Крестьянинъ С. О. Витезевъ въ 1626 г. билъ челомъ на старосту Комарицкаго стана Устюжскаго уѣзда Луку Иванова Фроловыхъ въ томъ, что тотъ Лука написалъ на него, челобитчика, съ дѣтьми его „объ учиненномъ будто бы ими свозѣ сѣна съ чужой пожни „составную воровскую записку не земскимъ дьячкомъ, а своимъ ближнимъ сватомъ Денискомъ Терентьевымъ“. Отражая отъ себя возбужденное его недругами обвиненіе въ сѣнной свозкѣ, онъ приводилъ какъ доказательство несостоятельности обвиненія именно тотъ фактъ, что протоколъ былъ составленъ не земскимъ дьячкомъ, а постороннимъ лицомъ, да притомъ еще сватомъ старосты, державшаго сторону обвинителей. Поэтому онъ считалъ протоколъ неправильнымъ и незаслуживающимъ довѣрія. „А когда, государь“, читаемъ мы въ его челобитной, „записки прямыя пишутъ не составныя, не воровскимъ умышленіемъ и не ближними своими сваты, и не природными людьми, (т. е. родственниками) и не бобылями безданными, и не воровскими, бьютъ челомъ о запискѣ (т. е. о составленіи протокола) твоимъ государевымъ воеводамъ или въ волостяхъ бьютъ челомъ земскимъ судьямъ и пишутъ записи земскими выборными дьячками, а не ближними своими сваты“ [4]). Написаніе документа земскимъ дьячкомъ служило гарантіей его подлинности и правильности; если заявлялось подозрѣніе и противъ такого доку-

---

[1]) Пр. Д. 1634 № 84, л. 53, 57, 61.
[2]) Пр. Д. 1627 № 20.
[3]) Пр. Д. 1628 № 74.
[4]) Пр. Д. 1626 № 44.

мента, могло быть произведено о дьячкѣ слѣдствіе въ волости, „напередъ сего дьячекъ въ волости какія нарядныя и составныя крѣпости писывалъ ли и улики на него въ какомъ воровскомъ письмѣ бывали ль“; и дьячку, вѣроятно, грозила въ случаѣ обвиненія болѣе тяжелая отвѣтственность, чѣмъ всякому другому. Владѣя тайнами грамоты, для многихъ недоступной, нося за ухомъ гусиное перо, отъ взмаха котораго такъ многое иногда зависѣло, земскій дьячекъ, облекавшій рѣшеніе мірского схода и выборныхъ земскихъ властей въ письменную форму, можетъ быть, нерѣдко при формулированіи и подсказывавшій самое рѣшеніе и сходу, и властямъ, пользовался въ волости большимъ вліяніемъ, связями и авторитетомъ, притомъ вѣроятно и хорошими доходами. Крестьянинъ Шангальской Устьянской волости Өедоръ Михеевъ, затѣявъ искъ противъ крестьянина той же волости Андрея Лукина и его сына попа Парфена, при разбирательствѣ дѣла въ 1637 г. въ Москвѣ въ Устюжской четверти побоялся слаться противъ отвѣтчиковъ въ повальный обыскъ, высказавъ такія соображенія: „въ повальный де обыскъ слаться онъ не смѣетъ, потому что тотъ Андрюшка Лукинъ съ товарищи люди богатые и сильные. А се де тотъ Андрюшка бываетъ въ земскихъ дьячкахъ и по немъ де всѣ скажутъ“, т. е. всѣ будутъ держать его сторону и показывать за него при допросѣ на повальномъ обыскѣ[1]).

---

[1]) Пр. Д. 1634 № 59.

Глава XVII.

Земскіе выборы.

Личный составъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ выше земскихъ органовъ, волостныхъ, посадскихъ и всеуѣздныхъ, довольно разнообразившихся по различнымъ мѣстностямъ, исходилъ вездѣ изъ того же источника—земскаго міра, волостного, посадскаго или всеуѣзднаго, выдвигавшаго этотъ составъ изъ своей среды посредствомъ выборовъ. Хотя вообще дѣятельность земскаго міра мы намѣрены изучить во второй части этого труда, тѣмъ не менѣе одинъ видъ этой дѣятельности, именно выборы земскихъ властей мы разсмотримъ теперь же вслѣдствіе близкой связи этого вопроса съ очеркомъ организаціи земскаго самоуправленія, только что изложеннымъ. Знакомство съ порядкомъ земскаго избранія и съ значеніемъ этого избранія дастъ возможность яснѣе понять характеръ выборныхъ земскихъ властей, ихъ отношеніе къ избравшему ихъ міру съ одной стороны и къ государству, дающему имъ свои полномочія съ другой. Кромѣ того документы, по которымъ можно знакомиться съ земскими выборами, показываютъ также и цѣли, для какихъ избирались земскія власти.

Эти документы—акты избранія, протоколы избирательныхъ земскихъ собраній: волостныхъ и посадскихъ сходовъ и „всеземскихъ", или всеуѣздныхъ совѣтовъ, „выборы за руками", съ которыми намъ уже приходилось имѣть дѣло. Такой избирательный списокъ, или „выборъ", имѣлъ троякое значеніе. Во-первыхъ, значеніе акта, въ которомъ находило себѣ выраженіе ручательство избиравшаго міра за своего избранника передъ государствомъ. Вотъ почему эти „выборы" міръ представлялъ правительственной власти, посылая ихъ въ Москву въ приказъ или передавая мѣстному воеводѣ. По выбору избиратели были отвѣтственны за избранное лицо передъ государствомъ, если бы интересы послѣдняго оказались нарушенными вслѣдствіе обнаружившихся послѣ избранія качествъ избраннаго, неподходящихъ для той должности, на какую его избирали. Во-вторыхъ, выборъ служилъ основаніемъ полномочій, дававшихся должностному лицу избравшимъ его міромъ, а также заключалъ въ себѣ опредѣленіе тѣхъ обязанностей по отношенію къ міру, которыя возлагались на ту или другую зем-

скую должность. На это значеніе выбора указываютъ слова, встрѣчающіяся во многихъ выборахъ послѣ перечисленія правъ и обязанностей избраннаго: „въ томъ ему міромъ судьѣ и т. п. и выборъ мірской дали". Наконецъ, въ третьихъ, въ выборѣ указывались обязательства избирателей относительно избраннаго, обязательства міра относительно должностного лица. Такимъ образомъ избирательный списокъ, „выборъ", служа документомъ поручительства міра за его избранниковъ передъ правительственной властью, имѣлъ въ то же время въ значительной мѣрѣ характеръ двусторонняго обязательственнаго акта, договора между двумя контръ-агентами, земскимъ міромъ и избраннымъ имъ лицомъ, и только отсутствіе въ этомъ актѣ свидѣтелей, „послуховъ", напоминаетъ, что „выборъ" былъ все же публично-правовымъ актомъ, а не документомъ частной сдѣлки.

Текстъ выбора пишется въ общемъ по одной и той же формѣ съ нѣкоторыми, разумѣется, различіями, смотря по различію земскихъ должностей. Однако выборы также нѣсколько разнообразятся и по мѣстностямъ. Можно замѣтить, что въ каждомъ міру вырабатывается практикою и устанавливается свой текстъ выбора, повторяющійся втеченіе ряда лѣтъ; измѣненія и дополненія проникаютъ въ него туго, и документъ этотъ склоненъ принимать застывшія формы [1]), подвергающія его опасности анахронизмовъ. Такъ, напр., избирательный списокъ Устьянской Ростовской волости, составленный въ январѣ 1652 г., т. е. черезъ три года послѣ изданія Уложенія, все еще продолжаетъ говорить объ обязанности земскаго судьи судить и управу чинить по государевымъ уставнымъ жалованнымъ грамотамъ и *по судебнику* [2])!

Приходилось уже говорить ранѣе, что избирательный списокъ, какъ и всякій приговоръ волостного, посадскаго или всеуѣзднаго міра, открывается перечнемъ именъ, какъ можно съ достаточнымъ основаніемъ предполагать, участниковъ мірского схода. Во главѣ этого личнаго перечня послѣ обычнаго введенія „Се язъ" занимаютъ мѣсто выборныя должностныя лица: судьи, старосты, цѣловальники, сотскіе, иногда съ прибавле-

---

[1]) Ср. напр. текстъ выбора Устьянской Чадромской волости 150 г. съ текстами дальнѣйшихъ годовъ. Въ текстѣ 153 г. находимъ новый параграфъ: „а будетъ случится отписки въ каковѣ дѣлѣ къ Москвѣ отослать и пристава съ отписками послать къ Москвѣ къ государю, ино отписки послать и пристава мірскими деньгами". Прилож. V № 4 и Пр. Д. 1643 № 37, л. 33—35; л. 47—48; Прилож. V № 5. Ср. выборы Соденской волости. Пр. Д. 1643 № 37, л. 38—39, 7152 г. и ibid. л. 69—70, 7154 г. Въ послѣднемъ опущенъ параграфъ: „а къ продажному къ вымочному питью ему судьѣ съ товарищи имать волостныхъ людей, сколько человѣкъ пригоже". Ср. выборы Введенскаго стана Прилож. V № 13, 7152 г. и Пр. Д. 1643 № 37, л. 53—55, 7153 г. Въ послѣднемъ добавленіе: „да имъ же судьямъ и цѣловальникамъ съ товарищи для государева великаго дѣла и для поспѣшенья, гдѣ не случится земскаго дьячка, имати имъ отъ церкви церковныхъ дьячковъ для письма татиныхъ и разбойныхъ, и душегубныхъ дѣлъ и для земскихъ записокъ".

[2]) Прилож. V № 7.

ніемъ эпитета „прошлый", т. е. окончившій срокъ своей службы ко времени выборовъ. Рядомъ съ земскими выборными властями поименовываются въ волостныхъ избирательныхъ спискахъ также церковные старосты входившихъ въ составъ волости приходовъ. За этимъ, такъ сказать, волостнымъ нобилитетомъ идетъ списокъ именъ простыхъ рядовыхъ крестьянъ, оканчивающійся формулою „и всѣ крестьяне" или „да и всѣ крестьяне", или рѣже „и во всѣхъ мѣсто крестьянъ"[1]) такой то волости. Въ посадскихъ выборныхъ спискахъ имена членовъ мѣстной торговой аристократіи, принадлежавшихъ къ высшимъ московскимъ купеческимъ корпораціямъ: гостиной и суконной сотнямъ, ставятся выше именъ посадскихъ выборныхъ властей. Формула иногда, какъ мы видѣли[2]),сопровождается оговоркой о неучастіи въ производствѣ выборовъ лица или группы лицъ, лишенныхъ права принимать участіе въ мірскихъ актахъ или уклоняющихся почему либо отъ такого участія.

Самое дѣйствіе избранія въ избирательныхъ спискахъ обозначается обыкновенно двумя слѣдующими за формулой „да и всѣ крестьяне" выраженіями: „выбрали есми и излюбили", рѣже наоборотъ „излюбили есми и выбрали"[3]). Вмѣсто „излюбили" довольно часто встрѣчается форма полюбили. Есть ли разница между выраженіями: „выбрали" и „излюбили", или же на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на плеоназмъ? Въ одной челобитной крестьянъ Ракульской волости Устюжскаго уѣзда читаемъ: „и всѣ крестьяне Кивокурскаго стану того цѣловальника Ивана (избраннаго міромъ Ракульской волости, входившей въ составъ Кивокурскаго стана) излюбили и выборъ ему по прежнему написали"[4]). Здѣсь слово „выбрали", какъ видимъ, замѣнено словами „выборъ ему написали". Можетъ быть, выраженіями: „излюбить" и „полюбить" обозначалось самое одобреніе міромъ намѣченнаго кандидата, признаніе его пригоднымъ и такимъ образомъ эти выраженія относились къ внутренней, такъ сказать психологической сторонѣ избранія, тогда какъ слово „выбрали" относилось болѣе къ формальной сторонѣ дѣла, указывая на составленіе избирательнаго списка? Такое предположеніе поддерживается одною подписью подъ избирательнымъ спискомъ Ростовской Устьянской волости 1643 г., гдѣ одинъ изъ членовъ схода, бывшій судья подписался такъ: „къ сему мірскому выбору Куземка судья любилъ и руку приложилъ"[5]). Возможно, что слово „излюбили" указываетъ на свободу, самостоятельность избранія міромъ, дѣйствовавшимъ при избраніи по собственной ничѣмъ нестѣсняемой волѣ. Извѣстно, что вообще выборамъ въ Московскомъ государствѣ не всегда была присуща эта свобода; иногда выборъ происходилъ такъ, что кандидатъ на какую либо дол-

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 70: „Списокъ съ выбору слово въ слово:... „и во всѣхъ мѣсто крестьянъ Черевковскіе волости".

[2]) Стр. 217.

[3]) Одно „выбрали" см. прилож. V № 6.

[4]) Пр. Д. 1628 № 59.

[5]) Пр. Д. 1643 № 37, л. 2.

жность намѣчался и даже прямо назначался свыше, земскою же или правительственною властью, а вся роль міра сводилась при этомъ къ вынужденному рукоприкладству подъ избирательнымъ спискомъ, къ недобровольной дачѣ „выбора за руками". Такимъ значеніемъ выборовъ въ Московскомъ государствѣ объясняется непонятное съ нашей точки зрѣнія выраженіе памятниковъ о выборахъ: „велѣть выбрать такого то", напр.: „и язъ царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ... пожаловалъ въ Чарондской округѣ... велѣлъ быти въ губныхъ старостахъ выбраннымъ головамъ и губнымъ цѣловальникомъ, кого велитъ выбрать бояринъ нашъ Дмитрій Ивановичъ" Годуновъ, которому была пожалована тогда Чаронда[1]). Значитъ, кандидатовъ на выборные посты губного старосты и цѣловальниковъ назначалъ бояринъ Годуновъ, а мѣстное общество ихъ „выбирало", т. е. давало на нихъ выборъ за своими рукоприкладствами, имѣвшій значеніе поручительства за указаннаго свыше кандидата и принятія обществомъ отвѣтственности за его промахи и упущенія на себя. Если „міръ" отказывался дать такой „выборъ" на навязаннаго ему кандидата, то правительство въ такомъ случаѣ предписывало выборъ взыскать, „доправить" съ міра, т. е. принудить міръ дать его противъ воли. При такомъ порядкѣ выборовъ не было мѣста свободному проявленію воли міра, которое и заключалось въ подысканіи именно желательнаго міру кандидата; міръ дѣйствовалъ механически, только подписывая свидѣтельство о своей отвѣтственности за недостатки сверху назначеннаго кандидата; въ этомъ случаѣ міръ „не излюблялъ" кандидата, а только „выбиралъ" его, т. е. давалъ на него выборъ по приказанію сверху. Въ противоположность этому свободное избраніе міромъ желательнаго ему кандидата обозначалось терминомъ „излюбили"[2]). Добровольный самостоятельный выборъ и называется, вѣроятно, „излюбомъ"; но, впрочемъ, названіе „излюба" носитъ иногда и самый избирательный списокъ[3]). Въ выборѣ земскихъ цѣловальниковъ Сухонскаго Нововышлаго стана Устюжскаго уѣзда сверхъ выраженій: выбрали и излюбили, мы встрѣтили еще слова: „поставили въ своемъ же стану"[4]).

---

[1]) Чарондская губная грамота. *Шумаковъ*, Губныя и земскія грамоты, Чт. О. И. Др. 1895 кн. 3, стр. 119.

[2]) Ср. прилож. IV № 1, стр. 72. „Записалъ ихъ излюбленной дьячекъ... Кирилко Ѳедоровъ", т. е. составилъ протоколъ объ измѣреніи и раздѣлѣ земли вольный дьячекъ, приглашенный спорившими сторонами, а не офиціальный земскій волостной дьячекъ, какимъ тогда былъ С. Л. Кокоринъ. Здѣсь „излюбленный" значитъ именно свободно избранный, приглашенный сторонами.

[3]) Пр. Д. 1628 № 64. 1628 г. „Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ сѣдили мы сироты твои по выборомъ посадскихъ людей въ земскихъ старостахъ и цѣловальникахъ по ихъ излюбу, а въ излюбахъ, государь, они написали, что было имъ посадскимъ людемъ насъ, земскихъ цѣловальниковъ, въ убыткахъ ни въ которыхъ не подати".

[4]) Прилож. V № 16.

За словами: „выбрали и излюбили“ слѣдуетъ указаніе должности, на которую произведено избраніе. Этому указанію предшествуетъ иногда обозначеніе: „къ государеву цареву (слѣдуетъ титулъ) дѣлу“ напр. „къ государеву цареву—дѣлу въ выборные земскіе судьи..., въ земскіе цѣловальники“ и т. д., обозначеніе, указывающее на государственный характеръ должностей, занимаемыхъ по земскимъ выборамъ [1]). Затѣмъ называется имя избраннаго, сопровождаемое, во-первыхъ, указаніемъ на принадлежность его къ одному съ избирателями міру и, во-вторыхъ, характеристикой его нравственныхъ свойствъ и матеріальнаго положенія, въ которой говорится, что избираемый—человѣкъ добрый, душою прямъ и животомъ прожиточенъ [2]), напр.: „выбрали есми и излюбили въ выборные и земскіе судьи того же Пежемскаго стану человѣка добра, душою пряма и животомъ прожиточна Ѳедора Степанова сына Поскотиннаго“. Удостовѣреніе въ добротѣ и прямотѣ души избираемаго съ одной стороны и матеріальной его обезпеченности съ другой сообщаетъ избирательному списку значеніе ручательства міра за своего избранника передъ правительствомъ, которое предписывало избирать въ старосты и въ цѣловальники честныхъ людей—не воровъ и не ябедниковъ, имѣя въ виду двоякій интересъ: во-первыхъ, казенный, чтобы они государевыми денежными доходами не корыстовались и, во-вторыхъ, интересъ самого избиравшаго міра: чтобы они не обирали подвѣдомственныхъ имъ крестьянъ [3]). Въ частности матеріальная обезпеченность избранника имѣла для правительства особенное значеніе, какъ гарантія исправности денежныхъ сборовъ и какъ обезпеченіе казенныхъ взысканій на случай разнаго рода недоборовъ, недоимокъ и другихъ какихъ либо упущеній по службѣ.

Срокъ земскихъ выборныхъ должностей былъ обыкновенно годовой, и на это указываютъ всегда избирательные списки вслѣдъ за обозначеніемъ должности, на которую избранъ кандидатъ, давая общее опредѣленіе срока: „на годъ“, а кромѣ того точно обозначая даты, служащія предѣлами этого года, напр.: „отъ нынѣшняго 151 году со Срѣтеньева дни Господа нашего Іисуса Христа да 152 году до такова жъ числа“. Годовой срокъ дѣятельности земскихъ выборныхъ до такой степени вошелъ въ норму, что говоря объ окончаніи своей службы, они употребляли выраженіе: „какъ годъ нашъ отошелъ“. По окончаніи года выборный долженъ былъ дать отчетъ правительственной власти и міру въ своемъ управленіи. Попытки занимать земскую должность болѣе продолжительное время бывали, но разсматривались, какъ злоупотребленія. Но такія попытки были весьма рѣдки. Земскія должности были все же тяжестью, отъ которой земскіе избранники стремились освободиться, и охотниковъ засиживаться на этихъ должностяхъ едва ли могло находиться много. Правительство запрещало

---

1) Прилож. V № 5.

2) Нѣтъ въ прилож. V № 4.

3) А. Э. II № 30. 1589—1605 г. Наказъ о судѣ и расправѣ въ Заонежскихъ погостахъ.

удлиннять срокъ земскихъ должностей, справедливо усматривая въ стремленіи къ такому удлинненію небезкорыстные мотивы со стороны тѣхъ выборныхъ, для которыхъ выгоды, сопряженныя съ должностью, перевѣшивали ея тягость. Въ вышеупомянутомъ наказѣ объ управленіи Заонежскими погостами времени царя Бориса предписывается приказному человѣку, надъ ними поставленному, тщательно наблюдать, „чтобы въ тѣхъ погостѣхъ старосты и цѣловальники года по два и по три не были“[1]). Въ 1649 г. была принесена въ Москву жалоба на земскаго старосту окологородныхъ волостей Каргопольскаго уѣзда Ст. Герасимова, что онъ, не давъ отчета, по сдѣлкѣ съ своими „потаковщиками“, которые провели его на выборахъ, „старостить другой годъ сряду“, причемъ въ жалобѣ приводилась справка, что по указу и по грамотамъ царя Михаила „у государевыхъ и у земскихъ всякихъ дѣлъ по два года сряду быти не велѣно“[2]). Жалоба эта докладывалась государю и, какъ гласитъ помѣта на ней, „государь пожаловалъ, велѣлъ дать грамоту: сряду въ земскихъ старостахъ по годомъ никому быть не велѣть, а велѣть быть поочередно“. Въ частности Ст. Герасимова предписано было „счесть“, т. е. потребовать у него и провѣрить его отчетность и на его мѣсто избрать другого старосту[3]). Такимъ образомъ вопросъ былъ разрѣшенъ въ благопріятномъ для жалобщика смыслѣ относительно даннаго отдѣльнаго случая, и сдѣлано по этому поводу общее постановленіе на будущее время, касавшееся по крайней мѣрѣ всего Каргопольскаго уѣзда. Хронологическимъ предѣломъ годового срока было обыкновенно начало новаго года, 1-ое сентября, праздникъ Симеона Столпника, „Семенъ день Лѣтопроводца“[4]). Однако не вездѣ церковно-гражданскій сентябрьскій годъ былъ земскимъ годомъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ установились различные термины года, такъ что и въ этомъ отношеніи сѣверное земское самоуправленіе отличалось разнообразіемъ. Такъ въ Устьянскихъ волостяхъ, за исключеніемъ Чадромской, выборныя земскія власти вступали въ должность 2 февраля, въ Срѣтеньевъ день—срокъ, къ которому была пріурочена устьянскими земскими грамотами доставка съ волостей казенныхъ сборовъ въ Москву. Поэтому и земскіе выборы происходили здѣсь обыкновенно втеченіе января, хотя иногда и запаздывали[5]). Въ Чадромской волости былъ свой особый срокъ вступленія въ должность—день свв. Аѳанасія и Кирилла, 18 января.

Перечисленіе полномочій и обязанностей выборнаго должностного лица съ одной стороны и обязательствъ земскаго міра по отношенію къ

[1]) А. Э. II № 30.

[2]) Пр. Д. 1647 № 14.

[3]) „А въ нынѣшнемъ году его велѣть счесть, а на его мѣсто быть иному по очереди и грамота о томъ дать“.

[4]) Пр. Д. 1614 № 2, л. 7—8. Выборъ чарондскаго окружского земскаго старосты: „а быть ему, старостѣ, годъ отъ нынѣшняго 125 году съ Семенова дни да до лѣта 126-го до Семенова жъ дни“. Ср. прилож. V №№ 15, 16, 17.

[5]) Прилож. V № 2.

нему съ другой въ избирательныхъ спискахъ дѣлается съ различною степенью подробности, въ однихъ ограничивается общими только опредѣленіями, въ другихъ расширяется до довольно детальныхъ указаній. Встрѣчаемъ общія опредѣленія дѣятельности земскихъ выборныхъ въ такихъ, напр., выраженіяхъ: „всякое государево дѣло дѣлать и мірское" или: „всякая имъ, судьямъ, всеземская расправа чинити всякимъ мірскимъ дѣламъ". Главныя обязанности волостныхъ и посадскихъ земскихъ властей сводятся, какъ извѣстно, къ двумъ: отправленію правосудія и сбору податей. Первая и обозначается обыкновенно выраженіями: „ему судьѣ... насъ всѣхъ крестьянъ такой то волости судить и управа межъ нами чинить" или съ болѣе подробнымъ перечисленіемъ разныхъ видовъ тяжбъ: „и будучи имъ судьѣ и старостѣ судецкому насъ посадскихъ людей судить по кабаламъ и по челобитнымъ, и по записямъ, и по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ", какъ читаемъ въ избирательномъ спискѣ устюжскихъ посадскихъ земскихъ судей. Если выборъ писался на нѣсколькихъ лицъ, избиравшихся на различныя должности съ судебными функціями, то иногда указывались детально обязанности каждаго, напр.: „и по нашему выбору по мірскому быть ему, судьѣ, въ земскихъ судьяхъ, а цѣловальнику быть съ судьею въ судецкихъ цѣловальникахъ и насъ, крестьянъ Чушевицкой волости, имъ судити и управа межъ нами, крестьяны, чинити. А цѣловальнику съ судьею въ судѣ сидѣти, и явки и извѣтныя (челобитныя) у насъ принимать, и на земляныя дѣла, и на протравныя ходити ко крестьяномъ, кой побьетъ челомъ и записки записывать". Опредѣляя судебныя функціи земскихъ властей, выборные списки даютъ указанія, какъ судьи должны при этомъ поступать и чѣмъ должны руководствоваться, именно судить „по государеву крестному цѣлованію", т. е. согласно данной при вступленіи въ должность присягѣ, соблюдая справедливость и безпристрастіе, „вправду, другу не дружить, а недругу не мстить", или: „прямо, вправду, по государеву крестному цѣлованію и никому ничѣмъ не норовить, ни грубити"[1]), иногда съ добавленіемъ при этомъ: „поминковъ ни у кого ни отъ чего не имать, никоторыми дѣлы" или „барышевъ и поминки не имати ни у кого ничего", т. е. безъ всякаго лихоимства и мздоимства. Основаніемъ для отправленія правосудія должны служить государевъ указъ, судебникъ и уставная грамота, а послѣ 1649 г. Уложеніе. Эти общія нормы судебной дѣятельности въ отдѣльныхъ выборныхъ спискахъ дополняются отдѣльными параграфами съ нѣкоторыми деталями. Напр., избирательный списокъ Введенскаго стана 1634 г. вмѣняетъ выборнымъ судьямъ въ обязанность приглашать въ судебныя засѣданія добрыхъ людей засѣдателей: „къ суднымъ дѣламъ къ спорнымъ къ приговору и садить добрыхъ людей, сколько человѣкъ пригоже"[2]); списокъ того же стана 1644 г. требуетъ, чтобы судьи судили „по станкамъ и съ стану на станъ крестьянъ не волочили", т. е. отправляли правосудіе въ центральныхъ пунктахъ четырехъ волостей, входившихъ въ составъ Введен-

---

[1]) Прилож. V № 15.
[2]) Прилож. V № 10.

скаго стана и не переносили судебнаго засѣданія по одному и тому же дѣлу изъ одного стана въ другой [1]).

Особенностью земскаго самоуправленія въ Устьянскихъ волостяхъ было, какъ мы уже видѣли, присоединеніе къ судебнымъ обязанностямъ выборныхъ земскихъ властей также и губного дѣла. Правда, въ одной изъ Устьянскихъ волостей—Введенскомъ стану еще въ 1634 г. для этого дѣла выбирались спеціальные губные органы, но затѣмъ не позже 1640 г. и здѣсь судебныя и губныя функціи соединяются въ однихъ рукахъ, такъ что это явленіе для всего этого округа становится общимъ. Поэтому и въ избирательныхъ спискахъ устьянскихъ земскихъ властей мы находимъ опредѣленіе ихъ обязанностей по губному дѣлу, въ однихъ въ болѣе сжатой, въ другихъ въ болѣе пространной формѣ. Вотъ примѣры первой: „да и всякіе ему, судьѣ—дѣла татины и разбойныя вѣдати по государевымъ жаловальнымъ и по губной, и по уставной грамотѣ, каковы даны во всѣ Устьянскія волости“ [2]), или: „да ему жъ судьѣ и цѣловальнику, и сотскому того имъ беречи накрѣпко, чтобъ у крестьянъ въ Чушевицкой волости татемъ приходу и разбойникомъ пріѣзду не было [3]), или: „и про татиныя и разбойныя дѣла сыскивать и указъ чинить по государеву указу [4]); „а ему выборному судьѣ быти и въ губныхъ старостъ мѣсто и про разбойныя и про татиныя дѣла сыскивать и судить съ товарищи“ [5]). Болѣе подробное обозначеніе губной дѣятельности мы встрѣчаемъ въ выборахъ Введенскаго стана съ 1644 г. и Чадромской волости съ 1652 г. Здѣсь кромѣ предписанія всей коллегіи земскихъ властей, „земскимъ судьямъ съ товарищи въ татиныхъ, разбойныхъ и душегубныхъ дѣлахъ сыскивать и судить по государеву указу и по судебнику, и по государевымъ уставнымъ грамотамъ, и по статейному разбойному списку“, въ частности еще вмѣняется въ обязанность второстепеннымъ земскимъ органамъ: цѣловальникамъ, сотскимъ и пятидесятскимъ дѣйствовать вполнѣ согласно съ судьями, быть съ ними „за одинъ человѣкъ“ при поимкѣ преступниковъ. Затѣмъ мы находимъ въ этихъ выборахъ цѣлый рядъ подробностей губного дѣла, которыя впрочемъ составляютъ скорѣе обязательства міра, чѣмъ обязанности земскихъ властей и которыя поэтому удобнѣе разслѣдовать при изложеніи вообще этихъ мірскихъ обязательствъ. Въ своей губной дѣятельности земскія власти должны были руководиться, кромѣ тѣхъ законовъ, которыми онѣ руководились вообще, т. е. судебника, а послѣ 1649 г. Уложенія и уставной грамоты, еще и спеціальными: губной грамотой, данной Устьянскимъ волостямъ, о которой упоминаютъ выборы Пежемской волости и которая до сихъ поръ остается еще не разысканной, и инструкціями, „наказными списками“ изъ разбойнаго приказа. Выборы Введенскаго стана и Чадромской волости опредѣ-

---

[1]) Прилож. V № 13.

[2]) Прилож. V № 2.

[3]) Прилож. V № 3.

[4]) Пр. Д. 1640 № 59. Выборъ Введенскаго стана 1640 г.

[5]) Прилож. V № 4.

ляютъ и размѣръ пени за убійство, „поголовныя, вѣрныя“—(вирныя) деньги зачисленныя въ сумму „прикащичьяго дохода“, т. е. въ сумму того оброка, который платился волостями за освобожденіе отъ управленія приказныхъ людей. Это та же и по размѣру древняя 40 гривенная вира Русской Правды, переведенная на рублевый денежный счетъ съ нѣкоторой надбавкой: 4 руб. 4 алт. 1½ или 2 деньги. Она переживаетъ въ Устьянскихъ волостяхъ Уложеніе, и упоминается еще въ выборахъ 1650-хъ годовъ.

Къ губнымъ дѣламъ собственно, т. е. къ пресѣченію и искорененію татьбы, разбоя и душегубства, выборы Устьянскихъ волостей присоединяютъ еще и другія дѣла полицейскаго характера, надзоръ за тѣмъ, чтобы въ волостяхъ не было корчемства, разврата, азартныхъ игръ: зерни, игръ въ кости и карты, предоставляя земскимъ властямъ право дѣлать выемки и налагать пени. Выборъ, напр., Чушевицкой волости 1643 г. предписываетъ судьѣ, цѣловальнику и сотскому наблюдать, чтобъ крестьяне „пивъ продажныхъ не варили и вина не курили, и съ продажнымъ виномъ никто никого къ себѣ не пущали. А будетъ который крестьянинъ сваритъ пиво продажное или скуритъ вино продажное, и судьѣ, и цѣловальнику, и сотскому тѣ питья вынимать по государеву указу, да на томъ же продавцѣ доправить на государя заповѣдь 2 рубля денегъ“ [1]). Съ большею подробностью перечисляетъ этого рода дѣла чадромскій выборъ 1652 г.: „А случится въ Чадромской волости питье продажное, и ему судьѣ съ товарищи котлы и трубы вымати и писать на государя. А кто учнетъ питье держати продажное, и на продавцѣ пени на государя царя—2 рубля денегъ, а на питухахъ по четверти рубля. А кто зернью учнетъ играть или карты, и на тѣхъ зернщикахъ править пени на государя по 1½ рубля на человѣкѣ, да тѣхъ зернщиковъ и картовщиковъ бить батоги нещадно“ [2]).

Вторая главнѣйшая обязанность выборныхъ земскихъ властей: финансовое управленіе, также въ однихъ избирательныхъ спискахъ обозначается только въ общихъ выраженіяхъ, въ другихъ такое общее обозначеніе сопровождается отдѣльными детальными указаніями. Это финансовое управленіе касалось главнымъ образомъ прямыхъ налоговъ, такъ какъ косвенные вѣдались особой таможенной и питейной администраціей, также выборной по составу, но уже совершенно не земской по характеру дѣятельности. Оно слагалось изъ нѣсколькихъ моментовъ, именно: раскладки податей, ихъ сбора, отправки въ казну, полученія тамъ отписи и передачи этой отписи міру. „Да ему жъ судьѣ“, читаемъ, напр., въ выборѣ Пежемской волости 1643 г. „во 152 году со всего Пежемскаго стану съ насъ крестьянъ государевъ оброкъ собрать 112 руб. 20 алт. 5 д. и отнести (sic) къ государю къ Москвѣ, и заплатить въ Устюжской четверти, и отпись взяти за дьячей приписью, и принести отдати въ міръ“; или: „государева казна ему, судьѣ, съ насъ крестьянъ собрать и ко государю къ Москвѣ отвезти въ государеву казну, а на ослушникахъ доправить..., а казна ему

---

[1]) Прилож. V № 3.
[2]) Прилож. V № 5.

съ насъ крестьянъ..... собрать во 151 г.“, какъ читаемъ въ выборѣ Чадромской волости 1642 г. Въ однихъ мірахъ обязанности финансоваго характера возлагаются нераздѣльно на весь составъ выборныхъ властей, въ другихъ проводится спеціализація должностей. Избирательный списокъ разрубного цѣловальника Черевковской волости именно ему во главѣ особой избранной отъ міра разрубной коммиссіи предоставляетъ „дань государева розрубать въ трапезѣ на столѣ, съ тяжелаго снимать, а на легкаго прибавливати, смотря по животомъ и по промысломъ, и верста крестьянамъ давать“ [1]). На немъ же лежитъ и сборъ податей через подвѣдомственныхъ ему сборщиковъ; собранную сумму онъ вручаетъ затѣмъ судьѣ. Въ Устьянской Чушевицкой волости выборный списокъ распредѣляетъ также разные моменты финансоваго управленія между земскимъ цѣловальникомъ и судьею. Цѣловальникъ обязанъ „государева казна съ крестьянъ Чушевицкіе волости четвертные денежные доходы, данныя и оброчныя деньги на 152 годъ противъ прошлаго 151 году собрать, а на ослушникахъ доправити и судьѣ на отчетъ отдати“. Дальнѣйшія операціи исполняетъ уже судья: „а судьѣ государева казна къ Москвѣ отвезти и на Москвѣ заплатить въ Устюжской четверти государеву дьяку, и въ томъ московская платежная отпись принести, и отдать въ міръ Чушевицкіе волости крестьяномъ“ [2]). Выборы предоставляютъ земскимъ властямъ право взыскивать подати съ неплательщиковъ, „ослушниковъ“, „огурниковъ“, принудительными мѣрами, правежемъ: „на огурникахъ правити нещадно и въ тюрьму въ деньгахъ садить безпенно. А кто почнетъ избѣгати, тѣ государевы деньги правити на женахъ ихъ и на дѣтяхъ безпенно“, какъ гласитъ выборъ на устюжскихъ посадскихъ земскихъ судей на 141 годъ [3]). Въ нѣкоторыхъ выборахъ дается земскимъ властямъ также право занимать деньги на мірскія нужды, выдавая на эти займы отъ своего имени кабалы, которыя міръ обязуется погашать: „когда будетъ понадобятся деньги для государева скораго дѣла и для мірского, и ему цѣловальнику деньги займовать съ мірского совѣту, и кабалы давати, и росты сулити, какъ пригодитъ, а намъ крестьяномъ Черевковскіе волости его, цѣловальника, изъ кабалъ вымати и изъ ростовъ“ [4]). Въ отдѣльныхъ выборахъ встрѣчаемъ параграфы съ указаніемъ различныхъ частныхъ подробностей финансоваго управленія. Такъ вышеупомянутый выборъ устюжскихъ посадскихъ зем-

---

[1]) Прилож. V № 14.

[2]) Прилож. V № 3.

[3]) Прилож. V № 15.

[4]) Прилож. V № 14. Ср. Пр. Д. 1629 № 27, челобитье бывшаго Чердынскаго земскаго старосты: „И по тому ихъ мірскому выбору намъ сиротамъ (т. е. земскому старостѣ съ товарищами) деньги было съ нихъ, мірскихъ людей, сбирати на всякіе ихъ мірскіе расходы... И для поспѣшенья деньги для твоихъ государевыхъ дѣлъ займовати и кабалы на себя давати. А имъ было мірскимъ людемъ насъ сиротъ въ тѣхъ долгѣхъ не подати, кабалы выкупати имъ мірскимъ людемъ или ихъ старостамъ земскимъ, кто на наше мѣсто настанетъ“.

скихъ судей на 141 годъ уполномочиваетъ ихъ счесть, т. е. провѣрить отчетность судей прошлаго года, расходовать собранныя судебныя пошлины на содержаніе ружныхъ мірскихъ храмовъ и на другія мірскія нужды, гдѣ понадобится; произвести раскладку данныхъ и оброчныхъ денегъ за сошедшихъ съ посада и умершихъ тяглецовъ между оставшимися въ живыхъ и на мѣстѣ, наконецъ, разложить деньги на наемъ посошныхъ ратныхъ людей.

Снабжая своихъ избранниковъ разнаго рода полномочіями, міръ оставлялъ за собою право контроля надъ ихъ дѣятельностью. Этотъ контроль былъ двоякаго рода. Прежде всего по окончаніи срока службы выборный обязанъ былъ представлять міру отчетность главнымъ образомъ, разумѣется, въ своихъ финансовыхъ операціяхъ, въ сборахъ и расходахъ казенныхъ и мірскихъ суммъ, въ сдѣланныхъ займахъ и пр., для чего земскія власти должны были вести приходо-расходныя книги съ надлежащими оправдательными документами [1]). „А какъ ему, цѣловальнику, годъ отойдетъ“, а ему, цѣловальнику по своимъ приходнымъ и расходнымъ книгамъ и по отписемъ съ нами съ крестьянами счестися вправду по государеву крестному цѣлованію“ [2]), какъ читаемъ въ выборѣ цѣловальника Черевковской волости. „А что имъ, судьямъ, въ мірскомъ дѣлѣ учинится убытка или московскіе волокиты, или что издержекъ для мірского дѣла, и то имъ писати въ книги вправду и міру отчетъ дать“—пишетъ въ выборѣ судей устюжскій посадъ [3]). Но кромѣ этого контроля, который пріурочивался къ моменту окончанія службы выборнаго агента, міръ не отказывался отъ постояннаго общенія и взаимодѣйствія съ нимъ втеченіе всего времени ея прохожденія и обязывалъ его совѣтоваться съ міромъ и безъ рѣшенія міра не предпринимать сколько нибудь важныхъ дѣлъ, въ особенности по финансовой части. Такимъ образомъ выборныя земскія власти должны были находиться подъ постояннымъ контролемъ земскаго собранія. „А безъ нашего ему безъ мірского совѣту ни въ какіе разводы денегъ не разводить и нашихъ мірскихъ денегъ ни въ какіе расходы безъ мірского совѣту не держать“,—такъ формулируетъ эту обязанность постояннаго общенія съ земскимъ съѣздомъ выборъ чарондскаго старосты. Дѣйствовать „съ мірского совѣту“, „какъ міромъ приговорятъ“—эти выраженія нерѣдко встрѣчаются въ выборахъ. Выборъ на судью и старосту судецкаго въ Сухонскомъ Нововышломъ стану уполномочиваетъ ихъ ходить къ воеводамъ

---

[1]) Выборы Устьянскихъ волостей Чадромской и Введенскаго стана требуютъ отъ выборныхъ властей по окончаніи года ихъ службы „расписаться“ съ своими преемниками „въ земскихъ дѣлахъ“ вообще и въ частности въ невершеныхъ судебныхъ дѣлахъ, въ тюремныхъ сидѣльцахъ и въ людяхъ, выбранныхъ на этотъ годъ къ разнымъ казеннымъ дѣламъ. Прилож. V №№ 5, 13.

[2]) Прилож. V № 14.

[3]) Прилож. V № 15; Пр. Д. 1614 № 2., л. 7—8. Выборъ чарондскаго окружского старосты: „а въ тѣхъ ему деньгахъ по розводнымъ росписемъ въ нашихъ въ мірскихъ расходѣхъ по книгамъ намъ, старостамъ и крестьяномъ, отчетъ дать“.

по мірскимъ дѣламъ и относить имъ праздничныя подношенія по совѣту съ міромъ: „къ бояромъ ему, судьѣ и старостѣ, на дворы ходить о всякомъ мірскомъ дѣлѣ и праздничныя почести носить мірскими деньгами съ мірского жъ совѣту, какъ міромъ приговорятъ“. Также и выборъ на цѣловальника Черевковской волости вмѣняетъ ему въ обязанность „къ бояромъ па дворы ходити и почестье носити мірское... съ мірского совѣту“. Дѣйствіе безъ мірского совѣта влекло для земскихъ агентовъ серьезныя непріятности. Такъ хлыновскій земскій староста С. Горошниковъ въ 1622 г. подвергся отъ своихъ избирателей, жителей хлыновскаго посада, обвиненію въ томъ, что „мірскія сборныя деньги въ расходъ росписалъ безъ ихъ мірского совѣту“, и по этому дѣлу возбуждено было изъ Москвы разслѣдованіе[1]).

Таковы были обязанности, налагаемыя выборными списками на избираемыхъ міромъ агентовъ самоуправленія. Но эти списки, какъ было сказано выше, имѣли въ значительной мѣрѣ характеръ двусторонних актовъ, договоровъ, и нѣкоторую долю ихъ содержанія составляютъ обязательства другой стороны, міра относительно его избранниковъ. Они сводятся къ слѣдующему. Міръ обязуется оказывать избраннымъ имъ властямъ повиновеніе: „а намъ, крестьяномъ, во всякихъ дѣлахъ его, судью, слушать во всемъ“, или: „а намъ, посадскимъ людемъ, судей... во всякомъ мірскомъ дѣлѣ слушати.... и подъ судъ даватись“ [2]). Далѣе міръ обязывался оказывать своимъ избранникамъ разнаго рода помощь, прежде всего деньгами. Міръ долженъ доставлять земскимъ властямъ деньги на мірскія нужды, „деньги судьѣ на всякое мірское дѣло розрубать и деньги давать, а безъ денегъ не держать“ [3]); далѣе брать на себя расходы по мірскимъ дѣламъ, которые могли понести выборные чины, такъ чтобы не ввести ихъ ни въ какіе убытки помимо ихъ вины: „а что имъ судьямъ въ мірскомъ дѣлѣ учинится убытка или московскіе волокиты, или что издержекъ для мірского дѣла...., намъ тѣ убытки и издержки зачитати и убытки снимати, что ся убытковъ прилучится“. Поѣздки и посылки въ Москву по мірскимъ дѣламъ были особенно отяготительны и убыточны, и вотъ въ выборахъ мы встрѣчаемъ спеціальныя оговорки о томъ, что если судьямъ придется послать пристава по какому либо дѣлу въ Москву съ бумагами, то эти посылки производятся на мірской счетъ[4]). Иногда встрѣчаемъ обязательство міра платить своимъ выборнымъ властямъ деньги на отвозъ дани въ Москву, т. е. на расходы по доставкѣ податей въ приказъ.[5]). Если бы къ земскимъ властямъ былъ предъявленъ искъ по мірскому, а не по личному ихъ, „собичному“ по выраженію актовъ дѣлу, и имъ бы пришлось выступить отвѣтчиками по такому дѣлу на судѣ, избиратели обязыва-

---

[1]) Пр. Д. 1622 № 20.

[2]) Прилож. V №№ 4, 15; Пр. Д. 1643 № 37, л. 46.

[3]) Прилож. V № 16.

[4]) Прилож. V №№ 5, 13. Пр. Д. 1643 № 37, л. 47—48.

[5]) Прилож. V № 16.

лись принять всѣ убытки на себя: „о томъ намъ міромъ сыскивать вправду, и буде на нихъ мірского дѣла отыскиваютъ.., и тѣ намъ крестьяномъ убытки съ судьи и старосты спимать всѣмъ міромъ, въ томъ судьѣ и старостѣ убытка не принести никотораго... А буде имъ, цѣловальникомъ, въ нашемъ мірскомъ дѣлѣ учинятся убытки, и намъ, крестьянамъ, съ нихъ убытки снимать по сему нашему выбору мірскому.. А буде ему, цѣловальнику, учинятся убытки.. въ собичныхъ дѣлахъ, и того имъ убытка на міру не спрашивать“[1]). Такимъ обязательствомъ „снимать убытки“ въ выборахъ всегда сопровождаются предоставляемыя земскимъ властямъ полномочія занимать деньги на мірскія нужды: „а намъ, крестьяномъ... его цѣловальника изъ кабалъ вынимати и изъ ростовъ... и убытка ему въ его цѣловальничествѣ не учинити“[2]).

Въ нѣкоторыхъ выборахъ находимъ прямыя условія относительно вознагражденія земскихъ властей, условія, которыя также придаютъ выборному списку характеръ частнаго контракта. Самое это вознагражденіе носитъ характерное названіе „н а й м а“. Такъ Пежемская волость платила своему земскому судьѣ найма 2 рубля, опредѣляя эту плату, какъ вознагражденіе за отвозъ казенныхъ податей въ Москву. Цѣловальнику Черевковской волости съ дьячкомъ и приставомъ мірскіе люди, „найму міромъ р я д и л и во весь годъ шесть рублей“, уполномочивая его взять эту сумму изъ мірскихъ денегъ[3]). О самомъ сборѣ податей выборы иногда говорятъ въ формѣ обязательства міра по отношенію къ властямъ: „а намъ крестьяномъ деньги судьѣ давати на всякіе государевы четвертные денежные доходы“; но во всякомъ случаѣ міръ обязывается оказывать властямъ содѣйствіе противъ неплательщиковъ и вообще лицъ, не желающихъ имъ повиноваться: „а на огурныхъ людей намъ мірскимъ людемъ съ ними, судьями, стояти съ одного“[4]). Міръ долженъ поставлять земскимъ властямъ по ихъ требованію особыхъ выборныхъ людей изъ своей среды для исполненія разнаго рода дѣлъ, если представится необходимость, напр. для преслѣдованія корчемства[5]). Въ особенности подробно развиты обязательства міра относительно содѣйствія земскимъ властямъ въ губномъ дѣлѣ въ выборахъ Устьянскихъ Чадромской волости и Введенскаго стана. Міръ здѣсь обязуется строить тюрьму для

---

[1]) Прилож. V №№ 16, 17.

[2]) Прилож. V № 14.

[3]) Прилож. V № 2: „А найму ему судьѣ.. на сходъ отъ того оброку 2 рубля; ibid. № 14. Условіе о вознагражденіи мы встрѣчаемъ впрочемъ въ выборахъ рѣдко. На вознагражденіе земскихъ властей мы находимъ еще указаніе въ ихъ расходныхъ книгахъ. Такъ, напр., хлыновскій земскій староста 1678—79 г. заноситъ въ свою книгу свое вознагражденіе: „взялъ подможныхъ денегъ противъ своей братьи земскихъ старостъ 30 рублей“ и расписывается въ полученіи. Труды Вятск. Арх. Ком. 1905 г., вып. V—VI, стр. 102. См. также Пр. Д. 1634 № 84, л. 17—50. Расходныя книги Юрьева Наволока.

[4]) Прилож. V № 15.

[5]) Пр. Д. 1643 № 37, л. 38—39.

заключенія татей и разбойниковъ и къ ней поставить достаточное для ея охраны количество тюремныхъ цѣловальниковъ и сторожей; поставить заплечнаго мастера для пытки всякихъ воровскихъ людей; если гдѣ объявятся тати или разбойники, ихъ задерживать и приводить къ судьямъ, вообще оказывать помощь земскимъ властямъ при поимкѣ этихъ лихихъ людей. Для сыска и поимки всякихъ воровскихъ людей, если такіе гдѣ объявятся, міръ даже выставляетъ въ помощь земскимъ властямъ особыхъ ad hoc избираемыхъ сотниковъ, пятидесятниковъ и десятниковъ, которые обязаны наблюдать за своими участками и задерживать воровъ. При погонѣ за разбойниками эти экстренно избранные сотники и пятидесятники, какъ и всѣ крестьяне, должны повиноваться во всемъ земскимъ судьямъ съ товарищи „и на битву противъ воровскихъ людей, противъ разбойниковъ идти со всякимъ ратнымъ боемъ, съ луками, и съ пищальми, и съ копьи; а выборнаго судьи.. съ товарищи въ томъ бойственномъ дѣлѣ не подать“, т. е. не покинуть. Такимъ образомъ въ случаѣ появленія разбойниковъ крестьяне берутся за оружіе, и волость обращается въ военный отрядъ подъ командой земскихъ властей и спеціально на этотъ случай избранныхъ сотниковъ и пятидесятниковъ[1]).

Но помощь, оказываемая міромъ выборнымъ земскимъ властямъ, не ограничивается деньгами и людьми; міръ обязывается помогать имъ также и совѣтомъ. Возлагая на выборныхъ обязанность созывать міръ на сходъ и не рѣшать никакихъ важныхъ дѣлъ безъ санкціи схода, избиратели съ своей стороны говорятъ о своей обязанности являться на сходы: „а намъ міру къ судьѣ на всякіе совѣты ходить и совѣтовать о всякомъ мірскомъ дѣлѣ“[2]). Это обязательство міра подробно развито въ выборѣ устюжскихъ посадскихъ земскихъ старостъ на 1632—33 гг. „А намъ, посадскимъ людямъ“, читаемъ мы здѣсь, „для мірского совѣту къ нимъ, судьямъ, приходити“. Выборъ предусматриваетъ неисполненіе этого обязательства со стороны міра и на такой случай снабжаетъ земскую власть особыми полномочіями рѣшать дѣла и безъ мірского совѣта, причемъ міръ лишается уже права оспаривать эти рѣшенія: „а будетъ мы, посадскіе люди, не почнемъ на совѣтъ приходити, и имъ судьямъ всякое мірское дѣло дѣлать и безъ мірскихъ людей: челобитныя и приговоры, и выборы, и обыски, и иныя, какія ни есть, мірскія дѣла. А намъ, посадскимъ людямъ, въ томъ вѣрить“. Судьи получали далѣе въ такихъ случаяхъ полномочіе назначать по требованію правительства къ разнымъ казеннымъ дѣламъ цѣловальниковъ изъ посадскихъ людей, давать на нихъ правительственной власти выборы, составлять приговоры и представлять правительству челобитныя, дѣйствуя отъ имени посадскаго міра—„во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто“[3]).

Несоблюденіе условій, которыми обязывался міръ по отношенію къ своимъ выборнымъ властямъ, влекло за собою тѣ послѣдствія, къ которымъ

---

1) Прилож. V №№ 5, 13.
2) Прилож. V № 17.
3) Прилож. V № 15.

приводитъ нарушеніе частнаго договора: къ судебному иску потерпѣвшей стороны противъ нарушителей договора. Вообще служба земскихъ выборныхъ нерѣдко заканчивалась тяжбами между ними и міромъ. Въ особенности часты были тяжбы, въ которыхъ міръ выступалъ отвѣтчикомъ, а бывшія земскія власти истцами, причемъ искъ ихъ къ міру имѣлъ въ виду убытки, происшедшіе именно отъ несоблюденія условій выбора. Эти тяжбы мы разсмотримъ во II-ой части книги, гдѣ будемъ изслѣдовать дѣятельность міра и земскихъ властей и ихъ взаимныя отношенія на практикѣ; теперь же ради наглядности приведемъ одинъ примѣръ, реально обрисовывающій значеніе условій выбора. Въ 1622 г. въ Енанской волости Устюжскаго уѣзда разрубнымъ цѣловальникомъ былъ крестьянинъ Конаха Ширяевъ. Нѣсколько жителей волости не уплатили ему причитавшихся съ нихъ казенныхъ сборовъ въ количествѣ 42 рублей, причемъ отъ хлопотъ по этому взысканію онъ потерпѣлъ еще 30 руб. съ полтиной убытка. Въ 1624 г. онъ возбудилъ передъ устюжскимъ воеводою искъ объ этихъ невыплатныхъ деньгахъ и о возмѣщеніи этого убытка, но не къ неплательщикамъ, а ко всему міру Енанской волости на томъ основаніи, что въ данномъ ему выборѣ было написано, что міръ обязуется на ослушниковъ въ невыплатныхъ деньгахъ стоять за цѣловальника и его не выдать, а между тѣмъ міръ ему такого содѣйствія при взысканіи податей съ ослушниковъ не оказалъ: „волостные люди на невыплатныхъ крестьянъ стояти не пособляли“. Дѣло доходило до Москвы, откуда было прислано такое рѣшеніе: справиться съ мірскимъ выборомъ, если въ выборѣ дѣйствительно написано, что міру на ослушниковъ вмѣстѣ съ цѣловальникомъ стоять и его „не подать“, т. е. не ввести въ убытокъ, то недополученныя деньги доправить Енанской волости на всѣхъ крестьянахъ, а этимъ послѣднимъ вѣдаться уже самимъ съ неплательщиками и взыскивать съ нихъ деньги „потому: для чего они, давъ ему на себя выборъ, что было имъ его, Конаху, по розрубному списку въ невыплатныхъ деньгахъ отъ ослушниковъ не выдать, и стояти было имъ на тѣхъ ослушниковъ съ нимъ вмѣстѣ“. Размѣры убытковъ предоставлено было истцу доказать судебнымъ порядкомъ передъ воеводою. Дѣло закончилось въ этомъ случаѣ мировою сдѣлкой между истцомъ и Енанской волостью [1]).

Перечисленіе всѣхъ этихъ полномочій и обязанностей выборныхъ властей съ одной стороны и обязательствъ земскаго міра съ другой заканчивается словами: „въ томъ ему, судьѣ, и выборъ дали“ или: „въ томъ мы міромъ судьѣ... на годъ и выборъ дали“; иногда, какъ мы видѣли, тутъ же отмѣчалось, что выборъ на избранное должностное лицо былъ посланъ міромъ къ государю къ Москвѣ или данъ мѣстному воеводѣ: „въ томъ мы міромъ на него, судью... къ государю къ Москвѣ въ казну и выборъ послали“ или: „въ томъ на нихъ, цѣловальниковъ, воеводѣ... и выборъ дали“ [2]). Значительная часть приговоровъ, которыми мы пользовались, были пред-

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 20.

[2]) Прилож. V №№ 2, 3. Пр. Д. 1627 № 27.

ставлены такимъ образомъ въ Москву въ приказъ, въ архивѣ котораго и сохранились. За этими заключительными словами слѣдуетъ имя земскаго или иного дьячка, писавшаго выборъ, иногда съ прибавленіемъ словъ „по мірскому велѣнью“. Эта подпись дьячка служила удостовѣреніемъ подлинности выбора. Документъ заканчивается обыкновенно датой, иногда также съ указаніемъ мѣста, гдѣ онъ былъ написанъ, напр.: „а выборъ писалъ по мірскому велѣнью на стану на Пежмѣ флоровскій церковный и земскій дьячекъ Акинка Григорьевъ. Лѣта 7151, февраля въ 6 д.“. За текстомъ, какъ мы уже знаемъ, идутъ рукоприкладства, иногда только приходскихъ поповъ, подписывавшихъ выборъ „въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто“, иногда и самихъ избирателей, при томъ далеко не всѣхъ тѣхъ, которые записаны въ начальномъ личномъ перечнѣ выбора, а въ иныхъ случаяхъ и тѣхъ, которые въ этотъ перечень не внесены. Такое отношеніе рукоприкладствъ къ перечню даетъ право думать, что проходилъ иногда нѣкоторый промежутокъ времени между избирательнымъ собраніемъ и написаніемъ выборнаго списка.

Составленіемъ этого списка, приложеніемъ къ нему рукъ, врученіемъ его избранному или представленіемъ его правительственной власти выборная процедура не оканчивалась. Избранный долженъ былъ еще цѣловать крестъ, дать присягу. Крестоцѣлованіе совершалось обыкновенно на мѣстѣ избранія. Наказъ приказному человѣку, управлявшему при Годуновѣ Заонежскими погостами, предписываетъ ему по избраніи погостскихъ старостъ и цѣловальниковъ выборные списки отсылать въ Новгородъ, гдѣ тогда вѣдались Заонежскіе погосты въ высшей инстанціи, а избранныхъ старостъ и цѣловальниковъ приводить къ крестному цѣлованью, каждаго въ своемъ погостѣ въ присутствіи всѣхъ волостныхъ людей[1]). Принятіе присяги иногда предшествовало написанію выборнаго списка, иногда совпадало съ нимъ по времени, иногда совершалось позже даты, которою помѣченъ былъ выборъ. Такъ въ выборный списокъ устюжскихъ посадскихъ земскихъ судей на 1632—33 гг., написанный 23 іюля 1632 г., включена фраза: „а ихъ судей выбрали и къ крестному цѣлованью привели, и выборъ дали“, говорящая, слѣдовательно, о присягѣ, какъ о совершившемся фактѣ[2]). Выборъ земскому судьѣ Устьянской Пежемской волости Ѳ. С. Поскотинному, избранному на 1643 годъ, былъ написанъ 6 февраля, а къ присягѣ онъ былъ приведенъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ присяжный протоколъ, еще 19 января этого года[3]). Земскіе судья и цѣловальникъ Ростовской волости, избранные на 1642 г., были приведены къ присягѣ въ тотъ же день, которымъ датированъ ихъ выборный списокъ, 29 января 1642 г. (7150 г.)[4]). Выборный списокъ всему составу земскихъ властей Устьянскаго Введенскаго стана на 1643 г. былъ написанъ 3 января, а къ присягѣ

---

[1]) А. Э. II № 30.
[2]) Прилож. V № 15.
[3]) Прилож. V № 2.
[4]) Прилож. V № 6.

этотъ составъ былъ приведенъ только черезъ мѣсяцъ, въ день вступленія въ должность 2 февраля того же года[1]).—Принятіе присяги происходило въ церковной трапезѣ въ присутствіи „прошлыхъ“ должностныхъ лицъ, срокъ службы которыхъ оканчивался—они то и „приводили“ избраннаго къ присягѣ—и болѣе или менѣе обширнаго числа свидѣтелей, доходившаго иногда до состава схода или, по крайней мѣрѣ, его значительной части. Такъ земскій судья и цѣловальникъ Устьянской Ростовской волости, выбранные на 1642 г., приняли присягу 29 января этого года въ присутствіи кромѣ попа еще 6 свидѣтелей; въ томъ же году 11 января судья и цѣловальникъ Пежемской волости цѣловали крестъ въ церкви св. Флора въ трапезѣ въ присутствіи церковнаго старосты и 10 человѣкъ „добрыхъ людей“, а земскій судья Введенскаго стана, избранный на 1642 г., давалъ присягу 2 февраля при 17 „добрыхъ людяхъ“. Крестьяне Чадромской волости въ 1642 г. послали въ Устюжскую четверть челобитную, въ которой доводили до свѣдѣнія приказа, что они новаго своего только что избраннаго судью Гр. Никитина „въ Чадромской волости на стану къ крестному цѣлованью привели, а у приводу были церковный староста и всѣ крестьяне Чадромской волости[2])“.

При крестоцѣлованіи составлялись два письменные акта. Во-первыхъ, протоколъ, удостовѣряющій самое это событіе, какъ совершившійся фактъ, записка о „приводѣ“ ко кресту. Въ протоколѣ указывалось время и мѣсто привода, должностное лицо, приводившее къ присягѣ, и свидѣтели, при томъ находившіеся[3]). Другимъ актомъ былъ такъ называемый „подкрестный“ списокъ, заключавшій въ себѣ самое содержаніе присяги, т. е. тѣхъ обѣщаній, которыя подкрѣплялись цѣлованіемъ креста, игравшій, слѣдовательно, роль нашего теперешняго присяжнаго листа. Онъ писался отъ имени приносившаго присягу. Въ формулѣ присяги въ краткомъ видѣ повторялись нѣкоторые параграфы выборнаго списка, именно судить вправду, другу не дружить, недругу не мстить и т. д.[4]), къ которымъ въ иныхъ подкрестныхъ спискахъ прибавляются другія краткія обѣщанія, напр.: „а судить вправду, по государеву крестному цѣлованію. А отъ кого какое слово слыша про государя...., и мнѣ о томъ ему, государю, извѣщати и добра хотѣти, и прямити ему, государю, во всемъ“, или, напр., обѣщаніе, присылать дѣла, въ рѣшеніи которыхъ судья почему либо затруднится, которыхъ „вершить зачѣмъ будетъ немочно“, въ Москву въ приказъ, обѣщаніе вынимать продажное и корчемное питье и взыскивать государеву пеню, „по государеву указу, какъ у насъ въ волостяхъ повелося“. За формулой и въ подкрестномъ спискѣ перечислялись свидѣтели, бывшіе у привода. Списокъ не скрѣплялся, какъ это дѣлается теперь съ присяжнымъ листомъ, подписью приносившаго присягу; онъ оканчивался, какъ и всякій другой

---

[1]) Пр. Д. 1641 № 30.

[2]) Пр. Д. 1641 № 30.

[3]) Образцы такихъ протоколовъ см. прилож. V №№ 18, 19.

[4]) Прил. V №№ 20, 21.

земскій актъ, подписью писавшаго его земскаго дьячка. Какъ видно изъ этихъ документовъ, присяга земскими избранниками приносилась не избравшему ихъ міру, а „государю царю“ и совершалась по государеву указу, была, слѣдовательно, клятвеннымъ ручательствомъ за ихъ дѣятельность не передъ міромъ, а передъ государствомъ,—признаки, лишній разъ подчеркивающіе государственный характеръ земскихъ властей XVII вѣка, избиравшихся не только къ земскому, но и къ государеву дѣлу. Какъ удостовѣреніе, требуемое государствомъ, эти документы вмѣстѣ съ выборами отсылались изъ волостей къ правительственной власти.

Въ 1641 г., а можетъ быть, еще и раньше Устьянскія волости, гдѣ, какъ мы знаемъ, не было мѣстнаго органа правительственной администраціи, который могъ бы наблюдать за земскими выборами, получили предписаніе высылать избранныхъ судеекъ для крестоцѣлованія въ Москву. Указъ 20 Іюня 1641 г. (149 г.), отправленный въ волости, жалуется на неосвѣдомленность въ Москвѣ, въ какомъ положеніи находится дѣло земскихъ выборовъ въ Устьянскихъ волостяхъ. Въ приказъ Устюжской четверти въ мартѣ 1641 г. посыльщикъ, присланный отъ Введенскаго стана, подалъ „выборы“ на земскихъ властей этого стана, избранныхъ на 1641 г. Но неизвѣстно было, приведены ли избранныя лица къ присягѣ; неизвѣстно было также, состоялись ли избранія въ другихъ волостяхъ, выборы изъ которыхъ не были доставлены. Поэтому указъ предписывалъ: на будущее время, начиная съ 1642 г., лицъ, выбранныхъ на высшую земскую должность въ волостяхъ, именно въ земскіе судьи, съ ихъ избирательными списками, „выборами“, присылать въ Москву, гдѣ они и будутъ приводиться къ присягѣ. Какъ на основаніе этого распоряженія указъ ссылался на уставную земскую грамоту волостямъ 1622 г., по которой присяга выборными земскими властями должна была приноситься въ Москвѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ указъ возстанавливалъ и другое положеніе грамоты 1622 г., именно, чтобы въ каждой волости выбиралось по двое судеекъ [1]).

Это второе требованіе не было совсѣмъ исполнено, и Устьянскія волости сохранили у себя тотъ составъ земскихъ волостей, который сложился тамъ на практикѣ, и очеркъ котораго нами сдѣланъ въ предыдущей главѣ. Но и требованіе о крестоцѣлованіи въ Москвѣ также стало исполняться не сразу, хотя указъ 20 Іюня 1641 г. былъ, какъ можно судить изъ доклада Устюжской четверти государю въ этомъ родѣ далеко не первымъ. Четверть докладывала царю, что несмотря на то, что и въ прошлыхъ годахъ, и въ текущемъ 1642 посылались въ Устьянскія волости многія грамоты къ земскимъ судьямъ съ предписаніемъ присылать къ Москвѣ выбранныхъ на слѣдующій годъ въ судьи съ ихъ избирательными списками для привода къ присягѣ, однако устьянцы этого приказа не исполняютъ [2]). Это впрочемъ было не совсѣмъ справедливо. Распоряженіе исполнялось, хотя только отчасти. Бывало такъ, что вновь выбран-

---

[1]) Пр. Д. 1641 № 69.

[2]) Пр. Д. 1642 № 157. „Доложити государя-царя“ и т. д.

ный кандидатъ съ выборомъ присылался въ Москву, но къ присягѣ онъ былъ уже приведенъ на мѣстѣ. Земскій судейка Чадромской волости 1641 года Степанъ Реговской писалъ въ Москву отъ 19 января 1642 г., что онъ Чадромской волости новаго судейку выборнаго, которому быть по выбору въ 1642 г., Григорья Никитина да цѣловальника Михаила Онтуфьева выслалъ въ Москву передъ государева дьяка къ крестному цѣлованью. Но одновременно съ этой отпиской судьи волостной Чадромскій міръ отправилъ въ Москву ходатайство, въ которомъ указывалъ, что выбранный на 1642 г. въ земскіе судьи Гр. Никитинъ уже приведенъ къ присягѣ на мѣстѣ, на стану Чадромской волости въ присутствіи церковнаго старосты и всѣхъ крестьянъ, и просилъ сохранить прежній порядокъ, основаніемъ котораго міръ считалъ также жалованную грамоту 1622 г.. „Вели намъ быть", писалъ міръ государю въ ходатайствѣ, „по своей государевѣ жалованной грамотѣ по прежнему"[1]). Въ 1643 г. явились въ Москву судейки Пежемской и Чушевицкой волостей, заявившіе о себѣ, что они приведены уже ко кресту на мѣстѣ въ волостяхъ[2]). Однако въ выборномъ спискѣ Пежемской волости на 1644 г. находится новый параграфъ: „а креста цѣловати ему, судьѣ Игнатію, ѣхати къ Москвѣ къ государю"[3]). Нововведеніе туго налаживалось и съ трудомъ проникало въ жизнь. Уже въ 1647 г. въ докладѣ Устюжской четверти государю, читаемъ, что устьянцы выборныхъ старостъ и судеекъ къ Москвѣ къ крестному цѣлованью по 1644 годъ не присылали, а съ тѣхъ поръ въ 1645, 1646 и въ текущемъ 1647 присылали, но не всѣхъ. Въ апрѣлѣ этого года указъ о высылкѣ судеекъ изъ Устьянскихъ волостей въ Москву къ крестному цѣлованью былъ повторенъ съ угрозой за непослушаніе лишить устьянцевъ самоуправленія въ той степени, въ которой они имъ пользовались, и назначать для управленія волостями „приказныхъ людей"[4]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда указъ о явкѣ устьянскихъ судей въ Москву соблюдался, судейка подавалъ въ приказъ Устюжской четверти о своемъ пріѣздѣ краткое письменное заявленіе въ видѣ челобитной, въ которой писалъ, что въ нынѣшнемъ такомъ то году выбрали его въ такой то волости въ земскіе судейки, и что онъ „приволокся" въ Москву къ крестному цѣлованью, о которомъ и просилъ учинить указъ[5]). При этомъ заявленіи онъ подавалъ данный ему волостью избирательный списокъ. Приказъ дѣлалъ распоряженіе представленный выборъ взять, явившагося кандидата привести къ крестному цѣлованію и написать ему наказную память. Приводъ ко кресту совершался по записи, по содержанію одинаковой съ подкрестными списками, составлявшимися въ волостяхъ, кромѣ, разумѣется, перечисленія свидѣтелей[6]).

---

[1]) Пр. Д. 1641 № 30.

[2]) Пр. Д. 1643 № 37, л. 6.

[3]) Пр. Д. 1643 № 37, лл. 19, 20.

[4]) Пр. Д. 1647 № 30, л. 1—14.

[5]) Пр. Д. 1643 № 37, л. 1.

[6]) Пр. Д. 1643 № 37, л. 3. „Запись, почему приводить ко кресту Устьянскихъ волостей земскихъ судеекъ".

Врученіе наказной памяти земскому выборному было заключительнымъ моментомъ въ избирательной процедурѣ. Наказная память выдавалась правительственною властью, воеводой или приказомъ и содержала въ себѣ полномочія выборному отъ этой власти и предписанія объ исполненіи обязанностей. Такъ земскіе судейки 1626—27 г. Мошеской волости Каргопольскаго уѣзда пишутъ, что они всякія земскія дѣла судили по наказу, каковъ имъ былъ данъ отъ мѣстнаго воеводы Ѳ. Г. Бутурлина за его воеводскою печатью и за приписью подьячаго[1]). Въ 1664 г. сотскій съ пятидесятскимъ и десятскими Царевской волости Тотемскаго уѣзда получаетъ отъ тотемскаго воеводы спеціальный наказъ о порядкѣ исполненія ими всякихъ сыскныхъ дѣлъ, т. е. дѣлъ по предупрежденію и пресѣченію всякаго рода преступленій, какъ то: татьбы, разбоя, игръ въ карты и зернь, разврата, душегубства, поджоговъ, пристанодержательства[2]). Наказныя памяти судейкамъ Устьянскихъ волостей выдавались изъ Устюжской четверти. По содержанію эти наказныя памяти служили въ значительной мѣрѣ повтореніемъ выборнаго списка и крестоприводной записи[3]). Новою сравнительно съ выборными списками и крестоприводною записью является угроза жестокимъ наказаньемъ за неисполненіе обязанностей, которою заканчивается память: а будетъ онъ, судья, учнетъ судить крестьянъ не по государеву указу и не по правдѣ, не станетъ судить татиныхъ дѣлъ и преслѣдовать корчемства, или будетъ брать посулы и поминки, „и ему за то быти отъ государя царя... въ жестокомъ наказаньѣ". По своему значенію эта память служила показателемъ источника правительственныхъ полномочій земскихъ властей. Она была тѣмъ же, чѣмъ былъ всякій наказъ, даваемый должностному лицу отъ высшей власти. Получившій ее земскій выборный облекался правами агента государственной власти, исполняющаго велѣнія государства, а не волю избравшаго его міра; онъ вѣдалъ государственное, а не только мірское дѣло.

Такимъ образомъ выборъ земскихъ властей на сѣверѣ слагался изъ трехъ моментовъ. Первымъ было самое избраніе, состоявшее въ свою очередь изъ „излюба", т. е. собственно подысканія кандидата и затѣмъ составленія выборнаго списка. Изъ этихъ актовъ излюбъ не проходилъ такъ ровно и спокойно, какъ объ этомъ можно было бы судить по сухому и формальному, канцелярски составляемому выборному списку, который заслоняетъ отъ насъ оживленную борьбу, происходившую на избирательныхъ сходахъ и въ которомъ только иногда и притомъ блѣдно отображались слабые отзвуки этой борьбы въ видѣ оговорокъ о неучастіи такихъ то лицъ въ выборахъ. Самые выборы съ рукоприкладствами предписывалось составлять между прочимъ какъ средство пресѣченія споровъ „у лучшихъ людей съ молодшими", т. е. избирательной борьбы между деревенской или посад-

---

[1]) Пр. Д. 1628 № 64.
[2]) Д. А. И. IV № 130.
[3]) Прилож. V № 22.

ской аристократіей и пролетаріатомъ на сходахъ[1]). Мы разскажемъ о проявленіяхъ этой борьбы впослѣдствіи, когда будемъ говорить вообще о соціальномъ антагонизмѣ въ сѣверной волости, подтачивавшемъ земское самоуправленіе и усиливавшемъ приказную власть. Оффиціально составленный и надлежащимъ образомъ скрѣпленный протоколъ избранія служилъ документомъ, полагавшимъ конецъ избирательнымъ препирательствамъ. Но въ выборномъ земскомъ спискѣ было еще много частно-правовыхъ остатковъ. Служа для правительства удостовѣреніемъ состоявшагося избранія и ручательствомъ за качества избраннаго съ одной стороны, онъ въ то же время, излагая взаимныя обязательства избраннаго и избирателей, имѣлъ характеръ сдѣлки между ними, довольно сильно отдававшей договоромъ найма, неисполненіе условій котораго влекло за собою искъ въ гражданскомъ порядкѣ. Два слѣдующіе момента: крестоцѣлованіе и врученіе наказа сообщали избранному публично-правовой характеръ должностного лица, дѣйствующаго по уполномочію государства и согласно данной имъ носителю верховной власти присягѣ. Оставляя у себя въ архивѣ экземпляръ мірского выбора и выдавая вмѣсто него свою „наказную память“, правительство наглядно замѣняло мірское полномочіе частнаго контракта своимъ государственнымъ полномочіемъ, неисполненіе котораго вело къ публично-правовому взысканію. Такимъ образомъ въ выдачѣ наказовъ земскимъ выборнымъ проводилось то же начало, изъ котораго исходила вообще земская реформа середины XVI вѣка, передававшая государственное дѣло изъ рукъ правительственныхъ агентовъ земскимъ мірамъ и ихъ избранникамъ. Реформа Грознаго не создавала, не вызывала къ жизни земскихъ міровъ и ихъ органовъ; они существовали и до нея. Но до нея они знали лишь свои земскія нужды; она поручала имъ—государственное дѣло, лежавшее ранѣе на правительственныхъ агентахъ. Выборныя земскія власти пріобрѣли при этомъ двойственный характеръ. Оставаясь земскими по своему происхожденію путемъ выборовъ, онѣ становились государственными по источнику своихъ полномочій, даваемыхъ имъ государственною властью, и по тѣмъ цѣлямъ, во имя которыхъ онѣ должны были дѣйствовать.

---

[1]) А. Э. II № 30.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Погосты, станы и волости Поморскаго края въ XVII в.

I. Заонежскіе погосты.

По В. берегу Ладожскаго озера, по Онежскому озеру, по рѣкамъ: Выгу, Сумѣ и Нюхчѣ, впадающимъ въ Онежскую губу.

Арх. мин. юст. писц. кн. 980. Переписная 154—155 гг.

1. Погостъ Рождественскій на Олонцѣ. По рр. Олонцу съ Мегрегой и Инемой, Тулоксѣ и Видлицѣ, впадающимъ въ Ладожское озеро. *Неволинъ,* О пятинахъ и погостахъ, Зап. И. Р. Геогр. Общ. VIII, стр. 163.

а) Черныя земли. Селъ и селищъ 1; деревень 152; дв. крест. 462, людей въ нихъ 669; дв. бобыльскихъ 122, людей въ нихъ 128; дв. вдовьихъ 39, люд. въ нихъ тоже. Всего дв. 623, всего людей 797[1]).

в) Погостъ Ильинскій на Олонцѣ, вотчина митрополита Новгородскаго. Селъ и селищъ 2; деревень 176, починковъ 2; дв. крест. 632, люд. 928; дв. боб. 231, люд. 242; дв. вдов. 62. На погостахъ 2 дв., люд. 4. Всего дворовъ 927 (въ книгѣ 923), люд. 1174 (въ книгѣ 1170).

Изъ Ильинскаго погоста выставки: На р. Туксѣ 23 деревни; на р. Тулоксѣ 13 дер; на р. Видлицѣ 33 дер; сельцо Горы на р. Видлицѣ—5 дер; на Туломѣ оз. 1 дер; на Видлоозерѣ; на Олонцѣ; на Коткоозерѣ; Ильинская.

Всего дворовъ 1550.

2. Погостъ Никольскій на Шуѣ. При впаденіи р. Шуи въ Онежское оз. *Неволинъ,* ibid. 168.

Черныя земли. Деревень 71; дв. крест. 222, люд. 345; дв. боб. 46, люд. 50; дв. вдовьихъ 27. Всего дв. 295., люд. 395.

Обѣльныхъ крестьянъ 1 дер., 4 дв.

---

[1]) Въ итогахъ людей переписная книга 980 не считаетъ населеніе вдовьихъ дворовъ.

Помѣстья за дѣтьми боярскими. Дерев. 7; дв. крест. 21, люд. 31; дв. боб. 4, люд. 5; дв. вдов. 1. Всего дв. 26, люд. 37.
Церковныя земли. Дер. 36; дв. кр. 136, люд. 220; дв. боб. 28, люд. 31; дв. вдов. 10. Всего дв. 174, люд. 261.
Выставки: въ Ялгубѣ, волостка Видьна, на Муноозерѣ, Кондопога.

3. Погостъ Спасскій въ Кижахъ на Онегѣ оз., на острову. На островѣ въ Великой губѣ, въ сѣверной части Онежскаго оз. *Неволинъ*, 169—170.

Деревни дворцовыя. Выставки: на Сѣнной губѣ; на Великой губѣ; на Космѣ озерѣ; въ Великогубскомъ концѣ; въ Типиницахъ; на Сандалѣ; церк. Николы Чудотворца. Дерев. 130; дв. кр. 541, люд. 834; дв. боб. 96, люд. 102; дв. вдов. 50. Всего дв. 687, люд. 936.
Обѣльныхъ крестьянъ 3 дер. Монастырскихъ Клименскаго мон. 3 дер., 3 дв. монастырскихъ, въ нихъ 13 чел. дѣтенышей.
Всего дворовъ (тяглыхъ) 687.

4. Погостъ Никольскій въ Шунгѣ. На сѣверо-западномъ берегу Онежскаго озера. *Неволинъ*, 170.

Выставка церковь Успенія Богородицы.
Черныя земли. Дерев. 98; дв. кр. 297, люд. 468; дв. боб. 95, люд. 98; на погостахъ дв. боб. 4; дв. вдов. 21. Всего дв. 417, людей 570?
Помѣстныя земли. Дерев. 10; дв. кр. 14, люд. 21; дв. боб. 5, люд. 5; дв. вдов. 1. Всего дв. 20.
Монастырскія земли. Палеостровскаго монастыря: дерев. 3; дв. боб. 4, люд. 4. Всего дв. 4.
Всего дв. 441.

5. Погостъ Выгозерскій. По берегамъ оз. Выгозера, по р. Выгу, по р. Сумѣ и по Сумозеру. Изъ деревень, существующихъ теперь, указаны въ переп. книгѣ: д. Воиринжи, д. Вожмо-Салмская. *Неволинъ*, 170.

Земли черныя. Дерев. 18; дв. кр. 29, люд. 42; дв. боб. 7, люд. 9; дв. вдов. 1. Всего дворовъ 37 (въ книгѣ 36), люд. 52 (въ книгѣ 50).
По писцовой книгѣ 1582—83 г. черныя деревни находятся на р. Выгѣ въ верховьяхъ его, на Маткоозерѣ, на р. Вожмѣ, на Корасьозерѣ; на Сумозерѣ, на р. Нюхчѣ, на Унежмѣ. Низовья же рѣкъ Выга, Сумы, Вирмы и Колежмы—владѣнія Соловецкаго монастыря. Селенія: Сороцкая, Выгостровъ, Сухонаволоцкая, Вирма, Сумскій острогъ, Колежма принадлежатъ Соловецкому монастырю. *Неволинъ*, op. cit. прил. стр. 167—169. Тѣ же владѣнія за нимъ остаются здѣсь и въ XVII в.
Всего дв. (черныхъ) 37.

6. Погостъ Егорьевскій въ Толвуевѣ. На С. З. берегу оз. Онежскаго. Деревни, упоминаемыя въ писц. кн.: Кузаранда, Конжа. *Неволинъ*, 170, Выставка на Кузарандѣ.

Черныя земли. Дерев. 34; дв. кр. 131, люд. 247; дв. боб. 33, люд. 38; дв. вдов. 3. Всего дв. 167, люд. 285.

Монастырскія земли. Вяжицкаго монастыря: дерев. 140; дв. кр. 397, люд. 609; дв. боб. 83, люд. 92; дв. вдов. 11. Всего дв. 491, люд. 701.

Всего дв. 658.

7. Погостъ Петровскій Челможскій. На С. В. берегу оз. Онега. *Неволинъ*, 171.

Вотчина Спаса Хутыня монастыря. Дерев. 13; дв. кр. 40; люд. 65; дв. боб. 10, люд. 11; дв. вдов. 1. Всего дв. 51, люд. 76.

Вотчина Исаака Ермолаева. Дерев. 5; дв. кр. 13, люд. 19.

Всего дв. 64.

8. Погостъ Рождественскій Водлозерскій. По берегамъ оз. Водлоозера къ В. отъ оз. Онега. *Неволинъ*, 172.

Черныя земли. Дерев. 20; дв. кр. 31, люд. 48; дв. боб. 6, люд. 6. Всего дв. 37, люд. 54.

Монастырскія земли. Дерев. 1; дв. кр. 1.

Всего дв. 38.

9. Погостъ Никольскій Пудожскій. По прав. берегу р. Водлы, впадающей въ Онежское озеро. *Неволинъ*, 172.

Выставки: на р. Сумѣ, на Комбоозерѣ, на Кодлоозерѣ, на Нигижмѣ.

Черныя земли. Дерев. 110; дв. кр. 327, люд. 528; дв. боб. 45, люд. 49; дв. вдов. 17. Всего дв. 389, люд. 577.

Вотчина Юрьева монастыря. Дерев. 13; дв. кр. 66, люд. 125; дв. боб. 6, люд. 6. Всего дв. 72, люд. 131.

Всего дв. 461.

10. Погостъ Спасскій на р. Шалѣ. При впаденіи рѣки Шалицы въ Водлу. *Неволинъ*, 171.

Выставка на оз. Купецкомъ.

Черныя земли. Дерев. 22, дв. кр. 74, люд. 115; дв. боб. 13, люд. 16; дв. вдов. 4. На погостахъ дв. кр. 2, дв. боб. 6. Всего дв. 91, л. 131.

Монастырскія земли. Вотчина Муромскаго мон.: дер. 2; дв. кр. 9, люд. 15. Вотчина Палеостровскаго мон.: дер.. 3; дв. кр. 6, люд. 14; дв. боб. 1, люд. 1. Юрьева мон.: дер. 34; дв. кр. 158, люд. 257; дв. боб. 15, люд. 18; дв. вдов. 6. Да тогожъ монастыря крестьянскихъ на государевѣ землѣ 4 дв., кр. 8 челов.

Всего дв. 298.

11. Погостъ Никольскій Андомскій. На р. Андомѣ, впадающей въ оз. Онего съ В. *Неволинъ*, 172.

Черныя земли. Дерев. 129; дв. кр. 389, люд. 809; дв. боб. 81, люд. 136; дв. вдов. 1. Всего дв. 471, люд. 945.

Помѣстныя земли. Дерев. 6; дв. кр. 11, люд. 27; дв. боб. 1, люд. 1. Всего дв. 12, люд. 28.

Монастырскія земли. Вотчина Хутыня монастыря: дерев. 22; дв. кр. 87, люд. 267; дв. боб. 15, люд. 20. На погостѣ дв. боб. 2. Всего дв. 104, люд. 287. Муромскаго монастыря: дерев. 6; дв. кр. 18, люд. 45; дв. боб. 3, люд. 3. Всего дв. 21, люд. 48.

Всего дв. 608.

12. Погостъ Покровскій Вытегрскій. На р. Вытегрѣ, впадающей въ оз. Онего съ Ю. В. *Неволинъ,* 171.

Черныя земли. Дерев. 75; дв. кр. 267, люд. 780; дв. боб. 22, люд. 34. Всего дв. 289, люд. 814.

Монастырскія земли. Спаса Хутыня мон.: дерев. 6; дв. кр. 18, люд. 54; дв. боб. 5; люд. 13. Всего дв. 23, люд. 67.

Всего дв. 312.

13. Погостъ Рождественскій на Мегрѣ. На р. Мегрѣ, впадающей въ оз. Онего съ Ю. *Неволинъ,* 171.

Черныя земли. Дерев. 164; дв. кр. 299, люд. 463; дв. боб. 27, люд. 30. Всего дв. 326, люд. 493. 6 волостокъ и выставокъ.

Всего дв. 326.

14. Погостъ Никольскій на Оштѣ. На р. Оштѣ, впадающей въ оз. Онего съ Ю. *Неволинъ,* 170.

Выставки: на Шимозерѣ, Водлица, Щелейцы.

Черныя земли. Дерев. 78; дв. кр. 284, люд. 517; дв. боб. 72, люд. 84; дв. вд. 1. Всего дв. 357, люд. 601.

Монастырскія земли. Вотчина Антоніева мон.: дерев. 6; дв. кр. 12, люд. 36; дв. боб. 3, люд. 4. Всего дв. 15, люд. 40. Вотчина Спаса Хутыня мон. на р. Рыбьей: дерев. 20; дв. кр. 39, люд. 68; дв. боб. 21, люд. 27; дв. вд. 1. Всего дв. 61, люд. 95.

Всего дв. 433.

15. Погостъ Винницкій на Ояти. На р. Ояти, впадающей въ Ладожское оз. *Неволинъ,* 169.

Деревни, упоминаемыя писц. книгой: Гончиничи, Ярославская. Волости: Качинозеро, Озеро, Гончиничи.

Черныя земли. Дерев.? дв. кр. 45, люд. 98; дв. боб. 28, люд. 38. Всего дв. 73, люд. 136.

Монастырскія земли. Вотчина Колмова мон.: дерев. 6; дв. кр. 5, люд. 12; дв. боб. 1, людей 1. Всего дв. 6, люд. 13.

Всего дв. 79.

16. Погостъ Рождественскій въ Остречинѣ. По р. Ивинѣ, впадающей въ Свирь. *Неволинъ,* 167.

Волостки: на Ивинѣ, выставка Шокша, выставка Ладва, волостка Тарженоля—2 деревни, волостка Юмсовичи.

Черныя земли. Дерев. 73; дв. кр. 116, люд. 175; дв. боб. 14, люд. 15; дв. вд. 3. Всего дв. 133, люд. 190.

Монастырскія земли. Вотчина Росткина мон.: дерев. 65; дв. кр. 129, люд. 182; дв. боб. 11, люд. 11; дв. вдов. 8. Всего дв. 148, люд. 193. Вотчина Александровы пустыни въ Гакѣ ручьѣ на р. Свири: дерев. 1; дв. кр. 6, люд. 12; дв. боб. 2, люд. 2; дв. вд. 2. Всего дв. 10, люд. 16.

Всего дв. 291.

17. Погостъ Важенскій. По р. Важенѣ, впадающей въ Свирь. *Неволинъ*, 168.

10 волостокъ и выставокъ.

Черныя земли. Дерев. 148; дв. кр. 276, люд. 348; дв. боб. 36, люд. 36; дв. вдов. 28. Всего дв. 340, люд. 384.

Помѣстныя земли за митрополичьими дѣтьми боярскими: дв. кр. 26, люд. 40; дв. боб. 7, люд. 7; дв. вд. 1. Всего дв. 34.

Монастырскія земли. Вотчина Александрова Свирскаго мон.: дерев. 27; дв. кр. 65, люд. 115; дв. боб. 9, люд. 11; дв. вд. 1. Всего дв. 75, люд. 126. Вотчина Спаса Хутыня мон.: дерев. 28; дв. кр. 49, люд. 76; дв. боб. 8, люд. 8. Всего дв. 57, люд. 84.

Всего дв. 506.

Лопскіе погосты—къ С. З. отъ Заонежскихъ погостовъ въ области теперешняго Повѣнецкаго уѣзда.

1. Погостъ Линдозерскій. „А оной погостъ поселенъ па берегу оз. Линдозера, на лѣвой сторонѣ, а оное озеро длиною 2 версты, шириною 1/2 версты, да сквозь онаго озера подлѣ самаго погоста прошла рѣка Суна, которая идетъ въ Онежское озеро лѣсомъ, отъ погосту рѣкою 80 верстъ“. См. Пр. Д. новыхъ лѣтъ, 1718 № 90, л. 16 об. „Опись Олонецкаго уѣзду и Архангелогородской губерніи погостомъ и деревнямъ жилымъ, коликое число обрѣтается дворовъ во оныхъ погостахъ и въ деревняхъ, и въ которыхъ мѣстахъ, также колико есть озеръ и болотъ, и горъ каменныхъ, и то писано въ нижеписанной описи“. Опись составлена и подписана генералъ-майоромъ Матюшкинымъ, повидимому, по поводу шедшихъ тогда мирныхъ переговоровъ съ Швеціей. При описи есть карта.

2. Погостъ Селецкій. Ibid. л. 18 об. „на правой сторонѣ на берегу оз. Селецкаго, а оное озеро длиною 10 верстъ, въ ширину 3 версты“.

3. Погостъ Семчезерскій.—Ibid. л. 34 об. на оз. Семчезерскомъ, на правой сторонѣ.

4. Погостъ Паданскій. —Ibid. л. 35. „на устьѣ Лужмы рѣки, которая вышла изъ Селецкаго озера на 20 верстахъ и впала въ Падонское Сего-озеро. А оной погостъ по обѣ стороны Сего—озера“; л. 35 об. „Сего-озеро, которое называется Падонское“.

5. Погостъ Ругозерскій.—Ibid. л. 37 об. „на берегу на правой сторонѣ Ругоозера“.

6. Погостъ Шуезерскій.—Ibid. л. 60. „на правой сторонѣ на берегу Шуеозера“.

7. Погостъ Панозерскій.—Ibid. л. 66 об. „по обѣ стороны Панасъ-озера, черезъ которое въ длину прошла рѣка Кемь“.

8. Погостъ Гимала?

II. Кольскій уѣздъ.

Кольскій полуостровъ. Берега Кандалашской губы.

Арх. мин. юст. писц. кн. 208. (7116—119 г., писцовая).

1. Погостъ Муномышъ. 15 вежъ лопарей. Расположенъ возлѣ самаго города Колы. Угодья лопарей этого погоста на западномъ берегу Кольской губы.

2. Волость Пояргуба. 5 дв. крест. и боб.

3. „Погосты лопскіе, а въ нихъ живутъ Терскіе крещеные лопари, а непашенные, въ вежахъ“.

1. Погостъ Воронецъ. 6 вежъ, 17 чел.

2. Погостъ Норенскій на Лово-озерѣ. 16 вежъ, 43 чел.

3. Погостъ Понойскій по р. Поною.

„Церковь св. ап. Петра и Павла, дворы причта; 1 дв. боб., 39 вежъ, 91 чел. . Да того жъ Понойскаго погоста жильцы и Двиняне, и Колмогорцы, и Заонежане и Сумляне, и изъ иныхъ поморскихъ волостей ходятъ въ веснѣ на море и звѣрь всякой бьютъ, и изъ нихъ вынимаютъ сало и продаютъ Коляномъ и Двиняномъ. А Коляне и Двиняне продаютъ въ Колѣ и на Двинѣ нѣмцамъ на корабли, а иные отвозятъ на Русь бочку по 2 руб., а въ бочкѣ сала по 7 пуд... впредь имъ съ того своего промысла, кто что добудетъ, давати въ государеву казну десятое. А имати у нихъ то десятое Кольскаго острогу вѣрнымъ цѣловальникамъ, котораго пошлютъ изъ Колы для того государевы приказные люди... А приказнымъ людямъ то десятое велѣти продавати нѣмцамъ на корабли въ большую цѣну, а деньги отсылати къ государю къ Москвѣ“.

4. Погостъ Ловоозеро. 10 вежъ, 16 чел. на озерѣ того же имени.

5. „Погостишко“ Кондала. 3 вежи, 9 чел.

Всего въ Терской Лопи 5 погостовъ.

4. „Погосты лопскіе по Верхней землѣ, а въ нихъ живутъ государевы крещеные лопари тяглые, а непашенные, въ вежахъ“.

1. Погостъ Маселга на Пересъ-озерѣ. 7 вежъ, 13 чел. „А угодья у нихъ: ловятъ на Умбо-озерѣ да въ Колозерѣ, да въ Романъ-озерѣ бѣлую рыбу, да на лѣсу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ, тѣмъ ся и кормятъ“.

2. „Погостецъ“ Юкострова. 6 вежъ, 10 чел.

3. Погостъ Бабиничи. 7 вежъ, 16 чел.

См. Пр. Д. новыхъ лѣтъ 1718 № 90. Опись Олонецкаго уѣзду и Архангело-городской губ. etc. л. 80. „Вверхъ рѣкою Нивою: озеро Пинесъ, озеро Имандра. И на ономъ озерѣ Лопской Бабинской погостъ... на лѣвой сторонѣ озера, а отъ озера 5 верстъ.

И отъ онаго погосту 30 верстъ на ономъ Имандрѣ озерѣ и на той же сторонѣ Лопской же Юкостровскій погостъ на берегу озера."

„И отъ Имандры озера впередъ по тракту онаго жъ рѣкою озеро Пялясмъ, и на ономъ озерѣ живутъ лопари Масельскаго погосту".

„Озеро Кола, длиною..., шириною $1^1/_2$ версты, и на ономъ озерѣ живутъ лопари Масельскаго погосту лѣтомъ, а къ зимѣ съѣзжаютъ въ погостъ, который отъ Колы-озера въ правую сторону 5 верстъ. И во ономъ погостѣ, и кругомъ вышеписанныхъ озеръ, и рѣкою Нивою великія горы. И изъ онаго Колы-озера вышла рѣка Кола, которая идетъ къ Кольскому острогу. А оные вышеписанные лопскіе погосты крещеныхъ Лопарей".

4. Погостъ Нотоозеро. 10 вежъ, 34 чел.

5. Погостъ Сонъяла. 6 вежъ, 27 чел.

6. Погостъ Пазрѣка, 3 вежи, 8 чел.

7. Волостка Нявдема. 3 вежи, 13 чел.

5. Волость Кандалакша, погостишко Княжая губа—по берегу Кандалашской губы. На погостѣ м. церковное, а церковь сожгли свейскіе Нѣмцы, какъ воевали волость Кандалакшу въ 98 г. Да на погостѣ жъ дворы черные непашенные надъ ручьемъ 7 дв., 15 чел.

6. Волость Ковда на р. Ковдѣ, впадающей въ Кандалашскую губу. Тяглыхъ крестьянъ 21 дворъ, 1 дв. Печенгскаго монастыря, люд. 27 человѣкъ. „Оброку съ дворовъ 5 р. 8 алт. 2 д. Угодья оброчныя Ковдскихъ жильцовъ: р. Ковда, а ловятъ въ ней красную рыбу семгу заборомъ *всею волостью*. Да они жъ ловятъ рыбу въ той же рѣкѣ сѣтми отъ Ковдоозера внизъ по рѣкѣ и до моря... Тонишко на морскомъ берегу отъ Кожемякина наволока, а ловятъ на ней рыбу *всею жъ волостью*... Тони на морскомъ же берегу Ковдскихъ же жильцовъ, а промышляютъ на нихъ *всею волостью*, перемѣняяся по годамъ".

7. Волость Кереть на р. Керети, впадающей въ Кандалашскую губу. Церковь съ трапезою Никол. Чудотв., „(вд.) черн. попъ, (вд.) дьячекъ, (вд.) пономарь, (кел.) нищихъ;" 32 дв. крестьянъ непашенныхъ, 1 дв. боб.—66 чел. „Тое жъ Керецкіе волости въ погостишкѣ въ Чюпѣ мѣстъ дворовыхъ пустыхъ 4. Въ погостишкѣ жъ въ Черной рѣкѣ дворы крестьянскіе тяглые, оброчные, а непашенные 4 дв., 2 дв. боб". Всего дв. 36 тягл. крест., 72 чел.; 3 дв. боб., 4 чел.; 22 мѣста дв. пуст.

„Да по тѣмъ же по крестьянскимъ дворомъ въ Керетской же волости живутъ казачье, а промышляютъ по варницамъ, соль варятъ и дрова сѣкутъ и на пожняхъ сѣно косятъ, наймуючися у тѣхъ же у керетскихъ крестьянъ—7 человѣкъ. А давали они прежъ сего въ

волость тягла 19 алт. 2 д. на годъ. А впредь имъ того тягла въ волость не платити, а платити имъ въ государеву казну казачья по гривнѣ съ человѣка на годъ, итого 23 алт. 2 д. на годъ. А верстатись имъ межъ себя самимъ по своимъ животомъ и по промысломъ. А прежъ сего того съ нихъ казачья тягла въ государеву казну не было, положено на нихъ вново"..... „Въ Керетской волости на Пулонгскомъ оз. тутошніе керетскіе жильцы и чюпляне, и черноръчане прихожіе люди промышляютъ въ каменныхъ горахъ, бьютъ слюду и у прихожихъ людей емлютъ они оброкъ въ волость. И въ томъ промыслѣ, и въ оброкѣ керетскимъ крестьяномъ 3/4, а 1/4 соловецкаго монастыря старцевъ"... „Впредь крестьяномъ платить съ своихъ 3/4 волости десятое съ лучшіе съ головные слюды лучшей большей десятой листъ, а съ середніе слюды лучшей 10-й листъ, а отъ мелкіе слюды лучшей 10-й листъ. А имать у нихъ съ того ихъ промыслу то десятое Керетскіе волости таможеннымъ цѣловальникомъ, которыхъ выбираютъ всею волостью погодно".

8. Деревня Новоприбылая на Елет-озерѣ, стала послѣ предыдущаго письма. 5 дв., 14 чел.

9. Деревня Новоприбылая же Окорсальма на Керетъ-озерѣ. 3 дв., 9 чел.

10. „Погостишка Лѣшіе Лопи, а въ нихъ живутъ государя царя крещеные и не крещеные Лопари тяглые, а не пашенные, въ вежахъ".

1. Погостъ Пяозеро, а Пяилакша тожъ, „стоитъ надъ Пяозеромъ".
2. Погостъ Рува.
Въ обоихъ 11 вежъ, 27 чел.

III. Каргопольскій уѣздъ.

По оз. Лаче съ притоками, по р. Онегѣ и ея притокамъ, по р. Емцѣ, лѣвому притоку С. Двины съ Мехренгой и по берегу Онежской губы.

Арх. мин. юст. писц. кн. 168. (7156 г., переписная).

А. Каргопольскій уѣздъ собственно.

1. Волость Павловская, возлѣ г. Каргополя. Тяглыхъ черныхъ [1]) деревень 43.; дв. крест. 190; люд. 571; дв. боб. 2, люд. 2. На погостахъ дв. кр. 4, люд. 6.

2. Волость Волковская.
Дерев. 30; дв. кр. 77, люд. 276.

---

[1]) И въ остальныхъ волостяхъ Поморскаго края, гдѣ нѣтъ особой оговорки, подъ терминомъ „дерев." разумѣются деревни черныя.

3. Волость Красная Ляга.

Дерев. 6; дв. кр. 95, люд. 335; дв. боб. 2, люд. 4. На погостѣ: дв. кр. 4, люд. 14; дв. боб. 4, люд. 11; 1 келья.

4. Волость Печатниковская; выдѣлилась изъ предыдущей, судя по словамъ переписной книги: „Въ той же волости (Красной Лягѣ) на Печатниковѣ погостъ, что сталъ на тяглой землѣ деревни Олеховской"..... Всего въ Печатниковской волости погостъ, а на погостѣ церковь, 4 дв. причта, 4 кельи бобыльскія—10 челов. Тяглыхъ 7 дерев., 90 дв., люд. 284; 4 дв. боб.—9 чел.

5. Волость Ловзонга.

Погостъ ц. Ник. Чудотв.; 3 дв. церк. причта, 6 чел.; 5 дв. боб., 11 чел.; 3 кельи нищихъ.

Дерев. 29; дв. кр. 164, 532 чел.; дв. боб. 2, 5 чел.

6. Волость Лекшморѣцкая на р. Лекшмѣ, впадающей въ оз. Лаче.

На погостѣ ц. Ильи Пророка; 2 дв. причта, 4 чел.; 2 кельи боб., 11 чел.; 2 кельи нищихъ, 2 чел. Дерев. 21; дв. кр. 78, люд. 265; дв. боб. 1, люд. 2.

7. Волость Тихменга по р. Тихменгѣ, притоку Ягремы, впадающей въ оз. Лаче.

На пог. ц. Ник. Чуд.; (м. дв.) попа, (вк.) проск., 4 кельи боб.—10 чел.; 2 кельи нищихъ.

Дерев. 42; дв. кр. 158, люд. 506; дв. боб. 6, люд. 17.

8. Волость Ягрема по р. Ягремѣ, впадающей въ оз. Лаче.

На пог. ц. Рожд. Б-цы; (дв.) пoном., (кел.) проск.

Дерев. 10; дв. кр. 29, люд. 93.

9. Волость Ледина, теперь Лединская на р. Лекшмѣ.

На пог. ц. Покр. П. Б-цы., ц. страст. Георгія; (дв.) попа, (вк.) пономарь, (кел.) боб. 1 чел., (кел.) нищихъ—2 старицы.

Дерев. 7; дв. кр. 62, люд. 184; дв. боб. 2, люд. 7.

10. Волость Лекшмозерская и Долгозерская по оз. Лекшмозеру, откуда беретъ начало р. Лекшма.

На пог. ц. Петра и Павла; 3 дв. церк. причта, люд. 11.

Дерев. 19, выставка 1; дв. кр. 93, люд. 319.

11. Волость на Верхней Чюрьюгѣ по верховьямъ р. Чурьюги, лѣваго притока Онеги.

На пог. ц. Преобр.; ц. Срѣтенія; 2 дв. церк. причта, 4 чел.; 5 кел. нищихъ.

Дерев. 15; дв. кр. 117, люд. 374; дв. боб. 2, люд. 4.

12. Волость Полуборье.

На пог. ц. страст. Георгія; 3 дв. церк. причта, 8 чел.; 5 дв. боб. 11 чел.

Дерев. 12; дв. кр. 130, люд. 401; дв. боб. 5, люд. 13.

13. Волость Надпорожская.

1.) Село Надпорожье на р. Онегѣ. Ц. Николая Чуд., ц. мучен. Парасковеи; 3 дв. церк. причта, 8 чел. Въ селѣ 3 дв. боб., люд. 11; 2 кельи нищихъ; дв. кр. 12, люд. 41. Тогожъ села Надпорожья 24 деревни; дв. кр. 95, люд. 305.

2.) „Тогожъ села Надпорожья на другой сторонѣ Онеги рѣки Монастырекъ на веретеи(?), а въ немъ ц. Благов., да на монастырькѣ жъ келья поповская пуста, (вк.) пономарь“. И всего въ Надпорожской волости, что за рѣкою, Монастырекъ, а въ немъ... 16 деревень, 51 дв. кр., люд. 142.

3.) Того жъ села Надпорожья въ Олховцѣ погостъ на р. Онегѣ. А поставленъ погостъ на землѣ деревни Ондроновскіе, ц. Покровъ; ц. Преображенье строятъ; 3 дв. ц. причта, люд. 4.; 3 дв. боб., люд. 10. Всего въ Олховской волости дерев. 26; дв. кр. 64, люд. 201.

14. Волость Усть-Воложская по р. Волошкѣ, впадающей въ оз. Лаче?

На пог. ц. Ильи Пророка; 3 кел. причта—5 чел.; 1 кел. боб.—3 чел.; 4 кел. нищихъ—4 старца; 1 деревня церковная, 1 дв. поповъ, 4 чел.

Дерев. 30; дв. кр. 109, люд. 357.

15. Волость Волосовская.

На пог. ц. Ник. Чуд.; 2 кел. причта—3 чел.; 4 кел. нищихъ.

½ дерев. церковн.; 1 дв. поповъ,—3 чел.

Дерев. 48½; дв. кр. 141, люд. 402; 1 дв. боб., люд. 1.

16. Волость Верхній Боръ, Архангельскій приходъ на р. Онегѣ.

На пог. ц. Мих. Архангела; 4 дв. церков. причта—16 чел.; 7 дв. боб.—18 чел.; 3 кел. нищихъ, 1 дв. монастырскій Ошевнева монастыря.

1 дерев. церковн.; 1 дв. поповъ—2 чел.

Дерев. 35, выставка 1; дв. кр. 145, люд. 424; дв. боб. 1, люд. 3,

17. Волость Нижній Боръ, Троицкій приходъ на р. Онегѣ, ниже предыдущей.

На пог. ц. Жив. Троицы, ц. Усп. Б-цы; ц. Трехъ Святит.; 3 дв. церк. причта—9 чел.; 10 дв. 1 кел. боб.—14 чел.; 7 келій нищихъ.

1 дер. церк.; 1 дв. поповъ, 1 дв. церк. дьячка—14 чел.

Дерев. 67; дв. кр. 304, люд. 970; дв. боб. 10, люд. 20.

2 деревни тяглыхъ Кенскаго монастыря; 2 дв. монаст., людей въ нихъ: 1 старецъ да захребетниковъ и ихъ дѣтей 7 чел.

18. Волость Нижній Боръ на Плесѣ.

На пог. ц. Вознесеніе, ц. Страст. Дмитрія; 5 дв. 1 кел. церк. причта—17 чел.; 2 дв. боб., 1 кел. боб.—3 чел.; 7 кел. нищихъ.
Дерев. 28; дв. кр. 158, люд. 476; дв. боб. 1, люд. 1.
19. Волость Кенорѣцкая на р. Кенѣ, лѣв. притокѣ Онеги.
На пог. ц. св. Пятницы; 1 кел. проскурн.; 4 кел. нищихъ.
Въ дер. Ивановской на церковн. землѣ 1 дв. поповъ—8 чел.
Дерев. 12¼; дв. кр. 77, людей 272.
2 дв. монастырскихъ Пахоміевы пустыни, люд. въ нихъ 3 старца.

20. Волость Кенозерская по оз. Кенозеру, изъ котораго беретъ начало р. Кена.

На пог. ц. Успеніе, ц. Петра и Павла; 4 дв. церк. причта,—6 чел.; 5 дв. боб., 2 кельи боб.—15 чел.; 2 кел. нищихъ.
Дерев. 54, выстав. 1; дв. кр. 252, люд. 890; дв. боб. 1, люд. 3.

21. Волость Почеозеро по оз. Почеозеро, къ С. отъ Кенозера.

На пог. ц. Происхожд. Креста Г-ня; 1 дв. вдов. попа, 1 дв. дьячка; 1 кел. проск.—3 чел.; 2 кел. нищихъ.
Въ дер. Филипповской на церк. землѣ 1 дв. поп.—5 чел.
Дерев. 14; дв. кр. 60, люд. 193.

22. „Въ Каргопольскомъ же уѣздѣ половина волости на Водлозерѣ, а другая половина тое волости къ Новогороду“.

На пог. на Сепострову ц. Ильи Прор.; 3 дв. церк. причт.—4 чел.; 1 кел. нищихъ.
Дерев. 19; дв. кр. 58, люд. 194; дв. боб. 2, люд. 2.
Въ дер. Есиповской 1 дв. монаст. Юрьева монастыря, въ немъ 1 старецъ да работный наемный человѣкъ.
3 деревни Юрьева монастыря; 3 дв. монастырскихъ; 10 дв. крест., люд. 28.

23. Волость Олга—теперь селеніе Ольгская на В. берегу оз. Лаче.

На пог. ц. Рожд. Б-цы; 3 дв. церк. причта—6 чел.; 1 дв. боб.—3 чел.; 2 кел. нищихъ.
Въ церк. дер. 1 дв. поповъ, 4 чел.
Дерев. 17; дв. кр. 91, люд. 298; дв. боб. 1, люд. 2.

24. Волость Нокола.

На пог. ц. Рожд. Б-цы, ц. Ник. Чуд.; 1 кел. проск., 2 кел. боб.—5 чел.
Дерев. 7; дв. кр. 54, люд. 176; дв. боб. 6, люд. 18.

25. Волость Замошье по р. Мошѣ, прав. притоку р. Онеги.

На пог. ц. страст. Георгія, дв. причта нѣтъ.
Дерев. 10; дв. кр. 41, люд. 129.

26. Волость Большая Шалга—къ С. В. отъ оз. Лаче.

На пог. ц. Рожд. Хр., ц. Ник. Чуд.; 5 дв. церк. причта—12 чел.; 2 кел. нищихъ.
Дерев. 30 безъ жеребья; дв. кр. 124, люд. 355; дв. боб. 5, люд. 8.

27. Волость Личкова Шалга—къ С. отъ Большой Шалги.

Погоста нѣтъ.
Дерев. 6; дв. кр. 37, люд. 105.

28. Волость Рягова на рѣчкѣ Волошкѣ, пр. притокѣ Онеги.

На пог. ц. Ник. Чуд.; 3 дв. церк. причта—7 чел.; 3 дв. боб.—5 чел. 1 дерев. церковн., 1 дв. поповъ—3 чел.
Дерев. 12; дв. кр. 66, люд. 227.

29. Волость Нименская—по оз. Нименскому къ С. В. отъ оз. Лаче?

На пог. ц. Ник. Чуд.; 2 дв. церк. причта—7 чел.; 1 дв. боб.—1 чел.
Дерев. 23; дв. кр. 121, люд. 403; 1 дв. боб., люд. 2.

30. Волость Вохтолица.

На пог. ц. Ник. Чуд.; 2 кел. церк. причта—4 чел.; 1 кел.—1 старица, 1 дер. церковн.; дв. поповъ, 1 чел.
Дерев. 14, выставка 1; дв. кр. 102, люд. 285; дв. боб. 1, люд. 2.

31. Волость Вадья.

На пог. ц. Ник. Чуд.; 1 дв. поп., 1 дв. просв.—4 чел.
Дерев. 10; дв. кр. 60, люд. 175.

В. Турчасовскій станъ.

1. Волостка Около посаду.

Дерев. 4; дв. кр. 11, люд. 44.
1 дв. монастырскій Кириллова монастыря.

2. Волостка Ѳехталима.

Дерев. 7; дв. кр. 19, люд. 68.

3. Волостка Кутовалга.

Дерев. 3; дв. кр. 7, люд. 32.
1 дв. монаст. Соловецкаго мон., въ немъ 3 чел.

4. Волостка на Прилукѣ на р. Онегѣ—теперь с. Прилуцкое къ С. отъ Турчасова.

На пог. ц. Рожд. Хр., ц. Покрова; 4 дв. церк. причта—7 чел.; 4 дв. кр.—3 чел. (sic).
Дерев. 10; дв. кр. 18, люд. 76.
1 дв. монастырскій Ошевенскаго мон.; 1 дв. монастырскій Кожеозерскаго мон., люд. и старцевъ 13 чел.

5. Волость на Клещевѣ полѣ.

Дерев. 6; дв. кр. 11, люд. 50.
Въ разныхъ деревняхъ той же волости 8 дв. 1 кел. монастырскіе Кожеозерскаго мон., въ нихъ людей: 2 старца, 23 челов.; 2 дв. кр., люд. 4.

6. Волостка Тевзогорская по р. Тевзѣ, прав. притоку р. Онеги. Она же называется Затевской. Пр. Д. 1646 № 42.

Дерев. 12; дв. кр. 31, люд. 116.
6 дв. монастырскихъ Соловецкаго мон.; 1 дв. монастырскій Кожеозерскаго мон., людей въ нихъ 9 чел. да старецъ.

7. Волость Нермоша на пр. берегу р. Онеги, противъ посада Турчасова.

Дерев. 11; дв. кр. 45, людей 132.

8. Волость Городокъ Рагонимавъ.

На пог. ц. Р. Пр. Б-цы, ц. Ильи Прор.
Дерев. 22; дв. кр. 42, люд. 141.
5 дв. монастырскихъ Соловецаго мон., люд. въ нихъ 18.

9. Волость Ордомскій погостъ на Владычнѣ на р. Онегѣ.

На пог. ц. Введен.П. Б-цы; 2 дв. церк. причта—4 чел.; 1 дв. боб.
1 деревня церк.; 1 дв. поповъ—3 чел.
Дерев. 22; дв. кр. 42, люд. 125.
1 дерев. Спасскаго мон.; 2 дв.; 3 двора того же монастыря въ разныхъ деревняхъ.
5 дерев. Соловецкаго мон.; 10 дв. Людей во всѣхъ дв. принадл. монастырямъ 35 чел.

10. Волость на Биричевѣ—теперь селеніе Биричевская на пр. берегу Онеги, выше Турчасова.

На пог. ц. Ник. Чуд.; 3 дв. церк. причта—5 чел.
Дерев. 6, выст. 1; дв. кр. 29, люд. 99.

11. Волость Шелекса по р. Шелексѣ, прав. притоку Онеги.

На пог. ц. Ник. Чуд.
1 дерев. церковн.; 1 дв. поповъ—3 чел.; 1 дв. боб.—4 чел.
Дерев. 9; дв. кр. 25, люд. 72.

12. Станъ Мехренгскій.

1. а въ немъ волость Тарасовъ погостъ по р. Мехренгѣ, притоку Емцы, впадающей въ С. Двину.

На пог. ц. Ильи Прор. На церковной землѣ: дв. дьячковъ, дв. проск. да *дворъ мірской,* въ нихъ 7 чел.

Дерев. 22; дв. кр. 69, люд. 174, дв. боб. 1, люд. 1.

2. Въ Мехренгскомъ же стану волость Церковный погостъ на р. Мехренгѣ.

На пог. ц. Ник. Чуд., ц. Флора и Лавра.

1 дерев. церковн.; 2 дв. поп.; 1 дв. проск.—10 чел.; 1 дв. боб.—1 чел.; 1 кел. нищихъ.

Дерев. 50; дв. кр. 128, люд. 347; 1 дв. боб. впустѣ, бобыль умеръ.

3. Въ Мехренгскомъ же стану волость Сельцо на р. Емцѣ, теперь с. Селецкое.

На пог. ц. Воскр. Хр., ц. Введ. Б-цы.

1 дерев. церк.; 1 дв. поп.—2 чел.; 1 дв. боб.—4 чел.

Дерев. 29; дв. кр. 115, люд. 310, 5 дв. боб., люд. 13.

1 дер. Кодлозерскаго монастыря на Усть-рѣки Шелги; 4 дв. крест., 18 чел.

Станъ Усть-Мошенскій.

13. Станъ Усть-Мошенскій.

1. Волость Усть-Моша при впаденіи Моши въ Онегу.

На погостѣ острожекъ, а въ острожкѣ ц. Благов., ц. Аѳан. и Кир. Александрійскихъ.

Дерев. 75, починк. 1; дв. кр. 235, люд. 837; дв. боб. 2, люд. 4.

2. Усть-Мошскіе же волости на выставкѣ, что на Красномъ.

На пог. ц. св. Пятницы; 4 дв. церк. причта—5 чел.; 2 кел. нищихъ.

Дерев. 26; дв. кр. 110, люд. 404; дв. боб. 3, люд. 7.

3. Вверхъ Моши-рѣки деревня Шалекушка Большая, деревня Шалекушка Малая; всего 2 дерев.; дв. кр. 26, люд. 80.

4. Волость Даниславль на Озеркахъ на пр. берегу Онеги.

Дерев. 7; дв. кр. 17, люд. 50.

5. Въ Усть-Мошскомъ же стану волость Дуброва Набережная на р. Онегѣ.

На 2 погостахъ 3 церкви, 8 дв., 1 кел. церк. причта, люд. 20.

Дерев. 24; дв. кр. 159, люд. 505.

6. Волость въ Никольскомъ приходѣ на побережьѣ (Пабережская).

На пог. ц. Ник. Чуд., 8 дв. церк. причта и боб., люд. 18.

$^1/_2$ дер. церк., 1 дв. поповъ.

Дерев. $26^1/_2$; дв. кр. 87, люд. 256.

Станъ Устъ-Мошенскій.

7. Волость на Ундоозерѣ.

На пог. ц. Введ. Пр. Б-цы; 1 дв. поп.; 1 дв. кр.—7 чел.

Дерев. 6, выст. 1; дв. кр. 23, люд. 88.

8. Волость на Лепшаозерѣ по оз. Лепша и по р. Лепшѣ, прав. притоку Моши.

На пог. ц. Ильи Прор., ц. Ник. Чуд.; 3 дв. да кел. церк. причта, 8 чел.

Дерев. 24; дв. кр. 73, люд. 206.

9. Волость Лелма на Лелмѣ озерѣ—по р. Лелмѣ, лѣв. притоку Моши.

Ц. Илья Пророкъ, „что сталъ на землѣ Куровской деревни". 3 дв. церк. причта, 1 кел.—8 чел.

Дерев. 8; дв. кр. 24, люд. 96.

10. Волость на Мошеозерѣ—на оз. Мошеозерѣ, изъ котораго вытекаетъ р. Моша.

На пог. 2 церкви. На погостѣ и въ церк. деревнѣ 11 дв. причта и бобыльскихъ, люд. въ нихъ 27 чел.; 1 *дворъ мірской;* 4 кельи нищихъ.

Дерев. 71, починк. 2; дв. кр. 194, люд. 618.

1 дв. монастырскій Елгомскаго мон.—1 чел.

11. Волость на р. на Лимѣ по р. Лимѣ, прав. прит. Моши.

Дерев. 11; дв. кр. 44, люд. 136.

12. Волость на Воеозерѣ.

На пог. ц. Преобр., ц. Мих. Арханг.; 8 дв. церк. причта и боб., люд. 14.

Дерев. 40; дв. кр. 104, люд. 304.

2 деревни Елгомскаго мон.; 4 дв.—5 чел.

13. Волость на р. Шожмѣ, лѣв. притокѣ Моши.

Дерев. 2, починк. 1; дв. кр. 24, люд. 76.

14. Волость Піяла и съ Ковкулою на р. Онегѣ къ С. отъ Турчасова, теперь с. Піяльское.

На пог. ц. Климента папы Римск.; 21 дв. церк. причта и боб., 62 чел.; 2 кел. нищ.

У погоста жъ монастырскіе дворы: Соловецкаго мон. 6 дв.—14 чел.; Ошевенскаго мон. 2 дв.—6 чел.; Кожеозерскаго мон. 3 дв.—6 чел.

Дерев. $12^1/_2$ и съ жеребьемъ; дв. кр. 58, люд. 213; дв. боб. 4, люд. 9.

Да въ тѣхъ же деревняхъ Кожеозерскаго мон. 2 дв.—5 чел.; Кенскаго мон. 1 дв.—2 чел.; Соловецкаго мон. въ двухъ деревняхъ: 4 дв.—18 чел.

15. Волостка Вазеницы.

Дерев. 5; дв. кр. 27, люд. 89.

Да въ тѣхъ же деревняхъ: Ошевенскаго мон. 3 дв.—8 чел.; Кенскаго мон. 1 дв.—4 чел.; 1 деревня Соловецкаго мон., 1 дв.—2 чел.

16. Волость Чекуева Конецъ-Острова.

На пог. ц. Преображ., ц. Успенія; 1 дв. поповъ, 6 дв. церк. причта и боб., люд. 14; 1 дв. *мірской,* въ немъ 1 чел.; 2 кельи, живутъ въ нихъ старицы нищія.
Дерев. 14½; дв. кр. 76, люд. 273.
Кожеозерскаго мон. деревня, 3 дв. монаст., 1 кел.—10 чел.

17. Волость Чюхчинъ Боръ на р. Кодимѣ—прав. прит. Онеги.

Дерев. 8; дв. кр. 18, люд. 55.
3 дв.—5 чел. Соловецкаго мон.

18. Волостка Поле на р. Кодимѣ.

Дерев. 4; дв. кр. 35, люд. 117; дв. боб. 1, люд. 2.
8 дв. Соловецкаго мон.—16 чел.

19. Волость Мудьюга по р. Мудьюгѣ, прав. притоку Онеги.

Дерев. 8; дв. кр. 53, люд. 160; 1 дв. боб., люд. 1.

20. Волостка Заостровская.

Дерев. 4; дв. кр. 19, люд. 69.

21. Волость Пирзопалда.

На пог. ц. Жив. Троицы; 1 дв. поп.—1 чел.; 1 кел. нищихъ.
Дерев. 6; дв. кр. 20, люд. 62.

22. Волостка на р. Кожѣ съ Верхняго Конца; р. Кожа—лѣв. притокъ Онеги.

Дерев. 8; дв. кр. 37, люд. 113.
1 келья монастырская—1 чел.

23. Волостка Корельская по Вышепорогу—на Онегѣ ниже устья Кожи.

Дерев. 3; дв. кр. 15, люд. 53; дв. боб. 3, люд. 13.

24. Волостка Вонгуда по р. Вонгудѣ, прав. притоку Онеги.

Дерев. 6; дв. кр. 29, люд. 104; дв. боб. 2, люд. 7.

25. Волость у Петра Св. надъ порогомъ (Надпорожская)—теперь с. Порожское на Онегѣ.

На пог. ц. Р. Хр., ц. Петра и Павла; 1 дв. поп.; 3 дв. церк. боб.—18 чел.; 1 кел. нищихъ.
Дерев. 10; дв. кр. 49, люд. 188; дв. боб. 3, люд. 10.
1 дворъ таможенный; 1 дв. кабацкій.

26. Волость Подпорожье на р. Онегѣ—ниже устья р. Вонгуды.

На пог. ц. Жив. Троицы; 1 дв. поп.; 1 дв. дьячк.—8 чел.
Дерев. 7; дв. кр. 56, люд. 169; дв. боб. 1, люд. 2.
1 дв. монастырскій Кириллова мон.

27. Волость Усть-рѣки Онеги.

На пог. ц. Успен. Б-цы; ц. Ник. Чуд.; 1 дв. поп., 2 дв. церк. причта—7 чел.

Дерев. 5; дв. кр. 51, люд. 165; дв. боб. 4, люд. 8.

1 дв. монастырскій Соловецкаго мон.; 1 дв. монастырскій Кириллова мон.

28. Волостка Варзогоры на Корельской сторонѣ, на морскомъ берегу—къ З. отъ устья Онеги.

На пог. ц. Ник. Чуд.; 1 дв. поп.—4 чел.

Дерев. 3; дв. кр. 24, люд. 79; дв. боб. 1, люд. 2.

29. Волостка Именга—по р. Нименгѣ, впадающей въ Бѣлое море къ З. отъ Онеги.

На пог. ц. Преобр.; 1 дв. поп.—1 чел.

Дерев. 10; дв. кр. 44, люд. 143.

30. Волостка Кушрѣка—при впаденіи р. Куши въ Бѣлое море къ З. отъ Онеги.

На пог. ц. Успен.; 1 дв. поп.—3 чел.

Дерев. 6; дв. кр. 30, люд. 108.

3 дв. монастырскихъ Соловецкаго мон.—4 чел.

31. Погостъ на рѣчкѣ на Пяндѣ, что была прежъ сего деревня Михайловская—на р. Пяндѣ, впадающей въ Бѣлое море къ В. отъ Онеги.

На пог. ц. Богоявл.; 1 дв. поном.

Дерев. 4; дв. кр. 37, люд. 118; дв. боб. 6, люд. 16.

3 дв. монастырскіе Кожеозерскаго мон., люд. 8.

32. Волостка по р. Тамицѣ, впадающей въ Бѣлое море къ В. отъ Онеги.

На пог. ц. Преображ.; 1 дв. поп.—3 чел.; дв. кр. 32, люд. 130.

33. Волость Малая Шуйка по р. М. Шуйкѣ, впадающей въ Бѣлое море къ З. отъ Онеги. Волость за Кожеозерскимъ монастыремъ.

На пог. ц. Ник. Чуд.; 1 дв. поп.—3 чел.

Дерев. 4; дв. кр. и боб. 31, люд. 99.

3 дв. монастырскіе—4 чел.

34. Волость Нижмозерская—на бер. Бѣлаго моря къ В. отъ Онеги.

Волость за Соловецкимъ монастыремъ.

На пог. ц. Ник. Чуд.

IV. Двинскій уѣздъ.

По р. С. Двинѣ и ея притокамъ ниже устья Ваги; по берегамъ Двинской губы; на Кольскомъ полуостровѣ по рр. Варзугѣ и Умбѣ.

Арх. мин. юст. писц. кн. 9, 10, 11: писцовая 7130—132 г.[1]) Кн. 15.051: переписная 7186 г., напечатана въ извлеченіи въ VIII т. Лѣт. Зан. Арх. Ком.

1. Станъ Терпиловъ—на о-вѣ противъ Архангельска, р. Соломбала.

Дерев. 8; дв. кр. 36, люд. 67; дв. боб. 3, люд. 4.

2. Волость Мудьюга по р. Мудьюгѣ, впадающей въ Бѣлое море къ СВ. отъ Архангельска.

Погостъ на р. Мудьюгѣ, 3 дер. церковныя; 8 дв. кр.—23 чел.; государевы подати платятъ съ волостными людьми.
Дерев. 9; дв. кр. 51, люд. 91.; 5 дв. боб. отмыло водою.

3. Станъ Лентьевъ—на Кяростров въ Устьѣ-Двины.

Дерев. 7; дв. кр. 35, люд. 77; дв. боб. 1, люд. 2.

4. Станъ Алексѣевъ—на о-вѣ Боярскомъ въ устьѣ Двины. Деревня Боярская.

Дерев. 1; дв. кр. 11, люд. 23.

5. Волость Кѣг-островъ—въ устьѣ Двины.

Дерев. 3; дв. кр. 22, люд. 44.
Погостъ на р. Двинѣ, на Кѣг-островѣ, ц. Прор. Ильи.

6. Станъ Андреяновъ—по р. Лодмѣ, притоку Кузнечихи, впад. въ Бѣлое море.

Дерев. 28; дв. кр. 163, люд. 293; дв. боб. 7, люд. 7.
Погостъ на р. Якокурьѣ; ц. Вознесен., ц. Введен. Того же погоста 1½ дерев. церковн. старинныя; государевы подати платятъ съ волостн. людьми—3 дв.
Погостъ на р. Лодмѣ, ц. Богоявл., ц. Страст. Георгія; 2½ дер. церк.; дв. кр. 6, люд. 12.

7. Волость Заостровская—на лѣв. берегу Двины въ устьѣ, противъ Архангельска.

Дерев. 7; дв. кр. 83, люд. 158; дв. боб. 2, люд. 2.
Погостъ, ц. Петра и Павла, ½ деревн. да 4 жеребья.; дв. кр. 8, люд. 10. Дали крестьяне къ церквамъ послѣ писцовъ ¼ дер., въ 3 дер. по жеребью: 1 дв. крест., 2 чел.

---

[1]) Данныя о населеніи приводятся по этой книгѣ.

8. Волость Лисоостровская—на лѣв. берегу Двины ниже устья р. Уймы.

Дерев. 27; дв. кр. 141, люд. 237; дв. боб. 1.
Погостъ, ц. Воскр., ц. Ивана Богосл., 3/4 дер., 2 дв.—3 чел.

9. Волость Уйма по рр. Двинѣ и Уймѣ.

Дерев. 6; дв. кр. 26, люд. 56.
Погостъ, ц. Соборъ Пр. Б-цы, ц. Ник. Чуд.

10. Волость Княжъ-островъ—на Лявлѣ или Княжъ[1]) о-вѣ противъ устья р. Лявли.

Дерев. 28, поч. 1; дв. кр. 110, люд. 229; дв. боб. 1.
Погостъ, ц. Введеніе, ц. Св. Екатерины; 6 дерев. церк.; 8 дв. кр.—18 чел. Монастырь Успен. Пр. Б-цы, того жъ монастыря деревни старинныя, а подати платятъ съ волостными людьми: 3 дер.; 5 дв., люд. 12.

11. Волость Кехта—по р. Кехтѣ.

Дерев. 8; дв. кр. 28, люд. 66; дв. боб. 1.
Погостъ, ц. Р. Б-цы, ц. Стр. Георгія; 5 дерев. тягл. церковныхъ; 10 дв.—16 чел.

12. Волость Койдокурская—на лѣв. берегу Двины ниже Ухтострова.

Дерев. 37; дв. кр. 121, люд. 235; дв. боб. 1.
Погостъ, ц. Ник. Чуд., ц. Варлаама Хутынск; 6 дерев. церк. тягл.; дв. кр. 7, люд. 22.
(*) [2]) По переписной кн. 1678 г. эта волость раздѣлилась на двѣ. а) Койдокурская Нижній конецъ, 96 дв. и в) Койдокурская Верхній конецъ, 59 дв.

13. Волость Курская на лѣв. берегу Двины ниже Холмогоръ. [3])

Дерев. 28; дв. кр. 103, люд. 191; дв. боб. 5, люд. 6.

14. Волость Матигорская Борисоглѣбскій приходъ—„Нижній Матигоръ въ пяти верстахъ отъ города" (Холмогоръ) выше по Двинѣ на той же сторонѣ. *Челищевъ,* Путешествіе, 128.

Дерев. 9; дв. кр. 61, люд. 113.

15. Волость Матигорская Никольскій приходъ—„въ двухъ верстахъ отъ города (Холмогоръ) на той же сторонѣ Двины и Куропалки,

---

[1]) *Челищевъ,* Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791 г. изд. 1886 г. стр. 117.
[2]) Волости, обозначенныя звѣздочкой, появляются послѣ книги 1622—24 г.
[3]) Для этой и 9 слѣдующихъ волостей см. карты, приложенныя къ т. IV Путешествія *Лепехина* и къ Путешествію *Челищева.*

гдѣ городъ, погостъ и деревня Верхній Большой Никольскій Матигоръ." *Челищевъ*, Путешествіе, 125.

Дерев. 17; дв. кр. 86, люд. 137.

16. Станъ Загорскій—около Холмогоръ.

Дерев. 5; 1 дв. нѣмчина Романа Иванова; дв. кр. 20, люд. 36: дв. боб. 1.

17. Волость Куръ-островъ—на Куростровѣ, или Н. Юрмолѣ противъ Холмогоръ.

Дерев. 40, да припущены въ пашню 6 дер., дв. кр. 163, люд. 283.

18. Волость Ухтостровъ Троицкій приходъ—С. часть острова этого имени противъ Холмогоръ.

Дерев. 19; дв. кр. 92, люд. 170.

19. Волость Ухтостровъ Богоявленскій приходъ—на о-вѣ того же имени противъ Холмогоръ.

Дерев. 23; дв. кр. 97, люд. 158.

20. Волость Чухченема—на прав. берегу Двины противъ Ухтострова, по рр. Юрѣ и Вертусу.

Дерев. $17^1/_3$; дв. кр. 96, люд. 148.

21. Волость Ровдина Гора (Ровдогорская)—на о-вѣ Н. Юрмолѣ къ В. отъ Куростровской по р. Ровдогоркѣ, развѣтвленію Двины.

Дерев. 17, да 9 дер. припущены въ пашню; дв. кр. 82, люд. 109.

22. Волость Быстрокурская—противъ устья р. Пинеги, по Быстрой Курьѣ, развѣтвленію Двины.

Дерев. 14, да 1 дер. припущена въ пашню; дв. кр. 68, люд. 118.

23. Станъ Сояльскій—низовья р. Пинеги по обоимъ берегамъ до с. Юрольскаго, по притокамъ Пинеги: рр. Паленгѣ и Узенгѣ.

Дерев. 23, да 3 дер. припущ. въ пашню; дв. кр. 181, люд. 376.

24. Волость Пинежская на Волоку—по р. Пинегѣ выше Сояльскаго стана, теперь г. Пинега.

Дерев. 63, въ 3 дер. по жереб. да 5 дер. припущ. въ пашню; дв. кр. 390, люд. 681; дв. боб. 3, люд. 3.

25. Волость Паниловская въ Матигорской лукѣ—по обоимъ берегамъ Двины выше устья Пинеги.

Дерев. 7; дв. кр. 22, люд. 45.

26. Волость Ступинская—по Двинѣ выше Паниловской вол., ниже устья р. Обокши.

Дерев. 27, поч. 1; дв. кр. 88, люд. 141.

27. Волость Ракульская—по обоимъ берегамъ Двины между устьями рр. Смердьей и Обокши.

Дерев. 28, поч. 4; дв. кр. 93, люд. 133.

28. Волость Сійская—по рр. Двинѣ, Сіи и Смердьей.

Дерев. 43, поч. 1 да 10 дер. и 4 поч. припущены въ пашню; дв. кр. 127, люд. 217.

29.* Волость Челмохта и Пукшенга—по рр. Челмохтѣ и Пукшенгѣ, правымъ притокамъ Двины. По книгѣ 1622 г. эта волость входитъ въ составъ Сійской. Въ книгѣ 1678 г. кромѣ отдѣльныхъ итоговъ дается этой волости и Сійской общій итогъ.

30. Волость Пингишъ—по р. Пингишѣ, прав. притоку Двины.

Дерев. 21, да въ 3 дер. по жереб., да 1 поч.; да 9 дерев. припущ. въ пашню; дв. кр. 75, люд. 125; дв. боб. 2, люд. 2.

31. Волость Хаврогоры—на прав. берегу Двины выше устья р. Пингиши.

Дерев. 60, поч. 2, да 10 дер. да 6 поч. припущены въ пашню; дв. кр. 108, людей 171.

32. Волость Калья въ Яковлевскомъ и Репонема—по Двинѣ выше Хаврогорской волости. По книгѣ 1678 г. Репонема соединена съ Шастозерской волостью.

Дерев. 21, да 1 дер. припущена въ пашню; дв. кр. 61, люд. 96.

33. Волость Моржъ и Шастки—по лѣв. бер. Двины по рр. Моржовкѣ и Усолкѣ.

Дерев. 36 1/2, поч. 1; дв. кр. 119. люд. 210. По книгѣ 1678 г. эта волость распалась на двѣ: а) Моржъ (Моржегорская) по р. Моржу 41 дв. и в) Шастозерскую—по р. Усолѣ 31 дв.

34. Волость Звозъ и Березникъ, и Ныкола, и Коскошино, и Меландово и Тѣградъ. По лѣвому берегу Двины (Коскошино, Ныкола, Взвозъ) и по р. Емцѣ и Тюгрѣ (пог. Меландовскій).

Дерев. 29, да 9 дер. и 4 поч. припущены въ пашню; дв. кр. 89, люд. 119. По книгѣ 1678 г. эта волость распалась на двѣ: а) Звозъ, Березино, Ныкола и Коскошино 42 дв. и в) Меландовская—18 дв.

35. Волость Зачачье и Чухчинъ конецъ—по р. Чачѣ, притоку Емцы.

Дерев. 36 1/2, поч. 2, да 7 дер., 3 поч. припущены въ пашню; дв. кр. 89, люд. 117; дв. боб. 1, люд. 1.

36. Волость Погоская Сотня Прилукъ—на р. Емцѣ, село Большое (Емецкое). 1 село, дерев. 24, 1/2 и 1/12. да 1 дер., 3 поч. припущены въ пашню; дв. кр. 60, люд. 77, дв. боб. 12, люд. 13.

37. Волость Щукозеро и Обозеро—по верховьямъ р. Ваймуги, лѣв. притока Емцы.

Дерев. 12 да 1 дер. припущ. въ пашню; дв. кр. 18, люд. 31.

38. Слободка Солза—у моря на берегу, на р. Солзѣ.

Ц. Воскр. Хр.; (дв.) поповъ пустъ. Въ слободкѣ жъ дворы бобыльскіе безпашенные, а кормятся въ Ненoксѣ у варницъ и ходятъ на ладьяхъ. Всего 8 дв. боб., люд. 14.

39. Слободка Отхожая, что былъ починокъ на Солозерѣ на лѣсу. 4 дв. (?)—7 чел.

40. Погостъ Яренга—у моря на берегу, къ З. отъ Унской губы. 5 дв.—5 чел.

41. Волость—Варзуга „за окіяномъ", на Кольскомъ полуостровѣ на р. Варзугѣ.

Въ ней владѣнія: патріарха 53 дв. кр., 15 дв. боб.; Спаса Новаго мон. въ Москвѣ 23 дв. кр., 1 дв. боб.; Соловецкаго мон. 4 дв. боб.; монастырскіе дворы монастырей: Троице-Сергіева, Антоніева Сійскаго и Николы Корельскаго.

42. Волость Умба—на р. Умбѣ на Кольскомъ полуо-вѣ,
„а въ ней Кириллова монаст. три чети" 37 дв. кр., 1 дв. боб.
„а четь тое волости Соловецкаго мон." 10 дв. кр., 2 дв. боб.

V. Кеврольскій уѣздъ.

по верховьямъ р. Пинеги съ притоками. Граница съ Двинскимъ уѣздомъ у Волока Пинежскаго.

Арх. мин. юст. писц. кн. 185: писцовая 7131 г.; кн. 15.055: переписная 7186 г.

1. Волость Пильи Горы—по р. Пинегѣ выше Волока Пинежскаго, при устьѣ р. Шукши, прав. притока р. Пинеги.

По переп. 1623 г. дв. кр. 56, люд. 91; дв. боб. 1, люд. 1.
По переп. 1678 г. дв. кр. 36, люд. 82. По міру ходятъ 4 дв.; пуст. 19 дв.

2. Волость Перемская — выше Пильегорской волости по р. Пинегѣ съ Іочей (лѣв. прит.) до устья р. Ежуги (пр. прит.).

По переп. 1623 г. дв. кр. 123, люд. 209; дв. боб. 5, люд. 5.
По переп. 1678 г. дв. кр. 89, люд. 213; дв. боб. 6, люд. 7; по міру ход. 5 дв. кр.; пустыхъ 54 дв.

3. Волость Чакола—по р. Пинегѣ выше устья р. Ежуги.

По переп. 1623 г. дв. кр. 255, люд. 470; дв. боб. 23, люд. 25.
По переп. 1678 г. дв. кр. 79, люд. 209; дв. боб. 4, люд. 8; по міру ход. 16 дв; пустыхъ кр. и боб. 58 дв.

4.* Волость Пиринема—по р. Пинегѣ выше Чаколы до устья р. Немнюги, лѣв. притока Пинеги, вытекающаго изъ оз. Немнюжскаго.

По переп. 1623 г. нѣтъ.
По переп. 1678 г. дв. кр. 56, люд. 160; дв. боб. 2, люд. 2; по міру ходятъ 6 дв.; пустыхъ 61 дв. кр. и боб.

5. Станъ Кевролъскій.

Станъ Кевролъскій

1. Деревни по рѣчкѣ Немнюгѣ—по лѣвому берегу рѣчки Немнюги, лѣв. притока Пинеги, впадающаго выше Покшенги. Ее надо отличать отъ другой Немнюги, также лѣваго притока Пинеги, впадающей ниже Покшенги и вытекающей изъ оз. Немнюжскаго.

По переписи 1678 г. Дерев. 8; дв. кр. 20.

2. Волость Киглохта—по правому бер. только что упомянутой рѣчки Немнюги.

По переп. 1678 г. Дерев. 7; дв. кр. 12.

3. Волость Старая Кеврола и Лохта—по лѣв. берегу Пинеги около посада Кевролы.

По переп. 1678 г. Дерев. 23; дв. кр. 44.

4. Волость Чухченема—около посада Кевролы.

По переп. 1678. Дерев. 6; дв. кр. жил. 5, пуст. 8.

5. На Шетогорѣ деревни—по прав. берегу Пинеги противъ посада Кевролы.

По переп. 1678 г. Дерев. 10; дв. кр. 33.

6. Волость Карпова гора—на прав. берегу Пинеги противъ посада Кевролы.

По переп. 1678 г. Дерев. 5; дв. кр. 23.

7. Волость Ваймуша—на прав. берегу Пинеги, противъ посада Кевролы.

По переп. 1678 г. Дерев. 7; дв. кр. 21.

8. Волость Шардонема—по р. Пинегѣ и по рр. Н. Шардѣ и В. Шардѣ, правымъ притокамъ Пинеги.

По переп. 1678 г. Дерев. 17; дв. кр. 37.

9. На Кушкополѣ, на Еркинѣ, на Церковѣ горѣ—выше устья В. Шарды на лѣв. бер. Пинеги.

По переп. 1678 г. Дерев. 12; дв. кр. 37.

10. Волость Покшенга—по р. Покшенгѣ, лѣв. прит. Пинеги.

По переп. 1678 г. Дерев. 28; дв. кр. 64.

11. На Марьинѣ горѣ—по прав. берегу Пинеги противъ устья Покшенги.

По переп. 1623 г. Дерев. 12; дв. кр. 28, люд. 48; дв. боб. 4, люд. 4.

По переп. 1678. Дерев. 11; дв. кр. 16.

По переп. 1623 всего въ Кевролъскомъ стану безъ волости Марьины горы: дв. кр. 390, люд. въ нихъ 665 чел.; дв. боб. 40, люд. 41; дв. пустыхъ 4. Да за московскимъ „веденцомъ“ за Богданомъ Семеновымъ с. Щепоткина съ дѣтьми и съ братьями въ Кевролъскомъ стану въ разныхъ волостяхъ—всего 7 дерев. съ 1/4, дв. кр. 11, люд. 16.

По переп. 1678 г. всего въ Кевролъскомъ стану въ разныхъ волостяхъ и на Марьинѣ горѣ: дв. кр. 265, люд. 838.; 3 дв. съѣзжей избы

подьячихъ, 1 дв. площадн. подьяч.—9 чел.; дв. боб. 16, люд. 35; по міру ходятъ дв. кр. 39, дв. боб. 7; пустыхъ 116 дв. кр. и боб. Да на церковн. земляхъ 4 дв. боб.—10 чел., 3 кельи—3 чел.

6. Волость Веркольская—по р. Пинегѣ ниже устья р. Сямженги, прав. притока Пинеги.

По переп. 1623 г. дв. кр. 81, люд. 120; дв. боб. 4—люд. 4.
По переп. 1678 г. дв. кр. 11, люд. 27.; по міру ход. 2 дв.; пуст. 42 дв. кр. и боб.; 1 дв. боб. на церк. землѣ.

7. Волость Лавела—по р. Пинегѣ выше Веркольской вол., ниже устья р. Суры.

По переп. 1623 г. дв. кр. 74, люд. 123; дв. боб. 3—3 чел.
По переп. 1678 г. дв. кр. 29, люд. 91; по міру ход. 2 дв. кр.; пуст. 30 дв. кр. и боб.

8. Волость Сура—по р. Пинегѣ и Сурѣ, лѣв. прит. Пинеги.

По переп. 1623 г. дв. кр. 169, люд. 290; дв. боб. 7, люд. 7.
По переп. 1678 г. дв. кр. 72, люд. 202; по міру ход. 4 дв.; пуст. дв. кр. и боб. 49.

9.* Волость Нюхча—по р. Пинегѣ и р. Нюхчѣ, прав. притоку Пинеги.

По переп. 1623 г. нѣтъ.
По переп. 1678 г. дв. кр. 32, люд. 98; пустыхъ дв. кр. и боб. 9.
10. Волость Выя—по р. Выю, лѣв. притоку Пинеги.
По переп. 1623 г. дв. кр. 189, люд. 314; дв. боб. 12, люд. 13.
По переп. 1678 г. дв. кр. 139, люд. 346; дв. боб. 2, люд. 3; по міру ход. 4 дв.; пуст. 50 дв. кр. и боб.

11. Волость Малая Пинежка—по верховьямъ р. Пинеги, теперь погостъ Малопинежскій.

По переп. 1623 г. Дерев. 23; дв. кр. 163, люд. 286; дв. боб. 11, люд. 14.
По переп. 1678 г. Дерев. 21; дв. кр. 142, люд. 349.; дв. боб. 5, люд. 9; 2 кельи нищихъ; по міру ход. 4 дв.; пустыхъ 40 дв. кр. и боб.

VI. Мезенскій уѣздъ.

по низовьямъ р. Кулоя, впадающаго въ Бѣлое море, и по р. Мезени.

Арх. мин. юст. писц. кн. 185: писцовая 7131 г.; кн. 15.055: переписная 7186 г.

1. Слободка Окладникова—теперь г. Мезень.

По переп. 1623 г. дв. кр. 68.
По переп. 1678 г. дв. кр. 45, люд. 106; дв. боб. 2, люд. 6; по міру ход. 6 дв.; пуст. 48 дв.

2. Слободка Кузнецова, „что была деревня Борщова, а прежъ сего бывалъ починокъ Красная Слудка да къ ней припущенъ починокъ Кочовъ да поч. на Красной Щельѣ“. Писц. кн. 185.

По переп. 1623 г. дв. 42 кр. и вдов.

По переп. 1678 г. дв. кр. 27, люд. 51; дв. боб. 3; по міру ход. 10 дв.; пуст. кр. и боб. 23 дв.

3. Слободка Лампожня—на р. Мезени.

По переп. 1623 г. дв. кр. 67.

По переп. 1678 г. дв. кр. 103, люд. 248; 1 кел. нищаго; по міру ход. 44 дв.; пуст. кр. и боб. 76 дв.

4.* Погостъ, что была дер. Кимжа.

По переп. 1678 г. дв. кр. 13, люд. 27; по міру ход. 2 дв.; пуст. 20 дв.

5.* Волость Козмогородская—на р. Мезени при устьѣ р. Пезы прав. притоку Мезени, по р. Пезѣ и ея притоку Няфтѣ.

По переп. 1678 г. дв. кр. 62, люд. 117; дв. боб. 1; 4 кельи; по міру ход. 31 дв.; пуст. дв. кр. и боб. 86.

6.* Волость Азопольская—на р. Мезени.

По переп. 1678 г. дв. кр. 47, люд. 132; по міру ход. 12 дв.; пуст. дв. кр. и боб. 55

7.* Волость Юрома—по р. Мезени.

По переп. 1678 г. дв. кр. 103, люд. 217; 1 келья нищаго; по міру ход. 40 дв.; пустыхъ дв. кр. и боб. 103.

8.* Волость Усть-Вашская—по р. Мезени при устьѣ Вашки (Удоры), лѣв. притока Мезени. Деревни: Русома, Ценогора, Пылема.

По переп. 1678 г. дв. кр. 104, люд. 226; по міру ход. 14 дв.; пустыхъ 76 дв.

9.* Волость Койносъ—по р. Мезени выше устья Вашки и по р. Низимѣ, лѣв. притоку Мезени.

По переп. 1678 г. дв. кр. 55, люд. 136; 1 дв. боб.—1 чел.; по міру ход. 4 дв.; пуст. 28 дв.

10. Волость Олема—по р. Вашкѣ.

По переп. 1623 г. дв. кр. 32, люд. 43.

По переп. 1678 г. дв. кр. 30, люд. 75; по міру ход. 2 дв.; пуст. дв. 16.

11. Погостъ Карвеполе—на р. Кулоѣ при впаденіи въ нее р. Немьюги.

По переп. 1623 г. 10 дв. (это была деревня Немьюшской волости).

По переп. 1678 г. 5 дв. жил.; 8 дв. пуст.

12. Волость Малая Немьюшка—по р. Немьюгѣ, прав. притоку Кулоя.

По переп. 1623 г. 69 дв. кр.—93 чел.; 3 дв. боб.—3 чел.

По переп. 1678 г. всего на Карвеполѣ и на Малой Немьюшкѣ дв. кр. 36, люд. 78.; дв. боб. 1, люд. 1; мо міру ход. 28 дв.; пуст. 50 дв.

13. По переп. 1678 г.: „да въ Мезенскомъ же уѣздѣ у моря на Зимницкомъ берегу на усть-рѣки Кулоя слобода Долгая Щель": ц. Пр. Б-цы Владимірскія, дворы причта, 8 дв. кр., люд. 24; 15 дв. кр. пустыхъ. „А по сказкѣ той слободки старосты съ товарищи живутъ они въ той слободкѣ на оброчной землѣ, которою владѣетъ Сійскаго монастыря игуменъ съ братіею, и съ дворовъ своихъ оброкъ платятъ въ Сійскій монастырь. А по какому в. г. указу Сійскаго монастыря игуменъ съ братьею съ нихъ оброкъ емлютъ, того они не вѣдаютъ. А Кевролъскаго и Мезенскаго уѣзду съ крестьяны никакихъ государевыхъ податей не платятъ и службъ не служатъ, и подводъ никакихъ не даютъ".

VII. Яренскій уѣздъ.

По верхней Вычегдѣ и ея притокамъ: Выми и Сысолѣ, а также по верховьямъ Вашки (Удоры), притока Мезени и по Мезени.

Арх. мин. юст. писц. кн. 142 (7116 г.) писцовая.
кн. 143 (7154 г.) переписная.
кн. 15.057 (7186 г.) переписная.

1. Яренскій уѣздъ (въ тѣсномъ смыслѣ).
Всего по кн. 1608 г. въ Яренскѣ на посадѣ и въ Яренскомъ уѣздѣ въ тѣсномъ смыслѣ.
Деревень 198; дв. кр. 752; дв. боб. 65.

1. Волость Окологородная.

По переп. 1646 г. Дерев. 23; дв. кр. 52; дв. боб. 18.

По переп. 1678 г. Дерев. 41; дв. кр. 132; дв. боб. 67; дв. вдов. 8; дв. половн. 16.

2. Волость Тохта и Черва тожъ—на р. Яренгѣ, прав. притокѣ Вычегды.

По переп. 1646 г. Дерев. 19; дв. кр. 89; дв. боб. 43.

По переп. 1678 г. этой волости не значится.

3. Погостъ Ирта—на р. Вычегдѣ, теперь село Иртовское.

По переп. 1646. Дерев. 25; дв. кр. 86; дв. боб. 7.

По переп. 1678 г. Дерев. 26; дв. кр. 96; дв. боб. 25; дв. вдов. 1.

4. Волость Вадья—при устьѣ рѣчки Лепы, прав. притока Вычегды.

По переп. 1646 г. Дерев. 23; дв. кр. 61; дв. боб. 9.

По переп. 1678 г. Дерев. 21; дв. кр. 64; дв. боб. 4; дв. вд. 1.

I. Яренскій уѣздъ (въ тѣсномъ смыслѣ).
Всего по кн. 1608 г. въ Яренскѣ на посадѣ и въ Яренскомъ уѣздѣ въ тѣсномъ смыслѣ.
Деревень 198; дв. кр. 752; дв. боб. 65.

5. Погостъ Цылибская гора—теперь с. Целибское на Вычегдѣ.

По переп. 1646 г. Дерев. 16; дв. кр. 35; дв. боб. 4.
По переп. 1678 г. Дерев. 14; дв. кр. 19; дв. боб. 18.

6. Погостъ Лена—на р. Ленѣ, прав. притокѣ Вычегды.

По переп. 1646 г. Дерев. 24; дв. кр. 68; дв. боб. 31.
По переп. 1678 г. Дерев. 24; дв. кр. 64; дв. боб. 25; дв. вдов. 6; дв. половн. 10

7. Погостъ Туглимъ—теперь с. Туглимское на р. Вычегдѣ.

По переп. 1646 г. Дерев. 6; дв. кр. 25; дв. боб. 2.
По переп. 1678 г. Дерев. 7; дв. кр. 26; дв. боб. 6.

8. Погостъ Ошлапье—?

По переп. 1646 г. Дерев. 21; дв. кр. 89; дв. боб. 3.
По переп. 1678 г. Дерев. 22; дв. кр. 76; дв. боб. 14; дв. вдов. 1; дв. половн. 8.

9. Погостъ Шеномъ—на р. Вычегдѣ, теперь деревни Б. Шеномъ и М. Шеномъ по Вычегдѣ ниже Яренска.

По переп. 1646 г. Дерев. 62; дв. кр. 169; дв. боб. 14.
По переп. 1678 г. Дерев. 54; дв. кр. 171; дв. боб. 22; дв. вдов. 1; дв. половн. 1.

10. Погостъ Жошартъ—по р. Вычегдѣ выше Яренска, теперь с. Жошартское.

11. Погостъ Гамъ—село Гамское на Вычегдѣ выше Яренска.

По книгамъ 1646 г. и 1678 г. эти два погоста описываются вмѣстѣ: „погостъ Жошартъ да погостецъ Гамъ".
По переп. 1646 г. Дерев. 4; дв. кр. 89; дв. боб. 34.
По переп. 1678 г. Дерев. 4; дв. кр. 100; дв. боб. 47; дв. половн. 1.

12. Погостъ Шожемъ—на р. Вычегдѣ выше Яренска.

13. Погостъ Вездынь—теперь селеніе Вездинская на р. Вычегдѣ выше Яренска.

По книгамъ 1646 и 1678 гг. эти два погоста описываются вмѣстѣ подъ заглавіемъ: „погостъ Шожемъ, погостецъ Вездынь да волостка Тыдоръ"; въ нихъ:
По переп. 1646 г. Дерев. 7; дв. кр. 60; дв. боб. 23.
По переп. 1678 г. Дерев. 8; дв. кр. 64; дв. боб. 32.

2. Волость Плесовская. По кн. 1608 г. Дерев. 122; дв. кр. 250; дв. боб. 4.

14. Погостъ Пустынскій на Плесѣ—на р. Вычегдѣ [по книгамъ 1646 и 1678 г: „да волостка Тундея“]

По переп. 1646 г. Дерев. 54; дв. кр. 150; дв. боб. 22.
По переп. 1678 г. Дерев. 48; дв. кр. 153; дв. боб. 44; дв. вдов. 3; дв. половн. 1.

15. Погостъ Чакульскій—на р. Вычегдѣ и ея прав. притокѣ Чаколкѣ, ниже Яренска.

По переп. 1646 г. Дерев. 48; дв. кр. 125; дв. боб. 11.
По переп. 1678 г. Дерев. 43; дв. кр. 121; дв. боб. 22; дв. половн. 4.

16. Погостъ на Усть-рѣки Урдомы; Урдома—прав. притокъ Вычегды ниже Яренска. Теперь деревня Засурдомская?

3. Усть-Вымь (вотчина архіеп. Вологодскаго и Бѣлозерскаго). По кн. 1608 г. Дерев. 19; дв. кр. 87; дв. боб. 9.

17. Городище на-Усть Вымп (посадъ по переп. 1608 г.).

По переп. 1646 г. Дерев. 6; дв. кр. 47; дв. боб. 27.

18. Погостъ Оквадъ.

По переп. 1646 г. Дерев. 5; дв. кр. 23; дв. боб. 5.

19. Погостъ Вожемъ.

По переп. 1646 г. Дерев. 9; дв. кр. 39; дв. боб. 4.
По переп. 1678 г. итогъ общій: Дерев. 24; дв. кр. 115; дв. боб. 54; дв. вдов. 4.

20. Деревня Палевицы—выше Усть Выми.

По переп. 1646 г. дв. кр. 19; дв. боб. 5.
По переп. 1678 г. дв. кр. 20; дв. боб. 12.

4. Вымь. По кн. 1608 г. всего въ Вымской землѣ: Дерев. 38; дв. кр. 260; дв. боб. 29.

21. Посадъ Турья—на р. Выми.

По переп. 1646 г. дв. кр. 12; дв. боб. 22.
По переп. 1678 г. дв. кр. 13; дв. боб. 23.

22. Погостъ Весленой—на р. Выми, на усть-рѣчки Веслены.

По переп. 1646 г. Дерев. 5; дв. кр. 6; дв. боб. 5.
По переп. 1678 г. Дерев. 4; дв. кр. 5; дв. боб. 10; дв. половн. 2.

23. Погостъ Біюкони. По книгамъ 1646 и 1678 г. этого погоста не значится. Въ книгѣ 1678 г. въ погостѣ Весленомъ упоминается „дер. Норовская, что былъ погостецъ Біюкони“.

24. Погостъ Онежье на р. Выми—теперь с. Онежецкое.

По переп. 1646 г. Дерев. 11; дв. кр. 6; дв. боб. 34.
По переп. 1678 г. Дерев. 4; дв. кр. 9; дв. боб. 5; дв. половн. 1.

По книгѣ 1678 г. 6 дерев. этого погоста отписаны къ погосту Княжу. Эти три погоста вмѣстѣ съ посадомъ Турьей по

книгѣ 1678 г. составляютъ одну административную единицу: въ нихъ одинъ и тотъ же выборный цѣловальникъ Аѳонка Костаревъ подаетъ переписчикамъ сказку о населенiи.

25. Погостъ Вашертъ
26. Погостъ Отла
27. Погостъ Шошки
— Въ книгахъ 1646 и 1678 гг. не значатся.

28. Погостъ Раковицы—на р. Выми. Въ книгахъ 1646 и 1678 г. описывается вмѣстѣ съ погостомъ Онежье.

4. Вымь. По кн. 1608 г. всего въ Вымской землѣ: Дерев. 38; дв. кр. 260; дв. боб. 29.

29. Погостъ Княжъ—на Выми, теперь с. Княже-погостское.

По переп. 1646 г. Дерев. 5; дв. кр. 4; дв. боб. 7.

По переп. 1678 г. Дерев. 13; дв. кр. 25; дв. боб. 18; дв. вдов. 1; дв. половн. 1.

30. Погостъ Кошки—теперь д. Кошецкая на р. Выми.

По книгамъ 1646 и 1678 гг. не значится; въ книгѣ 1678 г. л. 325: „въ погостѣ Ляли деревня Гостинъ Дворъ, что былъ погостецъ Кошки“.

31. Погостъ на Сереговѣ Горѣ
32. Погостъ Ляли
— теперь Серегово-Ляльская на р. Выми.

Въ обоихъ вмѣстѣ по переп. 1646 г. Дерев. 8; дв. кр. 22; дв. боб. 51.

По переп. 1678 г. Дерев. 5; дв. кр. 44; дв. боб. 51; дв. вдов. 1.

33. Погостъ Ибъ—по книгамъ 1646 и 1678 г. не значится.

34. Погостъ Вишера—на р. Вишерѣ, пр. прит. Вычегды.

По переп. 1646 г.—описывается вмѣстѣ съ погостомъ Усть-Куломомъ.

По переп. 1678 г. Дерев. 15; дв. кр. 25; дв. боб. 17.

5. Волость Удорская, а Вашка тожъ—по р. Вашкѣ (Удорѣ). По кн. 1608 г. Дерев. 16; дв. кр. 151; дв. боб. 18.

35. Погостъ Венденга—теперь с. Венденгское на р. Вашкѣ (Удорѣ.).

По переп. 1646 г. Дерев. 6; дв. кр. 33; дв. боб. 52.

По переп. 1678 г. Дерев. 8; дв. кр. 33; дв. боб. 40; дв. вдов. 3.

36. Погостъ Кривой Наволокъ.

37. Погостъ Важгортъ—теперь с. Важгортское на р. Вашкѣ.

Въ обоихъ вмѣстѣ по переп. 1646 г. Дерев. 14; дв. кр. 68; дв. боб. 86.

По переп. 1678 г. Дерев. 15; дв. кр. 87; дв. боб 102; дв. вдов. 9.

6. Глотова Слободка. По кн. 1608 г. Дерев. 6; дв. кр. 60; дв. боб. 12.

38. Погостъ Глотова Слобода—на верховьѣ р. Мезени, теперь селеніе Глотовская.

По переп. 1646 г. Дерев. 5; дв. кр. 54; дв. боб. 8.

По переп. 1678 г. Дерев. 8; дв. кр. 56; дв. боб. 5.

39. Погостъ Кослонскій—на р. Мезени, теперь с. Кослапское на верхней Мезени.

По переп. 1646 г. Дерев. 4; дв. кр. 20; дв. боб. 25.

По переп. 1678 г. Дерев. 4; дв. кр. 31; дв. боб. 16; дв. вдов. 3. По книгѣ 1678 г. въ обоихъ погостахъ одинъ и тотъ же земскій судья.

7. Волость Сысола. По кн. 1608 г. Дерев. 148; дв. кр. 414; дв. боб. 31.

40. Погостъ Вотча—на р. Сысолѣ противъ устья р. Б. Визенги, лѣв. притока.

41. Погостъ Межайдоръ—на Сысолѣ ниже устья М. Визенги.

Въ обоихъ вмѣстѣ. По переп. 1646 г. Дерев. 18; дв. кр. 78; дв. боб. 9. По переп. 1678 г. Дерев. 6; дв. кр. 87; дв. боб. 17. По книгѣ 1678 г. въ обоихъ одинъ и тотъ же земскій цѣловальникъ.

42. Погостъ Визенга—по р. Б. Визенгѣ, лѣв. притоку Сысолы.

По переп. 1646 г. Дерев. 24; дв. кр. 68; дв. боб. 19.

По переп. 1678 г. Дерев. 22; дв. кр. 69; дв. боб. 23; дв. вдов. 4.

43. Погостъ Кибра—на р. Бубѣ, прав. притокѣ Б. Визенги.

По переп. 1646 г. Дерев. 19; дв. кр. 34; дв. боб. 51.

По переп. 1678 г. Дерев. 18; дв. кр. 67; дв. боб. 22.

44. Погостъ Пыелда—на р. Сысолѣ, теперь пог. Пыелдинъ.

По переп. 1646 г. Дерев. 35; дв. кр. 65; дв. боб. 17.

По переп. 1678 г.: „да погостъ Палауза“. Дерев. 33; дв. кр. 83; дв. боб. 19; дв. вдов. 1.

45. Погостъ Ибъ Большой—на р. Сысолѣ.

46. Погостъ Ибъ Меньшой.

(45–46: одинъ и тотъ же земскій цѣлов. въ 1678 г.)

Въ обоихъ по переп. 1646 г. Дерев. 12; дв. кр. 43; дв. боб. 9.

По переп. 1678 г. Дерев. 11; дв. кр. 50; дв. боб. 15; дв. вдов. 1.

47. Погостъ Гарья—теперь д. Гарьинская на р. Сысолѣ.

48. Погостъ Пажга—теперь пог. Пажгинскій на р. Сысолѣ.

(47–48: Въ 1678 г. одинъ и тотъ же земскій цѣловальникъ.)

Въ обоихъ по переп. 1646 г. Дерев. 14; дв. кр. 34; дв. боб. 7.

По переп. 1678 г. Дерев. 5; дв. кр. 31; дв. боб. 25

49. Погостъ Шошки—да р. Сысолѣ—теперь с. Шоскинское.

По переп. 1646 г. Дерев. 20; дв. кр. 52.

По переп. 1678 г.: „да погостъ Вильгортъ“. Дерев. 17; дв. кр. 59; дв. боб. 11.

50. Погостъ на Усть-Сысолѣ.

По переп. 1646 г. Дерев. 24; дв. кр. 70; дв. боб. 2.
По переп. 1678 г. Дерев. 23; дв. кр. 76; дв. боб. 15; дв. вдов. 1.

51. Погостъ Ужга и погостъ Колгородъ.

По переп. 1608 г. Дерев. 5; дв. кр. 40; дв. боб. 16.
По переп. 1646 г. Дерев. 6; дв. кр. 74; дв. боб. 26.
По переп. 1678 г.: „да погостъ Кайгортъ". Дерев. 4; дв. кр. 86; дв. боб. 24.

Погосты, возникшіе послѣ описанія 1608 г.

52.* Погостъ Усть-Куломъ на р. Вычегдѣ и на устьѣ р. Куломки.

По переп. 1646 г. описывается вмѣстѣ съ пог. Вишерой. Дерев. 10; дв. кр. 61; дв. боб. 12.
По переп. 1678 г. (отдѣльно отъ Вишеры) Дерев. 7; дв. кр. 51; дв. боб. 9.

53.* Погостъ Усть-Нѣмъ—на р. Вычегдѣ при впаденіи въ нее р. Нѣмы, лѣв. притока.

По переп. 1678 г. Дерев. 5; дв. кр. 17; дв. боб. 17.

54.* Погостъ Коптюга—въ Удорской вол.?.

По переп. 1678 г. Дерев. 1; дв. кр. 11; дв. боб. 5.

55.* Погостъ, что была деревня Верхній Зеленецъ на Вычегдѣ ниже устья Сысолы.

По переп. 1646 г. Дерев. 3; дв. кр. 38; дв. боб. 4.
По переп. 1678 г. Дерев. 3; дв. кр. 42: дв. боб. 17.

Вятская земля.

Города Хлыновъ, Орловъ, Котельничъ, Слободской и Шестаковъ съ уѣздами по р. Вяткѣ и притокамъ ея: правымъ: Леткѣ, Великой, Моломѣ; лѣвымъ: Чепцѣ и Быстрицѣ.

VIII. Хлыновскій уѣздъ.

Арх. мин. юст. писц. кн. 90, 903. (7137 г. писцовыя); кн. 520, 521. (7186 г. переписная).

По рр. Вяткѣ, Быстрицѣ и Люличанкѣ.

1. Станъ Спенцынскій тяглый.

По переп. 1629 г. Дерев. 75; починк. 20; дв. кр. 203, люд. 210; дв. боб. 6, люд. 6; на погостахъ 39 дв. боб.
По переп. 1678 г. Дер. и поч. 93; дв. кр. и боб. 247, люд. 1144; на погостахъ 40 дв. да 10 избен. боб., люд. 118.

2. Тогожъ стану Бритовская волость—по р. Люличанкѣ, лѣв. притоку Вятки.

По переп. 1629 г. Дерев. 28, починк. 72; дв. кр. 241, люд. 245; дв. боб. 4, люд. 4.

По рр. Вяткѣ, Быстрицѣ и Люмичанкѣ.

По переп. 1678 г. Дерев. и поч. 89; дв. кр. и боб. 164, люд. 674.

3. Станъ Спенцынскій оброчный.

По переп. 1629 г. Дерев. 5, поч. 42; дв. кр. 78, люд. 86.

По переп. 1678. Дерев. и поч. 56; дв. кр. 185, люд. 745. На погостахъ 56 дв. боб., 9 изб., люд. 161.

По рр. Хлыновицѣ и Верхн. Быстрицѣ.

4. Станъ Березовскій тяглый.

По переп. 1629 г. Дерев. 85, починк. 44; дв. кр. 273; люд. 286; дв. боб. 3. На погостахъ 31 дв. 2 кельи церк. бобылей: „а даютъ они съ тѣхъ своихъ дворцовъ на церкви на темьянъ и на ладанъ, и на всякое церк. строенье съ двора на годъ по 5 алт.“

По переп. 1678 г. Дерев. и поч. 143; дв. кр. и боб. 315, избен. 4, люд. 1467. На пог. 5 дв. боб.—20 чел.

5. Станъ Березовскій оброчный.

По переп. 1629 г. Дерев. 29½, починк. 141, займищъ 19, слободка 1; дв. кр. 261, люд. 283; дв. боб. 35, люд. 35.

По переп. 1678 г. Дерев. и поч. 263; дв. кр. и боб. 664, избен. 3; люд. 2835. На погостахъ 84 дв. боб., 207 чел.

По р. Чепцѣ, лѣв. прит. Вятки.

6. Станъ Чепецкій тяглый.

По переп. 1629 г. Дерев. 68, починк. 47, займищъ 1; дв. кр. 260, люд. 264; дв. боб. 1. На 4 погостахъ 40 дв. боб.

По переп. 1678 г. Дерев. и поч. 89; дв. кр. и боб. 120, люд. 687. На 3 погостахъ 49 дв. боб., люд. 165.

7. Станъ Чепецкій оброчный.

По переп. 1629 г. Дерев. 44½, починк. 130, займищъ 4; дв. кр. 338, люд. 353; дв. боб. 2, люд. 2. На 2 погостахъ 39 дв. боб., люд. 39.

По переп. 1678 г. Дерев. и поч. 324; дв. кр. и боб. 1011, люд. 4847. На 6 погостахъ 57 дв. боб. 1 изб., люд. 171.

С. Никольское Бобино въ 10 верстахъ къ С. В. отъ г. Вятки.

8. Станъ Бобинскій тяглый.

По переп. 1629 г. Дерев. 20, поч. 6; дв. кр. 46, люд. 48. На 1 погостѣ 33 дв. церк. боб.

По переп. 1678 г. Дерев. и поч. 39; дв. кр. и боб. 69, люд. 388.

9. Станъ Бобинскій оброчный.

По переп. 1629 г. Дерев. 44, починк. 23; дв. кр. 100, люд. 106.

По переп. 1678 г. Дерев. и поч. 85; дв. кр. и боб. 167, люд. 877. По книгѣ 1678 г. станъ этотъ находится во владѣніи епископа Вятскаго.

По р. Вяткѣ ниже устья р. Чепцы.

10. Станъ Волковскій тяглый.

По переп. 1629 г. Дерев. 39, починк. 6; дв. кр. 67, люд. 68. На 2 погостахъ 26 дв. церк. бобылей.

По переп. 1678 г. Дерев. и поч. 58; дв. кр. и боб. 115, люд. 495. На 1 погостѣ 5 дв. боб.—23 чел.

11. Станъ Волковскій оброчный.

По переп. 1629 г. Дерев. 47, починк. 22, займ. 2; дв. кр. 76, люд. 79.

По переп. 1678 г. Дерев. и поч. 107; дв. кр. и боб. 212; люд. 919. На 1 погостѣ 11 дв. боб., люд. 38.

По р. Вяткѣ и ея притокамъ: Мѣдянкѣ и Великой.

12. Станъ Великорѣцкій тяглый.

По переп. 1629 г. Дерев. 48, поч. 11; дв. кр. 155, люд. 163. На 5 погостахъ 63 дв. боб.

По переп. 1678 г. Дерев., поч., займищъ 74; дв. кр. и боб. 212, люд. 875. По переп. 1678 г. этотъ станъ дѣлится на слѣдующія волости:

Вол. Чудиновская—4 деревни.

Вол. Верховская—1 погостъ, 34 дерев. поч. и займищъ.

Вол. Загарская—5 дерев. и займ.

Вол. Мѣдянская—17 дерев. 1 займ.

Вол. Великорѣцкая—10 дерев. и поч.

13. Станъ Великорѣцкій оброчный.

По переп. 1629 г. Дерев. 34, починк. 72, займ. 20; дв. кр. 172, люд. 175; дв. боб. 1.

По переп. 1678 г. Дерев., поч. и заим. 235; дв. кр. и боб. 679, люд. 2599. На 7 погостахъ 106 дв. боб., люд. 259.

По переп. 1678 г. этотъ станъ дѣлится на тѣ-же волости, какъ и предыдущій. Сверхъ того въ немъ упоминаются: а) Новая Лецкая слободка, а въ той слободкѣ погостъ ц. Ник. Чуд., въ ней живутъ пермяки в) волость Подретская, въ ней 1 деревня, остальные починки и „заимочки“.

14.* Новая слободка Филиппова.

Не упоминается по переп. 1629 и 1646 г. По книгѣ 1678 г. въ ней дерев. и починковъ 148; дв. кр. 348, люд. 1772. „А въ прежнихъ переписныхъ Васильевыхъ книгахъ Отяева Новой слободки Филипповки не написано, а поселились на той слободкѣ послѣ переписныхъ книгъ вновь“.

15.* Волость Ошланская—въ верховьяхъ р. Вои, лѣв. притока Вятки. Возникла послѣ переп. 1646 г.

По книгѣ 1678 г. въ ней 1 погостъ, 1 дв. боб., 2 чел.: дерев., поч. займ. 18; дв. 99, люд. 232.

16.* Погостъ вновь за Вяткою рѣкою противъ Хлынова города. По книгѣ 1678 г. въ немъ ц. Макар. Унж., на погостѣ 5 дв. церк. причта; 1 дв. суконной сотни Петра Рязанцева; 14 дв. боб.—54 чел. Да за Вяткою жъ рѣкою на оброчной посадской землѣ 5 дв. боб., 16 чел.

IX. Орловскій уѣздъ.

Арх. мин. юст. писц. кн. 90 (7137 г.); переп. 340 (7186 г.).

1. Окологородье; по кн. 1678 г.—станъ Орловскій. Дѣлится на волости:

Волость Чисть.

Волость въ Боровичахъ. По переп. 1629 г. Дерев. 14, поч. 6.

Волость Колково. По переп. 1629 г. 16 дерев. и поч.

Волостка Горловская Id. 5 дерев.

Волостка Русановская Id. 16 дерев. и поч.

Волостка Куденская.

Всего въ Окологородьѣ по переп. 1629 г. тяглыхъ дерев. 81½, поч. 57; дв. кр. 284, люд. 287; оброчныхъ дв. кр. 95.

По переп. 1678 г. тяглыхъ дерев. и поч., и займ. 75; дв. кр. и боб. 110, люд. 348. Оброчныхъ дерев. и поч., и займ. 150; дв. кр. и боб. 273, люд. 982.

2. Волость Истобенская—теперь с. Истобенское на р. Вяткѣ ниже Орлова.

По переп. 1629 г. На погостѣ 16 дв. боб. церк. Тяглыхъ: дерев. 39, поч. 20, займ. 1; дв. кр. 125, люд. 133; дв. боб. 2. Оброчныхъ: поч. 41, займ. 2; дв. кр. 65, люд. 68; дв. боб. 2, люд. 2.

По переп. 1678 г.:

Истобенскій тяглый станъ: дер. и поч. 50; дв. кр. и боб. 109, люд. 522.

Истобенскій оброчный станъ: дер., поч. и займ. 89; дв. кр. и боб. 310, люд. 1494.

На 3 погостахъ 22 дв. боб. 2 изб.—67 чел.

3.* Волость Снегиревская—по р. Снегиревѣ, лѣв. притоку Быстрицы.

Въ книгѣ 1629 г. ея еще нѣтъ. По кн. 1678 г. въ ней дер. и поч., и займ. 20; дв. кр. и боб. 53, люд. 266.

X. Котельническій уѣздъ.

Арх. мин. юст. писц. кн. 90, 903 (7137 г. писц.); кн. 340 (7186 г. переп.).

По переп. 1629 г. Тяглыхъ дерев. 152, поч. 36; дв. кр. 350, люд. 380; дв. боб. 1; 1 слободка, въ ней 33 дв. боб., люд. 33. Оброчныхъ дерев. 22, поч. 180, займ. 19; дв. кр. 347, люд. 362.

По переп. 1629 г. намѣчены слѣдующія дѣленія: волостка Городокъ, 83 дер. и поч.; волость Поломская, 65 дер. и поч. по рѣчкѣ Куренкѣ, прав. притоку р. Моломы.

По переписи 1678 г.

Станъ Котельницкій тяглый.

Волости: Поломская, Окологородная, Гостевская, Юрьевская (26 дер.) Куринская, Молотниковская. Дерев. и поч. 135; дв. кр. и боб. 191, люд. 791. На 3 погостахъ 34 дв. боб., люд. 86.

Станъ Котельницкій оброчный.

Волости: Подгорная, Гостевская, Молотниковская (62 дер. и поч.). Юрьевская (45 дер. и поч.), Красногородская (15 дер. и поч.), Куринская, Спасская на р. Моломѣ, Окатьевская. Дерев., поч. и заим. 386, дв. 850, люд. 3289. На 6 погостахъ дв. боб. 51, люд. 122.

XI. Слободской уѣздъ.

Арх. мин. юст. писц. кн. 89. (7137 г. писц.); кн. 339 (7186 г. переп.).

1. Станъ Чистянскій—по р. Вяткѣ ниже г. Слободского и по р. Чепцѣ.

По переп. 1629 г.:

Тяглыхъ дерев. 69; дв. кр. 141, люд. 234; дв. боб. 16, люд. 17.

Оброчныхъ дерев. 15, поч. 8; дв. кр. 42, люд. 63; дв. боб. 2.

На 3 погостахъ 36 дв. боб.

По переп. 1678 г.:

Станъ Чистянскій тяглый: дер. и поч. 74; дв. 138, люд. 492.

Станъ Чистянскій оброчный: дер., поч. и займ. 106; дв. 240, люд. 1009.

2. Станъ Верховскій—возлѣ города.

По переп. 1629 г.:

Тяглыхъ дер. 69$^{1}/_{6}$, поч. 1, займ. 11; дв. кр. 143, люд. 203; дв. боб. 4, люд. 4.

Оброчныхъ дер. 12, поч. 3, займ. 6; дв. кр. 38, люд. 64.

Да въ Верховскомъ же стану окологородныхъ Екатерининскаго приходу оброчныхъ дерев. 12$^{1}/_{6}$, поч. 11, займ. 17; дв. кр. 31, люд. 44.

По переп. 1678 г.:

Станъ Верховскій тяглый: дерев. и поч. 66; дв. 182, люд. 622.

Станъ Верховскій оброчный: дерев. и поч. 28; дв. 39, люд. 142.

3. Станъ Холуницкій—по р. Холуницѣ, лѣв. притоку Вятки.

По переп. 1629 г.:

На 3 погостахъ 45 дв. боб. (34 дв. церк. боб. и 11 дв. боб. на государевѣ землѣ).

Тяглыхъ дерев. 88$^{1}/_{2}$, поч. 7; дв. кр. 175, люд. 299; дв. боб. 28, люд. 28.

Оброчныхъ дерев. 21., 1 слоб. непаш., поч. 45, займищъ 10; дв. кр. 84, люд. 119; дв. боб. 6, люд. 6.

По переп. 1678 г.:

На 3 погостахъ 42 дв. боб.

Станъ Холуницкій тяглый: дерев. 88; дв. кр. 148, люд. 570.

Станъ Холуницкій оброчный: дерев. и поч. 36; дв. 46, люд. 200.

4. Станъ Сырьянскій—теперь с. Сырьянское на р. Вяткѣ (выше Шестакова).

По переп. 1629 г.:

На 3 погостахъ 37 дв. церк. боб. „да 5 дв. тяглыхъ крестьянъ положено въ сошное письмо противъ посадскихъ людей дворами $^1/_{32}$ сохи, да на погостѣ же на государевѣ землѣ оброчныхъ 20 дв. боб., 22 чел.“

Тяглыхъ дерев. $54^1/_2$, поч. 4, займ. 6; кр. дв. 127, люд. 316; дв. боб. 13, люд. 13.

Оброчныхъ дерев. 30, поч. 68, займ. 10; дв. кр. 166, люд. 234; дв. боб. 6, люд. 6.

По переп. 1678 г.:

На 3 погостахъ дв. боб. 59, люд. 177.

Станъ Сырьянскій тяглый: дерев. 48; дв. кр. и боб. 83.

Станъ Сырьянскій оброчный: дерев., поч. и займ. 65; дв. 119, люд. 899.

5. Станъ Лужановскій.

По переп. 1629 г.:

Тяглыхъ дерев. 7, поч. 1, займ. 1; дв. кр. 12, люд. 22; дв. боб. 2, людей 2.

На оброкѣ 2 починка.

По переп. 1678 г.:

Станъ Лужановскій тяглый—?

Станъ Лужановскій оброчный: 9 дерев. и поч.

Всего въ обоихъ 23 дер. и поч.; дв. кр. 58, люд. 287.

6.* Волость Совьинская—по р. Совѣ, притоку Лекмы, впадающей въ Летку, притокъ Вятки.

По переп. 1629 г. не упоминается. По книгѣ 1678 г. въ ней дерев., поч. и займ. 33; дв. кр. 84, люд. 352.

XII. Шестаковскій уѣздъ.

(Писц. книги тѣ же, что и для Слободского у).

Станъ Егорьевскій (по переп. 1678 г. „Шестаковскій“).

По переп. 1629 г.:

Тяглыхъ дерев. 45, поч. 1; дв. кр. 61, люд. 135; дв. боб. 17, люд. 18.

Оброчныхъ дерев. 24, поч. 32; дв. кр. 63, люд. 138; дв. боб. 5, люд. 5.

По переп. 1678 г.

На пог. 4 дв. боб.—7 чел.
Станъ Шестаковскій тяглый: дерев. и поч. 41; дв. 47, люд. 121.
Станъ Шестаковскій оброчный: дерев. и поч. 14; дв. 14, люд. 151.

Пермская земля.

По р. Камѣ и ея притокамъ.

XIII. Кайгородскій уѣздъ.

По верхней Камѣ.

Арх. мин. юст. писц. кн. 184 (7186 г. переп.).

1. Станъ Окологородный.

Дерев. 16, поч. 35; дв. кр. 168, дв. боб. 9; дв. вдов. 3; дв. нищ. 3; дв. половн. 1.

2. Погостъ Пущинскій—къ Ю. отъ Кайгорода (дер. Тихоновское).

Дерев. 11, поч. 26; дв. кр. 80; дв. боб. 1; дв. вдов. 28; дв. нищ. 5.

3. Погостъ Лоинскій—по р. Камѣ выше Кайгорода.

Дерев. 20, поч. 33; дв. кр. 153; дв. боб. 18; дв. вдов. 4; дв. нищ. 3.

4. Погостъ Гидаевъ—теперь Гидаево къ З. отъ Кайгорода.

Дерев. 15, поч. 23; дв. кр. 135; дв. боб. 4; дв. вдов. 2; дв. нищ. 1; дв. половн. 1.

5. Волость Волостница—на р. Камѣ и на рчк. Волостницѣ, лѣв. притокѣ Камы.

Дерев. 12, поч. 14; дв. кр. 113; дв. боб. 1.

6. Волость Зюздинская—теперь с. Николаевское Зюздинское на р. Камѣ.

Дерев. 11, поч. 98; дв. кр. 141; дв. боб. 18; дв. нищ. 1; дв. пол. 1.

7. Волость Колышъ—по р. Колышу, пр. притоку Камы.

Дерев. 23, поч. 51; дв. кр. 90; дв. боб. 5; дв. вдов. 1.

XIV. Чердынскій уѣздъ.

По р. Камѣ и ея притокамъ: слѣва Вишерѣ съ Колвой и Язьвой, справа Косѣ и Уролкѣ.

Данныя по писц. кн. 1623—27 г. см. *Дмитріевъ*, Пермская Старина, вып. 3.
Арх. мин. юст. писц. кн. 351 (7155 г. переписная); кн. 352 (7186 г. писцовая).

1. Станъ Окологородный.

По переп. 1647 г. Дерев. 14, поч. 15; дв. кр. 45, люд. 90; дв. боб. и вд. 52, люд. 65.

По переп. 1678 г. Дерев. 14, поч. 13; дв. посадскихъ въ деревняхъ 14; дв. кр. 130, избъ 9; дв. боб. 4, изб. боб. 1; дв. половн. 7; дв. нищ. 2, изб. 1. Всего дв. 157, люд. 554.

2. Погостъ Покча—на р. Колвѣ, выше Чердыни.

По переп. 1647 г. Дерев. 7, поч. 2; дв. кр. 39, люд. 79; дв. боб. и вд. 54.

По переп. 1678 г. Дерев. 6, поч. 2; дв. кр. 150, избъ 13; дв. боб. 9; дв. нищ. 7. Всего дв. 166, люд. 591.

3. Погостъ Вильгортъ—на р. Цыдвѣ, впадающей въ Колву.

По переп. 1647 г. Дерев. 7, поч. 4; дв. кр. 35, люд. 78; дв. боб. и вд. 81, люд. 89.

По переп. 1678 г. Дерев. 6, поч. 3; дв. кр. 88; дв. боб. 103; дв. нищ. 16. Всего дв. 207, люд. 696.

4. Погостъ Цыдва—на р. Цыдвѣ.

По переп. 1647 г. Поч. 2; дв. кр. 13, люд. 27; дв. боб. и вд. 28, люд. 35.

По переп. 1678 г. Дерев. 5; дв. кр. 20; дв. боб. 48; дв. нищ. 13. Всего дв. 81, люд. 259.

5. Погостъ Ныробъ—на р. Колвѣ.

По переп. 1647 г. Дерев. и поч. нѣтъ. На погостѣ дв. кр. 8, люд. 15; дв. боб. и вд. 19, люд. 28.

По переп. 1678 г. Дерев. 4, поч. 1; дв. кр. 33; дв. боб. 6, избъ 2. Всего дв. 39, 2 избы, люд. 148.

6. Погостъ Искоръ—на р. Колвѣ.

По переп. 1647 г. Дерев. нѣтъ, поч. 1, дв. кр. 4, люд. 7; дв. боб. и вд. 16, люд. 17.

По переп. 1678 г. Дерев. 1, поч. нѣтъ; дв. кр. 50, избъ 4; дв. боб., вд. и нищ. 13, избъ 9. Всего на погостѣ и въ деревнѣ 63 дв., 13 избъ, люд. 235.

7. Погостъ Анисимовъ—на рѣчкѣ Кемзалѣ къ З. отъ Чердыни.

По переп. 1647 г. Дерев. 9, поч. 1; дв. кр. 21, люд. 50; дв. боб. и вд. 44, люд. 49.

По переп. 1678 г. Дерев. 11, поч. 2; дв. кр. 123, избъ 3; дв. боб. вд. и нищ. 24, избъ 3. Всего дв. 147, избъ 6, люд. 474.

8. Погостъ Енидоръ—по р. Пильвѣ, лѣв. притоку Камы.

По переп. 1647 г. Дерев. 2; дв. кр. 6, люд. 13; дв. боб. и вд. 14, люд. 18.

По переп. 1678 г. Дерев. 2; дв. кр. 32; дв. боб. 8, избъ 1; дв. половн. 1; дв. вд. 2; дв. нищихъ 7, избъ 2. Всего дв. 50, избъ 3; люд. 190.

9. Погостъ Кульчугъ—на р. Камѣ, къ З. отъ Чердыни на озерѣ.

По переп. 1647 г. Дерев. 9; дв. кр. 39, люд. 66; дв. боб. и вд. 51, люд. 54.

По переп. 1678 г. Дерев. 9, поч. 7; дв. кр. 128, изба 1; дв. боб., вд. и нищ. 68, изба 1. Всего дв. 196, люд. 622.

[1]) 10*. Погостъ. что была деревня Бондюга—на усть Бондюгѣ на р. Камѣ, къ В. отъ устья Пильвы.

По переп. 1647 г. Дерев. 6; дв. кр. 31; люд. 56; дв. боб. и вд. 78, люд. 82.

По переп. 1678 г. Дерев. 7, поч. 1; дв. кр. 116, 1 изба; дв. боб. 60, изба 1; дв. половн. 3, люд. 6; дв. вд. 6; дв. нищ. 3. Всего дв. 188, люд. 626.

11. Погостъ Пентѣгъ—на р. Камѣ близъ устья Уролки, прав. притока Камы.

По переп. 1647 г. Дерев. 9, поч. 2; дв. кр. 42, люд. 89; дв. боб. и вд. 25, люд. 36.

По переп. 1678 г. Дерев. 10, поч. 2; дв. кр. 84, изба 1; дв. боб. 27, изба 1; дв. половн. 1; дв. нищ. 2 Всего дв. 114, люд. 397.

12. Погостъ Редикоръ—на р. Вишерѣ, лѣв. притокѣ Камы.

По переп. 1647 г. Дерев. 7, поч. 7; дв. кр. 33, люд. 78; дв. боб. и вд. 39, люд. 50.

По переп. 1678 г. Дерев. 7, поч. 6; дв. кр. 59; дв. боб. 34, избъ 3; дв. половн. 1; дв. вд. 1; дв. нищ. 5, избъ 3. Всего дв. 100, люд. 342.

13. Погостъ Лимешъ—на р. Камѣ.

По переп. 1647 г. Дерев. 21, поч. 12; дв. кр. 74, люд. 177; дв. боб. и вд. 62, люд. 84.

По переп. 1678 г. „всего два погоста: Лимешъ и Нижній Шакшеръ, а къ погостамъ“: дерев. 27, поч. 7; дв. кр. 176; дв. боб. 37; дв. половн. 8; дв. вд. 2, изб. 1. Всего въ двухъ погостахъ дв. 223, изба 1, люд. 851.

14. Погостъ Губдоръ—на оз. Губдорскомъ въ междурѣчьѣ Вишеры и ея лѣваго притока Язьвы съ Глухою Вильвою.

По переп. 1647 г. Дерев. 8, поч. 2; дв. кр. 39, люд. 87; дв. боб. и вд. 57, люд. 69.

По переп. 1678 г. „всего два погоста: Губдоръ да погостъ, что была деревня Нижняя Верхъ-Язва. А къ погостамъ“: дерев. 9, поч. 7; дв. кр. 105; дв. боб. 68; дв. вд. 3; дв. нищ. 2. Всего дв. 178, люд. 630.

---

[1]) Въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уу. знакомъ *) обозначены погосты, упоминаемые со времени переписи 1647 г. и не встрѣчающіеся въ переписи 20-хъ годовъ. Знакомъ **) погосты, появляющіеся впервые въ книгѣ 1678 г.

15*. Погостъ, что была деревня Фотѣевская Дуброва на Ключѣ— въ томъ же междурѣчьѣ къ югу отъ Губдора, теперь с. Дубровское. Выдѣлился изъ Губдора послѣ переписи $16^{23}/_{24}$ г.

По переп. 1647 г. Дерев. 9, поч. 1; дв. кр. 24, люд. 43; дв. боб. и вд. 24, люд. 28.

По переп. 1678 г. Дерев. 9, поч. 1; дв. кр. 39, избъ 3; дв. половн. 3; дв. боб. 40; дв. вд. 2. Всего дв. 84, избъ 3, люд. 285.

16.* Погостъ, что была деревня Чигимеръ на Родникѣ. Выдѣлился изъ пог. Губдора послѣ описанія $16^{23}/_{24}$ г.

По переп. 1647 г. Дерев. 5, поч. 1.; дв. кр. 21, люд. 43; дв. боб. и вд. 2, люд. 2.

По переп. 1678 г. Дерев. 6, поч. 3; дв. кр. 49, изба 1; дв. половн. 2; дв. боб. 18; дв. вд. 2; дв. нищ. 1. Всего дв. 72, изба 1, люд. 244.

17. Погостъ Вильва—на рѣчкѣ Вильвѣ, прав. прит. Камы (эту Вильву не слѣдуетъ смѣшивать съ Глухой Вильвой, притокомъ Вишеры).

По переп. 1647 г. Дерев. 14, поч. 8; дв. кр. 64, люд. 166; дв. боб. и вд. 25, люд. 36.

По переп. 1678 г. Дерев. 18, поч. 14; дв. кр. 141; дв. боб. 25; дв. половн. 2; дв. вд. 7. Всего дв. 175, люд. 703.

18.* Погостъ, что была дер. Мошево на р. Камѣ. Выдѣлился изъ погоста Вильва послѣ описанія $16^{23}/_{24}$ г.

По переп. 1647 г. Дерев. 15, поч. 2; дв. кр. 70, люд. 212; дв. боб. и вд. 27, люд. 46.

По переп. 1678 г. „всего 2 погоста: Мошево и Верхъ-Боровая, а къ погостамъ“: дерев. 11, поч. 3; дв. кр. 71; дв. боб. 20; дв. половн. 4; дв. вд. 4. Всего дв. 99, люд. 403.

19. Погостъ Коса, Ныровъ тожъ—на р. Косѣ, пр. притокѣ Камы.

По переп. 1647 г. Дерев. 7, поч. 3; дв. кр. 93, люд. 169; дв. боб. и вд. 32, люд. 38.

По переп. 1678 г. „всего 2 погоста: Коса да что прежъ была деревня Верхъ-Уролка, а къ погостамъ“: дерев. 13, поч. 7; дв. кр. 173; дв. боб. 43; дв. вд. 4, избъ 2. Всего дв. 220, избъ 719.

20. Погостъ Гайна—на р. Камѣ.

По переп. 1647 г. Дерев. 15, поч. 2; дв. кр. 65, люд. 144; дв. вд. и боб. 24, люд. 25.

По переп. 1678 г. Дерев. 16, поч. 6; дв. кр. 181; дв. боб. 10, избъ 4; дв. вд. 2, изба 1; дв. нищ. 3; изба 1. Всего дв. 196, избъ 6, люд. 680.

21.* Погостъ Юксіевъ—теперь Юксіево въ междурѣчьѣ Косы и ея притока Лолога, выдѣлился изъ погоста Гайны послѣ описанія $16^{23}/_{24}$ гг.

По переп. 1647 г. Дерев. 2; дв. кр. 23, люд. 39; дв. боб. и вд. 3, люд. 3.

По переп. 1678 г. Дерев. 2, поч. 2; дв. кр. 52 изба 1; дв. боб. 7, изба 1; дв. пол. 1; дв. нищ. 2, избъ 2. Всего дв. 62, избъ 4, люд. 175.

XV. Соликамскій уѣздъ.

По р. Камѣ и ея притокамъ: слѣва Усолкѣ, Зырянкѣ, Яйвѣ, Косьвѣ и справа Инвѣ и Обвѣ.

Описаніе $16^{23}/_{24}$ г. см. у *Дмитріева,* Пермская старина, вып. 3.

Арх. мин. юст. писц. кн. 474 (7155 г. переписная); кн. 442, 443 (7186 г. переписная).

1. Погостъ на Городищѣ—возлѣ г. Соликамска на р. Усолкѣ.

По переп. 1647 г. Дерев. 30, поч. 14; дв. кр. 220, люд. 818; дв. боб. 30, люд. 71; дв. Троицкаго мон. 3.

По переп. 1678 г. Дерев. 35, поч. 23; дв. кр. 226, избъ 6; дв. боб. 80, избъ 23; дв. вд. 7, изба 1. Всего дв. и избъ 343, люд. 1243.

2.** Погостъ, что была дер. Половодово—на прав. берег. Усолки.

По переп. 1678 г. Починк. 7; дв. кр. 39, дв. боб. 2. Всего дв. 41, люд. 130.

3.* Погостъ Введенскій—на Яйвѣ.

По переп. 1647. Дерев. и поч. нѣтъ; дв. кр. 17., люд. 60.

По переп. 1678 г. дв. кр. 25, люд. 110.

4.* Погостъ Верхъ-Усолки, что была дер. Лябова—по берегамъ Усолки.

По переп. 1647 г. Дерев. 18, поч. 2; дв. кр. 75, люд. 279.

По переп. 1678 г. Дерев. 24, поч. 1; дв. кр. 151, дв. боб. 18. Всего дв. 173 (?), люд. 591.

5. Погостъ Усть-Боровскій на устьѣ р. Боровой и станъ Заболотный.

По книгѣ $161^{23}/_{24}$ г. это—станъ Окологородный; по книгѣ 1647 г. „станъ Окологородный Заболотскій" описанъ отдѣльно отъ Усть-Боровскаго, именно:

По переп. 1647 г. а) въ Усть-Боровскомъ погостѣ: дерев. 7, поч. 2; дв. кр. 72, люд. 255; дв. боб. и вд. 9, люд. 29; 1 дв. кабацк. откупщика—4 чел. в) Въ Окологородномъ Заболотскомъ стану: дерев. 17; дв. кр. 48, люд. 169; дв. боб. 3, люд. 12.

По переп. 1678 г. въ обоихъ: дерев. 20, поч. 2; дв. кр. 126, изба 1; дв. боб. 46, избъ 6. Всего дв. 173, избъ 6 (sic), люд. 675.

6.* Погостъ Ильинскій—на р. Обвѣ—теперь с. Ильинское на Обвѣ. По кн. $16^{23}/_{24}$ г. принадлежалъ къ Чердынскому уѣзду.

По переп. 1647 г. Дерев. 23; дв. кр. 210, люд. 768.

По переп. 1678 г. всего 2 погоста: Срѣтенскій и Ильинскій, а къ погостамъ: дерев. 51, поч. 72; дв. кр. 488; дв. боб. и вд. 63. Всего дв. 551, люд. 2076.

7.** Погостъ Георгіевскій, что была дер. Кривецъ на р. Обвѣ.

По переп. 1678 г. Дерев. 19, поч. 21; дв. кр. 128; дв. боб., вд. и нищ. 9. Всего дв. 137, люд. 479.

8.* Погостъ Рождественскій—на р. Обвѣ, выше Ильинскаго. По книгѣ 16²³/₂₄ г. относился къ Чердынскому уѣзду.

По переп. 1647 г. Дерев. 22, поч. 9; дв. кр. 156, люд. 589.

По переп. 1678 г. Дерев. 24, поч. 64; дв. кр. 309, изб. 3; дв. половн. 9; дв. боб., вд. и нищ. 20, изб. 3. Всего дв. 339, люд. 1282.

9.** Погостъ Георгіевскій, что была деревня Юричъ—теперь с. Юрическое на р. Юричѣ, притокѣ Нердвы, впадающей въ Обву.

По переп. 1678 г. Дерев. 11, поч. 21; дв. кр. 109, изб. 2; дв. боб. 3. Всего дв. 112, людей 454.

10.* Погостъ Карагай—на р. Обвѣ.

По переп. 1647 г. Дерев. 2, поч. 5; дв. кр. 76, люд. 286.

По переп. 1678 г. Дерев. 8, поч. 20; дв. кр. 152; дв. боб. 25. Всего дв. 177, люд. 654.

11.** Погостъ Николаевскій—на р. Обвѣ, что былъ поч. Кизва. (выше Карагая).

По переп. 1678 г. Дерев. 5, поч. 26, дв. кр. 87, изба 1; дв. боб. 13. Всего дв. 100, люд. 378.

12.* Погостъ Купросъ—на р. Инвѣ. По кн. 16²³/₂₄ г. входилъ въ составъ погоста Кудымкоръ.

По переп. 1647 г. Дерев. 10, поч. 12; дв. кр. 89, люд. 323.

По переп. 1678 г. Дерев. 14, поч. 13; дв. кр. 163; дв. боб. и вд. 3. Всего дв. 166, люд. 653.

13.** Погостъ на р. Инвѣ, что была дер. Майкоръ. По кн. 1647 гг. входилъ въ составъ погоста Кудымкоръ.

По переп. 1678 г. Дерев. 7, поч. 7; дв. кр. 132; дв. боб. и вд. 6. Всего дв. 138, люд. 503.

14.* Погостъ Кудымкоръ надъ р. Кудвою—на р. Инвѣ. По кн. 16²³/₂₄ г. входилъ въ составъ Чердынскаго уѣзда.

По переп. 1647 г. Дерев. 25, поч. 10; дв. кр. 214, люд. 799.

По переп. 1678 г. Дерев. 13, поч. 15; дв. кр. 162, изба 1; дв. боб., вд. и нищ. 7. Всего дв. 169, люд. 619.

15.** Погостъ Богородицкій надъ р. Кудвою, что была дер. Утева,—на р. Кудвѣ, лѣв. притокѣ Инвы—теперь с. Утевское.

По переп. 1678 г. Дерев. 8, поч. 12; дв. кр. 154, изба 1; дв. вд. и нищ. 2. Всего дв. 156, люд. 550.

16.** Погостъ Георгіевскій, что была деревня Нижняя Юсва—на р. Юсвѣ, прав. притокѣ Инвы.

По переп. 1678 г. Дерев. 12, поч. 9; дв. кр. 107, дв. вд. 1. Всего дв. 108, люд. 417.

17. Погостъ на р. Косвѣ, лѣв. притокѣ Камы.

По переп. 1647 г. Дерев. 3, поч. 2; дв. кр. 58, люд. 228.

По переп. 1678 г. Дерев. 22, поч. 5; дв. кр. 154, изба 1; дв. боб., нищ., вд. 8. Всего дв. 162, изба 1, люд. 657.

18. Погостъ Булатовъ—на р. Яйвѣ, лѣв. притокѣ Камы.

По переп. 1647 г. Дерев. 3, поч. 2; дв. кр. 38, люд. 162.

По переп. 1678 г. Дерев. 3, поч. 3; дв. кр. 65; дв. боб. 1. Всего дв. 66, люд. 295.

19. Погостъ Зырянка—на рѣчкѣ Зырянкѣ, лѣв. прит. Камы. Погостъ этотъ значится въ кн. 16[23],24 г. и 1647 г.; въ кн. 1678 г. его нѣтъ.

По переп. 1647 г. Дерев. 6, поч. 3; дв. кр. 65; люд. 246; дв. боб. 11, люд. 29.

XVI. Сольвычегодскій уѣздъ.

По р. Вычегдѣ ниже рр. Лупьи и Чаколки, по притокамъ Вычегды: Виледи и Нимяндѣ, по С. Двинѣ вверхъ отъ устья Вычегды, по правому берегу Сухоны и по Югу съ его притокомъ Лузой.

Арх. мин. юст. кн. 446, копія съ нея кн. 450 (7133 г., писцовая); кн. 451, 452. (7153 г., писцовая); кн. 501, 505. (7186—7190 гг., писцовая).

1. Станъ Окологородный

По переп. 1625 г. дв. кр. и половн. 262, люд. 373; дв. боб. 3, люд. 3.

По переп. 1645 г. дв. кр. и половн. 255, люд. 476; дв. боб. 2.

По переп. 1678 г. дв. кр. 157; дв. половн. 82; дв. вд. 3. Всего люд. 931.

2. Станъ Пачеозерскій—къ З. отъ Сольвычегодска по оз. Пачеозерскому.

По переп. 1625 г. дв. кр. и половн. 223, люд. 292; дв. боб. 1, люд. 1.

По переп. 1645 г. дв. кр. 170, люд. 270; дв. половн. 46, люд. 78; дв. боб. на церк. зем. 15.

По переп. 1678 г. дв. кр. 156; дв. половн. 59; дв. вд. 3; дв. боб. 14. Всего люд. 835.

3. „Деревни Пачеозерскія въ Вилегодской волости, что бывали приписаны къ Пачеозеру“, составляющія особую Княжесельскую сошку.

По переп. 1625 г. дерев. 10, поч. 1, выст. 2; дв. кр. 40, люд. 62.

По переп. 1645 г. дв. кр. 24; люд. 40; дв. половн. 1.

По переп. 1678 г. дв. кр. 26; дв. пол. 5; дв. вд. 1. Всего люд. 106.

4. Станъ Алексинскій—по лѣв. берегу С. Двины, по рр. Удимѣ и Реважу.

По переп. 1625 г. дв. кр. и половн. 296, люд. 552; дв. боб. 5, люд. 5.

По переп. 1645 г. дв. кр. и половн. 252, люд. 460; дв. боб. 7, люд. 8.

По переп. 1678 г. дв. кр. 154; дв. пол. 75; дв. вд. 3; дв. боб. 3. Всего люд. 710.

5. Алексинскаго стану отписная сошка, что на Комарицѣ.

Ея нѣтъ въ описаніяхъ 1625 и 1645 г. Она образовалась, повидимому, изъ деревень, отписанныхъ у Телѣгова и Архангельскаго монастырей. По описанію 1678 г. въ ней: дерев. 4; дв. кр. 19; дв. половн. 8. Всего люд. 76.

6. Станъ Баскачій—по прав. берегу Сухоны при сліяніи ея съ Югомъ, по Двинѣ и Шемоксѣ, прав. притоку Двины. Село Вондокурское, Баскачье тожъ—на лѣв. берегу С. Двины.

По переп. 1625 г. дв. кр. и половн. 20, люд. 33.

По переп. 1645 г. дв. кр. и половн. 18, люд. 42.

По переп. 1678 г. дв. кр. 1; дв. половн. 18. Всего люд. 64.

7. Баскачья села деревни Заборскія, данныя деньги платятъ въ Усольскій уѣздъ, а оброчныя деньги въ Устюжскій уѣздъ съ Ивановымъ погостомъ.

По переп. 1625 г. Дерев. 7; дв. 25, люд. 35.

По переп. 1645 г. Дерев. 7; дв. кр. 5, люд. 10; дв. половн. 13, люд. 30; 1 дв. церк. половн.

По переп. 1678 г.—нѣтъ.

8. „Въ Пятницкомъ концѣ и на Назимовѣ, и на Дымковѣ, подъ Устюгомъ подъ посадомъ“ и по рр. Сухонѣ и Шарденгѣ, лѣв. притоку Юга.

По переп. 1625 г. Дерев. 7½; дв. 39, люд. 70.

По переп. 1645 г. дв. 42, люд. 72.

По переп. 1678 г. дв. кр. 8; дв. половн. 23. Всего люд. 117.

9. Въ Петровскомъ сельцѣ деревни черныя—по прав. берегу Сухоны, по рр. Югу и Шемоксѣ.

По переп. 1625 г. Дерев. 26; дв. 80, люд. 129.

По переп. 1645 г. дв. кр. и половн. 80 да 3 дв. оброчн. Людей въ нихъ 152.

По переп. 1678 г. дв. кр. 33; дв. половн. 42. Всего люд. 225.

10. Петровскаго жъ сельца деревни: данныя деньги платятъ въ Усольскій уѣздъ, а оброчныя деньги за волостелинъ доходъ платятъ въ Устюжскій уѣздъ съ Ивановымъ погостомъ.

По переп. 1625 г. Дерев. 2; дв. 5, люд. 9.

По переп. 1645 г. Дерев. 2; дв. 5, люд. 10.

По переп. 1678 г.—нѣтъ.

11. Волость Утмановская—на р. Югѣ и Шелгѣ, прав. прит. Юга.

По переп. 1625 г. Дерев. 19, выст. 1; дв. 64, люд. 100.

По переп. 1645 г. дв. кр. и половн. 20—отданы на льготу.

По переп. 1678 г. дв. кр. 31; дв. половн. 11. Всего люд. 105.

12. Станъ Ратмеровскій—по р. Лузѣ и ея притокамъ Чигрѣ и Пырзѣ.

По переп. 1625 г. Дерев. 153, выст. 2; дв. 343, люд. 543.

По переп. 1645 г. дв. кр. 266, люд. 469; дв. половн. 97, люд. 99; дв. боб. 14, люд. 19.

По переп. 1678 г. дв. кр. 262; дв. половн. 52; дв. вд. 4. Всего люд. 1165.

13. Волость Антропьева слобода—по р. Лузѣ и ея прав. притоку р. Лалѣ.

По переп. 1625 г. Дерев. 113, выст. 10, поч. 1; дв. 347, люд. 500.

По переп. 1645 г. дв. кр. и половн. 257, люд. 396.

По переп. 1678 г. дв. кр. 226; дв. пол. 31; дв. вд. 5. Всего люд. 977.

14. Волость Лальская—по р. Лалѣ.

По переп. 1625 г. Дерев. 99, поч. 5, выст. 4; дв. 248, люд. 372.

По переп. 1645 г. Дерев. 56; дв. кр. и пол. 110, люд. 177; 1 дв. боб.

По переп. 1678 г. дв. кр. 133; дв. пол. 46; дв. боб. на погостѣ 2. Всего люд. 497.

15. Волость Учецкая—по р. Учкѣ, лѣв. притоку Лузы.

По переп. 1625 г. Дерев. 80, выст. 5; дв. кр. и половн. 173, люд. 229; дв. боб. 1, люд. 2.

По переп. 1645 г. Дерев. 53, выст. 1; дв. кр. и половн. 111, люд. 166.

По переп. 1678 г. дв. кр. 85; дв. половн. 28; дв. вд. 3. Всего люд. 440.

16. Станъ Андреевскій—теперь Андреева гора на р. Лузѣ.

По переп. 1625 г. Дерев. 67, выст. 9; дв. кр. и половн. 237, люд. 289; дв. боб. 1, люд. 1.

По переп. 1645 г. Дерев. 65, выст. 2; дв. кр. 244, люд. 382; дв. половн. 21, люд. 21; дв. боб. 5, люд. 5.

По переп. 1678 г. дв. кр. 170; дв. половн. 15; дв. вд. 4. Всего люд. 471.

17. Благовѣщенскій приходъ Андреевской волости составляетъ особую самоуправляющуюся единицу, отдѣльную отъ Андреевской волости, хотя въ писцовыхъ книгахъ описывается вмѣстѣ съ волостью. Онъ имѣетъ особую выборную администрацію въ лицѣ земскаго судьи, сотскаго, цѣловальника и на обще-уѣздные сходы посылаетъ своего особаго депутата—посыльщика, независимо отъ посыльщика Андреевской волости. См. Пр. Д. 1616 № 9; Пр. Д. 1645 № 47; Пр. Д. 1649 № 74.

18. Волость Лузская Пермца—по верховьямъ р. Лузы.

По переп. 1625 г. Дерев. 164, выст. 3, поч. 10; дв. кр. и пол. 440, люд. 569; дв. боб. 12, люд. 13.

По переп. 1645 г. дв. кр. 210, люд. 306; дв. боб. 4, люд. 4.

По переп. 1678 г.

Лоемскій погостъ (теперь с. Лойма) дв. кр. 78; дв. пол. 1; дв. вд. 1; дв. боб. 2.

Спасскій погостъ на р. Лузѣ: дв. кр. 69; дв. вд. 5; дв. боб. 1.

Объячевскій погостъ: дв. кр. 67; дв. вд. 4.

Нопульскій приходъ, Летскій погостъ на р. Леткѣ — дв. кр. 62; дв. боб. 5.

Всего по переп. 1678 г. дв. кр. 276; дв. пол. 1; дв. вд. 10; дв. боб. 8. Всего люд. 729.

19. Волость Вилегодская—по р. Виледи, лѣв. притоку Вычегды.

	По переп. 1625 г.	По переп. 1645 г.	По переп. 1678 г.
Покровскій приходъ	дв. кр. и пол. 50, люд. 70.	дв. кр. и пол. 59, люд. 93.	дв. к. 36; д. п. 15
Никольскій приходъ, Пречистенскій приходъ	дв. кр. и пол. 134, люд. 221.	дв. и кр. пол. 109, люд. 157.	дв. кр. 82; дв. пол. 19; дв. вд. 1
Ильинскій приходъ	дв. кр. и пол. 134, люд. 235.	дв. кр. и пол. 65, люд. 122.	дв. кр. 86; дв. пол. 27; дв. вд. 2
Богоявленскій приходъ	дв. кр. и пол. 68, люд. 102.	дв. кр. 12, дв. боб. 1, люд. 22.	дв. кр. 50; дв. пол. 5,
Спасскій приходъ	дв. кр. и пол. 79; люд. 139.	дв. кр. 37, люд. 54	дв. кр. 63; дв. пол. 5; дв. вд. 1.
Вилегодская, Пермца, Селянскій приходъ	дв. кр. и пол. 26, люд. 43.	дв. кр. 4, люд. 4.	дв. кр. 16; дв. вд. 3.

XVII. Устюжскій уѣздъ.

По низовьямъ р. Сухоны отъ впаденія въ нее р. Брусеницы (справа), по р. Югу и по С. Двинѣ до р. Нижней Тоймы, гдѣ начинался Важскій уѣздъ. При сліяніи Сухоны съ Югомъ черезполосица съ Сольвычегодскимъ уѣздомъ.

Арх. мин. юст. писц. кн. 506, 507 (7131—7134 гг., писцовая); кн. 511—516 (7184—191 гг., писцовая).

1. Станъ Сухонскій черный, по кн. 1676 г. Окологородный—по р. Стригѣ, лѣв. притоку Двины, по р. Сухонѣ и ея лѣвымъ притокамъ Темтасу и Марденгѣ.

По переп. 1623 г. Дерев. 60¼; дв. кр. 141; дв. половн. 57. Люд. 235.
По переп. 1676 дв. кр. 136; дв. пол. 80. Люд. 490.

2. Станъ Сухонскій Нововышлый—по тѣмъ же рѣкамъ.

По переп. 1623 г. Дерев. 70; дв. кр. 102; дв. пол. 46. Люд. 204.
По переп. 1676 г. дв. кр. 101; дв. пол. 59. Люд. 424.

3. Волость Луженга—по р. Сухонѣ и ея прав. притоку Луженгѣ
По переп. 1623 г. Дерев. 14; дв. кр. 33; дв. пол. 6. Люд. 53.
По переп. 1676 г. дв. кр. 43; дв. пол. 12. Люд. 208.

4. Волость Стрѣленская—по р. Сухонѣ и ея притокамъ: прав. Стрѣльнѣ, и лѣв. Тозьмѣ.

По переп. 1623 г. Дерев. 37; дв. кр. 105; дв. пол. 7. Люд. 149.
По переп. 1676 г. дв. кр. 133; дв. пол. 25. Люд. 362.

5. Волость Верхняя Ерга—по р. Сухонѣ и ея лѣвымъ притокамъ: Мяколицѣ, Н. Ергѣ и В. Ергѣ.

По переп. 1623 г. Дерев. 40; дв. кр. 100; дв. пол. 10. Люд. 143.
По переп. 1676 г. дв. кр. 81; дв. пол. 14. Люд. 207.

6. Волость Бобровая—по р. Бобровкѣ, прав. притоку р. Сухоны.
По переп. 1623 г. Дерев. 11; дв. кр. 23; дв. пол. 3. Люд. 42. На Бобровскомъ яму дворы ямскихъ охотн. 31 дв.
По переп. 1676 г. дв. кр. 38; дв. пол. 5. Люд. 108.

7. Волость Городишная—по р. Городишнѣ, прав. притоку р. Сухоны.
По переп. 1623 г. Дерев. 47; дв. кр. 150; дв. пол. 2. Люд. 192.
По переп. 1676 г. дв. кр. 140; дв. пол. 1. Люд. 280.

8. Волость Брусенская—по р. Сухонѣ и Брусенкѣ, прав. притоку Сухоны.

По переп. 1623 г. Дерев. 15; дв. кр. 110; дв. пол. 2. Люд. 140.
По переп. 1676 г. дв. кр. 107. Люд. 263.

9. Станъ Ярокурскій—по лѣв. берегу Двины ниже устья р. Стриги до устья р. Удимы.

По переп. 1623 г. Деревень черныхъ, Строгановыхъ и монастырскихъ 85; дв. кр. 196; дв. пол. 78; люд. 344.
По переп. 1676 г. дв. кр. 62; дв. пол. 63. Люд. 233.

10. * Волость Синегодская—„что отписана изъ Ярокурскаго стану въ 143 г.“

По переп. 1676 г. дв. кр. 45; дв. пол. 40. Люд. 221.

11. Станъ Вондокурскій—по С. Двинѣ ниже устья Удимы, по рр. Удимѣ, Реважу и Уртомгѣ, черезполосный съ Баскачьимъ станомъ Усольскаго уѣзда; село Вондокурское—въ Усольскомъ у.

По переп. 1623 г. Дерев. черныхъ, Арханг. мон. и Строгонов. 57$^{1}/_{3}$; дв. кр. 142; дв. пол. 48. Люд. 243.
По переп. 1676 г. дв. кр. 121$^{1}/_{2}$; дв. пол. 27. Люд. 315.

12. Волость Шемокса—по р. Двинѣ и Шемоксѣ, прав. притоку Двины. Черезполосица съ Усольскимъ уѣздомъ.

По переп. 1623 г. Дерев. 30; дв. кр. 42; дв. пол. 22. Люд. 81.
По переп. 1676 г. дв. кр. 28; дв. пол. 37. Люд. 139.

13. Волость Вотложма—по обоимъ берегамъ Двины. Городокъ Вотложемскій—теперь Городецкій Архангельскій погостъ на прав. берегу Двины.

По переп. 1623 г. Дерев. 38$^{1}/_{2}$; дв. кр. 67; дв. пол. 40. Дерев. Строг. 1; дв. пол. 3. Всего людей 158.
По переп. 1676 г. дв. кр. 47; дв. пол. 32. Люд. 157.

14. Комарицкій станъ, Нижній конецъ.

1. Волость Юрьевъ Наволокъ—по р. Двинѣ и р. Евдѣ, лѣв. притоку Двины.
По переп. 1623 г. Дерев. 46+$^{5}/_{6}$+$^{1}/_{6}$; дв. кр. 112; дв. пол. 16. Люд. 96.
По переп. 1676 г. Дв. кр. 66; дв. пол. 20. Люд. 169.

14. Комарицкій станъ, Нижній конецъ.

2. Волость Евда въ Липовомъ Шеломени.

По переп. 1623 г. Дерев. 29; дв. кр. 49; дв. пол. 4. Люд. 75.
По переп. 1676 г. дв. кр. 37; дв. пол. 5. Люд. 78.

3. Волость Верхняя Мошкурья—?

По переп. 1623 г. Дерев. $2^1/_2$; дв. кр. 16; дв. пол. 2. Люд. 34.
По переп. 176 г. дв. кр. 9. Люд. 18.

15. Станъ Бѣлослудскій по рр. Двинѣ, Мошкурьѣ и Уфтюгѣ.

1. Волость Нижняя Мошкурья, а Бѣлая Слуда тожъ—теперь погостъ Бѣлослудскій.

По переп. 1623 г. Дерев. 23; дв. кр. 80; дв. пол. 6. Люд. 102. 2 дворца боб.
По переп. 1676 г. дв. кр. 73; дв. пол. 2. Люд. 137.

2. Волость Бучѣева слободка.

По переп. 1623 г. Дерев. $15^1/_2$; дв. кр. 46; дв. пол. 4. Люд. 70.
По переп. 1676 г. дв. кр. 25; дв. пол. 3. Люд. 45.

3. Волость на Тарасѣ Давыдова слободка.

По переп. 1623 г. Дерев. 12; дв. кр. 42; дв. пол. 4. Люд. 60.
По переп. 1676 г. дв. кр. 31; дв. пол. 1. Люд. 61.

4. Волость Цывозеро—теперь погостъ Цывозерскій къ С. отъ Бѣлослудскаго.

По переп. 1623 г. Дерев. черн. и Строг. (1 дер.)—$23^1/_2$ безъ $^1/_{16}$; дв. кр. 61; дв. пол. 5. Людей 96.
По переп. 1676 г. дв. кр. 41; дв. пол. 2. Люд. 102.

5. Волость Нижняя Ерга въ Бѣлослудскомъ стану.

По переп. 1623 г. Дерев. 37; дв. кр. 71; дв. пол. 1; люд. 84.
По переп. 1676 г. дв. кр. 34. Люд. 61.

16. Станъ Комарицкій Верхній конецъ по С. Двинѣ и ея притокамъ: Вонгодѣ, Канзѣ и Вешкурьѣ.

1. Волость Сухой Погостъ—по рр. Вонгодѣ и Туровицѣ.

По переп. 1623 г. дв. кр. 67; дв. пол. 4. Люд. 89.
По переп. 1676 г. дв. кр. 16; дв. пол. 1. Люд. 33.

2. Волость Канза—по р. Канзѣ.

По переп. 1623 г. Дерев. $25^3/_4$; дв. кр. 50; дв. пол. 6. Люд. 95.
По переп. 1676 г. дв. кр. 32; дв. пол. 6. Люд. 65.

3. Волость Вонгода—по р. Вонгодѣ, лѣв. притоку Двины. Теперь пог. Вонгодскій.

По переп. 1623 г. Дерев. 30; дв. кр. 72; дв. пол. 3. Люд. 105.
По переп. 1676 г. дв. кр. 35; дв. пол. 5. Люд. 71.

4. Волость Вешкурья за р. Двиною—на прав. бер. Двины ниже устья Вычегды, теперь погостъ Вешкурскій.

По переп. 1623 г. Дерев. $29^1/_2$; дв. кр. 90; дв. пол. 2. Люд. 109.

По переп. 1676 г. дв. кр. 63; дв. пол. 12. Люд. 92.

17. Волость Уфтюга—по р. Уфтюгѣ, прав. притоку Двины.

По переп. 1623 г. Дерев. 92; дв. кр. 218; дв. пол. 29. Люд. 335. На 2 погостахъ—4 дворца боб.

По переп. 1676 г. дв. кр. 150; дв. пол. 15. Люд. 275.

18. Волость Пермогорья—по р. Двинѣ между устьями Ляблы и Шокши.

По переп. 1623 г. Дерев. 117; дв. кр. 290. Люд. 469.

По переп. 1676 г. дв. кр. 213; дв. пол. 23. Люд. 597.

19. Волость Лябла—по р. Ляблѣ, лѣв. притоку Двины.

По переп. 1623 г. Дерев. 29; дв. кр. 62. Люд. 94.

По переп. 1676 г. дв. кр. 39; дв. пол. 12. Люд. 64.

20. Волость Чупрова и Гробова, и Дрокованова Кулига—по р. Шокшѣ.

По переп. 1623 г. Дерев. 62; дв. кр. 122. Люд. 186.

По переп. 1676 г. дв. кр. 45; дв. пол. 6. Люд. 106.

21. Волость Черевковская—по Двинѣ и ея лѣв. притоку Лудонгѣ (Кундонгѣ). Теперь с. Черевково.

По переп. 1623 г. Дерев. черн. и мон. 193 [1]), поч. 3; дв. кр. 435, люд. 567.

По переп. 1676 г. дв. кр. 360; дв. пол. 12. Люд. 874.

22. Волость Сидорова Ѣдома—по рр. Двинѣ, Лудонгѣ и Авнюгѣ, лѣв. притоку Двины.

По переп. 1623 г. Дерев. 39; дв. кр. и пол. 75. Люд. 94.

По переп. 1676 г. дв. кр. 1. Во льготѣ дв. кр. 30 и дв. пол. 3. Люд. 52.

23. Волость Ягрышъ—по рр. Двинѣ и Авнюгѣ.

По переп. 1623 г. Дерев. 68; дв. кр. и пол. 142, люд. 214.

По переп. 1676 г. дв. кр. 1; дв. пол. 6. На льготѣ дв. кр. 95; 1 дер. 1 дв. пол. Соезерской пустыни.

24. Станъ Кивокурскій по р. Ергѣ, прав. притоку Двины.

1. Волость Кивокурья—по р. Авнюгѣ.

2. Волость Ракулка—по прав. берегу Двины ниже Черевковской вол. и выше устья Ерги.

3. Волость Нижняя Ерга—по Двинѣ у устья Ерги, прав. притока Двины, по низовьямъ Ерги и по р. Сондонгѣ, прав. притоку Ерги.

4. Волость Лупья—по среднему теченію Ерги.

5. Волость Середній Погостъ—по р. Ергѣ, выше в. Лупьи.

6. Слободка Вахрамѣевская, а Солоное тожъ по верховьямъ Ерги. Ея нѣтъ въ 1676 г.

---

[1]) Монастырск. 1 деревня.

Всего въ Кивокурскомъ стану. — По переп. 1623 г. Дерев. 139; дв. кр. 310. Люд. 359. По переп. 1676 г. дв. кр. 227; дв. пол. 4. Люд. 469.

25. Станъ Быкокурскій.
1. Волость Шарденга, Верхній Конецъ—по верховьямъ р. Шарденги, лѣв. притока Юга.
2. Нижній Конецъ — по низовьямъ и устью р. Шарденги и по лѣв. берегу Юга, ниже устья Шарденги.

Всего въ Быкокурскомъ стану въ Верхнемъ и Нижнемъ Концѣ.

По переп. 1623 г. Дерев. черн. и монаст. 71; дв. кр. черныхъ 168; дв. пол. черн. 25; дв. пол. монаст. 9. Люд. 235.

По переп. 1676 г. — Въ Верхн. Концѣ дв. кр. 125; дв. пол. 22. Люд. 478. Въ Нижн. Концѣ дв. кр. 67; дв. пол. 30. Люд. 285.

26. Волость Ивановъ погостъ по р. Югу, теперь погостъ Іоанна Богослова на пр. берегу Юга противъ устья Шарденги.

По переп. 1623 г. Дерев. $29^1/_2$; дв. кр. 49; дв. полов. 19. Люд. 97.
По переп. 1676 г.: дв. кр. 64; дв. пол. 41. Люд. 311.

27. Волость Варжа (Варженга).

По переп. 1623 г. Дерев. черн. 57; дв. кр. 116; дв. пол. 37. Архангел. мон. 1 дер; 3 дв. пол.. Посадскаго человѣка Т. Усова 3 дер; 6 дв. пол. Люд. 219.
По переп. 1676 г. дв. кр. 207; дв. пол. 48. Люд. 517.

28. Волость Орлова—при устьѣ р. Лузы.

По переп. 1623 г. Дерев. черн. 30; дв. кр. 51; дв. пол. 41. Архангел. мон. 2 дер; 3 дв. пол. Люд. 135.
По переп. 1676 г. дв. кр. 25; дв. пол. 14. Люд. 147.

29. Волость Шастка.

По переп. 1623 г. Дерев. 21; дв. кр. 66; дв. пол. 11. Люд. 106.
По переп. 1676 г. дв. кр. 87; дв. пол. 20; 3 дв. пол. Теплог. пуст. Люд. 272.

30. Волость Шолга—по р. Югу и его прав. притоку Шолгѣ.

По переп. 1623 г. Дерев. 66; дв. кр. 107; дв. пол. 49. Люд. 225.
По переп. 1676 г. дв. кр. 149; дв. пол. 33. Люд. 363.

31. Волость Яхренга—теперь погостъ Яхренга на р. Югѣ выше устья Пушмы.

По переп. 1623 г. Дерев. черн. 51, поч. 1; дв. кр. 112; дв. пол. 27. Троицк. мон. 1 дер; 1 дв. пол. Люд. 175.
По переп. 1676 г. дв. кр. 127; дв. пол. 27. Люд. 522.

32. Волость Подосиновская—по р. Югу и устью р. Пушмы, теперь пог. Подосиновецъ.

По переп. 1623 г. Дерев. 40½; дв. кр. 112; дв. пол. 6. Люд. 190.
По переп. 1676 г. дв. кр. 136; дв. пол. 31; дв. нищ. 3. Люд. 516.

33. Волость Верхопушемская—по р. Пушмѣ и ея притокамъ: правымъ Торѣ и Молѣ, лѣв. Кичугу.

По переп. 1623 г. Дерев. 49; дв. кр. 125; дв. пол. 16. Люд. 216.
По переп. 1676 г. дв. кр. 194; дв. пол. 32. Люд. 760.

34. Волость Утманова—по рр. Югу и Енталѣ.

По переп. 1623 г. Дерев. 45, поч. 1; дв. кр. 86; дв. пол. 17. Люд. 130.
По переп. 1676 г. дв. кр. 205; дв. пол. 38. Люд. 501.

35. Волость Ентала—по р. Енталѣ, прав. притоку Юга.

По переп. 1623 г. Дерев. 39; дв. кр. 79; дв. пол. 22. Люд. 131.
По переп. 1676 г. дв. кр. 198; дв. пол. 23. Люд. 604.

36. Волость Енанга и Лычка, и Усова слободка по рр. Югу и Енангѣ, прав. притоку Юга.

По переп. 1623 г. Дерев. черн. 28; дв. кр. 77; дв. пол. 4. За Тим. Усовымъ: дерев. 9; дв. пол. 17. Люд. 130.
По переп. 1676 г. дв. кр. 124; дв. пол. 12. Люд. 414.

37. Волость Кильченга—по р. Кильченгѣ, лѣв. притоку Юга.

По переп. 1623 г. Дерев. 30; дв. кр. 79; дв. пол. 3. Люд. 111.
По переп. 1676 г. дв. кр. 129; дв. пол. 6. Люд. 408.

38. Волость Кичменга—по низовьямъ р. Кичменги, по р. Шонгѣ лѣв. притоку Юга, по рр. Курденгѣ и Пичугу, притокамъ Юга.

По переп. 1623 г. Дерев. 121; дв. кр. 334; дв. пол. 38. За Тим. Усовымъ 2 дв. полов. Люд. 528.

По переп. 1676 г. эта волость подраздѣлилась слѣдующимъ образомъ.

1. Станъ Кобыльскій, что былъ городокъ на Югу: дв. кр. 106; дв. пол. 20. Люд. 281.

2. Кичменскій старый городокъ, Спасскій приходъ: дв. кр. 163; дв. пол. 19. Люд. 513.

3. Ѳедоровскій приходъ: дв. кр. 118; дв. пол. 9. Люд. 346.

4. Станъ Шонскій: дв. кр. 216; дв. пол. 23; дв. боб. 1 Люд. 465.

39. Волость Сараева и Святица—по верховьямъ р. Кичменги и ея притоку Святицѣ. Теперь погостъ Сараево.

По переп. 1623 г. Дерев. 29; дв. кр. 82; дв. пол. 4. Люд. 158.
По переп. 1676 г. дв. кр. 96; дв. пол. 6. Люд. 334.

40. Волость Шарженга и Халезецъ, и Березовецъ—по рр. Югу, Шарженгѣ и Кипшангѣ, лѣвымъ притокамъ Юга.

По переп. 1623 г. Дерев. 66; дв. кр. 181; дв. пол. 15. Итогъ подводится вмѣстѣ съ Леменгскою вол.

По переп. 1676 г. эта волость подраздѣлена на части:

1. Волость Халезская: дв. кр. 256; дв. пол. 25. Люд. 825.

2. Волость Шарженга и Березовецъ: дв. кр. 94; дв. пол. 7. Люд. 249.

41. Волость Леменга—по р. Леменгѣ, прав. притоку Шарженги, „что была приписана къ Шарженской волости вверхъ по рѣчкѣ Шарженгѣ“.

По переп. 1623 г. Дерев. 8, поч. 5, 1 поч. льготн.; дв. кр. 49; дв. пол. 3. Люд. 57.

По переп. 1676 г. дв. кр. 144. Люд. 320.

42. Волость Никольская Слободка—на р. Югу, теперь г. Никольскъ.

По переп. 1623 г. Дерев. 25, поч. 5; дв. кр. 83; дв. пол. 7.

По переп. 1676 г. дв. кр. 234; дв. пол. 10; дв. боб. 2. Люд. 603.

43. Волость Вохомская—по р. Вохмѣ притоку Ветлуги и ея притокамъ Вочу и Ратчѣ.

По переп. 1623 г. Дерев. 102; дв. кр. 225. Люд. 270.

По переп. 1676 г. дв. кр. 716; дв. пол. 18; дв. нищ. 2. Люд. 1629.

XVIII. Тотемскій уѣздъ.

По р. Сухонѣ и ея притокамъ отъ устья р. Вѣкшенги, прав. притока Сухоны до устья р. Сученги, лѣв. притока, по самому верховью р. Ваги и по ея притоку Кулою.

Арх. мин. юстиц. писц. кн. 480, 486 (7131—33 г., писцовая); кн. 15049 (7154 г., переписная); кн. 482, 483, 484, 485 (7184—87 гг., писцовая).

1. Волость Окологородная—по р. Сухонѣ отъ устья р. Толшмы, прав. притока, внизъ до устья Песьей Деньги, по р. Песьей Деньгѣ и Ковдѣ, лѣв. притоку Сухоны.

По переп. 1623 г. дв. кр. 108; люд. 171; дв. половн. 15; люд. 14 (sic); дв. боб. 19, люд. 19.

По переп. 1646 г. дв. кр. 93; дв. пол. 6; дв. боб. 25; дв. нищ. 23.

По переп. 1676 г. дв. кр. 158; дв. пол. тягл. 14; дв. пол. льготн. 3.

2. Волость Старая Тотьма—по р. Сухонѣ и ея притокамъ: лѣвымъ Ѣдингѣ, Норингѣ, Пелшмѣ, правымъ: Тотьмѣ и Камчугѣ.

По переп. 1623 г. Дерев. 43, слоб. 1, поч. 1.; черн. дв. кр. 162; дв. пол. 4; дв. боб. 8; 4 дв. кр. Ольги Строгановой. Людей: кр. 286; пол. 5; боб. 10.

По переп. 1646 г. дв. кр. 71; дв. пол. 2; дв. боб. 25; дв. нищ. 18.

По переп. 1676 г. дв. кр. тягл. 240; дв. кр. льг. 8; дв. пол. 4; дв. боб. 6.

3. Волость Демьянова, Вотча и Илеза, и Кѣптуръ тожъ—по р. Тотьмѣ и рѣкамъ, ее составляющимъ: Вотчѣ и Илезѣ, а также по верховьямъ р. Леденги.

По переп. 1623 г. Дерев. 40, поч. 3, во льготѣ поч. 3; дв. кр. 245; дв. пол. 12; дв. боб. 1. Людей въ нихъ: кр. 393; пол. 19; боб. 5.

По переп. 1646 г. дв. кр. 222; дв. пол. 3; дв. боб. 12; дв. нищ. 5.

По переп. 1676 г. подраздѣлились: а) Демьяново, Кѣптуръ, Илеза: дв. кр. тяг. 142, изб. 1; дв. кр. льгот. 5, изб. 2; 1 дв. боб.; 6 изб. нищ.
в) вол. Вотча: дв. кр. тягл. 244; дв. пол. 3; дв. кр. льгот. 12, изб. 2; дв. пол. льг. 1; 3 избенки нищихъ.

4. Слободы Коченгская—при устьѣ р. Коченги, лѣв. притока Сухоны и Раменская—на р. Себежѣ, лѣв. притокѣ Коченги.

По переп. 1623 г. слоб. 2, дер. 1; дв. кр. 53, люд. 74; дв. боб. 2, люд. 2.

По переп. 1646 г. „слобода, что бывалъ ямъ Коченга, на р. Сухонѣ": дв. кр. 18; дв. боб. 1; слободка Раменья на рчк. Себежѣ кр. дв. 2, а люд. 3, пустыхъ 7 дв., запустѣли съ Фокина тяжелаго письма Дурова (1623 г.), да отъ воровскихъ людей отъ разбойниковъ.

По переп. 1676 г. Сл. Коченга: дв. кр. 25.
Сл. Раменье: дв. кр. 17.

На всеуѣздный тотемскій земскій съѣздъ 1631 г. обѣ слободы высылаютъ общаго посыльщика; на съѣздъ 1639 г. каждая особаго. Пр. Д. 1631 № 36; 1639 № 45.

5. Волость Уфтюга—по р. Уфтюгѣ, лѣв. притоку Сухоны.

По переп. 1623 г. 2 погоста, дерев. 28, слоб. 1; дв. кр. 112; дв. боб. 1; люд: кр. 174, пол. 3, боб. 1.

По переп. 1646 г. дв. кр. 58; дв. боб. 1.

По переп. 1676 г. дв. кр. 85.

6. Волость Дмитріевъ Наволокъ—по р. Сухонѣ отъ устья Городишны до устья Бобровки.

По переп. 1623 г. 1 погостъ; дв. кр. 27; дв. пол. 1; дв. боб. 3. Люд.: кр. 41, пол. 1, боб. 3.

По переп. 1646 г. дв. кр. 23; дв. боб. 1; дв. нищ. 1.

По переп. 1676 г. дв. кр. 26.

7. Волость Сученга—по р. Сухонѣ ниже устья Бобровки и по р. Сученгѣ, лѣв. притоку Сухоны.

По переп. 1623 г. 1 погостъ; дерев. 17; поч. 1; дв. кр. 56; дв. пол. 4. Люд: кр. 82, пол. 9.

По переп. 1646 г. дв. кр. 37; дв. пол. 2; дв. боб. 2.

По переп. 1676 г. дв. кр. 68; дв. пол. 1.

8. Посухонскія слободки и деревни—по р. Сухонѣ между устьями Вѣкшенги и Толшмы.

По переп. 1623 г. 1 погостъ, 2 слоб., 8 дерев.; дв. кр. 52; дв. боб. 9. Люд.: кр. 87, боб. 18.

По переп. 1646 г.—?

По переп. 1676 г. подраздѣлились— } Вол. Вѣкшенга: дв. кр. 22; дв. боб. 1. Люд. 82. Вол. Ихалица: дв. кр. 51; дв. боб. 1. Люд. 60.

На всеуѣздный тотемскій съѣздъ 1631 г. отъ волостей Вѣкшенги и Ихалицы является общій посыльщикъ. На съѣздъ 1639 г. каждая высылаетъ особаго посыльщика. Пр. Д. 1631 № 36; 1639 № 45.

9. Волость Печенга—по р. Печенгѣ, прав. притоку Сухоны.

По переп. 1623 г. 1 погостъ, 9 дерев.; дв. кр. 30, люд. 49.
По переп. 1646 г. дв. кр. 50.
По переп. 1676 г. дв. кр. 67.

10. Волость Совьюга—по р. Совьюгѣ, впадающей въ Вою, прав. притокъ Ихалицы. Ихалица—прав. притокъ Сухоны.

По переп. 1623 г. 1 погостъ, 7 дер.; дв. кр. 40, люд. 62.
По переп. 1646 г. дв. кр. 41; дв. нищ. 5.
По переп. 1676 г. дв. кр. 52.

11. Волость Царева—по р. Тафтѣ и р. Царевѣ, составляющейся изъ рр. Тафты и Вожбала.

По переп. 1623 г. 1 погостъ, дерев. 40, поч. 1; дв. кр. 169; дв. боб. 4. Люд.: кр. 287, боб. 7.
По переп. 1646 г. дв. кр. 113; дв. боб. 20; дв. нищ. 3; кел. 2.
По переп. 1676 г. дв. кр. тягл. 211; дв. кр. льгот. 5.; дв. нищ. 2.

12. Волость Вожбала—по р. Вожбалу, притоку Царевы.

По переп. 1623 г. 1 погостъ, дерев. 22; дв. кр. 129; дв. боб. 2. Люд.: кр. 216, боб. 3.
По переп. 1646 г. дв. кр. 79; дв. боб. 1.
По переп. 1676 г. дв. кр. 170.

13. Волость Тиксна—по р. Тикснѣ, лѣв. притоку Сухоны.

По переп. 1623 г. 1 погостъ, 21 дерев., 1 поч.; дв. кр. 147; дв. боб. 2. Люд.: кр. 215, боб. 3.
По переп. 1646 г. дв. кр. 157.
По переп. 1676 г. дв. кр. тягл. 191; дв. кр. льгот. 1; кел. 1.

14. Волость Стрѣлицкая—по рр. Стрѣлицѣ и Родчѣ, лѣв. притокамъ Сухоны.

По переп. 1623 г. 1 сельцо, 1 пог., 37 дерев., 1 поч.; дв. кр. 175; дв. боб. 1. Люд: кр. 252, боб. 1.
По переп. 1646 г. дв. кр. 119; дв. боб. 45; дв. нищ. 24.
По переп. 1676 г. дв. кр. тягл. 226; дв. кр. льг. 15.

15. Волость Мола—по рр. Вотчѣ и Молѣ, впадающимъ въ Двиницу, лѣв. притокъ Сухоны.

По переп. 1623 г. 1 сельцо, 1 пог., 55 дерев., 2 поч. тягл., 9 поч. льготн.; дв. кр. 313, люд. 388.
По переп. 1646 г. дв. кр. 262; дв. боб. 22; дв. нищ. 20.
По переп. 1676 г. дв. кр. тягл. 452; дв. кр. льг. 5; дв. боб. 3.

16. Волость Толшма—по р. Толшмѣ, прав. притоку Сухоны.

По переп. 1623 г. 5 погост., 57 дерев. На погостахъ 5 дв. боб. Въ дерев.: дв. кр. 337; дв. боб. 2. Людей: кр. 511, боб. 2.

По переп. 1646 г. дв. кр. 353; дв. боб. 19; дв. нищ. 16.

По переп. 1676 г. дв. кр. тягл. 419; дв. кр. льг. 11; дв. боб. 4; нищ. 3 изб.

По крестоприводной росписи 1645 г., Пр. Д. 1645 г. № 101, эта волость дѣлится на двѣ половины: Верхнюю и Нижнюю, имѣющія каждая особаго земскаго судейку и особыхъ земскихъ цѣловальниковъ.

17. Волость Кулуя—по верховьямъ р. Кулуя, прав. притока Ваги и по верховьямъ р. Единги, лѣв. притока Сухоны.

По переп. 1623 г. 1 погостъ, 12 дерев.; дв. кр. 81, люд.: кр. 136, боб. 3.

По переп. 1646 г. дв. кр. 53; дв. боб. 3; дв. нищ. 4.

По переп. 1676 г. дв. кр. тягл. 80; дв. кр. льг. 2.

18. Волость Борокъ и Заозерье на р. Кулуѣ—по верховьямъ р. Кулуя.

По переп. 1623 г. 1 погостъ, 9 дерев.; дв. кр. 65, дв. боб. 1. Люд.: кр. 91, боб. 2.

По переп. 1646 г. дв. кр. 63; дв. боб. 1.

По переп. 1676 г. дв. кр. тягл. 62; дв. кр. льг. 3.

19. Волость Сянжема—по истокамъ р. Ваги, по р. Сямженѣ, притоку Кубины и по р. Нишмѣ, прав. притоку Сямжены.

По переп. 1623 г. 1 погостъ, 10 дерев.; дв. кр. 48, люд. 49.

По переп. 1646 г. дв. кр. 41.

По переп. 1676 г. дв. кр. тягл. 64; дв. кр. льг. 2.

20. Волость Сондога—по р. Сондогѣ, впадающей въ Сондожское озеро, изъ котораго выходитъ р. Кулой, притокъ Ваги.

По переп. 1623 г. 1 погостъ, 6 дерев.; дв. кр. 19, люд. 36.

По переп. 1646 г. дв. кр. 16; дв. боб. 2.

По переп. 1676 г. дв. кр. 34.

21. Волость Кочвора—по р. Кочвару (60°24′ с. шир., 11°45′ вост. долг. отъ Пулкова).

По переп. 1623 г. 1 погостъ, 7 дерев.; дв. кр. 30, люд. 46.

По переп. 1646 г. дв. кр. 17; дв. боб. 1.

По переп. 1676 г. дв. кр. тягл. 24.

22*. Слобода Березовъ Наволокъ при устьѣ Уфтюги.

По переп.1623 г. нѣтъ.

По переп. 1646 г. дв. кр. 11; дв. боб. 4.

По переп. 1676 г. дв. кр. тягл. 16.

23*. Деревня Петрушинская, Нюксеница тожъ. Р. Нюксеница—лѣв. притокъ Сухоны, ниже Уфтюги.

По переп. 1623 г. нѣтъ.

По переп. 1646 г. дв. кр. 4, люд.: 4 крест. и 1 половн. на подворьѣ у кр.

По переп. 1676 г. дв. кр. 7.

XIX. Устьянскія волости.

По верхнему теченію р. Ваги и по ея притокамъ: слѣва Вели и Пежмѣ, справа Устьѣ съ Кокшенгой, Чадромой, Соденгой, Вологой и Мехренгой.

Арх. мин. юст. писц. кн. 15.038 (7143—44 г. переписная); кн. 510 (7153 г. писцовая); кн. 15042 (7186 г. переписная).

1. Волость Пежма—по рр. Пежмѣ и Вели, лѣв. притокамъ Ваги и лѣв. притокамъ Вели: Подюгѣ, Шеношѣ, Елюгѣ.

По переп. 1635 г. Дерев. 76; дв. кр. 243, люд. 363; дв. боб. 2, люд. 2.; на погостѣ кр. 2 дв.

По переп. 1645 г. Дерев. 72; дв. кр. 488, люд. 1117; дв. боб. 9, люд. 11.

По переп. 1678 г. Дерев. 78; дв. кр. 571; дв. боб. 7. На цер. землѣ дв. боб. 1.

2. Волость Чушевицкая—по верхнему теченію Ваги и ея прав. притоку Ковдѣ.

По переп. 1635 г. Дерев. 17; дв. кр. 46; люд. 138.

По переп. 1645 г. Дерев. 18; дв. кр. 133, люд. 225.

По переп. 1678 г. Дерев. 18; дв. кр. 178. На церк. зем. 1 дв. боб.

3. Волость Чадромская—по р. Устьѣ отъ устья Соденги до устья Кокшенги, по р. Чадромѣ, лѣв. прит. Устьи и по Кокшенгѣ

По переп. 1635 г. Дерев. 49; дв. кр. 264, люд. 363; 1 дв. боб. На погостѣ дв. пустъ волостелинъ, да пашенныхъ госуд. кр. дв. 16, люд. 20; да 8 дв. боб., люд. 8.

По переп. 1645 г. Дерев. 47; дв. кр. 256, люд. 522; дв. боб. 12, люд. 16.

По переп. 1678 г. Дерев. 53, поч. 1; дв. кр. 289; дв. боб. 12.

4. Волость Ростовская—по р. Заячьей, прав. притоку Кокшенги. Въ грамотахъ XVI в. эта волость называлась Заечерецкой.

По переп. 1635 г. Дерев. 25; дв. кр. 58. люд. 86, На погостѣ 1 дв. кр.

По переп. 1645 г. Дерев. 26, поч. 1; дв. кр. 114, люд. 258; дв. боб. 2, люд. 2.

По переп. 1678 г. Дерев. 23; дв. кр. 80; дв. боб. 1.

5. Волость Соденга—по р. Соденгѣ, лѣв. притоку Устьи.

По переп. 1635 г. Дерев. 25; дв. кр. 211, люд. 256; дв. боб. 3, люд. 4.

По переп. 1645 г. Дерев. 25 да 1 дер. изъ пуста живущая; дв. кр. 200, люд. 456; дв. боб. 8.

По переп. 1678 г. Дерев. 23; дв. кр. 176; дв. боб. 8.

6. Станъ Введенскій.

1. Волость Шангала—по р. Устьѣ между устьями ея притоковъ: лѣваго Соденги и праваго Волюги.

По переп. 1635 г. Дерев. 20½; дв. кр. 52, люд. 123. На церк. землѣ 1 дв. кр., 3 дв. боб.

По переп. 1645 г. итогъ для всего Введенскаго стана.

По переп. 1678 г. Дерев. 20; дв. кр. 211; дв. боб. 14.

2. Волость Никольская Волюская—по р. Устьѣ и Волюгѣ, прав. притоку Устьи.

По переп. 1678 г. Дерев. 22, поч. 1; дв. кр. 193; дв. боб. 11.

3. Волость Введенская—по р. Устьѣ выше Никольской Волюской сошки.

По переп. 1678 г. Дерев. 25; дв. кр. 144; дв. боб. 1.

4. Волость Дмитріевская—по р. Устьѣ выше Введенской сошки, по р. Мехренгѣ, лѣв. притоку Устьи.

По переп. 1678 г. Дерев. 23; дв. кр. 85.

По переп. 1645 г. во всемъ Введенскомъ стану дер. 86, дв. кр. 624, люд. 1391; дв. боб. 41, люд. 49.

Примѣч. Въ „Переписной книгѣ часовенъ въ Важскомъ уѣздѣ и въ Устьянскихъ сохахъ 1692 г.“, напечатанной въ Р. И. Б. т. XXV, упоминаются еще среди Устьянскихъ волостей Усть-Менская вол. (?) и Орловская вол. Изъ сравненія деревень Орловской волости по этой книгѣ съ деревнями Шангальской волости по переписной книгѣ 7143—44 г. (Арх. мин. юст. 15.038) видно, что Орловская вол. выдѣлилась изъ Шангальской; теперь это погостъ Орловскій на р. Устьѣ между впаденіями Соденги и Волюги.

XX. Чарондская округа.

По оз. Воже и рѣкамъ, въ него впадающимъ: Совзѣ (Солзѣ), Модлонѣ, Вожгѣ съ Чужгой и Тавенгой, по р. Пустой и по южнымъ притокамъ оз. Лаче: Шильдѣ, Свидѣ и Волошкѣ.

Списокъ волостей относится къ 1620-мъ гг. и составленъ на основаніи: a) списковъ, встрѣчающихся въ Пр. Д. 1614 № 2, 1626 № 41, л. 19—21, 40—83 b) атласа Россіи, изданнаго въ 1735 г. Писцовыя книги по Чарондѣ не сохранились.

Волость Вещеозерская—по оз. Вещеозеру къ З. отъ оз. Воже.
Вол. Короцкая.
Вол. Печенская—по р. Солзѣ.
Вол. Пунемская—къ Ю. отъ оз. Воже.
Вол. Шалга Бодунова—по р. Ухтомкѣ.
Вол. Мунская—на Ю. В. берегу оз. Воже.
Вол. Роксольская.
Вол. Шалга Захарьина.
Вол. Полченская—въ бассейнѣ р. Солзы.
Вол. Шалошка Малая и Чепца.
Вол. Шалга Большая—между рр. Свидью и Шильдой.

Вол. Шильская—по р. Шильдѣ.
Вол. Хотеновская на р. Свиди.
Вол. Свидская—по р. Свиди, ближе къ устью.
Вол. Ковеская—къ С. В. отъ оз. Воже.
Вол. Кленовская—къ СВ. отъ оз. Воже, въ бассейнѣ р. Волошки.
Вол. Ротковская—къ СВ. отъ оз. Воже.
Вол. Тавенская—на оз. Тавенгѣ къ В. отъ оз. Воже.
Вол. Колнобойская—къ Ю. отъ оз. Воже на оз. Перечномъ.
Вол. Палчеварская.
Вол. Тигинская—къ Ю. В. отъ оз. Воже, по р. Вожгѣ.
Вол. Вожеская—по р. Вожгѣ.
Вол. Липенская—къ ЮВ. отъ оз. Воже.
Вол. Каликинская.
Вол. Луненская.
Вол. Толченская.
Вол. Солзенская—по р. Солзѣ.
Вол. Чуженская—по р. Чужгѣ, притоку Вожги.
Вол. Боровская—по р. Свиди?
Вол. Долгозерская—по оз. Долгому къ ЮВ. отъ оз. Воже.
Вол. Тордокса—на В. берегу оз. Воже.

Примѣч. Пр. Д. 1637 № 57, л. 2: „да въ Чарондской округѣ во всѣхъ волостяхъ 1847 дв., люд. 2542. Пр. Д. 1649 № 62: „По переписной книгѣ Ив. Баклановскаго да подьячаго Ив. Іевлева 154 г. въ Чарондской округѣ во всѣхъ волостяхъ живущихъ крестьянскихъ и бобыльскихъ 2481 дв.

XXI. Важскій уѣздъ.

Списокъ волостей Важскаго уѣзда.

По переписнымъ книгамъ часовенъ въ Важскомъ уѣздѣ въ 1692 г. Р. И. Б. XXV, 347—762.	По приходной окладной книгѣ Важскихъ волостей 1774 г. Моск. дворц. арх. опись 52 № 1015/3372.

I. Шенкурская четверть.

Лецкій станъ по Вагѣ и ея лѣв. притокамъ: Леди и Сюмѣ.
Ямскогорская вол. на р. Леди.

Мелкія волостки:
Великосельская вол.
Кергозерская вол.
Раченская вол.
Котасская вол.
Кьянскій погостъ.
Шолешская вол.
Ущенская вол.
Шенская вол.
Блудогорская вол.
Өедрогорская вол.

По обоимъ берегамъ р. Ваги въ окрестностяхъ г. Шенкурска:
Аөанасовская боярщина.
Есиповская боярщина.
Труфановская боярщина.
Исаковская боярщина.
Ивановская боярщина.
Володимеровская боярщина.
Васильевская боярщина.
Нижне-Едемская волость.
Груздовская боярщина.
Өедоровская боярщина.
Едемскія деревни.
Крюковы деревни.

Верхолецкая слободка въ верховьяхъ Леди.
Усть-Сюмская вол.—при впад. Сюмы въ Вагу.
Верховская волость?
Нижне-Кицкая вол. по р. Вагѣ ниже устья Сюмы.
Усть-Важская вол.—при впаденіи Ваги въ Двину.
Шеговарская вол. на р. Вагѣ ниже устья Леди.
Вароминская вол. } по р. Каскарѣ, впадающей въ Вагу справа, ниже устья Леди.
Химаневская вол. }
Усть-Лецкая вол. при впаденіи Леди въ Вагу.
Лецкая вол. по нижнему теченію р. Леди.
Сметанинская вол. по р. Вагѣ выше устья Леди.
Тарненская вол. по р. Тарнѣ, прав. притоку Ваги.
Ровдинскій станъ по р. Вагѣ выше впаденія р. Пуи.
Усть Пунская (Усть-Пуйская) вол. при впаденіи р. Пуи въ Вагу (слѣва).
Шеренгская вол. по р. Шеренгѣ, прав. притоку Ваги.
Усть-Паденская вол. при впаденіи р. Паденги (слѣва) въ Вагу.
Паденская вол. по р. Паденгѣ.
Верхосуланская вол. по р. Суландѣ, лѣв. прит. Ваги. { Покровскій приходъ. Прокопьевскій приходъ.
Суланская вол. Троицкій приходъ.
Пуйская вол. по р. Пуѣ.
Пускозерская вол.

Тарненская вол.
Усть-Паденская вол.
Паденская вол.
Верхопаденская вол.
Суланская вол.
Верхосуланская вол.
Пужская вол.
Нижнепужская вол.
Верхопужская вол.
Ровдинская и Усть-Пужская вол.
Шеренская вол.
Предтеченская вол.
Сметанинская вол.
Ямскогорская вол.
Шеговарская вол.
Химаневская вол.
Усть-Важская вол.
Кицкая вол.
Верхолецкая слобода.

II. Подвинская четверть.

Топецкая вол.
Кургонимская вол.
Тунгасская вол.
Борецкая вол.
Заостровская вол.

Березницкая вол.—на р. Двинѣ ниже устья Ваги.
Чаростровская вол. на Двинѣ ниже Березницы.
Пяндская вол. по р. Пяндѣ, лѣв. притоку Двины.

Верхотоемская вол. по р. В. Тоймѣ, прав. притоку Двины.

[Свага волостка по р. Свагѣ, прав. притоку Двины; Удьяница волостка; Арза волостка; Ситра волостка].

Нижне-Тоемская вол. по р. Н. Тоймѣ, прав. притоку Двины.

Вершинская вол.

Пучюжская вол.

Усть-Ваенская вол. при впаденіи р. Ваенги слѣва въ Двину.

Слободская вол. } с. Слободско-Осиповское на Двинѣ выше устья Ваенги.
Осиповская вол. }

Шиленская вол.—на Двинѣ, выше Осиповской.

Прилуцкая вол.—на Двинѣ выше Шиленской.

Корбальская вол.—на Двинѣ выше Прилуцкой.

Ваенская вол. по р. Ваенгѣ.

Ростовская вол.—на прав. берегу Двины выше Усть-Ваенги.

Конецгорская вол.—на Двинѣ выше Ростовской.

Кургоминская вол.—на прав. берегу Двины выше Конецгорской.

Зарѣцкая боярщина?

Осерецкая боярщина—с. Осередокъ на прав. бер. Двины при впаденіи р. Тапсы.

Тулгасская вол.—на л. берегу Двины при впаденіи р. Тулгаса.

Троицкая вол.—на пр. берегу Двины противъ Тулгасской.

Селецкая вол.—на л. бер. Двины выше Тулгасской.

Борецкая вол.—на пр. бер. Двины.

Заостровская вол.—на л. берегу Двины.

Пучюжская вол. по р. Кодимѣ, лѣв. прит. Двины.

Аѳанасьевская боярщина.

Верхотоемская вол. по р. В. Тоймѣ прав. прит. Двины.

Вершинская вол.—по верховьямъ В. Тоймы.

III. Верховажская четверть.

Верховажскій станъ у посада Верховажья по р. Сивенгѣ, л. притоку Кулоя, по верховьямъ р. Пежмы: погостъ Морозовскій.

Вельскій станъ по р. Вагѣ и низовьямъ р. Вели у посада Вельска.

Судромская вол. по р. Вагѣ ниже г. Вельска, теперь с. Судромское.

Слободской станъ. { Воскресенскій приходъ по р. Вагѣ выше впаденія р. Устьи. Благовѣщенскій приходъ на р. Устьѣ, недалеко отъ сліянія ея съ Вагой.

Попонаволоцкая вол. по р. Вагѣ ниже впаденія Устьи.

IV. Кокшенгская четверть.

Спасская вол.

Заборская вол.

Верховская вол.

Кулойская вол. по р. Кулою, впадающему справа въ Вагу и его прав. притоку Коленгѣ.

Минская вол. по р. Кокшенгѣ, погостъ Минскій.

Заячерѣцкая вол. по р. Кокшенгѣ и ея прав. притоку Заячьей.

Ракульская вол. по р. Кокшенгѣ (Ракуло-Кокшенгскій погостъ).

Подцкая волость:

- Лохотская вол. по р. Лохтѣ, притоку Кокшенги въ ея верховьяхъ?
- Шебенская вол. по р. Шебенгѣ, лѣв. притоку Кокшенги въ верховьяхъ.
- Лордушская вол.?
- Токушская вол.?
- Шевденицкая вол. по р. Кокшенгѣ и по р. Тарногѣ, лѣв. притоку Кокшенги.
- Озерецкая вол.—по верховьямъ Кокшенги.
- Илеская вол.—въ верховьяхъ Кокшенги по р. Илезѣ, притоку Кокшенги.
- Верхококшенгская вол.—по истокамъ Кокшенги.
- Долговицкая вол. по р. Кокшенгѣ ниже впаденія въ нее р. Тарноги.
- Ромашевская вол. по р. Уфтюгѣ, лѣв. притоку Кокшенги.
- Поча вол.?

II.

Таблица, показывающая распредѣленіе дворовъ по видамъ землевладѣнія въ поморскихъ уѣздахъ XVII в.

Уѣзды	годъ	общее число дворовъ				черныя земли					церковныя земли					частновладѣльч. земли				
		крестьян.	бобыльск.	половн.	всего	дв. крест.	дв. боб.	дв. пол.	всего	% отнош.	дв. крест.	дв. боб.	дв. пол.	всего	% отнош.	дв. крест.	дв. боб.	дв. пол.	всего	% отнош.
Заонежскіе погосты	1646—7	5687	1521*	—	7208 (7284)**	3794	938	—	4.732 (4.740)	65_8%	1808	563	—	2.371 (2.439)	32_8%	85	20	—	105	1_4%
Кольскій уѣздъ	1608—11					81+142 вежи лопарей														
Каргопольскій уѣздъ	1648	6118	207	—	6325	5940	195	—	6135	97 %	178	12	—	190	3%					
Двинскій уѣздъ	1622—24	3835 (3834)	161 (160)	— —	3996 (3994)	3380 (3379)	65 (64)	— —	3445 (3443)	86 %	455	96	—	551	14%					
	1678	3393 (3405)	404 (399)	— —	3797 (3804)	2811	209	—	3020	79 %	582 (594)	195 (190)	—	777 (784)	21%					
Кевропьскій уѣздъ	1623	1539	110	—	1649	1528	110	—	1638	99_3%	—	—	—	—	—	11	—	—	—	0_7%
	1678	950	136 (134)	4 —	1090 (1088)	937	136 (134)	—	1073 (1071)	98 %	13	—	4	17	2%					
Мезенскій уѣздъ	1623	982	22	—	1004	982	22	—	1004	100 %										
	1678	625	214	—	839	625	214	—	839	100 %										
Яренскій уѣздъ	1608	2021	184	—	2205	1927	175	—	2102	95 %	94	9	—	103	5%					
	1646	2356	926	10	3292	2179	859	—	3038	92 %	109	36	10	155	5%	68	31	—	99	3%
	1678	2319	948 (949)	56	3323 (3324)	2203	890	45	3138	94 %	116	59	11	186	6%					
Вятская земля	1629					4618 (4629)														
	1678	8435			8435	6340***			6340	75 %	2089***		—	2089	24_3%	6		—	6	0_7%

Кайгородскій уѣздъ	1678	884	110 (108)	3	997 (995)	880	109 (107)	3	992 (990)	99$_5$ %	4	1	—	5	0$_5$ %					
Чердынскій уѣздъ	1623—24					2269	108		2377											
	1647	815	758	15	1588	789	757	—	1546	97 %	—	—	15	15	1$_3$ %	26	1	—	27	1$_7$ %
	1678	2038	770	53	2861	2014	770	33	2817	98$_5$ %			13?	13?	0$_5$ %	24	—	7	31	1 %
Соликамскій уѣздъ	1623				1451				373	25 %				46	4 %				1032	71 %
	1647	3607	126	—	3733	1338	53	—	1391	37 %	583	—	—	583	16 %	1686	73	—	1759	47 %
	1678	**** 5509	675	—	6184	**** 2787 (2786)	313 (314)	—	3100	50 %	255	92	—	347	6 %	**** 2468	269	—	2737	44 %
Сольвычегодскій уѣздъ	1625	3831 (3818)	89 (112)	220	4140 (4150)	**** 3346 (3333)	64 (87)	—	3410 (3420)	81 %	**** 485	14	—	499	13 %	—	11	220	231	6 %
													35 дв. боб.+681 дв. пол.=716. 22 % †							
	1645	(2533)	69	681	3283	(2533)	(34)	—	(2567)	78 %										
	1678	2282	96	1021	3399	2070	68	567	2705	79 %	212	6	232	450	13 %	—	22	222	244	8 %
Устюжскій уѣздъ	1623—26	†† (5882)	—	†† (1205)	(7087)	5802	—	717	6519	92 %	80	—	419	499	7$_1$ %	—	—	69	69	0$_9$ %
	1676	(6642) †††	(4?)	(1852) †††	(8498)	6561	—	1044	7605	89 %	81	4	682	767	10 %	—	—	126	126	1 %
Тотемскій уѣздъ	1623—25	2479 (2480)	73 (72)	41 (43)	2593 (2595)	2403 (2398)	55	36	2494 (2489)	96 %	76 (82)	18 (17)	5 (7)	99 (106)	4 %					
	1646	2003	220	32	2255	1951	196 (185)	17	2164 (2153)	96 %	52	11	3	66	3 %	—	13	12	25	1 %
	1676					3225	22	23	3270											
Устьянскія волости	1645	1815	72	—	1887	1815	72	—	1887	100 %										
	1676	1927	57 (56)	—	1984 (1983)	1927	57 (56)	—	1984 (1983)	100 %										

* Съ дворами бобылей соединены и цифры дворовъ вдовъ, нищихъ и ходящихъ по міру.
** Цифры въ скобкахъ по нашему счету, гдѣ онъ не сходился съ итогами книги.
*** Не считая дв. боб. на церк. погостахъ.
**** Дворы крестьянскіе и половничьи вмѣстѣ.

† Дворы церковные и Строгановыхъ вмѣстѣ.
†† Въ книгѣ соотвѣтствующія цифры 5895 и 1189.
††† Въ книгѣ соотвѣт. цифры 6648 и 1836.

III.

Таблица, показывающая число дворовъ въ поморскихъ городахъ въ XVII в.

Посадъ	годъ	дв. собственно посадскихъ люд.	дв. бобыльскихъ	дв. нищихъ, по міру ходящихъ и пр.	всего дв. посадскихъ	дв. церковныхъ причтовъ	дв. монастырскихъ	дв. приказныхъ люд., пушкарск. приставскихъ и пр.	дв. гостей и гостиной сотни	дв. стрѣлецкихъ, солдатскихъ	дв. иногороднихъ торговыхъ людей и иноземцевъ	
Олонецъ	1640-егг.				**155**							Пр. Д. 1653 № 73.
Кола	1608											Арх. мин. юст. писц. кн. 208: «Всего въ Колѣ въ острогѣ и на обѣихъ посадѣхъ, и за рѣкою Колой посадскихъ, и стрѣлецкихъ, и съ монастырскимъ 94 дв., а людей въ нихъ посадскихъ 150 чел. да 13 чел. стрѣльцовъ, да бобылей и съ тѣми, что въ стрѣлецкой слободѣ, 43 человѣка».
Каргополь	1648	343	148 и 5 келій		**491**	32 и 11 келій	9	20		14		Арх. мин. юст. писц. кн. 168.
Турчасовъ	1648	32	10 *)		**42**	2 и 7 келій	3					кн. 168. *) Среди бобыльскихъ 6 дв. на церк. землѣ
Архангельскъ	1622-24	113	2		**115**			34		205		кн. 9.
	1678	119	7		**126**	9	8	8	4		30 **)	кн. 15.051. **) Иноземцевъ 24 дв.
Холмогоры	1622-24	461	12		**473**		10		3		4	кн. 9. Кромѣ того 7 дворовъ осадныхъ
	1678	445	55		**500**	38 и 1 келья	15	18	4		4	кн. 15.051
Ненокса	1622-24	76			**76**							кн. 9.
	1678	72	5		**77**	9	4					кн. 15.051.

Луда	1622-24	17			**17**							кн. 9.
	1678	42	2		**44**	3 дв. и 1 кел.	3					кн. 15.051.
Уна	1622-24	22			**22**							кн. 9.
	1678	44			**44**							кн. 15.051.
Кулуй	1622-24	28			**28**							кн. 9
	1678	9	2		**11**							кн. 15.051
Кеврола	1678	2 крестьян.	16		**18**	11 и 9 келій		3				кн. 15.055. Въ сл. Окладниковой по опис. 1678 г. 45 дв. крест.; 2 дв. боб.; 6 дв. нищихъ; 1 дв. гост. сотни. Въ сл. Кузнецовой 27 дв. крест.; 3 дв. боб.; 10 дв. и 1 кел. нищ.
Яренскъ	1646	21	18		**39**	8		8				кн. 143
	1678	14	7		**21**	11		13				кн. 15.057
Турья	1646	12 кр.	22		**34**							кн. 143
	1678	13 кр.	23		**36**							кн. 15.057
Хлыновъ	1629	390	80	82	**552**	50 и 5 келій		30				кн. 90.
	1678	604 да 6 избъ			**604**	64		48	4			кн. 520. Кромѣ того 49 дв. епископлихъ приказныхъ и домовыхъ его.
Орловъ	1629	55	18		**73**	15		5				кн. 90
	1678	22 да 2 избы			**22**	16						кн. 340
Котельничъ	1629	25			**25**	7	2	7				кн. 90
	1678	43 и 7 избъ			**43**	16						кн. 340
Слободской	1629	100	17		**117**	26 и 11 келій		12			1	кн. 89
	1678	338 и 5 избъ			**338**	25						кн. 339; кромѣ того дв. епископа.

Посадъ	годъ	дв. собствен. посадскихъ люд.	дв. бобыльскихъ	дв. нищихъ, по міру ходящихъ и пр.	всего дв. посадскихъ	дв. церковныхъ причтовъ	дв. монастырскихъ	дв. приказныхъ люд., пушкарск., приставскихъ и пр.	дв. гостей, гостиной сотни	дв. стрѣлецкихъ, солдатскихъ	дв. иногороднихъ торговыхъ людей и иноземцевъ	
Шестаковъ	1629	20	6		26	11 и 12 келій		3				кн. 89
	1678	22 и 11 избъ			22	10						кн. 339
Кайгородъ	1678	104	19		123		18					кн. 184
Чердынь	1647	35	112		147	25						кн. 351
	1678	59	182 и 15 избъ	10 и 6 избъ	251	23						кн. 352
Соликамскъ	1647	89	226 и 1 кел.	151 и 9 избъ, и 6 келій	466	19 и 1 келья		16	6		36	кн. 474
	1678	202	183	55 и 96 избъ	440 и 243 избы	20 и 3 кельи			24 и 1 изба	24 и 1 изба		к. 442. Общій итогъ книги 513 дв. и 318 избъ.
Пустозерскъ	1640-е. годы.				43							Пр. Д. 1653 № 73 «Роспись, которые города вѣдомы въ Новгородской четверти и сколько въ которомъ городѣ порознь по переписнымъ книгамъ въ посадѣхъ посадскихъ и бобыльскихъ, и вдовьихъ дворовъ».

Сольвычегодскъ	1625	245	40		**285**	31 и 57 келій						кн. 446
	1645	193	20вдов.		**213**	31 и 74 кельи			3			кн. 451, писцовая. Кромѣ того 7 двор. «всеуѣздныхъ». Итоги этой книги разнятся съ итогами переписной книги Ив. Чирикова 1648г., которая насчитываетъ въ Сольвычегодскѣ всего 364 дв. да 67 кел. Пр. Д. 1649 № 62.
	1678	92	105		**197**	50, 2 богад. 143 кел. нищ.		19	5			кн. 501.
Устюгъ	1623-26	689			**689**	59	8 и 2 монаст. служекъ	8	3	слобода на 50 чел.		Устюгъ В. Матеріалы для исторіи города, стр. 28. Сотная съ писц. кн. 7131-134 г.; кромѣ того 1 дв. митрополичій, 6 дв. осадныхъ.
	1677-8	913			**913**	66						Ibid. 159, переписная; по итогу этой переписной всего въ Устюгѣ всѣхъ дв. 1039.
Тотьма	1623-25	199	16		**215**	14						кн. 480
	1646	89	137*) да 3 избы	10	**236**	9 дв. и 30 келій						кн. 15.049. *) въ томъ числѣ 17 дв. боб. на церковной землѣ.
	1676-79	316	8 да 2 кел.		**324**	13 и 31 келья	1		5			кн. 482
Чаронда	1637				**44**							Пр. Д. 1637 № 57
	1646				**43**							Пр. Д. 1649 № 62

IV.

Акты, относящіеся до деревенскихъ раздѣловъ и передѣловъ.

№ 1.

Приказн. д. 1629 № 24.

л. 3. Лѣта 138 сент. въ 30 д. Устьянскіе волости Введенскаго стану выборнымъ земскимъ судьямъ Семому Дмитріеву да Ефрему Данилову съ товарищи подалъ челобитную устьянецъ Введенскаго стану Харка Захарьевъ сынъ Шаляпинъ и въ складниковъ своихъ мѣсто полудеревни Левкино да Русинково на складниковъ своихъ Ондрійковскаго починка на Савелья да на Ѳедора Васильевыхъ дѣтей Илясова о судѣ, а въ челобитной пишетъ:

л. 4. Царю государю—бьютъ челомъ сироты твои государевы Устьянскіе волости Введенскаго приходу Харка Захарьинъ сынъ Шаляпинъ и въ складниковъ своихъ мѣсто полудеревни въ Левкино да Русинково. Жалоба мнѣ, государь, на складниковъ своихъ другіе полудеревни на Ѳедора да на Савелья Васильевыхъ дѣтей Илясова въ таковѣ дѣлѣ. Во 135 г. билъ я челомъ тебѣ, государю—а выборнымъ судьямъ Ѳедору Якимову да Ѳедору Иванову Поторочину съ товарищи челобитную подалъ на того Ѳедора и Савелья въ лишенной земли въ трехъ поляхъ у ихъ выставочныхъ дворовъ. И они не ходя на судъ да по(ми)рились и мировую на собя запись дали, что имъ противо... оляхъ пол (?) выставочныхъ лишнихъ мнѣ Харитону земля отмирить къ нашимъ дворамъ. И они, государь, тое земли по мировой записи не отмирили. И язъ Харка во 137 г. билъ челомъ тебѣ, государю, а подалъ челобитную на нихъ выборнымъ судьямъ Михайлу Алексіеву съ товарищи, и судьи насъ судили и по суду своему меня Харку оправили и по мировой записи, а Ѳедку и Савку повинили и съ суда дали наказную память излюбленнымъ цѣловальникамъ Аѳанасью Осипову съ товарищи. И цѣловальники по наказной памяти и по мировой записи мнѣ Харкѣ землю отмѣрили къ нашимъ дворамъ противъ ихъ лишнихъ поль. А что, государь, въ старыхъ поляхъ за мѣрою земли осталось, и выборные судьи въ той въ осталой землѣ въ томъ, что имъ съ нами землю раздѣлить повытно (sic). И они, государь, мнѣ Харкѣ складники тое отмѣрные земли пахать не даютъ, а достальные земли не дѣлятъ. Да у Ѳедора же дворъ стоитъ на моей Харкинѣ на отмѣрной землѣ

и по ся мѣста сильно. Да Ѳедоръ же сильно свезъ съ моея съ отмѣрные земли 5 овиновъ ржи лѣтомъ послѣ Ильина дни 137 г. И намъ, государь, въ томъ ихъ насильствѣ и въ земляной неотдачѣ, и во ржаномъ повозѣ, и что дворомъ стоитъ на моей землѣ сильно, и въ деревенской недопашкѣ, въ писчемъ и въ волокитѣ десять рублевъ денегъ съ полтиною. И мы, государь, на нихъ ищемъ тое отмѣрные земли, а въ достальной землѣ дѣлу по поручнымъ записямъ да свозныя пяти овиновъ ржи, да что сильно стоитъ на моей землѣ дворомъ, да убытковъ своихъ десять руб. денегъ съ полтиною. Да съ нихъ же ищемъ по мировой записи счину заставы пятнадцать руб. денегъ. Милосердый государь—дай на нихъ свой царской судъ и указъ. Государь смилуйся.

л. 7. Отвѣтчикъ Ѳедка, ставъ предъ выборныхъ судей Устьянскіе волости Введенскаго стану передъ Семого Дмитріева да передъ Ефрема Данилова съ товарищи отвѣтчикъ на обидящемъ мѣстѣ Ѳедка Васильевъ, выслушавъ челобитную, а въ отвитѣ сказалъ: дворомъ язъ стою на своей землѣ по путю, и путь у мене есть на ту землю, и въ судъ положилъ купчую, а въ купчей пишетъ:

л. 8. Се язъ Трифонъ Микулинъ сынъ Хабарова продалъ есми Ѳедору Васильеву сыну Илясову свое повытье Андріевскаго починка осмую долю горную землю и луговую и съ пожнями, и съ рощами, и съ путики, и съ езовищи, и со всѣми угодьи, чѣмъ самъ Трифонъ владѣлъ, куда коса и соха, и топоръ ходилъ. Да продалъ есми опроче насѣяные ржи, что сіяно на землю къ нынѣшнему 129 году, что на той осмой ни сіяно. А продалъ есми опроче двора и всѣхъ хоромъ опроче подворные земли и опроче сѣченыхъ новинъ и зженыхъ, и паровъ. А взялъ есми язъ Трифонъ на томъ осьмомъ жеребью земли и на всемъ безъ вывѣта, чѣмъ самъ владѣлъ и на всѣхъ угодьяхъ опроче двора и ржи, что въ землѣ на той осминѣ сіяно, цѣны пять рублевъ денегъ и пополнокъ въ той же цѣнѣ. А подати государевы дань и оброкъ, и всякія мірскія потуги платити мнѣ продавцу до Ильина дни нынѣшняго своими деньгами, а съ Ильина дни да до Ильина дни впредь, что будетъ во 130 г., подати платити съ тоя осмины пополамъ: продавцу со ржи, а купцу съ яри платити. А будетъ тотъ осьмой жеребей земли Андріевскаго починка и пожни, и всѣ угодья у кого въ закупѣ или въ закладѣ, ино мнѣ продавцу Трифону выкупати и очищати, и отводити своими деньгами, а убытка въ томъ Ѳедору не довести. А на то послуси Жданъ Ивановъ сынъ Илатовскаго да Ѳедоръ Григорьевъ сынъ Трапезникъ. Купчую писалъ церковной введенской дьячекъ Семейка Титовъ сынъ Поповъ. 7129 г. окт. въ 28 д. Списокъ списанъ слово въ слово.

л. 9. А ржи не важивалъ, а убытками и волокитою всѣмъ поклепалъ, а землю дѣлю всегда во всѣхъ трехъ поляхъ, а дамъ те всимъ (sic) Божію правду крестное цѣлованье, самъ крестъ цѣлую и ему вирю.

И судьи спрошали истца Харку, чѣмъ ты его уличаешь? Истецъ Харка уличалъ Божіею правдою крестнымъ цѣлованьемъ, самъ крестъ цѣлую и ему вирю.

И судьи спросили отвѣтчика: самъ ли крестъ цѣлуешь, или истцу Харкѣ вѣришь. И отвѣтчикъ Ѳедка себѣ на душу взялъ крестъ цѣловати.

Истецъ Харка положилъ въ судъ мировую запись, а въ мировой пишетъ:

л. 10. Списокъ съ мировые слово въ слово. Се язъ Ѳедоръ да Савелей Васильевы дѣти Илясова да язъ Харитонъ Захарьевъ сынъ Шаляпинъ, да язъ Русинъ Остафьевъ Хабарова помирились есмя по любове, доложа выборныхъ судей Ѳедора Якимова да Ѳедора Иванова съ товарищи не ходя на судъ, что мы Харитонъ да Русинъ подали челобитную на братениковъ на Ѳедора да на Савелья нынѣшняго 135 году Андріевскаго починка въ поляхъ и въ припашехъ, и въ наволокахъ въ лишкахъ. И намъ Ѳедору да Савелью, что у насъ дворъ стоитъ на выставкѣ того же Андрівскаго починка на полудеревнѣ съ шестнадцатою долью взять своихъ ... подворныхъ земель во всѣхъ трехъ поляхъ земля и до конецъ поль въ мѣру. А намъ Харитону да Русину, да Леонтью Микулину сыну на полдеревни же того же Андріевскаго починка безъ шестнадцатые доли земли взять противъ тѣхъ поль своихъ съ подворныхъ земель во всѣхъ трехъ поляхъ земля и до конецъ поль въ мѣру, а лишковъ другъ у друга не владѣть. А рожь съ полевыхъ земель намъ кто гдѣ сѣялъ къ нынѣшнему 135 году снять, земля роздѣлить, а на припашехъ и въ наволокахъ земля намъ дѣлить же, а безъ дѣлу земли не пахать и лишками не владѣть. А будетъ мы Ѳедоръ да Савелей не учнемъ Харитону и Русину давать съ ихъ подворныхъ земель во всѣхъ трехъ поляхъ и до конецъ поль противъ своихъ поль земли въ мѣру давать и припашей, и наволоковъ дѣлить въ мѣру и лишкомъ владѣть, ино на насъ взять Харитону да Русину счину (sic) 15 руб. денегъ. А се у насъ мировыя двѣ по противнямъ, послуси одни и дьячекъ писалъ одинъ же, розведены по себѣ. А на то послуси земскіе цѣловальники Павелъ Исаевъ сынъ Пеневской да Поспѣлъ Савельевъ сынъ Ипатова, да крестьяне Герасимъ Захарьевъ сынъ Шаляпинъ, да Иванъ Микифоровъ сынъ Суворова, да Омельянъ Григорьевъ сынъ Ожогинъ. А мировыя записи писалъ Устьянскія волости Введенскаго стану выборной земской дьячекъ Ондрюша Лукинъ. Лѣта 7135 году сентября въ 24 д.

л. 11. А отвѣтчикъ Ѳедка на мировую слался въ томъ, что тово у него не хочу, которое промирено, а лишками не владію, а коя земля за мѣрою, и язъ де дѣлю.

Истецъ Харка слался на судной списокъ и на отводную у прошлаго судьи у Михаила Прожерина съ товарищи, только судья дастъ судной списокъ, и язъ въ судъ положу. Отвѣтчикъ Ѳедка на судной списокъ слался, каковъ покажетъ и на отводную слался, какову покажетъ.

Истецъ Харка положилъ наказную память прошлыхъ судеекъ Михаила Алексіева съ товарищи и отмѣрную пятидесятскаго Аѳапасья съ товарищи, а въ наказной и въ отмѣрной пишетъ:

л. 12. Списокъ съ наказные памяти. Лѣта 7137 году сентября въ 29 д. по государеву цареву—указу память отъ выборныхъ судей Михаила Олексіева съ товарищи пятидесятскому Ѳѳонкѣ Жаравлеву да крестьянину Ондрюшкѣ Софонову въ томъ: роздѣлити имъ межъ Илясовыми братеники

и Харкой земли излишковъ по мировымъ записемъ, что они мировыя дали во 135 году. И имъ излюбленымъ людемъ промежъ ими земля судворковъ другъ другу умѣръ отдавати, а тѣмъ излюбленымъ людемъ за мѣрою ходити и у мѣры быти. А по мировой записи судворковъ и до конецъ поль, а раздѣлить на срокъ послѣ Покрова на первое воскресенье нынѣшняго 137 году, а роздѣля и судьямъ дѣлъ объявити. Судьи печати свои приложили. У матицы судейская печать, да у матицы жъ въ тылу на захребеткѣ написано, да (?) снимки дьячку Киршѣ Пономареву.

л. 13. Списокъ съ помѣрные памяти слово въ слово. Лѣта 7137 году сентября въ 30 д. По государеву—указу и по наказной памяти отъ выборныхъ судей Михаила Олексіева съ товарищи пріѣхалъ въ деревню Ондріевскаго починка пятидесятской Аѳанасей Осиповъ да излюбленые цѣловальники Ондрій Софоновъ да Девятой Фатьяновъ, да съ ними дьячекъ Кирилко Ѳедоровъ. И излюбленой пятидесятской Аѳанасей, да Ондрей, да Девятой пошли вервить судворковъ земли посередъ поля двадцать шестовъ озимнаго и до конецъ поля, а долготину поля озимнаго тридцать девять шестовъ, по концу поля озимнаго двадцать шестовъ, а по другому концу поля озимнаго тридцать шестовъ съ полушестомъ. А въ оржаномъ полѣ свервилъ посередъ поля ржаного двадцатъ шестовъ безъ шеста, а въ долготину поля 39 шестовъ, а по концу поля отъ ручья двадцать шестовъ безъ шеста, а противъ двора по концу 17 шестовъ. А въ третьемъ полѣ въ яровомъ свервили въ долготину 30 шестовъ безъ шеста, а по концу отъ ручья 30 шестовъ, а по горнему концу 32 шеста, посредъ поля 30 шестовъ съ шестомъ. А тѣ поля свервили у Ѳедора да у Савелья Васильевыхъ во всѣхъ трехъ поляхъ судворковъ и до конецъ поль на полдеревни съ шестнадцатою долею Ондріевскаго починка по мировымъ записемъ у выставочныхъ дворовъ однимъ шестомъ, а шестъ трехъ саженъ, а сажень пятидесятскаго Аѳанасья Осипова. И пятидесятской, и излюбленые свервили у Харитона судворочные земли отмѣрили Харитону да Русину, да Леонтью противо тѣхъ трехъ поль Савельева да Ѳедорова, противо выставочныхъ поль въ мѣру земли на полдеревни безъ шестнадцатые доли, а отмѣривали во всѣхъ трехъ поляхъ тѣмъ же шестомъ, что у Ѳедора да у Савелья мѣрили. А мѣрили ту землю по наказной памяти и по мировой записи. А Ондріевскаго починка отъ мѣры земли осталось во всѣхъ трехъ поляхъ. Спрошали пятидесятской и цѣловальники у Ѳедора да у Рыкована: идешь ли тое земли дѣлить, что осталось въ трехъ поляхъ земли за мѣрою. Ставъ сказали Ѳедоръ да Рыкованъ: идемъ съ государева докладу земли дѣлити; и спросилъ пятидесятской у Харитона, и Харитонъ сказалъ тѣ рѣчи: иду хоть сегодни земель дѣлити. У записки были люди добрые Василей Стефановъ, Василей Михайловъ, Иванъ Дмитріевъ, Логинъ Васильевъ. Записалъ ихъ излюбленой дьячекъ по наказной памяти Кирилко Ѳедоровъ.

л. 14. Отвѣтчикъ Ѳедка на наказную память и на отмѣрную слался же, коя де земля отмѣрена, тою онъ Харка и владѣетъ.

Истецъ Харка слался изъ виноватаго на Василья Степанова да на Ондрія Старцова въ томъ, что какъ они рожь возили изъ моего поля и

они то видѣли, а язъ лежалъ въ концѣ живота, и попъ меня и каялъ. Отвѣтчикъ Ѳедка на тѣхъ третьихъ слался въ послушество, потому что ему братья... накупные.

Истецъ Харка слался на старосту церковнаго на Григорья Логинова да на Осипа Фатьянова въ томъ, что имъ являлъ, какъ онъ рожь свозилъ. Отвѣтчикъ Ѳедка слался на старосту и на Осипа въ послушество по тому: воля ему являти ставомъ да нарядомъ. И сверхъ того истецъ и отвѣтчикъ больши того ссылокъ и уликъ никоторыхъ не сказали. Того жъ числа отвѣтчикъ Савка Васильевъ, слушавъ челобитную, а въ отвитѣ сказалъ: ни знаю, ни вѣдаю, убытками и волокитою поклепалъ, ржи не важивалъ, двора на землѣ нѣтъ, а дамъ те съ нимъ Божiю правду крестное цѣлованье, самъ крестъ цѣлую и ему вѣрю. А землю мы дѣлимъ и вервимъ чернымъ дѣломъ, а зовемъ его Харитона земли дѣлити по вся дни.

Истецъ Харка уличалъ Божiею правдою, крестнымъ цѣлованьемъ. Отвѣтчикъ Савка себѣ на душу взялъ крестъ цѣловати на поклепъ денегъ не наиматца (sic), а на мировую запись слался въ томъ: землю дѣлю и верлю, а на наказную память и на отмѣрную слались въ томъ земли когда положить въ судъ, тогда и ричи будутъ. А судов (sic) сидѣли цѣловальники Незговоръ Петровъ сынъ Поздiева да Бутора Игнатьевъ сынъ Оносинъ, да сотскiе Иванъ Костянтиновъ сынъ Коржавинъ, да Иванъ Родiоновъ сынъ Чеснишина, да пятидесятской Гость Прокопiевъ Темиревъ, да десятской Ортемiй Третьяковъ. Судныя дѣла писалъ земской дьячекъ Селиверстко Леонтiевъ сынъ Кокоринъ.

л. 15. Се язъ Устьянскiе волости Омельянъ Григорьевъ сынъ Ожегинъ да Рыкованъ Савельевъ сынъ Илясова выручили есмя у земскаго доводчика Устьянскiе волости у Перваго Иванова сына Гадаева отвѣтчика по судному списку Ѳедора Васильева сына Илясова, что на немъ искалъ по челобитной Харка Шаляпинъ и въ складниковъ своихъ мѣсто Левкино да Русинково передъ судьями передъ Семымъ Дмитрiевымъ съ товарищи отмѣрные земли, а въ достальной землѣ дѣлу по... чнымъ записемъ, да свозныя пяти овиновъ ржи, да что подворные земли, что дворомъ стоитъ, да убытковъ десяти рублевъ, да по мировой записи счину 15 руб. денегъ, а по другому по судному, что онъ Ѳедко искалъ на Харкѣ да на Левкѣ Микулинѣ, да на Марьѣ Ивановѣ дочере по купчей земли своея да убытковъ десяти рублей съ гривной. И ему Ѳедкѣ за нашею порукою стать къ Москвѣ въ Устюжеской четверти передъ государева дьяка Михаила Смывалова съ судьями вмѣстѣ, какъ съ государевымъ оброкомъ къ Москвѣ станутъ нынѣшняго 138 году, по тѣмъ суднымъ спискамъ....... А не станетъ онъ за нашею порукою на Москвѣ въ Устюжеской четверти передъ государева дьяка Михайла Смывалова по судному списку Харка Шаляпина съ складники, а на то послуси Борисъ Моисеевъ сынъ Драчевъ, да Оксенъ Григорьевъ сынъ, да Третьякъ Филипповъ сынъ Кошка. А поручную писалъ никольской церковной дьячекъ Никонко Александровъ. Лѣта 7138 году декабря въ 25 день.

№ 2.

Прик. д. 1633 № 50, л. 107—108.

Се язъ Бутора Тимоѳеевъ сынъ Холзаковъ, да язъ Невѣжа Ѳедоровъ сынъ Истомина списали есмя межъ собя записи съ докладу выборнаго судьи Нефеда Григорьева съ товарищи и подѣлили пожни въ своей въ Солицкой деревнѣ съ нынѣшняго 131 г. и впредь на 15 годовъ до лѣта 7145. И досталося мнѣ Буторѣ на двѣ трети пожня лугъ подъ дворомъ и съ лагмасы, и съ подгородными окрайками, да пожня Углодатица, да пожня Хмелевица Большая и Малая Хмелевка, да въ кругломъ поженка, да Малая Еловка, да пожня Ямишная и съ пашенной землею, и съ причистьми, и съ лагмасы до Березовые пожни. И Березовая пожня межа по ручейку и съ пашенною землею, да Березы, да Буянской наволокъ и съ лагмасы и съ пашенной землею. Да пожня Островецъ межу Пахомовскими пожнями, да въ Тюлковѣ четыре наволочки вверхъ идучи на правой сторонѣ рѣчки Солицы..... *и т. д.* А мнѣ Невѣжѣ на треть досталося поженъ: пожня Островецъ противъ двора Тимоѳеевыхъ, да пожня Стрѣлки за рѣчкою съ причистьми и съ лагмасы по старымъ гранямъ.... *и т. д.* И впредь намъ тѣхъ поженъ до срочныхъ лѣтъ не передѣливать. А которой насъ взочнетъ въ пожняхъ.... до срочныхъ годовъ язъ Бутора или язъ Невѣжа, ино на томъ счину взять государю царю—15 руб. денегъ. А какъ отойдутъ срочные годы въ тѣхъ пожняхъ, и намъ тѣ пожни подѣлить съ жеребья по старымъ третямъ и по старымъ записемъ. Да въ томъ межъ собя и записи списали по противнемъ. А на то послуси: цѣловальникъ Трофимъ Борисовъ да сотской Кирило Ѳедоровъ сынъ, да Григорей Патракіевъ Жаравлевъ, да Матѳей Андреевъ Машановъ. Записи писалъ чадромской дьячекъ Герасимко Фокинъ. Лѣта 7131 іюля 29.

№ 3.

Прик. д. 1641 № 30.

Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу (*титулъ*) бьетъ челомъ твой государевъ сирота Устьянскихъ волостей Соденскіе волости земской судейка Микитка Ширшевъ съ товарищи. Въ нынѣшнемъ, государь, во 150 г. октября въ 8 д. положилъ передъ насъ Соденскіе волости крестьянинъ Занка Марашевъ Медвѣдева приговорное дѣло за приписью твоего государева дьяка Пантелѣя Чирикова по отпискѣ прошлаго судейки Соденскіе волости Томилка Аѳанасьева съ товарищи. А велѣно намъ истцовъ и отвѣтчиковъ деревни Кустовскіе поставя передъ собою приговоръ сказать. А сказавъ приговоръ, въ деревнѣ ихъ Кустовской землю и всякія угодья роздѣлить по тяглу и во всемъ указъ учинить противъ прежнихъ приговоровъ. А то, государь, дѣло онъ Занка положилъ передъ нами по снѣгу. И намъ, государь, тоѣ ихъ земли и всякихъ угодій роздѣлить и розвесть межъ ихъ немочно. А прежнихъ, государь, приговоровъ

у того приговорнаго дѣла нѣтъ. А намъ, государь, о томъ не указано, гдѣ тѣ прежніе приговоры взяты. И язъ то приговорное дѣло подклея подъ сею отпискою послалъ къ Москвѣ къ тебѣ государю и велѣлъ положить въ Устюжской четверти передъ твоего государева дьяка Дмитрія Карпова. И о томъ дѣлѣ какъ ты, государь, укажешь намъ сиротамъ своимъ.

Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу (*титулъ*) бьетъ челомъ устьянецъ Соденскіе волости земской судейка Томилка Аѳанасьевъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 149 г. ноября въ 1 д. положилъ передъ меня судью дѣло съ приговоромъ за приписью твоего государева дьяка Пантелѣя Чирикова Занка Марашевъ, а велѣно намъ Кустовскіе деревни складниковъ подворныя и полевыя, и огородныя земли, и хмельники, и сѣнные покосы, и всякія угодья розвести межъ ихъ и раздѣлить по тяглу чернымъ дѣломъ. И я судейка пріѣзжалъ въ ихъ Кустовскую деревню. И крестьяне мнѣ сказали сказку. И язъ тое записку и съ приговору списокъ подклея подъ сеѣ отписку послалъ къ Москвѣ къ тебѣ, государю, и велѣлъ положить въ Устюжской четверти передъ твоего государева дьяка Пантелѣя Чирикова. И о томъ дѣлѣ какъ ты, государь, намъ сиротамъ укажешь.

149 г. декабря въ 15 д. По государеву—указу и по приговору за приписью государева дьяка Пантелѣя Чирикова Устьянскихъ волостей Соденскіе волости судья Томило Аѳанасьевъ съ товарищи пріѣхалъ въ Кустовскую деревню и поставя передъ собя Якунку Ершова, Архипка Михайлова, Елизарка Савельева, Семку Григорьева, Самку Ульянова, Мартынка Лукина, Данилка Михайлова, Матюшку Костянтинова, Полюшку Дмитреева, Захарку Марашева и всѣхъ складниковъ Кустовскіе деревни истцовъ и отвѣтчиковъ. И государева дьяка Пантелѣя Чирикова приговоръ имъ сказалъ. И спрошалъ всѣхъ складниковъ Кустовскіе деревни: подворныя и полевыя, и огородныя земли и хмельники, и сѣнные покосы и всякія угодья межъ себя дѣлите ли? И въ прежномъ роздѣлѣ земля у васъ и угодья есть ли? И сказали.... Рыбинъ, Яковъ Ершовъ, Архипъ Михайловъ, Елизарей Савельевъ сказали (sic): земля у насъ дѣлена чернымъ дѣломъ по государеву указу и по дьячью приговору дьяка Михайла Смывалова, а дѣлилъ землю прошлой судья Иванъ Фроловъ, да и записка есть а недодѣльною землею и сѣннымъ покосомъ по рѣчкѣ Доровицѣ онъ же Занка Марашевъ владѣетъ. Сенка Григорьевъ сказалъ: язъ пріѣхалъ на новыя межи, а станутъ складники землю дѣлить, и язъ дѣлю. Самка Ульяновъ сказалъ: станутъ складники землю дѣлить, и язъ дѣлю, а про прежнюю роздѣлку въ землѣ и въ угодьяхъ, и въ сѣнныхъ покосѣхъ Самко рѣчей не сказалъ. Мартынъ Лукинъ сказалъ: станутъ складники землю дѣлить, и язъ дѣлю. Данило Михайловъ сказалъ: рѣчи у меня сказаны, какъ пріѣзжалъ прошлой судья Тимоѳей Ширшевъ по государеву указу въ деревню Кустовскую, и мои рѣчи есть записаны у суднаго списка. Матѳей Костентиновъ сказалъ: за мною тѣжъ рѣчи, что Данко у записки говорилъ. Полюша Дмитріевъ сказалъ: за мною тѣжъ рѣчи, что Мартынъ Лукинъ у записки говорилъ. А истецъ Захарко Марашевъ сказалъ: земля у насъ въ Кустовской деревнѣ межъ собя не дѣлена. А они

землею и угодьи сильно владѣютъ безъ дѣлу. А я съ ними земли не дѣливалъ. У записки были: цѣловальникъ Лаврентей Павловъ, сотской Тихонъ Александровъ, Иванъ Фроловъ, Никита Тимоѳеевъ Ширшевъ, Безсонъ Ивановъ, Богданъ Володимеровъ, Василей Ляховъ, Третьякъ Григорьевъ, Прокопей Куча. Записалъ земской дьячекъ Герасимко Фокинъ.

Списокъ съ приговору. 148 г. мая въ 20 д. дьякъ Пантелѣй Чириковъ сехъ судныхъ дѣлъ и прежнихъ своихъ приговоровъ слушавъ, приговорилъ по обѣимъ суднымъ дѣламъ противъ прежнихъ приговоровъ истцомъ и отвѣтчикомъ, деревни Кустовскіе крестьяномъ, подворныя и полевыя, и огородныя ихъ земли и хмельники, и сѣнные покосы, и всякія угодья розвести и роздѣлить по тяглу чернымъ дѣломъ, чтобъ никто ни у кого лишнею землею и никакими угодьи не владѣлъ. А будетъ которыя земли и угодья напередъ сего роздѣлены, а спору въ тѣхъ земляхъ и въ угодьяхъ у истцовъ и отвѣтчиковъ не будетъ, и имъ тѣми землями и угодьи впередъ владѣти по тому жъ роздѣлу. А роздѣлить имъ достальныя земли и угодья, которыя у нихъ недѣлены и въ убыткахъ, и въ московской проѣсти и въ волокитѣ указъ имъ учинить противъ прежнихъ приговоровъ. И по государеву цареву—указу Устьянскихъ волостей Соденскіе волости земскому судейкѣ Томилку Аѳанасьеву съ товарищи поставя передъ собою истцовъ и отвѣтчиковъ, сей приговоръ имъ сказать, а сказавъ приговоръ, въ деревнѣ ихъ Кустовской подворныя и полевыя, и огородныя земли и хмельники, и сѣнные покосы, и всякія угодья розвести межъ ихъ и роздѣлить по тяглу чернымъ дѣломъ вправду безо всякіе поноровки, чтобъ никто ни у кого лишнею землею и никакими угодьи не владѣлъ и впредь бы межъ ихъ въ тѣхъ земляхъ ссоры никакіе и государю челобитья ни отъ кого не было. А будетъ которыя земли напередъ сего роздѣлены, а спору въ тѣхъ земляхъ и въ угодьяхъ межъ ихъ не будетъ, и имъ тѣми землями и угодьи велѣть и впередъ владѣть по тому жъ роздѣлу. А роздѣлити имъ достальныя спорныя земли и угодья, которыя у нихъ недѣлены, и въ убыткахъ, и въ московской проѣсти и въ волокитѣ указъ учинить противъ прежнихъ приговоровъ и до чего по роздѣлу дойдетъ.

№ 4.

Прик. д. 1650 № 81.

Царю государю и вел. кн. Алексѣю Михайловичу.... бьетъ челомъ сирота твой Устьянскихъ волостей Пежемскіе волости деревни Никифорова крестьянинъ Ѳедосѣйко Аѳанасьевъ. Жалоба, государь, тое жъ деревни на Ивана Сидорова сына Х....лина, да на Ульяна Григорьева, да на Ефрема Прохорова, да на Фрола Варѳоломеева Куклиныхъ, да на Нифана Ондреева. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 159 г. послѣ Дмитріева дни Селунскаго на первой недѣлѣ дѣлили, государь, они землю насильствомъ въ веретейномъ полѣ подворной ярусъ и подворную землю въ новыя межи, изживая меня сироту твоего Ѳедосѣйка изъ моей деревнишка. А напередъ того,

государь, та земля была въ дѣлу въ одномъ ярусѣ, а нынѣ, государь, тое землю они раздѣлили и розмежевали въ три ярусы насильствомъ же и отняли, государь, у меня сироты твоего тѣ запаханые земли двѣ доли полосы. А въ то, государь, мѣсто на меня сироту твоего накинули земли пустые что у нихъ у Ивана съ товарищи подъ улицею, а другая на задворьѣ, та земля непаханая и въ поля той земли они не огораживаютъ; а мнѣ сиротѣ твоему отъ него Ивана съ товарищи учинилось убытка въ сильномъ въ земляномъ во владѣньѣ убытка и въ хлѣбномъ недородѣ, и въ волокитѣ, и въ безторжицѣ, и въ безпромыслицѣ 75 руб. съ полтиною. Милосердый государь, вели, государь, дати мнѣ свою государеву зазывную грамоту изъ Устюжскіе чети и вели, государь, того Ивана Сидорова съ товарищи, которые въ сей челобитной имяны писаны, въ томъ иску въ 75 рубляхъ съ полтиною срочить за порукою къ Москвѣ въ Устюжскую четверть на срокъ на Рождество Христово 160 г. А срочить вели, государь, ихъ Ивана земскому прошлому судейкѣ Ларіону Игнатьеву сыну Козлову съ товарищи. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

Помѣта: Дать грамота.

№ 5.

Прик. д. 1651 № 95.

Судное дѣло о спорной землѣ въ Варженской волости Устюжскаго уѣзда.

Приговоръ: И окольничей кн. И. И. Лобановъ-Ростовской да дьякъ Иванъ Протопоповъ, выписки слушавъ, велѣли въ Устюжскомъ уѣздѣ въ Варженской волости пятымъ жеребьемъ деревни Упиревской владѣть крестьянину Оскѣ Лепихину по купчей, какова купчая на Устюгѣ въ съѣзжей избѣ въ судномъ его Оскинѣ дѣлѣ съ Володкою Щапковымъ и по дѣловой росписи 7130 году и по мировой записи 156 г., какову купчую и дѣловую роспись, и мировую запись на тотъ пятой жеребей деревни Упиревской далъ ему Оскѣ тое жъ деревни крестьянинъ Безсонко Михайловъ сынъ Манаковъ. И тотъ его пятой жеребей деревни отъ складниковъ его, отъ Максима Прахова съ товарищи велѣли отвесть и роздѣлить вправду противъ тѣхъ его Оскиныхъ письменныхъ крѣпостей отъ усть-рѣчки Упиревки за рѣчку за Сидоровицу впрямь да позвалу съ деревнею Аистовымъ, да по логу по Терентьеву Тесу по болоту, а съ Дуплищевымъ по томужъ болоту да по сидоровскому межнику подъ гору, да за рѣчку за Сидоровицу впрямь, да на рѣчку на Паточину вверхъ съ Оксеновымъ къ Якушину по лѣвую сторону, по болоту. И впредь съ того его Оскина жеребья волостнымъ судейкамъ лишнихъ податей править и складникомъ его владѣть и вступаться въ его Оскину землю не велѣли, чтобы въ томъ промежъ ими ссоры и государю челобитья ни отъ кого не было. А которую землю роспахали они послѣ писцовъ Микиты Вышеславцева и тоѣ землю велѣли имъ роздѣлить на пять жеребьевъ и купчую его изъ

суднаго дѣла ему Оскѣ выдать, а въ то мѣсто, будетъ доведется, взять у него Оски къ тому судному дѣлу съ той купчіе списокъ. А крестьянъ, которые въ челобитьѣ его написаны, велѣли изъ нихъ человѣкъ дву или трехъ за поруками, кого они межъ себя излюбятъ, къ отвѣту въ его Оскинѣ иску выслать къ Москвѣ въ Устюжскую четверть на срокъ февраля въ 2 д. нынѣшняго 160 г. И о томъ велѣли ему Оскѣ дать государеву грамоту на Устюгъ В. съ отдачею. А кого по государеву указу съ Устюга В. въ Устюжской уѣздъ въ Варженскую волость въ деревню Упиревскую того его Оскина жеребья отводить пошлютъ, велѣли на его Оскиныхъ складникахъ на Максимкѣ Праховѣ съ товарищи за непослушанье, что они по прежнимъ государевымъ грамотамъ и по воеводскимъ наказнымъ памятемъ тоѣ деревни Упиревской земли мѣрить и того его Оскина жеребья отводить не пошли, и будетъ по наказу воеводы Михаила Милославскаго велѣно на нихъ доправить ѣздъ, потомужъ нынѣ велѣли доправить и отдать Оскѣ Лепихину, чтобъ впредь имъ и инымъ уѣзднымъ крестьянамъ неповадно было государевыхъ грамотъ и воеводскихъ наказныхъ памятей ослушатца.

№ 6.

Прик. д. 1651 № 95.

Списокъ съ дѣловые слово въ слово.

Се язъ Александръ Семеновъ сынъ Щапковъ да язъ Василій Ѳедоровъ сынъ Ляпинова, да язъ Кирило Васильевъ сынъ Чистоноговъ, да язъ Климъ Игнатьевъ сынъ Мартынова, Варженскіе волости крестьяне, подѣлили есми въ деревнѣ Упиревѣ пашенную землю и лѣсъ на пять жеребьевъ полюбовно. И во дворѣ хоромъ досталось: на два жеребья хоромъ Александру да Кирилу изба и съ дворовой землею; а Василью досталось противъ того хоромъ на два жеребья сѣнникъ и съ подклѣтомъ; а Климу на пятой жеребей досталось хоромъ подлѣ избу горница съ хлѣвомъ да баня. А Василью сѣнникъ и съ подклѣтомъ съ дворовые земли снести, а дворъ ему ставить опроче огородцовъ гдѣ любо на вопчую землю. А Климу сѣнница съ хлѣвомъ съ дворовые земли снести, а дворъ ему ставити опроче огородцовъ гдѣ любо на вопчую землю. А дворовые земли подъ дворы имати въ мѣру по жеребьямъ. А пашенные земли досталось Александру на пятой жеребей огородецъ отъ бани, а подлѣ Александровъ огородецъ достался Климу на пятой жеребей огородецъ таковъ же въ мѣру. А подлѣ Климовъ огородецъ достался Василью на два жеребья огородецъ таковъ же въ мѣру. А подлѣ Василья огородецъ достался Кирилу на пятой жеребей огородецъ таковъ же въ мѣру. А за рѣчкою за Сидоровицею первая полоса досталась отъ логу внизъ по рѣчкѣ Василью на пятину, а подлѣ Васильеву досталось полоса Александру на пятину, а подлѣ Александрову полосу досталося полоса Кирилу на пятину, а подлѣ Кирилову досталась полоса Климу на пятину, а подлѣ Климову досталась полоса

на пятину Василью. И тѣхъ полосъ досталось на пятину по двѣ полосы черезъ полосу въ мѣру до лѣсу; а по конецъ тѣхъ десяти полосъ вверху на горѣ пять полосъ на пятину по полосѣ: первая полоса отъ логу Васильева, да подлѣ Васильеву Александрова, а подлѣ Александрову Кирилова, а подлѣ Кирилову Климова, а подлѣ Климову Васильева (sic). Да отъ пашенные земли внизъ по рѣчкѣ досталась полоса пашеннаго лѣсу на пятину Климу, а къ рѣчкѣ концомъ, а подлѣ Климову Александру, а подлѣ Александрову Василью, да подлѣ Васильеву Кирилу, а подлѣ Кирилову Василью, [а подлѣ васи *зачеркнуто*] и то до лѣсу и въ конецъ поля черезъ полосу въ мѣру. Да вверхъ по Сидоровицѣ отъ логу, что противъ гумна за рѣчкою же первая полоса досталась Александру, а подлѣ Александрову Василью, а подлѣ Васильеву Климу, а подлѣ Климову Василью, а подлѣ Васильеву Кирилу от концомъ (sic) полосы къ рѣкѣ и въ конецъ поля черезъ полосу пашенные земли и лѣсу. А по конецъ тѣхъ полосъ на горѣ коему жъ противъ полосы лѣсъ сѣчи въ мѣру. Да въ другомъ полѣ отъ двора за логомъ за первымъ досталась полоса па пятину первая бокомъ рѣчки Сидоровицы Василью, а подлѣ Васильеву Александру, а подлѣ Александрову Кирилу, а подлѣ Кирилову Василью, а подлѣ Васильеву Климу, а концомъ тѣ полосы отъ двора и поперегъ логъ, и тое земли черезъ полосу въ мѣру вверхъ по логу дворовому. Да въ томъ же полѣ по конецъ тѣхъ полосъ досталось пашеннаго лѣсу полоса первая Александру, а подлѣ Александрову Климу, а подлѣ Климову Василью, а подлѣ Васильеву Кирилу, а подлѣ Кирилову Василью, а концомъ тотъ лѣсъ и полосы къ рѣчкѣ Сидоровицѣ и въ конецъ поля черезъ полосу въ мѣру. А кто въ томъ полѣ новипу сѣклъ, ино тому съ своей новины первой хлѣбъ сняти, а снявъ хлѣбъ, и землею владѣти по дѣльнымъ росписемъ. А въ третьемъ полѣ досталась первая полоса отъ Загарья по правую руку дороги Кирилу, а подлѣ Кирилову Василью, а подлѣ Васильеву Климу, а подлѣ Климову Василью, а подлѣ Васильеву Александру. А тѣхъ полосъ поперех (sic) по полуосмисажени, а концомъ къ рѣчкѣ Упиревкѣ; а подлѣ тѣхъ полосъ черезъ полосу по десяти саженъ поперегъ, а на пятину по полосѣ; а послѣ тѣхъ двухъ статей въ третью статью поперегъ по шестнадцати саженъ на пятину по полосѣ черезъ полосу, а концомъ отъ Упиревки до перваго логу и въ лѣсъ потому жъ черезъ полосу въ мѣру. Да въ томъ же полѣ отъ двора первая полоса досталась полоса (sic) Василью, а подлѣ Васильеву [Александру *зачеркнуто*] Климу, а подлѣ Климову Василью, а подлѣ Васильеву Александру, а подлѣ Александрову Кирилу, а концомъ отъ рѣчки Сидоровицы къ горѣ и въ лѣсъ, а тѣхъ полосъ досталось на пятину по полосѣ отъ двора до перваго логу и отъ логу на пятину досталось по полосѣ такожъ черезъ полосу мятые (sic) земли и перелогу; а за осекомъ первая полоса отъ осеку досталась Кирилу, а подлѣ Кирилову Александру, а подлѣ Александрову Василью на двѣ пятины, а подлѣ Васильевы полосы Климу, а тѣхъ на пятину досталось по полосѣ черезъ полосу. А кто рожь сіялъ въ томъ полѣ или въ новипѣ, и тому та рожь п спимати, и другъ къ другу въ рожь вкис люди (?) не вступатца, и

лишкомъ земли другъ у друга не владѣти, а владѣти по сей росписи изъ полосы на полосу другъ друга не зживати, а лишекъ земли утыкати и лишкомъ другъ друга не продавати, и земли не передѣливать. А кто будетъ учнетъ землю передѣливать послѣ сеѣ росписи, ино счину на государю царю и великому князю (sic) Михаила Өедоровича всеа Русіи десять рублевъ денегъ на томъ, которой будетъ взочнетъ складникъ. А написали есми промежъ собою по дѣловой росписи слово въ слово по противнямъ, послуси одни, и дьячекъ писалъ одинъ. Послуси на то: Сидоръ Поспѣлъ Ивановъ сынъ Коновалъ да Поспѣлъ Ульяновъ Пахотовъ сынъ, да Исакъ Третьяковъ сынъ Дѣтковъ. Дѣльную писалъ Варженской волости земской дьячекъ Останка Евменіевъ. Лѣта 7130 г. апрѣля въ 17 д.

V.

Акты, относящіеся до земскихъ выборовъ.

№ 1.

Прик. д. 1641 № 30.

Се язъ прошлой выборной и земской судья Пежемскаго стану Филиппъ Тимоѳеевъ Некрасова, да судейской цѣловальникъ Богданъ Михайловъ, сотской Пежемскіе жъ волости Никонъ Васильевъ Тупицынъ, староста успенской церковной Иванъ Савинъ Черного, да староста флоровской церковной Парѳеній Антипинъ, да староста усть-подюской церковной Аѳанасей Дементіевъ Потеминъ, да язъ Ѳедоръ Степановъ сынъ Поскотиннаго, Матвій Гавриловъ Куклина, Копанъ Ивановъ Павлова, Андрей Григорьевъ Басовъ, Андрей Прокопьевъ Тарасовъ, Василій Михайловъ, Посникъ Давыдовъ Басовъ, Омельянъ Максимовъ Крюковъ, Семенъ Клементьевъ Бурцовъ, Ѳеопентъ Степановъ Поскотиннаго, Ѳедосѣй Аѳанасьевъ Снежуровъ, Аѳанасей Никитинъ Тупицынъ, Селиванъ Яковлевъ Селиванова, Мартинъ Анисимовъ Шурухина, Исакъ Аѳанасьевъ Кулаковъ, Иванъ Ивановъ Глотовъ, Клементей Нестеровъ Чертова, Дементей Силуяновъ, Ларіонъ Карповъ Келаревъ, Костянтинъ Енягинъ, Назаръ Павловъ Шалауровъ, Карпъ Полуяновъ Золотыхъ, Анфиногенъ Апофріевъ, Иванъ Никитинъ Стамиковъ, Ѳедоръ Степановъ Вершининъ, Ларіонъ Игнатьевъ Козловъ, Семой Селиверстовъ, Ѳедоръ Панкратовъ Климовъ, Иванъ Филимоновъ, Василій Алексѣевъ, Исай Антоновъ, Друганъ Ѳедоровъ Бѣляевъ, Меркурей Максимовъ Мальцовъ, Манойло Савинъ Дробининъ, Иванъ Нестеровъ Чертова, Клементій Сергіевъ Кузнецовъ, да и всѣ крестьяне Пежемскаго стану выбрали есмя и излюбили въ выборные и земскіе судьи того же Пежемскаго стану человѣка добра и душою пряма, животомъ прожиточна Петра Прокопьева сына Третьякова на годъ въ томъ, что ему судьѣ Петру насъ всѣхъ крестьянъ Пежемскаго (sic) судити и управа межъ нами чинить по государеву (*титулъ*) крестному цѣлованью вправду, другу не дружити, а недругу не мстити. Да и всякія дѣла ему судьѣ Петру татиныя и разбойныя вѣдати по государевымъ жаловальнымъ и по губной, и по уставной грамотамъ, каковы даны во всѣ Устьянскія волости. Да ему жъ судьѣ Петру во 151 г. собрати со всего Пежем-

скаго стану съ насъ крестьянъ государевъ оброкъ 112 руб. 20 алт. 5 д. и отнести ко государю къ Москвѣ и заплатить въ Устюжской четверти, и отпись взять за дьячьею приписью, и принегчи отдати въ міръ. А найму ему судьѣ Петру отъ того оброку па сходъ два рубля денегъ. Да въ томъ мы міромъ на него судью ко государю къ Москвѣ въ казну и выборъ послали. А выборъ по мірскому велѣнью писалъ на стану на Пежмѣ Флоровской церковной и земской дьячекъ Пежемскіе волости Акинка Григорьевъ. Лѣта 7150 февр. въ 3 д.

Къ сему мірскому выбору пречистенской попъ.... вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ руку приложилъ.

Флоровской попъ Гаврило Епифановъ сынъ Поповъ вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ руку приложилъ.

Павликъ Леонтіевъ руку приложилъ.

Коньша Ивановъ и руку приложилъ.

№ 2.

Прик. д. 1641 № 30.

Се язъ прошлой выборной и земской судья Петръ Прокопьевъ Третьяковъ да судейской цѣловальникъ Конанъ Ивановъ Павлова, да язъ сотской Никонъ Васильевъ Тупицыныхъ, Григорей Ивановъ Петрова, Евдокимъ Филиповъ Цынятева, Антонъ Ивановъ Өедоровъ Өедорова (sic), Андрей Прокопьевъ Тарасова, Игнатей Клементьевъ Свѣбурцовъ, Өедосѣй Аөанасьевъ, да язъ Василій Михайловъ Басова, Аөанасей Никитинъ Тупицыныхъ, Филипъ Тимоөіевъ Некрасова, Григорій Өедоровъ Гамилова, Лука Яковлевъ Селиванова, Андрей Тимоөеевъ Шурухина, Касьянъ Аөанасьевъ Кулаковъ, да язъ староста церковной флоровской Пареенъ Антипинъ, Яковъ Гавриловъ, Клементей Нестеровъ Чертова, Карпъ Юдинъ Гурьевыхъ, Гаврило Максимовъ, Степанъ Матвѣевъ, Иванъ Трифоновъ, Трифонъ Остафьевъ Боровиковъ, Ермола Васильевъ, Андрей Павловъ Шалауровъ, Левонтей Никифоровъ, Карпъ Грудинъ, Харитонъ Семеновъ Золотыхъ, Ларивонъ Игнатьевъ Козловъ, Гаврило Григорьевъ Бѣловъ, Лука Іевлевъ Нечаева, Гаврило Мокіевъ Стрѣловъ, Исай Антоновъ, Игнатей Михайловъ Судаковъ, Иванъ Пестеровъ Чертова, Иванъ Савинъ Черного, да язъ Петръ Юрьевъ Сивкова да и всѣ крестьяне Пежемскаго стану окромя Ивана Худякова съ товарищи въ пяти человѣкахъ выбрали есми и излюбили въ выборные и земскіе судьи того жъ Пежемскаго стану человѣка добра, душою пряма, животомъ прожиточнаго Өедора Степанова сына Поскотиннаго на годъ въ томъ, что ему судьѣ Өедору насъ всѣхъ крестьянъ Пежемскаго стану судить и управа межъ нами чинить по государеву цареву—крестному цѣлованью вправду, другу не дружити, а недругу не мстить. Да и всякія ему судьѣ Өедору дѣла татиныя и разбойныя вѣдати по государевымъ жаловальнымъ и по губной, и по уставной грамотамъ,

каковы даны во всѣ Устьянскія волости. Да ему жъ судьѣ Өедору во 152 году со всего Пежемскаго стану съ насъ крестьянъ государевъ оброкъ собрать 112 р. 20 алт. 5 д. и отнести ко государю къ Москвѣ и заплатить въ Устюжской четверти, и отпись взяти за дьячьею приписью и принести отдати въ міръ. А найму ему судьѣ Өедору на сходъ отъ того оброку два рубля денегъ. Въ томъ мы міромъ на него судью Өедора ко государю къ Москвѣ въ казну и выборъ послали. А выборъ писалъ на стану на Пежмѣ по мірскому велѣнью флоровской церковной и земской дьячекъ Акинка Григорьевъ въ лѣто 7151 февр. въ 1 д.

Къ сему мірскому выбору успенской попъ Глѣбъ Ивановъ сынъ Поповъ вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ руку приложилъ.

Флоровской попъ Гаврило Епифановъ сынъ Поповъ вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ руку приложилъ.

Цѣловальникъ Коньша Ивановъ руку приложилъ.

№ 3.

Прик. д. 1643 № 37, л. 10—11.

Се язъ прошлой выборной и земской судья Чушевицкіе волости Пятой Автомоновъ сынъ да церковной староста Никифоръ Архиповъ сынъ, да прошлой цѣловальникъ Вишнякъ Михеевъ сынъ, да Семенъ Клементьевъ сынъ, да Денисъ Васильевъ Копосовъ, да Михайло Прокопьевъ Верещагинъ, да Стахій Копановъ, да Семенъ Амосовъ Озорной, да Томило Семеновъ Тѣстовъ, да Иванъ Ивановъ Зайцевъ, да Іевъ Ивановъ Поповъ, да Тимоөей Аөанасьевъ Нечаевъ, да Макаръ Аөанасьевъ Трухина, Өедоръ Кондратьевъ Кондаковъ, да Терентей Прокопьевъ Крюковъ, Григорей Гавриловъ Шипуновъ, Павелъ Осиповъ, Артемій Юрьевъ, Тимоөей Силуяновъ Родимцовъ, Ермола Трофимовъ Комоловъ, Баженъ Семаиловъ Юрьева, Борисъ Ильинъ Муравинъ, Силуянъ Ивановъ Зукаловъ, Насонъ Ивановъ Байдаковъ, Өедоръ Семеновъ Спирина, Меньшикъ Овдокимовъ, Власъ Флоровъ, Никифоръ Володимеровъ Кузнецовъ и всѣ крестьяне Чушевицкіе волости Покровскаго приходу выбрали есмя и излюбили въ своей Чушевицкой волости въ земскіе судьи тое жъ Чушевицкіе волости крестьянина добра и душою пряма Конана Лукина сына Колосова на годъ отъ нынѣшняго 151 году со Срѣтеньева дни Господа нашего Іисуса Христа да 152 году до такова жъ числа. Да къ нему жъ въ товарищи въ судецкіе цѣловальники Ивана Парөенова сына, да къ нимъ въ товарищи выбрали въ сотскіе Поздѣя Фалелѣева сына Калапышина. И по нашему выбору по мірскому быть ему судьѣ въ земскихъ судьяхъ, а цѣловальнику быть съ судьею въ судецкихъ цѣловальникахъ и насъ крестьянъ Чушевицкіе волости имъ судити и управа межъ нами крестьяны чинить вправду по государеву—крестному цѣлованью, другу не дружить, а недругу не мстить. А цѣловальнику съ судьею въ судѣ сидѣти и явки из-

вѣстные (sic) у крестьянъ принимать, и на земляныя дѣла и на протравныя ходити ко крестьяномъ, кой побьетъ челомъ и записки записывать. И государева царева—казна съ васъ крестьянъ Чушевицкіе волости четвертные денежные доходы, данныя и оброчныя деньги на 152 годъ противъ прошлаго 151 года собрать, а на ослушникахъ доправити и судьѣ на отчетъ отдать. А судьѣ государева казна къ Москвѣ отвезти и на Москвѣ заплатить въ Устюжской четверти государеву дьяку и въ томъ московская платежная отпись принести и отдать въ міръ Чушевицкіе волости крестьяномъ. Да ему жъ судьѣ и цѣловальнику, и сотскому того имъ беречи накрѣпко, чтобъ у крестьянъ въ Чушевицкой волости татемъ приходу и разбойникамъ пріѣзду не было, и пивъ продажныхъ не варили, и вина не курили, и съ продажнымъ виномъ никто никого къ себѣ не пущали. А будетъ которой крестьянинъ сваритъ пиво продажное или скуритъ вино продажное, и судьѣ и цѣловальнику, и сотскому тѣ питья продажныя вынимать по государеву указу, да на томъ же продавцѣ доправить на государя заповѣдь два рубля денегъ. И зернью бъ крестьяне не играли и никакимъ воровствомъ не воровали. Въ томъ ему міромъ судьѣ и цѣловальнику, и сотскому и выборъ мірской дали. А выборъ писалъ Чушевицкіе волости земской церковной дьячекъ Васка Кириловъ сынъ. Лѣта 7151 году генв. въ 2 д.

Къ сему выбору Чушевицкіе волости ......ской попъ Емельянъ по мірскому велѣнью р. п.

№ 4.

Пртк. д. 1641 № 30.

Се язъ церковной староста Чадромскіе волости Посникъ Шибаевъ Лосевъ, Невѣжа Өедоровъ, да цѣловальникъ Мокій Григорьевъ, да сотской Артемей Нефедовъ, да пятидесятской Ермола Лукинъ, да Неустрой Шибаевъ, Незговоръ Өедоровъ, Михайло Шемякинъ, Иванъ Аникіевъ Дружининъ, Вахрамій Леонтьевъ, Вельяшъ Митрофановъ, Яковъ Кондратьевъ Борскихъ, Кундай Никоновъ, Антипа Ивановъ Кулаковъ, Вавила Ярасимовъ Жаравлевъ, Өедоръ Селивановъ, Иванъ Калининъ, Игнатей Лукинъ Огневъ, Денисъ Ивановъ Пономаревъ, Михайло Терентьевъ, Иванъ Олексіевъ, Пьянко Евдокимовъ Дружининъ, Денисъ Анцыфоровъ, Микифоръ Степановъ Чесноковъ, Иванъ Өедоровъ Сухихъ, Семенъ Чесноковъ, Рыкованъ Шестаковъ, Ипатъ Ивановъ, Ипатъ Ульяновъ, Нефедъ Григорьевъ Онтуфьевъ, Пуляй Петровъ Стрюковъ, Елизаръ Пахомовъ Стрюковъ, Климъ Еремѣевъ, Петръ Аөанасьевъ Кашинъ, Иванъ Васильевъ Холзаковъ, Тимоөій Петровъ, Овдій Стефановъ, Григорей Кондратьевъ Бардіевъ, Онфилъ Кириловъ, Мелентей Ивановъ Рышковъ, Дмитрій Ивановъ Тетеринъ, Демидъ Козловъ, Баженъ Дмитріевъ Пригородинъ, Губа Онисимовъ, Сава Суботинъ, Омосъ Исаковъ, Өедоръ Прокопьевъ Некрасова, Зеновъ Пароеновъ, Борисъ Петровъ, Незговоръ Овдокимовъ, Леонтій Сер-

гіевъ Вертешинъ, Кирило Сидоровъ, Самойло Семеновъ Медвѣдевъ, Тимоѳей Васильевъ Некрасовъ, Осапъ Констентиновъ, Калина Осиповъ, Оксенъ Павловъ и всѣ крестьяне Чадромскіе волости выбрали есми и излюбили въ земскіе выборные судьи Григорья Никитина сына Пріѣжжикова, а въ цѣловальники Михайла Онтуфьева сына Руневскаго, а въ сотскіе Фрола Леонтьева сына Жаравлева, а въ пятидесятскіе Козьму Артемьева сына Падиногина, а въ десятскіе Саву Маркова сына Трапезникова. А выбрали есмя съ нынѣшняго 150 г. съ Аѳанасьева дни и Кирила зимняго впредь до 151 году до Аѳанасьева же дни и Кирила зимняго же. И будучи ему насъ крестьянъ судити и управа межъ насъ крестьянъ чинить по государевымъ по жалованнымъ уставнымъ грамотамъ и по судебнику, и государева казна ему съ насъ крестьянъ собрать, и ко государю къ Москвѣ отвезти въ государеву казну, а на ослушникѣхъ доправить. А намъ крестьяномъ во всякихъ дѣлѣхъ его судью слушать во всемъ. А казна ему съ насъ крестьянъ государева казна (sic) собрать во 151 году. А цѣловальнику въ судѣ съ судьею сѣдить у всякихъ дѣлѣхъ (sic) и рѣчи велѣти писать вправду. А сотскому у всякихъ дѣлѣхъ съ судьею въ судѣ сидѣти и всякіе сыски сыскивать, на землю и на записки ходити. А ему выборному судьѣ быти и въ губныхъ старостъ мѣсто и про разбойныя и про татиныя дѣла сыскивать и судить съ товарищи. А продажныя ему питья вынимати и писать на государя. А въ доводчиково мѣсто выбрали въ приставы Ивана Онфилова сына. А въ земскіе дьячки Марка Аврамова. А выборъ писалъ земской дьячекъ Чадромскіе волости Галанко Ивановъ.

Къ сему выбору мірскому попъ Илья р. п.

№ 5.

Прик. д. 1652 № 3, л. 4—7.

Се язъ прошлой выборной земской судья Чадромскіе волости Антипа Ивановъ сынъ Кулаковъ, да земской цѣловальникъ Ѳедоръ Андреевъ сынъ Пуляева, да язъ земской сотской Ѳедоръ Селивановъ сынъ Киселева, да язъ пятидесятникъ Никита Елистратьевъ сынъ Харлова, да язъ староста церковной Иванъ Тимоѳеевъ сынъ Холзаковъ да крестьяне Чадромскіе волости [*54 имени*] и всѣ крестьяне Чадромской волости Никольскаго приходу выбрали есми и излюбили въ Чадромской волости къ государеву цареву—къ дѣлу въ выборные земскіе судьи Сидора Григорьева сына Пріѣжжикова, а въ земскіе цѣловальники Григорья Иванова сына Никонова, а въ сотскіе Якова Богданова сына Истомина, а въ пятидесятскіе Калистрата Петрова сына Кашица на годъ съ нынѣшняго 160 году съ Аѳанасьева дни и Кирила зимнихъ генваря съ 18 и впредь до 161 году до Аѳанасьева жъ дни и Кирила зимнихъ. И будучи ему судьѣ съ товарищи насъ крестьянъ судить и управа чинить по государеву—крестному цѣлованью въ

государевыхъ и земскихъ дѣлѣхъ по государеву указу и по судебнику, и по государевымъ уставнымъ жаловальнымъ грамотамъ, каковы государевы уставныя жаловальныя грамоты даны въ Устьянскихъ волостяхъ всѣмъ крестьяномъ, и по наказнымъ спискамъ. И данные и оброчные, и всякіе государевы четвертные денежные доходы во 161 году (sic) съ насъ крестьянъ собрать и ко государю къ Москвѣ отвезти. А въ татиныхъ и разбойныхъ дѣлѣхъ имъ земскому судьѣ Сидору Григорьеву съ товарищи по государеву указу и по судебнику, и по государевымъ уставнымъ жаловальнымъ грамотамъ, и по статейному списку, и по наказнымъ спискамъ и про татиныя и разбойныя дѣла сыскивать, и судить во всемъ по государеву указу, указъ чинить по государевымъ уставнымъ грамотамъ и по статейному разбойному списку. А цѣловальнику и сотскому, и пятидесятскому у государевыхъ и у земскихъ дѣлъ, и у сыску татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ, и у поимки воровъ татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ съ выборнымъ судьею съ Сидоромъ Григорьевымъ у роспросу и у пытки быти съ нимъ за одинъ. А намъ крестьяномъ татей и разбойниковъ сыскивать и въ погоню ходити, и имать съ выборнымъ судьею съ Сидоромъ Григорьевымъ съ товарищи вмѣстѣ жъ. А случится въ Чадромской волости душегубство, и вѣрныя деньги править на душегубцѣ ему выборному судьѣ съ товарищи и имати по 4 рубли по 4 алт. по 2 деньги. А случится въ Чадромской волости питье продажное, и ему судьѣ съ товарищи котлы и трубы вымати и писать на государя. А кто учнетъ питье держати продажное, и на продавцѣ пени на государя царя—2 рубли денегъ, а на питухахъ по четверти рубля. А кто зернью учнетъ играти или карты, и на тѣхъ зернщикахъ править пени на государя по 1½ рубли на человѣка да тѣхъ зернщиковъ и картовщиковъ бить батоги нещадно. А случится къ Москвѣ послати пристава для государева дѣла съ отписками въ государевыхъ дѣлѣхъ и въ татиныхъ, и разбойныхъ, и тѣ отписки отсылать къ Москвѣ съ мірскими деньгами. А кто учнетъ держати блядню, и на томъ пени имать выборному судьѣ съ товарищи два рубли денегъ. А указъ имъ выборному судьѣ съ товарищи держать въ Чадромской волости по государевымъ уставнымъ грамотамъ во всемъ и отъ того имъ посуловъ и поминковъ не имати ни у кого ничего никоими дѣлы; судить вправду по государеву крестному цѣлованью, другу не дружити, а недругу не мстить. А какъ онъ выборной судья Сидоръ Григорьевъ съ товарищи государеву службу сослужатъ до Аѳанасьева дни и Кирила зимнихъ 161 году и которыя дѣла не вершатъ выборной судья Сидоръ Григорьевъ съ товарищи въ государевыхъ и земскихъ дѣлѣхъ, и въ татиныхъ, и разбойныхъ дѣлѣхъ, и въ сыскахъ, кои будутъ въ ихъ году сидѣльцы тати и разбойники, и коихъ выборныхъ людей выберутъ въ службу къ государеву—дѣлу ко 161 году, и тѣмъ выборнымъ людемъ съ ними въ государевыхъ земскихъ дѣлѣхъ росписатся и сидѣльцевъ у нихъ выборныхъ судей взяти, и указъ имъ чинити по государеву указу и по судебнику, и по государевымъ уставнымъ жаловальнымъ грамотамъ, и по статейному списку татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ. И дати намъ крестьяномъ имъ выборному судьѣ Сидору

Григорьеву съ товарищи для сидѣльцевъ тюремные крѣпости и къ тюрьмѣ цѣловальниковъ и сторожевъ съ опасчиками. А кои тати и разбойники, и всякіе воровскіе люди дойдутъ до пытки, и намъ міромъ дати и мастера, кому татей и разбойниковъ пытати. А будетъ гдѣ объявятся тати или разбойники и всякіе воровскіе люди, и намъ крестьяномъ дать сотниковъ и пятидесятниковъ, и десятниковъ, и тѣмъ сотникомъ и пятидесятникомъ, и десятникомъ, и всѣмъ крестьяномъ земскаго судьи Сидора Григорьева съ товарищи слушати во всемъ и на битву противъ воровскихъ людей, противъ разбойниковъ идти со всякимъ ратнымъ боемъ, съ луками и съ пищальми, и съ копьи. А выборнаго судьи Сидора Григорьева съ товарищи въ томъ бойственномъ дѣлѣ не подать и въ погоню за ворами за разбойниками ходить. А будетъ въ волости въ коей сотнѣ и пятидесятнѣ, и десятнѣ у сотниковъ или у пятидесятниковъ, и у десятниковъ или у крестьянъ объявятся тати или разбойники и воровскіе люди, ино сотникомъ и пятидесятникомъ, и десятникомъ, и крестьяномъ тѣхъ воровскихъ людей татей и разбойниковъ имати и приводити передъ земскаго выборнаго судью передъ Сидора Григорьева съ товарищи. Да въ томъ ему и выборъ дали. А выборъ писалъ по ихъ мірскому велѣнью Чадромскіе волости Кононко Петровъ Пономаревъ. 160 г. генв. въ 18 д.

№ 6

Прик. д. 1641 № 30.

Се язъ церковной староста Игнатей Якимовъ да прошлаго году сотской Василей Васильевъ, Левонтей Максимовъ, Юрьи Романовъ, Третьякъ Васильевъ, Третьякъ Симоновъ, Иванъ Яковлевъ Рязанова, Матвѣй Симановъ, Петръ Аѳанасьевъ, Оникій Семеновъ, Ратай Денисовъ, Иванъ Микитинъ, Петръ Тимоѳеевъ, Оксенъ Аѳанасьевъ, Пименъ Ярофеевъ, Василей Борисовъ, Третьякъ Липинъ, Иванъ Яковлевъ Гнѣвашевъ, Панфилъ Трофимовъ, Ѳедотъ Онофреевъ, Григорей Григорьевъ Толстиковъ, Григорей Борисовъ, Мелентей Ивановъ Паневъ, Олексій Пятого Еремѣева, Трофимъ Меркурьевъ, Василей Семеновъ Климовъ, Илья Дементьевъ Лисицына и всѣ крестьяне Ростовскіе волости выбрали есмя въ земскіе судьи Василья Яковлева Гнѣвашева на годъ съ Срѣтеньева дни нынѣшняго 150 году да до Срѣтеньева же дни 151 году. Судити ему Василью насъ крестьянъ вправду по государеву—крестному цѣлованью, другу не дружити и недругу не мстити, барышевъ поминка не имати ни у кого ничего. Да въ цѣловальники выбрали Вахрамѣя Минина Злобина съ выборнымъ судьею съ Васильемъ въ суду сѣдити и рѣчей слушати вправду, другу не дружити, недругу не мстити. Да ему же выборному судьѣ по государевѣ—грамотѣ въ разбойныхъ и въ татиныхъ дѣлахъ судити же. И будетъ гдѣ въ нашей Ростовской волости объявится продажное питье пиво или вино, и ему судьѣ, взявъ съ собою крестьянъ сколько человѣкъ при-

гоже, и питья продажныя вынимати. Выборъ писалъ по мірскому велѣнью Ростовскіе волости церковной дьячекъ Васка Захарьевъ сынъ 150 г. генв. въ 29 д.

Къ сему выбору никольской попъ Саваитъ Савостьяновъ сынъ Поповъ Ростовскіе волости и въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто р. п.

№ 7.

Прик. д. 1652 № 3, л. 1.

Се язъ прошлой сотской Ростовскіе волости Иванъ Апикіевъ да староста церковной Юрья Романовъ, да крестьяне Иванъ Яковлевъ сынъ Гнѣвашевъ, Богданъ Артемьевъ [*еще 20 именъ*] да и всѣ крестьяне Ростовскіе волости выбрали есми излюбили въ земскіе выборные судьи человѣка добра и душою пряма Гаврила Вахраміева сына Дедеярова, а съ нимъ къ судьѣ въ цѣловальники Василья Васильева сына Артемьева на годъ съ нынѣшняго со 160 году съ Срѣтеньева дни Господня февраля со 2 числа да до 161 году до Срѣтеньева же дни Господня февраля до 2 числа. И будучи ему судьѣ въ нашей Ростовской волости насъ крестьянъ судомъ судить и управа межъ нами по государеву цареву и в. кн. Алексѣя Михайловича всеа Русіи крестному цѣлованью и по государевымъ уставнымъ жаловальнымъ грамотамъ и по судебнику. А въ суду ему судьѣ другу не дружить, а недругомъ не мстить, ни поминковъ, ни посуловъ не имать ни у кого ничего никоторыми дѣлы. Да ему жъ судьѣ вѣдать въ нашей Ростовской волости всякія губныя дѣла: татиныя и разбойныя, и душегубныя и управа чинить по государевымъ уставнымъ жаловальнымъ губнымъ грамотамъ. И кто будетъ учнетъ въ Ростовской волости варить продажное и корчемное питье, и ему судьѣ трубы и котлы записывать на государя и пеня править по государеву указу А кто учнетъ играть зернью или карты, или кто учнетъ блядню держать, и ему судьѣ тѣ дѣла вѣдать и записывать, и пеня править по государеву указу. Да въ томъ ему судьѣ и выборъ дали. А выборъ писалъ по мірскому велѣнью Гаврилка Ивановъ 160 году генв. въ 2 д.

Къ сему мірскому выбору Устьянскихъ сохъ никольской попъ Саваитъ Савостьяновъ Поповъ Ростовскіе волости дѣтей своихъ духовныхъ вмѣсто прихожанъ по ихъ мірскому велѣнью руку приложилъ.

Земскій цѣловальникъ Васка Артемьевъ Рязановъ и р. п.

Гришка Герасимовъ р. п.

№ 8.

Прик. д. 1641 № 30.

Се язъ прошлаго году сотской Сергѣй Ивановъ сынъ Рыбинъ да староста церковной Аксакъ Іевлевъ, Посникъ Ларіоновъ, Ѳедоръ Ассоновъ Третьяковъ, прошлой староста Нечай Аврамовъ, Игнатей Романовъ Ширшевъ, Гнѣвашъ Ивановъ Харловъ, Богданъ Ефимовъ, Сава Ивановъ,

Второй Невѣжинъ, Иванъ Макаровъ, Лаврентій Павловъ, Богданъ Исаевъ, Лупъ Павловъ, Климъ Ларіоновъ, Мартынъ Лукинъ Медвѣдева, Данило Михайловъ, Самойло Ульяновъ, Ѳедоръ Ивановъ Коверина, Иванъ Фроловъ, Григорей Сидоровъ, Ѳедоръ ...Пѣтуховъ, Карпъ Матвѣевъ, Гость Никитинъ, Алексѣй Ивановъ Рогозинъ, Карпъ Трофимовъ, Первой Евсевьевъ, Парѳеній Артемьевъ, Томило Аѳанасьевъ, Пинай Малафеевъ, Баженъ Семеновъ, Гаврило Исаковъ, Жданъ Климовъ, Осипъ Ивановъ, Петръ Козминъ, Третьякъ Тимоѳеевъ Пятовского, Дементей Васильевъ, Первой Васильевъ Мякишевъ, Старикъ Посниковъ, Чудинъ Васильевъ, Фролъ Петровъ, Мелентій Осиповъ, Сумрокъ Ѳедоровъ, Рычко Семеновъ и всѣ крестьяне Соденскіе волости излюбили есми и выбрали въ земскіе выборные судьи на нынѣшній на 150 годъ Надѣю Ассонова сына Третьякова, а въ цѣловальники Якова Абакумова сына Ершова а въ сотскіе Левонтья Максимова сына. Судить имъ насъ всѣхъ крестьянъ Соденскіе волости по челобитнымъ въ татиныхъ и въ разбойныхъ дѣлѣхъ и по кабаламъ, и по записямъ во всякихъ дѣлѣхъ по государеву указу и по судебнику, и по уставной грамотѣ, другу не дружить, а недругу не мстить. А сотскому про земскія дѣла сыскивати. Да ему же судьѣ Надѣю съ товарищи вѣдать и вымать въ Соденской волости продажное питье вина и пива вымать мѣдные суды, трубы и котлы на государя писать, а деревянные суды жечь, а заповѣди править на тѣхъ же людехъ, у коихъ выметъ продажное питье по 2 р. 4 алт. 1½ д. а другая вдвое, а третья втрое. А на питухѣхъ заповѣди править по полуполтинѣ. Да въ томъ мы имъ крестьяне Соденскіе волости и выборъ дали. Выборъ писалъ по мірскому велѣнью Соденскіе волости земской дьячекъ Герасимко Фокинъ. Лѣта 7150 генваря въ 25 д.

На оборотѣ. Къ сему мірскому выбору преображенской попъ Соденскіе волости Моисей Даниловъ и въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто р. п.

Соденскіе волости староста церковной Аксачко р. п.

Гришка Сергѣевъ р. п.

№ 9.

Прик. д. 1652 № 3, л. 2—3.

Се язъ прошлаго году цѣловальникъ Жданъ Климовъ сынъ Терентьева, да сотской Богданъ Володимеровъ Вахрамѣева, да язъ церковной староста Ортемей Ѳедоровъ сынъ Тушинъ, да сотникъ Якимъ Савинъ сынъ, да крестьяне: Иванъ Васильевъ Болдыревъ [*еще 29 именъ*], да и всѣ крестьяне Соденскіе волости выбрали есми и излюбили въ выборные земскіе судьи Трофима Ассонова сына Кузнецова, а въ цѣловальники Сидора Омосова сына Пронинскихъ, а въ сотскіе Симеона Иванова сына Болдырева. А выбрали есми на годъ съ нынѣшняго 160 году генваря въ 10 день на годъ да до Срѣтеньева дни 161 году февраля до 2 числа. И данныя, и оброчныя имъ государевы деньги, и всякіе четвертные денежные доходы собрати и на ослуш-

никѣхъ доправити по государевымъ грамотамъ. А судити имъ насъ всѣхъ крестьянъ Соденскіе волости по государеву цареву—крестному цѣлованью вправду по уложенной книгѣ и по уставной грамотѣ, и по челобитнымъ, и по кабаламъ, и по записямъ, и въ татиныхъ, и въ разбойныхъ дѣлѣхъ по статейному списку вправду, другу не дружить, а недругу не мстить. А сотскому про земскія всякія дѣла сыскивати и въ судѣ сидѣть, и на записки сотскому ходити. Да ему жъ судьѣ Трофиму съ товарищи вѣдать и вынимати въ Соденской волости продажное питье вина и пива вынимати мѣдные суды, трубы и котлы писати на государя, а древяные суды жечи. А заповѣди править на тѣхъ людехъ, у коихъ выметъ продажное питье по 2 руб. по 4 алт. по $1^1/_2$ денгѣ, а на питухахъ заповѣди править по полуполтинѣ. Да въ томъ имъ и выборъ дали. А выборъ писалъ по мірскому велѣнью Соденскіе волости земской дьячекъ Маркушко Аврамовъ 160 году, генваря въ 10 д.

Рукоприкладство попа.

№ 10.

Прик. 1632 № 36.

Се язъ земской цѣловальникъ Гулей Григорьевъ сынъ Филимонова да язъ земской же цѣловальникъ Рычко Григорьевъ Ногина, да язъ земской сотской Олексѣй Даниловъ Зыковъ, да язъ сотской же Борисъ Моисеевъ сынъ Врачевъ, да язъ староста церковной никольской волоскаго Онцыфоръ Поліектовъ сынъ Ѳомина, да язъ староста церковной введенской Леонтій Васильевъ сынъ Тарбаева, да язъ староста церковной дмитріевской Иванъ Даниловъ сынъ Широково, да крестьяне: Ксенифонтъ Григорьевъ сынъ, да Терентій Ивановъ сынъ Годовиковъ, да Игнатій Ивановъ сынъ Шерапа, да Рычко Артемьевъ сынъ Олюкова, да Елизарей Мамоновъ сынъ Зыкова, да Дементей Ондріевъ сынъ Дудинского, да Третьякъ Филипповъ сынъ Кошка, да Иванъ Алумпіевъ сынъ, да Иванъ Софроновъ сынъ, да Семой Дмитріевъ Корзинина, да Гарасимъ Григорьевъ сынъ Волова, да Подосенъ Ивановъ сынъ Коробовъ, да Бутора Ѳеоктистовъ сынъ Зарубина, да Якимъ Карповъ сынъ, да Аристъ Денисовъ сынъ, да Третьякъ Ортемьевъ сынъ, да Осипъ Фатьяновъ сынъ Чеснишина, да Бутора Игнатьевъ сынъ, да Климъ Ильинъ сынъ Плоково, да Моисей Ивановъ сынъ Врачева, да Аѳанасей Ивановъ сынъ Платовской, да Дмитрей Вахраміевъ Рѣшетова, да Василей Денисовъ сынъ, да Богданъ Михайловъ, да Ефремъ Даниловъ, да Поспѣлъ Савельевъ, да Микифоръ Ивановъ Голопятой, да Трофимъ Констентиновъ сынъ Пьянковъ да и вси крестьяне Устьянскіе волости Введенскаго стану выбрали есмя и полюбили (sic) по государевѣ царевѣ.... по жаловальной грамотѣ за приписью государева дьяка Петра Микулина въ Введенскомъ стану въ выборные въ земскіе судейки въ перемѣну судейкамъ Павлику Иса(к)ову съ товарищи Смирново Левонтьева сына Кокорина, да въ земскіе цѣловальники Ондрія Братаева сына Попова, да въ сотскіе Онтона Ива-

нова сына Рюмова, да въ губные старосты Степана Фатьянова сына Слудново, да въ губные въ цѣловальники Илью Маркова сына Козицына, да въ губные въ сотскіе Дмитрія Евсіева сына Дудинского съ нынѣшняго 142 году со Срѣтеньева дни на годъ да до такого жъ до Срѣтеньева дни 143 году. Будучи имъ выборнымъ земскимъ судейкамъ и старостамъ, и цѣловальникомъ, и сотскимъ въ нашей въ Устьянской волости въ Введенскомъ стану насъ крестьянъ по челобитнымъ судомъ судить по станкомъ и губа держати по государеву указу по судебнику и по уставной грамотѣ, и по статейному списку за приписью государева дьяка Михаила Смывалова и всякія дѣла татины и розбойныя, и душегубныя сыскивать и управа межъ нами крестьяны чинить безволокитно по государеву цареву—крестному цѣлованію вправду. А въ судѣ и во всякомъ дѣлѣ другу не дружить, а недругу не мстити и посуловъ, и поминковъ не имать ни у кого ни отъ чего никоторыми дѣлы. А цѣловальникомъ и сотскимъ съ судьею и старостою у судовъ сѣдити, у приговору быти и всякія дѣла татиныя и розбойныя сыскивать. Да имъ же выборнымъ судьямъ и цѣловальникомъ, и сотскимъ по государевымъ грамотамъ всякіе государевы четвертные денежные доходы сбирать и къ Москвѣ къ господарю отсылать. Да гдѣ будетъ въ нашей Устьянской волости объявится продажное заповѣдное питье, пиво или вино, ино имъ судьямъ съ товарищи котлы и трубы, и суды, и поварни записывать до государева указу и питье вынимать и печатать до государева указу и по нихъ поручныя записи имати покамѣстъ доведется. А кто будетъ зворуетъ въ государевѣ дѣлѣ и пене(?), имъ указъ учинить по государеву указу. Да имъ же выборнымъ судьямъ къ суднымъ дѣламъ ко спорнымъ къ приговору и садить добрыхъ людей, сколько человѣкъ пригоже. Да имъ же выборнымъ судьямъ и цѣловальникомъ, и сотскимъ для государевыхъ дѣлъ и записокъ, и протравныхъ, и душегубныхъ дѣлъ для поспѣшенія имать отъ церквей церковныхъ дьячковъ, а имъ церковнымъ дьячкомъ судеекъ и цѣловальниковъ, и сотскихъ слушати по сему нашему выбору. На томъ мы крестьяне судьямъ съ товарищи выборъ дали. А выборъ писалъ по мірскому велѣнью Устьянскіе волости Введенскаго стану выборной земской дьячекъ Девятко Дементіевъ. Лѣта 7142 г. генваря въ 11 день.

Къ сему мірскому выбору пречистенской шангальской попъ Парѳенище Андреевъ и въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто руку приложилъ.

Къ сему выбору Никольскіе волостки и приходу попъ Игнатей р. п. и въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто.

142 г. Февраля въ 24 д. вклеить въ столпъ.

№ 11.

Прик. д. 1637 № 66.

Се язъ прошлые выборные земскіе цѣловальники Архипъ Ермолинъ да Ларіонъ Даниловъ, да прошлые сотскіе Гость Митрофановъ Зарубинъ да Климъ Патрикѣевъ Поспѣловъ, да пятидесятской Кондратій Васильевъ,

да шангальской староста Иванъ Микифоровъ, да никольской церковной староста Богданъ Викуловъ, да церковной староста введенской Григорей Логиновъ, да дмитріевской церковной староста Ефремъ Даниловъ, да и всѣ крестьяне Устьянскіе волости Введенскаго стану четырехъ сошекъ опричь Герасима да Филата, да Смирка Захарьевыхъ Шаляпина выбрали есмя и полюбили въ Никольской сошкѣ въ земскіе судьи Подосена Иванова сына Коробова, да въ земскіе жъ судьи въ Дмитріевской сошкѣ Ивана Данилова сына Дьякова. А въ цѣловальники въ Шангальской сошкѣ Гостя Иванова Герасимова, да въ цѣловальники жъ въ Введенской сошкѣ Рычка Григорьева Кузнеца. А въ земскіе сотскіе въ Шангальской сошкѣ Поспѣла Мелентьева сына Пятого Заостровнаго да въ земскіе жъ сотскіе Введенской сошкѣ Ивана Кондратьева Расторгуя. А въ пятидесятскіе Ивана Елизарьева сына Бовыкина, да въ пятидесятскіе жъ въ Дмитріевской сошкѣ Харитона Данилова. А въ доводчики, кому у нихъ на поруки давати, Гуляя Козмина сына Лебедева. Будучи имъ судьямъ въ Устьянской волости въ четырехъ сошкахъ: въ Шангальской и въ Никольской, и въ Введенской, и въ Дмитріевской насъ крестьянъ судомъ судить по челобитнымъ по государеву указу и по судебнику и управа чинить межъ крестьяны безволокитно. А цѣловальникомъ, и сотскимъ, и пятидесятскимъ съ судьями у судовъ сидѣти и у приговору быти. Да имъ же судьямъ и цѣловальникомъ, и сотскимъ, и пятидесятскимъ въ Устьянской волости всякіе государевы четвертные денежные доходы и мірскіе расходы сбирать на насъ крестьянѣхъ, а на ослушникахъ править по государеву указу. А выбрали есмя ихъ судей и цѣловальниковъ, и сотскихъ, и пятидесятскихъ, и доводчика на годъ съ Срѣтеньева дни зимняго нынѣшняго 145 г. до Срѣтеньева же дни зимняго 146 г. На томъ мы крестьяне имъ и выборъ дали. Выборъ писалъ по мірскому велѣнью прошлой земской дьячекъ Устьянскіе волости Введенскаго стану Селиверстко Леонтіевъ Кокоринъ. Лѣта 7145 генв. въ 18 д.

№ 12.

Прпк. д. 1641 № 30.

Се язъ прошлые земскіе цѣловальники Устьянскіе волости Введенскаго стану Евдокимъ Левонтіевъ сынъ Филимоновъ, да Гость Прокопіевъ Темиревъ, да прошлые сотскіе Силуянъ Игнатьевъ Павлова, да Өедотъ Ипатовъ, да пречистенской шангальской церковной староста Иванъ Никифоровъ Рогозинъ, да никольской волюскаго церковной староста Иванъ Поліектовъ Өомина, да введенской церковной староста Семой Өедоровъ Невѣжинъ, да дмитріевской церковной староста Терентій Андреевъ да крестьяне: Иванъ Костентиновъ Коржавинъ, Поликарпъ Агаөоновъ Поповъ, Иванъ Вахрамѣевъ Павлова, Михей Лукинъ Васильева, Өедоръ Дементьевъ Конановъ, Петръ Гавриловъ Коптяевъ, Василій Ивановъ Шишигинъ, Мелентей Прокопіевъ Борзовъ, Костентинъ Андреевъ Дудинскаго, Поликарпъ Ти-

моѳеевъ Молчановъ, Онцыфоръ Поліектовъ Ѳомина, Филиппъ Григорьевъ Поповъ, Прокопій Ѳеоктистовъ, Клементей Семеновъ, Савелій Денисовъ Трубина, Третьякъ Артемьевъ Корякинъ, Василій Сидоровъ Прожеринъ, Ефремъ Логиновъ Лугвинъ, Окулъ Филипповъ Липинъ, Иванъ Ивановъ Шанинъ, Иванъ Ѳедоровъ Невѣжинъ, Емельянъ Игнатьевъ Кисель, Григорей Мосіевъ Врачева, Патракей Ивановъ Ергинъ, Илья Марковъ Козицынъ, Меншикъ Матѳіевъ, Никифоръ Ивановъ Голопятово, Баженъ Михайловъ Рогачъ, Незговоръ Ивановъ Барышникъ да и всѣ крестьяне Шангальскіе и Никольскіе, и Введенскіе, и Дмитріевскіе четырехъ сошекъ выбрали есмя и полюбили ко государеву—дѣлу въ выборные земскіе судьи Якима Карпова сына Онисимова да Никиту Аѳанасьева сына Синицкаго, а въ земскіе выборные цѣловальники Русина Михайлова сына Кадцына да Василья Михайлова сына Демина, а въ земскіе сотскіе Игнатья Иванова Клепинина, да Рыкована Ѳедотова Коротицына съ нынѣшняго 151 г. съ Срѣтеньева дни зимняго и впредь на годъ до 152 г. до Срѣтеньева жъ дни. И будучи имъ судьямъ, и цѣловальникомъ, и сотскимъ въ Устьянской волости по государевымъ грамотамъ и по выбору данъ и оброкъ, и всякіе государевы доходы на насъ крестьянѣхъ собирати и къ Москвѣ отсылати въ Устюжскую четверть Устьянскіе волости съ цѣловальники, кого міромъ выберутъ, и насъ крестьянъ по челобитнымъ и по кабаламъ, и по духовнымъ, и по письменнымъ крѣпостямъ судити и управа чинити по государеву—крестному цѣлованью въ государевыхъ и въ земскихъ дѣлѣхъ по государеву указу и по судебнику, и по статейному разбойному списку, и по государевымъ уставнымъ жаловальнымъ грамотамъ, каковы государевы уставныя жаловальныя грамоты даны въ Устьянскихъ волостяхъ всѣмъ крестьяномъ. А въ татиныхъ и разбойныхъ, и въ душегубныхъ дѣлѣхъ имъ судьямъ Якиму и Никитѣ съ товарищи по государеву указу и по судебнику, и по государевымъ уставнымъ грамотамъ, и по статейному разбойному списку и про татиныя и разбойныя, и про душегубныя дѣла сыскивати и судить, и во всемъ по государеву указу указъ чинить. А цѣловальникомъ и сотскимъ у государевыхъ и у земскихъ, и у всякихъ дѣлъ, и у сыску, и у приговору, и у поимки воровъ татей и разбойниковъ; и душегубцевъ съ судьями съ Якимомъ и съ Никитою у роспросу и у поимки быть съ ними за одинъ человѣкъ. А въ доводчики выбрали и полюбили къ нимъ судьямъ Якиму и Никитѣ, кому у нихъ на поруки насъ крестьянъ давати и на судъ ставити, Тимоѳея Антонова сына Лихачева. Въ томъ имъ и выборъ дали. Выборъ писалъ по мірскому велѣнью Устьянскіе волости Введенскаго стану выборной земской дьячекъ Селиверстко Левонтіевъ Кокоринъ по ихъ мірскихъ людей велѣнью. Лѣта 7151 году генв. въ 3 д.

Къ сему мірскому выбору пречистенской шангальской попъ Парѳеней и въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто р. п.

№ 13.

Прик. д. 1643 № 37, л. 27—30.

Се язъ прошлой земской цѣловальникъ Русинъ Михайловъ Кадцынъ, да прошлой земской сотской Игнатей Ивановъ Клепининъ, да пречистенской шангальской церковной староста Иванъ Никифоровъ Рогозининъ, да крестьяне Гость Ивановъ Шпынова, Поспѣлъ Мелентьевъ Заостровнаго, Волокита Ивановъ Малютинъ, Өедоръ Перфирьевъ Едомскаго, Гыкованъ Давыдовъ Поздиева, Иванъ Силуяновъ Петрова, Василей Ивановъ Кислой, Рыкованъ Симановъ, Василей Ивановъ Костентинова, Иванъ Моисеевъ, Иванъ Симановъ Якимова, Симанъ Григорьевъ Хватаевъ, Дмитрій Ярофеевъ, Василей Өоминъ Шеломенскаго, Гаврило Селинской, Петръ Яковлевъ Коптяевъ, Өедоръ Дементьевъ, Игнатей Ивановъ Шерыпа да и всѣ крестьяне Шангальскіе сошки опроче міропродавца и ябедника Гарасима Захарьева сына Шаляпина; да никольской волюской церковной староста Павелъ Исаевъ Пеньевской, да введенской церковной староста Семой Өедоровъ Невѣжинъ, да дмитріевской церковной староста Терентей Ондреевъ Осинова, да волостные крестьяне Рыкованъ Ивановъ Ивакинъ, Гулей Козминъ Лебедевъ, Клементей Семеновъ Кузнецовъ, Подосенъ Ивановъ Коробовъ, Гарасимъ Захарьевъ Шаляпинъ, Сергѣй Савельевъ Пушкинъ, Жданъ Степановъ Вавилинъ, Третьякъ Тихановъ, Григорей Селиверстовъ, Гость Макаровъ, Лиханя Матөіевъ, Иванъ Карповъ, Григорей Матөіевъ, Мартынъ Прокудинъ Сидорова, Веденей Ивановъ Молчанова, Іюда Аөанасьевъ, Карпъ Васильевъ Скулменевъ, Бутора Өеоктистовъ, Филиппъ Григорьевъ, Архипъ Ермолинъ, Григорей Леонтьевъ, Василій Ергинъ, Онцифоръ Поліектовъ, Ондрей Братаевъ, Осипъ Фатьяновъ Чеснишина, Василей Сидоровъ Прожеринъ, Ефремъ Логиновъ Лугвинъ, Рыкованъ Григорьевъ Кузнецъ, Данило Степановъ Слуцкаго, Евсивей Никитинъ Матовъ, Никифоръ Ивановъ Родивонова, Логинъ Ондріевъ Поторочина, Романъ Григорьевъ, Патрикѣй Ивановъ, Григорей Моисеевъ Врачева, Василей Другановъ, Незговоръ Леонтьевъ Жилинъ, Ефремъ Даниловъ, Микифоръ Ивановъ Голопятого, Шестой Ондроновъ, Богданъ Михайловъ, Меншикъ Матөіевъ, Девятой Уваровъ, Клементей Поспѣловъ, Ларивонъ Даниловъ, Шумило Осиповъ, Василей Онцифоровъ, Гость Прокопьевъ, Илья Марковъ, Баженъ Михайловъ Аврамовъ, Василей Денисовъ, Онтонъ Ондреевъ, Романъ Дмитреевъ, Девятой Вахраміевъ, Тимоөей Леонтьевъ, Өедотъ Ипатовъ, Иванъ Захаровъ, Онтонъ Захаровъ, Игнатей Семеновъ, Исакъ Петровъ, Иванъ Ивановъ Казаковъ, Незговоръ Ивановъ Ергина да и всѣ крестьяне Никольскіе и Введенскіе, и Дмитріевскіе трехъ сошекъ выбрали есмя и полюбили ко государеву цареву—къ земскому дѣлу въ выборные земскіе судьи Введенской сошкѣ Ефрема Иванова сына Кошелева да въ Шангальской сошкѣ въ выборные земскіе судьи Досаду Васильева сына Фрязинова, а въ земскіе цѣловальники въ Никольской Волюской сошкѣ Рыкована Ондронова сына Усачева, да въ земскіе же цѣловальники въ Дмитріевской сошкѣ

Бажена Михайлова сына Захарова, а въ земскіе сотскіе въ Никольской Волюской сошкѣ Наума Ѳеоктистова, да въ земскіе сотскіе въ Дмитріевской сошкѣ Бажена Яковлева сына Оносова, да въ пятидесятники въ Шангальской сошкѣ Григорья Иванова сына Медвѣдева, да въ пятидесятники въ Введенской сошкѣ Пятого Юрьева сына Ташенка съ нынѣшняго 152 году съ Срѣтеньева дни Господня и впередъ на годъ до 153 году до Срѣтеньева же дни Господня. А будучи имъ судьямъ насъ крестьянъ по челобитнымъ и по кабаламъ, и по духовнымъ, и по письменнымъ крѣпостямъ судити, а цѣловальникомъ и сотскимъ, и пятидесятникомъ съ судьями у судовъ сидѣти и у приговору быти, и управа чинить по государеву—крестному цѣлованью въ государевыхъ и земскихъ дѣлѣхъ по государеву указу и по судебнику, и по статейному разбойному списку, и по государевымъ уставнымъ жаловальнымъ грамотамъ, каковы государевы уставныя и жаловальныя грамоты даны въ Устьянскихъ волостяхъ всѣмъ крестьяномъ. И по государевымъ грамотамъ и по выбору дань и оброкъ, и всякіе государевы доходы по государевымъ грамотамъ имъ судьямъ съ насъ крестьянъ сбирати и къ Москвѣ ко государю отсылати Устьянскіе волости съ цѣловальники, кого міромъ выберутъ. А въ татиныхъ и разбойныхъ, и въ душегубныхъ дѣлѣхъ имъ судьямъ Ефрему и Досадѣ съ товарищи по государеву указу и по судебнику, и и по государевымъ уставнымъ грамотамъ, и по статейному списку, и про татиныя и разбойныя, и про душегубныя дѣла сыскивать и судити имъ во всѣхъ по государеву указу указъ чинити по государевымъ уставнымъ грамотамъ и по статейному разбойному списку по государеву судебнику. А цѣловальникомъ и сотскимъ, и пятидесятникомъ у государевыхъ и у земскихъ, и у всякихъ дѣлъ, и у сыску татиныхъ и разбойныхъ, и душегубныхъ дѣлъ, и у поимки воровъ татей и разбойниковъ, и душегубцевъ съ выборными судьями съ Ефремомъ и съ Досадою у распросу и у поимки быти съ ними за одинъ человѣкъ. А намъ крестьяномъ татей и разбойниковъ, и душегубцевъ сыскивати и въ погоню ходити, и имати съ выборными судьями съ Ефремомъ и съ Досадою съ товарищи вмѣстѣ. А случится въ волости, въ коей сошкѣ ни буди, душегубство, и государевы поголовныя деньги правити имъ земскимъ судьямъ Ефрему и Досадѣ съ товарищи по 4 руб. по 4 алт. по 1½ деньги на душегубцѣ и отсылати тѣ государевы поголовныя деньги ко государю къ Москвѣ въ тысячу рублевъ въ прикащиковъ доходъ съ московскими посыльщики, кого изъ міру выберутъ. А случится въ Устьянской волости питье продажное, и имъ земскимъ судьямъ Ефрему и Досадѣ съ товарищи котлы и трубы вынимати и писати на государя. А кто учнетъ держать питье продажное пиво и вино, и на продавцѣ пени на государя—2 руб. денегъ, а на питухѣхъ по четверти рубля. А случится къ Москвѣ пристава послати для государева дѣла съ отписками въ государевыхъ дѣлѣхъ и въ татиныхъ, и разбойныхъ, и душегубныхъ дѣлѣхъ, и тѣ отписки отсылати къ Москвѣ мірскими деньгами. А кто учнетъ держати блядню, и на томъ пени имати на государя выборнымъ судьямъ съ товарищи по государеву указу. А указъ имъ выборнымъ судьямъ Ефрему и Досадѣ съ товарищи въ Устьян-

ской волости держати по государевымъ уставнымъ грамотамъ во всемъ и по станкомъ судить, и съ стану на станъ крестьянъ не волочить, и отъ того имъ судьямъ во всякихъ земскихъ дѣлѣхъ посуловъ и поминковъ не имати ни у кого ни отъ чего никоторыми дѣлы, судити вправду по государеву крестному цѣлованью, другу въ судѣ не дружити, а недругу не мстити. А какъ они выборные судьи Ефремъ и Досада съ товарищи государеву службу сослужатъ до Срѣтеньева дни Господня до 153 г. и которыя дѣла не вершатъ выборные судьи Ефремъ и Досада съ товарищи въ государевыхъ и земскихъ дѣлѣхъ, и въ татиныхъ, и разбойныхъ, и въ душегубныхъ дѣлѣхъ, и въ искахъ, коихъ дѣлъ будетъ въ ихъ году сидѣльцы тати или разбойники и душегубцы, и коихъ выборныхъ людей выберутъ въ службу къ государеву—дѣлу ко 154 году, и тѣмъ выборнымъ земскимъ судьямъ съ ними въ государевыхъ земскихъ дѣлѣхъ расписаться и сидѣльцевъ у нихъ выборныхъ судей у Ефрема и у Досады съ товарищи взяти, и указъ имъ чинити по государеву указу по судебнику и по государевымъ уставнымъ жаловальнымъ грамотамъ, и по статейному списку татиныхъ и разбойныхъ дѣлъ, и душегубныхъ. И дати намъ крестьяномъ выборнымъ судьямъ Ефрему и Досадѣ съ товарищи для сидѣльцевъ тюрьма и тюремныя крѣпости, и цѣловальника къ тюрьмѣ, и сторожевъ съ опасчиками, колко человѣкъ пригоже. Кои тати и разбойники, и душегубцы, и всякіе воровскіе люди до пытки доведутся, и ихъ пытать, и намъ крестьяномъ міромъ дати и мастера, кому татей и разбойниковъ, и душегубцевъ пытати. А будетъ гдѣ объявятся тати или разбойники и всякіе воровскіе лихіе люди, и сотникомъ и пятидесятникомъ, и всѣмъ крестьяномъ земскихъ судей Ефрема и Досады съ товарищи во всемъ слушать и на бой противъ воровскихъ людей разбойниковъ идти со всякимъ ратнымъ боемъ: съ копьи и съ луками, и съ пищальми; и выборныхъ земскихъ судей Ефрема и Досады съ товарищи разбойникомъ не подати и въ погоню за ворами за разбойники ходить. А будетъ въ Устьянской волости въ коей сотнѣ или въ пятидесятнѣ, или въ десятнѣ у пятидесятниковъ или у десятниковъ, или у крестьянъ объявятся тати или разбойники и всякіе воровскіе люди, имъ сотникомъ и пятидесятникомъ, и десятникомъ, и крестьяномъ тѣхъ воровъ татей и разбойниковъ, и душегубцевъ имать и приводить передъ земскихъ судей предъ Ефрема и Досаду съ товарищи къ разспросу. Да въ томъ имъ судьямъ Ефрему и Досадѣ съ товарищи Устьянскіе волости крестьяне и выборъ дали. А въ доводчики выбрали и полюбили къ нимъ судьямъ Ефрему и Досадѣ, кому у нихъ на поруки насъ крестьянъ давать и на судъ ставити, въ Шангальской сошкѣ Ѳедора Яковлева сына Векшика. Выборъ писалъ по мірскому велѣнью Устьянскіе волости Введенскаго стану выборной земской дьячекъ Ондрюша Лукинъ Васильева. Лѣта 7152 г. генв. въ 1 д.

На об. Къ сему мірскому выбору пречистенской шангальской попъ Пареоней и въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто р. п.

152 Марта въ 15 д. выборъ вклеить въ столпъ, а судейку привести ко кресту.

№ 14.

Прик. д. 1630 № 70.

Списокъ съ выбору слово въ слово. Лѣта 7136 септ. въ 29 д. Се язъ выборной земской судья Черевковскіе волости Лобанъ Гавриловъ Го.... пово да прошлой земской цѣловальникъ Замятня Харитоновъ да крестьяне Шестой Шемякинъ, Яковъ Ивановъ Поповъ, Иванъ Киселевъ, Нехорошей Меледипъ, Исай Евсеевъ Власовъ, Семой Шараповъ, Пятой Мысовой, Нехорошей Поспѣловъ, Иванъ Спиридоновъ, Руда Левонтьевъ, Панфилъ Чупровъ, Дружина Шашковъ, Евсей Наменахинъ, Гурей Мироновъ Перелазовъ, Первой Чичеринъ, Степанъ Дорофеевъ, Митрофанъ Тимоѳеевъ Рудного, Пятой Ивановъ Дудина, Стефанъ Клементьевъ, Замятня Пиликинъ и во всѣхъ мѣсто крестьянъ Черевковскіе волости излюбили есмя и выбрали тое жъ волости въ земскіе въ данные разрубные цѣловальники на нынѣшней на 136 годъ съ Семеня дни да до Семенова жъ дни до 137 году человѣка добра, душою пряма и животомъ прожиточна Томила Апаньина сына Дмитрова. И дань ему цѣловальнику государева разрубать въ трапезѣ на столѣ съ тяжелаго снимать, а на легкаго прибавливати, смотря по животомъ и по промысломъ, и верста крестьяномъ давать; а намъ крестьяномъ засадчиковъ изъ сохъ давати, съ кѣмъ ему цѣловальнику дань разрубати и розметы бере....ца (?) въ сохи давати сборщикомъ и деньги у сборщиковъ преимать, и отписи въ тѣхъ деньгахъ давати земскимъ дьячкомъ, кого міромъ дадутъ. И дань государева собравъ у сборщиковъ и судьѣ отдать, и ямскія деньги, и ружныя къ Устюгу В. отвозить и старостамъ платити, и для государевыхъ дѣлъ и мірскихъ ему цѣловальнику къ Устюгу В. ѣздити и къ бояромъ на дворы ходити, и почесто (sic) носити мірское. Или будетъ для государева дѣла или мірского къ Устюгу В. попы или мірскіе люди понадобятся, или съ цѣловальникомъ посыльщики, и ему цѣловальнику наемъ..... и давать съ мірского совѣту. Да ему жъ цѣловальнику во весь годъ быти у отпусковъ бояръ и гонцовъ, и устюжскихъ стрѣльцовъ, и приставовъ отпущать смотря по подорожнымъ, кормы и подводы давать наши мірскіе. Или когда будетъ понадобятся деньги для государева скораго дѣла и для мірского, и ему цѣловальнику деньги займовать съ мірского совѣту и кабалы давати, и росты сулити, какъ пригодитъ; а намъ крестьяномъ Черевковскіе волости его цѣловальника изъ кабалъ вынимати и изъ ростовъ. А найму ему цѣловальнику міромъ рядили во весь годъ шесть руб. денегъ, и тѣ наемныя деньги ему цѣловальнику взять и дьячку, и приставу дать изъ нашихъ мірскихъ денегъ. А какъ ему цѣловальнику годъ отойдетъ, и намъ крестьяномъ его цѣловальника изъ кабалъ изъ ростовъ, что будетъ займовано въ мірской расходъ выпять и убытка ему въ его цѣловальничествѣ намъ крестьяномъ ему цѣловальнику не учинити. А ему цѣловальнику по своимъ приходнымъ и расходнымъ книгамъ, и по отписемъ съ нами съ крестьянами счестися

вправду по государеву крестному цѣлованью и прошлыхъ цѣловальниковъ земскихъ, кого міромъ велятъ ему цѣловальнику, съ мірскими людьми въ ихъ издержкѣ считать вправду. Въ томъ ему цѣловальнику міромъ и выборъ дали. Выборъ матицу писалъ съ мірского велѣнья земской (sic) Якунка Карамзинъ. А позади у матицы у выбору пишетъ: къ сему выбору Черевковскіе волости никольской попъ Ѳедоръ и въ дѣтей своихъ духовныхъ мѣсто руку приложилъ. Къ сему выбору прошлой земской цѣловальникъ Замятня Харитоново р. п. Списокъ съ выбору слово въ слово.

№ 15.

Прик. д. 1634 № 29, л. 61—64.

Списокъ съ выбору. Се язъ Устюга В. земскіе судьи Павелъ Семеновъ Кабаковъ, Петръ Никитинъ, Баженъ Клементьевъ Шапочникъ, староста судецкой Ѳедоръ Жилинъ, да розрубные цѣловальники Степанъ Никифоровъ Копыловъ, Тимоѳей Дмитріевъ Казакъ, Фока Прокопьевъ Шапочникъ, Девятой Тарховъ, Сергѣй Гавриловъ, Третьякъ Логиновъ да устюжане посадскіе люди: Иванъ Емельяновъ Ходутинъ, Ѳедоръ Матвѣевъ Печатцынъ, Дементей Михайловъ Раидинъ, Иванъ Яковлевъ Солодовниковъ, Костентинъ Ивановъ Сусловъ, Григорей Петровъ Ремянниковъ, Ѳедоръ Демидовъ Островской, Никита Калининъ Пыховъ, *[всего 78 именъ]* и всѣ посадскіе лучшіе, середніе и молодшіе люди по государеву указу выбрали есмя на Устюгъ В. на посадъ въ земскіе судьи на 141 г. посадскихъ людей Ивана Моисеева Завалина да Григорья Юрьева сына Губина, да Якова Иванова Кожевника, да въ судецкіе старосты Богдана Ростовца. Быти имъ Ивану съ товарищи на Устюгѣ В. на посадѣ въ земскихъ судьяхъ 141 г. сентября съ 1-го числа да до 142 г. сентября до 1-го жъ числа. И будучи имъ насъ посадскихъ людей судить по кабаламъ и по челобитнымъ, и по записямъ, и по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ прямо вправду по государеву крестному цѣлованью и никому ничѣмъ не норовить, ни грубити. Да и всякая имъ судьямъ всеземская росправа чинити всякимъ мірскимъ дѣламъ. А намъ посадскимъ людемъ судей Ивана съ товарищи во всякомъ мірскомъ дѣлѣ слушати и для мірского совѣту къ нимъ судьямъ приходити и подъ судъ даватись. А будетъ мы посадскіе люди не почнемъ на совѣтъ приходити, и имъ судьямъ всякое мірское дѣло дѣлать и безъ мірскихъ людей: челобитныя и приговоры, и выборы, и обыски, и иныя какія ни есть мірскія дѣла. А намъ посадскимъ людемъ въ томъ вѣрить. А будетъ по государеву указу въ томъ году пріѣдутъ къ Устюгу какіе приказные люди и будетъ учнутъ судей просити къ какову государеву дѣлу изъ посадскихъ людей цѣловальниковъ, и имъ судьямъ Ивану съ товарищи изъ насъ изъ посадскихъ людей въ цѣловальники выбирати, а выборы давати и во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто за своими руками. Или къ которому государеву дѣлу лучится въ отъѣздъ людей выбирать, и имъ

судьямъ посылати, а выборы давати по дѣлу смотря; и приговоры, и челобитныя о мірскихъ нужахъ, и всякія мірскія дѣла писати во всѣхъ же посадскихъ людей мѣсто. А будетъ имъ судьямъ которому для земскаго дѣла лучится ѣхать къ Москвѣ, и на подмогъ имъ деньги давати міромъ. Да имъ же судьямъ Ивану съ товарищи по насъ посадскихъ людей собрати побѣлочно государевы данныя и оброчныя деньги на 141 г. противъ сотные книги и государевы грамоты безъ недобору и съ отвозомъ, а на огурникахъ правити нещадно, въ тюрьму въ деньгахъ и въ судъ садить безпенно. А кто почнетъ избѣгати, и тѣ государевы деньги правити на женахъ ихъ и на дѣтяхъ безпенно. И тѣ имъ судьямъ государевы данныя и оброчныя деньги собравъ отвезть къ Москвѣ, а къ намъ въ міръ привезть отпись полновая. Да имъ же судьямъ Ивану съ товарищи и съ розрубными цѣловальники въ приходѣ и въ расходѣ счести земскихъ судей прошлаго 140 году Павла Кабакова съ товарищи да цѣловальниковъ Степана Копылова съ товарищи вправду по государеву крестному цѣлованью. А что доведется по счету на тѣхъ судьяхъ и на цѣловальникахъ денегъ, и тѣ деньги у нихъ взять въ міръ новымъ розрубнымъ цѣловальникомъ на мірскіе расходы. А что доведется на міру ихъ судей и цѣловальниковъ также по мірскому выбору изъ кабалъ и изъ убытковъ выкупати. А смѣтя и счетная дать за руками. А сошлыхъ и умершихъ людей данныя и оброчныя деньги по насъ же поводить. А на огурныхъ людей намъ мірскимъ людемъ съ ними судьями стояти съ одного. А что имъ судьямъ въ мірскомъ дѣлѣ учинится убытка или московскіе волокиты, или что издержекъ для мірского дѣла, и то имъ писати въ книги вправду и міру отчетъ дать. А намъ тѣ убытки и издержки зачитати и убытки снимати, что ся въ семъ году и въ выходномъ (sic) убытковъ учинится. Да имъ же судьямъ выбрати къ себѣ въ недѣльщики на годъ посадскихъ людей трехъ человѣкъ и къ крестному цѣлованью привести. А что они судьи отъ судныхъ дѣлъ соберутъ грошевыя пошлины, и тѣ деньги держати къ ружнымъ мірскимъ храмомъ и на мірскія дѣла, гдѣ будетъ пригожъ. Да имъ же судьямъ Ивану съ товарищи съ розрубными цѣловальники розрубити посошнымъ людемъ въ наемъ 141 году сент. съ 1-го числа. А тѣ посошные люди напяты на четыре мѣсяца въ 140 году, и наемъ имъ данъ на тѣ на четыре мѣсяца. А ихъ судей выбрали и къ крестному цѣлованью привели, и выборъ дали. Выборъ писалъ земской судецкой дьячекъ Куземка Ивановъ Барановъ. Лѣта 7140 г. іюля 23. А позади выбору пишетъ.

Къ сему выбору судейка Павликъ р. п.
—судейка Петруша Никитинъ р. п.
—цѣловальникъ Степанко Копыловъ р. п.
—цѣловальникъ Ѳомка р. п.
—Тимошка Казакъ.
—Семейка Прокопьевъ.
—Филипко Яглинъ.
—Ортемко Оноховской.
—Митка Котельниковъ.
—Безсонко Аѳанасьевъ.
—Дружинко Аѳанасьевъ.
—Ярасимко Прокопьевъ.
—Иванко Ѳедоровъ.
—Левка Семеновъ.
—Митка р. п.
—Нестерка Яковлевъ.
—Степанко Низовцевъ.
—Ив. Игумновъ.

—Гришка р. п.
—Семейка Якимовъ.
—Якимко Спиридоновъ.
—Семейка Зиновьевъ.
—Микита Иконникъ.
—Пронка Ивановъ Черемисиновъ.
—Иванко Михайловъ.

—Васка р. п.
—Ярофейко Мальцовъ.
—Ивашко Степановъ.
—Митка Басмановъ.

№ 16.

Прик. д. 1636 № 6.

Се язъ прошлой земской судья Сухонскаго Нововышлаго стану Степанъ Даниловъ сынъ Кокшаровъ да староста судецкой Иванъ Родивоновъ, да цѣловальники розрубные Осипъ Ивановъ Рычковъ, да Пантелѣй Ситниковъ, да пятидесятской Богданъ Ивановъ сынъ Бороздинъ, да спасской попъ Григорей, да Иванъ Семеновъ сынъ Александрова *[пробѣлъ въ 1½ строки]* Василей Васильевъ сынъ Протодьяконовъ, Фока...., Филиппъ Ягодинъ, Безпута Семеновъ, Данило Горшевской, Семенъ Красногорской, Олексій Малафіевъ, да Илья Окуловъ, Василей Гармаковъ, Кирило Лазаревъ Вологжанинъ, да Степанъ Козминъ сынъ *[пробѣлъ въ 2½ строки]* да и всѣ крестьяне Сухонскаго Нововышлаго стану выбрали есмя и излюбили, и поставили въ своемъ же стану крестьянъ людей добрыхъ и животомъ прожиточныхъ въ земскіе въ розрубные цѣловальники Михайла Григорьева сына Удачина, да Фрола Алексіева Суковатицына, да въ сотскіе Василья Өедорова сына Верховинскаго, да въ пятидесятскіе *[пробѣлъ въ строку]* на нынѣшній на 142 г. сент. съ 1 числа да до 143 г. сент. до такого жъ числа. И будучи имъ цѣловальникомъ и сотскому, и пятидесятскому у насъ въ стану съ судьею Өедотомъ да съ старостою Пятымъ Митрофановымъ всякое государево царево—дѣло и мірскія дѣла дѣлать во крестное цѣлованье вправду, другу не дружить, а недругу не мстить. И государевы данные и оброчные, и всякіе государевы четвертные денежные доходы съ насъ крестьянъ сбирать и государю въ казну къ Москвѣ отвезти. А намъ крестьяномъ деньги судьѣ Өедоту съ товарищи давать, и судьѣ съ товарищи отписи давать міру въ тѣхъ деньгахъ. И цѣловальникомъ Михайлу да Фролу и сотскому, и пятидесятскому въ суду съ судьею Өедотомъ съ товарищи сидѣть и суды судить во всякомъ мірскомъ крестьянскомъ дѣлѣ вправду безо всякіе хитрости, на дворы боярскіе цѣловальникомъ съ судьею Өедотомъ съ товарищи съ праздничнымъ ходить съ мірского совѣту, а нашими мірскими сборными деньгами. А буде имъ цѣловальникомъ въ нашемъ мірскомъ дѣлѣ учинятся убытки, и намъ крестьяномъ съ нихъ убытки снимать по сему нашему выбору мірскому. А буде они цѣловальники которой почнетъ брать государевы данныя и оброчныя деньги, и имъ цѣловальникомъ въ томъ что учинится убытка, и мнѣ судьѣ съ товарищи и всему міру убытки снимать, и въ томъ не подать. А буде

ему цѣловальнику учинятся убытки въ томъ сборѣ того году или того году не выберетъ и въ иномъ году послѣ того учинятся убытки въ собичныхъ дѣлахъ, и того имъ убытка на міру не спрашивать. Въ томъ и выборъ дали и къ крестному цѣлованью привели. Выборъ писалъ того жъ стану дьячекъ Мишка Поповъ. Лѣта 7142 г. сент. въ 1 д.

Къ сему выбору спасской попъ Григорій р. п.
—дмитріевской попъ Аѳанасей р. п.
—чернецъ Никандръ р. п.
—варварской попъ Евдокимъ р. п.
—попъ Артамонъ р. п.

№ 17.

Прик. д. 1636 № 6.

Се язъ прошлой земской судья Сухонскаго Нововышлаго стану Ѳедотъ Ивановъ сынъ Корякинъ да староста судецкой Пятой Митрофановъ, да цѣловальники розрубные Михайло Григорьевъ сынъ Удачинъ, да Фролъ Алексѣевъ сынъ Суковатицынъ, да сотской Василей Ѳедоровъ сынъ, да того жъ стану крестьяне и посадскіе, и сошественской и рожественской попъ Иванъ Макаровъ сынъ, да варварской попъ Евдокимъ, да дмитріевской попъ Аѳанасей, да ероговской (sic) попъ Артемонъ *[пробѣлъ въ 3½ строки]* да крестьяне Василей Семеновъ Германовъ, да Иванъ Родіоновъ *[и еще 13 именъ, затѣмъ пробѣлъ въ 4½ стр.]* и во всѣхъ крестьянъ мѣсто того жъ стану выбрали есмя и излюбили, и поставили въ своемъ же стану людей добрыхъ и животомъ прожиточныхъ, душою прямыхъ Микиту Арефьева сына Осиповскаго въ земскіе судьи, да въ старосты судецкіе Кирилла Лазарева сына Биричевскаго на нынѣшной на 143 г. сент. съ 1 числа до 144 г. до такого жъ числа до Семена жъ дни Лѣтопроводца по тожъ число. И будучи имъ у насъ въ стану всякое государево дѣло дѣлать и мірское по государеву цареву—крестному цѣлованью вправду, другу не дружить, а недругу не мстить, дань и оброкъ съ насъ крестьянъ собирать и къ Москвѣ ко государю въ казну отвезть. И намъ крестьяномъ деньги судьѣ давати на всякіе государевы четвертные и денежные доходы и на отвозъ, и суды судить и во всякомъ мірскомъ дѣлѣ вправду, и прошлыхъ старостъ и цѣловальниковъ, и поборщиковъ, и судей считать, кто былъ въ сборѣ деньги сбирали, и начетчи тѣ начетныя дѣла править безпенно по сему нашему выбору. Къ бояромъ ему судьѣ и старостѣ на дворы ходить о всякомъ мірскомъ дѣлѣ и праздничныя почести носить мірскими деньгами съ мірского жъ совѣту, какъ міромъ приговорятъ. И кто изъ насъ крестьянинъ или посадской человѣкъ, кто именемъ ни будь, на немъ судьѣ Микитѣ или на старостѣ Кирилѣ съ товарищи почнутъ какого дѣла отыскивать мірского счетнаго или суднаго, или правежнаго, о томъ намъ міромъ сыскивать вправду; и буде на нихъ мірского дѣла отыскиваютъ, и тѣ намъ крестьяномъ убытки съ судьи Микиты и старосты снимать

всѣмъ міромъ, въ томъ судьѣ Микитѣ и старостѣ Кирилу убытковъ не привести никотораго, кромѣ своего дѣла. А въ кабалы судьѣ и старостѣ безъ мірского вѣдома денегъ не заимывать на мірское дѣло. А будетъ гдѣ денегъ съ совѣту займутъ на мірское дѣло, и тѣхъ имъ кабалъ безъ мірского совѣту не выкупать, и ростовъ на нихъ безъ міру не подписывать. А съ кѣмъ будетъ лучится мірское дѣло, и ему судьѣ и старостѣ съ товарищи также не розрубать и по бѣлкамъ не поводить. А намъ міру къ судьѣ на всякіе совѣты ходить и совѣтовать о всякомъ мірскомъ дѣлѣ, и деньги судьѣ на всякое мірское дѣло розрубать, и деньги давать, а безъ денегъ не держать, и во всякомъ мірскомъ дѣлѣ судьи и старосты намъ міромъ не подать кромѣ ихъ своего дѣла. А выбравъ ихъ и ко кресту привести. Выборъ писалъ......

Къ сему выбору дмитріевской попъ Аѳанасей вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п.

—рожественской попъ Иванъ.....

—варварской попъ Евдокимъ....

№ 18.

Прик. д. 1641 № 30.

Лѣта 7151 г. генв. въ 19 д. По государеву—указу Устьянскихъ волостей Пежемскаго стану сотской Никонъ Васильевъ Тупицыныхъ на Ростовскомъ погостѣ въ трапезѣ въ міру привелъ къ честному и животворящему ко кресту Господню выборнаго и земскаго судью Пежемскаго стану Ѳедора Степанова сына Поскотиннаго да судейскаго цѣловальника Ѳедора Аѳанасьева въ томъ, что имъ судити по государеву—крестному цѣлованью вправду, другу не дружити, а недругу не мстити. На томъ и крестъ цѣловали. Приводъ записалъ земской дьячекъ Акинка Григорьевъ.

№ 19.

Прик. д. 1641 № 30.

Лѣта 7150 г. генв. въ 11 д. по государеву—указу Пежемскіе волости сотской Никонъ Васильевъ Тупицыныхъ у Флора Св. въ трапезѣ привелъ къ честному и къ животворящему ко кресту Господню выборнаго и земскаго судью Пежемскаго стану Петра Прокопьева Третьякова да судейскаго цѣловальника Конана Иванова Павлова въ томъ, что имъ судьѣ и цѣловальнику судити въ Пежемскомъ стану крестьянъ по государеву цареву—крестному цѣлованью вправду, другу не дружить, а недругу не мстить и посуловъ, и поминковъ ни у кого ничего не имати. А у приводу у крестнаго цѣлованья были люди добрые: староста флоровской церковной Парѳеній Антипинъ, да Иванъ Аникіевъ сынъ Поповъ, да Исакъ Аѳа-

насьевъ сынъ Кулаковъ, Селиванъ Яковлевъ Селивановъ, Тимоѳей Мелентіевъ Некрасовъ, Иванъ Анисимовъ Кулакова, Гнѣванъ Яковлевъ Башкарлипъ, Мелентей Ивановъ Макаровъ, Иванъ Ивановъ Глотовъ, Ѳедосей Аѳанасьевъ Снежуровъ, Жданъ Антипинъ сынъ. Приводъ записалъ Пежемскіе волости флоровской церковной и земской дьячекъ Акинка Григорьевъ.

Цѣловальникъ Коньша Ивановъ крестъ цѣловалъ и р. п.

У приводу былъ Ивашко Аникѣевъ р. п.

№ 20.

Прик. д. 1641 № 30.

Лѣта 7150 г. генв. въ 29 д. По государеву указу и по уставной грамотѣ, и по мірскому выбору Ростовскіе волости земской выборной судья Василей Яковлевъ да земской цѣловальникъ Вахрамій Мининъ цѣлуемъ сесь животворящей крестъ государю царю на томъ: будучи мнѣ судейкѣ въ Ростовской волости крестьянъ судомъ судити, а мнѣ цѣловальнику въ суду сѣдити и межъ крестьянъ росправа чинити, другу не дружити и недругу не мстити, посуловъ и поминковъ ни у кого ни отъ чего не имати. На томъ крестъ цѣлуемъ. У приводу были вдовой попъ Савастьянъ Романовъ, Левонтей Максимовъ, Оникій Семеновъ, Якимъ Викуловъ, Ѳефилъ Ярафеевъ, Яковъ Захарьевъ, Юрьи Романовъ. Приводъ писалъ земской дьячекъ Васка Захарьевъ.

У приводу вдовой попъ Савостьянище былъ и руку приложилъ.

№ 21.

Прик. д. 1641 № 30.

Лѣта 7151 г. февр. въ 2 д. Устьянскіе волости Введенскаго стану выборной земской судья Якимъ Карповъ цѣлую крестъ Господень животворящей государю царю—на томъ, что будучи въ Устьянской волости крестьянъ судить и управа межъ ихъ крестьянъ чинить по государеву указу и по судебнику, и по государевымъ уставнымъ жалованнымъ грамотамъ, и по мірскому выбору. А въ суду другу не дружить, а недругу не мстить и отъ того посуловъ и поминковъ не имать ни у кого ничего никоторыми дѣлы. А судить вправду по государеву крестному цѣлованью. А отъ кого какое слово слыша про государя—и мнѣ о томъ ему государю извѣщати и добра хотѣти, и прямити ему государю во всемъ. На томъ ему государю—Крестъ Господень животворящей и цѣлую. А у приводу были люди добрые: староста церковной Пречистенскаго приходу Шангальскаго Иванъ Никифоровъ Рогозинъ да прошлые земскіе цѣловальники Евдокимъ Левонтіевъ Филимоновъ, да Гость Прокопьевъ Темиревъ, да прошлой сотской Силуянъ Игнатьевъ Павлова, да крестьяне Поликарпъ Агаѳони-

ковъ Поповъ, да Рыкованъ Ивановъ Ивакинъ, да Гарасимъ Захарьевъ Шаляпинъ, да Мелентій Прокопіевъ Борзовъ, да Яковъ Сергіевъ Зыковъ, да Харитонъ Даниловъ Гусевъ, да Веденей Ивановъ Молчанова, да Первой Өедоровъ Мурзинской, да Парамонъ Рыковановъ Давыдова, Иванъ Костянтиновъ, Иванъ Григорьевъ Молчанова, Иванъ Вахраміевъ, Тимоөей Кондратьевъ Трапезникъ. Подкрестной писалъ по мірскому велѣнью Устьянскіе волости Введенскаго стану прошлой выборной земской дьячекъ Селиверстко Кокоринъ.

№ 22.

Наказная память земскому судейкѣ.

Прик. д. 1643 № 37, л. 4—5.

Лѣта 7151 іюня въ 20 д. по государеву цареву—указу память Устьянскихъ волостей Ростовскіе волости крестьянину Лучкѣ Выжилову. Пріѣхавъ ему съ Москвы въ Устьянскія волости въ Ростовскую волость, быть въ той волости по выбору тое волости крестьянъ въ земскихъ судейкахъ февраля по 2 число 152 году. И будучи ему Лучкѣ въ земскихъ судейкахъ въ той волости сбирать государевы царевы—данные и оброчные, и всякіе четвертные денежные доходы по окладу и стрѣлецкія недоборныя деньги по государеву указу всѣ сполна безъ недобору. А собравъ, прислать къ государю—къ Москвѣ въ Устюжскую четверть. Да ему жъ будучи въ той волости судити тое волости крестьянъ и управа межъ ими чинити вправду по государеву—крестному цѣлованью, на чемъ онъ государю крестъ цѣловалъ. И по государевѣ—и отца его государева блаженные памяти великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Русіи жаловальной грамотѣ, какова имъ дана жаловальная грамота во 131 г. за приписью дьяка Петра Микулина и по судебнику, другу не дружить, а недругу не мстить и отъ того себѣ посуловъ и поминковъ не имать ни у кого никоторыми дѣлы. Да ему жъ вѣдати по государевѣ жаловальной грамотѣ татиныя и разбойныя дѣла. И дѣлати потомужъ вправду безъ понаровки и обо всемъ о томъ писать къ государю—къ Москвѣ. А которыя будетъ спорныя дѣла, а вершить ихъ ему Лучкѣ зачѣмъ немочно, и тѣ ему дѣла къ вершенью и обоихъ истцовъ потомужъ присылати къ государю—къ Москвѣ въ Устюжскую четверть къ дьяку къ Дмитрію Карпову. Да ему жъ Лучкѣ въ той Ростовской волости продажнаго и корчемнаго питья держать не велѣть; а у кого продажное и корчемное питье вынимуть, и на тѣхъ людехъ и пеня по государеву указу имать, какъ у нихъ въ волостяхъ повелося. А будетъ онъ Лучка учнетъ судить Ростовскіе волости крестьянъ не по государеву указу и не по правдѣ и тѣ татиныя дѣла не станетъ судить, или продажнаго питья и корчемнаго не станетъ вынимать, и отъ того станетъ имать посулы и поминки, и ему Лучкѣ за то быти отъ государя царя—въ жестокомъ наказаньѣ.

ЛИТОГР. РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА МОСКВА.